

civitas terrena

центр фундаментальной
социологии

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ

Том I

civitas terrena

*центр фундаментальной
социологии*

**WERNER
SOMBART**

Werke
in 3 Bänden

Band I

DER BOURGEOIS:
zur Geistesgeschichte
der modernen
Wirtschafts-
menschen

**ВЕРНЕР
ЗОМБАРТ**

Собрание сочинений
в 3 томах

Том I

***БУРЖУА:
к истории духовного
развития современного
экономического
человека***

Перевод с немецкого

Санкт-Петербург
«ВЛАДИМИР ДАЛЬ»

2005

УДК 316.6
ББК 60.55
З 82

Редакционная коллегия
серии «Civitas Terrena»

*Баньковская С. П., Камнев В. М., Мельников А. П.,
Филиппов А. Ф. (председатель)*

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

- © Издательство «Владимир Даль»,
серия «Civitas Terrena» (разра-
ботка, оформление), 2005 (год
основания), 2005
- © Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов, со-
ставление, 1994
- © В. В. Сапов, примечания, указа-
тель имен, 1994
- © А. М. Руткевич, предисловие,
2005
- © А. П. Мельников, оформление,
2005
- © П. Палей, дизайн, 2005

ISBN 5-93615-044-5
ISBN 5-93615-050-X

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ — ИСТОРИК КАПИТАЛИЗМА

Вернер Зомбарт почти забыт немецким научным сообществом, которое редко вспоминает о том, что он, наряду с М. Вебером, Г. Зиммелем и Ф. Тённисом, является одним из основоположников социологии, что в 1920-е гг. он считался ведущим немецким экономистом, а его поздняя работа «Человек» относится к классическим произведениям философской антропологии. Отчасти это забвение связано с тем, что науки развиваются, концепции устаревают — кто читает сегодня позавчерашних «властителей дум», кто станет через пару десятилетий читать нынешних? Широкую известность Зомбарту принесли две работы: «Социализм и общественное движение в XIX веке» (1896) и «Современный капитализм» (1902); считается даже, что именно благодаря Зомбарту термин «капитализм» получил распространение в научном сообществе, т. е. за пределами пропагандистской литературы II Интернационала. Однако с тех пор и о социализме, и о капитализме написаны целые библиотеки. В области философии Зомбарт был явным дилетантом (в сравнении с такими представителями философской антропологии, как А. Гелен или Х. Плеснер), предложенный им вариант «понимающей социологии» сегодня никто не поставит вровень с трудами Вебера или Зиммеля. Наконец, экономическая наука говорит ныне на совсем другом языке, чем в начале XX века.

Однако забвение трудов Зомбарта в Германии связано и с тем, что о нем не слишком хотят вспоминать, не говоря уж о том, чтоб чтить его как «классика». Репутация немецкого националиста, враждебного прежде всего англосаксам, была достаточной причиной для того, чтобы «перевоспитан-

ные» американцами немецкие социологи и экономисты либо не упоминали о нем вообще, либо писали небылицы о «сотрудничестве с нацистами». Если открыть сайт Encyclopedia Britannica, то о Зомбарте можно прочесть следующее: «немецкий историк-экономист, включивший марксистские принципы и нацистские теории в свои писания о капитализме» (German historical economist who incorporated Marxist principles and Nazi theories in his writings on capitalism). Для марксистов Зомбарт был и остается «предателем», либералы всегда считали его противником, поскольку начинал он с синтеза «исторической школы» с марксизмом, а затем стал не просто националистом (таковых хватало и среди либералов), но автором «Немецкого социализма». Так как эта книга вышла в 1934 г., то ее очень легко было истолковать как «нацистскую», что и делает подавляющее большинство авторов учебников по истории экономики и социологии (чаще всего саму книгу не читавшие).

Так как в предлагаемое читателю издание входят работы Зомбарта, написанные в 1910-е гг., то я затрону только одну сторону его творчества, а именно его трактовку возникновения капитализма. В кратком предисловии у меня нет возможности хоть сколько-нибудь полно охарактеризовать контекст. Ограничусь указанием на то, что на ту же тему тогда писали такие мыслители как М. Вебер, Ф. Тённис, Г. Зиммель, Э. Трельч, М. Шелер — они спорили друг с другом, с предшественниками (прежде всего с Марксом). Вопросы были поставлены самим обществом, переживавшим чрезвычайно быстрый слом институтов ancien regime, на месте которых возникали невиданные ранее в истории социальные структуры индустриального общества. Социология как наука появилась именно потому, что общество стало более сложным, непрозрачным, развивающимся по непонятным законам и в неведомом направлении. К середине XIX в. Германия была раздробленной на десятки мелких княжеств сельской страной с небольшими городами и замками феодалов; к началу XX столетия это было государство с мощной промышленностью, преобладанием городского населения, всеобщей грамотностью; она сделалась единой империей, ведущей борьбу за передел мира («за место под солнцем»,

как заявил германский канцлер) с другими империями той эпохи.

У этой охватившей весь мир, словами К. Полани, «великой трансформации» имелись предпосылки в европейской истории — ведь только в Европе развитие общества пошло по этому пути, тогда как существовавшие тысячелетиями цивилизации Востока так и не перешли к индустриальному обществу. Именно выявление этих предпосылок составляет содержание тех работ Зомбарта, которые доньше не устарели — «Буржуа», «Роскошь и капитализм», «Война и капитализм», «Евреи и хозяйственная жизнь». Зомбарт остается одним из лучших историков становления капиталистической экономики, но как истинного историка его интересовали не только структуры и институты, но прежде всего люди, представители того «третьего сословия», которые неожиданно для самих себя «стали всем».

Как люди становятся буржуа, Зомбарт знал по истории собственной семьи. Согласно существовавшей в ней устной истории (или легенде) Зомбарты были выходцами из французских гугенотов, бежавших в Германию в конце XVII в. Отец, Антон Людвиг Зомбарт, был продолжателем славных дел кальвинистской «внутримирской аскезы» или, иначе говоря, стяжательства во имя спасения. Типичный для эпохи грюндерства *self made man*, он сделался из землемера крупным землевладельцем и промышленником — своим четырём детям он оставил в наследство более миллиона марок. Антон Людвиг был известен как либерал, сторонник социальных реформ, был депутатом Рейхстага (1867–1878), но затем отказался участвовать в выборах, поскольку его партия постепенно отошла от заветов либерализма и вступила в союз с прусским юнкерством. Впрочем, совсем от политики он не отошел, оставаясь до 1893 г. депутатом прусского ландтага. Вернер был младшим из детей, он родился 19 января 1863 г. в Эрмслебене. Отношения его с отцом были сложные, с братьями и с сестрой он тоже почти не общался (братья были 1842 и 1843 гг. рождения, т. е. на 20 лет старше, сестра была старше на 13 лет). Что такое кальвинистская добродетель, он испытал лично: отец, по свидетельству современников, был человеком невообразимой скупости, постоянно по-

вторявшим: «Богатым человек становится не тем, что он зарабатывает, а тем, что он не тратит». Неделями он не обменивался с сыном ни единым добрым словом, полагая, что суровое воспитание укрепляет характер и учит жизни.

Судя по всему, Вернера эта атмосфера просто подавляла, что сказывалось даже на учебе. Несмотря на раннюю любовь к чтению, он посредственно учился, пока жил в семье, но после перехода в другую гимназию и начала жизни в пансионе без родительской опеки он стал прекрасно учиться. Сегодня мы нередко слышим восторженные суждения по поводу гимназического курса, хотя и немецкая, и российская гимназия второй половины XIX столетия давала одностороннее и весьма неполное образование — древние языки, немецкая история и литература занимали основное место в программе, естественным наукам и математике почти не учили. В Германии сегодня чаще слышны критические высказывания «левых», донныне ведущих войну с гимназиями (сохранившимися ныне разве что в «реакционной» Баварии), а потому утверждающих, что в прусских гимназиях XIX в. учили прежде всего религии и патриотизму. Это столь же неверно, как и ностальгические восхваления того «гуманистического» образования, которое получало к тому же 1–1.5 процента населения. Учили действительно неплохо и не забывали головы идеологическими штампами. Зомбарт за пару лет до окончания гимназии был атеистом и космополитом, то же самое можно сказать о многих старших и младших его современниках (скажем, Ф. Ницше или Э. Юнгер). Знание древнегреческой философии, римской истории, немецкой классической литературы были бесполезным приобретением для того, кто стал заниматься историей XVI–XIX вв.

После окончания гимназии возникли проблемы с легкими, а потому Вернер провел некоторое время в Швейцарии, а затем начал учиться в университете в Италии (Пиза). В Швейцарии он встретился со своей будущей женой (из немецкой семьи, жившей в Италии). В Италии у него возник конфликт с другими немецкими студентами из-за отказа участвовать в ритуальных попойках и дуэлях. На обвинение в трусости он ответил предложением стреляться, а не отделываться ударами рапир, оставляющих красивые шрамы на

щеках; требования «кодекса чести» были тем самым соблюдены. В 1882–1885 гг. он учился в Пизе, Берлине и Риме, изучая наряду с экономикой право, историю и философию. Учителями в области экономики были виднейшие представители «исторической школы» Г. Шмоллер и А. Вагнер. В 1888 г. Зомбарт защитил диссертацию о хозяйстве римской Кампании под руководством Шмоллера. Часть текста диссертации стала первой книгой Зомбарта, которая привлекла к себе внимание специалистов.

Получив степень доктора, Зомбарт проработал пару лет в Бременской торговой палате, затем начал преподавать в Бреслау. Уже имевшаяся репутация «красного» воспрепятствовала ему в получении поста в более престижных университетах Фрайбурга, Гейдельберга и Карлсруэ. В 1896 г. вышла первая крупная работа Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX столетии» — по этой книге с марксизмом стала знакомиться образованная публика за пределами социал-демократической партии. Хотя в эту партию Зомбарт никогда не вступал, в те годы он печатался в социал-демократических изданиях и считался почти «своим». Известна оценка Энгельса, назвавшего Зомбарта единственным немецким профессором, сумевшим понять «Капитал»; в канон марксистских штудий вошло письмо Энгельса Зомбарту от 11.03.1895. В 1902 г. публикуется первое издание трехтомного труда «Современный капитализм», который принес Зомбарту широкую известность уже в академическом мире. В 1906 г. Зомбарт перебирается в Берлин, он преподает в Высшей школе торговли (в Берлинском университете ему чтение лекций воспрещено как «социалисту»). В это же время он вместе с М. Вебером начинает издавать первый немецкий социологический журнал «Архив социальной науки и социальной политики». В дальнейшем он принимал большое участие в институционализации социологии как науки, долгое время был президентом немецкого социологического общества. Близким другом Зомбарта был Ф. Тённис, он поддерживал неплохие отношения и с М. Вебером, хотя и в области теории, и в политике они были, скорее, оппонентами.

Вряд ли есть нужда в том, чтобы подробно рассказывать о личной жизни Зомбарта — о сложных отношениях с колле-

гами-экономистами, о славе Дон Жуана или о втором браке, о трудной жизни во времена Веймарской республики и в нацистском рейхе. Интересующимся этими деталями можно посоветовать прочесть книгу его сына Николауса Зомбарта, биографическое исследование Ф. Ленгера¹. Из свидетельств, касающихся личности Зомбарта, я бы обратил внимание только на то, что характеризует его мирозерцание на то время, когда он писал свои труды о становлении капитализма. Одна из слушательниц лекций Зомбарта, социалистка по убеждениям, написала роман, в котором персонаж — модный берлинский профессор, за которым с легкостью угадывается Зомбарт, произносит речи, которые выдают скорее нищепанца, чем социалиста. Буржуа интересен ему как наделенный особым рода витальностью тип человека; он перевернул весь прежний мир, но ныне он сделался либо рантье, либо бюрократом в тресте. Рабочее движение привлекает такого нищепанца только потому, что в типе рабочего видна «свежая кровь», тогда как буржуазный мир стал невыносимо пошл и скучен. Но творили капитализм не скопидомы, а куда более интересные человеческие типы. Именно их мы обнаруживаем на страницах книг Зомбарта.

Строго говоря, марксистом Зомбарт никогда не был, но вплоть до Первой мировой войны он считался таковым и, скорее всего, сам себя зачислял в марксисты. Стоит заметить, что второе издание «Современного капитализма» (1916) существенно отличается от первого: хозяйственные и социальные отношения выступают как порождения определенного «духа», понимаемого, конечно, не в духе Гегеля, но исторической школы. Капитализм возникает вместе со сменой ментальности, основных установок людей, которые перестают следовать заданным традицией образцам, порывают с общинами (гильдиями, цехами), действуют на свой страх и риск, стремясь к индивидуальному обогащению. Новая ментальность одновременно заявляет о себе в бухгалтерских книгах, в интересе к математике и экспериментальному естествознанию, в архитектуре и в живописи. Протестантизм был лишь

¹ *Friedrich Lenger. Werner Sombart 1863–1941. Eine Biographie.* C. H. Beck Vlg: München, 1994.

одним из проявлений нового душевного уклада. Зомбарт вел полемику со своим другом М. Вебером не потому, что не признавал роли протестантской этики, но считал последнюю лишь одной из действующих сил в преобразовании Европы, которое длилось на протяжении трех столетий. Рядом с исповедующим кальвинизм лавочником или ремесленником оказываются такие фигуры, как захватывающие испанские галеоны английские пираты на службе Ее Величества, владельцы мануфактур, выпускающих порох и мушкеты для армий или кружева и батист для придворных дам, еврей-ростовщики и пытающиеся получить золото из свинца алхимики. Капитализм создавали грабители, откупщики, авантюристы и прочие маргиналы распадавшейся средневековой системы — благочестивые трудоголики из протестантов были лишь одной из таких групп, пусть и самой многочисленной. История капитализма в России отчасти подтверждает эти тезисы Зомбарта: Строгановы и Демидовы мало чем напоминают святош, а духовные искания старообрядцев никак не связаны с лютеровским переводом Библии, в котором *Beruf* стало обозначать спасительную внутримирскую аскезу. Мануфактуры они стали создавать, поскольку были вытеснены на обочину и должны были выживать в условиях преследований.

Классическая политэкономия провозгласила «естественным» поведение «разумного эгоиста», рационально подбирающего средства для достижения своих целей. Номо оесопотісис в экономических теориях XIX века (да и в сочинениях сегодняшних неоклассиков) стремится к выгоде, а тем самым способствует общему благу, поскольку из эгоистических устремлений частных лиц «невидимая рука» рынка создает прекрасную гармонию, именуемую равновесием спроса и предложения¹. Зомбарт был наследником исторической школы, которая изначально не принимала эти тезисы. Если уж говорить о «естественном» человеке, то он принадлежит предшествующим капитализму формам сосу-

¹ Представления о поведении человека капиталистического общества как «естественном» развивались на протяжении нескольких столетий, но все же они являются сравнительно недавними. См.: Л. Дюмон. Номо Аequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М., 2000.

ществования. Зомбарт был близок Тённису в оценке перехода от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, но он не идеализировал докапиталистические общества и высоко ценил ту силу, которая за пару веков перевернула весь мир. Прежние общества следовали вековым образцам, капиталистический мир живет конкурентной борьбой, ему присуще «творческое разрушение» — эту мысль Зомбарта разовьет в дальнейшем Й. Шумпетер, который назвал эту созидательную и разрушающую силу «инновацией». Но для того, чтобы эта сила явилась в мир, она должна была переделать прежнего человека. «Чтобы капитализм мог получить развитие, естественному, следующему влечениям человеку нужно было сначала переломать все кости; он должен был поставить на место первозданной, изначальной жизни особым образом устроенный рациональный душевный механизм, он должен был постепенно перевернуть все жизненные ценности. *Homo capitalisticus* представляет собой искусственное и искусное образование, являющееся следствием такого переворота»¹. Именно поэтому начинали «капиталистическую революцию» маргиналы, не находящие себе места в прежних иерархиях, оставшиеся на краю социальной жизни: как религиозные меньшинства, так и всякого рода хищники в человеческом обличии — работоторговцы, пираты, владельцы плантаций в Вест-Индии и им подобные. Зомбарт их никак не идеализирует: нувориши всегда вульгарны, а потому в появляющейся культуре Нового времени были не только гениальные полотна и книги ученых, но и много всякого рода грязи. Переворот в мире ценностей привел к тому, что гордыня и алчность стали не грехами, а достоинствами². Но

¹ W. Sombart. *Die Juden und das Wirtschaftsleben*. München und Leipzig: Duncker&Humblot. 1913, S. 281.

² «Капиталистическая система ценностей, по сути, превратила пять из семи смертных грехов христианства — гордыню, зависть, скупость, алчность и похоть — в положительные общественные добродетели, видя в них неприменные побуждения ко всякого рода хозяйственной деятельности; а главные добродетели, начиная с любви и смирения, были отвергнуты как „вредящие делу“ — не считая тех случаев, когда они делали рабочий класс более послушным и покорным хладнокровной эксплуатации» Л. Мамфорд. *Миф машины*. М., 2001. С. 361–362.

как и все представители «исторической школы», унаследовавшей от романтической историографии эстетический взгляд на историю, Зомбарт описывает многокрасочную картину становления нового общества. В капитализме он обнаруживает огромную жизненную силу, и так ли важно то, что у истоков ее стояли не слишком симпатичные нам маргиналы и преступники?

К такого рода маргиналам относились загнанные в гетто евреи. Зомбарт не соглашается с Марксом, видевшем в торгашестве светскую религию еврейства, он подчеркивает три черты национальной психологии евреев, которые сыграли свою роль в рождении «капиталистического человека», а именно «преобладание воли, эгоизм и абстрактный склад их ума». Книгу о роли евреев в сотворении капитализма хвалили сионисты, ее бранили как «антисемитскую» одни и как «филосемитскую» другие. Но мало кто из аплодировавших или освистывавших обращал внимание на то, что для Зомбарта речь вообще не шла о том, что «евреи создали капитализм». Это явно противоречило бы фактам — капиталистические предприятия в Германии лишь в малой части принадлежали евреям. Крупные, Тиссенсы и Стигнесы были немцами. Для Зомбарта речь шла лишь об одной из тех групп, которые готовили машину капитализма к старту. Имелись и другие группы, из которых наибольший интерес для Зомбарта представляли владельцы мануфактур, которые обогащались за счет рождавшихся абсолютных монархий. Армиям были нужны пушки, порох, мушкеты, шинели — в работе «Война и капитализм» Зомбарт дает картину целых отраслей промышленности, возникавших за пределами цеховых ограничений. Другая его работа, «Роскошь и капитализм», начинается с провокационного заявления: «капитализм создала европейская самка (Weibchen)», с ее любовью к нарядам и к сладенькому, она способствовала тому, что рядом с военным производством появляются мануфактуры, выпускающие кружева, сахар, шоколад и т. п. товары, потребляемые сначала почти исключительно придворными дамами, но затем распространяющиеся среди провинциальных барышень, а потом и среди жен и дочерей буржуа.

Зомбарта не раз обвиняли в «психологизме», в том, что вместо «чисто экономического» анализа он отыскивает мотивы, не имеющие никакого отношения к *ratio* предпринимателей, недостаточное внимание уделяет изменениям технологии. Отчасти это верно, этим объясняются и некоторые явные просчеты Зомбарта, в частности его пессимистическое видение ближайшего будущего капитализма, которое он связывал с замедлением инноваций в области техники. Но его можно считать и одним из тех авторов, которые подготавливали современный институционализм, для которого сами технические изобретения и инновации являются следствиями стимулов, приходящих не от экономики как таковой, но от многообразных социальных подсистем. Без юридической системы контроля за выполнением контрактов, без защиты прав собственности технические новшества не внедряются; без системы образования, без заботы о культуре и искусстве чахнет и инженерная мысль. Нам все это хорошо знакомо на практике последних десятилетий: никакая «невидимая рука» не работает, пока нет тех людей, которые хотят и умеют действовать как рациональные производители, пока проще заниматься захватом и переделом, никто не пользуется знаниями, почерпнутыми из самых лучших учебников. Социологи написали множество интереснейших исследований о тех институтах азиатских «драконов», которые способствовали десятилетиям быстрого роста, включая и исследования, опровергающие взгляды М. Вебера на конфуцианство и буддизм. Социальная реальность не делится по факультетам, а потому серьезным экономистом сегодня можно считать лишь того, кто знаком с социологией и психологией.

К психологии Зомбарт обращается и при рассмотрении следующего этапа, когда ментальность *homo capitalisticus* распространяется от маргиналов к более широким слоям. Люди разных стран и культур не в одинаковой степени одарены теми свойствами, которые потребовались новой системе отношений. В этой связи он писал о «специфическом таланте немцев к капитализму»: «Романские народы создали капитализм, германцы же заимствовали его от них и развили его в более высокие формы, значительно

обогнав при этом своих учителей». Зомбарт связывает это не столько с физической силой, работоспособностью, выдержкой, сколько с такими чертами психологии, которые сложились под влиянием религиозной этики. «Ничто не поражает так южанина, путешествующего по областям скандинавской и в особенности немецкой культуры, как это терпеливое исполнение своих обязанностей во всех слоях населения, это само собой разумеющееся отрабатывание положенного урока, эта дельность во всем, эта скрупулезная добросовестность, которую ничем нельзя отвлечь от цели»¹. Капитализму способствует талант специализации, «способность быть *дробным человеком*» — при содействии выдержки и дисциплины это дает «виртуозных частичных людей», примером которых являются методичные немецкие ученые и техники, инженеры и рабочие, занимающие свое место в системе разделения труда и функционирующие в этой системе подобно маленькому колесу в механизме.

Но именно то, что капитализм развивается в сторону механизации, все большего разделения труда, порождающего «частичных людей», было для Зомбарта знаком того, что «поздний капитализм» обречен и сменится иной социальной системой. К марксистской утопии он относился с сомнением еще в ту пору, когда считался сторонником социал-демократии. Когда II Интернационал рухнул в окопы мировой войны, Зомбарт, как и большинство социал-демократов, стал поддерживать свою страну и армию. Но он пошел много дальше, сделавшись пламенным националистом. Его книга «Торгаши и герои» (1915) принадлежит к той публицистике времен первой мировой войны, которая надолго испортила отношения между учеными мужами воевавших стран. Оскорбительных глупостей было наговорено много, достаточно вспомнить, что писали в то время русские философы (скажем, «От Канта к Круппу» В. Эрн). Французы и англичане писали о борьбе западноевропейской цивилизации с немецким «милитаризмом» и «варварством», немцы писали о

¹ В. Зомбарт. Народное хозяйство в Германии в XIX и в начале XX века. М., 1924. С. 62.

борьбе с «азиатчиной» и «русским деспотизмом». Во всей этой публицистике интерес сегодня представляют только труды той группы немецких авторов, которые стали писать об «идеях 1914 года», противопоставленных «идеям 1789 года». Помимо воинственной патриотической риторики, тексты таких правых социал-демократов (Кунов, Ленш, Винниг), содержали концепцию государственного социализма, в которой образцом социально-экономического устройства была провозглашена плановая милитаризованная экономика Германии.

Наибольший интерес представляла книга И. Пленге «1789 и 1914. Символические годы в истории политического духа». Центральной мыслью Пленге было то, что война привела к истинной революции, причем революции социалистической. «Социализм есть организация», он предполагает плановое хозяйство и дисциплину, он кладет конец эпохе индивидуализма. Нация стала единым организмом, и это ведет к пересмотру представлений о свободах и правах. За лозунгами «Свобода — в организации! Равенство — в организации! Братство — в организации!» стояла политическая теория, восходящая к «закрытому государству» Фихте и интерпретация марксизма в духе правого гегельянства. Государство как дифференцированная тотальность, плановая экономика, требующая уничтожения идей либеральной эпохи — вот центральные положения этой теории.

Для Зомбарта эта оппозиция государственного социализма и либерального капитализма олицетворяется борьбой между Англией и Германией. Враги Германии говорят о борьбе «западной цивилизации» с «немецким милитаризмом», но в действительности речь должна идти о борьбе двух человеческих типов — торгаша и героя. Они вечно присутствуют в любой культуре, но как два доминирующих мировоззрения они самым отчетливым образом воплотились в Англии и в Германии. И английская философия от Бэкона до Спенсера, и английская политэкономия, и английская наука от Ньютона до Дарвина связаны с торгашеством. Даже на природу переносятся либерально-буржуазные представления, тогда как учение о государстве дает образ мещанской конторы. Меркантилизм присущ всей анг-

лийской жизни, все войны ведутся ради прибыли, прикрываясь лицемерными словами о «правах и свободах». Английский социализм есть следствие подобного капитализма: положительный знак сменяется на отрицательный, но человек предстает в точности таким же — в духе утилитаризма и материализма.

Поэтому «война 1914 года есть война Ницше»; «немецкое мышление и немецкое чувство заявляют о себе прежде всего как решительное отрицание всего того, что хоть как-то напоминает английское, или западноевропейское вообще, мышление и чувство». Немец отвергает утилитаризм и эвдемонизм, идеи пользы и наслаждения во имя воли и духа, долга и преданности, самопожертвования и героизма. Немецкому духу присуще органическое представление о государстве, как о том панцире, который защищает народное тело. «Милитаризм» — это выражение ненавидящих Германию торгашей и купленных ими «демократических» писак. На деле речь идет о примате ценностей воина, героя. Война позволяет выявить эти высшие человеческие свойства. До войны торгашеская культура, буржуазное мировоззрение уже стало завоевывать мир своим стремлением к материальным благам и к комфорту. Однако богатство и комфорт не могут быть высшими ценностями жизни; там, где они делаются таковыми, жизнь неизбежно обречена на упадок. «Идеи 1789 года» антижизненны, поэтому против них идет «священная немецкая война», равно как против «интернационализма» торгашей, против «европейничанья» — не существует «европейца вообще», как не существует одного для всех стран языка — представители разных наций еще не дошли до того, чтобы говорить на каком-нибудь эсперанто.

Следует сказать, что Зомбарт в своей книге негативно высказывается о планах захвата территорий: ничего не нужно захватывать, никого не следует «германизировать»; историческая роль Германии заключается в том, чтобы быть дамбой на пути у грязного потока торгашества, готового захлестнуть весь мир. Разумеется, германская Realpolitik тех лет весьма отличалась от этих прокламаций, ибо речь уже тогда шла о «жизненном пространстве». Работа Зомбарта

важна как этап не только его биографии (из лагеря марксистов — пусть самых умеренных — он переходит в лагерь последовательных националистов), но и в плане подготовки идеологии «консервативной революции». Внешняя оппозиция Англии и Германии переходит после войны во внутреннюю оппозицию капиталистического либерализма и «немецкого социализма». Противопоставление двух человеческих типов, проведенное Зомбартом, становится общим местом идеологов «консервативной революции». Например, Э. Юнгер в эссе «Рабочий» писал: «Существует два типа человека: первого мы узнаем по тому, что он готов торговаться любой ценой, тогда как второй готов любой ценой сражаться».

Написанные Зомбартом в 20–30-е гг. работы значительно менее интересны, чем труды по истории капитализма. Он становится идеологом, пишет несколько томов, в которых сводит счеты с «пролетарским интернационализмом» и марксизмом вообще. Жизнь в Веймарской республике была трудной: инфляция «съела» все накопления, на 1922 г. высшие чиновники (а к ним относились и профессора — тайные советники) получали лишь от четверти до трети своих довоенных доходов. А затем стало еще хуже.

Если в 1913 г. профессор получал в 7 раз больше зарплаты неквалифицированного рабочего, то в 20-е гг. он получал лишь вдвое больше. Упали не только зарплаты — гонорары за книги, доклады, публичные лекции сократились в несколько раз, поскольку обнищала читающая публика. Многие именитые немецкие профессора выживали за счет того, что продавали за границу свои библиотеки. Библиотекой Зомбарта интересовались в Москве, но продал он ее в Японию. Деклассированная, пролетаризированная интеллигенция утратила не только прежний высокий статус, но и средства к существованию. Когда о нацистском движении пишут как об «антиинтеллектуальном», то чаще всего не отдают себе отчета в том, что из всех профессиональных групп в НСДАП наибольший процент составляли медики (их было больше всего и в отрядах штурмовиков), а студенческие союзы Германии стали нацистскими уже к 1930 г.

В эти годы Зомбарт попытался методологически обосновать свои работы по экономической истории — он обращается к социологии и философии. «Ноологическая социология» Зомбарта представляет собой разновидность «понимающей социологии», опирающейся прежде всего на идеи Дильтея и всего немецкого историцизма. Она интересна сегодня лишь небольшому числу историков социологии, поскольку некоторое значение сохранила лишь его критика натуралистической социологии («социальной физики») XIX века. Социология для Зомбарта есть наука, исследующая не каузальные, а смысловые связи в культуре. Психологическое понимание направлено на индивида, «ноология» есть наука о коллективных смыслах, присущих неповторимым историческим образованиям — сословиям и профессиям, полисам и нациям. Философская антропология Зомбарта заслуживает специального исследования; коротко говоря, им был предложен вариант «культурной антропологии», сходный с трудами таких мыслителей, как Э. Ротакер и М. Ландманн.

Будучи одним из наиболее авторитетных экономистов Германии, да еще признанным знатоком марксизма, Зомбарт становится в 20-е гг. ведущим автором «консервативной революции» в области экономики — статьи в лучшем журнале сделавшихся революционерами консерваторов «Die Tat» писались под несомненным его влиянием¹. Но именно поэтому совершенно бессмысленны обвинения Зомбарта в том, что он «сотрудничал с нацистами» — журнал «Die Tat» был рупором тех сил, которые стояли за последним канцлером Веймарской республики генералом фон Шлейхером. Известно то, что последний пытался опереться на профсоюзы, расколоть НСДАП и не допустить Гитлера к власти (за это он был убит нацистами в 1934 г.). Вышедшая в 1934 г. книга Зомбарта «Немецкий социализм»² не имеет ни малейшего отношения к нацистской идеологии, нацисты

¹ Ведущий экономист и социолог этого журнала, Ф. Фрид, был учеником Зомбарта и развивал именно его идеи.

² *Werner Sombart. Deutscher Sozialismus. Berlin-Charlottenburg: Buchholz&Weisswange, 1934.*

препятствовали ее распространению, а студентам было рекомендовано не посещать его лекции.

Если вкратце охарактеризовать содержание этой книги, то капитализм в ней рассматривается как строительство Вавилонской башни: все большее количество товаров, механизмов, технологий сопровождается ростом власти международного финансового капитала, который эксплуатирует всю Землю и стирает с ее лица народ за народом. Происходит разрушение «органических стилей жизни» крестьян и ремесленников, затем национальных государств. Индивид считает себя все более независимым, но в действительности он делается сытым рабом, поскольку он сводится к двум ролям — пассивного потребителя и производительного «винтика» в гигантской машине. Труд утрачивает для человека всякий смысл, поскольку специализация разлагает сложные виды труда на элементарные, заменяет осмысленный труд частными операциями. Даже умственный труд механизмуется и становится частичным. Уничтожение природы, разложение и порча культуры, примитивизация форм жизни, становящихся тождественными по всему миру — таков итог «капиталистической рационализации». Зомбарт и ранее отвергал идею саморегулирующегося рыночного хозяйства. Учитывая опыт мирового экономического кризиса 1929 г., он приходит к мысли о том, что эпоха либерального капитализма завершилась: цивилизация «золотого стандарта» рухнула, каждая страна должна опираться на собственные ресурсы, а это предполагает государственное регулирование экономики.

«Немецкий социализм» Зомбарта означает государственное планирование без полной ликвидации частной собственности, уменьшение роли финансового капитала, поддержку мелких производителей. Экономика переходит в режим автаркии, будучи закрытой для влияния международного капитала. Государственную поддержку получают прежде всего крестьяне и ремесленники, представляющие собой «почву» немецкой национальной жизни. Любопытно то, что особое внимание Зомбарт уделяет вопросам экологии — его можно считать своеобразным предшественником «зеленых». Нацистов в этой работе разозлили не столько антика-

питалистическая риторика и полное отсутствие «расовой доктрины», сколько резкая оценка любых агрессивных планов — Зомбарт выступает как сторонник постепенного и мирного формирования европейской конфедерации. Иначе говоря, мы имеем дело с консервативной утопией, восходящей к замкнутому государству Фихте. Еще хуже нацистами была воспринята последняя книга Зомбарта «Человек», вышедшая в 1938 г., поскольку в ней он недвусмысленно подверг критике расовую доктрину. Нападки в прессе становились все более ожесточенными, вплоть до статей, в которых писалось о «еврейском происхождении» Зомбарта. Трогать члена Прусской и Баварской Академий наук они не собирались, но последние годы жизни Зомбарт провел в неизвестности. Он умер 18 мая 1941 г. в Берлине.

Зомбарт не создал какой-либо школы, его влияние (если не брать некоторых участников «консервативной революции») было опосредованным. Было бы неверно считать его одним из основоположников современного институционализма в экономической теории. Разумеется, Зомбарта внимательно читали Й. Шумпетер и К. Полани. Всякому читателю «Великой трансформации» Полани бросаются в глаза параллели с трудами Зомбарта. Значительным было воздействие его трудов не на экономистов и социологов, а на историков. Французская школа «Анналов» возникала под непосредственным влиянием Зомбарта. Помимо того, что концепция капитализма у Броделя непосредственно связана с «Современным капитализмом» Зомбарта, другой основоположник школы, Л. Февр, развил историко-психологические идеи Зомбарта до теории «ментальностей». Хотя близкий этой французской школе немецкий социолог Н. Элиас лишь пару раз ссылаясь на Зомбарта, «Процесс цивилизации» и особенно «Придворное общество» Элиаса развивают те мысли, которые были изложены Зомбартом в работах «Роскошь и капитализм» и «Война и капитализм».

В конечном счете сегодняшнего читателя не так уж интересуют все эти «влияния» — любой мыслитель, будь он даже в высшей степени оригинальным, испытывал чье-нибудь влияние, но только эпигоны и начетчики держатся бу-

квы и желают просто пересказывать мысли своих учителей. Никто не заставляет нас почитать Зомбарта, который был и не самым глубоким теоретиком, и немецким националистом, но читать его до сих пор полезно, особенно в тех странах, которые испытали на себе все «прелести» государственного социализма, а теперь с немалыми трудностями возвращаются к рыночной экономике. Переживая заново эпоху первоначального накопления капитала, мы видим перед собой те же типы авантюристов и стяжателей, постепенно превращающихся в рациональных собственников и «частичных людей» капиталистической экономики.

А. М. Руткевич

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Как создался дух нашего времени и в каких формах он ныне проявляется, — вот что пытается описать настоящая книга путем изложения генезиса носителя этого духа и его представителя — буржуа. Для того чтобы представления читателя никогда не терялись в царстве теней абстракции, но, напротив, были всегда полны созерцаний живой жизни, я поставил в центр моего исследования самого человека и выбрал то заглавие, которое эта книга носит. Однако лишь духовная сторона человеческой разновидности — буржуа — будет нас занимать, а не его общественные отношения: это выражено в подзаголовке.

«История духовного развития современного экономического человека» под моими руками разрослась в анализ и критику духа нашего времени, подобных которой мы, конечно, уже имеем целую массу. И многие из них, несомненно, гораздо более «остроумны», чем эта книга. Но именно поэтому они никого вполне не удовлетворяют и не в состоянии оказать сильного и прочного влияния на мысль.

Чего, по-моему, недостает имевшим до сих пор место попыткам изобразить духовную сущность нашего времени, это — широкого фактического обоснования — обоснования духовного анализа историческим материалом. Этот пробел и хочет заполнить настоящая книга, которая поэтому в большей степени, чем мне это зачастую самому было желательно, начинена фактическими элементами. Однако мы должны приучить себя, разбирая такие глубо-

ко коренящиеся проблемы, как духовная структура нашего времени, допускать воздействие бесконечного разнообразия действительного хода событий на наши ощущения и на наше мышление. Остроумные аргументы никогда не ведут нас к глубокому познанию существа исторических соотношений, которые одни только дают верное понимание «духа времени».

Эта книга все же отнюдь не хочет отказываться от глубокого истолкования смысла исторических данных и от сплетения их в интересный венок мыслей. Простое нагромождение материала нас, несомненно, также не сможет удовлетворить.

Путь читатель решит, счастливо ли проходит линия направления этой книги, как я стремился это сделать, между двумя крайностями: нагромождением материала и нагромождением истолкований (по определению *Фишера*).

Миттель — Шрейбергау,
12 ноября 1913 г.

Вернер Зомбарт

БУРЖУА:
ЭТЮДЫ ПО ИСТОРИИ
ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

Глава первая

ДУХ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Что это означает: дух в хозяйственной жизни? Один остряк, с которым я говорил об этом, заявил, что в хозяйственной жизни вообще нет никакого духа¹. Это, несомненно, ложное утверждение, даже если принять это слово в том значении, в каком он его употребил, т. е. в том именно смысле, в каком мы его соединяем с суффиксами «reich» и «voll»².

Но, говоря здесь о «духе в хозяйственной жизни», я, конечно, употребляю слово «дух» не в этом смысле. Я также не понимаю под ним, как легко могут подумать, того, что, пожалуй, лучше обозначить как дух самой хозяйственной жизни — именно конкретно определенной хозяйственной жизни. Желая выразить понятие последней как отвлеченную идею, ищут ее «дух», подобно тому как отыскивают хотя бы «дух римского права».

Я же употребляю это словосочетание в том простом смысле, согласно которому оно обозначает все вообще психическое, т. е. в этом смысле духовное, проявляющееся в области хозяйственной жизни. Что психика вообще имеет здесь место, этого никто не пожелает оспаривать, разве только если не отрицать вообще специфически психическое в человеческих жизненных проявлениях.

¹ Непередаваемая игра слов: «Geist» здесь значит остроумие, юмор. См. след. сноску. — *Примеч. пер.*

² Т. е. «geistreich», «geistvoll» — остроумный, тонкий. — *Примеч. пер.*

ях. Ибо хозяйственная деятельность только тогда имеется налицо, когда человеческий дух приобщается к материальному миру и воздействует на него. Всякое производство, всякий транспорт есть обработка природы, и во всякой работе, понятно, кроется душа. Если говорить образно, то можно относиться к хозяйственной жизни как к организму и утверждать о нем, что он состоит из тела и души. Хозяйственное тело образуют не внешние формы, в которых функционирует хозяйственная жизнь: хозяйственные и технические формы, многообразные организации, в среде которых и с помощью которых осуществляется хозяйствование. Однако и внешние условия, при наличии которых происходит хозяйственный процесс, можно также причислить к хозяйственному телу, которому именно и противопоставляется хозяйственный дух. Хозяйственный дух — это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека.

Я беру, таким образом, это понятие в наиболее широком смысле и не ограничиваю его, как это часто делают, одной лишь областью хозяйственной этики, т. е. моральных норм в области хозяйствования. Эти нормы составляют на самом деле только часть того, что я обозначаю как дух в хозяйственной жизни.

То духовное, которое мы можем найти в различных областях хозяйственной деятельности, либо носит общий характер — представляет общее духовное свойство, общий принцип, который только проявляется внутри определенного круга деятельности: например, благоразумие или энергия, честность и правдивость; либо же это проявления душевной жизни, имеющие место исключительно в отношении хозяйственных явлений (хотя они и сводились к общим свойствам и оценкам): так, например, специфические калькуляционные мероприятия или определенные принципы бухгалтерии и т. п.

Однако путем этих утверждений мы весьма приблизились к одному вопросу, который, собственно, и является центральным пунктом нашего исследования и вокруг ответа на который вертится значительная часть споров, возбужденных моей постановкой проблемы. Это вопрос: всегда ли и везде один и тот же дух господствует в хозяйственной жизни, или точнее, в хозяйственном человеке, или же можно различать виды этого духа, смотря по личностям, профессиям, странам, эпохам или еще как-нибудь.

Странно, здесь как раз историки-специалисты с жаром защищают то положение, что, по существу, всегда один и тот же дух управлял людьми в ходе хозяйственной деятельности. Я называю это явление странным, потому что ведь именно историки (и вполне справедливо!) противились высказыванию общих положений об истории человечества, хотя бы и в форме установления «всеобщих законов развития», полагая вместе с Виндельбандом, что в этом случае, т. е. если попытаться извлечь из хода истории общеприменимые положения, получается только небольшое число тривиальных утверждений^{1*}. И все же эти самые господа руками и ногами отбояриваются от моего тезиса, гласящего, что дух, управляющий хозяйственными субъектами, может быть глубоко различен и был уже издавна глубоко различным. Очевидно, здесь в головах людей, лишь при случае занимающихся проблемами хозяйственной жизни, живет старое представление (давным-давно признанное экономистами неверным) об «экономической природе человека», об *economical man*^{2*}, которого классики-экономисты рассматривали как хозяйствующего субъекта вообще, но в котором мы уже давно раскрыли капиталистического хозяйственного человека. Нет! Первоначальная предпосылка правильного понимания хозяйственных явлений заключается в сознании того, что дух в хозяйственной жизни (в том, разумеется, смысле, в каком это словосочетание здесь понимается) может быть глубоко различным; это значит — еще раз точно установим, — что требуемые для предпринимательства хозяйственных действий душевные каче-

ства так же отличаются в отдельных случаях, как и руководящие идеи и принципы, которыми определяется хозяйственная деятельность. Я утверждаю, что ремесленник старого закала и современный американский предприниматель воодушевлялись различным «духом»; я утверждаю, что между г. фон Ротзаттелем и Файтелем Итцигом и между ними обоими и Т. О. Шпретером существует значительная разница в их отношении к хозяйственной жизни; der Büttnerbauer ^{3*} и его кредиторы проникнуты различным хозяйственным духом.

Тот, кто без предвзятости подходит к вещам, возразит мне, что с моей стороны наивно особенно «подчеркивать» такие тривиальности. Кто, однако, знаком с литературой, связанной с моим учением о «духе хозяйственной жизни», тот знает, что мои утверждения далеко не всеми признаются правильными и что, наоборот, огромное большинство моих критиков прямо объявляет их неверными. Как возможно нечто подобное, можно понять, только ознакомившись с возражениями, выдвинутыми против моего понимания. Ввиду центрального значения этого вопроса я кратко изложу здесь важнейшие из этих возражений и тут же укажу, почему они для меня не являются основательными. Если я при этом оставлю неназванными имена критиков, то читатель не посетует на меня за это.

Одни — радикалы — утверждают: в хозяйственной жизни всегда господствовал один и тот же дух, все хозяйственные люди стремились к прибыли, всегда они делали расчеты и будут делать расчеты и т. д. В крайнем случае они допускают, что «существуют различия в степени» между «рассчитывающим» крестьянином средневековья и современным банкиром, между стремлением к прибыли ремесленника и магната американского треста.

Я в противоположность этому утверждаю (полное доказательство этого я могу, конечно, представить лишь в ходе дальнейшего изложения):

1) что дело вовсе не всегда идет о «различиях в степени», как, например, в том случае, когда один хозяйствующий субъект ведет хозяйство принципиально эмпир-

рически, а другой — принципиально рационалистически; когда хозяйственная деятельность в одном случае требует преимущественно проявления интеллекта, а в другом — проявления чувства;

2) даже если допустить, что дух двух хозяйствующих людей всегда разделяют только «различия в степени», эти «различия в степени» могут быть настолько значительными, чтобы обуславливать «различия сущности» или, скажем правильнее, «различия по существу». Разве нужно поучать моих противников основам логики и психологии? И великан только «в степени» отличается от карлика, так же как и жар от холода, старость от юности, густое население от редкого, большой город от малого, forte от piano и т. д.

Другие, правда, признают, что в разных случаях в хозяйственном поведении людей проявляется весьма различный «дух», однако считают необходимым утверждать, что человеческая природа все-таки остается «всегда той же самой» и только каждый раз при различных обстоятельствах развивает различные стороны своей сущности. Ну, да это, в сущности, само собой разумеется, что во всей истории человечества речь идет всегда о «той же самой» человеческой природе. Это ведь основное предположение всякого исторического изучения, потому что без него мы вообще не понимали бы никакого исторического хода событий. Понятно, основные явления человеческой жизни: рождение и смерть, любовь и ненависть, верность и предательство, ложь и правда, голод и жажда, бедность и богатство — всегда одни и те же. И необходимость хозяйствовать всегда одна и та же, как и ход хозяйственного процесса остается одним и тем же. И несомненно, заманчивая задача — понимать и изображать то, что остается неизменным во всей истории человечества. Только, пожалуй, это не задача историка. Ибо писать историю — значит описывать постоянное разнообразие. Ну, а что таких «разнообразных» явлений целая уйма и в хозяйственной жизни, а также и в ее духовной области, и что они весьма достойны быть изучаемы как таковые — это, я бы полагал, достаточно выяснили исследования по-

следнего поколения историков. Если угодно, то пусть рассматривают это разнообразие хозяйственного духа как разные проявления одной и той же «человеческой природы»; тогда задача состоит в изображении именно разнообразия этих «проявлений».

Однако этим еще не исчерпывается различие мнений между историками и мною. К тому же об их главном возражении, которое они основывают на всем изобилии своего знания деталей, я вовсе еще не упомянул. Оно заключается именно в следующем: даже если допустить, что в различных хозяйствующих субъектах и в различные времена был и есть различный дух, все же недопустимо говорить (что я именно и делаю) о духе определенной хозяйственной эпохи и разграничивать в истории различные эпохи по различию их хозяйственного духа. Недопустимо это, говорят они, потому, что во всякое время были хозяйствующие субъекты с различными психологическими характерами и различным направлением деятельности.

Я хочу точнее выразить то, что я под этим подразумеваю. Эпохи в хозяйственной истории я различаю по духу хозяйственной жизни в том смысле, что в определенное время определенный дух *преобладал*.

Я заранее отмечаю, что одним этим хозяйственная эпоха еще не вполне охарактеризована, так как для полноты картины необходимо привлечь характерную для данного времени внешнюю структуру хозяйственной жизни. Только изображение последней вместе с преобладающим духом эпохи и дает общую картину времени. Форма хозяйства и дух, в котором оно ведется, в общем, правда, находятся в отношении адекватности, но не в отношении закономерной взаимозависимости, как это уже показал *Макс Вебер* на примере Бенджамина Франклина: «Бенджамин Франклин был исполнен капиталистического духа в такое время, когда его типографическое производство по форме ни в чем не отличалось от любого ремесленного производства»^{4*}. В моей терминологии это означает: только система хозяйства характеризует хозяйственную эпоху, если она в ней преобладает. Желая выяснить

возможности, могущие здесь иметь место, мы должны предварительно установить, что означает «определенный дух» и что означает «преобладать».

Мы различаем теоретическое рассмотрение от эмпирического. Теоретическое рассмотрение дает нам возможность:

1. Последовательно продумывать и развивать до совершенно ясного понятия отдельные черты, наблюдаемые нами у совершающих хозяйственные действия субъектов: хотя бы идею питания, стремление к прибыли, экономический рационализм или традиционализм и т. д.

2. Соединять эти отдельные черты в одно гармоничное целое, которое тогда представит собою тип определенного хозяйственного духа, как он получается у нас в идее.

3. Мы можем отнести эти частные черты в отдельности или в соединении к мыслимому хозяйствующему субъекту и обозначить его как определенный тип, который мы наделим этими отдельными содержаниями сознания или комплексом содержаний сознания как его психологическими свойствами.

Смотря по тому, как мы теперь различаем: отдельные черты или комплексы таковых, или исполненные ими содержания сознания, мы можем (в различном смысле) говорить об «определенном духе хозяйственной жизни», не обозначая этим пока определенного эмпирического образования. Если мы теперь хотим утверждать, что определенный дух «господствовал» или «преобладал», то мы этим устанавливаем отношения между ним и живыми людьми: мы высказываем суждение о его «распространении» в действительности, выражаясь точнее: о его «распространении» и о его «внедрении» или (иначе) о степени его экстенсивного и интенсивного развития.

Последнее зависит, с одной стороны, от большего или меньшего приближения отдельных черт хозяйственного духа в конкретном индивидууме к их идеальному совершенству, а с другой — от большего или меньшего накопления в нем отдельных черт, принадлежащих к единому определенному духу. Таким образом: экономический рационализм может проявляться и может не проявиться

более или менее законченно в хозяйствующем субъекте, он может соединяться и не соединяться в нем с более или менее сильно развитым стремлением к наживе, при этом может быть опять-таки строгое или снисходительное понятие о коммерческой солидности и т. д.

Экстенсивное развитие определенного хозяйственного духа находит выражение в количестве индивидуумов, которые исполнены его в каждом случае: определенный дух может проявлять весьма высокую интенсивность развития в отдельном хозяйствующем субъекте, не найдя себе широкого распространения,— наоборот, многие полинялые черты общего хозяйственного духа или некоторые немногие сильно развитые черты могут быть найдены у большого числа индивидуумов.

Определенный дух «господствует» в известное время тогда, когда он вообще имеет широкое распространение, он *преобладает*, когда он определяет собою хозяйственные действия большей части хозяйствующих субъектов. Против такого понимания «господствующего» или «преобладающего» духа только упрямые или безрассудные люди смогут выставить то возражение, что в то же самое время жили и индивидуумы с другим направлением мысли, исполненные иного хозяйственного духа.

Эти соображения были необходимы, чтобы расчистить путь (скептическому читателю!) для дальнейшего изложения, ставящего себе задачей изобразить эволюцию хозяйственного духа в течение исторической эпохи новой западноевропейской и американской культуры и в особенности показать возникновение того духа, который почти исключительно господствует в нашей современности: капиталистического духа.

За этот промежуток времени, т. е. со вступления в историю германо-славяно-кельтских народов — в этом состоит мой тезис, — хозяйственный образ мыслей в корне переменился: именно из иного (будем его пока так называть), докапиталистического духа развился дух капиталистический. Этот современный капиталистический дух есть новое явление для нашего европейского мира, начало которого лежит в раннем средневековье, что, однако,

не исключает ни того, что подобный же хозяйственный дух развился уже когда-то раньше в культурах старого мира, ни также и того, что этот уже ранее существовавший дух замешан в создании современного капиталистического духа. Эти влияния должны быть в свое время приняты во внимание. Однако вполне правомерно рассматривать и изображать ход создания нового хозяйственного образа мыслей внутри круга европейской культуры как само по себе развившееся самобытное явление. А то, что, с другой стороны, необходимо углубляться в средние века, для того чтобы понять ход возникновения современного капиталистического духа, это, я надеюсь, докажет настоящая работа.

О связанных с проблемой генезиса определенного хозяйственного духа вопросах принципиального характера, в особенности о многократно разбиравшемся в связи с моим первым изложением данной темы вопросе: что было раньше, курица или яйцо, т. е. создает ли хозяйственный дух хозяйственную жизнь или, наоборот, хозяйственная жизнь порождает хозяйственный дух, — об этом я скажу в своем месте, закончив лишь генетическое изложение, относящееся по замыслу этой книги к одному капиталистическому духу. Предварительно я изображаю докапиталистический хозяйственный дух (не входя в его генезис) как данный факт, чтобы установить этим исходную точку развития капиталистического духа.

Следующая глава посвящена изображению этого докапиталистического духа.

Глава вторая

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОБРАЗ МЫСЛЕЙ

Докапиталистический человек — это естественный человек. Человек, который еще не балансирует на голове и не бежит на руках (как это делает экономический человек наших дней), но твердо стоит на земле обеими ногами

и на них ходит по свету. Найти его хозяйственный образ мыслей поэтому нетрудно: он как бы сам собою вытекает из человеческой природы.

Само собою понятно, что в центре всех страданий и всех забот стоит живой человек. Он «мера всех вещей»: *mensura omnium rerum homo*.^{5*} Но этим уже определяется отношение человека к хозяйству: оно служит человеческим целям, как и всякое другое создание рук человеческих (1). Итак, вот основное следствие такого понимания: исходной точкой всякой хозяйственной деятельности является *потребность человека*, его естественная потребность в благах. Сколько благ он потребляет, столько и должно быть произведено; сколько он расходует, столько он и должен заприходовать. Сначала даны расходы, а по ним определяются доходы. Я называю эту форму ведения хозяйства *расходным хозяйством*.

Самая потребность в благах не зависит от произвола индивидуума, но приняла с течением времени внутри отдельных социальных групп определенную величину и форму, которая теперь уже рассматривается как неизменно данная. Это *идея достойного содержания, соответствующего положению в обществе*, господствующая над всем докапиталистическим хозяйствованием. То, что жизнь создала путем медленного развития, получает затем от авторитетов права и морали освящение силою принципиального признания и предписания. В системе учения св. *Фомы Аквинского* идея материального содержания, подобающего общественному положению, составляет важную основу: необходимо, чтобы отношения человека к миру внешних благ подчинились какому-нибудь ограничению, какому-нибудь мерилу *necesse est quod bonum hominis circa ea (sc. bona exteriora) consistat in quadam mensura*. Это мерило и определяет подобающее общественному положению содержание: *prout sunt necessaria ad vitam ejus secundum suam conditionem* (2).

Содержание должно соответствовать общественному положению. Значит, оно должно быть различным по величине и по составу для разных сословий. И вот тут резко отличаются друг от друга два слоя, образ жизни которых

характерен для докапиталистического быта: господа — и масса народная; богачи — и бедняки; сеньоры — и крестьяне; ремесленники — и торговцы; люди, ведущие свободную, независимую жизнь, без хозяйственного труда, — и те, кто в поте лица своего зарабатывают хлеб свой, люди хозяйства.

Вести жизнь сеньора значит жить «полной чашей» и давать жить многим; это значит проводить свои дни на войне и на охоте и прожигать ночи в веселом кругу жизнерадостных собутыльников, за игрой в кости или в объятиях красивых женщин. Это значит строить замки и церкви, значит показывать блеск и пышность на турнирах или в других торжественных случаях, значит жить в роскоши, насколько позволяют и даже не позволяют средства. Расходы постоянно превышают доходы. Тогда нужно позаботиться о том, чтобы соответственно их увеличить: староста должен повысить оброки с крестьян, арендатор должен увеличить арендную плату, — или же ищут (как мы еще увидим) средств для покрытия дефицита за пределами круга нормального хозяйственного приобретения благ. Деньги сеньор презирает. Они грязны, так же как грязна и всякая приобретательская деятельность. Деньги существуют для того, чтобы их тратить (3): «*usus pecunae est in emissione ipsius*» (св. Фомы Акв.).

Так жили светские господа, так жили долгие времена и духовные. Точную картину сеньориального образа жизни духовенства во Флоренции в период кватроченто, которую можно считать вполне типичной для всего образа жизни богатых в докапиталистическое время, набрасывает Л. Б. Альберти в следующих словах: «Священники хотят превзойти всех других в блеске и великолепии, хотят иметь большое число выхоленных и разукрашенных лошадей, хотят появляться публично с большой свитой, и со дня на день усиливаются их склонность к безделью и их дерзкая порочность. Несмотря на то что судьба бросает им в руки большие средства, они все же постоянно недовольны, и, живя без всякой заботы о сбережении, без всякой хозяйственности, они помышляют только о том, как бы удовлетворить свою распаленную алчность. Всегда не-

достаает доходов, всегда расходы больше их регулярных доходов. Таким образом, они должны стремиться откуда-нибудь еще собрать недостающее» (4) и т. д.

Такая жизнь должна была в конце концов повести к экономической гибели, и история учит нас, что значительная часть старых дворянских семей во всех странах погибла от слишком разгульной жизни.

Для подавляющей массы народа и в докапиталистическое время было необходимо, так как она постоянно располагала только ограниченными средствами, приводить в длительно определенное соответствие свои расходы и доходы, потребности и приобретение благ. И здесь также, конечно, был налицо тот же самый приоритет потребности, которая, таким образом, являлась неизменно установленной обычаем и которую и требовалось удовлетворить. Это приводило к *идее пропитания*, придающей свой отпечаток всякому докапиталистическому хозяйственному образованию.

Идея пропитания порождена в лесах Европы начинавшими оседать племенами молодых народов. Это мысль, что каждая крестьянская семья должна получить столько усадебной земли, столько пахотной земли, такую долю общинного выгона и общинного леса, в какой она нуждается для своего пропитания. Этой совокупностью производственных возможностей и средств производства и была древненемецкая гуфа¹, которая достигла законченного развития в германском Gewanndorf'e^{6*}, но по своей основной идее встречается также и во всех поселениях кельтских и славянских народов. Это означает, таким образом, следующее: форма и размер отдельного хозяйства определяются формой и размером потребности, считающейся твердо данной. Вся цель хозяйствования есть удовлетворение этой потребности. Хозяйство подчиняется, как я это назвал, принципу покрытия потребностей.

Из крестьянского круга представлений идея пропитания была потом перенесена на промысловое производство, на торговлю и транспорт и господствовала здесь над

¹ Земельный надел изменявшейся величины. — *Примеч. пер.*

умами, пока эти сферы хозяйства были организованы на началах ремесла.

Если хотеть понять основную идею, которой определяются все мышление и воля ремесленника, то нужно представить себе систему ремесленной деятельности как перенесение уклада гуфы на промысловые и коммерческие отношения. До отдельных подробностей здесь может быть прослежена аналогия, существующая между крестьянской общиной гуфовладельцев и объединенной в цех корпорацией ремесленников. Обе исходят из данной величины подлежащей удовлетворению потребности и тем самым подлежащей совершению работы, обе ориентируются по точке зрения пропитания. Всегда возвращающаяся основная мысль каждого истинного ремесленника и друга ремесла заключается в следующем: ремесло должно прокормить своего работника. Он хочет работать столько, чтобы заработать свое пропитание; он, как те ремесленники в Иене, о которых нам рассказывал Гётте, «большей частью обладает настолько здравым смыслом, чтобы не работать во всяком случае больше того, сколько необходимо для зарабатывания на веселое житье». Об этом же говорит так называемая «Реформация Сигизмунда», в классической форме выражающая тысячу раз повторявшуюся основную идею всякой ремесленной организации: «Если же вы хотите услышать, что повелевает императорское право, то наши предки были не дураки — ремесла придуманы для того, чтобы каждый ими зарабатывал свой хлеб насущный, и никто не должен вмешиваться в чужое ремесло; этим свет прогоняет свою нужду, и каждый может прокормиться» (5).

Разумеется, благодаря разнице в лицах и разнице в источниках дохода у крестьянина и ремесленника должно было получиться различное понимание существа «пропитания». Крестьянин хочет быть сам себе господином, сидеть на своем клочке земли и извлекать из нее свое пропитание в рамках самодовлеющего хозяйства. Ремесленник зависит от сбыта своих изделий, от оплаты своих услуг: он всегда втянут в организацию междухозяйственного объема. Тем, чем для крестьянина являются доста-

точные размеры его владения, для ремесленника представляется достаточной размер его сбыта. Но основная идея в обоих случаях остается та же.

Мне возражали, когда я уже раньше развивал подобные мысли, следующее: совершенно неправильно предполагать относительно какого бы то ни было времени, что люди ограничивались тогда только добыванием своего содержания, только получением своего «пропитания», только удовлетворением своей естественной традиционной потребности. Наоборот, во все времена «в природе человека» было стремление заработать как можно больше, сделаться как можно богаче. Я оспариваю это и теперь еще так же решительно, как и прежде, и утверждаю ныне определеннее, чем когда бы то ни было, что хозяйственная жизнь в докапиталистическую эпоху действительно находилась под воздействием принципа покрытия потребностей, что крестьянин и ремесленник в своей нормальной хозяйственной деятельности искали себе пропитания и ничего больше. Возражений, направленных против этого моего воззрения, поскольку их вообще пытались обосновать, главным образом выдвигали два, но оба они неосновательны.

1. *Отдельные* ремесленники всегда стремились выйти за пределы своего «пропитания», расширяли свое дело и достигали своей хозяйственной деятельностью прибыли. Это верно. Но это только доказывает, что всегда есть исключения из правил, и эти исключения и здесь подтверждают правило. Пусть читатель вспомнит, что я говорил о понятии «преобладания» определенного духа. Никогда не господствовал только *один* дух.

2. История европейского средневековья учит нас, что во все времена в широких слоях хозяйствующего населения также господствовала сильная жажда денег. И это я признаю. И в дальнейшем ходе изложения я сам буду иметь повод говорить об этой растущей жажде денег. Но я утверждаю, что она не смогла потрясти в своих основах дух капиталистической хозяйственной жизни. Наоборот, как раз новым доказательством отвращения духа капиталистического хозяйства от всякого стремления

к прибыли является то, что всякая страсть к наживе, всякая жажда денег стремится к своему удовлетворению за пределами процесса производства благ, транспорта благ и даже большей частью и торговли благами. Люди бегут в рудники, копают клады, занимаются алхимией и всякими волшебствами, чтобы добыть деньги, потому что их нельзя добыть в рамках обыденного хозяйствования. Аристотель, который наиболее глубоко познал существо докапиталистического хозяйства, совершенно правильно поэтому считает наживу денег за пределами естественной потребности, не принадлежащей к хозяйственной деятельности^{7*}. Совершенно так же и богатство, заключающееся в наличных деньгах, не служит хозяйственным целям: о необходимом пропитании ведь несут заботу οἶκος, а он, напротив, способен лишь к внехозяйственному, «безнравственному» употреблению. Всякое хозяйство имеет меру и границы, а денежная нажива их не имеет (Pol. Lib. 1).

Если теперь спросить, в каком духе, согласно этим руководящим положениям, слагается хозяйствование крестьян и ремесленников, то достаточно представить себе, кто были эти хозяйствующие субъекты, которые всякую приходившуюся на них работу, руководящую, организующую, плановую и исполнительную, выполняли сами или давали выполнять небольшому числу помощников. Это были простые средние люди с сильными стихийными инстинктами, с сильно развитыми склонностями чувства и характера и относительно слабо развитыми интеллектуальными данными. Несовершенство мышления, недостаток умственной энергии, недостаток духовной дисциплины встречаются у людей того времени не только в деревне, но и в городах, которые в течение долгих столетий фактически еще являются большими разросшимися деревнями.

Это были те самые люди, слабо развитую интеллектуальную сторону которых мы наблюдаем и в других культурных областях. Так, Кейтген в одном месте очень тонко замечает о характере правообразования в средние века: «Дело только в недостатке умственной энергии,

часто заметном в наших старых памятниках права, происшедших от лиц, не привыкших к интенсивной умственной работе... Стоит только напомнить, какую поражающей неполнотой в отношении различных сторон правопорядка отличаются наши городские Уложения более раннего периода» (6).

Аналогичное этому явление в сфере хозяйства представляет слабо развитый навык к числовому учету, к точному измерению величин, к правильному орудованию цифрами. Это применимо даже в отношении деятельности купца. В действительности вовсе и не стремились быть «точными». Это специфически современное представление, что счета необходимо должны «сходиться». Во все предшествующие времена, при новизне числовой оценки вещей и цифрового способа выражения, обходились всегда только весьма приблизительным описанием соотношения величин. Каждый, имевший дело со средневековыми счетами, знает, что при проверках показываемой ими суммы часто получаются весьма отклоняющиеся друг от друга цифры. Невнимательность и арифметические ошибки встречаются сплошь и рядом (7). Перемена цифр в назначенной к примерному счету цене является почти общим правилом (8). Мы должны поэтому представить себе, что людям того времени держать в голове цифры хотя бы короткое время казалось неимоверно трудным, как теперь детям.

Весь этот недостаток желания и умения точно обращаться с цифрами находит себе наиболее ясное выражение в средневековой *soidisant*^{8*} бухгалтерии. Кто перелистает записи какого-нибудь *Тельнера*, *Вика фон Гельдерсена*, *Виттенборга* или *Отто Руланда*, тот с трудом представит себе, что составители их были видными коммерсантами своего времени. Потому что все их счетоводство ни в чем другом не состоит, как только в беспорядочной записи сумм их покупок и продаж, как ее теперь делает всякий мелкий торговец маленького провинциального городка. Это в подлинном смысле только «журналы», «мемориалы», т. е. записные книжки, заменяющие узлы на носовых платках у крестьян, едущих на рынок в

город. И сверх того, еще полные неточностей. К тому же мягкие и либеральные в закреплении сумм долгов и требований. «Также и один парень в перчатках, но я не знаю, сколько он должен», «также есть и еще один, который покупал вместе с вышеуказанными; остался мне тоже должен 19 гульденов чистых».

Этому недостатку счетных навыков соответствует, с другой стороны, чисто качественное отношение хозяйствующих субъектов к миру благ. Производят (если употреблять современную терминологию) еще не меновые ценности (определенные чисто количественно), но исключительно потребительные блага, т. е. качественно различаемые вещи.

Труд настоящего крестьянина, так же как и настоящего ремесленника, есть одинокое творчество: в тихой погруженности он отдается своему занятию. Он живет в своем творении, как художник живет в своем, он, скорее всего, совсем бы не отдал его на рынок. С горькими слезами на глазах крестьянки выводят из стойла любимую пегашку и уводят ее на бойню; старик-кустарь воюет за свою трубку, которую у него хочет купить торговец. Если же дело доходит до продажи (а это, по крайней мере, при наличности хозяйственной связи обмена должно составлять общее правило), то произведенное благо должно быть достойным своего творца. Крестьянин, так же как и ремесленник, стоит за своим произведением; он ручается за него честью художника. Этим объясняется, например, глубокое отвращение всякого ремесленника не только к фальсификатам или хотя бы суррогатам, но даже и к массовой выделке.

В столь же малой степени, как и умственная энергия, развита у докапиталистического экономического человека и энергия волевая. Это выражается в медленном темпе хозяйственной деятельности. Прежде всего и главным образом люди стремятся держаться как можно дальше от нее. Когда только можно «прогулять» день — его «прогуливают». Люди относятся к хозяйственной деятельности примерно так же, как ребенок к учению в школе, которому он, конечно, не подчиняется, если его не заставят. Нет

ни следа любви к хозяйству или к хозяйственному труду. Это основное настроение мы без дальнейших доказательств можем вывести из известного факта, что во все докапиталистическое время число праздников в году было громадным. Любопытный обзор многочисленности праздников в баварском горном деле еще в течение XVI столетия дает Н. Peetz (9). По его данным, в различных случаях было:

из	230	дней	203	рабочих	дня
»	161	»	99	»	»
»	287	»	193	»	»
»	366	»	260	»	»
»	366	»	263	»	»

И в самой работе не торопятся. Нет совсем никакого интереса в том, чтобы что-нибудь было сделано в очень короткое время или чтобы в течение определенного времени было изготовлено очень много предметов. Продолжительность производственного периода определяется двумя моментами: требованиями, которые ставит делу хорошее и солидное исполнение, и естественными потребностями самого работающего человека. Производство благ есть осуществление деятельности живых людей, которые «вкладывают свою душу» в свое творение; эта деятельность поэтому в такой же степени следует законам плоти и крови этих индивидуальностей, как процесс роста дерева или половой акт животного получают направление, цель и меру соответственно внутренним потребностям, управляющим этими живыми существами.

Совершенно так же, как и относительно темпа работы, только человеческая природа с ее требованиями имеет определяющее значение в смысле объединения отдельных функций работы в единую профессию: *mensura omnium rerum homo* справедливо и здесь.

Этому в высокой степени личному характеру хозяйствования соответствует и его *эмпиризм*, или, как это называют с давних пор, его *традиционализм*. Хозяйствуют эмпирически, традиционно; это значит: так, как переняли от отцов, так, как этому научились с детства, как при-

выкли. При принятии решения о том, прибегнуть ли к известной мере, к известному действию, смотрят прежде всего не вперед, не на цель, спрашивают не исключительно о целесообразности этого мероприятия, но оборачиваются назад и смотрят на примеры прошлого, на образцы, на опыт.

Мы должны ясно представлять себе, что это традиционное поведение есть поведение всех вообще естественных людей и что оно вполне господствовало во всех областях культуры в прежние времена истории человечества — по причинам, которые надлежит искать в самой природе человеческой и которые все в конечном счете коренятся в сильном стремлении человеческой души к постоянству.

С нашего рождения, а может быть и ранее, окружающая среда, являющаяся для нас естественным авторитетом, втискивает нас в определенную колею нашего умения и хотения: все сообщения, поучения, поступки, чувства, воззрения родителей и учителей сначала принимаются нами без дальнейших рассуждений. «Чем менее развит человек, тем сильнее подпадает он под эту власть примера, традиции, авторитета и внушения» (10).

К этой силе предания присоединяется в дальнейшем ходе человеческой жизни вторая, такая же могучая, сила привычки, которая заставляет человека всегда скорее сделать то, что он уже раньше делал и что он поэтому «умеет» делать, и которая, таким образом, также удерживает его на пути, по которому он уже ранее двигался.

Очень тонко определяет *Тённис* (11) привычку — как желание или страсть, возникшие на почве опыта. Первоначально безразличные или неприятные представления путем ассоциации или смешения с первоначально приятными делаются сами приятными, пока наконец не входят в циркуляцию жизни и как бы в саму кровь. Опыт есть упражнение, а упражнение здесь является творческой деятельностью. Упражнение, вначале трудное, становится легким путем многократного повторения, делает неуверенные и неопределенные движения уверенными и

определенными, развивает особые органы и запасы сил. А этим деятельный человек все снова и снова побуждается повторять ставшие для него легкими действия, т. е. оставаться при раз заученном и равнодушно, более того, враждебно относиться к новшествам, коротко говоря, он становится традиционалистом.

Сюда присоединяется еще один момент, на который справедливо указывает *Фиркандт*, — единичная личность как член группы в стремлении показать себя достойным ее членом, особенно культивирует те культурные ценности, которые характерны для данной группы. Это опять-таки имеет последствием то, что единичная личность принципиально не устремляется к новому, но скорее стремится довести до совершенства старое.

Так, естественный человек действием многообразных сил как бы вдвигается в колею существующей культуры, и этим оказывается влияние в определенном направлении на всю его душевную структуру. «Способность к спонтанности, к инициативе, к самостоятельности, которая и без того незначительна, еще более ослабляется, согласно общему положению, что задатки могут развиваться только в меру их продолжающегося применения и за отсутствием такового погибают» (12).

Все эти отдельные черты докапиталистической хозяйственной жизни, так же как и докапиталистической культурной жизни вообще, находят свое внутреннее единство в основной идее жизни, покоящейся на постоянстве и действовании всего живого в пространственной смежности. Высший идеал того времени, освещающий чудесную систему св. Фомы, в своем последнем завершении — это покоящаяся в себе и из зерна своего существа восходящая к совершенству отдельная душа. К этому идеалу приспособлены все жизненные требования и все жизненные формы. Ему соответствует твердое разделение людей на профессии и сословия, рассматриваемые как равноценные в их общих отношениях к целому и предоставляющие отдельному лицу те твердые формы, внутри которых оно может развить свое индивидуальное существование до совершенства. Этому же идеалу соответ-

ствуют руководящие идеи, которым подчинена хозяйственная жизнь: принцип покрытия потребностей и принцип традиционности, которые оба суть принципы постоянства. Основная черта докапиталистической жизни есть черта уверенного покоя, свойственная всякой органической жизни. И надо теперь показать, как этот покой превращается в беспокойство, как общество из принципиально статического развивается в принципиально динамическое.

Дух, который производит это превращение, который обращает старый мир в развалины, есть дух капиталистический, как мы его называем по хозяйственной системе, в которой он обитает. Это дух наших дней. Тот самый, который одушевляет каждого американского «человека доллара» и каждого летчика, тот дух, который господствует над всем нашим существом и управляет судьбами мира. Задача настоящей работы: проследить капиталистический дух в течение всего хода его развития, от его самых первоначальных зачатков до настоящего времени, а также проследить его развитие в будущем. Мы сделаем попытку разрешить эту задачу в двойном смысле — тем, что мы прежде всего исследуем возникновение капиталистического духа в истории человечества. Этому посвящена первая часть нашего труда. При этом мы обнаружим отдельные составные элементы, из которых сросся воедино капиталистический дух, мы проследим в их постепенном развитии два, сначала каждый в отдельности: предпринимательский дух и мещанский дух, которые, только объединившись, образуют капиталистический дух. Оба эти составных элемента сами по себе сложной природы: предпринимательский дух это синтез жажды денег, страсти к приключениям, изобретательности и многого другого; мещанский дух состоит из склонности к счету и осмотрительности, из благоразумия и хозяйственности.

(В пестрой ткани капиталистического духа мещанский дух составляет хлопчатобумажный уток, а предпринимательский дух есть шелковая основа.)

Вторая книга этого труда должна затем в систематической форме выяснить принципы и условия, которым капиталистический дух обязан своим возникновением и своим развитием. В то время как первая книга показывает, как все происходило, вторая книга должна будет объяснить, почему все должно было происходить так, а не иначе.

Я намеренно не ставлю в начале моего исследования точного определения и анализа понятия того, что мы должны понимать под «капиталистическим духом» или его носителем — «буржуа»; это дало бы повод к томительным повторениям. Напротив, я исхожу из очень неясного представления, каким каждый обладает об этих вещах, прослеживаю затем генезис отдельных составных частей этого «капиталистического духа» и соединяю найденные путем исторического анализа элементы в единую картину — в отделе четвертом, — где таким образом только и дается полное определение понятия. Я надеюсь, что этот несколько рискованный метод выкажет себя плодотворным и надежным.

КНИГА ПЕРВАЯ

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДУХА

Отдел первый

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ДУХ

Глава третья

ЖАЖДА ЗОЛОТА И ДЕНЕГ

Если не вся европейская история, то, несомненно, история капиталистического духа ведет свое начало от борьбы богов и людей за обладание золотом, приносящим несчастье.

Волюса рассказала нам, как из смешения первобытного водного царства Ванов и светлого царства Асов явилась в мир всякая распря и всякий грех и как это случилось от того, что золото, достояние водного мира, попало в обладание Асов через посредство карликов-ремесленников из недр земли, известных в качестве воров золота и золотых дел мастеров. Золото, символ земли, производящей на свет свои золотые злаки и плоды, из-за которого разгорается всякая зависть и всякая распря, которое становится орудием всякого греха и всякого искупления, — золото символизирует теперь вообще чувственное могущество и великолепие (13), для всех желанное, цель всеобщих стремлений. В этом глубочайшем смысле Эдда ставит стремление к золоту в центр мировой истории:

Я знаю бедствия войны, они пришли в мир
с тех пор, как золото боги впервые
в палате Отца Битв месили и плавили
и трижды сжигали трижды рожденное.
Куда бы оно ни явилось в дом, его называют «добром».
Волшебное, оно приручает волков,

чудесными силами и чудесным искусством
его всегда почитают злые.

.....

Вот борются братья и становятся убийцами,
родные замыслили погубить род;
Недра гремят: дух жаждности летит:
ни один муж не дает пощады другому.
Знаете вы об этом?^{9*}

Так гласит «Весть Валы».

Вот советую тебе, Зигфрид: — Исполни совет и поезжай
домой отсюда. Это звонкое, золото, этот огненный клад, эти
кольца убьют тебя, —

увещевает Фафнир. Но Зигфрид отвечает:

Ты дал совет; но я все же поеду к сокровищу в яме в степи,
Золотом всякий владеет охотно...^{10*}
Даже Зигфрид!

Сага лишь отражает действительность. Все указывает
на то, что уже рано у молодых европейских народов,
хотя, быть может, вначале лишь в верхних обществен-
ных слоях, проснулась ненасытная страсть к золоту и жа-
жда обладания им. Зачатки этой жажды золота теряются
во тьме доисторических времен. Но мы вправе предпола-
гать, что она развивалась теми же этапами, как и у дру-
гих народов.

На заре культуры мы встречаемся лишь с радостью,
доставляемой чистой красотой, блестящим великолепи-
ем благородных металлов, употребляемых как драгоцен-
ности, украшения.

Потом появляется удовольствие от *многочисленных*
украшений.

Затем к нему присоединяется радость *обладания* мно-
гими украшениями.

Эта последняя легко обращается в радость от облада-
ния многочисленными драгоценными предметами.

Наконец, достигается первый кульминационный
пункт в истории жажды золота — радость от обладания зо-

лотом, безразлично в какой форме, хотя красивая форма употребления все же пользуется наибольшей любовью.

Это эпоха образования сокровищ, которой достигли германские народы в то время, относительно которого мы впервые получаем историческое свидетельство об их отношении к золоту (и серебру). Стремление к «сокровищам» — такое важное явление в истории европейских народов, что мы должны привести о нем несколько более точные сведения. Я привожу здесь поэтому несколько мест из живого изображения этих процессов и условий жизни раннего средневековья, которое дает *Густав Фрейтаг* (14).

«Германцы были народом, не знавшим денег, в ту эпоху, когда они наступали на римскую границу: ходячая серебряная монета римлян, с третьего столетия испорченная, в течение долгого времени была только посеребренной медью с очень неустойчивой ценностью в обращении. К золоту поэтому обратилось вначале стремление германцев. Но они предпочтительно любили не чеканный в монете металл, а золото в виде воинских украшений и почетных сосудов за трапезой. Как всякий юный народ, они любили выставлять напоказ свое добро, и, кроме того, это соответствовало расовому духу германцев, вкладывающих и в практическую выгоду глубокий смысл. Драгоценные украшения составляли честь и гордость воина. Для государя же, содержавшего воина, обладание такими драгоценностями имело более важное значение. Долгом вождя было доброжелательное отношение к воинам, и лучшим доказательством такой доброжелательности являлась щедрая раздача драгоценных украшений. Кто обладал этой возможностью, тот был уверен, что его будут прославлять певцы и товарищи по пиршествам и что он найдет столько соратников, сколько ему будет нужно. Обладать большой сокровищницей значило поэтому обладать могуществом; заполнять постоянно возникавшие опустошения новой добычей было задачей мудрого князя. Он должен был хорошо хранить свою сокровищницу, потому что его враги гнались прежде всего за ней; сокровищница снова возвышала своего облада-

теля после всякого поражения, она всегда вербовала ему послушных вассалов, дававших ему клятву верности. Во времена переселений учреждение родовой сокровищницы сделалось, по-видимому, обычным у княжеских родов всех народов. Одним из самых поздних, в 568 г., завел себе сокровищницу Лейвигильд с королевским одеянием и тронном; до него короли вестготов сидели среди своего народа, как другие мужи, не отличаясь ни одеждой, ни образом жизни. С тех пор повсюду королевское могущество покоится на землях королевства, сокровищнице и верности народа.

Сокровищница князя состояла из золотых, позднее также и серебряных, украшений и всякой утвари, из браслетов, запястий, диадем, цепей, кубков, рогов для питья, тазов, чаш, кружек, подносов и конских украшений, частью римской, а иногда и туземной работы, даже из драгоценных камней и жемчуга, из драгоценных одежд, сотканых в императорских римских фабриках, и из хорошо закаленного и украшенного оружия. Затем из золота в монете, особенно если она была замечательна по своей величине или чеканке; наконец, из золота в слитках, вылитых в римскую форму прутьев и в германскую — грушевидную или клинообразную. И король также предпочитал лучше хранить обработанный драгоценный металл, чем золото в слитках, и уже во времена переселений работе, считавшейся изящной, и шлифованным драгоценным камням придавалась высокая ценность. Кроме того, великолепия искали в объеме и весе отдельных изделий. Они изготовлялись огромной величины, особенно серебряные тазы, и их приходилось поднимать на стол машинами. Такие драгоценности князь добывал путем подарков, которые давались и принимались при каждом государственном акте, при визитах, посольствах, мирных договорах, а охотнее всего путем дани, которую ему платили римляне и которая была немалой — 300, 700 фунтов золота в год, — наконец, путем разбоя и захвата военной добычи, путем собирания податей с подвластных вассалов и доходов с его имений. И чеканный металл, стекавшийся в сокровищницу в новооснованных

германских государствах, также подвергался часто переработке. Владелец охотно похвалялся своими драгоценностями и размерами своих денежных сундуков.

Не одни только короли и вожди заботились о сокровищнице для себя; каждый, кто только мог, собирал сокровища. Для принцев тотчас же после рождения заводилась собственная маленькая сокровищница. Когда в 584 г. умер двухлетний сын Фредегунды, его сокровищница из шелковых платьев и золотых и серебряных украшений заняла четыре телеги. Точно так же и королевские дочери при бракосочетании получали приданое драгоценностями и украшениями, и случалось, что во время свадебного путешествия они подвергались нападению из-за своих сокровищ. Сокровищница для них собиралась и из так называемых добровольных приношений жителей, и жестокими королями при этом чинились тяжкие притеснения. Когда Ризунта Франкская в 584 г. была отправлена к вестготам в Испанию, ее сокровищница наполнила пятьдесят груженных телег. Каждый герцог и другие должностные лица короля собирали сокровища таким же образом. Подозрительно взирал верховный владыка на сокровища должностного лица, и часто собиратель служил губкой, которую, когда она напилась, выжимали до последней капли, и несчастный мог быть доволен, если при опустошении своих сундуков не терял также и жизни. Король лангобардов Агилульф поступил милосердно, ограничившись отнятием у мятежного герцога Гаидульфа его сокровищницы, которую тот спрятал на одном острове озера Камо, и снова вернув мятежнику свою милость, «потому что сила вредить была у него отнята». Если государю не удавалось вовремя захватить сокровища должностного лица, то ему иногда приходилось бороться с ним потом за власть.

Точно так же накапливали сокровища церкви и монастыри; свои доходы и приносимые дары они помещали в чаши, сосуды, ковчегцы для Евангелия, изукрашенные золотом и драгоценными камнями. Если епископ попадал, благодаря войне, в стесненное положение, он брал золотую чашу из церковной сокровищницы, давал ее пе-

речеканивать на монету и высвобождал таким путем себя и своих. Ибо даже бессовестные грабители смотрели с опаской на сокровищницу святого, так как ее владелец на небе мог своими жалобами весьма повредить разбойникам. Однако не всегда мог святой, хотя и внушавший страх широким кругам, удержать алчность и т. д.

Ценность сокровища заключается в его величине: этим уже к первоначально чисто качественной оценке присоединяется впервые количественная. И при этом величина еще ощущается и представляется как чувственно воспринимаемая, подлежащая мере и весу. Эта чувственная оценка сокровища простирается еще далеко в эпоху денежного хозяйства. Вплоть до позднего средневековья мы встречаемся у европейских народов с этой (впрочем, уже в древности сильно распространенной и еще ныне не исчезнувшей в областях примитивной культуры) любовью к образованию сокровищ, преобладающей часто над любовью к деньгам.

Так, клады рубленого серебра в Восточной Европе от X и XI столетия, разбросанные от Силезии до Балтийского моря (массы из разрубленных кусков серебра и разрезанных монет), показывают нам, что ценили и хранили не чеканные монеты, а металл как таковой (15).

Около того же времени мы находим в Германии (15а), во Франции (16) даже в Италии (17) сокровищницы богатей, полные золотых и серебряных сосудов, обладание которыми ценилось как таковое, вне всякого отношения к деньгам.

В некоторых странах, как, например, в Испании, обычай образования сокровищ переходит и в новые века. Когда скончался герцог де Фриас, он оставил трех дочерей и 600 000 скуди наличных денег. Эта сумма была разложена в сундуки с именами дочерей; старшей было семь лет. Опекуны получили ключи — и отперли лари только для того, чтобы выплатить деньги мужьям. В особенности же в Испании еще в XVI и XVII столетиях набивали свои дома золотой и серебряной утварью. После смерти герцога Альбукерского нужно было потратить шесть недель, чтобы взвесить и записать его золотую и серебряную ут-

варь; у него, между прочим, было 1 400 дюжин тарелок, 50 больших и 700 малых подносов, 40 серебряных лестниц, чтобы залезать на буфеты. Герцог Альба, бывший не особенно богатым, все же оставил 600 дюжин серебряных тарелок, 800 серебряных подносов и т. д. (18). Склонность к «накоплению сокровищ» была так сильна в Испании того времени, что Филипп III в 1500 г. издал указ, предписывавший сдать и перечеканить в монету всю золотую и серебряную утварь страны (19).

Но подобное душевное настроение, которым были исполнены богатые испанцы XVI столетия, являлось анахронизмом: общее развитие европейского духа уже давно миновало период образования сокровищ, который закончился приблизительно в XII столетии. С того времени интерес к форме благородного металла принимает другой характер, хотя к обладанию им все еще стремятся сильнее, чем когда бы то ни было. Но теперь больше не оценивают на вес кучи золота и серебра, безразлично в какой форме: люди начали выше всего ценить деньги, т. е. благородный металл в простейшей форме, в которой он является всеобщим товарным эквивалентом, меновым и платежным средством.

Жадность к золоту сменяется *жаждой денег*, некоторые примеры которой мы должны теперь привести.

Кажется, что (за исключением евреев) «страсть к прибыли» — как отныне гласит это выражение: *lucrigabies* — раньше всего укоренилась в кругу духовенства. Во всяком случае, мы от очень ранних времен имеем известия о священниках, «позорная страсть к наживе» которых вызывает порицание: уже в IX столетии мы встречаемся на соборе с жалобами на ростовщичество священников (20). Известно ведь, какую роль потом, в позднее средневековье, играют деньги при замещении священнических мест. Такой спокойный наблюдатель, как Л. Б. Альберти, указывает на жадность к деньгам среди духовенства как на совершенно общее явление его времени. Он говорит в одном месте о папе Иоанне XXII: «У него были недостатки, и в особенности тот, который, как известно, встречается почти у всех священников: он был в

высшей степени жаден к деньгам, так что в его близости все было продажно» (21).

Но когда *Альберти* писал эти слова, жадность к деньгам уже давным-давно не была привилегией (если она вообще была ею когда-нибудь) духовенства и евреев. Напротив, ею были одержимы с давних пор широкие, если не все, круги населения.

Кажется (я опять говорю: кажется, так как в отношении настроений, подобных здесь рассматриваемым, естественно, не могут быть добыты точные указания на их появление в истории), кажется, как будто и здесь великим поворотным пунктом, по крайней мере для передовых стран — Германии, Франции, Италии, — было XIII столетие. Во всяком случае, в этом столетии именно в Германии умножаются жалобы на растущую страсть к наживе:

На любовь только и на наживу
Направлено стремление всего света;
Но все же для большинства
Нажива еще слаще любви.
Как бы ни любили жену и детей,
Наживу любят еще сильнее.

.....

Забота человека —
Как бы нажиться.

Так поет в бесчисленных повторениях *Фрейданк*. И у *Вальтера фон дер Фогельвейде* подобный же тон звучит во многих местах (22). Еще более сильные выражения находят, конечно, проповедники морали того времени, как, например, автор одного стихотворения в рукописном сборнике песен *Бенедиктбейрена* (23) или народный оратор *Бертольд фон Регенсбург* (24).

В это же время *Данте* бросает свои проклятия против страсти к наживе дворянства и горожан в итальянских городах, которые в эпоху треченто, несомненно, были уже одержимы интенсивной горячкой наживы. «Чересчур уж много они заботятся о наживе денег, так что о них

почти можно сказать: в них горит, как огонь, вечное стремление к стяжанию» — так гласит «Описание Флоренции» от 1339 г. (25).

«Деньги, — восклицает в это же самое время *Беато Доминичи* (25а), — очень любят великие и малые, духовные и светские, бедные и богатые, монахи и прелаты; все подвластно деньгам: *resuniae oboediunt omnia*. Эта проклятая жажда золота ведет обманутые души ко всякому злу; она ослепляет разум, гасит совесть, затуманивает память, увлекает волю на ложный путь, не знает друзей, не любит родных, не боится Бога и не имеет больше стыда перед людьми».

Как выражалось, хотя бы во Флоренции, уже в XIV столетии господство совершенно мамонистических^{11*} тенденций, это мы усматриваем из картинных изображений и размышлений, сохранившихся нам в «Книгах о семье» *Л. Б. Альберти*. Здесь повсюду богатство восхваляется как необходимое культурное благо, и повсюду страсть к наживе признается всеобщим и само собой понятным настроением населения: «все только и заботятся что о наживе да богатстве»; «каждая мысль занята наживой»; «богатство, к которому прежде всего стремится почти каждый» и т. д. (В указателе источников я привожу некоторые особенно характерные места из *Libri della famiglia Альберти*) (26).

Мы знаем, затем, многочисленные отзывы из времен XV и XVI столетий, свидетельствующие нам о том, что деньги начали повсеместно в Западной Европе занимать свое положение повелителя. «*Resuniae oboediunt omnia*», — жалуется *Эразм*; «Деньги на земле — земной Бог», — объявляет *Ганс Сакс*; достойным сожаления считает *Вимфелинг* свое время, когда деньги начали царствовать. *Калон* же превозносит в известном письме к королеве Изабелле достоинства денег такими красноречивыми словами: «*El oro es excelentissimo, con el se hace tesoro y con el tesoro quien lo fiene, hace cuanto quiere en el mundo y llega que echa las animas al paraiso*» (27)^{12*}.

Симптомы, из которых мы можем заключить о все более быстром распространении жажды денег, о мамонизации

ровании всего строя жизни, множатся: должности становятся продажными; дворянство роднится с разбогатевшими *parvenus*^{13*}, государства направляют свою политику на умножение наличных денег (меркантилизм); уловки для добычи денег, как будет показано в следующей главе, возрастают как количественно, так и по своей тонкости.

В XVII столетии, которое мы охотно представляем себе в строгих, темных тонах, жажда денег не уменьшается. Напротив, в отдельных кругах она, кажется, еще усиливается. Мы натываемся на многие трогательные жалобы: в Италии (28), в Германии (29), в Голландии. Здесь появилась около конца XVII столетия весьма курьезная книжка (она вскоре же поэтому была переведена одним гамбургцем на немецкий язык), которая, несмотря на свою сатирическую окраску (или именно вследствие ее), набрасывает превосходную картину уже тогда вполне издававшегося поклонению деньгам общества. Так как я еще нигде не видел использованным этот важный источник, я хочу кое-что привести из этого чрезвычайно забавного (хотя и весьма многоречивого) и редкостного трактата, носящего заглавие «Похвала страсти к деньгам. Сатира. С голландского, господина фон Деккерса. Продается у Вениамина Шиллена в Гамбурге и Фр. Грошуффа в Лейпциге, в 1703 г. Книжка носит эпиграф:

«*Quid rides? Mutato nomine de te fabula narratur...*»^{14*}

Автор, очевидно, человек, знающий свет и людей, со свободным взглядом на слабые стороны своего времени. Я назвал бы его сочинение почти дубликатом басни о пчелах *Мандевилля*, хотя он заменяет язвительные остроты последнего добродушной голландско-нижненемецкой пространностью. (Мне, впрочем, известен только немецкий перевод: возможно также, что это псевдоперевод и что нет никакого голландского оригинала, хотя автор в разных местах и цитирует мнимый голландский текст.) Это поэма в излюбленном стихотворном размере того времени в объеме 4.113 (!) строк, из которой мы приведем здесь следующие выдержки:

Страсть к деньгам говорит:

Я должна освободиться от гнета поносителей!
Я вовсе не источник всякого плутовства,
Не источник горя и злодейств, —
Наоборот, я корень вашего счастья,
Основа всякого наслаждения, источник высокой чести,
Путеводная звезда искусств, лучший путь для молодежи,
И, выше того, я верховная богиня
И верховная царица в широком мире.

(Стихи 23–31)

Она представляет потом своих родителей: госпожа Изобилие — ее мать; Осторожность (!) — отец. Она начинает затем с похвальной песни золоту и продолжает так:

Я вовсе не хочу петь похвалу червонному золоту,
Нет, нет, это похвала мне самой, алчная жажда
Золота является здесь в своей красе.
Я не должна поэтому еще ломать себе голову
И много хвастаться моими деньгами,
Их и без того ищут изо всех сил
И уважают больше, чем добродетель, а часто и более разума,
Вы обычно ставите их гораздо выше искусств,
Выше здоровья, выше всякого блага в жизни.

(Стихи 145–153)

Она сетует ввиду этого на то, что не превозносят ее самой — Страсти к деньгам:

Ведь и так лучшее в нас: сердце — мое,
Так по справедливости моими должны быть и уста.

(Стихи 158–159)

Она принимается вследствие этого перечислять все добрые дела, которые она делает людям. Это следующие:

Страсть к деньгам — учредительница человеческого общества;
Устраивает брачные союзы;
Связывает дружбу и согласие;
Учреждает государства и города;

Она также сохраняет их в хорошем состоянии;
Доставляет честь и уважение —
...Радость и забаву;
Она способствует искусствам и наукам,
...Торговле
...Алхимии, чеканке денег,
...Врачебному искусству;
Братская любовь далеко не такова,
Чтобы обещать больному помощь и хороший совет,
Вы, слушатели, отнюдь не должны думать,
Что какой-нибудь Гален явится к вам из милосердия;
Совсем иная вещь привлекает его к постели,
Это жажда золота, ожидаемая нажива

(Стихи 1158–1163)

То же самое действительно и в отношении других профессий, которыми занимаются только в надежде на наживу:

Цирульное искусство,
Аптекарское искусство,
Правоведение,
Церковная церемония;
Она учредительница «Свободных Искусств».
Споспешествует философии,
Живописи,
Театральной и иным играм,
Книгопечатанию.
Что я разумею страсть к наживе и для ее тяжелых прессов,
В этом вы могли бы достаточно убедиться из многих
печатных произведений,
Которые содержат в себе больше бесполезной дребедени,
чем мудрости,
И выводили на свет уже многих идиотов,
И все-таки охотно принимаются в издание.
Почему? Потому что от них получается больше
толстых талеров,
Чем от сочинения, в котором заключается зерно мудрости
И которое оценивает всякий предмет по зрелом суждении.
То, что вы должны переваривать,
должно быть из грубого вещества.

Мудрость, правда, превозносят,
а читают все-таки дребедень(!)

(Стихи 1544–1553)

Страсть к деньгам споспешествует далее:

Военному искусству;
Оно улучшило мореплавание.

Разве я не открыла многих серебряных рудников?

(Стихи 1742)

«Госпожа Изабелла и король Фердинанд» не менее,
чем Колумб, обязаны ей успехами своих открытий.

Она:

сделала описание земли более полным,
распространила искусства,
и грубые народы сделала воспитанными,
сделала языки общими,
объединила народы,
отбросила многие басни, управляет всеми
государственными делами.

Зачем ведь вы так часто идете в большой Совет?

Разве не для прибыли и дохода государства?

Чтобы обогатить казну вашей земли?

Можно, конечно, иной раз и другими хорошими делами,
пространно разбираемыми в государственном обсуждении,
оказывать помощь и пользу по праву и справедливости;
Но те, которые имеют в виду прибыли и наживу,
они-то и являются особенно близкими вашему сердцу.

(Стихи 1968–1975)

...Благочестивый Аристид?

Тотчас же отвергал поданный ему кем-нибудь совет,
Который казался ему более выгодным, чем правым и
справедливым;

Но нынче на это совсем иначе смотрят,

И что скрывать это от вас?

Заманчивая приманка прибыли

Это глаз, которым смотрят в государственную тайну.

(Стихи 1984–1989)

Страсть к деньгам имеет обхождение со старыми и
умными людьми;
Страсть к деньгам хвалится, что она — покровительница
добродетелей;
она помогает пропитанию и ремесленникам,
жалуется на множество изучающих науки.
Будь то духовные, будь то правоведы,
При всякой должности умеют устраивать дело так,
Что тот, кто принесет патрону кошелек, полный золота,
Тот в первую голову и назначается на службу.
Служба, которой следовало бы награждать добродетели,
И это была бы еще дешевая награда для добродетелей,
Она во многих городах публично продается,
И человек за деньги производится в пономари.

(Стихи 2269–2276)

Она

Говорит о бережливости, расточительности.
Она отвергает презрение к деньгам некоторых
стоических и циничных философов;
отвергает щедрость;
способствует смирению, великодушию и храбрости;
возбуждает к постоянству;
распространяет христианское учение.
Страсть к деньгам помогает вечному спасению души;
она не еретичка, а чистая лютеранка,
она делается богиней.

Она заканчивает свою поэму восторженной «Похвалой
деньгам» (стихи 3932 и след.).

В первые десятилетия XVIII столетия французское и
английское общества пережили то первое болезненное со-
стояние денежной горячки (то, что Голландия уже раз ис-
пытала в 1634 и следующих годах), которое с тех пор от
времени до времени снова появлялось с такой же или даже
большой стихийной силой, которым так глубоко проник-
ся весь организм народа, что теперь всеобщая страсть к
деньгам может рассматриваться как основное свойство
души современного человека. Я хочу, однако, изобразить
эти вулканические взрывы денежной горячки, как их пе-

реживала Голландия во время тюльпанной мании, Франция — в эпоху Лоу, Англия — во времена «мыльных пузырей» («bubbles») и в связи с излюбленным в то время средством добывания денег — биржевой игрой, и попытаюсь сперва в этой связи ответить на вопрос: какие уловки придумали люди, чтобы получить алчно желаемые деньги в свое обладание? Нам в особенности придется исследовать, какие из этих средств способствовали построению капиталистического хозяйственного образа мыслей и каким было предопределено отмереть, как мертвым ветвям.

Глава четвертая

РАЗЛИЧНЫЕ СРЕДСТВА К ДОБЫВАНИЮ ДЕНЕГ

Было бы детским заблуждением представлять себе, что жажда золота и страсть к деньгам оказали только непосредственное воздействие на хозяйственную жизнь в том направлении, что они родили из себя капиталистический дух и капиталистическое предприятие. Так быстро и так просто не протекал генезис нашей современной хозяйственной системы и в особенности современного хозяйственного образа мыслей.

Вначале усиливающаяся страсть к наживе не оказывала, пожалуй, вообще никакого влияния на хозяйственную жизнь. Стремились получить в свое обладание золото и деньги вне способов нормальной хозяйственной деятельности, даже довольно часто оттесняя на задний план и запуская свое хозяйство. Наивный человек совершенно не думал, будучи крестьянином или сапожником и даже — при нормальных условиях — будучи купцом, что эта его будничная деятельность может послужить для него путем к добыванию богатства и сокровищ.

Такой человек, как *Альберти*, стоявший в центре деловой жизни и несомненно уже проникнутый капиталистическим духом, приводит в качестве источников денежной наживы наряду с крупной торговлей следующие (30):

- 1) поиски кладов;
- 2) происки, чтобы получить наследство, — о тех и других он говорит, что им предано «немало людей»;
- 3) клиентство: войти в милость к богатым горожанам исключительно в надежде воспользоваться долей их богатства;
- 4) ростовщичество (ссуда денег);
- 5) сдача внаем стад, вьючных животных и т. д.

Какое необычайное сопоставление! Не менее странным нам представляется другое находящееся в нашем распоряжении перечисление наиболее излюбленных способов наживы в XVII столетии (31); согласно ему выбирают предпочтительно один из следующих трех путей, чтобы достичь богатства:

- 1) придворную службу,
- 2) военную службу,
- 3) алхимию.

Однако подробное изучение этих эпох показывает нам, что эти наблюдения были совершенно верны: все названные способы наживы были в действительности в полном ходу и имели в оценках тех, кто стремился к богатству, во много раз большее значение, чем торговля, промышленность и сельское хозяйство. Мы даже легко можем перечислить наряду с уже названными ряд других возможностей наживы, которые точно так же лежали вне круга нормальной хозяйственной деятельности.

Так как для нас в данном случае имеют значение только те средства к добыванию денег, которые сыграли роль при образовании капиталистического хозяйственного образа мыслей, то я лишь кратко упомяну и о тех, о которых этого нельзя сказать, не входя в их ближайшее рассмотрение.

Это были следующие:

1. *Чиновничья карьера*, по которой охотно шли, чтобы быстро составить себе большое состояние благодаря возможности путем растрат, подкупов и плутней добывать побочные доходы. В другом месте, там, где я исследую возникновение мещанского богатства, я буду иметь слу-

чай на цифрах показать те крупные шансы к обогащению, которые во все прошедшие эпохи представляла чиновничья карьера.

Сродни ей была:

2. *Покупка должностей*, означавшая не что иное, как вид покупки рент: затрата капитальной суммы, чтобы взамен получить право на пошлыны и побочные доходы, связанные с известной должностью. Правда, бывало и так, что купленная должность оказывалась пропастью, которая поглощала целое состояние, когда доходы не достигали ожидаемой высоты.

3. Упоминаемое Альберти *клиентство*, переходившее в лакейство, излюбленное в особенности в XVII и XVIII столетиях: оно заключалось в том, что бедняки поступали на службу к богатым людям, оставляя эту службу через пару лет часто с большими трудностями.

4. Я причисляю сюда *получение рент от государства*, которое с XVII столетия принимает все больший объем.

Все избирающие один из этих способов извлечения дохода отнюдь не способствуют развитию капиталистического духа (если мы под ним всегда будем разуметь «дух» капиталистического предпринимателя), который они скорее способны (как мы еще увидим) умерщвлять и задерживать в его развитии.

Поэтому я выделяю также из моего описания «Haute finance»^{15*} старого стиля, как она развивалась в особенности во Франции и в Англии в течение XVII и XVIII столетий. Это были те весьма богатые люди, большей частью буржуазного происхождения, которые разбогатели в качестве откупщиков податей или кредиторов государства и теперь плавали, как кружки жира в супе, но от хозяйственной жизни стояли далеко. Это — *Fermiers généraux, Partisans, Traitans*^{16*} во Франции (где они получили кличку *Turcaretts* по одной комедии *Лесажа* 1709 г., где изображается карьера одного бывшего лакея по имени Тюркаре — это «Le financier, dont l'esprit et l'éducation ne sont pas à la hauteur de sa fortune»)^{17*}; это — *Stockholders, «the monied interest»*^{18*} в Англии, где их число к середине XVIII столетия исчислялось в 17 000.

Напротив, во всех тех способах, которые я теперь еще назову, заложены начатки, зародыши, возможности развития капиталистических предприятий. Поэтому мы должны ближе с ними ознакомиться. Чтобы привести в нашем уме в известный порядок те многообразные способы наживы, о которых здесь идет речь, я буду их различать, смотря по тому, применяется ли в них предпочтительно

насилие, или

волшебство, или

духовные способности (изобретательность), или

денежные средства.

1. Нажива путем насилия

Я разумею под нею не проделки властей, имеющие целью добывать средства путем налогов и податей всякого рода, но способ наживы, который в течение столетий был излюбленным в рыцарских кругах и пользовался уважением, — я разумею *разбой на больших дорогах*. О том, что он во многих странах, в особенности в Германии, но также и во Франции, и в Англии в течение средних веков и после них, являлся социальным институтом, а вовсе не случайной особенностью, нам сообщают многочисленные источники, из которых мы можем почерпнуть наши сведения. Я приведу только немногие свидетельства.

«В те времена в Германии, — пишет *Цорн* в своей Вормсской хронике (XIV столетие), — и в особенности на Рейне, дело обстояло так, что, кто был сильнее, тот и упрятывал другого в мешок, как мог и как хотел: рыцари и дворяне кормились из стремени, убивали, кого могли, заграждали и перерезывали дорогу и превосходно гонялись за теми, кто по своему промыслу должен был путешествовать».

Один певец дает молодому дворянину следующий совет (32):

Если хочешь прокормиться,
ты, юный дворянин,
следуй моему совету:

садись на коня, скачи в бой.
Держи к зеленому лесу:
когда мужик поедет за дровами,
налетай на него свирепо,
хватай его за шиворот,
радуй свое сердце,
возьми у него, что у него есть,
выпряги его лошадок.

Известно, что благородный учился разбою, как сапожник сапожному ремеслу. И в песне весело поется:

Грабить, разбойничать — в этом нет стыда,
это делают лучшие в стране.

И та же самая картина в других странах: «Господа не бросают своей жизни рыцарей-разбойников» («les seigneurs ne laissent pas d'aller a le proie») пишет *Жак де Витри* о Франции.

В Италии и Англии разбойничье рыцарство получило особенный оттенок: оно стало морским разбоем. Этот последний, однако, мы должны рассмотреть в другой связи, потому что он почти постоянно является в форме хозяйственного предприятия, в то время как здесь речь идет только о единоличных способах добывания денег, к которым можно (во многих случаях по крайней мере) причислить разбой «из стремени». Но так как в нем все-таки заложен зародыш предприятия, и так как предпринимательский дух может в разбойничьем рыцарстве получить толчок к своему развитию, следовало упомянуть здесь о нем.

2. Нажива путем волшебства

Из совершенно иного духа рождены те стремления, которые я здесь имею в виду: волшебные средства должны помочь приобрести богатство. Это предполагает веру в мир, полный духов и демонов, в возможность поддерживать сношения с этими духами, заставляя их служить

собственным целям. Люди призывают помощь богов. И живая, часто болезненно возбужденная фантазия помогает находить случаи, когда духи могут оказать помощь.

Требовалось чудодейственным образом овладеть желанным золотом: либо найдя его, либо создав его. Таким образом приходили к двум различным способам: к кладоискательству, с одной стороны, к алхимии — с другой.

С кладоискательством мы встречаемся с самых ранних времен. «С переселением народов и до настоящего времени одно из тайных желаний германцев — найти клад: те же самые средства — заклинания, то же суеверие через тысячу пятьсот лет» (33).

В действительности мысль найти зарытые сокровища в те ранние времена была вовсе уж не такой сумасбродной. Ибо значительные массы благородного металла в монете и в иных видах были повсеместно зарываемы, в особенности во время войн.

Подумайте только: в те ужасные времена,
Когда людские потоки затопляли страны и народы,
Тогда тот или иной, как это его ни пугало,
Прятал куда-нибудь самое для него дорогое;
Так это было с давних пор во времена могучих римлян,
И так продолжалось до вчерашнего, даже до
сегодняшнего дня.
Все это тихо лежит, зарытое в земле...

И волшебные заклинания, таинственные, должны
были открывать врата. Ночью, ночью!

Днем познавать — это вздор;
Во тьме обитают мистерии.

И это были, наверное, те самые люди, — люди с незначительной энергией в работе, с небольшим прилежанием, но горячие в вождении, смелые в действии, упорные в следовании навязчивым идеям, легковверные и богатые фантазией, — это они всю свою жизнь с правильными повторениями искали в земле клады, это они в те великие дни, когда по земле приходила весть о вновь открытых зо-

лотых и серебряных залежах, поднимались, оставляли дома жену и детей и, в то время как их мастерские или лавки стояли пустые и плуг лежал в борозде полей, гнались за фантомом, явившимся перед их очами. Источники сообщают нам, с какой силой со времен средневековья этот пароксизм разведок, эта горячка золотоискательства постоянно от времени до времени охватывала людей, и это дело не иначе обстояло у Роммельсберга в XIII столетии или около Фрейбурга в XIV, в Иннтале в XV столетии или в XVI в. в Перу, в XVII — в Бразилии, чем в 50-х годах прошлого столетия в Калифорнии или в конце прошлого столетия в Клондайке. Быть может, души с тех пор стали трезвее. Золотоискателей влекут к делу уже не сказки о чудесном позолоченном принце или золотом доме-солнце; но в основном настроении ничего не изменилось.

Ну, а если бы можно было даже *делать* золото! Чтобы достичь этого, «отдавались магии», занимались *алхимией*, опять-таки не как будничной профессией, но как чем-то вроде богослужения, которому предавались в освященном настроении. Первоначально могли преобладать другие силы, бросавшие людей в объятия алхимии. Но вскоре интерес к добыванию золота все более и более выступал на первый план:

«В течение более тысячи лет все химическое знание сводилось лишь к алхимии, и с единственной целью: для того чтобы служить решению задачи, как искусственно производить благородные металлы» (34).

С XV столетия алхимия сделалась почти исключительно средством к цели обогащения. К великому возмущению истинных «адептов», Ванька и Петр овладели теперь тигелем, чтобы попытать своего счастья. Адепты жаловались (35):

Каждый почти хочет считаться алхимиком,
Грубый идиот, ученик со стариком,
Цирюльник, старая баба, досужий советник,
Бритый наголо монах, священник и солдат.

«Тогда ведь всякий охотно хотел вычитать в писаниях алхимии такие штуки или волшебства, которые можно

было бы легко и просто применить и путем которых он мог бы в скорое время сделать много золота и серебра» (36). Впервые своего апогея горячка делания золота достигла в течение XVI столетия: в то время страсть к герметическим работам^{19*} захватила все слои населения. От крестьянина до князя всякий верил в правду алхимии. Жажда быстро разбогатеть, заражающее влияние примера вызывали повсеместно желание отдаться этому занятию. Во дворце и в хижине, у бедного ремесленника так же, как и в доме богатого горожанина, можно было видеть в действии приспособления, при помощи которых годами искали философского камня. Даже решетка монастырских врат не представляла препятствия к проникновению алхимического искусства. Не было будто бы ни одного монастыря, в котором бы не было поставлено печи для делания золота (37).

Многие из алхимиков достигли, как известно, высокого положения и по мере сил использовали свое искусство, в особенности при княжеских дворах. Придворные адепты, бывшие также часто и придворными астрологами, являются характерным явлением для XVI и XVII столетий: от кельнского «волшебника» Корнелиуса Агриппы^{20*} до венецианских алхимиков, которые в XVII столетии ввели во искушение венский двор своими предложениями «фиксировать» ртуть (38). *Иог. Иоах. Бехер* приводит целый перечень таких авантюристов-алхимиков своего времени: «Среди алхимиков нынешнего времени, которые слывут публичными обманщиками и софистами, как Рошфор, Марсини, Кронеман, Марсали, Гаснеф, Гасман, можно по справедливости назвать и этого Жакоби де Ла-Порт, который занимается своеобразной профессией выкапывания кладов и притом посредством «Clavicula Salomonis»^{21*}.

Эти придворные адепты были сродни другой в высокой степени своеобразной разновидности людей, игравшей крупную роль в те века полутьмы, с которой мы теперь должны ознакомиться еще поближе: прожектерам. В этих последних мы найдем также те соединительные пути, которые из «черной кухни» ведут в директорские кабинеты современных банков.

3. Нажива путем использования духовных способностей (изобретательности)

В другом месте, где я попытался изобразить сущность техники в эпоху раннего капитализма (39), я обращал внимание на то, как богато было изобретательными головами время Ренессанса и в особенности время барокко, как люди были полны в то время цветущей, часто достаточно необузданной фантазией и как те века буквально кишат техническими выдумками.

Этот изобильный дар изобретательности, который мы, впрочем, находим распространенным во всех слоях населения, отнюдь не ограничивается одними только техническими проблемами. Он, напротив, перекинулся в область хозяйства и в другие области культуры и вызвал на свет неисчислимые идеи реформ и преобразований, которые предпочтительно относились к государственным финансам, но касались также и частной хозяйственной жизни. Что, однако, вызывает здесь наш особый интерес — это то, что на протяжении столетий масса таких одаренных изобретателей сделали себе промысел из своей изобретательности, предоставляя в распоряжение других свои более или менее применимые на практике мысли и идеи за соответствующее вознаграждение. Существовала прямо профессия, «цех» прожекторов, задача которых заключалась, следовательно, в том, чтобы расположить в пользу своих планов князей, великих мира сего, богачей страны, побудить их к выполнению этих планов. Всюду, где имеются влиятельные лица: при дворах, в парламентах — мы встречаем таких прожекторов, но и на улице, на рынке они также стоят и предлагают свои идеи на продажу. Ввиду того что это явление профессионального прожектерства является чрезвычайно важным и все же до сих пор, насколько я усматриваю, не было описано ни одним историком хозяйственного быта в связи с последним, я хочу сообщить здесь некоторые подробности о распространении и своеобразии этой человеческой разновидности, которую уже в ее время называли «проектантами».

Уже в XVI столетии появляются такие «проектанты»: мы встречаем их в то время при дворах *испанских королей*. Об одном из них *Ранке* сообщает нам следующее:

«Не было еще, в сущности, никакой науки о государственном хозяйстве; отсутствовали даже те познания, те навыки, в которых нуждается управление финансами в широком масштабе: выдвигались больше единичные личности, которые сохраняли, как тайну, результаты своих размышлений и соглашались сообщить их только за особое вознаграждение. Это как бы авантюристы и погибшие люди, которые, на счастье, отваживались опережать многочисленные ряды учителей и учеников камералистики. Это были главным образом флорентийцы. Некий Беневенто, который уже предлагал свои услуги венецианской синьории (чтобы, „не облагая народа податями, не вводя никаких значительных новшеств, основательно повысить ее доходы“; при этом он требует только 5% тех выгод, которые он ей доставит), был одновременно призван двумя: император Фердинанд вызвал его к своему двору; он появился и у Филиппа. Этому последнему он действительно предложил выгодный план. По его совету Филипп в Зеландии откупил назад у владельцев привилегии солеварения, и т. д.» (40).

Но настоящей эпохой прожектерства явилось, по-видимому, только XVII столетие, такое благословенное и богатое и во всех других отношениях. Счастливая случайность сохранила для нас источник, из которого мы для *Англии* можем довольно точно установить время, когда прожектерство достигло, во всяком случае, наибольшего распространения: этот источник — сочинение *Дефо* о проектах (*An Essay on Projects*), появившееся в 1697 г. и в 1890-м переведенное на немецкий язык *Гуго Фишером* под заглавием: «Социальные вопросы двести лет назад».

В нем необычайно осведомленный, как известно, автор характеризует свое время прямо как эпоху прожектерства и называет 1680 год началом этой «эпохи»: «около 1680 г. искусство и секрет прожектерства начали выпол-

зять на свет»¹. Он понимает этим, что, во всяком случае, никогда прежде не была достигнута такая высокая степень развития прожектерства и изобретательства, «по крайней мере, что касается торговых дел и государственных учреждений».

В его время страна кишела такими людьми, «которые — не говоря о бесчисленных идеях, умирающих во время рождения и (подобно недоноскам мозга) появляющихся на свет лишь для того, чтобы распасться, — действительно ежедневно выдумывали новые ухищрения, уловки и планы, чтобы нажить деньги, о которых прежде никто не знал».

В другом месте он несколько точнее описывает, что подразумевается под названием «прожектер»:

«Есть люди, слишком хитрые для того, чтобы сделаться в своей погоне за золотом действительными преступниками. Они обращают свои мысли на известные скрытые виды уловок и обманов, — просто иной путь воровства, такой же дурной, даже более дурной, чем остальные: так как они увлекают под прекрасными предложениями честных людей отдать им свои деньги и следовать их указаниям, а затем ускользают за занавес какого-нибудь безопасного убежища и показывают длинный нос и честности, и закону. Другие обращают под давлением необходимости свои мысли на добросовестные, основанные на почве честности и беспорочности изобретения. Людей обоих классов называют прожектерами, и так как всегда бывает больше гусей, чем лебедей, то по количеству вторая группа значительно меньше первой». «...Простой прожектер, — продолжает Дефо, — есть поэтому презрительное обозначение. Прижатый к стене своим отчаянным имущественным положением до такой степени, что он может быть освобожден только чудом или должен погибнуть, он

¹ Немецкий переводчик не совсем правильно передает английский текст, гласящий: «about the year 1680, the art or mystery of projecting began visibly to creep into the world», так как «mystery» здесь, очевидно, имеет значение слова «ремесла». — *Примеч. пер.*

напрасно ломает себе голову в поисках такого чуда и не находит иного средства к спасению, как, подобно содержанию театра марионеток, заставлять кукол произносить высокопарные слова, объявлять то или иное как нечто еще не существовавшее и раструбить его в качестве нового изобретения, потом добыть себе патент, разбить его на акции и продать их. В средствах и путях раздуть новую идею до невероятных размеров у него нет недостатка; тысячи и сотни тысяч — это самое меньшее, о чем он говорит, иногда это даже миллионы, — пока наконец какой-либо честный дурак из честолюбия не даст себя уговорить отдать за них свои деньги. И тогда — *nascitur ridiculus mus*^{22*}. Бедному смельчаку предоставляется осуществлять дальше проект, а прожектер смеется в бороду. Пусть водолаз опускается на дно Темзы, фабрикант серы пусть строит дома на пруде Тома Т-да, инженеры пусть строят модели и ветряные мельницы, чтобы черпать воду» и т. д. (Цит. соч. С. 21).

В одном месте своего произведения *Дефо* делает замечание, что французы не были «так плодovitы в отношении изобретений и измышлений всяких средств», как англичане. В этом он, однако, сильно ошибается; напротив, является искушение сказать, что классической страной прожектеров является Франция, где в то же время, как и в Англии, скажем, от середины или конца XVII столетия и далеко в XVIII столетие проходят те же явления, что и по ту сторону канала, и, быть может в соответствии с характером народа, в еще более темпераментной и драматической форме. Для Франции также, и именно для нее, хорошие знатоки тех эпох уже в начале XVII столетия констатируют «страсть изобретать и быстро этим путем обогащаться» (41). Прожектеров называли во Франции «*donneurs d'avis*», «*brasseurs d'affaires*»^{23*}.

Этим *donneurs d'avis*, как мы узнаем (42), кишат парижские мостовые (имеется в виду XVII столетие); их можно видеть в 10 часов у выхода из дворца на *Place du Change*: там они болтаются непрерывно. Большинство из них — голодные люди, не имеющие даже плаща (что их беспощадно деклассирует), но зато имеющие веру. Их

встречаешь всегда в тот момент, когда они только что открыли какую-нибудь блестящую вещь. Они проскальзывают в передние, обивают пороги должностных лиц государства и ведут таинственные разговоры с блестящими женщинами. Их сегодняшний день достоин сожаления; их завтра полно обещаний и света. Это завтра принесет им знаменитый миллион. Они обладают умом, воображением в большей степени, чем рассудком. Достаточно часто они являются с детскими, необычайными, причудливыми, чудовищными идеями, выводы из которых они, однако, развивают с математической точностью. Их совет, который они дают (avis), — это идея сегодняшнего дня: за подачу совета, за продажу идеи они получают вознаграждение: le droit d'avis. Некоторые имеют великолепные идеи, обогащающие их (как, например, Тонти, изобретатель Тонтины), другие прозябают и дают себя эксплуатировать людям, имеющим меньше фантазии, но больше знания, света и больше связей и знающим, где найти нужные деньги. Их характер нам изображают следующим образом: полные беспокойства, полные чутья, всегда с планами, с пронизывающим взглядом, с острыми когтями, в вечной погоне за талерами. Среди них можно встретить непризнанных изобретателей, романтиков действия, беспокойные и тонкие умы, банкротов с возможно более темной шляпой на голове, детей богемы, удравших из буржуазной среды и теперь снова стремящихся обратно, смелых и осведомленных людей, едящих свой хлеб в дыму харчевни, когда не нашлось дурака, которого бы можно было ошипать, грязных авантюристов, кончающих свою жизни либо в грязи на улице, либо в золоченой коже крупного финансиста.

Как должен был быть распространен тип прожектерства во Франции того времени, показывает нам роль, которую его заставляет играть *Мольер* в своих «*Les Facheux*», где он является нам, как одна из постоянных фигур парижского общества, по характеристике, данной Эрастом:

(Тихо). Void quelque souffleur, de ces gens qui n'ont rien
Et vous viennent toufours promettre tant de bien.

(Громко). Vous avez fait, monsieur, cette bénite pierre,
Qui peut seule enrichir tous les rois de la terre?“^{24*}

Нет, отвечает Ормен: философского камня он не нашел, и он не может также предложить ни одного из тех глупых проектов, которыми прожужжали уши сюринтендантам. Нет, его проект совершенно солидный и принесет королю 400 млн франков дохода, без копейки налогов. Проект состоит в том, чтобы снабдить все побережье Франции хорошими гаванями.

Тип прожектера во Франции конца XVIII столетия все еще не вымер, как нам показывают описания Парижа того времени (43).

И в других странах тоже процветало прожектерство. Приведем еще только один пример: при австрийском дворе значительную роль играл около середины XVIII столетия некий Каратто, о котором *Стунан* замечает (44): «Каратто (который 25 января 1765 года представил докладную записку о некоторых коммерческих предложениях) занимается уже более сорока лет ремеслом проектанта; его принципы хороши и неопровержимы, но выводы его преувеличены. Если входить в подробности, то натыкаешься на сумасбродные идеи. Эти разглагольствования известны во всех учебных заведениях и не заслуживают никакого внимания; государству помогают не словами, а идеями, оно нуждается в реальных вещах».

Должен ли я в заключение упомянуть о Калиостро, чтобы призвать на помощь общеизвестные представления для лучшего понимания существа этих «проектантов»? У Калиостро, правда, эта сущность улетучивается, остаются лишь чистый авантюризм и шарлатанство. Но зерно и у этого необычайного человека, которого мы встречаем по всему свету, во всех столицах земли, при всех дворах Европы, зерно это все-таки — делатель золота и «проектант», стремящийся, главным образом с помощью женщин, которым в этой связи отведена видная роль, воодушевить великих и могучих мира сего смелыми, неслыханными идеями и наряду с этим продающий жизненные тинктуры, сальные эссенции и воду — секрет красоты.

Какое место принадлежит прожекторам в генезисе капиталистического духа, это достаточно очевидно: они — родоначальники всех Лоу, Перейра, Лессепсов, Строусбергов, Саккаров и тысячи тысяч мелких «грюндерских» душ^{25*}, которыми полно наше время. Чего им не доставало и что они уже частью (как мы в отдельных случаях могли заметить) стремились создать сами, это самый круг деятельности: предприятие. Они еще стояли вне делового мира, еще не были сами деловыми людьми, не были сами предпринимателями. Идеи, которые были призваны создать существо капитализма, еще парили, как безжизненные тени, и ожидали часа своего рождения. Он мог прийти только после того, как с ними соединилась идея предприятия, как это подробно будет показано впоследствии.

Сначала мы еще должны ознакомиться с некоторыми другими до- и внекапиталистическими способами добывания денег, которые также оказали значительное содействие развитию капиталистического духа. Я имею в виду:

4. Нажива путем использования денежных средств

Тот, кто уже обладал денежными средствами, находился в особенном положении. Ему не нужно было ни заниматься разбоем, ни искать спасения в волшебных средствах. Ему представлялись различные возможности с помощью своих же денег приумножить свои деньги: человеку с холодным характером такую возможностью представлялась ссуда денег, человеку с горячим темпераментом — игра. Всегда при этом для него не было необходимости соединяться с другими товарищами для совместной деятельности, а наоборот, он мог оставаться дома в своей одинокой келье: один и вместе с тем единственный кузнец своего счастья. Какое выдающееся, огромное значение имела частная ссуда денег в течение всего средневековья и до настоящего времени, это знает теперь каждый после того, как я обратил на это внимание в моем «Современном капитализме».

Мне не нужно поэтому ничего здесь говорить и о ее распространении. Я хочу только заметить пока бегло, чтобы впоследствии обосновать это подробнее, что ее участие в образовании капиталистического духа двоякое: 1) она вырабатывает в психике тех, кто ею по профессии занимается, своеобразные черты, имевшие большое значение для образования капиталистического духа, чем она косвенно содействует его развитию; 2) она представляет один из отправных пунктов для возникновения капиталистического предприятия и способствует таким образом непосредственно зарождению капиталистического духа.

Это в особенности ясно в тех случаях, когда посредством ссуды денег оказывается производительный кредит. В таких случаях денежная ссуда уже совсем тесно соприкасается с капиталистическим предприятием, которое она почти из себя порождает. Из нее таким путем возникает предприятие по скупке продуктов у мелких производителей, в котором, как мы видим, развивается совершенно своеобразный дух.

Не менее значительно содействовала возникновению капиталистического духа *игорная страсть*. Правда, игра в кости и карты скорее отклоняла с того пути, на котором он нашел себе развитие. Быстро вошедшая в употребление с конца XVII столетия лотерейная игра (45) также едва ли способствовала его развитию. Зато важным этапом в его развитии явилась биржевая игра, которая в XVII столетии переживает первую эпоху своего расцвета, чтобы затем в начале XVIII столетия достичь полного развития. Не тем, что биржевая игра сама в каком бы то ни было смысле является проявлением капиталистического духа, как это думали. Она имеет к собственно хозяйственной деятельности столь же малое отношение, как карточная или лотерейная игра. Но она обходными путями, как мы увидим, оказала влияние на развитие капиталистического духа.

Представляется необходимым для нас несколько ознакомиться с теми своеобразными психическими явлениями, которые наблюдаются при биржевой игре, и для этой цели я коротко изобразю (46) тюльпанную манию в Ни-

дерландах, потому что она в классической чистоте представляет уже все те черты, которые опять возвращаются во всех позднейших периодах массового увлечения, только в более крупном масштабе.

В 1554 г. естествоиспытатель Бусбекк вывез тюльпан из Адрианополя в Западную Европу. В Нидерландах, где он также привился, в 1630-х годах внезапно возникла (по известным причинам) страстная любовь к новому растению. Каждый старался приобрести луковицы тюльпанов, вскоре, однако, уже не для того, чтобы обладать ими, а для того, чтобы путем выгодной продажи на них обогатиться. Это послужило поводом к хорошо организованной биржевой торговле, в которой скоро приняли участие все слои населения. В одном старинном сочинении (*De opkomst ondergang van Flora*, Амстердам, 1643) сказано: «Дворяне, купцы, ремесленники, моряки, крестьяне, носильщики торфа, трубочисты, слуги, работницы, торговки, — все были охвачены одной страстью. Во всех городах были избранные трактиры, замещавшие биржу, где знатные и простые торговались из-за цветов». В 1634 г. (по Джону Френсису) главные города Нидерландов были опутаны торгом, который разорял солидную торговлю, поощряя игру, возбуждал вождление богатых так же, как жадность бедных, поднимал цену цветка выше его веса в золоте и закончился, как кончаются все подобные периоды, в нищете и диком отчаянии. Многие были разорены и немногие обогатились; на тюльпаны в 1634 г. был такой же яростный спрос, как в 1844 г. на железнодорожные акции. Спекуляция уже в то время руководилась принципами, подобными нынешним. Сделки заключались на поставку определенных тюльпанных луковиц, и когда, как это случалось, на рынке было только две штуки, то продавали имение и земли, лошадей, волов, всякое добро и имущество, чтобы заплатить разницу. Заключались договоры и платились тысячи гульденов за тюльпаны, которых не видали ни маклеры, ни покупатели или продавцы. Некоторое время, как обычно в такие периоды, все наживали и никто не терял. Бедные люди становились богатыми. Люди

знатные и простой люд торговали цветами. Нотариусы обогащались, и даже трезвый голландец мечтал видеть перед собой долговечное счастье. Люди самых различных профессий реализовали в деньги свое имущество. Дома и орудия предлагались по бросовым ценам. Страна отдалась обманчивой надежде, что страсть к тюльпанам может продолжаться вечно; и когда узнали, что и за граница охвачена той же горячкой, то поверили, что богатство сконцентрируется у берегов Зюдерзее и что бедность станет сказкой в Голландии. Серьезность этой веры доказывают цены, которые платили: имения ценой в 2500 фл. отдавались за экземпляр известной породы; за другую породу предлагали 2000 фл., за третью платили новой телегой и парой белых коней со всей сбруей. Четыреста ассов (1/20 грамма) тюльпанной луковицы под названием Адмирал Лифкен стоило 4400 фл., 446 ассов Адмирал фон дер Эйк — 1600 фл., 1600 ассов Шильдер — 1615 фл., 410 ассов Висрой — 3000 фл., 200 ассов Семпер Аугустус — 5500 фл. и т. д. Городские регистры Алькмара свидетельствуют, что в 1637 г. сто двадцать тюльпанных луковиц было публично продано в пользу сиротского дома за 90 000 фл. В течение пары лет в одном только городе Голландии было куплено и продано тюльпанов более чем на 10 млн фл.

В 1637 г. наступил внезапный переворот. Доверие исчезло; договоры стали нарушаться; удержание залогов стало обычным явлением. «Мечты о безграничном богатстве исчезли, и те, кто за неделю перед этим были счастливыми обладателями тюльпанов, реализация которых принесла бы им княжеское состояние, печально и недоуменно смотрели теперь на жалкие луковицы, которые лежали перед ними и, не имея сами по себе никакой ценности, не могли быть проданы ни за какую цену».

Тюльпанная мания в Голландии особо поучительна. Не только потому, что она первая из этих спекулятивных увлечений крупного масштаба, но и вследствие того предмета, к которому относилась игорная горячка. Впоследствии этим предметом по общему правилу сделалась акция. Так прежде всего было вскоре после этого времени в

тех обеих крупнейших спекулятивных горячках, которые человечество вообще пережило до сих пор: при основании банка Лоу во Франции и Компании Южного моря в Англии (с 1719 по 1721 г.). Но если хотеть дать себе отчет, в чем заключается сущность дела при подобных эпидемиях игры, то надо как раз отвлечься от понятия акции.

Акция обосновывает право на долевое участие в прибыли какого-нибудь предприятия. И это могло бы легко возбудить видимость, что цены гонит вверх ожидаемая от предприятия прибыль. Это, однако, только лишний внешний повод, чтобы возбудить интерес к бумаге, в то время как настоящая побудительная сила исходит от действующего, в конце концов, совершенно инстинктивного влечения к игре. Малейшее размышление во времена повышательного движения показало бы, что цены акций не находятся более ни в какой зависимости от самой даже фантастической прибыли. Пример:

30 сентября 1719 г. состоялось, согласно уставу, общее собрание банка Лоу. Ранее был обещан дивиденд в 12% к номинальному капиталу. Это дало бы при тогдашней высоте акций только 1/2% на действительный капитал. Лоу должен был, конечно, опасаться, что, если бы эти цифры стали известны, это привело бы к крушению всего его создания. Он обещал поэтому 40% (которые уже были совершенно фантастичны). Но и эти 40% дали бы на действительный капитал только 1–2/3%.

И что было последствием этих постановлений? Может быть, отрезвление публики? Ничуть не бывало! Как раз после этого общего собрания курс акций начал особенно повышаться и достиг восемью днями позже своей высшей точки в 18 000.

Нет. В подобных процессах мы имеем дело с явным массовым психозом: люди внезапно охватываются лихорадкой, опьянением, страстью, исключаящей всякое разумное размышление. Путем взаимного внушения любой какой-нибудь предмет (как это именно в классической форме показывает тюльпан) облекается преувеличенными представлениями о ценности и делается таким образом способным к непрерывному повышению цены. Этот

рост цены и есть затем то возбуждающее средство, которое пробуждает игорную страсть. Эта последняя становится потом такой мощной, что она в конце концов превосходит по своей силе первоначальное побуждение к образованию всего этого явления, именно страсть к наживе, и одна только, движет психикой.

Сама по себе, таким образом, биржевая игра или, вернее, действующая на бирже (или в биржевой форме) игорная страсть, как бы она ни проявлялась — в таких ли бурных повышениях цен, как это от времени до времени бывает при повышательном движении какого-нибудь фаворита, или в форме такой мелочной будничной игры, — имеет столь же малое отношение к развитию капиталистического духа или в такой же малой мере представляет эманацию этого духа, как какая-нибудь партия покера и баккара у зеленого стола. Хозяйственная жизнь, которая должна одушевляться капиталистическим духом, наоборот, отмирает под влиянием такой игорной страсти. Это всеобщее установленный факт, что именно в прежнее время, как раз в течение больших игорных периодов XVII и XVIII столетий, торговля и транспорт терпели ущерб, потому что носители хозяйственной жизни, вместо того чтобы заботиться о своих делах, сидели по трактирам и вели разговоры о судьбе объектов игры или заключали сделки на желанные акции.

Что все-таки приводит эти своеобразные проявления стремления к наживе в уже отмеченную связь с развитием капиталистического духа, это следующее:

1. Игорная страсть в форме биржевой игры в конце концов все-таки была как бы переработана в предпринимательский дух (являющийся составной частью капиталистического духа): тем, что страсть к игре и радость от выигрыша проявлялись в таких стремлениях, которые должны были воплотить капиталистическое существо; тем, что дико мятущуюся игорную страсть как бы втискивали в направление капиталистического предприятия, ставили ее как бы на рельсы капиталистических интересов. В основе каждого современного спекулятив-

ного предприятия (как мы еще подробнее увидим) есть значительная доля игорного безумия и игорной страсти в связанном и деятельном состоянии. И контакт между учредителями и покупателями акций, который ведь необходим для осуществления известного рода предприятий, устанавливается не в последней степени через часто недостаточно осознанную и скрываемую общую склонность к страстной игре.

2. Развитие биржевой игры чисто внешним образом способствовало тому, что иные духовные силы, принимавшие сильное участие в построении капиталистического духа, вообще смогли достичь полного развития. Я имею в виду уже упоминавшееся пристрастие к прожектерству, которое к концу XVII столетия было распространено во всей Европе и подало непосредственный повод к основанию многочисленных капиталистических предприятий.

Это прожектерство не смогло бы, однако, оказать и приблизительно такого же действия, если бы оно не было объединено с возникающей в то же время биржевой игрой. Она не только представляла те внешние формы, в которых проекты могли проникнуть в действительность: она делала и умы восприимчивыми к побуждениям, исходившим от прожектеров. Мы имеем счастье снова найти подтверждение этим выводам, добытым из общих соображений и наблюдений, у одного из лучших знатоков дела того времени — *Д. Дефо*, который отзывается об этих соотношениях следующим образом.

«В конце XVII столетия, — говорит он (и правильность этого предположения подтверждается и другими свидетельствами: это в то время, когда голландские евреи овладевают лондонской биржей (47)), — начала развиваться в Англии торговля ценными бумагами (*stockjobbing*). Она заключалась вначале в простых и случайных переводах процентов и акций с одного лица на другое. Но стараниями биржевых маклеров, получивших это дело в свои руки (именно евреев), откуда возникла торговля, и притом такая, которая велась, быть может, с наибольшими интригами, хитростями и

кознями, когда-либо осмеливавшимися появиться под маской честности. Ибо маклеры, держа сами в руке кубок с костями, делали всю биржу игроками, повышали или понижали цену акций по своему желанию и имели при этом всегда наготове покупателей и продавцов, которые вверяли продажному языку маклеров свои деньги. После того как внезапно выросшая торговля вкусила сладость успеха, обычно сопровождающего всякое новшество, из нее снова зарождается то стоящее вне закона многогранное явление, о котором я говорю (подразумеваются проекты), как подходящее орудие, чтобы дать работу биржевым шарлатанам. *Так биржевой торг воспитал прожектерство*, и оно за это послужило весьма ревностной сводней для своего молочного брата, пока, наконец, оба не сделались вызывающим раздражение бичом страны» (48).

Этим, однако, мы в нашем изображении уже захватили другие процессы развития явлений, которые мы должны еще сначала проследить от их начатков: я имею в виду возникновение предприятия, которое должно быть показано в следующих главах. Ибо до сих пор во всех стремлениях к добыче денег не было еще заложено ничего, подобного предприятию. Все они предпринимались отдельными лицами за свой страх, как мы это установили. Решающим показателем теперь является то, что жажда денег соединяется с предприятием, и из этого соединения собственно только и вырастает капиталистический предпринимательский дух.

СУЩЕСТВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДУХА (48а)

Предприятием (в самом широком смысле) мы называем всякое существование дальновидного плана, для проведения которого требуется длительное совместное действие нескольких лиц, подчиненное единой воле.

«Дальновидного плана»: это исключает инстинктивные, внезапные вдохновения. Не составляет предмета «предприятия», если пара бродяг быстро сговариваются ограбить только что прошедшего мимо прохожего, наоборот, его составляет план воровского сообщества в такой-то день выполнить хорошо обдуманый взлом, и еще более — план того же воровского сообщества сходиться для выполнения многочисленных краж со взломом.

Требуется «осуществление» плана: недостаточно, следовательно, того, что идея плана зародилась, и того также, что его выполнение уже решено и обсуждено.

Чтобы осуществилось предприятие, план должен быть такого рода, что «для его проведения требуется длительное совместное действие нескольких лиц». Предприятие, следовательно, не есть осуществление хотя бы самого дальновидного плана, если его выполняет только один. Поэтому исключается всякая художественная, так же как и всякая чисто ремесленная деятельность.

Проведение плана должно быть подчинено единой воле, которая все же может быть воплощенной в нескольких лицах или даже может являться только мыслимым единством. Совместно предложенная и осуществленная прогулка не есть предприятие, но африканская экспедиция или Куковское либо Штангенновское путешествие является таковым.

Область предприятия так же широка, как вообще поле человеческой деятельности. Понятие это, следовательно, вовсе не ограничено хозяйственной областью. Хозяйственное предприятие есть, напротив, «подвиг предпри-

ятия вообще, а капиталистическое предприятие — подвиг хозяйственного предприятия».

Предпринимательским духом мы можем назвать совокупность всех душевных качеств, которые необходимы для успешного выполнения предприятия. Они различаются, с одной стороны, поскольку предпринимателем должны осуществляться весьма различные функции. Они количественно различны, с другой стороны, поскольку задачи, которые должен осилить предприниматель, смотря по размерам и трудности предприятия, чрезвычайно друг от друга отличаются по мощности. Всегда, однако, предприниматель должен быть, если хочет иметь успех, трояким: завоевателем — организатором — торговцем.

1. Завоеватель

Душевные качества, которые требуются для выполнения предприятия, главным образом следующие:

а) способность составлять планы; следовательно, известное идейное богатство; известная мера *духовной свободы* должны быть свойственны предпринимателю;

б) влечение к осуществлению плана, воля к действию должны быть налицо. Это отличает изобретателя-предпринимателя от «чистого» изобретателя, которому достаточно, что он сделал изобретение. Предпринимателя влечет дать жизнь своему (или также чужому) изобретению в тысяче образов. Он одержим навязчивой идеей дать исполнение своему плану. *Духовной энергией* должен он обладать;

с) способность к выполнению плана должна быть налицо.

К ней прежде всего принадлежат необходимые *упорство и постоянство*, которые не отступают от преследования цели. Истинный предприниматель-завоеватель должен обладать решимостью и силой побороть все препятствия, становящиеся на его пути. Завоевателем он должен быть также в смысле человека, который имеет силу

на многое отважиться, который жертвует всем, чтобы достичь великого для своего предприятия. Эта отвага роднит его с игроком. Для всего этого необходимы духовная эластичность, духовная энергия, упругость, постоянство воли.

2. Организатор

Так как дело, выполняемое предпринимателем, всегда такого рода, что при нем помогают другие люди, и так как, следовательно, он должен заставить других людей служить своей воле, то для того, чтобы они действовали совместно с ним, предприниматель прежде всего должен быть также хорошим организатором.

Организовать — значит соединить много людей в счастливой, успешной, совместной деятельности, значит так расположить людей и предметы, чтобы желаемое полезное действие полностью проявилось. В этом опять-таки заключены весьма многообразные способности и действия. Прежде всего тот, кто желает организовывать, должен обладать способностью оценивать людей в отношении их продуктивности, должен, значит, уметь выбрать годных для известной цели людей из большой массы. Затем он должен иметь талант заставить их работать вместо себя, и притом так, чтобы каждый стоял на своем месте, там, где он отдает максимум действия, и постоянно подчинять их всех так, чтобы они в действительности развивали отвечающую их производительности высшую меру деятельности. Наконец, предпринимателю надлежит нести заботу о том, чтобы объединенные в совместной деятельности люди были соединены в действительно производительное целое, чтобы координация супер- и субординации отдельных участников в деле была правильно упорядочена и чтобы их последовательные действия правильно сменяли друг друга: «собираение сил в пространстве»; «объединение сил во времени», как этого требует от полководца *Клаузевиц*.

3. Торговец

Есть еще и другого рода отношения, в которые входит предприниматель с людьми, кроме обозначенных словом «организовать». Он должен сначала сам завербовать себе людей; он должен затем непрерывно заставлять чужих людей служить своим целям, побуждая их к известным действиям или бездействию иначе, чем посредством принуждения: руководитель экспедиции хочет добыть себе свободный проход через известную область; он хочет обеспечить себя и своих спутников жизненными припасами; капиталистический предприниматель хочет продать свои продукты; государственный человек хочет заключить торговый договор и т. д. Для этой цели он должен и вступать в переговоры: вести с другим беседу, чтобы путем проведения своих доводов и опровержения его встречных доводов побудить его к принятию известного предложения, к совершению или несовершению известного действия. Переговоры — это борьба духовным оружием.

Предприниматель должен, следовательно, уметь также *хорошо вести переговоры, договариваться, сговариваться*¹, как мы выражаем один и тот же процесс в различных оттенках (49). Торговля в узком смысле, т. е. ведение переговоров в хозяйственных делах, есть только одно из многочисленных проявлений переговоров вообще. Так как, однако, эта форма переговоров — «ведение торгога» — в нашей постановке проблемы нас предпочтительнее всего интересует, то надо добавить еще кое-что к ее характеристике, причем следует помнить, что здесь словом «торговец» или «ведущий торгога» должна обозначаться не особенная профессиональная деятельность, совершение товарообмена, но функция, осуществляемая во многих областях круга предпринимательской деятельности.

¹ В оригинале ein Verhandler, Unterhändler, Händlersein.

В. Зомбарт подчеркивает отсутствующую в русском языке этимологическую общность корней этих трех слов, отвечающую логическому сродству понятий и реальной родственной деятельности. См. сн. 49 в указателе источников. — *Примеч. пер.*

Вести торг в этом особенном смысле — значит, следовательно, вести переговоры о покупке или продаже какого-нибудь товара (акции, предприятия, облигации займа). Торг ведет (все в этом же специфическом значении) мелкий разносчик, когда он торгуется с кухаркой о продаже ему заячьей шкурки, или еврей-старьевщик, когда он целый час убеждает деревенского извозчика продать штаны; но также и Натан Ротшильд, который в течение длящейся много дней конференции с прусским «переговорщиком» заключает под особенно сложными условиями миллионный заем; или представители Standard Oil Company, которые совещаются с железнодорожными обществами всей федерации о генеральном соглашении для урегулирования тарифов; или Карнеджи и его сподвижники, когда они обсуждают с И. Пирпонтот Морганом и его людьми передачу фабрик Карнеджи за миллиардную цену. «A was the masterly piece of diplomacy in the history of American industry»^{26*} замечает историограф U. S. Corporation к отчету об этом событии. Здесь выступают чисто количественные различия; зерно дела одно и то же: душа всякого современного «торга» — это переговоры, которые, конечно, вовсе не всегда должны происходить устно с глазу на глаз. Они могут вершиться и молчаливо: когда продавец, например, путем всякого рода ухищрений в такой мере возбуждает в публике веру в достоинства своего товара, что она видит себя вынужденной покупать товар у него. Рекламой называются подобные ухищрения. Здесь можно было бы, опираясь на явления из времен детства товарообмена, говорить о «немом меновом торге», если только хотеть называть немymi восхваления в словах и изображениях.

Всегда речь идет о том, чтобы убедить покупателя (или продавца) в выгоде заключения договора. Идеал продавца достигнут тогда, когда все население ничего не считает более важным, как покупать как раз восхваляемый им предмет, когда людскими массами овладевает паника, что они своевременно не успевают его приобрести (как это случается во времена лихорадочного возбуждения на рынке эффектов).

Иметь большой сбыт означает, что интересы, которые возбуждает и заставляет служить себе коммерсант, должны быть или очень сильными, или очень распространенными. «Кто желает иметь оборот в один миллион, тот должен принудить тысячу человек к тяжкому решению обменять ему на товар каждый по тысяче марок или же он должен так сильно распространить свое влияние на массы, чтобы сто тысяч человек чувствовали себя вынужденными купить у него на десять марок. Добровольно — лучше: по собственному побуждению. — В. З. — к нему не пойдут ни тысяча, ни сто тысяч, так как они уже давно ощущают иные потребности приобретения, которые должны быть оттеснены, чтобы новый коммерсант мог иметь успех» (В. Ратенау).

Возбуждать интерес, приобретать доверие, пробуждать желание купить — в этом восхождении представляется деятельность счастливого торговца. Чем это достигается, безразлично. Достаточно, что это не внешние, а только внутренние свойства принуждения, что противная сторона не против воли, а по собственному решению вступает в договор. Внушением должен действовать торговец. Внутренних же средств принуждения существует много.

Одно из самых действительных состоит в возбуждении представления, что немедленное заключение сделки доставляет особенные выгоды. «Похоже на то, что будет снежно, мальчики, — говорили финны(!), ибо они имели Aanderer (род лыж на продажу)», гласит сага о Магнусе Барфорде (1006 п. Р. Х.). Это первообраз всех торговцев говорит здесь, и предложение норвежским мальчикам купить лыжи — прототип рекламы, этого оружия, которым ныне сражается торговец, не восседающий более в крепких замках, как его предшественники в Генуе во времена Вениамина из Гуделы, но и не могущий более пушками сравнивать с землей жилища туземцев, когда они отказываются «вести с ним торг», как хотя бы ост-индский мореплаватель XVII столетия, о котором мы еще услышим.

Так как каждое предприятие в течении своем зависит от случайностей, которые не могут быть заранее предусмотрены, то необходимы важные качества, которыми

должен обладать каждый предприниматель, — присутствие духа и способность попадать на верное средство, лучше всего служащее желаемому результату. *Coup d'oeil*^{17*} называл это качество Фридрих Великий, указывая на его необходимость у каждого полководца (который в упомянутом смысле есть предприниматель). Этому дару быстро попадать на верное средство должна соответствовать способность тотчас же сделать или предписать признанное верным: решительность.

Классический предприниматель — это старый Фауст:

«... внутри живет яркий свет;
Что я подумал, я спешу совершить;
Слово господина одно имеет значение.
Встать с ложа, вы, слуги! Один за другим!
Пусть счастливо увидят то, что я смело придумал!
Возьмите орудия, работайте лопатой и заступом!
Отмеченное должно быть тотчас же готово.
За строгий порядок, за быстрое прилежание
Последует самая лучшая награда;
Чтобы было совершено самое великое дело,
Достаточен один дух на тысячу рук»^{28*}.

Это выражает глубочайший смысл предприятия.

Глава шестая

НАЧАТКИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В каких же областях впервые проявился этот предпринимательский дух? Какие были первые предприятия?

Я усматриваю в истории Европы четыре основные формы организации предприятия, которые затем стали решающими для всего позднейшего развития:

1. Военный поход.	3. Государство.
2. Землевладение.	4. Церковь.

Здесь, конечно, совсем не место изображать эти четыре организации, хотя бы даже в общих чертах во всей их сложной сущности. Речь не может идти ни о том, чтобы

написать их историю, ни даже о том только, чтобы показать своеобразие их структуры. (Поскольку это необходимо для понимания общего хозяйственного развития, я беру на себя эту задачу в новой переработке моего «Современного капитализма».) Здесь я хочу только в двух словах привлечь внимание читателя к принципиальным соотношениям, которые существуют между указанными организациями и идеей предприятия.

1. Военный поход

В военных «предприятиях» — слово невольно просится с пера, потому что оно лучше всего выражает смысл, — мы должны, пожалуй, усматривать самые ранние формы предприятия вообще; самые ранние уже потому, что они являются для всякой другой формы необходимой предпосылкой.

Военное предприятие имеет место тогда, когда отдельное лицо (или, во всяком случае, небольшая группа отдельных лиц) по хорошо продуманному плану выполняет военный поход, выбирая себе для этой цели необходимое число бойцов и управляя ими сообразно цели. Я бы не стал говорить о военном предприятии в том случае, когда германские племена соединяются для отпора римлянам, но единичный разбойничий поход, да еще если он направлен за море, действительно предприятие, которое (в этом сущность!) представляется нам как исходящее от строящего планы и размышляющего разума и которое происхождением своим обязано личному предпринимательскому духу. Беовульф «предпринимает» поход для освобождения Рудигара:

Тогда услышал дома герой Гугилейха
У Гаутов, доблестный, о деянии Гринделя;
Этот муж был могущественнейшим отпрыском людей,
Над которым когда-либо сиял свет этой жизни,
Таким высоким и благородным.
Теперь приказал он морской корабль
Богато снарядить и так говорил:

Что хочет он переплыть путь лебедей
К высокому властителю, который нуждался в героях.
К пути он склонил отважных мужей,
Которые сильно его восхваляли;
как это ему самому было любезно,
Они заставили его еще пройти науку целительных
знаков.

Так он отправился от воинственных Гаутов
Избирать себе бойцов, смелейших из всех,
Сколько он найдет. Пятнадцатый сам
Взошел он на своей морской корабль^{29*}.

Здесь перед нами классически чистый тип военного предприятия, которое даже свободно от всякого стремления к наживе. Необходимой предпосылкой для него является, как вытекает из сказанного, что «героическая эпоха» в развитии народа уже наступила, т. е. что сильные, «предприимчивые» люди уже выделились из общей массы равнодушных и в состоянии теперь навязать другим свою волю. Ибо эта дифференциация вождя от ведомых, направляющего от следующих за ним, субъекта от объекта, духа от тела составляет жизненную стихию каждого предприятия.

Военный поход до тех пор остается предприятием, пока он сохраняет этот в высокой степени личный характер, особенно любящий окутываться духом приключений. Законченным типом военных предпринимателей являются поэтому возникающие в начале средних веков вожди наемников, вовсе не вследствие характера наживы, которым благодаря этому проникается ведение войны (он-то придал бы ему как раз *капиталистический* оттенок), но вследствие развившейся до крайности индивидуализации отдельных частей войска и до последней степени усилившейся начальнической власти полководцев. Многих из них, как справедливо замечает *Буркгардт*, мы знаем как безбожных людей, полных издевательства по отношению ко всему святому, полных жестокости и измены по отношению к людям... «Наряду с этим, однако, во многих развивается личность, талант до высшей виртуозности, и пользуется в этом смысле признанием и восхище-

нием солдат; это первые армии новой истории, в которых личное доверие к предводителю, без дальнейших побочных соображений, является движущей силой. Блестяще это видно, например, в жизни Франческо Сфорца; тут нет никакого сословного предрассудка, который бы мог воспрепятствовать ему завоевать самую широкую личную популярность у каждого в отдельности и основательно использовать ее в трудные моменты; случалось, что враги при виде его опускали оружие и с обнаженной головой почтительнейше приветствовали его, так как каждый считал его общим „отцом воинства“» (49а).

Что еще особенно делало этих предводителей банд предпринимателями, это был риск, который они на себя брали; им самим нужно было запасти все необходимое для проведения военного похода, начиная от вербовки отдельных воинов и до их полной экипировки и снабжения оружием, до ежедневного доставления жизненных припасов и приготовления нужных мест для пристанища.

Как, однако, близки качества, создающие хорошего полководца, к тем, которые мы уяснили в качестве типических добродетелей предпринимателя, об этом нужно прочесть в прекрасной главе у Клаузевица, носящей заглавие «Военный гений» (50).

2. Землевладение

Военному предприятию противостоит создание мира, земельное владение, которое наравне с ним вырастает в импозантные организации. Что землевладение является общим всем европейским народам в течение средневековья явлением, оказавшим на все культурное развитие этих народов самое сильное влияние, не оспаривается ныне никем. (То, что является спорным в проблеме землевладения, например его количественное отношение к крестьянскому хозяйству, роль, которую оно играло в правовом развитии и т. д., сюда не относится.) Что касается его организационной структуры, то она носит во всех европейских странах довольно сходный отпечаток:

возьмем ли мы земельное устройство монастырей Боббио и Фарфа, или владений патриархов Градо и архиепископов Равеннских в Италии, или монастырей Клерво, Корби Сен-Реми во Франции, монастыря Санкт-Галлен в Швейцарии, монастырей Прюм и Вейссенбург, доменов Карла Великого, аббатства Рейхенау, Фульда, Лорш, владений графа Зибото фон Фалькенштейн в Германии, монастырей Рамсей, Мальмсбери, Вустер, Питтерборо в Англии, монастыря Сен-Тру около Льежа — везде мы встречаем приблизительно ту же картину. Откуда происходит это сходство, опять-таки здесь не место разбирать: совместное действие римского наследства, нивелирующего влияния церкви и «положения вещей», втиснуло, верно, развитие в одинаковое русло. Зачатки землевладельческой организации мы встречаем у германцев уже во времена Тацита.

Для наших целей важно теперь представить себе сущность землевладельческого устройства, по крайней мере в общих очертаниях.

Землевладение есть прежде всего хозяйство, хозяйство, которое вел класс богатых людей, т. е. крупных землевладельцев, чтобы покрывать свою потребность в благах трудом других людей в основе *in natura*^{30*}. Речь, значит, шла о том — это имеет решающее значение, — чтобы для совместного дела собрать многочисленную рабочую силу, «организовать» ее, и в этой организации работы в большом масштабе и заключается то, что прежде всего делает землевладение предприятием и что приобретает значение для позднейшего развития. Регулирующим принципом хозяйствования был принцип покрытия потребности; это означает, что, как бы ни был велик круг потребителей, составившийся в земледельческом хозяйстве, его потребность в натуре определяла размеры и характер хозяйственной структуры.

Для выполнения хозяйственного плана в распоряжении землевладельца не было в достаточном количестве свободной рабочей силы.

Трудовая система была поэтому системой «связанного труда»: зависимые крестьяне обязывались либо к

барщине, либо к оброку. И таким образом произошло, что хозяйственный организм представлял собою пеструю мозаику различных взаимоотношений между руководителем хозяйства и работниками. Но все эти частные случаи для нас не играют роли. Важным остается то, что в земельных владениях были планомерно соединены большие массы людей для правильной работы над общим делом сообразно воле высшего руководителя; что, следовательно, с чисто внешней точки зрения, здесь с ходом столетий развилась искусная организация, которая каждую минуту могла быть использована (и, как мы увидим, была использована) для иных целей, чем покрытие потребности, в которой, однако, соответственно ее характеру обитал совершенно определенный дух, принимавший большое участие в образовании капиталистического духа. Главное, следовательно, покамест следующее: в образе земельных владений также были введены предприятия, и довольно часто большого масштаба, в до тех пор лишенный предприятий мир, и они стали зародышем разложения старых, докапиталистических отношений.

3. Государство

Современное государство есть предприятие для войны и для мира в одном лице. Не всякое государство, но именно то государство, которое начинает возникать в конце средних веков. Характер его как предприятия мы легко узнаем, если мы ознакомимся с тем духом, из которого оно родилось. Мы сможем тогда установить примерно следующее.

Вещественный феномен этого государства, т. е. княжеского государства или абсолютного государства, покоится на том факте, что большее число людей — большее число: это значит прежде всего больше, чем живут в городской общине или даже в «стране», — по воле одного человека (владельца или его наместника) становятся подчиненными интересам этих носителей власти.

Важные последствия такого искусственного соединения многих людей под властью одной личности прежде всего следующие: во-первых, для того чтобы достичь цели княжеского государства — заставить население большого пространства земли служить интересам властителя, заставить его как бы работать на него, — создается система средств, которые сами начинают оказывать сильнейшее влияние на образование человеческой судьбы: силы должны быть собираемы, люди должны быть побуждаемы к совершению и несовершению известных действий; возникает аппарат управления крупнейшего масштаба, наиболее широко охватывающая, наиболее глубоко проникающая организация общества. И эта система средств господства, служащая также образцом высшей организации для всех более мелких предприятий, сама потом приобретает жизнь и действует дальше в качестве субъекта и объекта в ходе истории.

Во-вторых, «подданные», следовательно, объекты государственных целей, подвергаются влиянию в отношении их личной жизни: государственная воля захватывает их частные области жизни, она выбивает из камня часто еще равнодушных отдельных людей искры, так что из них льется пламя, горящее в дальнейшем. Как много предпринимательского духа родилось в течение долгих веков от самих государственных целей, как много его оно вдохнуло в души отдельных хозяйственных субъектов.

Я полагаю, идея современного государства родилась еще в итальянских тираниях треченто и кватроченто. Оба основных принципа абсолютного государства Нового времени: рационализм и разделение функций власти — мы находим в то время уже вполне развитыми: «Сознательный учет всех средств, о котором ни один внеитальянский государь того времени не имел понятия, в соединении с почти абсолютной полнотой власти внутри границ государства, создал здесь совершенно особенных людей и жизненные формы». Я думаю также, что придется рассматривать это государство (хотя, быть может, и в переносном смысле) как предприятие государей, чтобы верно понять его. Подобно отважному предпринимателю,

должен вступить государь в свою власть, ежеминутно подвергаясь опасности погибнуть, всегда вновь озабоченный правильным набором средств: организатор вполне крупного масштаба, на долю которого потом выпадают и все успехи, потому что он ими обязан исключительно своей смелости, своему благоразумию, своей решительности, своему упорству. О тирании XV столетия в особенности *Буркгардт* полагает:

«В общем большие и малые государи должны были делать большие усилия, поступать обдуманно и расчетливо и воздерживаться от жестокостей слишком массового характера; они вообще могли совершать лишь столько злого, сколько было необходимо для служения их целям, — столько им прощало и мнение непричастных лиц. О том запасе пиетета, который поддерживал законные княжеские дома на севере, здесь нет и следа, самое большое — это род столичной популярности; что главным образом должно помогать усиливаться итальянским государям — это всегда талант и холодный расчет».

Эти идеи привились потом и во всех более крупных государствах, пока господствовал княжеский абсолютизм.

4. Церковь

Если я называю здесь церковь, то это происходит оттого, что она представляет собой наряду с государством крупнейшую организацию рук человеческих; оттого также, что в ней в особенности господствует мощная рационалистическая черта, характеризующая все предпринимательское, и оттого, что, как история учит, фактически много предприятий возникло от носителей церковных образований. Рассматривать церковь в целом как предприятие было бы, пожалуй, неудачно, но внутри ее структуры возникли многочисленные предприятия в самом узком и теснейшем смысле слова: всякое основание нового монастыря или епископства есть, в сущности, такое же самое событие, что и основание бумагопрядильни или банкирского дома.

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Здесь должно быть показано, в какие своеобразные соединения вступают страсть к деньгам и предпринимательский дух, как из этих соединений рождается капиталистический предпринимательский дух. Мы увидим, что формы, в которых осуществляется это соединение, первоначально чрезвычайно различны, так что и типы капиталистических предпринимателей, «дух» которых мы исследуем в его развитии, вначале коренным образом отличаются друг от друга. Во всех изображениях генезиса капитализма, имевших место до сих пор, слишком мало, мне кажется, обращено внимания на различный по глубочайшему своему существу образ возникновения капиталистических предприятий, который наложил далекий друг от друга, как небо от земли, отпечаток и на «дух», управляющий хозяйствующими субъектами.

Если хотеть, как в настоящем случае, прежде всего познать, из какого духа возникли капиталистические хозяйства, в каком духе они первоначально велись, то нужно исключить из рассмотрения чисто внешние обстоятельства их возникновения, чисто, механическую сторону их строения. Внешне, механически капиталистические предприятия как еще и ныне, так и в начальный их период возникают таким образом, что предоставляется крупная денежная сумма (тем самым обращающаяся в капитал) для приобретения на рынке нужных средств производства. Кто-нибудь выкладывает эти суммы: он их «закладывает», как говорили раньше, в общем виде, безразлично, давал ли он их на то, чтобы оплатить издержки на отвод воды в руднике, на которые не смогли больше набрать денег горнопромышленники, или на то, чтобы дать ткачу возможность приобрести сырой материал, или на выполнение еще какой-нибудь иной промышленной функции. Деньги, на которые работало банковское учреждение, уже в ранние эпохи собирались путем приема

вкладов в депозит; капиталы, вложенные в торговлю или в судоходство, составлялись в форме коммандитных вкладов или путем долевого судовладения, позднее — путем росписи по акции. Или же предприниматель сам имел достаточно свободных средств, чтобы вести с ними капиталистическое хозяйство. Различный способ составления капитала не имеет, однако, решающего значения для духа, в котором ведется предприятие. Ибо он определяется не кредиторами как таковыми, а предпринимателем, использующим денежные суммы. Кредиторы являются часто обществом совсем пестрого состава.

Об этом свидетельствуют следующие без разбора выхваченные примеры.

У Перуцци и Барди в момент их банкротства (в XIV столетии) одно только духовенство имело на 550 000 фл. вкладов. При банкротстве Скали и Амиери в 1328 г. погибло более 400 000 фл. вкладов. «Кто имел деньги во Флоренции, понес, потерю», — пишет *Виллани*, — и Ластиг, с известными ограничениями, пожалуй, прав, когда он говорит (52): «Меняльные и банкирские конторы составляли центры всего оборота ценностей и всей торговли ценностями того времени. В эти конторы вкладывал свои деньги частный человек, чтобы извлечь доход... Вложение денег в торговый промысел было обычным и вполне легальным путем извлечения плодов из капитала» (читай, из денежного имущества). «Конечно, в итальянских городах и были основаны таким образом многие капиталистические предприятия, совершенно так же, как позднее в северных городах посредством депонированных денег у Гехштеттера, — читаем мы, — вкладывали (с конца XV столетия) князья, графы, дворяне, горожане, крестьяне, слуги и служанки, сколько у них было денег, и он платил им за это по пяти со ста. Многие крестьяне-батраки, у которых было не больше 15 фл., давали ему их в его общество... Так он в течение известного времени платил будто бы проценты за миллион гульденов... Таким путем он будто бы накупил запасы товаров и добился повышения цен» (53).

Горное дело с XV и XVI столетий поддерживалось деньгами, которые стекались из стран всяких государей, из

самых различных социальных слоев. В госларской горной промышленности в 1478–1487 гг. заключались договоры, относившиеся к закладкам штолен, с Иоганном Гурцо, гражданином и членом магистрата г. Кракова, с нюрнбергскими, хемницкими и лейпцигскими горожанами (54). Тот же Гурцо, однако, вложил свои деньги и в венгерскую рудничную горную промышленность; рядом с ним мы встречаем там в качестве участников других краковских горожан, Фугтеров и др. (55). Голландские кредиторы австрийского государства являются в XVII и XVIII столетиях «закладчиками» нейзольских и шмельнитцких медных рудников (56). В ртутном руднике Идриа участвуют иностранные купцы и дворяне (57); точно так же в соляном руднике Величка в XVI столетии (57а), в руднике Шлакентале (58), в цинковом горном промысле в Корнуэльсе (59). Или же архиепископ дает в ссуду известную сумму, чтобы дать возможность продолжать разработку золотого рудника у Радгаусберга в Зальцбургской области (60). Или железоторговцы предоставляют необходимые ссуды, чтобы снова пустить в ход шуточные молоты в Каринтии (61). Или король Богемии учреждает «закладную кассу», чтобы поднять иоакимстальскую горную промышленность (62).

В текстильной промышленности, в торговле галантерейным товаром, в мелкой железной промышленности «заклад» оплачивают то разбогатевшие ремесленники, то богатые купцы, «оптовики»: «оптовик вряд ли может жить, не вложив денег в мануфактуру» (63).

Когда число «бумаг с твердым доходом» было еще незначительно, люди более высокого общественного положения также в гораздо большем количестве, чем ныне, вкладывали свои деньги в торговлю (64). Когда в 1664 г. была основана *Compagnie des Indes orientales*, капитал в основной своей части был собран вне коммерческих кругов (65); в *Compagnie de l'Orient* главным участником был *Duc de la Melleraye* (66) и т. д.

Если хотеть, говорю я, познать дух, господствующий в ранних капиталистических предприятиях, то нельзя исходить от этих по существу различных у одного и того же

предприятия кредиторов, совершенно так же, как нельзя, например, брать исходной точкой общественное происхождение акционеров в наше время, чтобы узнать что-нибудь об особенном характере современного капиталистического предприятия.

Напротив, нужно проникнуть в самую душу этих предприятий, в те элементы, которые образуют их изнутри. (При этом может, конечно, случиться, что наткнешься как раз на кредиторов, которые, однако, тогда нас будут интересовать не в своем качестве кредиторов, а как предприниматели-творцы; как с таковыми мы еще с ними познакомимся.)

Чтобы лучше и быстрее ориентироваться в этом исследовании, предпринятом для открытий, мы хорошо сделаем, отправившись от того, что мы узнали в обеих предыдущих главах. Именно тогда мы, скорее всего, отличим друг от друга различные типы капиталистических предпринимателей, если мы уясним себе, что, смотря по выбору средств, нужных для добывания денег (четвертая глава), так же как и смотря по (до- или некапиталистическому) предприятию (пятая глава), в котором применяются эти средства, развиваются впоследствии и различные типы капиталистических предпринимателей. Самое лучшее — мы отправимся непосредственно от трех первичных форм предприятия и проследим их постепенное наполнение капиталистическим духом. Следовательно, прежде всего мы проследим, как они постепенно становятся на службу денежной наживе (к которой они как таковые и по своей первоначальной цели относятся по меньшей мере равнодушно). Три типа предпринимателей, получающиеся из этого процесса превращения, суть (если мы по соображениям существа дела будем придерживаться того же порядка, что и в шестой главе):

1. Разбойники.
2. Феодалы.
3. Бюрократы.

1. Разбойники

Сам по себе военный поход не есть предприятие для наживы, в какой бы большой степени золото весьма часто ни служило его сильнейшей движущей силой. Можно, конечно, уже в древности войны финикийцев, карфагенян и римлян из-за Испании, можно в средние века войны за Богемию и в Новое время войны против Испании рассматривать как борьбу за золотые прииски. Но мы все же чувствуем, что было бы ошибочно видеть в этих военных походах самые ранние формы капиталистического предприятия.

В совершенно ином свете, напротив, нам являются известные военные походы, которые с самого начала только и направлены на добычу золота и денег и которые теряют всякий смысл, если мы у них отнимем стремление к наживе. Это и есть настоящие разбойничьи, в особенности *морские разбойничьи*, предприятия. В них воинские способности и воинская организация непосредственно ставились на службу идее наживы.

Морской разбой как общественное установление мы встречаем уже в *итальянских* приморских городах в течение средневековья. Амальфи, Генуя, Пиза, Венеция — все были очагами организованного морского разбоя (к которому весьма часто присоединялся сухопутный разбой); добрую долю своего богатства они добыли посредством морского разбоя; и первыми формами капиталистического предприятия являются эти разбойничьи походы. О Генуе нам, например, сообщают (68): «Настоящих корсаров так же трудно отличить от граждан, которые под контролем государства принимают участие в собственном интересе в междоусобицах и войнах (и то и другое, конечно, только два проявления одного и того же типа), как с трудом удастся строго разграничить между собою выражения “*cursales*”, “*praedones*” и “*pyratae*”. Ибо и публичное состояние войны, и насильственные деяния во время мира не выделяются никакими отличительными признаками. “*Corsar*”, в то же время употреблявшееся с генуэзской стороны в актах выражение, не означало ни-

чего порицающего или обидного... И в самом промысле также (*"pyraticam artem exercens"* 54, 55) не видели до известной степени ничего бесчестящего. Генуэзцу снаряжение каперских судов или способствование таковому позволялось в области генуэзской юрисдикции с разрешения правительства... Кто давал деньги на незаконную каперскую поездку, не мог для получения их обратно... подавать жалобу (*Stat. di Pera, CCVI*); иначе было, однако, когда вложенный в долю корабля капитал помимо ведома и воли владельца употреблялся для снаряжения (!) недозволенной каперской поездки; в этом случае владелец мог в жалобе требовать возмещения и даже присуждения ему доли наживы» (I. с. *CCVII*).

«Многие итальянские купцы, которые имели требования к грекам и не смогли получить своих денег, отдавались корсарской жизни, чтобы таким образом оправиться от своих убытков. Кажется, что именно среди генуэзцев и пизанцев многие обращались к морскому разбою в греческих водах. Плохое состояние, в котором находился византийский флот, позволяло им вести это дело в грандиозном масштабе» (69).

Большей частью разбойничьи суда появлялись эскадрами, как, например, флотилия из пяти пизанских кораблей, которая в 1194 г. разбойничала около Абидоса.

В первые столетия Нового времени все западноевропейские нации также придерживались организованного в виде профессии морского разбоя. Этому способствовали вечные войны, наполнявшие XVI и XVII столетия, в которых каперство по действовавшему тогда морскому праву играло выдающуюся роль.

Каперство же и морской разбой теперь непрерывно переходят одно в другое: Privateer становится Pirate^{31*}, равно как и этот последний, в свою очередь, находит применение на службе государства, как капитан капера. Из *Франции* мы слышим, что в XVI столетии «мелкое провинциальное дворянство, главным образом протестантское, не переставало из своих рядов рекрутировать ту армию бесстрашных корсаров, которые от времени до времени мстили испанской и португальской торговле за рез-

ню Форта Колиньи и Ла Каролин» (69а). Французский морской разбой достиг в XVII столетии высокой степени развития. Мы особенно хорошо осведомлены о его состоянии и распространении, потому что мы обладаем двумя различными докладами (70), которые приказал себе представить Кольбер об известнейших морских разбойниках, «*Capitaines corsaires*», так как он составил план объединить морских разбойников Дюнкерка в эскадру и (под командованием Жана Барта) поставить ее на службу королю. Доклады относятся к 33 капитанам, которые управляют 15 фрегатами и 12 длинными барками.

Точно так же первоначально французского происхождения были известные бюканьеры и флибустьеры, которые занимались своим делом в водах испанских колоний, около Ямайки, Гаити и т. д. (71).

Нациями морского разбоя *par excellence*^{32*} в XVI и XVII столетиях являются, однако, Англия и новоанглийские государства в Америке.

Около середины XVI столетия берега Англии и Шотландии кишели *английскими* морскими разбойниками. По одному сообщению сэра Томаса Чалснера, летом 1653 г. было в Канаде более 400 морских разбойников, которые в течение нескольких месяцев захватили 600—700 французских судов (72). Надо вспомнить ужасные изображения опасностей морского разбоя в Канале, даваемые *Эразмом* в его «*Naufragium*»^{33*}. Английские историографы сводят причины этого внезапного распространения пиратства к преследованиям, чинившимся Марией. В то время масса людей из лучших семей занимались морским разбоем, их отряды, увеличенные безработными рыбаками, остались вместе и по вступлении на престол Елизаветы. «Почти каждый джентльмен по западному берегу был участником в этом деле», — полагает осторожно судящий *Кэмпбелл*. «В этом деле» (*in the business*) — это правильное выражение, ибо введение морского разбоя было деловым образом упорядочено. Корабли пиратов снаряжались зажиточными людьми, которых называли «*gentlemen adventurers*»^{34*} и за которыми потом часто стояли еще другие, которые давали им

в ссуду средства за высокие проценты. Частью даже высшее дворянство участвовало в подобных предприятиях. Во времена Мэри Шотландской мы видим графа Ботсуэля (73), во время Стюартов — графа Дарби и других роялистов (74) снаряжающими многочисленные разбойничьи суда.

Понятливыми ученицами метрополии сделались затем *американские колонии*. Сообщения о распространении, которое здесь нашел морской разбой, именно в штате Нью-Йорк, показались бы невероятными, если бы они не были подтверждены множеством несомненных свидетельств.

По свидетельству секретаря Пенсильвании Джемса Логана, например, в 1717 г. крейсировали у одного только берега Каролины тысяча пятьсот морских разбойников, из которых 800 имели свое постоянное местопребывание в Нью-Провиденсе (75). В XVII столетии почти каждая колония оказывала морскому разбою в той или иной форме содействие (76).

Разновидностью морского разбоя были *путешествия с целью открытий*, которые участились особенно с XVI столетия. Какие бы разные идеальные мотивы ни содействовали им: научный или религиозный интерес, честолюбие, любовь к приключениям и др., самой сильной (и сколь часто единственной!) движущей силой оставалась, однако, всегда страсть к наживе. Это, по существу, всегда хорошо организованные походы за добычей, имевшие целью грабеж в заморских странах. И тем более после того, как Колумб сделал свои открытия, когда он из своих путешествий привез домой всамделишный золотой песок и чудесную весть о позолоченном принце, золотая страна Эль-Дорадо^{35*} стала открыто выраженной или молчаливой целью этих экспедиций (77). Тут суеверное кладоискательство и суеверное золотоискательство соединились с суеверной надеждой на землю, где можно загребать золото лопатами, — в непреодолимое стремление к завоеваниям (78).

Что нас прежде всего интересует в этом пункте — это те необыкновенные люди, которые стояли во главе этих

предприятий. Это пышущие силой, охочие до приключений, привыкшие к победам, грубые, жадные завоеватели весьма крупного калибра, с тех пор все более и более исчезающие. Эти гениальные и беспощадные морские разбойники, как их в особенности в богатейшем изобилии дает Англия в течение XVI столетия, сделаны из того же теста, что и предводители банд в Италии, что Сан-Гранде, Франческо Сфорца, Чезаре Борджиа, с тою только разницей, что их помыслы сильнее направлены на наживу всякого добра и денег и что они уже ближе стоят к капиталистическому предпринимателю, чем те.

Люди, в которых фантазия авантюриста соединялась с величайшей энергией; люди, полные романтики и все же с ясным взглядом на действительность; люди, которые сегодня командуют разбойничьим флотом, а завтра занимают высокую должность в государстве, которые сегодня жадной рукой копают землю в поисках кладов, а завтра начинают писать всемирную историю; люди со страстной радостью жизни, с сильным стремлением к великолепию и роскоши и все-таки способные принимать на себя в течение месяцев лишения морского путешествия с полной неизвестностью впереди; люди со способностями к организации, в то же время полные детского суеверия. Одним словом, люди Ренессанса. Это — отцы наших капиталистических предпринимателей по одной линии. Почти не нужно называть их по имени. Они известны из истории. Во главе назовем сильнейшего, быть может, из всех: сэра Уолтера Рэли, the great Raleigh (79)^{36*}, девиз которого может иметь силу для всей этой группы людей:

«*Tam Marti quam Mercurio*»^{37*}, одинаково преданного богу войны и Маммоне; сэра Фрэнсиса Дрейка, благородного пирата (the noble Pirate), как его назвал Гетцнер, обозревавший его корабль в 1598 г.; сэра Мартина Фробешера, «который соединял дух морского разбойника с духом ученого» сэра Ричарда Гренвилля, доблестного (the valiant), как его называет Джон Смит в своей истории Виргинии; Кавендиша, который вернулся с богатейшей добычей, когда-либо кем-нибудь захваченной, и который поднимался вверх по Темзе со своими моряками, разоде-

тыми в шелк и бархат, с парусами, из камчатой ткани, с позолоченной мачтой (80), и всех остальных. Кто хочет иметь о них более точные сведения, тот пусть перелистает хотя бы третий том описаний путешествий *Гаклюйта*.

Спросят, как я пришел к тому, чтобы этих завоевателей и разбойников отнести в капиталистическую категорию. Ответ прост: не столько вследствие того, что они сами были разновидностью капиталистических предпринимателей, сколько, напротив, и прежде всего потому, что дух, наполнявший их, был тот самый дух, который одушевлял всю крупную торговлю, все колониальное хозяйство вплоть до XVIII столетия и в глубь его.

Это по внутреннему своему существу такие же походы за приключениями и завоеваниями, как и морские разбои и путешествия за открытиями, о которых мы только что говорили. Авантюрист, морской разбойник, купец крупного масштаба (а таким он является, только если он ездит за море) незаметно переходят друг в друга.

Когда Вениамин из Гуделы сообщает о «гражданах» Генуи (81): «Каждый (!) имеет башню в своем доме; если между ними вспыхивает война, то зубцы башен служат им полем битвы. Они господствуют над морем; строят себе суда, называемые галерами, и выезжают на разбой в самые отдаленные области. Добычу они привозят в Геную; с Пизой они живут в вечных раздорах», — то кто здесь понимает — морские разбойники и королевские купцы? Конечно, и те и другие. В чем же заключается «торговля в Леванте»? Что же и наполняет собою оба толстых тома гейдовского изложения? Описания битв большей частью. Кто хочет что-нибудь значить в чужой стране, должен быть воином или должен иметь в своем распоряжении воинов, а за собой организованное имущество государства (81a).

Ту же картину мы встречаем, если мы посмотрим хотя бы на *shipping merchants*^{38*} XVI и XVII столетий в Англии (82).

Кто же такие Гоукинсы? В особенности Джон и Уильям? Попеременно мы находим их действующими в качестве открывателей, государственных чиновников, морских разбойников, судовых капитанов и купцов. Джон

Гоукинс одинаково знаменит как боец в войне с Испанией, так и в качестве купца: великолепным ненавистником испанцев (a wonderful hater of the Spaniards) называли его современники. Не иначе выглядят Миддлтоны, другой большой торговый дом того времени. Их «торговые занятия» также состоят в битвах, пленениях, посольствах и т. п., в «сношениях» с племенами по африканскому восточному берегу.

Даже в Германии нам встречается тот же тип: является ли экспедиция Вельзерров в Венесуэлу (83) путешествием с целью открытий, или колониальным предприятием, или походом за добычей, или предприятием для торговли? Кто бы мог это определить? А Ульрих Краффт, который на службе у Манлихов едет в путешествия «с легкомысленным духом» и потом переживает столько приключений, как принц в сказке, а между тем иногда еще бранится с судовыми капитанами, слишком поздно подвозящими ему его изюм (84): кто это — купец или искатель приключений? И то и другое.

Во Франции слово «armateur» означает как судохозяина и владельца корабельного груза, так и каперского капитана и морского разбойника. Почему так? Потому что те люди, которые в XVI столетии отправляли свои суда из Диеппа, Гавра, Руана, Ла-Рошели в Африку или Америку, были и тем и другим в одном лице (84а).

Вся разбойничья сущность крупной торговли прежнего времени в особенности, однако, проявляется в больших торговых и колониальных обществах, которые ведь, в сущности, и являются носителями той ранней торговли.

Это действительно уже в отношении итальянских торговых обществ средневековья, среди которых выделяются генуэзские Маоне. Самая знаменитая Маона, хиосская, которая была основана в 1347 г. и потом в продолжении двухсот лет обладала *dominium utile*^{39*} не только Хиоса и Фокеи, но также островов Самоса, Никеи, Энуссы и Св. Панагии, была, в сущности, не чем иным, как санкционированной и, так сказать, консолидированной разбойничьей шайкой. Она возникла следующим образом: снаряженный частными судовладельцами флот за-

воевал Хиос. При его возвращении они потребовали от правительства, как было выговорено, 203 000 лир возмещения. Так как правительство не смогло заплатить, то 26 февраля 1347 г. этот долг был превращен в *Сотрега* или *Маона Chii*. В обеспечение долга и в уплату процентов по нему кредиторам были пожалованы Хиос и Фокея (85).

А еще в XVI и XVII столетиях торговые компании, в особенности крупные, были не чем иным, как полувоенными, наделенными верховными правами и средствами государственного имущества завоевательными обществами; снова можно было бы сказать: превращенными в длительные организации разбойничьими походами. Морской разбой старого стиля составлял еще в середине XVII столетия одну из важнейших обычных деловых отраслей этих обществ. Так, голландская вест-индийская компания снаряжает с 1623 по 1635 г., затратив на это 4 500 000 лир, 800 кораблей; она захватывает, однако, 540 кораблей, груз которых составляет около 6 млн лир; к ним она присоединяет 3 млн, которые она отняла путем разбоя и грабежа у португальцев (86). В счетах прибылей и убытков крупных компаний правильно встречается поэтому статья: прибыль или убыток от каперства или морского разбоя.

А нормальная «торговля» с туземцами: была ли она чем-нибудь иным, как замаскированным разбоем, который выглядел из всех концов и углов? Принудительной торговлей можно назвать всякий товарообмен между первобытными народами и европейцами в те времена. Ничто не характеризует лучше способа, которым здесь велась «торговля», как настроение, в которое она повергала туземцев. Отчаяние или бешенство мы постоянно встречаем, смотря по предрасположению рас, в качестве характерного настроения. Обитатели Молукских островов частью сами уничтожали деревья, дающие пряности, в которых они видели причину своих тяжких несчастий. Большей частью, однако, иноземных купцов должна была защищать от мести со стороны туземцев цитадель. «Если бы вечером позабыли запереть во-

рота фортов, то, быть может, те самые индейцы, с которыми днем „мирно торговали“, ворвались бы ночью и перебили бы купцов»: эту эффектную картину «из области торговли» Hudson-Bay-Company (87) можно было бы сразу же отнести ко всей колониальной торговле в ее начатках. Зачем же бы иначе потребовалось имевшее повсюду место полное военное снаряжение крупных торговых компаний, о котором мы постоянно имеем сведения.

Этот военный аппарат, набравшийся для спешествования торговле, был действительно могуч. Начало положили уже итальянцы в Леванте. «Весьма значительными должны мы себе представить, по описанию Джиов. Бембо, венецианские владения в Тане. Ибо не только населенный венецианцами квартал в самом городе был обнесен стенами и башнями, но венецианцы обладали еще собственным укрепленным замком с двумя башнями и окруженным большим рвом — вне города, на возвышенности...» (88).

Ту же картину представляет нам всякое торговое поселение в XVI и XVII столетиях. О голландской фактории в Бенгалии, например, нам сообщают: «Она скорее имеет вид крепости, так как она окружена глубокими рвами, полными водой, высокими каменными валами и бастионами, наполненными пушками» (89). Сила воинских гарнизонов в английских колониях в течение XVIII столетия (1734 г.) видна из следующих цифр (90): Ямайка — 7644 белых, из них 3000 человек гарнизона, 6 фортов; Барбадос — 18 295 белых, из них 4812 человек гарнизона, 21 форт, 26 батарей и 463 пушки; Leewards Islands — 10 262 белых, из них militia^{40*} 3772.

Этот воинственный, разбойничий дух, лежавший в основе всех заморских сношений, воплощается и в тех людях, которых мы находим во главе этих крупных торговых предприятий. Это вначале были как будто довольно часто люди дворянского происхождения, которым здесь могла представляться замена их сузившейся профессионально-военной деятельности на родине. По крайней мере английская ост-индская компания только впослед-

ствии должна была принять прямое постановление — не брать больше к себе на службу ни одного дворянина (91).

Даже во главе голландских торговых компаний мы в большинстве находим героев и авантюристов. Стоило бы вставить здесь портретную галерею генерал-губернаторов голландской ост-индской компании (92); было бы видно, что все они именно в течение XVII столетия выглядели не как торговцы шерстью, но представляли собой тип сурового предприимчивого воина. Вспомните господина Коэна, который добыл себе особенную славу своим жестоким управлением. И этот воинственный дух губернаторов возлюбленной компании голландского народа был ведь только выражением его собственного общего настроения в то время, которое прекрасный знаток его изображает нам следующим образом (93):

«Именно в начале XVII столетия настроение (в Голландии) было необычайно воинственное, так как торговля тогда велась... больше по-авантюристски, быстро эксплуатировала вновь открытое, и когда большие доходы прекращались, так же быстро обращалась в другие местности и переходила в другие отрасли, чтобы их также использовать».

Вести торговлю (крупную торговлю) тогда означало снаряжать и вооружать корабли, вербовать бойцов, завоевывать страны, усмирять туземцев с помощью ружей и сабель, отнимать у них добро, нагружать его на корабли и на родине путем публичных аукционов продавать его тому, кто больше даст; в то же время захватывать столько иноземных судов, сколько позволял случай. Итак, дух, двигавший торговлю и все колониальные предприятия (поскольку они не имели целью поселение европейцев), был, полагаю я, разбойничий дух. Да будет мне позволено еще раз вставить здесь несколько затасканную в последнее время, с тех пор как я привел ее в моем «Современном капитализме», цитату, которая действительно передает весь смысл дела с эпиграмматической краткостью:

Война, торговля и пиратство,
Они — триедины, нераздельны.

При этом Гёте, однако, определенно думал не о кротком зяте своего Вильгельма, из которого так и сочтется мирная душонка торговца. Капитализм — и это один из важнейших выводов, которые должна распространять эта книга,— есть порождение весьма различного духа. Вскрыв теперь его воинственный корень, мы должны также ознакомиться и с другими источниками зарождения капиталистического духа.

2. Феодалы

Земледельческие отношения так же мало, как и военное предприятие, содержат сами по себе какие-либо хрематистические^{41*}, или капиталистические, черты. Даже возникшие в рамках земельных владений крепостные хозяйства первоначально не являются приобретаемыми, но в течение долгого времени остаются хозяйствами, ставящими себе целью покрытие потребности, даже после того как они (что появляется уже довольно рано) излишек своих продуктов вывозят на рынок.

Но с течением времени они лишились своего прежнего характера. Собственное хозяйство землевладельца терпит все большие и большие ограничения, и рядом с ним развивается в пределах власти землевладельца приобретаемое хозяйство, постепенно вырастающее в капиталистическое хозяйство.

Это происходит таким образом, что землевладелец с целью наживы соединяет в собственных приобретаемых предприятиях находящиеся во власти его производительные силы. В распоряжении же его находятся: 1) земля как производительница растений; 2) покоящиеся в недрах земли сокровища (минералы и т. д.); 3) продукты земли: дерево, волокнистые вещества и т. д.; 4) подчиненные его землевладельческой власти рабочие силы. В ходе использования им этих производительных сил с целью наживы возникают различного рода капиталистические предприятия, которые все проникнуты духом своего создателя, т. е. носят полуфеодальный отпечаток.

Полуфеодальный отпечаток — это прежде всего означает, что эти предприятия наполовину еще находятся под влиянием принципа покрытия потребности. Именно тем удерживаются они под этим влиянием, что по большей части они своей целью только и ставят использование принадлежащих землевладельцу производительных сил: этим их ограничением стесняется и стремление к наживе. Это обстоятельство ясно осознавалось стремившимися к прогрессу людьми как препятствие свободному капиталистическому развитию, когда, например, в начале XIX столетия констатировали относительно силезских рудников (94), что «землевладелец здесь — собственник железной руды и выплавляет ежегодно лишь столько, сколько возможно при тех запасах дров, которые не могут быть им использованы другими путями».

Феодальными являются эти предприятия землевладельцев и по характеру, и по способу выбора средств. Здесь господствует, как само собою разумеющееся, то представление, что прежде всего следует использовать для своей выгоды свою власть в государстве; состоит ли она в непосредственной власти распоряжаться людьми и вещами, или во влиянии, которое можно хотя бы косвенно бросить на чашу весов в пользу выгодной покупки или выгодного сбыта продуктов: путем приобретения привилегий, концессий и т. д. Этим путем возникает другая важная разновидность феодально-капиталистического предприятия. Часто мы видим, что влиятельные дворяне соединяются с буржуазными денежными людьми или также и с бедными изобретателями для общего ведения дела: придворный заботится тогда о необходимых правах на вольности или на защиту, в то время как другой участник вносит свои деньги или свои идеи. Такие соединения мы постоянно встречаем во Франции и в Англии в течение XVII и XVIII столетий.

Предприятия же феодалов играют в течение эпохи раннего капитализма более крупную роль, чем это обычно склонны признавать. Доля их участия в построении капиталистических предприятий не может быть, конечно, за отсутствием всякой статистики выражена в цифрах.

Все же, однако, можно составить себе приблизительное представление о значении этого предпринимательского типа в прежние века, если привести ряд случаев таких землевладельческих капиталистических предприятий. Это будет сделано в следующем обзоре, который имеет значение только указания, а никоим образом не исчерпывающего перечня.

1. Тут прежде всего следует запомнить, что всякое помещное хозяйство, поскольку оно носило капиталистический отпечаток, вначале всегда, а позднее — поскольку не появлялись буржуазные арендаторы, велось землевладельцами-дворянами. Две страны, в которых эта форма капиталистического предприятия занимает начиная с XVI столетия все более широкое место, пока она в конце XVIII столетия не достигает приблизительно распространения нынешнего крупного помещичьего хозяйства, — это, как известно, Англия (96) и Германия (97).

Землевладельцы охотно занимались горным делом и горнозаводской промышленностью. Занимались, т. е. не только использовали их как регалию. Это чистое право пользования мы совершенно исключаем здесь, где мы хотим проследить становление самого предпринимателя. Но в качестве последнего мы часто встречаем землевладельца в обеих названных отраслях производства. В дальнейшем я приведу некоторый материал, который, конечно, отнюдь не претендует на полноту: исчерпывающее изображение этих сильно запущенных страниц капиталистического развития следовало бы с радостью приветствовать.

В Англии мы в XV столетии встречаем «forges»^{42*} епископа Дергэмского в Бэдберне, в Вердейле, которые носят уже вполне капиталистический отпечаток, поскольку дело касается количества персонала (98). В 1616 г. один придворный заключает договор с цехом булавочников о поставке нужной им проволоки, которую он, очевидно, сам изготовил в своих владениях (99). В 1627 г. лорд д'Акр получает патент на исключительное изготовление стали по новому способу (100). Начиная с XVI столетия землевладельцы устраивают цинковые заводы в своих

владениях, «clash-mills», чтобы перерабатывать цинк, добытый ими из их рудников (101). В 1690 г. многочисленные лорды и джентльмены способствуют основанию общества цинковых и медных рудников, The Mine Adventurers Co (102). И в каменноугольной промышленности мы в ее начатках встречаем участие многочисленных дворян. Положение рабочих в английской и особенно в шотландской угольной промышленности еще в XVIII столетии носит характер крепостной зависимости (102a).

Во Франции горные заводы в провинции Невер, где была главная область горнозаводской промышленности, до середины XVIII столетия находились в руках древнего землевладельческого дворянства; например, Вилльменан — во владении Арно-де-Ланж и Шато-Рено, которые учредили в XVI столетии крупные заводы; их сосед — сеньор де Бизи, также эксплуатирующий на своей земле горный завод и доменную печь; горные заводы Демер принадлежат господам Гаскуэн и т. д. Все эти заводы переходят в течение XVIII столетия в руки богатого парижского банкира Массона (103). Но и во Франш-Конте мы натываемся на стародворянских горнозаводчиков (104).

И железоделательная промышленность находила себе частью место в имениях землевладельцев: рыцарь Ф. Э. де Блюманстэн (Blumenstein) устраивает (1715) вблизи своего замка литейный завод (106); герцог де Шуазель эксплуатирует около того же времени сталелитейный завод (106); господин де Монроже имеет жестяной завод (107) и т. д.

Дворяне во Франции также в значительной степени принимали участие в эксплуатации каменноугольных копей (108). Генрих II предоставил права добычи Франсуа де ла Рок, сеньору де Роберваль; право перешло к Клоду Гризон де Галлиен, сеньору де Ст. Жюльен и еще к одному сеньору. Людовик XIV затем подарил герцогу де Монтозье право эксплуатировать все копи, за исключением Неверрских, на протяжении 40 лет. Регент предоставляет право горной добычи обществу в лице фирмы Жана Гобелена, сьера де Жанкье, которое, следовательно

но, также носило преобладающе дворянский характер. Но не только правом добычи обладают дворяне: и производство ее во многих случаях находится в их руках. Во времена Людовика XIV рудник в герцогстве Бурнонвилльском открывает герцог де Ноайль; другой — в Бурбоннэ, герцог д'Омон; третий — герцог д'Юзес (109); в то время как герцог де ла Мейллерей разрабатывает залежи в Жироманьи (110).

Во второй половине XVIII столетия учащаются случаи, когда дворяне — будь то в собственных владениях, будь то где-нибудь в других местах — приобретают себе право на горных промыслы (уголь), как-то:

принцы	де Круа,	маркизы	де Люше,
»	де Боффремон,	»	де Гренель,
герцоги	де Шон,	»	де Галле,
»	де Шаро,	»	де Мондрагон,
маркизы	де Мирабо,	графы	де Антрэг,
»	де Лафайетт,	»	де Флавины,
»	де Сернэ,	виконт	де Везен,
»	де Вимепент,	барон	де Во,
»	де Баллеруа,	шевалье	де Салаж.
»	де Фудра,		

В Германии и Австрии — та же картина. Горнопромышленниками являются — первоначально часто исключительно, а в течение переходного времени к капиталистическому производству (XVI столетие) преимущественно — дворяне. Так, мы встречаем среди «господ» и товарищей императ. дара в Ст. Катрейн (ртутный рудник в Идрии) от 1520–1526 гг.: Габриеля графа цу Ортенбурга; Бернарда фон Клеса, кардинала епископа Триентского; Ганса фон Ауэрсберга, господина цу Шенберга; Зигм. фон Дитрихтейна; барона цу Голленберга и Финкенштейна.

Документ от 1536 г. перечисляет господ:

Ганс Иоз. ф. Эгг,

Франц Ламберг цу Штейн, далее:

Никлас Раубер барон цу Планкенштейн,

Никлас барон фон Турн.

Запись от 1557 г. упоминает:

Антона барона фон Турна,
Вольфа барона фон Ауэрсберга,
Леонг. фон Зигерсдорфера.

Документы от 1569 и 1573 гг.:

Ганс фон Галленсберг,
Франц Ваген фон Вагенсберг,
Георг граф фон Турн цу Креуц,
Гервард фон Готенбург и т. д. (111).

Наряду с ними появляются потом уже купцы из Зальцбурга, Петты, Ст. Фейта и Виллаха. Должно быть, однако, замечено, что горное дело, даже если оно и не эксплуатировалось непосредственно дворянами, все же было всегда как бы покрыто землевладельческим покрывалом: рука землевладельца давала себя чувствовать повсюду. Классическим примером этого служит нам конфликт между горнопромышленниками и управителем поместья, разрешение которого мы видим в горной промышленности Шваца еще в XVI столетии.

Управитель в Шваце спускался во всех шахты и присвоил себе руководство всем рудничным делом и решение всех вопросов. Этому воспротивились горнопромышленники. Управитель, однако, сослался на поручение государя страны. Мы видим здесь последние следы господского понимания ведения горного дела (112).

2. Железодельательная промышленность в Германии обязана во многих местах своим первоначальным развитием в капиталистическом духе предприимчивым землевладельцам. Так, мы видим, что в XVI столетии ревностно помогают развитию горнозаводской промышленности, литейного дела и т. д. графы Штольберги; граф Вольфганг в XVI столетии строит горный завод в Кенигсгофе, делает Ильзебург средоточием железодельательной промышленности, устраивает там же первый латунный завод и т. д. С ним соперничает сосед — граф Юлиус фон Брауншвейг-Люнебург. Особенно поучительным примером являются Гиттельдские заводы в Гарце, счета которых с 1573 по 1849 г. находятся в нашем распоряжении

(113). Точно так же сохраняет в течение долгих столетий свой землевладельческий характер железодельная промышленность в Штейермарке (114).

Что силезская горная промышленность вплоть до нашего времени находилась в руках землевладельцев — общеизвестно.

В Швеции раньше многие рудники были побочными производствами имений; владелец имения давал работу горнорабочим на тех же основаниях, что и своим постоянным рабочим (сельскохозяйственным оброчникам). Еще и в настоящее время, после того как рудники отделились от сельского хозяйства, старое состояние зависимости продолжает существовать в Даннеморе (115).

3. Текстильная промышленность также часто велась в связи с землевладением на капиталистической основе.

Для Англии лучший знаток истории английской текстильной промышленности суммирует свои выводы в следующем (116): «Крупные овцеводы были часто суконщиками и сами обращали в сукно шерсть, которую они вырастили».

Точно так же английские землевладельцы занимались шелководством (117).

То же самое сообщают нам о Франции, где землевладельцы устраивали в своих имениях ткацкие мануфактуры, чтобы использовать шерсть своих стад или коконы своих шелколичных червей (118). Я приведу здесь еще пару примеров, которые все относятся к XVIII столетию: маркиз де Коленкур устраивает *Man, des mousselines et des grazes de soie*^{43*}; маркиз де Луванкур — в *Londré Man, de toiles*^{44*}; маркиз д'Эрвильи — около своего *château de-Lanchelles* льноткацкую мануфактуру; герцогиня де Шуазель-Гуффье — бумагопрядильню в *Neilly*; графиня де Ламет раздает 100 прялок в *Ménencourt'e* (119).

Сьер Гом — около замка де Ба мануфактуру для тонких сукон; де Рамель — также; барон де Сюмен — шелкопрядильню; маркиз д'Эрвильи — мануфактуру столового белья; сьер дю Сель де Мон — хлопчатобумажную мануфактуру; сеньоры Рекэн и Дебуа — бумаго- и льнопрядильню; сьер Мари де Перпиньян — ковровую ткацкую

мануфактуру; Ш. Паскаль де Каркосонн — тонкие сукна и т. д. Число дворян — текстильных промышленников во Франции в течение XVIII столетия действительно очень велико (120).

Для развития крупной промышленности, именно текстильной промышленности, в Богемии в течение XVIII столетия явилось прямо решающим то, что, побуждаемые примером президента концесса графа Иоз. Кинского, ряд аристократов решились ввести у себя в имениях мануфактуры. Уже в 1762 г. Кинский мог сделать императрице «радостное сообщение», что разные господа в Богемии, среди них граф Вальдшейн, князь Лобковитц, граф Больца, «также выказали склонность» способствовать развитию мануфактурного дела в своих владениях (121). «Но большинству этих дворянских предприятий,— полагает сын буржуазного города фабрикантов,— не доставало требуемой внутренней движущей силы и жизнеспособности. Изменилось это только благодаря деятельности Иог. Иоз. Лейтенсбрегера (1730—1802), который, будучи сыном мелкого богемского красильного мастера...» (122) и т. д.

4. Особенно излюбленной была у землевладельцев стекольная промышленность, которую так предпочитали потому, что она давала такую прекрасную возможность использовать богатые дровяные запасы.

Во Франции выделка стекла была прямо-таки предоставлена дворянству; отсюда «*les verriers gentilshommes*»^{45*} (123). Члены буржуазного сословия могли основывать стекольные заводы или участвовать в их основании, только имея на то особые привилегии. Излишне поэтому называть по именам длинный ряд дворян — владельцев стекольных заводов. Неоднократно указывавшиеся труды содержат многочисленные примеры.

Что и в других странах стекольные заводы были весьма часто землевладельческого происхождения — общеизвестно. Подобно выделке стекла, там и здесь землевладельцы занимались:

5. Производством фарфора. Как в этой отрасли промышленности дрова, так и в других должна была быть

использована вода, вследствие чего мы часто встречаем в землевладельческом хозяйстве —

6. Зерновые мельницы и бумажные мельницы.

Или же основывали предприятие любой отрасли промышленности для использования дешевого топлива, которое имели в своем владении, как торф и т. д. (124).

Суммирую: в многочисленных областях европейской хозяйственной жизни мы видим феодала участвующим в построении капитализма, так что уже на основе этого опыта правомерно, пожалуй, оценивать и рассматривать его как особенный тип раннекапиталистического предпринимателя.

Это впечатление о значении его для хода капиталистического развития еще усиливается в нашем представлении, когда мы отдадим себе отчет в том, что и значительная доля колониального капитализма также порождена землевладельчески-феодальным духом.

Так, хозяйственное устройство, которое итальянцы ввели в своих левантинских колониях, было подражанием феодальной системе. Большею частью дело заключалось только в перемене господина: вместо турецкого посадить «франкского» землевладельца. Таким же образом, как земельные владения, эксплуатировались и города, в которых итальянские завоеватели распределяли между собой отдельных ремесленников, как крепостных. На несвободном труде покоилась вся система.

И в XVI столетии феодальная система еще являлась для испанцев и португальцев формой, в которой население Америки было отдано на служение экономическим целям колониальных предпринимателей, рассматривавших себя вполне как землевладельцев в Новом Свете: здесь говорили об *Economiendas* и *Repartimientos*, там — о *Kapitanien* и *Sesmáirias*. Само собою понятно, и здесь крепостничество, а позднее чистое рабство являлись формами организации труда. И те, кто владел рудниками и плантациями и капиталистически их использовал, были феодалами чистейшей воды (125).

Это действительно, наконец, и в отношении тех первых предпринимателей, которым было предоставлено право

эксплуатировать южные штаты Северной Америки. Вспомним лорда Делавера, бывшего главным участником Virginia of Cof London (основанной в 1606 г.), лорда Балтимора, «основателя» Мэриленда, стремления которого к наживе ныне больше не подвергаются сомнению; вспомним восьмерых собственников, которым в 1663 г. была предоставлена земля между Вирджинией и Флоридой («Каролина»); мы находим среди них герцога Обернарля, графа Кларендона, сэра Ульяма Беркли и прежде всего лорда Шефтсбери (126). Все они основывали — на базисе рабства — предприятия во вполне феодальном духе. И как известно, этот полуфеодальный характер остался свойственным капиталистическим владельцам плантаций «негритянских штатов» до самой гражданской войны. Только тогда коммерческий и буржуазный дух одержал победу над «Southern gentleman»^{46*}. Только тогда окончилась попытка «общества фермеров и купцов, промышленников и юридически свободных наемных рабочих построить плантационную систему грансеньоров и их мелких подражателей на принуждении и обмане» (126а).

3. Государственные чиновники

Можно было бы прийти к мысли рассматривать все современное государство как гигантское капиталистическое предприятие с тех пор, как его стремление все более и более обращается на «приобретение», т. е., говоря точно, на добывание золота и денег. А это действительно имеет место с тех пор, как открытия и завоевания испанцев разбудили сознание государей, а к тому же и Индия попала в их поле зрения. Теперь все стремления, по крайней мере мореходных государств, были направлены на захват доли в добыче.

Но и тогда, когда не думали ни о каком завоевательном походе на золотую страну, всегда, несомненно, думали об одном и том же: как добыть себе денег, будь то для непосредственного употребления на дела государства, будь то

для способствования народному хозяйству. Когда Кольбер резюмировал смысл всей меркантилистической политики в фразе: «Я полагаю — на этом легко можно будет сойтись, — что не что иное, как денежная масса в государстве определяет степень его величины и его могущества» (127), то это могло бы также хорошо быть выставлено в качестве высшего принципа всякого капиталистического предприятия, если только поставить на место «денежной массы» величину прибыли.

Но я думаю не об этом, когда я здесь упоминаю о государственных чиновниках как об одном из ранних типов предпринимателя.

И не о политике я думаю, которую вели современные государства в преследовании этой высшей цели. О ней мы, напротив, вспомним только тогда, когда мы будем доискиваться источников, из которых возник капиталистический дух. Там мы должны будем установить, что многие предприятия меркантилистической государственной политики способствовали созреванию у подданных зачатков капиталистического духа.

Здесь я скорее хочу указать на то, что к носителям современного капиталистического предпринимательского духа принадлежали даже государи и их чиновники, что они занимают значительное место среди первых представителей современного хозяйственного образа мыслей.

То, что один умный человек говорил о Густаве Ваза в Швеции (128), действительно относительно всех выдающихся государей *Ancien régime*^{а47*}: «Он был первым предпринимателем своей нации; как он старался добыть и заставить служить короне сокровища металлов шведской земли, так он указывал путь своим купцам не только посредством торговых договоров и покровительственных пошлин, но и собственной морской торговлей крупного масштаба».

Пришлось бы написать самостоятельную книгу, если бы я захотел здесь изобразить ту деятельность, которую проявили государи того времени в качестве основателей капиталистической промышленности и других хозяйст-

венных отраслей в течение столетий со средних веков и вплоть до нашего времени. В основе ведь факты известны. Было только нужно напомнить здесь об этом, и для цели настоящего исследования является достаточным, если я укажу, в чем, мне кажется, заключается особенное значение государственной предпринимательской деятельности, какие особенные черты отличают государственного чиновника как капиталистического предпринимателя.

Раньше и важнее всего: в очень большом объеме государственная предпринимательская деятельность заняла то пустое место, где иначе вообще ничего не происходило бы. Инициатива государя весьма часто только и давала толчок к расцвету капиталистической субстанции. Она означает, следовательно, весьма часто первичный зачаток предпринимательского духа вообще. Мы имеем классическое свидетельство этого отношения государственной инициативы к частной в заявлении одного немецкого камериалиста, полагающего, что для улучшения мануфактур нужны благоразумие, размышление, издержки и награды, а потом приходящего к заключению: «это государственное дело: купец же остается при том, чему он научился и к чему привык. Он не заботится об общих выгодах своего отечества» (129). Эта фраза заключает в своем содержании целые тома. И хотя она была написана в отсталой в те времена Германии, она в более слабой степени имеет значение и для широких кругов раннекапиталистической хозяйственной жизни вообще. Что бы, например, вышло во многих местах из горной промышленности, если бы государь вовремя не вмешался и не вытащил бы сбившуюся в пути телегу из болота. Вспомним историю горного дела в нынешнем Рурском округе. «При том лишенном всякого плана копаний, которое господствовало в течение столетий почти до середины XVIII в., не существовало, естественно, никаких (технических) приспособлений. В Клеве-Маркоском горном уставе 1766 г. государство брало на себя техническое и хозяйственное руководство производством. Опекун воспитывал лишенное руководства дитя» (130).

И так было в тысяче других случаев.

Но не только то, что государство проявляло на деле свой предпринимательский дух, но и то, как оно его проявляло, приобретает значение для общего капиталистического развития. Государственное предприятие обладало всегда резкими характерными чертами. Это относилось к внешним рамкам устройства предприятия. Во времена недостаточного образования капиталов суммы, на которые государственные власти имели возможность основать предприятие, являлись значительными, часто сами по себе достаточно большими, чтобы вообще можно было начать предприятие. Вспомним крупные транспортные предприятия, которые вплоть до XIX столетия и позднее могли держаться только на силе государственного капитала; вспомним устройство верфей и т. п.

Таким же выдающимся был организационный аппарат, которым располагало государство. Снова перенесемся в те времена, когда еще не доставало вышколенного персонала, и дадим себе отчет в том, каким преимуществом обладало государство в лице своего чиновничьего аппарата перед частными предпринимателями, которые еще только должны были воспитать себе свой штат людей и надзирателей.

Выдающиеся размеры государственного предприятия проявлялись, однако, также и в чисто духовной области. Нигде, кроме как у государя, интерес не мог быть так сильно направлен на отдаленное будущее, и не могли поэтому набрасываться и выполняться очень далеко рассчитанные планы. То, что характеризует все капиталистическое: дальнорукость предприятия, постоянство духовной энергии, — это в государственных предприятиях должно было как бы само собой вырасти из их существа.

Но и в отношении творческих идей, широких познаний, научной подготовки — кто мог сравниться с гениальными руководителями современных государств? Где было в те времена соединено столько гениальности, как в правительственных кабинетах? Ибо таланты в то время еще не отдалялись от управления государством. Конечно, я разумею только выдающихся государей и их госу-

дарственных людей и чиновников, которыми, однако, ведь так исключительно богата история. Кто во Франции того времени был и в качестве капиталистического предпринимателя способнее Кольбера (131), кто в эпоху Фридриха Великого был в стране способнее барона фон Гейнитца, создателя государственных горных разработок в Верхней Силезии?

То, что в ходе капиталистического развития ощущалось впоследствии как недостатки государственной предпринимательской деятельности: ее неуклюжесть, ее склонность к бюрократизму, — все это еще не имело значения в начальный период этой хозяйственной системы, когда государственный чиновник, напротив, являлся особенно важным и значительным типом предпринимателя с вполне ярко выраженными духовными особенностями огромного значения.

4. Спекулянты

Спекулянт как специальный тип капиталистического предпринимателя — это основатель и руководитель спекулятивных предприятий. А эти последние появляются в тот момент, когда прожектор достает необходимые денежные средства для того, чтобы обратить свою идею в действительность; тогда, следовательно, как я уже говорил, когда прожекторство соединяется с предпринимательством. А этот момент, насколько мы можем усмотреть, достигнут около конца XVII столетия. Мы узнаем, что тогда уже многие из прожекторов находят благосклонное внимание у владельцев денег и что вследствие этого начинается «грюндерство» всякого рода предприятий, которые мы должны обозначить как спекулятивные предприятия. Дефо, которому мы уже не раз были обязаны ценными указаниями, осведомляет нас и об этой области со свойственной ему меткостью следующим образом:

«Существует, к сожалению, слишком много хвастливых восхвалений новых открытий, новых изобретений,

новых машин и еще всяких других вещей, которые, будучи превозносимы выше своей действительной ценности, должны стать чем-то великим в случае, если будут добыты такие-то и такие-то суммы. Эти мнимые изобретения так возбудили фантазию легковерных людей, что они, основываясь на одних только призрачных надеждах, составляли общества, выбирали комитеты, назначали чиновников, выписывали акции, устраивали счетные книги, набирали большие капиталы и до такой степени раздували пустое понятие, что многие люди давали себя увлечь, отдавали свои деньги на акции новому пустому месту. А когда изобретатели доводили свою выдумку до того, что сами выходили сухими из воды, они предоставляли облаку рассеяться самому собой, а бедным покупателям — рассчитываться между собой и тащить друг друга на суд по поводу итогов, переносов или по поводу той или иной кости, которую пройдоха-изобретатель среди них бросил, чтобы свалить на них самих вину неудачи. Так, акции начинают сначала постепенно падать, и счастлив тот, кто тут вовремя продаст, пока они, подобно медным деньгам, не обесценятся совершенно. Я переживал, как таким образом акции банков, патентов, машин и других предприятий, путем пользования высокопарными словами и именем какого-нибудь принимающего в деле участие, уважаемого человека, нагонялись до 100 за акцию в 1/500 долю и в конце концов падали так низко, что спекуляция доводила их до 12, 10, 9, 8 за акцию, пока, наконец, больше „не находилось покупателя“ — (новое выражение вместо „не оставалось никакой ценности“), благодаря чему потом многие семьи впадали в нищету. В качестве примеров этого мне стоило бы только привести некоторые полотняные мануфактуры, серные заводы, медные рудники, нырятельные машины и т. п. не в ущерб правде, как я полагаю, или некоторым явно виновным лицам. Я мог бы дольше остановиться на этом предмете и раскрыть обманы и проделки биржевых спекулянтов, машиностроителей, владельцев патентов, всяких комитетов вместе с этими биржевыми клоунами-маклерами, но у меня для такой работы недостает желчи. Всем же тем,

кто не хочет лишиться своего состояния через таких мнимых изобретателей, я хочу в качестве общего руководства указать на то, что лица, которых можно заподозрить в таком предприятии, несомненно, являются с таким предложением: „Прежде, чем предпринимать попытки, я нуждаюсь в ваших деньгах“. Здесь я мог бы рассказать очень забавную историю об одном торговце патентами, при которой не кто иной, как я сам, остался в дураках, но я хочу приберечь ее себе для другого случая».

Но не было бы никакой нужды в этом положительном подтверждении со стороны хорошего знатока дела, чтобы установить, что то время и еще более — первые десятилетия XVIII столетия были «периодом грюндерства» вполне крупного масштаба, насколько я знаю, первыми, когда страсть к основанию новых капиталистических предприятий охватила народы в форме такой эпидемии, как в то время, и именно англичан и французов. Это время шарлатанской «Компании Южного моря» в Англии, системы Лоу во Франции, — которые обе, однако, являются лишь наиболее бросающимися в глаза предприятиями и вследствие этого так сильно ослепляют взор, что часто совершенно не замечают, как вокруг этих гигантских шарлатанских предприятий возникало невероятное количество других «грюндерских» афер, только в своей совокупности, собственно, и накладывающих печать на всю эпоху.

Чтобы хорошо понять, какой новый мир был тогда открыт человечеству, нужно окинуть взглядом размеры и направление, которые приняла в то время в первый раз (и в качестве образца на все будущее время) грюндерская горячка. Мы обладаем ведь в материале, который собрали тогда должностные следственные комиссии, богатым источником подлинных свидетельств, и, кроме того, мы имеем извлечение из английской анкеты, которую Андерсон сделал, как он пишет (132), «предостерегающим примером для всех грядущих поколений». Я приведу отсюда некоторые факты.

В центре интереса (в Англии) стояло, конечно, основание «Компании Южного моря». Она вначале была не чем

иным, как одним из многих колониальных обществ, которые уже раньше существовали. Ее привилегия давала ей право исключительной торговли во всех местах по восточному берегу Америки — от реки «Аранжа», до южной конечности Огненной Земли — и по западному берегу — от мыса Горн до самой северной части Америки. Ей были присвоены и все привилегии власти, как и другим обществам.

Ее значение для развития капиталистического рынка и спекулятивной горячки заключалось, однако, в сущности, не в ее собственном ведении дел как спекулятивного предприятия. Она послужила лишь к тому, чтобы как бы разбудить скрытую манию грюндерства. Это она совершила, как известно, тем, что связала свои дела с государственными финансами. По развивавшемуся тогда обычаю, она принимала на себя все большую и большую часть английского государственного долга, обратив мало-помалу свыше 31 000 000 облигаций в капитал общества. Это означало, следовательно, и в этом все дело, — что, быть может, большая часть английского наличного имущества, которая до тех пор была вложена в бумаги с твердым доходом, теперь была обращена в приносящий дивиденд, доступный ажиотажу капитал. Какая спекулятивная страсть охватила тогда круги владельцев денег, показывают курсы, по которым происходил обмен рентных бумаг. При последнем выкупе акции предлагались к обмену по курсу в 800%. Около того же времени (августа 1720 г.) общество выпустило новые акции по курсу в 1000%, за которые покупатели (при 200 обязательной уплаты) все еще дрались.

Зажженное таким образом игорное бешенство публики использовалось теперь искусными дельцами для того, чтобы вызывать к жизни (хотя бы вначале только на бумаге) бесчисленные новые предприятия.

Из длинного перечня этих bubbles (мыльных пузырей), как называли эти воздушные предприятия, я приведу следующие: декатировочное общество (сокращенное: о.) (£ 1 200 000), английское медное о., уэльское медное о., Корол. рыболовное о., о. металлорудничных предприятий Англии, о. сабельных клинков, о. вышивки, о. для

проведения свежей воды в Ливерпуль, о. для доставки свежей рыбы в Лондон, Гамбургское торговое общество, о. постройки судов для сдачи внаймы (chartering), о. для поднятия возделывания льна и конопли в Англии, такое же самое для Пенсильвании, о. для мелиорации земель, о. китоловства, о. для добычи соли в Голигеде (£ 2 млн), о. «Крупное рыболовство», Бодмерейное о., о. для заселения Багамских островов, Всеобщее страхование от огня о. (£ 1 200 000), К. о. биржевого страхования (£ 500 000), Лондонское страховое о. (£ 3 600 000). Далее 12 о-в для рыболовного дела, 4 о-ва для добычи соли, 8 страховых о-в, 2 ремитировочных о-ва (Remittances of Money), 4 водных о-ва, 2 сахарных о-ва, 11 о-в для заселения или для торговли с американскими странами, 2 строительных о-ва, 13 сельскохозяйственных о-в, 6 масляных о-в, 4 о-ва для улучшения гаваней и исправления рек, 4 о-ва для снабжения Лондона, 6 о-в для устройства полотняных мануфактур, 5 о-в для устройства шелковых мануфактур, 15 о-в для устройства горных разработок и металлообрабатывающих фабрик.

Наконец, 60 о-в с различными целями, среди которых о. для очистки Лондона (£ 2 млн), о. для торговли человеческими волосами, о. для излечения венерических болезней, о. для предоставления труда бедным, о. для устройства большой аптеки (£ 2 млн), о. для изготовления *Perpetuum mobile*^{48*}, о. для торговли известными товарами (certain commodities) в Англии, о. для постройки домов во всей Англии (£ 3 млн), о. для производства похорон и т. д. и т. д.

В общем, значит, свыше 200 «грюндерских» предприятий в один год: эта цифра, достигаемая у нас теперь в год средней конъюнктуры, следовательно, огромная цифра для Англии того времени. Признак цветущей фантазии и в то же время это перечень первых спекулятивных предприятий в наше время.

Но что нас прежде всего интересует, это «дух», из которого возникли все эти планы; другими словами, мы хотим попытаться дать несколько более точное описание того, что называют «спекулятивным духом» (поскольку

он является формой проявления капиталистического предпринимательского духа, а не просто иной формой игровой страсти), анализ особенностей строения психики спекулянта.

Что прежде всего резко отличает эти новые формы капиталистического предприятия от рассмотренных нами раньше — это то обстоятельство, что при их возникновении, а отчасти и при их осуществлении имеют решающее значение совсем иные душевные силы, чем до сих пор. Для всех трех форм капиталистического предприятия, с духом которых мы ознакомились, общим является фундамент внешнего отношения сил: руководители этих предприятий совершают свои действия в конечном счете путем применения внешних принудительных средств. Безразлично при этом, проявляются ли эти последние явно, как в разбойничьем предприятии, или они скрываются на заднем плане, как в обеих остальных формах, где успех дела решает могущество государства или могущество в государстве.

Существенное же отличие деятельности спекулянта заключается в том, что он (по крайней мере при основании своего предприятия) открывает новый источник могущества в себе самом: это сила внушения — и с помощью ее одной он осуществляет все свои планы. На место страха в качестве движущей силы он ставит надежду.

Он осуществляет свое дело приблизительно следующим образом. Сам он со своею страстью переживает мечту о своем счастливо проведенном до конца, увенчанном успехом предприятии. Он видит себя богатым, могущественным человеком, которого его ближние почитают и превозносят за славные деяния, им совершенные, вырастающие в его собственной фантазии до невероятных размеров. Он совершит сначала это, присоединит затем к нему то, вызовет к жизни целую систему предприятий, он наполнит земной шар славой своих деяний. Он мечтает о грандиозном. Он живет, как в постоянной горячке. Преувеличение его собственных идей все снова возбуждает его и держит его в непрерывном движении. Основное настроение его духа — полный энтузиазма лиризм.

И, исходя из этого основного настроения, он и совершает свое величайшее дело: он увлекает за собой других людей, чтобы они помогали ему осуществить его план. Если он крупный представитель своего типа, то ему свойственна поэтическая способность вызывать перед глазами других картины увлекающего очарования и пестрого великолепия, дающие представление о чудесах, которые он намерен совершить: какое благословение предложенное дело означает для мира, какое благословение для тех, кто будет его выполнять! Он обещает золотые горы и умеет заставлять верить своим обещаниям. Он возбуждает фантазию, он будит веру (133). И он будит могучие инстинкты, которые он использует для своей выгоды: он разжигает прежде всего страсть к игре и заставляет ее себе служить. Нет спекулятивного предприятия более или менее крупного масштаба без биржевой игры. Игра есть душа, есть пламя, согревающее всю деятельность. «Eh bien,— восклицает Саккар,— без спекуляции (в этом узком смысле) не делались бы дела, моя дорогая. Зачем, к черту, вы требуете, чтобы я вынул из кармана деньги, чтобы я рисковал своим имуществом, если вы мне не обещаете какого-нибудь необычайного возмещения, внезапного счастья, которое мне откроет небо. При законной и средней оплате труда, при благоразумном равновесии ежедневных дел жизнь — это пустыня невероятной плоскости, это болото, в котором все силы засыпают и чахнут; но дайте внезапно вспыхнуть на горизонте видению, обещайте, что с одним су наживут сто, дайте всем этим сонным душам возможность погони за невозможным, покажите им миллионы, которые можно заработать в два часа, по мне пусть даже с риском сломить себе шею и ноги... и гонка начинается, энергия удесатеряется, давка так велика, что люди, стараясь только для своего собственного благосостояния, создают живые, великие и прекрасные творения...»

Создать настроение — вот лозунг! А что для этого хороши все средства, завоевывающие внимание, любопытство, желание купить, само собою разумеется. Шум становится самоцелью.

И труд спекулянта закончен, цели своей он достиг, когда широкие круги попадают в состояние опьянения, в котором они готовы предоставить все средства, нужные ему для осуществления его предприятия.

Чем труднее обозреть план какого-нибудь предприятия, тем сильнее возможные влияния общего характера, тем лучше оно годится для спекулянта, тем большие чудеса может совершить спекулятивный дух. Отсюда большие банковые предприятия, большие заморские предприятия, большие транспортные предприятия (железнодорожное строительство! Суэцкий и Панамский каналы!) были с самого начала особенно приспособленными объектами для проявления спекулятивного духа и остались ими и до сегодняшнего дня.

5. Купцы

Купцами (в качестве типа предпринимателя) я называю всех тех, кто развил капиталистические предприятия из торговли товарами или деньгами, вначале в области самой товарной и денежной торговли, в которой они расширили мелкие ремесленные промыслы за их первоначальные пределы и превратили их в капиталистические предприятия. Этот случай постепенного, шаг за шагом, расширения, при котором незаметно одна хозяйственная форма переходит в другую, пока в конце концов «количество не переходит в качество», был (несомненно) весьма частым (как он еще и ныне ежедневно встречается). Крупная часть ремесленных «negotiatoges» сделалась с течением времени капиталистическими предпринимателями: это флорентийские торговцы шерстью, английские tradesmen^{49*}, французские marchands, еврейские торговцы материями. Конечно, должен был соединиться ряд счастливых обстоятельств, чтобы подобная метаморфоза оказалась возможной. Но это не интересует нас здесь, где нам только нужно установить факт, что метаморфоза эта часто совершалась. Часто, говорю я, не имея возможности ничего привнести, кроме

неопределенного чувства, в качестве основания для этого численного определения. В действительности ответ на вопрос «сколько раз?» совершенно не поддается нашей оценке.

Но купцы еще одним путем становились капиталистическими предпринимателями: посредством вмешательства в область производства благ. Это один из наиболее важных, быть может, численно наиболее частых случаев, когда промышленные рабочие (ремесленники или также крестьяне — производители для собственных нужд) снабжались богатыми людьми ссудами, пока не опускались до положения настоящих наемных рабочих в капиталистическом предприятии: это важнейший случай «заклада». Мы видели в другом месте (см. выше с. 101 и след.), что кредиторы, которые снабжали ремесленников наличными средствами, чтобы дать им возможность дальнейшего производства, принадлежали к весьма различным социальным слоям. Настоящими «закладчиками», следовательно, капиталистическими предпринимателями становились они, однако, по общему правилу только тогда, если уже сами были деловыми людьми. Отчасти, правда, это были более богатые «коллеги», которые поднимались до положения работодателей обедневших ремесленников.

Приведу только пару ранних примеров.

L'Arte della Lana di Pisa запрещает в XVI столетии доверять «рабочему» больше 25 фунтов в городе, больше 50 фунтов в окрестностях. Ни один Lanaielo^{50*} города Пизы не должен устраивать мастерской, где он давал бы ткань за плату (ad pregio), кроме своей собственной.

В цехе шерстостригов в Англии (1537 г.) мы находим две ссуды в 100 и 50, которыми ремесленники побогаче ссужают более бедных. Ряд спорных случаев относится к этим ссудам, и из них мы можем усмотреть, что более бедные мастера должны были отрабатывать свой долг (134).

В 1548 г. один английский закон запрещает богатым мастерам кожевенных цехов снабжать более бедных кожей; в 1549 и 1550 гг. закон отменяется с мотивировкой: без этого невозможно (135).

Во Франции та же картина в то же время: бедные шляпочники в зависимости от богатых (136).

Но гораздо чаще «закладчиками» ремесленников становились купцы, большей частью посредники. Это встречается так часто, что почти представляется нормальным, и так ослепило взоры историков, что они проблему возникновения капиталистических производственных предприятий свели к постепенному «вмешательству торгового капитала» в сферу производства (Marne). Об этом, конечно, и речи быть не может, как эта книга достаточно ясно показывает. Но то, что сказано, часто случалось; то, что торговцы товарами становились руководителями производственных предприятий, не подлежит сомнению. Отрасли промышленности, в которых этот процесс происходил особенно часто, суть следующие.

1. (Прежде всего!) Текстильная промышленность, в которой во всех странах с XIV столетия, наверное, а может быть, уже и раньше члены цеха *Calimala*, портные, *the Clothiers, les marchands drapiérs*^{51*}, что, следовательно, означает: сукноторговцы (так же как и торговцы шелковым товаром, с одной стороны, торговцы пряжей — с другой) ссужают ремесленников.

2. Горное дело и горнозаводская промышленность, поскольку они не сохранили землевладельческого отпечатка.

3. Торговля галантерейным товаром (делатели *Pater-noster*'ов^{52*}).

4. Портняжество: самое позднее в XVII столетии во всех более крупных городах из торговцев платьем — по большей части еврейских — развились «конфекционеры» (137).

Чьего духа были детьми эти новые люди, которые вылезли, чтобы завоевать мир, мы лучше всего узнаем, если будем наблюдать особенности манеры вести торгов-

лю и основывать предприятия у трех народностей, в которых «купеческий» дух расцвел впервые и в наиболее чистом виде: у флорентийцев, шотландцев и евреев.

Флорентийцы

Поведение флорентийцев резко отличается — по крайней мере начиная приблизительно с XIII столетия — от поведения венецианцев, генуэзцев, а также и пизанцев в Леванте, который имеет наиболее важное значение. В то время как другие города воюют, Флоренция занимается «торговлей». Средства могущества тех — это сильное войско, сильный флот. Флорентийцы же во время расцвета своей торговли не обладали ни военным флотом, ни даже сколько-нибудь значительным торговым флотом. Свои товары они грузят на чужие корабли, которые они нанимают, а если они нуждаются в защите, то они берут к себе на службу провансальские или генуэзские галеры. Предпочтительнее всего они обходят опасность: они выбирают пути прямо поперек страны или делают далекие обходы, чтобы не попасться в качестве добычи многочисленным разбойникам в архипелаге или кораблям соперничающей нации. Своих успехов у чужих народов они достигают совсем другими способами: 1) деньгами: флорентийская товарная торговля с самого начала еще более исключительно, чем торговля других наций, связана с денежными операциями, и чистые денежные операции составляют с незапамятных времен одну из главных отраслей флорентийской деловой жизни; 2) договорами: Паньини перечисляет длинный ряд искусно заключенных флорентийцами торговых договоров; 3) знанием дела: знаменитые трактаты Бальдуччи (Печолотти) и Уццано свидетельствуют об этом; они составляли источник, из которого купеческий мир того времени черпал свои познания о вещах, важных с точки зрения коммерческой техники и коммерческой географии; Паньини справедливо приводит их «в доказательство опытности наших купцов» (*prova della perizia de nostri marchanti*). Позади

воюющих наций идут они: когда те утомляются, они становятся на их место; когда те благодаря своему грубому поведению лишаются благоволения султанов, они умеют подольститься к могущественным владыкам с помощью денежных подарков и обещаний. «Скрытой надеждой флорентийцев было, чтобы Венеция истекла кровью в сепаратной войне с османами. Эта война (1463 г.) не должна была поэтому никоим образом быть возведенной в общее дело Запада; сами флорентийцы, чтобы не быть принужденными принимать в ней участие, в объяснениях, данных папе Пию II, ссылались на то, что им-де невозможно так скоро вызвать из Турции и свои торговые галеры и своих купцов...» Между тем они втираются в милость султана, «они сидели в совете султана, они справляли в качестве друзей его победы радостными празднествами, они умели выказать ему свое значение как торговой нации в нужном свете и так полно завоевать его милость и в этом отношении, что не одни только венецианцы, но и генуэзцы в Пере и другие итальянцы в Леванте были полны зависти и раздражения на это. Чтобы только как можно дольше удержать это преобладание, они препятствуют...» и т. д. Когда венецианцы просили их пойти с ними на войну против турок и разорвать свои торговые сношения, синьория объявила, «что не может уже как раз остановить экспедиции нынешнего года, так как для нее изготовлено много сукон и закуплено много товаров» (!). Что подобные воззрения очень хорошо совмещаются при случае с готовностью поступиться личным достоинством (когда того требует деловая выгода) — легко понять. Так, мы видим, что флорентийцы на Кипре, где они не принадлежали к привилегированным нациям, чтобы воспользоваться предоставленной пизанцам скидкой таможенной пошлины в 2 процента, выдают себя за пизанцев; зато они, конечно, должны были «мириться с тем, что пизанцы налагали на них значительные поборы и вообще обращались с ними унижительно». (Позднее Печолотти, фактор (!)^{53*} домов Барди и Перуцци, добивается равного положения с пизанцами.) Миротворивший торговый народ, который в конце концов по сходной цене покупает

себе еще и гавань, после того как Пиза ему тоже была продана. Это показательное для всего флорентийского характера событие произошло в 1421 г.

Тогда настал благоприятный момент: «Когда даже Томмазо да Кампофрегоза в Генуе (которая только что перед тем, как Пиза путем измены попала в руки флорентийцев, силой овладела обеими ее гаванями: Порто Пизано и Ливорно) остро нуждался в деньгах, чтобы обороняться от своих врагов, флорентийцы предложили ему деньги, если он уступит им обе гавани, и 27 июня 1421 г. сделка состоялась за цену в 100 000 фл.». И тогда, впрочем, ничего путного не вышло из судоходства флорентийцев: около 1500 г. торговые сношения уже снова происходят главным образом на чужих судах, а большей частью по сухому пути. Шерстоторговцы и банкиры уже никак не годятся для судоходства. Во всех судоходных предприятиях заложена — и в особенности была заложена в то время — добрая доля разбойничьего духа, а он был чужд характеру флорентийцев. Это так резко отличает их торговлю от торговли соседних городов. «Если мы бросим взгляд назад на историю флорентийско-египетских взаимоотношений, — заключает Гейд свое описание, — то от нас не ускользнет тот факт, что конфликты такого рода, как они встречаются у других торговых наций, здесь совершенно не имеют места. Все, как кажется, идет гладко».

И как торговля, так и промышленность: знаменитая флорентийская суконная промышленность, быть может, первая действительно капиталистически организованная промышленность, есть дитя торговли шерстью, следовательно, порождена чисто купеческим духом.

Общественная жизнь в этом городе — только отражение этого торгашеского духа. Как она заставляла страдать своих великих людей, как мучила своих великих художников своим скряжничеством!

И что в этом удивительного, когда власть с XIV столетия попала в руки торговцев шерстью и банкиров. И как бы увенчанием флорентийского духа явилось то обстоятельство, что в конце концов государями этой страны стала семья менял.

Шотландцы

Это флорентийцы севера во всем, что касается их торгашества (то, что в духовной структуре шотландца, кроме того, имеются совершенно иные черты, чем у флорентийца, ничем не меняет справедливости этого сравнения). Так же, как возвышение Медичи является, пожалуй, единственным в истории случаем, когда банкиры стали государями страны, так, пожалуй, только один раз случилось в истории то, что народ за известную сумму наличных денег продал чужой нации своего короля, как это сделали шотландцы с Карлом. Шотландцы: под этим я разумею «обитателей равнин» (Lowlander), в то время как «горцы» (Highlander) обладают не только иным, но прямо-таки противоположным душевным строем.

Совершенно так же, как и флорентийцы, они — хотя и омываются морем — далеки от него: они никогда не были нацией мореплавателей большого масштаба. Около середины XVII столетия (в 1656 г.), когда английская Ост-Индская компания обладала флотом в 15 000 т вместимости (в 1642 г.), в то время как уже в 1628 г. флот Темзы насчитывал 7 «индийских» кораблей с 4200 т, 34 других судна с 7850 т, крупнейшая шотландская гавань (Лейт) имеет 12 судов с 1 000 т общей вместимости, Глазго имеет 12 судов с 830 т, Дёнди — 10 с 498 т и т. д. (138). Вплоть до XVIII столетия они, в сущности, не имеют никакого собственного флота; до тех пор они ведут свою заморскую торговлю на кораблях, которые они нанимают у англичан (точь-в-точь как флорентийцы).

Их торговля — посредническая торговля. Они посредничают в товарообмене между хайлендерами и лондонцами (Дёнди, Глазго), или же они отправляют пойманную ими самими рыбу, или уголь, или шерстяные материи собственного изготовления (lraiding) в Ирландию, Голландию, Норвегию, Францию и привозят оттуда домой хмель, зерно, муку, масло, дерево и т. д. Но в их душах тлеет могучий инстинкт наживы, который в течение XVI и XVII столетий скрыт под пеплом неслыханного ханже-

ства и (как мы еще увидим) в конце XVII столетия внезапно вспыхивает пламенем и заставляет их стремиться к успешным предприятиям дома и на чужбине.

В каком духе они ведут свои дела, это нам показывает одно изречение шотландской мудрости, которое однажды цитирует Маркс: «Когда вы немного нажили, становится уже легко нажить много; трудность заключается в том, чтобы нажить то немногое».

Это, одним словом, настоящий купеческий дух, это настоящий «дух торгашей», который повсюду просвечивает сквозь их коммерческую деятельность. Один хороший наблюдатель однажды метко описал этот шотландско-флорентийский деловой дух в начале прошлого столетия следующим образом (противопоставляя его духу ирландских деловых людей) (138а):

«Если бы они — ирландцы — могли путем быстрого *coup de main*^{54*} достичь пользования меркантильным богатством, они бы, пожалуй, охотно на него решились; но они не могут усесться на треногих конторских стульчиках и сидеть, нагнувшись над пюпитрами и длинными торговыми книгами, чтобы медленно, по кусочкам добывать себе сокровища. Но это вполне дело шотландца. Его стремление достичь вершины дерева также достаточно пылкое, но его надежды менее сангвиничны, чем упорны, и деятельная выносливость заменяет мгновенный огонь...»^{55*}

Ирландец скачет и прыгает, как белка, — шотландец спокойно лезет с сука на сук.

«Эта удивления достойная способность шотландца выдвигаться в торговых делах, его исключительная уступчивость по отношению к своим начальникам, постоянная торопливость, с которой он распускает свой парус по всякому ветру, послужили причиной того, что в торговых домах Лондона можно найти не только уйму шотландских клерков, но и шотландцев в качестве компаньонов».

Мы видим: в этом изображении можно было бы смело заменить слово «шотландцы» словом «флорентийцы».

Так как я предполагаю, что читатели знакомы с моей книгой о «Евреях и хозяйственной жизни», я избавляю себя здесь от подробного изображения еврейского делового духа, как он проявляется в еврейском хозяйственном поведении. Я тем более охотно воздерживаюсь от этого изображения, что пришлось бы к тому же повторять то, что я только что сказал об обоих других народах. Ибо: флорентийцы—шотландцы—евреи. Когда *Марциан* в своих объяснениях Езекиеля о евреях в Римской империи замечает: «До сегодняшнего дня в сирийцах (евреях) живет такое врожденное рвение к делам, что они из-за наживы исходят все земли; и так велика их страсть торговать, что они повсюду внутри Римской империи среди войн, резни и убийств стремятся нажить богатства», — то это попадает в самую точку и характеризует с эпиграмматической краткостью положение евреев в хозяйственной жизни народов: «среди войны, резни и убийств» стараются они нажить богатства, в то время как другие народы стремятся нажить их *путем* войны, резни и убийств. Без морских сил, без военных сил они возвышаются до положения господ мира посредством тех же сил, которые мы видели в действии в руках флорентийцев: деньги — договоры (это значит: частные договоры купли) — знание дела. Все предприятия, ими основанные, порождены духом торгашей; все евреи, возвышавшиеся до капиталистических предпринимателей, представляют собой предпринимательский тип купцов; поэтому подобало вспомнить их в *этом* месте.

Остается теперь еще кратко очертить последний тип предпринимателя.

6. Ремесленники

Это, в сущности говоря, внутреннее противоречие: «ремесленник» — тип капиталистического предпринимательства. Но я не нахожу лучшего выражения, чтобы обозначить то, что англичане называют метко «Мапи-

facturer», французы — «Fabricant» в противоположность порожденному купеческим духом «entrepreneur» (139), т. е. выбившегося наверх ремесленного мастера в сфере промышленного производства, который в долготной, трудной борьбе расширил свое дело в капиталистическое предприятие; человека с мозолистыми руками, с «четырёхугольной головой», с грубыми манерами, живущего в старомодной обстановке до серебряной свадьбы, чтобы потом дать архитектору омеблировать свою квартиру в новейшем стиле, потому что так хочет его дочь, которую он носит на руках и которой он дал (недостающее ему) превосходное образование. Это кремни «первого поколения», the self made men^{56*}, которые все-таки не выходят за пределы известного среднего размера дела, родоначальники позднейших крупных предпринимателей.

В важных промышленных отраслях, как, например, в машиностроительной промышленности, этот тип прямо-таки составлял правило в самом начале капиталистического развития. Мы находим его, однако, рассеянным почти по всем промышленным отраслям. И в текстильной промышленности также сыграл роль «суконный фабрикант» (139а). Он был в равной мере распространен во всех странах. В больших городах его можно было найти особенно часто (140). Как бы то ни было, хотя бы только приблизительная оценка численной доли участия, понятно, так же невозможна относительно этого типа, как и относительно любого из остальных.

* * *

То, что мне нужно сказать о духе, которым порожден этот последний предпринимательский тип — тип ремесленника, я могу сказать (в этом месте) в немногих словах, потому что это уже высказано в предшествующем изложении. Именно как сильно ни различаются между собой ремесленник и купец, они все же имеют ряд общих черт: общим даже со спекулятивным предприятием (от которо-

го их в остальном отделяют миры) у них является отвращение в их деятельности от всего насильственного и авторитарного, которое характеризует три первых предпринимательских типа. И ремесленного типа руководитель капиталистического предприятия должен также прежде всего быть «торговцем» в установленном мною смысле: он должен мирным искусством убеждения расчищать себе дорогу в жизни; в искусном заключении большей частью ничем не стесненных договоров со своими поставщиками, со своими рабочими, со своими клиентами состоят для него все возможности наживы. Однако для того чтобы иметь успех, эти предприниматели — это действительно и в отношении «купцов» — должны обладать еще другими способностями, и прежде всего определенными нравственными качествами, которые в этой высокой степени не требуются для остальных типов предпринимателей; они должны, если выразить это в двух словах, уметь *считать* и *копить*. Они должны соединить в себе свойства хорошего калькулятора и хорошего отца семейства; совершенно новый «дух» должен в них возникнуть, который потом вселяется и в других предпринимателей и в конце концов образует необходимую составную часть капиталистического духа вообще. О его сущности и о его возникновении мы, однако, должны теперь сначала получить более точные сведения. Следующие главы посвящены ему.

Отдел второй

МЕЩАНСКИЙ ДУХ

Глава восьмая

МЕЩАНСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

В том, что мы ныне обозначаем как капиталистический дух, содержится, кроме предпринимательского духа и инстинкта наживы, еще множество других душевных особенностей, из которых известный комплекс я объединяю в понятие мещанских добродетелей. Под ними я разумею все те воззрения и принципы (и им направляемое поведение и поступки), которые вместе составляют хорошего гражданина и отца семейства, солидного и «осмотрительного» делового человека. Говоря иначе, в каждом законченном капиталистическом предпринимателе, в каждом буржуа сидит «мещанин». Как он выглядит, где он появился на свет?

Насколько я усматриваю, в своей законченности «мещанин» нам впервые встречается во Флоренции около конца XIV столетия: в течение треченто он, очевидно, родился. Тем самым уже высказываю, что под «мещанином» я разумею отнюдь не всякого жителя города и не всякого купца и ремесленника, но своеобразное явление, которое еще только развивается из этих внешне представляющихся мещанами групп, человека с совершенно особым характером души, для которого мы не имеем лучшего обозначения, чем избранное нами, правда, в кавычках: он — «мещанин», говорим мы еще и ныне, чтобы обозначить тип, а не сословие.

Что привлекает наше внимание как раз во Флоренции, когда мы интересуемся рождением «мещанина», — это обилие свидетельств, которыми мы обладаем, о его существовании в этом городе уже в XV столетии (141). Целый

ряд деловых людей и людей, которые, во всяком случае, были близко знакомы с деловой жизнью того времени (а кто же не был знаком с ней в этом Нью-Йорке кватро-ченто?), оставили нам свои воззрения в ценных мемуарах или назидательных сочинениях, из которых на нас глядит в законченной ясности образ Бенджамина Франклина, ставшего воплощением мещанского принципа. То, что многократно считали возникающим лишь в XVII и XVIII столетиях — гринципы упорядоченного мещанского существования со всеми признаками ярко выраженной мелочности и благоприличия, — это уже около 1450 г. составляет жизненную основу в психике флорентийских торговцев шерстью и менял.

Законченным типом «мещанина» кватроченто, чьи сочинения представляют для нас самый ценный источник для того, чтобы составить суждение о характере духа этой наиболее ранней эпохи мещанского мировоззрения, является *Л. Б. Альберти*. От него остались знаменитые книги об управлении семьей (*Del governo della famiglia*), в которых в действительности содержится уже все то, что *Дефо* и *Бенджамин Франклин* сказали потом по-английски. Но книги о семье Альберти являются для нас еще главным образом потому неоцененным источником, что мы знаем, насколько они уже в свое время были предметом восхищения и много читались, что они уже вскоре по своем появлении прослыли классическим трактатом, из которого другие отцы семейств делали заимствования в свои хроники и мемуары частью дословно, а частью в выдержках.

Мы поэтому, пожалуй, вправе заключить, что воззрения, излагаемые *Альберти* в его книгах о семье (хотя они и являются поучающими и назидательными сочинениями), все же разделялись уже широкими кругами и представляют уже проявление общего духа времени, распространенного, конечно, только среди делового мира.

Я привожу поэтому в последующем изложении воззрения и мнения Альберти в их основных чертах и привлекаю заявления других людей того времени только тут и там в качестве дополнения. Я ограничусь, конечно, толь-

ко теми частями его сочинений, в которых он высказывает свое отношение к хозяйственной жизни, тогда как остальные его жизненные воззрения касаются нас лишь в той мере, поскольку они имеют значение для выработки особого *хозяйственного* образа мыслей.

Две группы воззрений имеют главным образом для нас значение: те, которые относятся к внутреннему устройству хозяйства, и те, которые предназначены для регулирования отношений хозяйствующих субъектов к клиентам в частности и к внешнему миру вообще. Первый комплекс суждений я объединяю (по основаниям, которые обнаружатся немедленно) под обозначением «святой хозяйственности», второй — под рубрикой «деловой морали».

1. Святая хозяйственность

«Святой» называет Альберти хозяйственность или хорошее ведение хозяйства, или, как еще можно перевести, — «*masserizia*»: «*Sancta casa la masserizia*» (с. 151). Что он понимает под этой *masserizia*? Он приводит в разных местах объяснения, которые, однако, не все согласуются между собой. Если мы возьмем это понятие в наиболее широком значении, так что оно обнимает собой все хозяйственные правила, возвещаемые Альберти своим домохозяевам, мы получим примерно следующий смысл.

Для хорошего хозяйства требуется:

1. *Рационализация ведения хозяйства.* Хороший хозяин обдумывает ведение хозяйства: «*la sollecitudine è cura delle case, cioè la masseriza*» (с. 135). Это означает в отдельности прежде всего то, что он заставляет события хозяйственной жизни переступать порог своего сознания; что он заботится о хозяйственных проблемах, обращает к ним свой интерес; что он не стыдится говорить о них как о чем-то грязном; что он даже хвастается своими хозяйственными делами. Это было нечто неслыханно новое. И именно потому, что это богатые, великие мира сего думали как теперь. Что какой-нибудь мелюзга-носивщик всегда мучился за свои гроши и что мелкий лавочник

большую долю своей жизни промаялся за обдумыванием, как свести приход с расходом, — это понятно само собой. Но богатый, большой человек! Человек, который может столько же и еще больше потреблять, чем *Fes seudneurs*^{53*} прошлого времени, — и он, этот человек, делал проблемы ведения хозяйства предметом своего размышления!

Я осмотрительно говорю: проблемы *ведения* хозяйства. Другие проблемы, вдающиеся в область хозяйствования, были рационализированы уже и прежде: мы уже видели, что в каждом предприятии более крупного размаха хорошо продуманный план находит себе полное осуществление, что невозможно без основательного продумывания, без дальнозоркой постановки соотношений целей и средств, коротко говоря — без основательной рационализации. Но теперь речь шла главным образом о том, чтобы рационализировать *ведение* хозяйства, под которым я в основе разумею установление разумного соотношения между доходами и расходами, следовательно, особого рода искусство экономии.

Поставить проблему означало, однако, в то же время разрешить ее в совершенно определенном смысле; этот смысл, это новое понимание хорошего ведения хозяйства не могло прежде всего означать ничего иного, как *принципиальный отказ от всех правил сеньорального устройства жизни*. Хозяйство сеньора было, как мы видели, расходным хозяйством: столько-то было ему нужно для ведения подобающего общественному положению образа жизни, а столько-то он проматывал и растрачивал; следовательно, он должен был иметь столько же доходов. Это расходное хозяйство превращается теперь в приходное хозяйство. Верховное правило, которым Альберти, резюмируя, заключает третью, содержащую хозяйственную философию книгу своего трактата, последние слова вообще в сочинении *Пандольфини*, альфа и омега всякого хорошего искусства экономии, *credo* каждого доброго «мещанина», девиз нового, занимавшегося тогда времени, квинтэссенция мировоззрения всех отдельных людей: все это заключено в наставлении (142):

«Удержите это в памяти, сыновья мои: никогда не давайте вашим расходам превысить ваши доходы».

Этим наставлением был заложен фундамент мещанско-капиталистического ведения хозяйства. Ибо, следуя этому наставлению, рационализация превратилась в:

2. *Экономизацию ведения хозяйства.* Не принудительно, а добровольно; ибо эта экономизация относилась не к частным хозяйствам маленьких людей, где «голод — повар» божьей милостью, но опять-таки к богатым. Это и было неслыханно, ново, чтобы кто-нибудь имел средства и все-таки их рассчитывал. Ибо немедленно к тому принципу: не расходовать больше, чем имеешь дохода, присоединился высший: расходовать *меньше*, чем имеешь дохода: копить. *Идея сбережения явилась в мир!* И опять-таки не вынужденного, а добровольного сбережения, сбережения не как нужды, а как добродетели. *Бережливый* хозяин становится теперь идеалом даже богатых, поскольку они сделались мещанами. И такой Джiovанни Руччеллаи, человек, имевший состояние в сотни тысяч, присваивает себе изречение своего земляка, сказавшего, что «грош, сбереженный им, принес ему больше чести, чем сто израсходованных» (143). Не обстановка сеньора делает честь деловому человеку, но то, что он содержит в порядке свое хозяйство (144). Бережливость пользуется теперь таким уважением, она в такой степени возводится в единственную хозяйственную добродетель, что понятие «*masserizia*», т. е. хозяйственности, часто прямо отождествляется с понятием бережливости. Два-три места из книг *Альберти* о семье покажут, какое центральное значение приписывали тогда бережливости.

Прежде всего теперь постоянно высказывается в тысяче вариантов та мысль, что богатыми делаются не только тем, что много наживают, но также и тем, что мало расходуют; бедными, наоборот, — тем, что живут расточительно (145) (все время кидая взгляд на расточительных сеньоров): «как смертельного врага остерегайтесь излишних расходов»; «всякий расход, который безусловно необходим (*molto necessaria*), может быть сделан только в порядке сумасшествия (*da pazzia*)»; «насколько плохая

вещь расточительность, настолько хороша, полезна и достойна похвалы бережливость»; «бережливость не вредит никому, она приносит пользу семье»; «бережливость — свята». «Знаешь ты, какие люди мне больше всего нравятся? Те, которые расходуют свои деньги только на самое необходимое, и не больше; излишек они откладывают; таких я называю бережливыми, добрыми хозяевами (massai)» (146).

Другой раз учитель отзывается о «massai» так: «Massai, т. е., скажем мы, „добрые хозяева“, — это те, которые соблюдают меру между „слишком много“ и „слишком мало“. *Вопрос:* Но как узнать, что слишком много, а что слишком мало? *Ответ:* Легко, с мерилком (misura; *Пандольфини*, 54, вставил здесь слово „ragione“) в руке. *Вопрос:* Я хотел бы знать, что это за мера? *Ответ:* Это легко сказать: никакой расход не должен быть больше, чем это абсолютно необходимо (che dimandi la necessità) и не должен быть меньше, чем это предписывает благоприличие (onestà)» (147).

Альберти набрасывает также схему порядка относительной важности отдельных расходов:

1. Расходы на пищу и одежду: они необходимы;

2. Другие расходы; из них:

а) некоторые также необходимы; это те, которые, если не будут сделаны, могут повредить значению в обществе, репутации семьи: это расходы на поддержание дома, сельской виллы и делового помещения в городе (botegga);

б) другие, которых, правда, можно и не делать, но которые все же по существу не являются предосудительными: если их делают, то наслаждаются, если их не делают, то не терпят никакого ущерба; сюда относятся расходы на упряжку, на книги, на роспись лоджии и т. д.;

в) наконец, существуют расходы, которые вполне заслуживают осуждения, которые являются сумасшедшими (pazze): это расходы на людей, на пропитание клиентов (опять скрытая злоба на все сеньориальное: такая свита хуже диких зверей!) (148).

Необходимые расходы следует делать как можно скорее; ненужные — откладывать как можно

дольше. «Отчего? — спрашивают ученики учителя. — Мы хотели бы услышать твои основания, так как мы знаем, что ты не делаешь ничего без самого зрелого размышления (*nulla fate senza optima ragione*)». «Оттого, — отвечает Джианоццо, — что желание сделать расход, если я его отложу, у меня, возможно, пройдет и я тогда сберегу эту сумму; если же это желание у меня не пройдет, я все же буду иметь время поразмыслить, как бы мне достать желаемое самым дешевым путем» (149).

Но в законченную экономизацию хозяйства (и жизни) входит не только сбережение (его можно было бы назвать *экономией материи*), но также и полезное распределение деятельности и целесообразное использование времени, входит то, что бы можно было обозначить как *экономия сил*. Ее и проповедует наш учитель с убедительностью и настойчивостью. Настоящая *masserizia* должна распространяться на хозяйственное обращение с тремя вещами, которые нам принадлежат:

1. На нашу душу.
2. Наше тело.
3. Прежде всего! — на наше время.

Хозяйственное обращение означает полезное и приличное использование: «Всю мою жизнь я тружусь, чтобы делать полезные и честные дела» (149а), но прежде всего означает использование вообще: «Я использую мое тело, мою душу и мое время не иначе, как разумным образом. Я стремлюсь как можно больше от них сохранить и по возможности ничего не потерять» (150). Но самое главное — избегайте праздности. Два смертельных врага — это расточительность и праздность. Праздность губит тело и дух (151). От праздности происходят бесчестие и позор (*disonore et infamia*). Душа праздных людей всегда была местом зарождения всех пороков. Нет ничего столь вредного, столь губительного (*pestifero*) для общественной и для частной жизни, как праздные граждане. Из праздности возникает пышность (*lascivia*), а из нее — презрение к законам и т. д. (152).

Когда ученики однажды жалуются, что они ведь не смогут запомнить все мудрые поучения учителя и следо-

вать им, он замечает: напротив, если только они правильно распределяют свое время: «Кто умеет не терять время, тот сможет делать почти всякое дело; а кто умеет хорошо употреблять свое время, тот скоро овладеет любой деятельностью».

Джианоццо дает потом сам указания, как лучше всего можно распределить и использовать свое время: «Чтобы не потерять ничего от столь драгоценного блага, как время, я ставлю себе такое правило: никогда я не празден, я избегаю сна и ложусь только тогда, когда я падаю от утомления... Я поступаю, следовательно, так: я избегаю сна и праздности тем, что я предпринимаю что-либо. Чтобы в добром порядке совершить все то, что должно быть совершено, я составляю себе утром, когда я встаю, план распределения времени: что должен я сегодня сделать? Много дел; я перечислю их, думаю я, и каждому потом назначу его время: это я сделаю сегодня утром, это — после обеда, то — сегодня вечером; и, таким образом, совершаю я свои дела в добром порядке, почти без труда... Вечером, перед тем как лечь отдыхать, я передумываю все, что я сделал... Я предпочитаю потерять сон, чем время» (154).

И так далее в бесконечных повторениях (которые еще не свидетельствуют о настоящей экономизации речи!).

Что, однако, опять-таки является главным для делового человека? Прилежание и старательность — источник богатства: «Доходы растут, так как с расширением дел увеличивается и наше прилежание, и наш труд» (155).

Для завершения еще, быть может, страдающей проблемами картины, которую эти выдержки из нашего лучшего источника дают о духе флорентийского «мещанина» в XV столетии, я хочу привести здесь еще живое изображение, которое набрасывает нам один остроумный писатель о родственниках Леонардо да Винчи и которое, как по мерке, вставляет их в рамку, оставленную нам письменными памятниками (156).

«Особенное сокрушение по поводу распространявшихся в то время слухов об его безбожии высказал брат Лоренцо, почти мальчик по летам, но уже деловитый — ученик Савонаролы, „плакса“, добродетельный и скопидом-

ный лавочный сиделец флорентийских шерстяников. Нередко заговаривал он с художником при отце о христианской вере, о необходимости покаяния, смиренномудрия, о еретических мнениях некоторых нынешних философов и на прощание подарил ему душеспасительную книжку собственного сочинения».

«Теперь, сидя у камина в старинной комнате, вынул Леонардо эту книжку, исписанную мелким, старательным лавочным почерком:

„Книга Исповедальная, сочиненная мною, Лоренцо ди Сэр-Пьеро да Винчи, флорентийцем, посланная Нанне, невестке моей, наиполезнейшая всем исповедаться в грехах своих желающим. Возьми книгу и читай, когда увидишь в перечне свой грех, записывай, а в чем неповинен, пропускай, оное будет для другого полезно, ибо о таковой материи, будь уверен, даже тысячи языков всего не могли бы пересказать“».

Следовал подробный составленный юным шерстяником с истинною торговою щепетильностью перечень грехов и восемь благочестивых размышлений, «кои должен иметь в душе своей каждый христианин, приступая к таинству исповеди».

С богословскою важностью рассуждал Лоренцо, грех или не грех носить сукна и другие шерстяные товары, за которые не уплачены пошлины. «Что касается души, — решал он, — то таковое ношение чужеземных тканей никакого вреда причинить не может, ежели пошлина не праведна. А посему да не смущается совесть ваша, возлюбленные братья и сестры мои, но будьте благонадежны. А если кто скажет: Лоренцо, на чем ты утверждаешься, полагая так о заграничных сукнах? — я отвечу: в прошлом, 1499 г., находясь по торговым делам в городе Пизе, слышал в церкви Сан-Микеле проповедь монаха ордена св. Доминика, некоего брата Заноби, с удивительным и почти невероятным обилием ученых доказательств утверждавшего то самое о заграничных сукнах, что и я ныне».

В заключение все с тем же унылым, тягучим многословием рассказывал он, как дьявол долго удерживал его от

написания душеполезной книги, между прочим, под предлогом, будто бы он, Лоренцо, не обладает потребною к сему ученостью и красноречием и что более приличествует ему, как доброму шерстянику, заботиться о делах своей лавки, нежели о писании духовных книг. Но, победив искушения дьявола и придя к заключению, что в этом деле не столь научные познания и красноречие, сколь христианское любомудрие и богомыслие потребны, — с помощью Господа и Приснодевы Марии окончил он «книгу сию, посвящаемую невестке Нанне, так же как всем братьям и сестрам во Христе».

Леонардо обратил внимание на изображение четырех добродетелей христианских, которые Лоренцо, быть может, не без тайной мысли о брате своем, знаменитом художнике, советовал живописцам изображать со следующими аллегориями: Благоразумие — с тремя лицами в знак того, что оно созерцает настоящее, прошлое и будущее; Справедливость — с мечом и весами; Силу — облокотившеюся на колонну; Умеренность — с циркулем в одной руке, с ножницами в другой, «коими обрезает и пресекает она всякое излишество».

От книги этой веяло на Леонардо знакомым духом того мещанского благочестия, которое окружало детские годы его и царило в семье, передаваемое из поколения в поколение.

Уже за сто лет до его рождения родоначальники дома Винчи были такими же честными, скопидомными и богобоязненными чиновниками на службе флорентийской общины, как отец его Сэр-Пьеро. В 1339 г. в Деловых записях впервые упоминался прапращур художника, нотариус Синьории, некий Сэр-Гвидоди-Сэр-Микеле да Винчи. Как живой встал перед нами дед Антонио. Житейская мудрость деда была точь-в-точь такая же, как мудрость внука, Лоренцо. Он учил детей не стремиться ни к чему высокому — ни к славе, ни к почестям, ни к должностям государственным и военным, ни к чрезмерному богатству, ни к чрезмерной учености.

«Держаться середины во всем, — говаривал он, — есть наиболее верный путь».

Леонардо помнил спокойный и важный старческий голос, которым преподавал он это краеугольное правило жизни — *середину во всем*.

— О, дети мои, берите пример с муравьев, которые заботятся сегодня о нуждах завтрашнего дня. Будьте бережливы, будьте умеренны. С кем сравню я доброго хозяина, отца семейства? С пауком сравню его в сосредоточии широко раскинутой паутины, который, чувствуя колебание тончайшей нити, спешит к ней на помощь.

Он требовал, чтобы каждый день к вечернему колоколу Ave Maria все члены семьи были в сборе. Сам обходил дом, запирали ворота, относил ключи в спальню и прятал под подушку. Никакая мелочь в хозяйстве не ускользала от недремлющего глаза его: сена ли мало задано волам, светильня ли в лампаде чересчур припущена служанкою, так что лишнее масло сгорает, — все замечал, обо всем заботился. Но скарденности не было в нем. Он сам употреблял и детям советовал выбирать для платья лучшее сукно, не желая денег, ибо оно прочнее, — реже приходится менять, а потому одежда из доброго сукна не только почетнее, но и дешевле.

Семья, по мнению деда, должна жить, не разделяясь, под одною кровлею. «Ибо, — говорил он, — когда все едят за одним столом — одной скатерти, одной свечи хватает, а за двумя — нужно две скатерти и два огня; когда греет один очаг, довольно одной вязанки дров, а для двух — нужны две, — и так во всем».

На женщин смотрел свысока: «Им следует заботиться о кухне и детях, не вмешиваясь в мужчины дела; глупец — кто верит в женский ум».

Мудрость Сэр-Антонио не лишена была хитрости.

«Дети мои, — повторял он, — будьте милосердны, как того требует святая мать наша церковь; но все же друзей счастливых предпочитайте несчастным, богатых — бедным. В том и заключается высшее искусство жизни, чтобы, оставаясь добродетельным, перехитрить хитреца».

Он учил их сажать плодовые деревья на пограничной меже своего и чужого поля так, чтобы они кидали тень на

ниву соседа; учил просящему взаймы отказывать с любезностью.

— Тут корысть двойная, — прибавлял он, — и деньги сохраните, и получите удовольствие посмеяться над тем, кто желал вас обмануть. И ежели проситель умный человек, он поймет вас и станет еще больше уважать за то, что вы сумели отказать ему с благопристойностью. Плут — кто берет, глуп — кто дает. Родным же и домашним помогаете не только деньгами, но и потом, кровью, честью — всем, что имеете, не жалея самой жизни для благополучия рода, ибо помните, возлюбленные мои: гораздо большая слава и прибыль человеку — делать благо своим, нежели чужим.

После тридцатилетнего отсутствия, сидя под кровлею отчего дома, слушая завывание ветра и следя, как потухают угли в очаге, художник думал о том, что вся его жизнь была великим нарушением этой скопидомной, древней, как мир, паучьей и муравьиной, дедовской мудрости — была тем буйным избытком, беззаконным излишеством, которое, по мнению брата Лоренцо, «богиня Умеренности должна обрезать своими железными ножницами»^{57*}.

Если мы теперь проследим развитие мещанских добродетелей в течение веков, то наше внимание должно быть обращено как на интенсивное, так и на экстенсивное их дальнейшее проявление. Первое касается самого содержания учения о добродетелях, второе — распространения этих добродетелей среди нас. Наши познания в отношении обеих проблем совершенно различной природы. То, что я назвал интенсивным дальнейшим проявлением, мы можем проследить точно вплоть до отдельных подробностей по различным поучительным книгам и воспитательным сочинениям, в которых эти добродетели проповедуются: напротив, экстенсивное развитие мы можем установить только приблизительно по его симптомам.

Интенсивное дальнейшее развитие мещанского учения о добродетелях, как его выдвинули люди кватрочен-то, точно говоря, вообще не имело места. Чему во всех грядущих столетиях поучают начинающих деловых лю-

дей, это не что иное, как то, в важности чего еще убеждал своих учеников Альберти. Между образом жизни деда Леонардо и Бенджамина Франклина нет, как уже сказано, ни малейшего различия. Принципы остаются в самом тесном смысле те же самые. Они повторяются в каждом столетии почти дословно, и все нравоучительные сочинения XVI, XVII, XVIII столетий кажутся нам переводами Альберти на другие языки.

Кинем взгляд на пару характерных сочинений из разных столетий.

Так, в XVI столетии мы натываемся на характерный для того времени род сочинений: на сочинения о земледелии, которые мы находим равномерно распространенными во всех странах.

Испанец *Геррера* питает мало склонности к торговле. Но то, что он восхваляет в качестве добродетелей для сельского хозяина, есть не что иное, как то, что *Альберти* желал дельному торговцу шерстью: хорошо обдуманый образ действий, отвращение к праздности, точное знание своей профессиональной деятельности (157).

Француз *Этьен* дает следующие правила поведения: хороший хозяин должен проводить свое свободное время в размышлениях и в исполнении своих дел, не давая отвлекать себя развлечениями, охотой, пирами, многочисленными друзьями и гостями и т. д. Точное распределение времени — самое главное. Никогда расходы не должны превышать доходов. Прилежанием хороший хозяин должен сделать и плохие земли плодородными. Старая поговорка гласит: хороший домохозяин должен быть больше озабочен прибыльностью и долговечностью вещей, чем минутным удовлетворением и временной пользой (158).

Итальянец *Ганара* (159) выставляет в качестве верховного руководящего правила полезность; и в саду тоже не следует разводить цветы, на которых ничего нельзя заработать, но только рыночный и находящий сбыт товар: красота садов Эдема повергла бедного Адама, а с ним всех нас в несчастье. Богатство наживают не путем придворной службы, военной службы или алхимии, но путем бережливого ведения хозяйства.

В XVII столетии нам попадаются многочисленные «купеческие книги» и «купеческие лексиконы», в которых увещания, обращенные к молодому и старому деловому человеку, — строить свою жизнь и свое хозяйство разумно и добродетельно — занимают широкое место. Снова это все те же поучения: хорошо обдумывай все, соблюдай добрый порядок, будь трезв, прилежен и бережлив, тогда ни в чем тебе не может быть недостатка и ты сделаешься уважаемым гражданином и состоятельным человеком.

Тут мы имеем известное произведение *Савари* «*Le parfait négociant*», посвященное Кольберу. Оно трактует, правда, главным образом о купеческом искусстве, но и купеческая мораль не оставляется без внимания: счастье и богатство купцов зависят: 1) от точного знания дела; 2) от доброго порядка в деле; 3) от прилежания; 4) от бережливости и экономного хозяйства в доме (*de l'épargne et de l'économie de lair maison*); 5) от деловой солидности (160).

Гораздо более широкое место занимает поучение купеческим добродетелям в английском pendant^{58*} к «*Le parfait négociant*»: в «Совершенном коммерсанта», произведении, приписываемом, как известно, *Д. Дефо* (161).

Прилежным должен быть купец. «Прилежный купец есть всегда знающий и совершенный купец» (стр. 45). Он должен всячески избегать удовольствий и развлечений, даже и тогда, когда они называются невинными; глава, в которой говорится об этом (девятая в четвертом издании), носит заголовок: «*Of innocent Diversions as they are called. Of fatal to the Tradesman, especially to the younger sort*»: («О невинных развлечениях, как их называют. Какими роковыми они являются для коммерсанта, в особенности для молодого»). Опаснее всего спортивные и сеньориальные увеселения. «Когда я вижу, что молодой владелец лавки держит лошадей, ездит охотиться, учится собачьему языку и говорит на спортсменском жаргоне, я прихожу всегда в ужас».

Ну, а потом прежде всего: не вдаваться в расходы! «Дорого обходящийся образ жизни (*expensive living*) — как ползучая лихорадка»; «это скрытый враг, который

пожирает живых»; «он пожирает жизнь и кровь коммерсанта» и т. д. в многочисленных подобных вариантах. Хороший хозяин не вдается в чрезмерные расходы ни на свой дом, ни на свою одежду, ни на жизнь в обществе, ни на экипажи и т. п. «Деловая жизнь — не бал, на который идут разукрашенные и маскированные»; «она поддерживается в ходу только благоразумием и умеренностью (*prudence and frugality*)». «Благоразумным ведением дел и умеренным образом жизни можно умножить свое богатство до любых размеров» (с. 2, 308). «Когда расходы отстают от доходов, человек будет всегда идти вперед; когда это не так, то мне незачем говорить, что случится».

Новые издания произведений *Савари* и *Дефо* появляются в XVIII столетии. Нить, которую они пряли, прядут теперь дальше такие люди, как *Бенджамин Франклин*. К любимым писателям Франклина принадлежал *Дефо*.

В *Бенджамине Франклине*, человеке, который (по словам *Бальзака*) является изобретателем громоотвода, газетной утки и республики, «мещанское» миропонимание достигает своего апогея. От разумности и благоразмерности этого американца прямо-таки дух захватывает. У него все стало правилом, все измеряется правильным мерилom, всякий поступок сияет экономической мудростью.

Он любил экономию! О нем рассказывают следующий анекдот, который ставит перед нашими глазами этого человека во всей его монументальной величине. Однажды вечером в одном большом обществе восхищались новой лампой с замечательно ярким светом. Однако спросили мимоходом, не будет ли эта лампа стоить больше прежних? Ведь является чрезвычайно желательным, чтобы освещение комнат обходилось как можно дешевле в нынешние времена, когда все расходы так возросли. «Меня обрадовало, — высказался по этому поводу Бенджамин Франклин, — это общераспространенное стремление к экономии, которую я чрезвычайно люблю» (162). Это вершина: дальше идти некуда!

Известна его энергичная защита экономии времени; известно также, что им отчеканены слова «время — деньги» (163).

«Если жизнь тебе любя, то не расточай времени, ибо оно есть сущность жизни... Как много времени тратим мы без нужды на сон и не думаем, что спящая лиса не ловит дичи и что в могиле мы будем спать достаточно долго...»

«Если же время для меня драгоценнейшая из всех вещей, то расточительность во времени должна быть самой большой из всех видов расточительности... потерянное время никогда нельзя вновь найти, и то, что мы называем „довольно времени“, всегда слишком кратко» (164).

Законченной экономии времени должна соответствовать законченная экономия материи: копить, копить, копить, копить! — звучит нам навстречу со всех страниц сочинений Франклина.

«Если вы хотите разбогатеть, то думайте столь же о бережливости, сколько о наживе. Обе Индии не обогатили Испании, потому что ее расходы еще больше, чем ее доходы. Долой, следовательно, ваши дорогие безумства».

Альфа и омега франклиновской житейской мудрости заключена в двух словах: *undustry and frugality* — прилежание и умеренность. Это пути, чтобы достичь богатства: «Не растрачивай никогда времени и денег, но делай всегда из обоих возможно лучшее употребление» (166).

Чтобы снова показать, как строится вся картина жизни человека, который так молится на «святую хозяйственность», я помещаю здесь отрывок из мемуаров *Бенджамина Франклина*, в котором он нам сообщает, какие вообще добродетели он считал наиболее ценными, и как он сам воспитал в себе добродетельного человека. В «схеме добродетелей», набрасываемой здесь этим великим человеком, «мещанское» жизнепонимание находит свое последнее и высшее выражение. Это место гласит (167):

«Приблизительно в это время я принял смелое и серьезное решение стремиться к нравственному совершенствованию. Я желал иметь возможность жить, не делая какой бы то ни было ошибки в какое бы то ни было время; я

желал превозмочь все, к чему меня могли побудить либо природная склонность, привычка, либо общество. Так как я знал или полагал, что знаю, что хорошо и что дурно, то я не усматривал, почему бы я не мог делать всегда первое и не делать второго. Вскоре, однако, я нашел, что я поставил себе гораздо более трудную задачу, чем я воображал. В то время как я прилагал все заботы, чтобы уберечься от одной ошибки, другая часто заставляла меня врасплох; привычка брала верх над невнимательностью, и склонность была иногда сильнее разума. Я пришел в конце концов к заключению, что одно теоретическое убеждение в том, что в нашем интересе быть совершенно добродетельными, недостаточно, чтобы предохранить нас от проступков, и что противоположные привычки должны быть сломлены, хорошие приобретены на их место и укреплены, раньше чем мы сможем иметь какую-нибудь уверенность в постоянной и однообразной честности нашего поведения. Для этой цели я изобрел себе поэтому нижеследующий способ.

В различных перечислениях добродетелей и нравственных достоинств, встречавшихся мне при чтении, я находил перечень их более или менее полным, смотря по тому, больше или меньше понятий объединяли соответствующие писатели под одним и тем же названием. Умеренность, например, один ограничивал только в отношении еды и питья, в то время как другие расширяли ее так далеко, что она означала умерение всякого другого удовольствия, желания, похоти, всякой склонности или страсти, телесной и духовной, и распространялась даже на наш дух и честолюбие. Тогда я вознамерился в целях большей ясности лучше употреблять больше названий и связывать с каждым меньше идей, чем мало названий с многими идеями. Таким образом я объединил под тринадцатью названиями добродетелей все то, что мне в то время пришло в голову как необходимое или желательное, и связал с каждым краткое положение, выражавшее полный объем, который я давал его значению.

Названия добродетелей вместе с их предписаниями были следующие:

1. *Умеренность*.— Не ешь до отупения, не пей до опьянения.

2. *Молчание*.— Говори только то, что может принести пользу другим или тебе самому; избегай пустых разговоров.

3. *Порядок*.— Дай всякой вещи свое место и всякой части твоего тела свое время.

4. *Решимость*.— Возьми себе за намерение осуществить то, что ты должен; соверши непременно то, что ты вознамеришься.

5. *Невзыскательность*.— Не делай никакого расхода, как только для того, чтобы сделать добро другим или самому себе: это значит — не расточай ничего.

6. *Прилежание*.— Не теряй времени; будь всегда занят чем-нибудь полезным; отрекись от всякой бесполезной деятельности.

7. *Откровенность*.— Не пользуйся никаким вредным обманом; мысли невинно и справедливо и, когда говоришь, говори так же.

8. *Справедливость*.— Не вреди никому, поступая с ним несправедливо — или не совершая благодеяний, которые составляют твой долг.

9. *Обуздание*.— Избегай крайностей; остерегайся так глубоко чувствовать или так дурно принимать оскорбления, как они этого, по твоему мнению, заслуживают.

10. *Чистоплотность*.— Не терпи никакой нечистоплотности на теле, на платье или в жилище.

11. *Спокойствие духа*.— Не беспокойся по поводу мелочей или по поводу обычных и неизбежных несчастных случаев.

12. *Целомудрие*.— Имей половые сношения редко, только для здоровья или для потомства, никогда не доводи их до отупления и расслабления или до повреждения твоему собственному или чужому душевному миру или доброму имени.

13. *Кротость*.— Подражай Иисусу и Сократу.

Так как моим намерением было привить себе привычку ко всем этим добродетелям, то я полагал правильным не дробить своего внимания, пытаясь усвоить все сразу,

но иметь в виду в определенное время всегда только одну из них, и только тогда, когда я бы овладел ею, переходить к другой, и так далее, пока я бы не прошел все тринадцать. Так как, однако, приобретение некоторых из этих добродетелей могло бы также облегчить приобретение известных других, то я расположил их с этой целью в той последовательности, как они выше приведены. *Умеренность* во главе, так как она служит для того, чтобы доставить голове ту свежесть и ясность, которая совершенно необходима там, где нужно соблюдать постоянную бдительность и быть настороже против неустанной притягательной силы старых привычек и власти постоянных искушений. Если умеренность приобретена и укреплена, то молчание будет легче. Мое желание, однако, было направлено на то, чтобы вместе с приростом добродетели одновременно приобрести и познания, и так как я уяснил себе, что эти познания в разговоре легче приобретаются путем употребления ушей, чем языка, и хотел поэтому порвать с одной приобретенной мной привычкой: именно с привычкой болтать, острить и шутить, что делало меня приемлемым лишь для пустого общества, то я отвел *Молчанию* второе место. Я ожидал, что эта добродетель и следующая, *Порядок*, предоставят мне больше времени, чтобы я мог преследовать мои цели и мои занятия. *Решимость*, раз сделавшись привычкой, удержала бы меня твердым в моих стараниях завоевать все далее следующие добродетели: *Невзыскательность* и *Прилежание* должны были бы освободить меня от остатка моих долгов, обеспечить мне благосостояние и независимость и сделать для меня тем более легким осуществление *Правдивости* и *Справедливости* и т. д. В предположении, что, согласно совету Пифагора в его «Золотых Стихах», оказалась бы необходимой ежедневная проверка, я изобрел нижеследующий способ осуществить эту проверку.

Я сделал себе маленькую книжку, в которой я каждой из добродетелей отвел одну страницу, разлиновал каждую страницу красными чернилами так, что одна имела семь полей по одному на каждый день недели, и обозна-

чил каждое поле начальными буквами дня. Эти поля я перерезал накрест тридцатью красными поперечными линиями и поместил у начала каждой линии начальные буквы одной из добродетелей, чтобы на этой линии и в соответствующем поле отмечать черным крестиком каждую погрешность, в которой я, по точной проверке с моей стороны, в тот день провинился против соответствующей добродетели.

Я вознамерился следить за каждой из этих добродетелей по порядку в течение недели. Так, в течение первой недели я главным образом имел в виду избежать всякого, хотя бы самого незначительного, прегрешения против *Умеренности*, предоставляя остальные добродетели их обычной судьбе и только каждый вечер отмечая ошибочные поступки дня. Если я поэтому в первую неделю мог, таким образом, оставить мою первую, обозначающую «умеренность», линию свободной от черных точек, то я принимал, что привычное упражнение этой добродетели так усилилось, а ее противоположность так ослаблена, что я мог отважиться распространить свое внимание на одновременное наблюдение за следующей линией и на следующей неделе удержать обе линии свободными от крестиков. Если я таким образом доходил до последней, то я мог в тринадцать недель проделать полный курс и в год четыре курса. И как тот, кто должен в саду удалить сорные травы, не делает попытки вырвать все дурные растения сразу, что превысило бы его силы и возможности, но всегда работает одновременно только над одной грядой и только, когда он покончил с ней, берется за другую, так и я надеялся иметь ободряющее удовольствие выяснять успехи, которые я делал на пути добродетели, на моих страницах тем, что мало-помалу освобождал бы мои линии от черных точек, пока бы я в конце концов, после курсов не оказался столь счастливым, чтобы при ежедневной проверке себя в течение тринадцати недель просматривать чистую книжку».

Форма страниц

Умеренность

Не ешь до отупения.	Не пей до опьянения.						
	В.	П.	В.	С.	Ч.	П.	С.
Умеренность							
Молчаливость	+	+		+		+	
Порядок	++	+	+		+	+	+
Решимость			+			+	
Бережливость		+			+		
Прилежание			+				
Правдивость							
Справедливость							
Обуздание							
Чистоплотность							
Спокойствие духа							
Целомудрие							
Кротость							

Мы видим: дед Леонардо и отец американской республики — они похожи как две капли воды. За четыреста лет едва ли одна черта изменилась в общей картине. «Мещане» — оба.

Но жили ли многие согласно мудрым учениям своих учителей? Устраивал ли каждый деловой человек свою жизнь по схеме добродетелей Бенджамина Франклина?

По многочисленным жалобам, испускаемым возвестителями этой мудрости, — у *Савари*, у *Дефо* мы часто читаем жалобы на испорченность их поколения, которому грозит гибель от жизни в роскоши и довольстве, — можно было бы прийти к предположению, что слова проповедников отзвучали в пустыне.

Но я полагаю, что это было бы все же слишком пессимистической точкой зрения, против которой говорят многие основания. Я полагаю, что этот дух прилежного и

бережливого, умеренного и осмотрительного, одним словом, добродетельного «мещанина» постепенно овладел хозяйствующими субъектами Нового времени, капиталистическими предпринимателями, по крайней мере купцами и ремесленниками (наши типы 4, 5 и 6-й). Может быть, в разных странах в различно высокой степени: быть может, французы в XVII и XVIII столетиях были худшими «хозяевами», чем голландцы или американцы; на это заключение наводят случайные замечания, которые мы находим в сочинениях авторов, способных понимать людей, вроде хотя бы «Патриотического купца»: так, например, сына французского коммерсанта посылают в учение в Голландию, «где он научится доброй экономии, которая обогащает дома» (168).

Но, помимо этих нюансов, мещанство все же, пожалуй, со временем становится составной частью капиталистического духа. Потому что если бы оно не соответствовало этому духу, то как бы первые самые ранние его сторонники постоянно приходили к тому, чтобы проповедовать его теми же самыми словами? Не должны ли мы вывести отсюда заключение, что его основания лежали в природе вещей? Но этим вопросом я, правда, захватываю уже вторую большую проблему, которая будет нас занимать в этой книге: проблему причин возникновения капиталистического духа. Я лучше поэтому откажусь здесь от аргумента «естественности этого» и в качестве доказательства того факта, что широкие круги были охвачены духом мещанства, что девиз — бережливость, прилежание и умеренность — красовался над пюпитрами во многих конторах, приведу только то обстоятельство, что сочинения, в которых возвещались эти учения, принадлежали к *наиболее читаемым в свое время.*

Альберти, как мы уже видели, сделался классическим писателем для его времени; *Дефо* был одинаково известен в Старом и Новом Свете; *Бенджамин Франклин* в особенности получил такое распространение, как немногие писатели до него и после него. Если не желать признавать этого верным для предыдущих веков, то для XVIII столетия совершенно очевидно, что дух деда Леонардо проник

в широкие круги. Убедительное доказательство этого представляет судьба франклиновских сочинений.

Квинтэссенция франклиновских учений мудрости заключена в «Poor Richards Almanac», который он выпускал ежегодно в течение десятилетий. Резюме опять-таки излагавшихся здесь воззрений содержит «Обращение отца Авраама к американскому народу на одном аукционе» в выпуске этого календаря на 1758 г. Это обращение было издано в виде отдельного произведения под названием «Путь к богатству» («The Way to Wealth»), и в качестве такового оно стало известным миру. Оно было перепечатано во всех газетах и распространено по всему земному шару. 70 изданий его вышло на английском языке, 56 — на французском, 11 — на немецком, 9 — на итальянском. Это сочинение было сверх того переведено на испанский, датский, шведский, уэльский, польский, гэльский, русский, чешский, голландский, каталонский, китайский, новогреческий языки и на фонетический способ письма (Phonetic writing). Оно печаталось по крайней мере 400 раз (169).

В таком случае нужно все-таки признать, что, очевидно, имелась налицо общая склонность дать себя поучать этому человеку.

2. Деловая мораль

Быть хорошим деловым человеком — это значит не только держать свое хозяйство внутри в образцовом порядке, но это включает в себя также и особое поведение по отношению к внешнему миру: я называю относящиеся сюда правила и предписания деловой моралью, причем я вкладываю в это выражение двойной смысл. Именно деловая мораль означает как мораль в деле, так и мораль для дела.

Мораль в деле, значит, в ведении дел, следовательно, при заключении договоров с клиентами, обычно обозначается выражением: *коммерческая солидность*, т. е. благонадежность в исполнении обещаний, «действительное» обслуживание, пунктуальность в выполнении обязательств и т. д. Она также стала возможной и нужной

только с образованием капиталистического хозяйства. Она принадлежит, следовательно, к тому комплексу «мещанских» добродетелей, о которых здесь идет речь.

Мы вряд ли станем говорить о «солидности» крестьянина, о «солидности» ремесленника (разве если бы мы разумели *характер их работы*, о котором мы, однако, не думаем, когда говорим об особой коммерческой солидности). Только с тех пор, как хозяйствование разложилось на ряд договорных актов, только с тех пор, как хозяйственные отношения потеряли свою прежнюю чисто личную окраску, могло возникнуть понятие «солидности» в разумеемом здесь смысле. Это означает, следовательно, в сущности: мораль верности договорам.

Она также должна была сперва еще быть развиваема в качестве личной добродетели. И в качестве таковой она была выработана теми же флорентийцами (или другими) — торговцами шерстью, которых мы только что видели как отцов экономического учения о добродетели. «Никогда (!) не было, — говорит Альберти, — в нашей семье никого, кто бы в договорах нарушил свое слово...» «Всегда наши при заключении договоров соблюдали величайшую простоту, величайшую правдивость, и благодаря этому они в Италии и за границей сделались известными как коммерсанты крупного масштаба». «При всякой покупке и всякой продаже пусть царствует простота, правдивость, верность и честность, будь то в сношениях с чужими, будь то в сношениях с другом; со всеми дела пусть будут ясны и точны» (170).

Эти причины впоследствии защищаются всяким, кто поучает делового человека. Во всех вышеназванных сочинениях они возвращаются вновь почти в тех же выражениях. Нет нужды вследствие этого приводить свидетельства.

Уровень коммерческой солидности не всегда и не у всех народов в разные времена был одинаков. В общем мы замечаем, что солидность с распространением капиталистической природы все увеличивается. Интересно, например, наблюдать, как английский деловой мир, который впоследствии рассматривался как образец солидности, еще в XVII столетии пользовался славой не чрезмерно солидного

ведения дел. Мы имеем ряд свидетельств, сообщающих нам о том, что в те времена голландцы ставились англичанам в пример как образцы строгой солидности (171).

Однако выражение «деловая мораль» имеет, как мы видели, еще и другой смысл. Оно означает также мораль, которая преследует цель добывания деловых выгод; следовательно, мораль *для* дела, мораль *из-за* дела. И она становится составной частью «мещанских» добродетелей вместе с ростом капитализма. Отныне является *выгодным* (из деловых соображений) культивировать известные добродетели, или хотя по крайней мере носить их на показ, или *обладать ими и показывать их*. Эти добродетели можно объединить в одном собирательном понятии: *мещанская благопристойность*. Следует жить «корректно» — это становится теперь верховным правилом поведения для хорошего делового человека. Следует воздерживаться от всяких беспутств, показываться только в приличном обществе; нельзя быть пьяницей, игроком, бабником; следует ходить к святой обедне или к воскресной проповеди; коротко говоря, следует и в своем внешнем поведении по отношению к свету также быть добрым «мещанином» — из делового интереса. Ибо такой нравственный образ жизни *поднимает кредит*.

У Альберти обозначение такого рода добродетельности, следовательно, того, что мы называем «мещанской благопристойностью», — *onestà*^{59*}. И эта *onestà* является в его моральном кодексе центральной добродетелью, от которой все остальные заимствуют свой смысл и свой свет; она должна нас постоянно сопровождать, как публичный, справедливый, практичный и очень умный маклер, который каждый наш поступок, мысль и желание измеряет, взвешивает и оценивает. Мещанская благопристойность придает всем нашим предприятиям последнюю отделку. Она искони была лучшей учительницей добродетелей, верной спутницей добрых нравов, достойной почитания матерью спокойной и счастливой жизни. И — самое главное — она нам чрезвычайно полезна. Поэтому — если мы постоянно будем стараться соблюдать благопристойность — мы будем богаты, восхваляемы, любимы и почитаемы... (172).

Почти в тех же словах это опять-таки звучит через все столетия: итальянская *onestà* становится французской *honnêteté*, английской *honesti* — все понятия, которые показательным образом обнимают в одинаковой мере благоприличие и деловую солидность. Им всегда также присуще немного лицемерия, так как ведь — в деловых интересах — достаточно, если *считаешься* благопристойным. *Быть им*, во всяком случае, недостаточно, нужно также считаться им. Вследствие того Бенджамин Франклин и пришел к этому решению: «Чтобы усилить мой кредит и мое положение как делового человека, я заботился о том, чтобы не только быть в действительности трудолюбивым и трезвым, но избегать также всякой видимости противного. Я одевался поэтому просто; я не показывался никогда в таких местах, где устраивались пустые развлечения; я не ходил никогда ловить рыбу, охотиться (173) и т. д.»

Глава девятая

ОТЧЕТНОСТЬ

Так как крупную часть капиталистического хозяйства составляет заключение договоров о расцениваемых на деньги действиях и вознаграждении (покупка средств производства, продажа готовых продуктов, покупка рабочей силы и т. д.) и так как начало всякого капиталистического хозяйственного акта, так же как и окончание его, есть денежная сумма, то важную составную часть капиталистического духа образует, как это очень хорошо понимали еще в начальной стадии капиталистического хозяйства, то, что я уже раньше назвал отчетностью. Под последней надлежит разуметь склонность, обыкновение, но также и способность разлагать мир на числа и составлять эти числа в искусную систему прихода и расхода. Числа, само собой разумеется, суть всегда выражение величины ценности, и система этих величин ценности должна служить для того, чтобы привести отрицательные и положительные ценности в такое соотношение

друг к другу, чтобы можно было заключить из него, принесло ли предприятие прибыль или убыток. Обе стороны «отчетности» проявляются, следовательно, в том, что ныне составляет две дисциплины учения о частном хозяйстве: в «коммерческой арифметике», с одной стороны, в «бухгалтерии» — с другой.

Три пути открыты перед нами, чтобы проследить возникновение и дальнейшее развитие отчетности:

1) мы можем по состоянию технического аппарата симптоматически установить состояние отчетности;

2) мы можем по сохранившимся счетам и ведению книг непосредственно усмотреть, как считали в ту или иную эпоху;

3) мы можем использовать случайные отзывы современников в качестве свидетельств о состоянии отчетности в определенную эпоху или в определенной стране.

Еще в моем «Современном капитализме» я набросал ход развития отчетности со средних веков и ограничиваюсь поэтому некоторыми немногочисленными указаниями, которые ради связности изложения должны найти здесь место. Некоторые новые примеры дополняют то, что я излагал прежде (175).

Колыбелью коммерческой арифметики также является Италия, говоря точнее, Флоренция: сочинением «*Liber Abbaci*» Леонардо Пизано, вышедшим в 1202 г., закладываются основы правильной калькуляции. Но все же еще только основы. Точному счету пришлось еще только медленно обучаться. В XIII столетии только получают права гражданства в Италии арабские цифры со значением по месту, без которых мы с трудом можем представить себе быстрое и точное вычисление. Но еще в 1299 г. их употребление запрещается членам цеха Calimala! Как медленно даже в Италии делало успехи искусство счета, показывает еще рукопись «*Introductorius liber qui et pulveris dicitur in mathematicam disciplinam*» из второй половины XIV столетия, автор которой попережку употребляет арабские цифры со значением по месту, римские числовые знаки, счет по пальцам и по суставам.

С XIV столетия в Италии, с XV и особенно с XVI на севере искусство счета затем быстро развивается дальше. Укореняется цифровой счет и вытесняет постепенно неуклюжий счет по линейке, что означало большой прогресс: «Насколько лучше положение пешехода, идущего налегке и не нагруженного никакой ношей, против другого, отягощенного тяжелой ношей, настолько лучше также и положение искусного счетчика по цифрам сравнительно с другим, считающим по линиям», — правильно признавал уже счетный мастер *Симон Якоб* из Кобурга.

Уже до *Тартальи*, математического гения XVI столетия, который усовершенствовал коммерческую арифметику, среди итальянских купцов развился при товарных вычислениях вместо тройного правила новый род «заключительного счета», который под названием «романского способа» в начале XVI столетия распространяется из Италии по Франции и в Германии. На немецком языке романский способ впервые привел *Генрих Грамматеус* в своей счетной книге (1518 г.). В XV столетии были «изобретены» десятичные дроби, которые с 1585 г. *Симоном Стевином* вводятся в употребление. 1615 год — год рождения счетной машины.

Под влиянием счетных книг, число которых быстро увеличивается, учение коммерческой арифметики весьма упростилось. Общераспространенности счетного искусства содействовали школы арифметики, которые развиваются, особенно в торговых городах, с XIV столетия. В XIV столетии во Флоренции (снова Флоренция!) существует уже шесть таких школ, которые, как нам сообщает *Виллани*, регулярно посещались 1200 мальчиками и в которых преподавались «абакус и элементы коммерческой арифметики». В Германии эти школы, кажется, раньше всего возникли в Любеке; в Гамбурге потребность в них появилось около 1400 г.

Начатки упорядоченной *бухгалтерии* существуют еще в XIII столетии; счетные выписи папы Николая III от 1279–1280 гг., расходные регистры общины Флоренции от 1303 г. свидетельствуют о том, что в то время простая бухгалтерия была почти что совершенной. Но и двойная

бухгалтерия того же возраста, хотя сомнительно, чтобы она была в употреблении уже в XIII столетии. Документально установлено исследованиями *Корнелио Дезимони*, что во всяком случае уже в 1340 г. городское управление Генуи вело свои книги на основе *Partita doppia*^{60*} с таким совершенством, которое позволяет заключить о значительном возрасте этой системы. Из XV столетия мы обладаем затем многочисленными свидетельствами ее распространения в общественном и частном счетоводстве. Наиболее поучительным и наиболее полным примером служат дошедшие до нас торговые книги братьев Соранцо в Венеции (1406 г.), обработка которых является заслугой *Г. Зивекинга*. Свое первое теоретическое освещение и изложение двойная бухгалтерия нашла затем у Фра Луки Пачиуоли, который в одиннадцатом трактате девятого отдела первой части своей «*Summa arithmetica*» развил этот предмет.

Совершенно или менее совершенно, во всяком случае, «считали» в эти века зарождающегося капитализма, особенно в Италии, уже весьма много; считали и вели бухгалтерские записи: счет и бухгалтерия сделались существенно важным занятием «мещанских» предпринимателей, которые вначале, несомненно, еще должны были делать сами многое, что впоследствии было перенесено на служащих-бухгалтеров.

Мессер Бенедетто Альберти говаривал: «Как это хорошо идет дельному коммерсанту, когда у него руки постоянно выпачканы в чернилах». Он объявил обязанностью всякого купца, так же как и всякого делового человека, имеющего дело со многими людьми, всегда все записывать, всякий договор, всякий приход и расход денег, все проверять так часто, чтобы он, в сущности, никогда не выпускал пера из рук... (176).

Предводительство в области коммерческого счета, которое вначале, без сомнения, принадлежало Италии, перешло затем в последующие столетия к *Голландии*. Голландия сделалась образцовой страной не только для всего того, что называлось мещанской добродетелью, но также и для точности в счете. Еще в XVIII столетии ощущается расстояние, разделявшее, например, американское и

голландское коммерческое искусство. *Франклин* рассказывает (177) о вдове одного компаньона, урожденной голландке: как *она* впервые посылала ему регулярные и точные расчеты, к которым нельзя было побудить мужчину (американца): «Бухгалтерия, — добавляет он, — составляет в Голландии часть женского образования». Это относилось к 30-м годам XVIII столетия.

Затем Англия стала рядом с Нидерландами. В начале XIX столетия немецкие коммерсанты указывали на Англию и Голландию как на страны с самым развитым «коммерческим образованием», которое внутри Германии, в свою очередь, было в те времена, кажется, выше всего развито в Гамбурге. Об отношении этих стран друг к другу хороший знаток дела пишет в 30-х годах XIX столетия следующее:

«Таких свободных и ясных взглядов в коммерческих делах, как их имеет именно англичанин — этот коммерсант до мозга костей, — гамбуржец достигает очень редко и только поздно; той решительности, самостоятельности, которую проявляет тот, этому в большей или меньшей степени в указанном отношении совершенно недостает. Все же можно *гамбургскую* коммерческую аккуратность справедливо провозгласить как образец для *остальной Германии*; она почти равняется голландской по осмотрительности, но значительно либеральнее, чем взгляды боязливого мингеера» (178).

Но то, что в те времена отчетность даже и в менее развитых странах составляла железный остов капиталистического духа, — разумеется само собой.

Этими последними замечаниями, равно как и некоторыми более ранними, об истории мещанских добродетелей, я уже указывал на национальные различия, наблюдаемые нами в постепенном развитии капиталистического духа. На эту проблему мы еще несколько больше внимания обратим в следующем разделе.

Отдел третий

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАСЦВЕТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДУХА

Глава десятая

РАЗЛИЧНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Возникновение и развитие капиталистического духа есть общее явление для всех европейских и американских народов, составляющих историю Нового времени. Мы имели достаточно свидетельств этому: примеры, на которых я в предыдущем изложении пытался изобразить генезис этого духа, заимствовались из истории всех стран. И пролегающий на глазах у всех ход событий подтверждает ведь эту всеобщность развития.

Существуют, конечно, все-таки различия в ходе расцвета современного хозяйственного образа мыслей; различия прежде всего по разным эпохам капиталистического развития. Здесь будут прежде всего прослежены национальные различия, и сперва мы именно представим себе, в чем эти различия *могут* заключаться:

1) различным может быть момент времени, в который нация (народ или как-нибудь иначе отграниченная группа; характер отграничения здесь значения не имеет, ибо я в последующем буду разграничивать главным образом великие исторические нации как группы, подлежащие в отдельности рассмотрению) бывает захвачена потоком капиталистического развития, момент, в который начинается генезис буржуа;

2) различной может быть продолжительность времени, в течение которого капиталистический дух владеет нацией; таким образом, получается различие в продолжительности времени капиталистического развития;

3) различной может быть степень интенсивности капиталистического духа: мера напряжения предпринимательского духа и инстинкта наживы, мера мещанской добродетели и отчетности;

4) различной может быть экстенсивность капиталистического духа: распространение его по различным социальным слоям народа;

5) различным может быть соотношение и сочетание отдельных составных частей капиталистического духа (предпринимательский дух — мещанский дух — различные формы проявления предпринимательского духа и т. д.);

6) различной может быть сила развития и продолжительность развития этих отдельных составных частей; развитие может у всех иметь равномерный ход или у каждой составной части особенный.

Легко можно сообразить, какое чрезвычайное разнообразие может проявить общее развитие буржуазной природы в отдельных странах при наличии бесчисленных комбинаций перечисленных возможностей. Важнейшее различие национального развития, однако, следующее: сильно или слабо развит капитализм в данной стране; доходят ли все составные части или отдельные — и какие — до полного расцвета; начинается ли развитие рано или поздно; является ли оно преходящим, перемежающимся или длительным.

Как эти различные возможности стали теперь в отдельных странах действительностью, какое своеобразие проявляет в них вследствие этого история капиталистического духа, это должен показать последующий (и, несомненно, весьма несовершенный) эскиз.

РАЗВИТИЕ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

1. Италия

Италия, пожалуй, та страна, где капиталистический дух расцветает раньше всего. Он находит, начиная с XIII столетия, в верхнеитальянских торговых республиках такое распространение, которое уже в XIV столетии делает его массовым явлением. Несомненно, однако, что в течение средних веков он достиг там уже такой высоты интенсивного развития, как нигде более. Я ведь имел возможность черпать свидетельства для этого раннего времени в чрезвычайном изобилии из итальянских источников.

Особенно те душевные черты, которые я в совокупности назвал мещанским духом, мы находим раньше всего развитыми в итальянских городах, и опять-таки сильнее всего в тосканских.

О различном направлении развития предпринимательского духа в этих и других итальянских городах, в особенности в обоих крупных приморских городах — Венеции и Генуе, я тоже уже говорил. Я хотел бы, однако, еще раз сильно подчеркнуть, что сильнейший толчок к развитию буржуазной природы прежде всего дала Флоренция: здесь уже в XVI столетии, как мы могли установить, господствовало лихорадочное (является искушение сказать: американское) стремление к наживе; здесь все круги общества одушевляла доведенная до любви привязанность к делу. Флоренция — это «то самое государство, к которому умирающие отцы обращались в завещаниях с просьбой оштрафовать их сыновей на 1000 золотых гульденов, если они не будут заниматься никаким регулярным промыслом» (179); здесь специфически коммерческое деловое поведение, как мы также смогли установить, нашло свое первое основательное развитие; здесь впервые проповедавались и культивировались мещанские добродете-

ли такими людьми, как *Альберти*; здесь впервые развилась до полного расцвета отчетность в изложении *Фибоначчио* и *Пачиуоли*; здесь впервые, чтобы упомянуть еще и об этом, достиг богатейшего развития статистический подход к вещам: *Буркгардт* сравнивает статистическую запись одного флорентийца от 1442 г. с одной венецианской статистической, происходящей почти от того же времени, и полагает: эта последняя показывает, конечно, гораздо большие владения, наживу и сферу действий; «однако кто не признает во флорентийской записи более высокого духа?». Он говорит в связи с этим «о прирожденном таланте флорентийцев к учету всей внешней природы».

Этому капиталистическому великолепию наступает, однако, довольно быстрый конец. Правда, счетный дух и дух экономии остаются теми же самыми; больше того, они в течение XVI и XVII столетий, как мы это могли усмотреть у писателей того времени, еще далее развиваются. Но предпринимательский дух ослабевает. Мы совершенно ясно можем проследить, как в Южной Италии уже с конца XV столетия, а в остальных частях страны с XVI столетия радость от наживы и деловое трудолюбие уступают место спокойному, полусеньориальному, полурантьеерскому образу жизни.

В одном южноитальянском городке (Ла-Ква) жалуются еще до 1500 г.: богатство города вошло в поговорку, пока там жили только каменщики и суконщики; теперь же, когда вместо принадлежностей каменщиков и ткацких станков видишь только шпоры, стремяна и золоченые пояса, когда каждый стремится стать доктором прав или медицины, нотариусом, офицером или рыцарем, пришла горькая нищета (180).

Во Флоренции подобное же развитие в направлении феодализации, или, как это называли, «гиспанизации», жизни, «основными элементами которой были презрение к работе и жажда дворянских титулов», начинается при Козимо, первом великом герцоге: его благодарили за то, что он привлекает молодых людей, которые презирали теперь торговлю и промыслы, к ры-

царству в свой орден св. Стефана. Как раз во Флоренции проявляется всеобщее стремление богатых к рыцарскому достоинству, которого жаждали прежде всего потому, что оно одно давало право на участие в турнирах. А турниры переживали как раз снова во Флоренции сильный, хотя и запоздалый расцвет. Приспособили себе — чисто по-мещански — менее опасную форму турнира, которой и предавались со страстью, не отдавая себе отчета, какую карикатуру представляло это смешение мещанства и феодализма. Уже первые Медичи принимают за турниры «с истинной страстью, точно желая показать, они не дворяне, частные люди, но окружающее их приятное общество стоит наравне с любым двором» (181).

И в остальных верхнеитальянских городах, начиная с XVI столетия, возникает подобное же развитие. Если идеалом разбогатевшего буржуа становился рыцарь, то люди среднего достатка стремились к спокойной жизни рантье, если возможно, то в вилле: «*una vita temperatà*», «*uno stato pacifico*»^{61*} восхвалялись как истинные ценности. Это тон, на который, например, настроены все те многочисленные сочинения по сельскому хозяйству, с некоторыми выдержками (182) из которых мы уже ознакомились.

2. Пиренейский полуостров

В некоторых городах Пиренейского полуострова капитализм также представляется рано расцветшим. То, что нам известно из средних веков о Барселоне, ее торговом и морском праве (а известно очень немного), позволяет вывести заключение, что здесь по крайней мере уже в XIV столетии имело место сильное проникновение в деловой мир капиталистического духа. Наше внимание обращается затем снова к событиям в Португалии и Испании, когда в XV столетии учащаются путешествия с целью открытий, приводящие в конце концов к обоим великим географическим открытиям в конце XV столетия. Нет сомнения, что тогда широкие круги населения в

приморских городах Пиренейского полуострова одушевляла ненасытная жажда золота, но также и смелый предпринимательский дух, и оба эти фактора в течение XVI столетия в завоевательных походах в Америку и в колонизации новой части света достигают большой силы и созидательной способности. Но этими завоевательными походами и колонизационными предприятиями капиталистический дух испанцев и португальцев отнюдь не исчерпывался: мы видим, что лиссабонские купцы ведут торговлю со вновь открытыми и приближенными областями Запада и Востока — торговлю, которая по объему, во всяком случае, далеко превосходила итальянскую; мы видим, что севильцы нагружают привозящие серебро корабли в обратный путь товарами. Мы встречаем, однако, в XVI столетии в различных местах широко распространенную промышленность, которая позволяет сделать заключение о достаточно значительном развитии капиталистического духа. В Севилье стучало 16 000 ткацких станков, которые давали работу 130 000 людей (183); Толедо перерабатывал 430 000 фунтов шелка, причем 38 484 человека находили себе занятие; значительные шелковые и шерстяные мануфактуры мы находим в Сеговии (184) и т. д.

А потом в XVII столетии наступает полное оцепенение, о котором так часто рассказывалось. Предпринимательский дух ослабевает, деловые интересы угасают: дух нации отчуждается от всего хозяйственного и обращается к церковным и придворным или рыцарским делам. Как на земледелии, так и на торговле тяготело теперь пятно занятия, не подобающего человеку хорошего рода. Это было то, что казалось иностранному наблюдателю — итальянцу, нидерландцу, французу, англичанину — таким непонятным, что они обозначили это испанской ленью. «У всех, — говорит *Гвиччардини*, — в голове дворянское самомнение. В 1523 г. кортесы принесли просьбу королю, чтобы каждый испанец мог носить шпагу; два года спустя они произносят великое слово, что гийосдальго лучшей природы, чем плательщики податей» (185). Гийосдальго рассматривались как истинное зерно нации: го-

сударственные должности предоставлялись им; города были недовольны, если кто-нибудь, занимавшийся промыслами, делался у них коррегидором; кортесы Арагоны не потерпели бы в своей среде никого, кто когда-нибудь занимался куплей-продажей; коротко говоря, благоволение общественного мнения было обращено на сословие гийосдалго. Каждый желал вести свою жизнь, как они, в высокой чести и без тягостного труда. Бесчисленное множество людей предъявляли справедливые и вымышленные притязания на привилегии гидальквии; об этом шло столько споров, что в каждом суде всегда для них была предоставлена суббота; она использовалась целиком, и все же ее часто нехватало. Естественно, что впоследствии образовалось вообще известное отвращение против ремесла и торгового занятия, против промышленности и трудолюбия. (Ранке, у которого я заимствую эти строки (186), продолжает затем, что нас, однако, уже совершенно не касается: «Разве это уже так безусловно прекрасно и похвально — посвятить свои дни занятиям, которые, будучи сами по себе незначительными, все же заставляют посвящать всю жизнь на то, чтобы наживать деньги от других? Лишь бы только вообще заниматься благородным и хорошим делом!») «С материальными интересами дело обстоит так же, как и с другими людскими делами. Что не пустит живых корней в духе нации, не может достичь истинного расцвета. Испанцы жили и творили в идее католического культа и иерархического мировоззрения; использовать его как можно шире они считали своим призванием; их гордость состояла в том, чтобы удержать то положение, которое делало их к тому способными; впрочем, они стремились наслаждаться жизнью в веселом времяпрепровождении, без тягот. К трудолюбию и наживе путем прилежного труда они не питали никакой склонности» (187).

Доказательства совершенно чуждого капиталистическому духу стиля их жизни я приводил уже раньше: см. выше с. 179. И в колониях, где поселились испанцы и португальцы, стал скоро господствовать тот же дух (188).

3. Франция

Франция во все времена была богата крупными и гениальными предпринимателями преимущественно спекулятивного духа: быстрыми, всеобъемлющими в своих планах, решительно действующими, полными фантазии, немного хвастливыми, преисполненными увлечения и подъема, что достаточно часто ставит их в опасность потерпеть крушение или даже кончить тюрьмою, если они раньше еще не ослабли или не были сломлены физически. Таким типом был Жак Кёр, живший в XV столетии, — тот человек, который силой своей гениальной личности на короткое время привел в состояние блестящего расцвета французскую крупную торговлю. Он владеет семью галерами, дает работу 300 факторам и поддерживает сношения со всеми большими приморскими городами мира. «Милость, которою он пользовался у короля (он был казначеем Карла VII), приносила пользу его коммерческим предприятиям в такой мере, что никакой другой французский купец не мог с ним конкурировать. Более того, контора этого одного человека представляла собою мировую торговую силу, которая соперничала с венецианцами, генуэзцами и каталонцами». Суммы, которые он собирал в этой торговле, а также и путем некоторых не совсем безукоризненных финансовых операций, он употреблял на то, чтобы сделать весь двор своим «должником» и тем самым, в конце концов, своим врагом. Конец его известен: обвиненный в государственной измене, в подделке монеты и т. д., он арестован, лишается своего имущества и подвергается изгнанию.

Вполне родственное явление представляет в эпоху Людовика XIV великий Фукэ.

И эти авантюристы-спекулянты весьма крупного калибра, рядом с которыми многочисленные мелкие ведут свое дело в подобном же духе, остались до наших дней — до Лессепсов и Бонкуров, Рошфоров, Эмберов и Депердюссенов — особенностью Франции! Саккары!

Немного жестоко, но в основе метко охарактеризовал этот несколько «ветреный» характер предпринима-

тельства своих соотечественников уже *Монтень*, сказав о них однажды: «Я боюсь, что глаза наши больше нашего желудка; и у нас (при завладении новой страной) больше любопытства, чем постоянства: мы обнимаем все, но в наших руках ничего не остается, кроме ветра» (189).

Здесь нет противоречия, если мы в то же время во Франции со времени Кольбера до сегодняшнего дня слышим трогательные жалобы о «недостатке предпринимательского духа» у французского коммерсанта. Эти жалобы, очевидно, относятся, к большой массе средних купцов и промышленников и к «солидным», хотя и обладающим более далекой перспективой предприятиям. «У наших купцов, — жалуется *Кольбер*, — нет никакой инициативы, чтобы браться за вещи, которые им не знакомы» (190). Какой труд затрачивал этот в самом истинном смысле «предприимчивый» государственный человек, чтобы преодолеть косность своих соотечественников, когда дело шло, например, об основании заморской компании, как «*Compagnie des Indes Orientales*»! Тут устраиваются заседания за заседаниями (с 21 по 26 мая 1664 г. — три), в которых богатых и влиятельных купцов и промышленников обрабатывают, чтобы они решились подписаться на акции (191) (то же и ныне, когда «Научная академия» или «Восточное общество» должны быть основаны на добровольные взносы богатых людей).

Прочтите книги *Сайу*, *Блонделя* и других основательных знатоков французской хозяйственной жизни, и вы увидите, что они настроены на тот же тон, что и заявления Кольбера.

Косным, даже ленивым слыл французский коммерсант — прежнего времени. «Патриотический купец», с которым мы уже частенько встречались на нашем пути (192), жалуется в середине XVIII столетия на то, что во французских предприятиях так мало работают; он бы хотел, чтобы его сын работал «день и ночь», «вместо двух (!) часов в день, как это обычно во Франции». Впрочем, книга сама служит доказательством, что дух Франклина во Франции того времени далеко не у всех купцов пустил корни: она полна романических идей, полна увлечения,

полна рыцарских склонностей — несмотря на ее тоску по американскому укладу жизни.

Этому слабо развитому капиталистическому духу соответствуют (и соответствовали: дух французской нации в этом отношении в течение последних столетий остался поразительно неизменным) положительные идеалы французского народа. Тут мы встречаем (по крайней мере еще в XVIII столетии), с одной стороны, сильно выраженные сеньориальные склонности. Мы снова читаем, как наш свидетель, патристический купец, горько жалуется на эту роковую склонность своих соотечественников к расточительной жизни; на то, что они, вместо того чтобы вложить свое богатство в капиталистические предприятия, употребляют его на ненужные расходы для роскоши — и это причина, почему во Франции за ссужаемый капитал в торговле и промышленности приходится платить 5–6%, тогда как в Голландии и Англии его можно получить за 2.5–3%. Он полагает, что ссуды деловому миру за 3% гораздо выгоднее и разумнее, чем «покупка этих прекрасных на вид имений, которые не приносят ничего» (193).

С другой стороны, красной нитью проходит через всю французскую хозяйственную историю задержка развития капитализма вследствие другой особенности или, как говорят враждебно настроенные к капитализму судьи, дурной привычки французского народа — его предпочтения обеспеченного (и уважаемого) положения чиновника. Эта «язва погони за должностями» («la plaie du fonctionnarisme»), как ее называет один рассудительный историограф французской торговли (194), французское чиновничье безумие («la folie française des offices»), как определяет другой, не менее богатый показаниями автор (195), с которым соединено презрение к промышленным и коммерческим профессиями («le dédain des carrières industrielles et commerciales»), начинается с XVI столетия и не исчезла еще и сегодня. Она показывает незначительную силу, которую имел во Франции капиталистический дух с давних пор: кто только мог, удалялся от деловой жизни или избегал в нее вступать и употреблял свое

имущество, чтобы купить себе должность (что вплоть до XVIII столетия было повсюду возможно). История Франции — доказательство распространения этого обычая на все слои населения.

В тесной связи с такого рода склонностями стоит — что можно с одинаковым правом рассматривать как причину и как следствие — то *слабое уважение*, с которым во Франции относились к торговле и промышленности, можно уверенно сказать, до июльской монархии. Я не имею при этом в виду ни того, что богатые стремились к дворянству, ни того, что дворянство до конца XVIII столетия рассматривалось также и как социально привилегированное сословие, ни даже законодательного предписания, которым купеческое состояние лишалось прав дворянства («*déroger*») (такое представление было обычным и в Англии и, в сущности, ведь еще не совсем исчезло и ныне). Нет, я разумею ту оскорбительно низкую оценку торговой и коммерческой деятельности, те оскорбительно пренебрежительные отзывы о ее социальной ценности, которые мы в такой ярко выраженной форме вплоть до XVIII столетия встречаем (кроме Испании), пожалуй, только во Франции.

Если хороший знаток характеризует настроение верхних общественных слоев Франции в XVI столетии словами: «Если есть на свете презрение, то оно относится к купцу» («*s'il a mépris au monde, il est sur le marchand*» (196), то это уже не было бы применимо относительно Англии того времени (в то время как для Германии, как мы еще увидим, это могло бы иметь применение); заявление же, подобное заявлению *Монтескье* (и оно не является единичным), в середине XVIII столетия было бы немыслимо даже в Германии того времени: «Все погибнет, если выгодная профессия финансиста обещает стать еще и *уважаемой* профессией. Тогда отвращение охватит все другие сословия, честь потеряет все свое значение, медленные и естественные способы выдвинуться не будут применимы и правительство будет потрясено в своих коренных основах» (197).

4. Германия

Что в Германии капиталистический дух начал развиваться и распространяться в эпоху Фуггеров (а может быть, кое-где уже и раньше), это мы не можем подвергнуть сомнению. Главным образом мы наблюдаем здесь отважное предпринимательство, которое наряду с осторожной купеческой торговлей и «закладничеством» составляет характерную черту того времени.

Но я хотел бы предостеречь от переоценки, хотел бы совершенно прогнать представление, будто капиталистический дух в Германии даже в XVI столетии достиг такой высокой степени и широты развития, которая бы допускала хотя бы отдаленнейшее сравнение со степенью развития капитализма, например, в итальянских городах уже в XIV столетии.

То, в чем мы должны отдать себе отчет, чтобы правильно судить о состоянии капиталистического духа в Германии, скажем, в XVI столетии (когда, по общему признанию, его развитие достигло зенита), — это главным образом следующее.

1. Всегда могли существовать совершенно единичные случаи, в которых проявлялась капиталистическая природа. «Общественное мнение», интеллигенция, передовые умы в своих суждениях согласно и притом категорически отвергают всякое проявление нового духа. То, как *Лютер* отзывался о «фуггерстве»^{62*}, доказывает это так же, как и заявления таких людей, как *Ульрих фон Гуттен* и *Эразм Роттердамский* (198). Но эти воззрения вовсе не ограничиваются кругом дворянства и ученых. Они были вполне народными. *Себастьян Франк* перевел сочинение Эразма (199), и перевод имел большой успех. Трактат *Цицерона* «Об обязанностях», в котором он делает известные заявления о низкой ценности «торговли» (в смысле барышничества), стал в этом столетии родом настольной книги благодаря огромному распространению многочисленных его переводов (200). Все это позволяет заключить о том, что капиталистическое мышление и оценка оставались еще только на поверхности немецкой народной души.

Но могут полагать, что та резкая критика, которой современники подвергают капитализм, есть как раз доказательство того, что он быстро достиг сильного расцвета. Это до известной степени правильно. И если обращать внимание только на размеры предприятий, высоту цен, силу монополистических тенденций, то степень развития капитализма в Германии в то время была сравнительно высокая. Но следует помнить, что капиталистический дух имеет еще многие другие составные части, и они-то в то время у нас достигли только скудного расцвета. Я имею в виду все то, что мы называли отчетностью. Как слабо она была развита в Германии в XVI столетии, этому я уже привел несколько свидетельств. Я напоминаю о деловых книгах, как у Отто Руланда (XV столетие), о деловых отчетах, как у Лукаса Рема (XVI столетие), которые все не выдерживают никакого сравнения с подобными же памятниками итальянского духа XIV и XV столетий. Отчетность не пропадает. Однако как слабо она была развита в Германии еще в XVIII столетии в сравнении с вошедшими в обычай приемами английской и голландской деловой жизни, я уже указывал.

3. Во всяком случае, этот «пышный расцвет» капиталистического духа в XVI столетии (если уж говорить о таком) был кратковременным. Еще в течение XVI столетия в Германии начинается тот процесс феодализации, с которым мы уже ознакомились в Италии, и совершенно всасывает важнейшие семьи предпринимателей. Новые же поколения буржуа имеются в течение следующих двух столетий только в очень ограниченном количестве, и их имущества имеют очень скромные размеры. Только в XVIII столетии начинается более оживленная промышленная и коммерческая жизнь, которая потом снова еще раз ослабевает к началу XIX столетия. Можно без преувеличения сказать, что настоящий новый расцвет капиталистического духа в Германии начинается только с 1850 г.

Что в *настоящее время* Германия борется с Соединенными Штатами за венец высшего совершенства капиталистического духа, это никем не оспариваемый факт.

Если хотеть поэтому познать своеобразие современного предпринимательства в Германии, то нужно только прочесть то описание, которое в 13-й главе я даю о сущности современного экономического человека вообще: немецкий предприниматель представляет собою ныне (наряду или, скажем, вслед за американцем) самый чистый тип этой человеческой разновидности. Что его, быть может, отличает от других также современных типов (201), это:

а) его *приспособляемость*: наше превосходство на мировом рынке покоится в последнем счете на этой способности удовлетворять особенностям покупателей, как это бесчисленное количество раз быть установлено рассудительными наблюдателями; оно покоится также и на верной оценке специальных условий, и на приспособлении к ним, когда речь идет, например, об устройстве фабрики за границей;

б) его крупный *организационный талант*, выражающийся в наших крупных судоходных предприятиях, крупных банках, электрических обществах, подобных которым не создает никакая другая нация, даже и американцы;

в) его *отношение к науке*. И это также ныне общепризнанный факт, что наши крупные отрасли промышленности — именно электрическая и химическая промышленность — обязаны своей победоносностью прежде всего полной самопожертвования заботливости о научном обосновании и проникновении в сущность производственных процессов.

В настоящий момент должно решиться отношение немецкого предпринимательства к другому комплексу наук: к наукам о хозяйстве. Дело имеет почти такой вид, как будто и здесь особенностью капиталистического предпринимателя в Германии станет понимание того, что существенной составной частью успешной предпринимательской деятельности является пропитывание своего производства научным духом. Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что уже ныне метод ведения дел, т. е. отчетность как предмет изучения, достиг высшего развития в немецких школах предпринимателей.

5. Голландия

Быть может, Соединенные Провинции являются тем местом, где капиталистический дух впервые достиг полного расцвета, где он нашел равномерное по всем направлениям и до тех пор невиданное развитие и где он опять-таки впервые овладел целым народом. В XVII столетии Голландия, бесспорно, вполне образцовая страна капитализма; ей завидуют все другие нации, которые в стремлении к соревнованию с Голландией сами осуществляют величайшие напряжения; она высшая школа всех коммерческих искусств, рассадник мещанских добродетелей. Мореходный воинственный народ, но не имеющий также соперников и во всех хитростях и уловках торгашества, иногда трясущийся в дикой спекулятивной горячке (как мы сами могли установить) и затем становящийся центром международного биржевого оборота. Достаточно напомнить все эти известные факты.

Чтобы доставить читателю особенное удовольствие, я приведу здесь краткое и все же вполне исчерпывающее описание состояния делового расцвета, которого Голландия достигла в XVII в., у Ранке:

«Теперь Голландия извлекала свою пользу из продуктов всего мира. Она выступала вначале посредником между потребностями восточных и западных стран на соседних морях. Дерево и хлеб, которые давали одни, соль и вино, которые давали другие, она меняла одно на другое. Она посылала свои суда на ловлю сельдей во все северные воды: оттуда она везла их ко всем устьям текущих из южных стран рек, от Вислы и до Сены. Вверх по Рейну, Маасу и Шельде она доставляла их сама. Голландцы плавали до Кипра за шерстью, до Неаполя за шелком; теперь берега древних финикийцев должны были платить дань такому отдаленному германскому народу, до земли которого они сами вряд ли когда-либо доходили. Голландцы накопили теперь крупнейшие запасы различных предметов торговли. В их амбарах Контарини в 1610 г. нашел 100 000 мешков хорошей пшеницы и столько же ржи; а Рэли уверяет, что у них всегда было запасено

700 000 кварталов хлеба, так что они могли приходить на помощь и своим соседям в случае настоящей нужды, конечно, не без большой выгоды — год неурожая равнялся для них семи хорошим. И они отнюдь не ограничивались тем, чтобы вновь вывезти ввезенный продукт, даже к чужому труду они охотно что-нибудь добавляли. Они ввозили около 80 000 штук сукна из Англии, но неокрашенного; они только приготавливали его к обычному употреблению и получали потом от продажи большую выгоду.

Если они, таким образом, держали уже в руках крупную долю европейской торговли, то все же самая блестящая выгода и истинная слава их мореходства была связана с Ост-Индией. Из всех враждебных действий, которые они выполнили против Испании, индийское предприятие было тем, которое наиболее испугало короля и нацию, явилось наиболее жестоким ударом, а деятельности самих голландцев придало самый мощный размах. Контарини восхищается порядком, в котором они около 1610 г. ежегодно посылали туда от десяти до четырнадцати кораблей; он определяет капитал общества в 6 600 000 гульденов. Это грандиозное, объемлющее мир движение повело их потом дальше; они плавали и в неизвестные страны. Их старания найти северный пролив, путешествия их «Heemskerke» окончательно затмили морскую славу других наций.

Тогда все гавани, бухты, заливы Голландии были полны кораблями; все каналы внутри страны покрыты судами. Существовала характерная поговорка, что там столько же народа живет на воде, сколько на земле. Насчитывали 200 самых крупных, 3000 средних судов, имевших свою главную стоянку у Амстердама. К самому городу примыкал густой, темный лес их мачт.

Амстердам при таких условиях необыкновенно вырос. За 30 лет он был дважды значительно расширен. Рассказывают, что в 1601 г. там было выстроено 600 новых домов. За квадратный фут земли давали 1 скудо, рассказывает Контарини. Он насчитывает в 1610 г. 50 000 жителей.

Тогда процветали промыслы; работы выполнялись превосходно. Богатые оставались умеренными и бережливыми, и многие, продававшие тончайшее сукно, сами одевались в грубое; бедные имели свое пропитание; праздность наказывалась. Тогда стало обычным делом отправляться в путешествие в Индию; научились плавать со всяким ветром. Каждый дом сделался школой судоходства; не было ни одного без морской карты. Могли ли они уступить врагу, они, столь всецело покорившие моря? Голландские корабли пользовались славой, что они скорее сжигают себя, чем сдаются».

В виде дополнения к этому замечательному описанию я добавлю только, что Голландия слыла в то время образцовой страной, в особенности также благодаря культивированию мещанских добродетелей и развитию отчетности,— факт, в обоснование справедливости которого я привел уже ряд показательных свидетельств.

И что случилось с этим развитым капиталистическим духом? Отдельные составные части его — именно упомянутые в конце — остались; другие зачахли или совершенно исчезли. Уже в течение XVII столетия уменьшается воинственный дух, который в прежние времена придавал характерную черту всем морским предприятиям; в XVIII столетии затем все более и более съезживается и предпринимательский дух: буржуа, правда, не «феодализируется», как в других странах, но — как бы это можно было охарактеризовать — он подвергается ожирению. Он живет на свою ренту, которую ему доставляют, хотя он и сидит сложа руки, либо колонии, либо ссуженные им деньги. Голландия становится, как известно, в XVIII столетии денежным заимодавцем всей Европы. Интерес к капиталистическим предприятиям какого бы то ни было рода уменьшается все более. «Голландцы перестали быть купцами; они сделались комиссионерами; и из комиссионеров они, в конце концов, сделались заимодавцами» (Луцак). Кредит мог быть государственным и вексельным акцептным кредитом, это было безразлично: предпринимательский дух был, во всяком случае, сломлен, когда это предоставление кредита сделалось главным занятием буржуа.

6. Великобритания

Совершенно различную эволюцию проделал капиталистический дух в каждой из трех частей Соединенного Королевства: в Ирландии, Шотландии и Англии.

Ирландия почти исключается из ряда стран с капиталистической культурой. Никакая другая страна не была доньше так мало затронута дыханием капиталистического духа, как Ирландия. Поэтому ее судьба нас в этой связи далее не интересует.

С *Англией* мы уже часто встречались в течение этого исследования: мы видели, как в XVI столетии прорывается сильный предпринимательский дух, порожденный страстью к приключениям и стремлением к завоеваниям, и как бы основывает героическую эпоху капитализма в стране. Мы видели землевладельца в процессе превращения его в капиталистического предпринимателя. Мы пережили бурный период спекулятивного грюндерства всякого рода предприятий в конце XVII и начале XVIII в. Мы узнали, как к концу XVIII столетия развились до пышного расцвета мещанские добродетели и отчетность, что они сделались образцовыми для остальных стран, таких как Германия и Франция. И мы знаем, что современный индустриализм имеет свою колыбель в Англии — с конца XVII столетия, а в особенности с объединения обоих королевств со стороны развития, проделанного капиталистическим духом в соседней стране — Шотландии.

Ни в одной стране мира не происходит его зарождение таким странным образом, как в *Шотландии*. Ничто не может более изумить того, кто занимается вопросами возникновения капитализма, как тот совершенно внезапный способ, каким, буквально точно взрывом, начинается расцвет капиталистического духа в этой стране и вдруг непосредственно вполне распускается, как цветок *Victoria regia* за ночь, одним ударом.

До XVII столетия шотландцы, как мы видели в другом месте, вели довольно жалкую торговлю с соседними странами почти без собственного судоходства. Капитализмом

они оставались мало затронуты. В течение XVII столетия в этом состоянии хозяйственной жизни немного изменилось. Напротив, они пережили необычно сильный религиозный подъем вслед за реформацией. И тут, к концу XVII в., происходит этот внезапный порыв неукротимого стремления к наживе и предпринимательского духа. Это нам подтверждают слишком много достоверных свидетелей, чтобы мы могли сомневаться в самих фактах. Вот некоторые из свидетельств (202).

«Вскоре после революции пламенные чувства (the ardent feelings) шотландского народа отклонились из своей прежней колеи религиозных распрей и воинственных интересов в направлении коммерческих предприятий», — пишет *Бёртон*. Под 1699 г. *Бёрнетт* отмечает в «Истории моего собственного времени»: «Люди высокого и низкого состояния были тогда в Шотландии одушевлены желанием вести дела» (desirous of getting into trade). В 1698 г. *Флетчер оф Сальтун* пишет: «Никем не принужденные, а напротив, вследствие непредвиденной и неожиданной перемены национального духа (be an unforeseen and unexpected change of the genius of this nation), все их мысли и склонности, как будто бы они были объединены и руководимы высшей силой, направились на дела». Пуританское духовенство было в ужасе. Пасторы стояли беспомощно на берегу, как курица-наседка, смотрящая, как уплывают утята. В 1709 г. пастор *Роберт Уордоу* выражает в своих письмах воззрение, что «грех нашей слишком большой приверженности к хозяйственным делам (our too great fondness for trade), идущей так далеко, что она заставляет нас пренебрегать наиболее ценными интересами, будет нам предъявлен на Страшном Суде». Когда в том же году каперы захватывают несколько кораблей у глазговцев, он хочет, чтобы в этом усмотрели волю божью: «Я уверен, что господь наш с неудовольствием смотрит на нашу торговлю, с тех пор как она заняла место религии» (the Lord is remarkably frowning upon our trade... since it was put in the room of religion).

Что это был за дух, который тут внезапно прорвался, это мы уже выяснили в другом месте. Что он сильно спо-

собствовал высшему расцвету капитализма, который Англия и Шотландия переживают с середины XVIII в., совершенно несомненно.

Каков же был дальнейший ход развития капиталистического духа в этих странах? Каким представляется нам его образ в *настоящее время*, если мы сравним его с той картиной, которую являют другие страны, как, например, Германия?

Здесь свидетельства всех знающих и способных судить людей сходятся в том, что Англия ныне вступила в состояние «капиталистического расслабления» (203). Оно выражается именно в следующих чертах:

1. Рациональное ведение хозяйства перестало быть абсолютным и обязательным. Английский предприниматель не проделал того прогресса, который мы наблюдаем у немецкого: он не взял на службу себе техническую науку. Он отстал в технической области; применение новейших методов часто объявляется в Англии невозможным; при поставке сырого материала он опускает испытание в лаборатории и вполне полагается на имя фирмы-поставщика; он гордится своими устарелыми моделями машин, вместо того, чтобы бросить их на свалку старой железной рухляди.

Об аналогичной иррациональности или традиционализме в области торговли сообщает Синяя Книга от июля 1897 г.: «Немцы доставляют свои товары покупателю, в то время как британский купец ждет, чтобы покупатель пришел к нему». Британские агенты и коммивояжеры живут на слишком широкую ногу. Англичанин часто делает упаковку слишком тяжелой и солидной, а иностранец, напротив, легкой и удобной. Англичанин пренебрегает не зависящим от качества «finish»^{63*} в особенности у более дешевых товаров и более низких сортов. Он требует платежей и не считается с нуждой в кредите своих заморских клиентов. Он пренебрегает рекламой. Английские товары часто слишком хороши и слишком дороги. Англичанин навязывает свой вкус рынку; он часто поставяет либо так, как он это считает нужным, либо совсем не поставяет.

Наблюдается также в известной степени окостенение банковского дела.

2. Предпринимательский дух, интерес к делу, охота к работе уменьшаются. Старый идеал business исчезает и уступает место совершенно новой жизненной ориентации. Удовольствие от роскоши, от сеньориального образа жизни, главным образом от спорта, распространяется все больше и больше и парализует хозяйственную энергию.

«В кругах of the M.I.R.C. (Membres of the idle, rich class) немецкий книжный червь играет такую же жалкую роль, как могущий в лучшем случае быть использованным в качестве тестя американский король долларов: как бы различны они оба ни были в иных отношениях, они принадлежат к глупцам, которые работают. Этими когда-то феодальными воззрениями ныне заражен буржуазный верхний слой английского народа».

«Характерно, что излюбленные отрасли национально-спорта носят сильно плутократический покров. Они предполагают существование рода аристократов, который живет от работы негров, китайцев и индусов, на проценты и земельную ренту со всех стран мира и который расценивает землю своей родины только как предмет роскоши» (204).

7. Соединенные Штаты Америки

О них мне приходится меньше всего сказать (в этом месте), хотя они имеют крупнейшее значение для расцвета капиталистического духа. Это немногое заключается в следующем.

1. Элементы капиталистического духа были свойственны американской народной душе с тех пор, как основаны колонии, и тогда еще, когда этому духу не соответствовало никакого «тела», т. е. никакого капиталистического хозяйственного устройства.

2. В Соединенных Штатах превращение раннекапиталистического в высококапиталистический дух совершается раньше всего и основательнее всего. Многочислен-

ные свидетельства подтверждают нам (205), что идеи современного американизма уже в начале XIX столетия пустили корни в головах и начали определять собою жизненный стиль. В чем заключается особенность этого высококапиталистического духа, который впервые расцветает в Америке, чтобы стать затем всеобщим духом нашей эпохи, я пытаюсь изобразить в 13-й главе.

3. Все последствия, которые заложены в капиталистическом духе, достигли ныне своего высшего развития в Соединенных Штатах. Здесь его сила пока еще не сломлена. Здесь пока все еще буря и натиск.

Отдел четвертый

БУРЖУА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Глава двенадцатая

БУРЖУА СТАРОГО СТИЛЯ

До сих пор мы знакомились с элементами, из которых состоит душа капиталистического предпринимателя, когда он стремится к совершенству. Из страсти к наживе и предпринимательского духа, из мещанства и отчетности строится сложная психика буржуа, и эти составные части могут сами опять-таки являться в многочисленных оттенках и находиться у одного и того же лица в совершенно различных пропорциях смешения. Мы уже различали вследствие этого разнообразные типы капиталистических предпринимателей, которые образуются в ходе развития капиталистического хозяйства. Мы установили также, что в различных странах развитие капиталистического духа совершается в самых многообразных формах. Мы стоим теперь перед вопросом: существует ли вообще *единый* капиталистический дух, существует ли буржуа? Это означает, следовательно, могут ли быть найдены в различных типах, которых мы ближайшим образом должны представлять себе и далее существующими, в различных национальных образованиях общие черты, из которых мы можем составить себе картину *единого* буржуа.

На этот вопрос мы, безусловно, вправе ответить утвердительно, сделав только одно ограничение: если мы будем *различать* эпохи капиталистического развития и в них каждый раз характерный для известной эпохи «дух», принадлежащий к этой эпохе по своей природе тип предпринимателя или буржуа.

Это значит: если мы установим не *один* тип для всех времен, но каждый раз особенный для различных эпох.

Насколько я могу теперь усмотреть, капиталистические предприниматели с начала капиталистического развития и приблизительно до конца XVIII столетия, т. е. в течение той эпохи, которую я назвал раннекапиталистической, при всех различиях в частности все же во многих отношениях носят единый отпечаток, который их резко отличает от *современного* предпринимательского типа. Эту картину буржуа старого стиля я хочу попытаться нарисовать в набросках, прежде чем я укажу, в чем я усматриваю характерные для последнего столетия черты капиталистического духа.

Капиталистическим предпринимателем этот старый буржуа тоже был: нажива была его целью, основание предприятий — его средством; он спекулировал и калькулировал; и в конце концов и мещанские добродетели овладели его существом (правда, в весьма различной степени). Но что дает ему его своеобразный (ставший нам ныне таким чуждым) облик, это то — если определить в одном предложении «старый стиль», — что во всех его размышлениях и планах, во всех его действиях и бездействиях решающее значение имело благосостояние и несчастье живого человека. Докапиталистическая руководящая идея *еще* не утратила своего действия: *omnium rerum mensura homo* — мерой всех вещей оставался человек. Точнее, оставалось естественное, полное смысла использование жизни. Сам буржуа широко шагает на своих обеих ногах, он еще не ходит на руках.

Правда, от докапиталистического человека, которого мы встречаем еще в первых зачатках капитализма, когда благородные генуэзские «купцы» строили себе замки или когда сэр Уольтер Рэли отправлялся искать золотую страну, правда, от него до Дефо и Бенджамина Франклина сохранились только части. Естественный цельный человек с его здоровой инстинктивностью потерпел уже большой ущерб, должен был привыкнуть к смиренной куртке мещанского благополучия, должен был научиться считать. Его когти подрезаны, его зубы хищного зверя спилены, его рога снабжены кожаными подушечками.

Но все, кто служил капитализму: крупный землевладелец и крупный заморский купец, банкир и спекулянт, мануфактурист и шерстоторговец — все они все-таки не переставали соразмерять свою коммерческую деятельность с требованиями здоровой человечности: для всех их дело осталось только средством к цели жизни; для всех их направление и меру их деятельности определяют их собственные жизненные интересы и интересы других людей, *для которых и вместе с которыми они действуют.*

Что они так думали, буржуа старого стиля, свидетельствуют прежде всего:

1) (и главным образом) их *воззрения на смысл богатства, их внутреннее отношение к собственной наживе.* Богатство ценится, нажить его — горячо желаемая цель, но оно не должно быть самоцелью; оно должно только служить к тому, чтобы создавать или сохранять жизненные ценности. Это звучит со страниц сочинений всех тех, кого мы в течение этого описания уже часто использовали как свидетелей: от *Альберти* до Дефо и Франклина все рассуждения о богатстве настроены на тот же тон.

Как ценно богатство, полагает *Альберти*, об этом может судить лишь тот, кто однажды был принужден «сказать другому это горькое и глубоко ненавистное свободным умам слово: прошу тебя» (206). Богатство должно сделать нас свободными и независимыми, оно должно служить к тому, чтобы привлечь к нам друзей, сделать нас уважаемыми и знаменитыми (207). Но «то, чего не используют, есть тяжкое бремя» (208).

Достаточно будет, если этим заявлениям из детских лет капитализма я противопоставлю некоторые из последнего периода этой эпохи: можно будет тотчас же усмотреть совпадение. *Бенджамин Франклин* и его почитатели высказываются следующим образом:

«Человек, которому Бог дал богатство и душу, чтобы его правильно употреблять, получил в этом особенное и превосходное знамение милости».

Следуют наставления *хорошо* употреблять богатство (209):

«Богатство должно путем прилежания и умелости постоянно расти. Никогда не должно оставлять его лежать праздным; всегда оно должно умножать имущество своего владельца и повсюду распространять счастье...

Неиспользование богатства в такой же мере противоречит его назначению, как и грешит против долга человечности...

Собирать деньги и блага — умно; но употреблять их целесообразно — разумно. Не богатство делает счастливым, а его мудрое употребление: и что бы это дало человеку, если бы он добыл все блага этого света и не был бы честным человеком!» (210).

Богатство дает уважение, доставляет уверенность в себе и добывает *средства* (!) для многих полезных и почетных предприятий...

Богатство отгоняет заботы, день и ночь гложущие нашу жизнь. Мы радостно смотрим в будущее, если только мы сохраняем при этом *спокойную* совесть. Это должно быть основой всякой наживы.

Всегда правильно поступать и делать добро из почтения к Богу и из уважения к человечеству — дает охоту ко всякому предприятию. Иметь всегда Бога перед глазами и в сердце, вместе с разумной работой, есть начало искусства разбогатеть; ибо как помогла бы вся нажива, если бы мы должны были опасаться того, кто есть Господь миров, и какую бы пользу принесли нам деньги, если бы мы не могли радостно обращать взоры к небу» (211).

Эти последние замечания указывают уже на другое воззрение, которое мы также находим общераспространенным у буржуа старого стиля и которое также придает совершенно определенную окраску его приобретательской деятельности: воззрение, что только законным образом нажитое богатство дает радость (212).

«Если ты продаешь что-нибудь для наживы, то прислушайся к шепоту твоей совести, удовлетворишься умеренной прибылью и не обращай в свою пользу неосведомленности покупателя» (213).

Тут можно, пожалуй, возразить, что столь мудрые поучения легко высказывать. Они выражают, быть может,

только воззрения часов спокойного размышления, они являются, может быть, только голосом совести, который был слышен в спокойствии рабочего кабинета, не заглушался дневным шумом. И поэтому они лишены доказательной силы. Такое возражение я пытался бы обессилить указанием на тот факт, что:

2) их отношение к самой деловой жизни, их поведение как коммерсантов, характер ведения ими дела, то, что можно было бы назвать их коммерческим стилем, вполне свидетельствует о том же самом духе, которым порождены эти заявления о смысле наживы.

Темп их коммерческой деятельности был еще с развалючей; все их поведение — покойным. Еще не было бури в их деятельности.

Мы видели, как Франклин заботился о том, чтобы употреблять свое время как можно полезнее, как он восхвалял прилежание в качестве верховной добродетели. И какой вид имел его рабочий день: целых шесть часов посвящены делу; семь часов он спал; остальное время он употреблял на молитву, на чтение, на общественные развлечения. И он был типом стремившегося вверх тогда еще мелкого предпринимателя. Вот необычайно поучительный план его распорядка дня, который он набросал в связи со своей схемой добродетелей.

Так как правило порядка требовало, чтобы каждая часть моей работы имела свое, предназначенное для нее, время, то одна страница моей книжечки содержала следующий план по часам дня для употребления двадцати четырех часов естественного дня:

Утро:

Вопрос:

Что сделаю
я сегодня
хорошего

$$\left\{ \begin{array}{c} 5 \\ 6 \\ 7 \end{array} \right\}$$

Встань, умойся, помолись Всемогущему!
Распредели себе работу на день и прими
свои решения для этого дня, продолжай
очередное занятие и позавтракай.

$$\left\{ \begin{array}{c} 8 \\ 9 \\ 10 \\ 11 \end{array} \right\}$$

Работай

Полдень:	$\left\{ \begin{array}{c} 12 \\ 1 \end{array} \right\}$	Прочти или перечти твои деловые книги, пообедай.
	$\left\{ \begin{array}{c} 2 \\ 3 \\ 4 \\ 5 \end{array} \right\}$	Работай.
	$\left\{ \begin{array}{c} 6 \\ 7 \\ 8 \\ 9 \end{array} \right\}$	Отнеси опять все вещи на свои места. Поужинай. Развлекайся музыкой, чтением, разговором и другими развлечениями. Проверь прожитый день.
Ночь:	$\left\{ \begin{array}{c} 10 \\ 11 \\ 12 \end{array} \right\}$	Спи.
	$\left\{ \begin{array}{c} 1 \\ 2 \\ 3 \\ 4 \end{array} \right\}$	

Боценские оптовики закрывали на все лето свои дела и жили на даче в Обер-Боцене.

Так же как давали себе отдых в течение дня и в течение года, так и в жизни устраивали себе продолжительные периоды отдыха. Было, пожалуй, общим обыкновением, что люди, нажившие в торговле и производстве скромное состояние, еще в цветущем возрасте удалялись на покой и, если только было возможно, покупали себе за городом имение, чтобы провести закат своей жизни в созерцательном покое. Якоб Фуггер, заявление которого, что «он хочет наживать, пока может», я сам однажды поставил в качестве эпиграфа к описанию генезиса современного капитализма как типически-характерное для законченного капиталистического хозяйственного образа мыслей (каковым оно, несомненно, и является), далеко опередил свое время. Антон Фуггер и характеризует его как странного чудака вследствие этих воззрений. Он был не «нормальным». Таковыми, напротив, были те, кто в мешке своего мировоззрения с самого начала принесли идеал рантье.

Через все итальянские книги купцов проходит тоска по спокойной жизни в вилле, немецкий Ренессанс носит ту же черту феодализации коммерсантов, и эту черту мы встречаем неизменной в привычках английских купцов в XVIII столетии. Идеал рантье представляется нам здесь, следовательно (мы увидим, что он может иметь еще совершенно другой смысл, может найти место в совершенно ином причинном ряду), общим признаком раннекапиталистического образа мыслей.

Доказательство того, как исключительно он еще господствовал над английским деловым миром в первой половине XVIII столетия, нам снова дает *Дефо* своими замечаниями, которыми он сопровождает, очевидно, общераспространенное обыкновение английских купцов вовремя удаляться на покой (в XLI st. Ch. 5-го издания «The Compl. Engl. Tradesman»).

Он полагает: кто нажил 20 000, для того самое время оставить дело. На эти деньги он уже может купить себе совсем не дурное имение, и тем самым он войдет в состав джентри. Он только дает этому новоиспеченному джентельмену на дорогу следующие поучения: 1) он должен и в будущем продолжать вести свой экономный образ жизни: из 1000 ренты он должен расходовать самое большое 500, а на сбереженное увеличивать свое состояние; 2) он не должен пускаться в спекуляции и принимать участие в учредительстве: ведь он удалился, чтобы насладиться тем, что он нажил (*retired to enjoy what they had got*): зачем же тогда снова ставить это на карту в рискованных предприятиях? Какое другое основание, кроме чистой жадности, может вообще побудить такого человека броситься в новые авантюры? Ведь такому вообще нечего делать, как только быть спокойным, после того как он попал в такое положение в жизни (*Such an one... has nothing to do but to be quiet, when the is arrived at this situation in life*). Прежде он *должен был*, правда, чтобы нажить свое состояние, быть прилежным и деятельным; теперь же ему нечего делать, как только принять решение быть ленивым и бездеятельным (*to determine to be indolent and inactive*). Государственные ренты и земле-

владение — единственно правильное помещение для его сбережений.

Если же буржуа старого стиля работали, то *самое веде-ние дела* было такого рода, чтобы заключалось возможно меньшее количество деловых актов. Незначительному экстенсивному развитию коммерческой деятельности соответствовало такое же *незначительное интенсивное развитие*. Показательным для духа, в котором вели дела, мне представляется то обстоятельство, что вся прежняя хозяйственная мудрость заключалась в том, чтобы достичь *возможно более высоких цен*, чтобы с возможно меньшим оборотом получить высокую прибыль: малый оборот — большая польза, вот деловой принцип предпринимателей того времени. Не только мелких, полуремесленных производителей — нет, даже вполне крупных приобретательских обществ. Принципом голландско-ост-индской компании, например, было вести «малые дела с большой пользой». Отсюда ее политика: истреблять деревья пряностей, сжигать богатые урожаи и т. д. Это делалось и для того, чтобы не предоставлять бедному населению вредного потребления колониальных товаров.

Имели в виду главным образом сбыт богатым, а он всегда удобнее, чем сбыт широкой массе (214). Отражением этого воззрения была теория писателей-экономистов, которые (как и везде) в течение всего XVII и XVIII в. были защитниками *высоких цен* (215).

Внешним выражением этого внутреннего покоя и размеренности была полная достоинства поступь, был несколько напыщенный и педантический вид буржуа старого стиля. Мы с трудом можем представить себе торопливого человека в длинном меховом плаще Ренессанса или в панталонах до колен и парике последующих столетий. И достойные доверия современники так и изображают нам делового человека как мерно шагающего человека, который никогда не торопится именно *потому*, что он что-нибудь делает. Мессер Альберти, сам очень занятой человек, обычно говаривал, что он никогда еще не видал прилежного человека идущим иначе как медленно, — уз-

наем мы из Флоренции XV столетия (216). И хороший свидетель сообщает нам о промышленном городе Лионе в XVIII столетии: «Здесь в Лионе ходят спокойным шагом, потому что (!) все заняты, тогда как в Париже все бегут, потому что ходят праздно» (217). Мы видим живыми пред собой крупных купцов Глазго в XVIII в. «в красных кафтанах, треуголках и напудренных париках, шагающих взад и вперед по Планистенам, единственному кусочку мостовой в тогдашнем Глазго, покрывавшему 300 или 400 м улицы перед домом городского совета, — с достоинством беседуя друг с другом и высокомерно кивая простому народу, являвшемуся свидетельствовать им свое почтение» (218).

3) отношение к конкуренции и к «клиентеле» соответствует характеру ведения дела: ведь главным образом хотят иметь покой; этот «статический принцип», исключительно господствовавший над всей докапиталистической хозяйственной жизнью, занимает и в строении раннекапиталистического духа все еще значительное место. «Клиентела» имеет еще значение огороженного округа, который отведен отдельному коммерсанту, подобно территории в заморской стране, которая предоставлена торговой компании как отграниченная область для исключительной эксплуатации.

Как раз об этой особенности раннекапиталистического хозяйственного образа мыслей я недавно подробно высказался в другой связи (219) и могу поэтому ограничиться здесь немногими указаниями. Я хочу только указать на некоторые важные деловые принципы и деловые воззрения, которые должны были явиться следствием статически мыслимой организации хозяйства и которые в действительности и господствовали над кругом идей буржуа старого стиля.

Строжайше воспрещена была всякая «ловля клиентов»: считалось «нехристианским», безнравственным отбивать у своих соседей покупателей. Среди «Правил для купцов, торгующих товарами» есть одно, гласящее: «Не отвращай ни от кого его клиентов или купца ни устно, ни письменно и не делай также другому того, чего ты не хо-

чешь, чтобы с тобою случилось». Этот принцип и предписывают строжайше каждый раз снова купеческие уставы. «Майнцский Полицейский Устав» (18-й пункт) гласит, что «никто не должен отвращать другого от покупки или более высокой надбавкой удорожать ему товар под страхом потери купленного товара; никто (не должен) вмешиваться в торговлю другого *или вести свою собственную так широко, что другие граждане от этого разоряются*». Саксонские торговые уставы 1672, 1682, 1692 гг. постановляют в пункте 18-м: «Никакой торговец не должен отзываться у другого его покупателей от его лавок или торговых заведений, ни удерживать от покупки кивками или другими жестами и знаками, а тем более требовать с покупателей уплаты за лавки или склады другого, хотя бы они находились по отношению к нему в долговом обязательстве» (220).

Совершенно последовательно тогда были запрещены, каждая в отдельности и все вместе, те уловки, которые стремились к тому, чтобы увлечь свою клиентелу.

Еще в глубь XIX столетия у важнейших торговых домов остается отвращение даже по отношению к простым деловым объявлениям: так, нам, например, известно как раз о Нью-Йоркских фирмах, что они ощущали это отвращение еще в середине XIX столетия (221).

Но безусловно предосудительной считалась еще долгое время, в течение которого деловое объявление уже существовало, *коммерческая реклама*, т. е. восхваление, указание на особые преимущества, которыми одно предприятие якобы, по его же словам, обладает по сравнению с другими. Как высшую же степень коммерческого неприличия рассматривали объявление, что берут более дешевые цены, нежели конкурент.

«Сбивание цены» («the underselling») считалось во всяком виде непристойным: «Продавать во вред своему согражданину и чрезмерно выбрасывать товар не приносит успеха».

Но прямо-таки грязной уловкой считалось публичное указание на него. В пятом издании «The Complete English Tradesman» находится примечание издателей следующе-

го содержания: «С тех пор как писал наш автор (Дефо умер в 1731 г.), дурной обычай сбивания цены развился до такого бесстыдства (this underselling practice is grown to such a shameful height), что известные лица публично объявляют, что они отдают свои товары дешевле остального купечества (that particular persons publicly advertise that they undersell the rest of the trade)».

Особенно ценным документом обладаем мы относительно Франции, даже из второй половины XVIII в., из которого со всею очевидностью явствует, каким неслыханным делом еще было сбивание цен и публичное оповещение о нем в то время даже в Париже. В нем (в одном ордонансе 1761 г.) значится, что подобные манипуляции должны рассматриваться только как последний отчаянный поступок несолидного коммерсанта. Ордонанс строжайше запрещает всем оптовым и розничным купцам в Париже и его предместьях «бегать одному за другим», чтобы доставлять сбыт своим товарам, в особенности же раздавать листки, на которых указаны их товары.

Но и другие способы обогащаться за счет других хозяйств, нарушать круг действий других хозяйствующих субъектов, чтобы доставить себе выгоду, считались предосудительными. Автор «Совершенного английского коммерсанта» высказывает о нецелесообразности и непроизводительности подобной губительной конкуренции следующие замечания, которые являются чрезвычайно поучительными для познания хозяйственных принципов того времени и опять-таки дают нам ясное доказательство того, что все находилось еще в путях статических и, если хотите, традиционалистических воззрений. Мы должны постоянно помнить, что автор знаменитой книги о коммерсантах был вполне передовым деловым человеком и в иных отношениях мыслил в безусловно капиталистическом духе.

Случай, который он нам приводит, заключается в следующем (222): в сбыте уилтширского сукна лавочнику в Нортсгемптоне принимают участие следующие лица:

1) извозчик, везущий сукна из Уорминстера в Лондон;

2) м-р А., комиссионер или фактор, предлагающий сукна на продажу в Блэкуэлль-Голле;

3) м-р В., the woollen-draper^{64*}, оптовик, который продает их м-ру С., владельцу лавки в Нортсгемптоне;

4) нортсгемптонский извозчик, привозящий их в Нортсгемптон.

И вот есть некий Mr. F.G., другой розничный торговец в Нортсгемптоне, богатый человек (an over-grown tradesman), имеющий больше денег, чем его соседи, и вследствие этого не нуждающийся в кредите. Он разузнает, где производятся сукна, и завязывает с уорминстерским суконным фабрикантом непосредственные сношения. Он покупает товар у производителя и доставляет его на собственных вьючных животных непосредственно в Нортсгемптон. И так как он, возможно, платит наличными, суконный фабрикант уступает ему сукна на пенни за локоть дешевле, чем он их продавал лондонскому оптовику.

Какие же будут последствия этого действия? Богатый сукноторговец в Нортсгемптоне получит следующие выгоды.

Он сберегает на издержках транспорта. Правда, он должен будет заплатить за перевозку из Уорминстера в Нортсгемптон несколько более, потому что путь дальше, чем в Лондон, и пролегает в стороне от обычного маршрута; но так как он, возможно, выписывает три-четыре вьюка за один раз, то он вернет обратно эту потерю. Если же он еще нагрузит лошадей шерстью, которую он поставит уорминстерскому суконному фабриканту, то перевозка сукон ему ничего не будет стоить. Он получит, таким образом, сукна в свою лавку на 2/6 дешевле, чем его сосед; и, продавая их дешевле на эту цену D. E. Esg'у и остальным клиентам, он перетянет всех их от своего более бедного конкурента, который сможет продавать уже только таким клиентам, которые, возможно, задолжали ему по счетам и должны покупать у него, так как нуждаются в его деньгах.

Но это еще не все: из-за этого м-ра F.G. из Нортсгемптона, который теперь покупает непосредственно у произво-

дителя, совершенно исключаются уорминстерский извозчик, нортсгемптонский извозчик и м-р А., фактор из Блэкуэлль-Голля; а м-р В., суконщик-оптовик, имеющий большую семью и платящий высокую наемную плату, разоряется, так как теряет торговое посредничество. Таким образом, русло торговли отводится в сторону; течение отрезывается, и все семьи, жившие ранее от торговли, лишаются куска хлеба и бродят по свету, чтобы искать своего пропитания где-нибудь в другом месте и, быть может, совсем не найти его.

И какова выгода, которая получается из всей этой грабительской системы? Исключительно одна: обогащение жадного (covetous) человека, а также и то, что господин Д. Е. из Нортсгемптоншира покупает материю для своего платья на столько-то дешевле за локоть: *совершенно не имеющая значения для него выгода*, которую он вовсе не чрезмерно высоко ценит и которая, несомненно, не стоит ни в каком соотношении к ранам, понесенным торговлей.

Это значит, заканчивает наш свидетель свое изображение, *уничтожать циркуляцию товаров; это значит вести торговлю руками немногих* (this is managing trade with a few hands), и если такого рода практика, так как она, по всей видимости, начала прививаться, станет всеобщей, то миллион людей в Англии, находящихся теперь себе хорошее содержание в торговле, лишится занятий, и семьи их со временем должны будут пойти просить милостыню.

Эти фразы, кажется мне, говорят за целые тома. Каким непонятым должен представляться этот ход мыслей современному коммерсанту!

За производителем и торговцем не забывался, однако, и *потребитель*. В известном смысле он оставался даже главным лицом, так как еще не вполне исчезло из мира воззрение, что производство благ и торговля благами в конце концов существуют для потребления благ, чтобы улучшать его.

Естественная ориентация, как бы это можно было назвать, господствовала еще и здесь: добывание потреби-

тельных благ все еще составляет цель всей хозяйственной деятельности, содержанием ее еще не сделалось чистое товарное производство. Вследствие этого в течение всей раннекапиталистической эпохи все еще ясно проявляется стремление изготавливать *хорошие товары*; товары, являющиеся тем, чем они кажутся, следовательно, также подлинные товары. Этим стремлением одушевлены все те бесчисленные регламентации производства товаров, которые наполняют именно XVII и XVIII столетия, как никогда раньше. Одно уж то показательно, что государство взяло теперь в свои руки контроль и в своих учреждениях подвергало товары правительственному осмотру.

Тут могут, правда, сказать, что эта забота государства о доброкачественности товара есть как раз доказательство того, что хозяйственный образ мыслей эпохи не был более направлен на изготовление хороших потребительных благ. Но это возражение было бы необоснованно. Государственный контроль должен был ведь сделать невозможным проступки отдельных немногих бессовестных производителей. В общем еще существовало намерение доставлять доброкачественные и неподдельные товары — намерение, свойственное всякому настоящему ремеслу и частью перенятое и раннекапиталистической промышленностью.

Как медленно пробился чисто капиталистический принцип, что меновая ценность товаров одна имеет решающее значение для предпринимателя, что, следовательно, капиталисту безразлично качество потребительных благ, это мы можем, например, усмотреть из борьбы мнений, которая по этому поводу происходила в Англии еще в течение XVIII столетия. Несомненно, *Джоз. Чайльд* находился в противоречии с огромным большинством своих современников и, пожалуй, также и своих товарищей по профессии, как и во многих других отношениях, когда он защищал ту точку зрения, что следует предоставлять усмотрению предпринимателя, какого сорта товары и какого качества он пожелает вывезти на рынок. Каким странным представляется нам это ныне, когда *Чайльд*

еще борется за право фабриканта на производство дрянного товара! «Если мы, — восклицает он (223), — хотим завоевать мировой рынок, мы должны подражать голландцам, которые производят самый дурной товар так же, как и самый лучший, чтобы быть в состоянии удовлетворять всем рынкам и всем вкусам».

Наконец, мне представляется показательным для духа, наполнявшего буржуа старого стиля:

4) его *отношение к технике*. И здесь, как и везде, возвращается та же мысль: прогресс в технике желателен только тогда, когда он не разрушает человеческого счастья. Та пара пфеннигов, на которую он, быть может, удешевляет продукт, не стоит тех слез, которые он причиняет семьям сделавшихся благодаря ему безработными рабочих. Значит, и здесь в центре интереса стоит человек, который на этот раз является даже «только» наемным рабочим. Но и о нем думали прежде, хотя, быть может, и по эгоистическим основаниям.

Мы обладаем массой свидетельств, из которых явствует с полной очевидностью, что сильное отвращение возбуждало как раз введение «сберегающих труд» машин. Я приведу пару особенно поучительных случаев, в которых проявляется это отвращение.

Во второй год правления Елизаветы (английской) один венецианский «изобретатель» (одно из тех типичских явлений, с которыми мы уже познакомились) представляет старшинам цеха суконщиков (в котором, однако, в то время уже сидели главным образом капиталистические «закладчики») сберегающую труд машину для валяния широких сукон. По зрелом обсуждении старшины приходят к отрицательному ответу: машина лишила бы многочисленных рабочих куска хлеба (224).

До 1684 г. во Франции был воспрещен чулочный ткацкий станок (также и в уже капиталистически организованных промышленных заведениях) преимущественно из опасения, что он может уменьшить бедным людям их заработок (225).

Даже такой профессиональный прожектор и «изобретатель», как *Йог. Иоах. Бехер*, полагает (226): «Хотя я не

посоветую изобретать *instrumenta*, чтобы обходиться без людей или сокращать им их пропитание, но все же я не отсоветую употреблять *instrumenta*, которые выгодны или полезны, и притом в таких местностях, где много работы и где нелегко получить ремесленников».

Кольбер видит в изобретателе сберегающих работу машин «врага труда»; *Фридрих II* заявляет: «Затем вовсе не является моим намерением, чтобы прядильная машина получила всеобщее употребление... Тогда очень большое количество людей, до сих пор кормившихся от прядения, лишились бы куска хлеба; это совершенно не может быть допущено» (226а).

Что человек такого возвышенного образа мыслей и такого тонкого вкуса, как *Монтескье*, был предубежден против всякого технического прогресса — он не считал безоговорочным благом употребление машин и даже водяных мельниц! (227), — не изумит нас.

Но даже такой истый *business-man*, как *Постлетсуэйт*, высказывается еще весьма сдержанно относительно новых изобретений (228). Сберегающие труд машины в государствах без внешней торговли, во всяком случае, губительны; даже торговые государства должны были бы допускать только определенные машины и запретить все те, которые изготовляют блага для потребления внутри страны: «то, что мы выигрываем в быстроте выполнения, мы теряем в силе» (what we gain in expedition, we lose in strength).

То, как мы видим, древняя идея пропитания, то традиционализм, то этические соображения, но всегда это что-нибудь стесняющее свободный расцвет инстинкта наживы, предпринимательского духа и экономического рационализма.

Это должно было теперь измениться приблизительно с началом XIX столетия; медленно и постепенно сначала, потом быстро и внезапно. Эти изменения капиталистического духа в наше время мы проследим в следующей главе.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Что изменилось в хозяйственном образе мыслей в течение последнего столетия? Что характеризует капиталистический дух наших дней, который является высококапиталистическим, и отличает его от того, который мы нашли обитающим в буржуа старого стиля?

Раньше чем я попытаюсь дать ответ на этот вопрос, мы должны отдать себе отчет в том, что еще и ныне существует отнюдь не *один только* тип предпринимателя, что, напротив, ныне еще, как и в период раннего капитализма, в различных капиталистических предпринимателях господствует весьма различный дух, что мы, следовательно, должны сначала научиться различать крупные группы предпринимателей, из которых каждая представляет собою особенный тип. В качестве таковых мы прежде всего натываемся на старых знакомых, с которыми мы уже встречались в прежние времена капитализма: тут еще и ныне разбойник, землевладелец, бюрократ, спекулянт, купец, мануфактурист, как нас легко может убедить непосредственная очевидность.

Если мы будем рассматривать деятельность какого-нибудь Сесилия Родса, то разве не вспоминаются нам невольно генуэзские купцы в своих башнях, или, быть может, еще более — сэр Уолтер Рэли, Фрэнсис Дрейк? Сесиль Родс — это ярко выраженная разбойничья натура: открыватель, покоритель весьма крупного размаха, который, правда, наряду с саблей, которая рубит, и с ружьем, которое стреляет, пускает в бой за свои предприятия еще и оружие современной биржевой спекуляции, — полуполитик, полукапиталистический предприниматель, больше ведущий переговоры дипломат, чем торговец, не признающий никакого другого могущества, кроме грубой силы. Странно видеть в нем воплощение какого-либо пуританского духа. Если уж стремиться сравнивать его с прежними поколениями, то мы должны причислить его к людям Ренессанса.

Как непохож на мир Сесилия Родса тот мир, в котором живет такой человек, как хотя бы барон фон Штумм или какой-нибудь силезский горный магнат. Тут мы еще дышим воздухом старого землевладения. Отношения зависимости, иерархическое строение персонала, несколько тяжеловесное деловое поведение — вот некоторые из черт в картине таких предприятий, руководители которых напоминают нам старых землевладельчески-капиталистических предпринимателей.

А разве не встречаем мы многочисленных предпринимателей, которые кажутся нам скорее бюрократами, чем купцами или торговцами? Корректные в своей деятельности, педантичные в распорядке их работы, точно размеренные в своих решениях, с большими способностями к организации, без сильной склонности лезть напролом, превосходные чиновники для управления, которые сегодня являются бургомистрами огромного города, а завтра стоят во главе крупного банка, сегодня еще управляют отдельным ведомством в министерстве, а завтра берут на себя руководство синдикатом. Мы не говорим уже о директорах государственных и городских заводов и полуобщественных предприятий, которые в наше время приобретают ведь все большее значение.

И как опять-таки в основе отличен от всех названных типов спекулянт наших дней, который едва ли в одном существенном пункте отличается от прожектора XVIII столетия. Так, недавно об одном французском спекулянте газеты облетело следующее сообщение: «Миллионеру-мошеннику Рошетту едва тридцать лет от роду. Он был вначале мальчиком в одном вокзальном ресторане, потом официантом в одной кофейне в Мелёне. Он попал затем в Париж, научился бухгалтерии и поступил к финансовому мошеннику Берже. Когда Берже обанкротился, Рошетт принял на себя его дела с 5 000 франков — приданым машинистки, на которой он женился. Затем он занялся учредительством и учредил менее чем в четыре года *тридцать акционерных обществ*. Сначала „Le Crédit Minier“ с 500 000 франков, затем угольные копи Laviana с 2 млн, угольные копи Liat с таким же капита-

лом, La Banque Franco-Espagnole с 20 млн, Le Syndicat Minier с 10 млн, L'Union Franco-Beige с 2.5 млн, финансовую ежедневную газету Le Financier с 2 млн, ряд обществ медных и цинковых рудников, исландские и марокканские рыболовные общества и общество газовых горелок накаливания с 4.5 и Hella — Огненные Кусты с 15 млн франков. В общем он выступил круглым счетом на 60 млн акций, которые он, в конце концов, нагнал на 200 млн по курсовой цене и которые теперь, пожалуй, стоят 20 млн. У него было 57 отделений во французской провинции. В различных банках и учреждениях Рошетта работает не менее 40 000 лиц, и почти так же велико и число жертв, потери которых в общем, вероятно, превышают 150 млн. То, что Рошетт мог так долго и так интенсивно заниматься своим бесчестным ремеслом, объясняют его умением окружать себя почтенными личностями. Об умении Рошетта пускать своим жертвам пыль в глаза говорит основание большой фабрики для эксплуатации патента на новое освещение путем накаливания. Акции этого самого предприятия буквально рвали из рук в Париже, и все восхищались большой фабрикой, которая должна была давать хлеб нескольким тысячам рабочих и труба которой днем и ночью непрерывно выпускала густые облака дыма, — к величайшему удовлетворению акционеров. В действительности же в фабрике не двигалась ни одна рука, за исключением кочегаров, которые разводили пар!»

Не сдается ли нам прямо, как будто мы читаем сообщение об Англии 20-х годов XVIII столетия? А рядом действует дельный купец, который кует свое счастье путем верного взгляда на конъюнктуру или даже только путем хорошего учета и умелых договоров со своими поставщиками, своими клиентами и своими рабочими. Что общего у берлинского торговца платьем с Сесилем Родсом? Что общего у руководителя крупного торгового дома со спекулянтами на золотых рудниках? А что общего у всех них с мануфактуристом, который еще и ныне, как и 100 или 200 лет назад, ведет свою маленькую фабрику в Брадфорде или Седане, в Форсте или Шпремберге?

Все они, старые друзья, еще здесь и как будто в неизменившемся виде. И для того чтобы картина, представляемая современным предпринимательством, выглядела попестрее, к ним в наше время присоединились еще некоторые новые типы. Я даже не имею при этом в виду на первом плане Мак-Аллана, героя *келлермановского* романа «Туннель». Хотя мы здесь в действительности видим перед собой совершенно новый тип предпринимателя: скрещенные спекулянта и техника. Странное смешение завоевателя и мечтателя; человека, который ничего не понимает в денежных делах, который заполнен только навязчивой технической идеей, но все же руководит гигантским предприятием и командует миллиардами Америки и Европы. Я говорю, я даже не имею в виду этот предпринимательский тип, потому что я, сознаюсь откровенно, не знаю, существует ли он, возможно, что он и есть на самом деле. Образ этого Мак-Аллана, как его набрасывает Келлерман, такой живой, что, кажется, видишь его перед собой. Я лично не знаю ни одного предпринимателя такого типа. Но я охотно верю, что это объясняется только моим недостаточным опытом, и посему мы можем вывести тип Мак-Аллана как новый (седьмой) тип современного предпринимателя.

Есть, однако, одно явление, которое становится тем более частым, чем более распространяются наши предприятия, которое чаще всего наблюдается в Соединенных Штатах, — это то, что можно было бы назвать великим предпринимателем, так как сверхпредприниматель звучит все-таки слишком гадко. Великие предприниматели — это люди, соединяющие в себе различные, обычно отдельные предпринимательские типы, которые одновременно являются разбойниками и ловкими калькуляторами, феодалами и спекулянтами, как мы это можем заметить у магнатов американских трестов крупного масштаба.

То же явление нашего времени представляет собою *коллективный предприниматель*: это коллегия капиталистических предпринимателей, которые в звании генеральных директоров стоят во главе гигантских предпри-

ятий, из которых каждый в отдельности выполняет особые функции и которые только в совокупности составляют целого или великого предпринимателя. Вспомните организации, владеющие нашими крупными электрическими предприятиями, нашими рудниками, нашими пушечными заводами.

Итак, достаточно пестра картина, являемая современным предпринимательством в его различных типах. И все же и для нашего времени, так же как и для доброго старого времени, можно будет найти во всех этих различных представителях современного экономического человека общие черты и иметь право говорить об однородном духе, господствующем над всеми ими. Конечно, в весьма различной степени, с совершенно разными оттенками, но этот дух в такой же мере будет иметь значение высококапиталистического, как мы в наших прежних наблюдениях нашли особый дух раннекапиталистической эпохи. Как же выглядит этот высококапиталистический дух? Какие общие черты наблюдаем мы в духовном строении современного экономического человека?

Я думаю прежде всего мы должны посмотреть:

I. Каков идеал, каковы центральные жизненные ценности, на которые современный экономический человек ориентируется. И тут мы немедленно же натываемся на странный сдвиг в отношении человека к личным ценностям в более узком смысле, сдвиг, который, представляется мне, приобрел решающее значение для всего остального строения жизни. Я разумею тот факт, что *живой человек с его счастьем и горем*, с его потребностями и требованиями вытеснен из центра круга *интересов* и место его заняли две абстракции: *нажива* и *дело*. Человек, следовательно, перестал быть тем, чем он оставался до конца раннекапиталистической эпохи, — *мерой всех вещей*. Стремление хозяйствующих субъектов, напротив, направлено на возможно более высокую наживу и возможно большее *процветание дела*: две вещи, которые, как мы сейчас увидим, стоят в теснейшей неразрывной связи между собой. И отношение их друг к другу заключается в том, что предприниматели *хотят стремиться к процве-*

танию дела и должны осуществлять наживу (даже если они и не поставили ее сознательно своей целью).

То, что везде проявляется как живой интерес предпринимателя, далеко не всегда — и, несомненно, не у руководящих личностей, которые определяют собой тип, — есть стремление к прибыли. Я полагаю, что *Вальтер Ратенау*, безусловно, прав, когда однажды сказал: «Я никогда еще не знал делового человека, для которого заработать было главным в его профессии, и я хотел бы утверждать, что тот, кто привязан к личной денежной наживе, вообще не может стать крупным деловым человеком» (229). То, к чему, напротив, всегда ближе всего лежит сердце предпринимателя, есть нечто совсем другое, то, что целиком его наполняет, есть интерес к своему делу. Это выразил опять-таки *Вальтер Ратенау* в классической форме следующими словами:

«Предмет, на который деловой человек обращает свой труд и свои заботы, свою гордость и свои желания, — это его предприятие, как бы оно ни называлось: торговым делом, фабрикой, банком, судоходством, театром, железной дорогой. Это предприятие стоит перед ним как живое, обладающее телом существо, которое в своей бухгалтерии, организации и фирме имеет независимое хозяйственное существование. У делового человека нет другого стремления, как только к тому, чтобы его дело выросло в цветущий, мощный и обладающий богатыми возможностями в будущем организм...» (230).

То же самое говорят почти в тех же словах все предприниматели наших дней там, где они высказывались о «смысле» своей деятельности.

Но мы должны отдать себе ясный отчет в том, что *процветание «дела»*, т. е. капиталистического предприятия, всегда начинающегося с денежной суммы и всегда ею кончающегося, связано с *приобретением чистого излишка*. Успех дела может, очевидно, означать только хозяйство с излишком. Без прибыли нет процветания дела. Фабрика может изготавливать самые дорогие или самые дешевые продукты, качество ее продуктов могло доставить ей мировую славу, но если она длительно работает с не-

благоприятным балансом, она в капиталистическом смысле — неудавшееся предприятие. Если это создание, на процветание которого направлены все мысли и стремления, если капиталистическое предприятие должно расти и цвести, оно должно давать прибыль: процветать — значит приносить доход (231).

Вот что я имел в виду, когда я только что сказал, что предприниматель *хочет* процветания своего дела и *должен* хотеть наживы.

Постановкой такой цели — и в этом вся штука — конечная точка стремлений предпринимателя отодвигается в бесконечность. Для наживы точно так же, как и для процветания какого-нибудь дела, *нет никаких* естественных границ, как их, например, ставило всякому хозяйству прежде «соответствующее положению в обществе содержание» лица. Ни в *каком, хотя бы самом* дальнем, *пункте общий доход не может возрасти так высоко, чтобы можно было сказать: довольно.* И если в каком-нибудь пункте развития расширение дела не способствовало бы более усилению его процветания, то всесторонность современного предпринимательства позаботится о том, чтобы к одному делу присоединилось другое и третье. Вследствие этого мы можем в наше время наблюдать как тенденцию, присущую стоящему на вершине успеха предпринимателю, не только стремление к экспансии одного дела, но столь же сильное *стремление к основанию вновь других дел.*

Анализируя стремление современного предпринимателя, мы всегда натываемся на род технического принуждения. *Часто он не хочет идти дальше по пути, но он должен хотеть.* Об этом свидетельствуют многочисленные заявления значительных личностей.

«Всегда мы надеемся, — говорил однажды *Карнеджи,* — что нам не нужно будет далее расширяться, но постоянно мы вновь находим, что откладывание дальнейшего расширения означало бы шаг назад» (232).

Когда *Рокфеллера* спросили, что побудило его к созданию трестовых предприятий, он ответил: «Первым основанием к их учреждению было желание соединить наш

капитал и наши возможности, чтобы на место многих мелких дел поставить одно дело некоторой величины и значения (to carry on a business of some magnitude and importance in place of the small business that each separately had therefore carried on). Когда прошло некоторое время, — продолжает он, — и выяснились возможности дела, мы нашли, что нужно больше капитала, нашли и нужных людей, и необходимые суммы капитала и учредили «Standard Oil Co» с капиталом в 1 000 000 ф. стерл. Позднее мы выяснили, что еще больше капитала может быть прибыльно вложено... и увеличили наш капитал до 3 500 000 ф. стерл. Когда дело расширилось... в него было вложено еще больше капитала: цель оставалась все та же: расширять наше дело, поставляя самые лучшие и самые дешевые продукты (the object being always the same: to extend our business by furnishing the best and cheapest products» (233). Характер мономании проявляется в этом ответе Рокфеллера с великолепной ясностью: капитал нагромождается на капитал, *потому что (!) дело растет*. «Расширение дела» — вот руководящая точка зрения. *Дешевизна и доброкачественность производства — средства к этой цели*.

И еще заявление немца (д-ра *Штроусберга*): «По общему правилу, однако, клин клином вышибают, и, таким образом, крупное железнодорожное строительство, как я его вел, повлекло за собой появление дальнейших требований. Чтобы удовлетворить их, я расширил свой круг деятельности, все более удалялся от своего первоначального плана, и это дало мне столько надежд, что я уже совершенно отдался своему делу» (234).

Большинству предпринимателей что-нибудь другое, кроме этого (для извне стоящего наблюдателя совершенно бессмысленного) *стремления к экспансии*, пожалуй, даже в голову не приходит. Если их спросишь: к чему же, собственно, должны служить все эти стремления? — то они с удивлением взглянут на вопрошающего и ответят несколько раздраженно: *это ведь само собою разумеется, это ведь необходимо для процветания хозяйственной жизни, этого требует хозяйственный прогресс*.

Если исследовать, что же за ассоциация идей может скрываться под этими, большей частью в весьма общей форме высказываемыми и довольно стереотипными оборотами речи, то находишь, что они под «хозяйственным подъемом» или «прогрессом» разумеют расширение того, что бы можно было назвать хозяйственным аппаратом, т. е. как бы совокупность или сущность содержания всей предпринимательской деятельности: *усиление производства — выпуск все больших количеств товаров по самым дешевым ценам — колоссальные цифры сбыта — колоссальные цифры оборота — самый быстрый транспорт благ, людей и известий.*

Для безучастного наблюдателя полученный ответ не менее бессмыслен, чем само стремление к бесконечности, которое он ранее наблюдал и о разумных основаниях которого он спрашивал. Если, следовательно, не удовлетвориться еще и этим ответом, потому что ощущаешь потребность вложить в бессмыслицу все же какой-нибудь смысл, если держаться того мнения, что, в конце концов, все же что-нибудь вроде жизненной ценности должно составлять основу всех этих стремлений (хотя бы она и не проходила в сознание самих действующих лиц, хотя бы она только дремала в глубине их души как инстинкт), так или иначе целые поколения не больных духовно, но весьма сильных духом людей не могли бы быть одушевлены одним и тем же стремлением, — если начать на собственный страх анализировать психику современного экономического человека, то в своих исследованиях натыкаешься на... *ребенка*. В действительности мне представляется, что душевная структура современного предпринимателя так же, как и все более заражаемого его духом современного человека вообще, лучше всего становится нам понятной, если перенестись в мир представлений и оценок ребенка и уяснить себе, что побудительные мотивы деятельности у наших кажущихся более крупными предпринимателей и у всех истинно современных людей те же самые, что и у ребенка. Последние оценки у этих людей представляют собою необыкновенное сведение всех духовных процессов к их самым простейшим эле-

ментам, являются полным упрощением душевных явлений — суть, следовательно, род возврата к простым состояниям детской души.

Я хочу обосновать это воззрение.

Ребенок имеет четыре элементарных комплекса ценностей, четыре «идеала» господствуют над его жизнью:

1) чувственная *величина*, воплощенная во взрослом человеке и далее в великане;

2) *быстрое движение*: в быстром беге, в пускании волчка, в кружении на карусели осуществляется для него этот идеал;

3) *новое*: он бросает игрушку, чтобы схватить другую, начинает дело, чтобы оставить его незаконченным, так как другое занятие его привлекает;

4) *чувство могущества*: он вырывает ножки у мухи, заставляет собаку показывать ее штуки и «апортировать» (еще и еще раз), пускает змея в воздух.

Эти — и, если мы точно проверим, *только* эти — идеалы ребенка и заключены во всех специфических современных представлениях о ценностях.

Именно:

1. *Количественная оценка*. В центре всякого интереса ныне стоит — в этом не может быть никакого сомнения — *восхищение всякой измеримой и весомой величиной*. Везде господствует, как это выразил один глубоко мыслящий англичанин (Брайс): «a tendency to mistake bigness for greatness» (*тенденция принимать внешнюю величину за внутреннюю*), как мы вынуждены перевести, так как немецкий язык, к сожалению, не обладает соответствующим словом ни для «bigness», ни для «greatness». В чем заключается величина, безразлично: это может быть число жителей города или страны, высота памятника, ширина реки, частота самоубийств, количество перевозимых по железной дороге пассажиров, число людей, принимающих участие в исполнении симфонии, или что-нибудь еще. Предпочтительнее всего восхищаются, правда, *величиной какой-нибудь денежной суммы*. В денежном выражении нашли к тому же удивительно удобный путь — обращать почти все не допускающие

сами по себе меры и веса ценности в количества и тем самым вводить их в круг определений величин. Ценно теперь уже то, что дорого стоит.

И теперь можно сказать: эта картина, это украшение в два раза ценнее другого. В Америке, где мы, конечно, всегда можем лучше всего изучать этот «современный» дух, потому что здесь он достиг своей, пока самой высокой, ступени развития, поступают коротко, без обиняков: просто ставят денежную стоимость на подлежащий оценке предмет, тем самым обращая его без дальнейшего в допускающую меру и вес величину.

«Видели вы уже 50 000-долларового Рембрандта в доме г. Х?» — это часто задаваемый вопрос. «Сегодня утром 500 000-долларовая яхта Карнеджи вошла в такую-то гавань» (газетная заметка).

Кто привык оценивать только количество какого-нибудь явления, тот будет склонен сравнивать между собою два явления, чтобы измерить одно другим и приписать большему высшую ценность. Если *одно из двух явлений за определенный промежуток времени делается больше другого, то мы называем это «иметь успех»*. Склонность к измеримым величинам имеет, следовательно, в качестве необходимо сопровождающего явления высокую оценку успеха. Современный деловой человек тоже оценивается по своему успеху. А *иметь успех всегда значит: опередить других, стать больше, совершить больше, иметь больше, чем другие: быть «большим»*. В стремлении к успеху заключен, следовательно, тот же момент бесконечности, что и в стремлении к наживе: оба дополняют друг друга.

О каких своеобразных психических процессах идет речь в сдвигах ценностей, совершаемых нашим временем, показывает, быть может, яснее всего отношение современного человека к *спорту*. В нем его, по существу, интересует только еще один вопрос: *кто будет победителем в состязании? кто совершит неизмеримо высшее количество действия?* Число, количественное соотношение между двумя действиями, выражается посредством пари. Можно ли представить себе, что в греческой палест-

ре держались пари? Или разве это было бы мыслимо в испанском бое быков? Конечно, нет. Потому что и там и тут с художественной точки зрения — т. е. именно с чисто качественной, так как оценка количественная невозможна, — оценивалось и оценивается в высшей степени персональное действие отдельных индивидов.

2. *Скорость* какого-нибудь события, чего-нибудь предпринятого интересует современного человека почти так же, как и массовый характер. Ехать в автомобиле «со скоростью 100 километров» — это именно и представляется с современной точки зрения высшим идеалом. И кто сам не может двигаться вперед с быстротою птицы, тот радуется читаемым им цифрам о какой-нибудь где-нибудь достигнутой скорости; так, например, что *скорый поезд между Берлином и Гамбургом снова сократил время* своего переезда на десять минут; что новейший гигантский *пароход прибыл в Нью-Йорк на три часа раньше*; что теперь письма получают уже в 1/2 8-го вместо 8-ми; что газета смогла принести (может быть, ложное) известие о войне уже в 5 часов пополудни, тогда как ее конкурентка вышла с ним только в 6, — все это интересует странных людей наших дней, всему этому они придают большое значение.

Они создали также своеобразное понятие, чтобы запечатлеть в своей душе и своей памяти быстрейшие в каждом данном случае действия в качестве высших ценностей; это понятие, также находящее себе применение в сравнении количеств, которому действительность вполне соответствует лишь тогда, когда в одном действии *соединяются и величина, и скорость*: понятие *рекорда*. Вся мания величины и вся мания скорости нашего времени находят себе выражение в этом понятии рекорда. И я не считаю невероятным, что историк, который должен будет через пару столетий изобразить наше время, в котором мы ныне живем, озаглавит этот отдел своего труда: «*Век рекорда*».

3. *Новое* возбуждает любопытство людей нашего времени, потому что оно ново. Сильнее всего, если это явление «еще никогда не было». Мы называем впечатление,

производимое на людей, сообщением нового, лучше всего еще «небывалого», *сенсацией*. Излишне приводить доказательства того факта, что наше время в высшей степени «жадно к сенсации». Современная газета есть ведь одно сплошное доказательство этого. Характер наших увеселений (перемена танцев каждую зиму!), моды (смена всех стилей за десять лет!), радость от новых изобретений (воздухоплавание!) — все решительно свидетельствует об этом сильном интересе к новому, гнездящемся в психике современных людей и побуждающем их постоянно снова стремиться к новому и искать его.

4. *Позыв к могуществу*, который я бы обозначил как четвертый признак современного духа,— это радость от того, что имеешь возможность показать свое превосходство над другими. Это в конечном счете сознание в слабости, вследствие чего это чувство и составляет, как мы видели, важную часть детского мира ценностей. Человек истинного внутреннего и природного величия никогда не припишет внешнему могуществу особенно высокой ценности. Для Зигфрида могущество не имеет привлекательности, но оно имеет ее для Миме. Бисмарк, несомненно, никогда особенно не заботился о той власти, которой он естественным образом пользовался, в то время как у Лассаля не было более сильного стремления, чем стремление к власти. Король *имеет* власть, поэтому она для него — небольшая ценность; мелкий торговец с польской границы, который заставляет короля, потому что тот нуждается в его деньгах, ждать в передней, греется в лучах своего могущества, потому что ему его внутренне недостает. Предприниматель, который командует 10 000 людей и радуется этой власти, похож на мальчика, который беспрерывно заставляет свою собаку апортировать. А если ни деньги, ни какое-нибудь другое внешнее средство принуждения не дает нам непосредственной власти над людьми, то мы удовлетворяемся гордым сознанием, что покорили стихии. Отсюда детская радость нашего времени от новых, «делающих эпоху» «изобретений», отсюда необыкновенное восхищение, например, «покорением воздуха» аэротехникой.

На человека, которому

«врождено,
Что его чувство стремится ввысь и вперед,
Когда над нами, потерянный в голубом пространстве,
Жаворонок поет свою звучную песню...»,

на него не произведет слишком большого впечатления, когда теперь в воздухе трещат бензиновые моторы. Истинно великое поколение, которое трудится над разрешением глубоких проблем души человеческой, не будет чувствовать себя великим от того, что ему удалось несколько технических изобретений. Оно будет пренебрегать такого рода внешним могуществом. А наша эпоха, лишенная всякого истинного величия, тешится, как дитя, именно этим могуществом и переоценивает тех, кто им владеет. Вследствие этого ныне выше всего стоят во мнении массы изобретатели и миллионеры.

Возможно, что у предпринимателя, стремящегося совершить свое дело, все эти идеалы носятся перед глазами более ясно или более расплывчато. Но все они для него воплощаются, приобретают для него осязательную форму все же только в ближайшей цели, на достижение которой направлено его стремление: в величине и процветании его дела, которые ведь всегда составляли для него необходимую предпосылку, чтобы осуществить какой-нибудь из этих общих идеалов. Итак, направление и меру его деятельности как предпринимателя дают стремление к наживе и интерес дела. Какою сложится под влиянием этих сил деятельность современного предпринимателя?

II. Деятельность. По видам ее деятельность современного капиталистического предпринимателя в ее основных чертах та же, что и прежде,— он должен завоевывать, организовывать, вести переговоры, спекулировать и калькулировать. Но все же в видимом характере его деятельности могут быть указаны перемены, которые происходят от изменения участия различных отдельных ее проявлений в совокупной деятельности.

В наше время, очевидно, приобретает все большее и большее значение в общей деятельности предпринима-

теля функция «*торговца*» — если мы, как и выше, будем употреблять это слово в смысле человека, ведущего переговоры. Деловые успехи все больше зависят от мощной силы внушения и умелости, с которой заключаются многочисленные договоры. Узлы все больше приходится развязывать, и их нельзя так часто разрубать, как прежде.

Затем все более важной для предпринимателя становится умелая *спекуляция*, под которой я разумею здесь совершение биржевых операций. Современное предприятие все более втягивается в биржевую спекуляцию. Образование треста, например, в Соединенных Штатах означает, в сущности, не что иное, как превращение производственных и торговых предприятий в биржевые предприятия, благодаря чему, следовательно, и для руководителя производственного и торгового предприятия возникают совершенно новые задачи, преодоление которых требует и новых форм деятельности.

Калькуляция становится все более утонченной и — как вследствие ее усовершенствования, так и вследствие расширения ее объема — все более трудной.

Наконец, деятельность современного предпринимателя становится все многостороннее, пока еще не появилось то функциональное деление, о котором была речь выше, именно в той мере, как расширяется предприятие, «комбинированное» из всех отраслей хозяйственной жизни.

Но решающе новым в деятельности современного экономического человека является все-таки изменение, которое испытали *размеры* его деятельности. Так как отпало всякое естественное ограничение стремления, так как требования живого человека, количество подлежащих переработке благ не ставят преград деятельности предпринимателя, эти размеры стали «безмерными», «безграницными». *Non sunt certi denique fines*^{65*}. Положительно это означает, что трата энергии у современного экономического человека как экстенсивно, так и интенсивно повышается до границ возможного для человека. Всякое время дня, года, жизни посвящается труду. И в

течение этого времени все силы до крайности напрягаются. Перед глазами каждого стоит ведь картина этих до безумия работающих людей. Это общий признак этих людей, будь они предпринимателями или рабочими: они постоянно грозят свалиться от переутомления. И вечно они в возбуждении и спешат. Время, время! Это стало лозунгом нашего времени. Усиленное до бешенства движение вперед и гонка — его особенность; это ведь общеизвестно.

Известно также, как этот избыток деловой деятельности расслабляет тела и искушает души. Все жизненные ценности приносятся в жертву Молоху труда, все порывы духа и сердца отдаются в жертву одному интересу: делу. Это опять-таки искусно изобразил нам *Келлерманы* в своей книге «Туннель», когда он в заключение говорит о своем герое, который раньше был пышущей жизнью силой, цельной натурой: «Создатель туннеля — он стал его рабом. Его мозг не знал более никакой иной ассоциации идей, как только машины, типы вагонов, станции, аппараты, числа, кубические метры и лошадиные силы. Почти все человеческие ощущения в нем притупились. Один только друг оставался еще у него, это был Ллойд. Они оба часто проводили вечера вместе. Они сидели тогда в своих креслах и — *молчали*».

Особенно ясно проявляется эта расшатанность духовной жизни в современном экономическом человеке, когда речь идет о зерне естественной жизни: об отношении к женщинам. Для интенсивного воодушевления нежными любовными чувствами у этих людей так же недостает времени, как и для галантной игры в любовь, а способностью к большой любви, к страсти они не обладают. Обе формы, которые принимает их любовная жизнь, — это либо полная апатия, либо короткое внешнее опьянение чувств. Либо им совершенно нет никакого дела до женщин, либо они удовлетворяются внешними наслаждениями, которые может дать продажная любовь. (В какой мере в этом своеобразном и вполне типичном отношении экономического человека к женщинам играет роль природное расположение, нам придется проверить в другой связи.)

III. *Деловые принципы*, естественно, соответственно тому сдвигу, который испытала цель хозяйства, также проделали перемену. Ныне хозяйственное поведение современного предпринимателя подчиняется преимущественно следующим правилам:

а) вся вообще деятельность подчиняется наивысшей, по возможности *абсолютной рационализации*. Эта рационализация с давних пор была составной частью капиталистического духа, как мы это установили в ходе этого исследования. Она издавна выражалась в планомерности, целесообразности ведения хозяйства. Но то, что отличает в этом отношении современный капиталистический дух от раннекапиталистического, — это строгое, последовательное, безусловное проведение рациональных деловых принципов во всех областях. Последние остатки традиционализма истреблены. Современного экономического человека (каким он всегда в наиболее чистом виде проявляется в американском предпринимателе) воодушевляет воля к единственно рациональному устройению хозяйства, и он обладает и решимостью осуществить эту волю, следовательно, применить всякий наиболее совершенный метод, будь то метод коммерческой организации или счетоводства или производственной техники, *потому что он самый рациональный*, что, естественно, с другой стороны, означает, что он, не стесняясь какими бы то ни было трудностями, оставит старый метод в тот момент, когда он узнает о существовании лучшего;

б) хозяйство направлено на *чистое производство благ для обмена*. Так как высота достигнутой прибыли есть единственная разумная цель капиталистического предприятия, то решающее значение относительно направления производства благ имеют не сорт и доброкачественность изготавливаемых продуктов, но исключительно их способность к сбыту. *Чем* достигается наибольшая выручка, понятно, безразлично. Отсюда безразличие современного предпринимателя как в отношении производства низкосортных товаров, так и в отношении фабрикации суррогатов. Если скверными сапогами достига-

ется больше прибыли, чем хорошими, то изготавливать хорошие сапоги значило бы погрешать против духа святого капитализма. То, что ныне в некоторых отраслях производства (химическая промышленность!) началось движение, стремящееся к «повышению качества», так же мало доказывает что-нибудь против правильности только что выраженной мысли, как, например, старание владельца магазинов способствовать продаже более дорогих сортов при помощи раздачи премий приказчикам. Это, напротив, только доказывает, что в подобных случаях капиталистический интерес (прибыли) начал двигаться в направлении производства продуктов более высокого качества или сбыта более ценных предметов. В тот момент, когда предприниматель бы убедился, что это благоприятствование вышестоящим по качеству товарам принесло бы ему убыток, он, конечно, немедленно снова стал бы изготавливать или сбывать менее доброкачественный товар. Да это, в сущности, представляется само собою понятным, как только мы согласимся взглянуть на мир глазами капиталистического предпринимателя.

Так как размеры сбыта определяют высоту прибыли и так как — мы это видели — стремлению к наживе присуще стремление как можно больше расширять возможности получения прибыли, то деятельность современного предпринимателя с неизбежной необходимостью направлена на непрерывное увеличение сбыта, к которому и потому еще лежит его сердце, что оно представляет ему многочисленные преимущества в борьбе с конкурентами. Это судорожное стремление к расширению области сбыта и увеличению количества сбыта (являющееся самой мощной движущей силой в современном капиталистическом механизме) создает затем ряд деловых принципов, которые все имеют одну цель — побудить публику покупать.

Я назову из них важнейшие:

в) *покупателя отыскивают и нападают на него*, если так можно сказать; принцип, который так же естественно присущ всему современному ведению дела, как

он — мы видели — был чужд всему прежнему, даже и раннекапиталистическому, ведению дела. Цель, которую потом преследуют, — это возбудить у покупателей: 1) внимание, 2) желание купить. Первое осуществляет тем, что им как можно громче кричат в уши или возможно более яркими красками бьют в глаза. Второго пытаются достигнуть тем, что стремятся внушить покупателям убеждение в необыкновенной доброкачественности или необыкновенной выгоды цены сбываемого товара. Излишне указывать, что средством к достижению этой цели является реклама. Излишне распространяться также и о том, что ни с чем не считающееся преследование этой цели должно уничтожить всякое чувство благопристойности, вкуса, приличия и достоинства.

Что современная реклама в конечном счете в эстетическом отношении отвратительна, в нравственном — бесстыдна, это ныне — слишком само собою разумеющийся факт, чтобы его приходилось подкреплять хотя бы одним словом доказательства. Здесь также, несомненно, не место рассуждать о положительной или отрицательной ценности рекламы. Нужно было только указать на нее как на характерную черту в общей картине современного ведения хозяйства;

г) *к наивысшему возможному удешевлению* производства и сбыта стремятся для того, чтобы привлечь публику действительными выгодами. Это стремление ведет к многочисленным присущим нашей хозяйственной жизни приспособлениям и обыкновениям, перечислять которые здесь также не место, так как ведь речь для нас идет только о том, чтобы выяснить *принципы* ведения хозяйства. Мы видели, как весь раннекапиталистический хозяйственный образ мыслей был не расположен к дешевым ценам, как в нем действовало правило: на немногих делах много заработать. В противность этому ныне выставляется другая цель: на многих делах понемножку заработать, что выражается в руководящем правиле, господствующем над нынешней хозяйственной жизнью во всех отраслях: большой оборот — малая польза;

д) *свободы локтей* требуют, чтобы иметь возможность беспрепятственно достичь поставленных стремлением к наживе целей. В этой свободе локтей заключена, *во-первых*, формальная свобода — иметь возможность делать или не делать то, что считают необходимым в интересе дела. Не хотят никакого ограничения ни правом, ни обычаем; не хотят никакого ограждения других хозяйствующих субъектов, но хотят иметь право убить конкуренцией всякого другого, если того требует собственный интерес (зато отказываются от защиты самих себя); не желают, чтобы государство или, например, представительство рабочих принимало участие в составлении договоров об условиях труда. Ко всякой «связанности» прежнего времени относятся с отвращением. Свободное проявление собственной силы одно должно решать хозяйственный успех.

Во-вторых (материально), в требовании свободы локтей заключена идея совершенно *ни с чем не считающейся наживы*. С ее господством признается первенство ценности наживы над всеми другими ценностями. Связей какого бы то ни было рода, сомнений какого бы то ни было рода — нравственных, эстетических, сердечных — больше не существует. Мы говорим тогда: человек действует «беззастенчиво» в выборе средств.

Что такое *ни с чем не считающаяся нажива*, нам лучше всего ныне показывает поведение больших американских трестов. В последнее время описания проделок «The American Tobacco Company» снова в особенно яркой форме вызвали перед глазами картину деловой практики беззастенчивых предпринимателей, не получившей еще такого всеобщего применения в Германии и в Европе вообще. Мы узнали тут, что значит не считаться более ни с чем и не оставлять ни одного пути непройденным, если он обещает вести к цели. Чтобы приобрести новые области сбыта, трест продавал все изделия по бросовым ценам. Посредникам-торговцам он давал самые крупные скидки. Известные, излюбленные марки подделывались, и малоценные фабрикаты продавались в фальшивой упаковке. Возникавшие иногда процессы трест вследствие своего финансового перевеса над противником умел зата-

гивать так долго, пока противник тем временем не разорился. И мелкую торговлю трест прибирал к рукам, открывая просто в удобных местах конкурентные предприятия, которые «выбрасывали» товар до тех пор, пока старая, коренная лавка не вынуждалась к закрытию. Трест, наконец, монополизировал и закупку сырья, и по этому поводу дело дошло потом до войны с табачными плантаторами в Кентукки. Когда в 1911 г. с табачным трестом было поступлено по закону Шермана, судья, объявивший приговор, заявил: «Вся кампания треста против независимых была измышлена и проведена с достойной удивления хитростью, осторожностью и утонченностью. На поле конкуренции *всякое человеческое существо*, которое вследствие своей энергии или своих способностей могло причинить тресту неприятности, *безжалостно откидывалось в сторону*».

Законченным типом беззастенчивого, «smart» делового человека был скончавшийся несколько лет назад *Эдуард Г. Гарримэн*, о деятельности которого распространилась такая посмертная слава (235): «Тайна (его) победы заключалась в полном освобождении от соображений морального порядка. Если бы Гарримэн не освободился от всяких нравственных сомнений, то он тотчас же споткнулся бы на первых ступенях своего развития в большого спекулянта. Он начал с того, что свернул шею тому человеку, который открыл ему врата железнодорожного рая; а второй этап этой славной карьеры начался с грубой кампании против Моргана. Тот, правда, обратил потом на пользу самому себе способности своего противника. Ликвидация отношений с Гиллем тоже не стояла под знаком нравственных колебаний. И присоединение к группам Стандарт-Ойл также произошло посредством акта насилия. Но вещи, которые строгий судья нравов занесет в дебет Гарримэну, принадлежат к неизменному составу американской спекуляции. С ней нужно считаться, как с данной величиной: существо же таких факторов исчерпывается тем, что они неизменны. Дела Гарримэна с New-York Life Insurance National City Bank, выдача высоких дивидендов, которые добывались только путем вы-

пуска облигаций, искусные уловки в книгах — это вещи, от которых строгого моралиста дрожь пробирает. Американский спекулянт легко скользит по такого рода явлениям; а законодатель должен ограничиваться тем, что проявляет добрую волю к их устранению».

К великим победителям на ристалище современного капитализма имеет, пожалуй, общее применение то, что еще недавно сказали о Рокфеллере, что он «умел с почти наивным отсутствием способности с чем бы то ни было считаться, перескочить через всякую моральную преграду». Сам Джон Рокфеллер, мемуары которого являются превосходным зеркалом почти детски-наивного представления, резюмировал будто бы однажды свое *credo* в словах, что он готов платить своему заместителю миллион содержания, но тот должен (конечно, наряду со многими положительными дарованиями) прежде всего «не иметь ни малейшей моральной щепетильности» и быть готовым «беспощадно заставлять умирать тысячи жертв».

Человек, который сам себя считал за очень «отсталого» предпринимателя в этом отношении, потому что был слишком «добродушным», имел «слишком много сомнений», — Вернер Сименс увещевал однажды своего брата Карла вести дело «*smartly*» (разумно — *англ.*) следующими словами: «Будь только всегда строгим и ни с чем не считайся. Это необходимо в таком большом деле. Раз ты начнешь считаться с частными отношениями, ты попадешь в лабиринт претензий и интриг» (письмо от 31 марта 1856 г.).

IV. *Мещанские добродетели.* Что случилось с ними, которых мы считали такими существенными составными частями в построении капиталистического духа? Имеет ли прилежание, бережливость, благополучие — *industry, frugality, honesty* — еще и ныне какое-нибудь значение для создания образа мыслей капиталистического предпринимателя? На этот вопрос не следует слишком категорически отвечать утвердительно, но также не следует отвечать отрицательно. Потому именно, что то положение, которое ныне эти «добродетели» занимают в

общем строении хозяйства, принципиально иное, чем каким оно было в раннекапиталистическую эпоху. Эти понятия, правда, перестали быть существенными и необходимыми добродетелями капиталистического предпринимателя; но этим они отнюдь не утратили своего значения для определения характера ведения хозяйства. Они только вышли из сферы личного проявления воли и сделались вещественными составными частями делового механизма. Они перестали быть качествами живых людей и сделались вместо этого объективными принципами ведения хозяйства.

Это звучит странно и нуждается в объяснении. Я изложу для каждой из названных добродетелей в отдельности то, что я имею здесь в виду.

В те времена, когда дельные и верные долгу деловые люди восхваляли молодому поколению *прилежание* как высшую добродетель имеющего успех предпринимателя, они должны были стараться как бы вбить в инстинктивную жизнь своих учеников твердый фундамент обязанностей, должны были пытаться вызывать у каждого в отдельности путем увещания личное направление воли. И если увещание приносило плоды, то прилежный деловой человек и отрабатывал путем сильного самообуздания свой урок. Современный экономический человек доходит до своего неистовства совершенно иными путями: он втягивается в водоворот хозяйственных сил и уносится им. Он не культивирует более добродетель, а находится под влиянием принуждения. Темп дела определяет собою его собственный темп. Он так же не может лениться, как рабочий у машины, тогда как человек с инструментом в руках сам решает, хочет ли он быть прилежным или нет.

С еще большей ясностью проявляется объективизация «добродетели» *бережливости*, так как здесь *частное ведение хозяйства предпринимателя совершенно отделяется от ведения хозяйства его предприятия*. Это последнее подчинено ныне принципу *бережливости* в большей степени, чем когда бы то ни было раньше. «Расточительность должна быть подавляема и в самом малом — это не

мелочь, потому что она представляет собою разъедающую болезнь, которая не поддается локализации. Есть большие предприятия, существование которых зависит от того, разгружаются ли наполненные землею тачки до чиста или в них остается на лопату песку» (236). Известна скряжническая бережливость, которую применяет Рокфеллер в ведении дел Standard Oil Company: капли металла, падающие при запаивании бидонов, собираются и снова используются; мусор во дворах, перед тем как его увозят, внимательно исследуется; маленькие ящики, в которых привозится цинк из Европы, продаются цветочным торговцам в городе или идут на топливо (237). Но в этом фанатизме бережливости частное хозяйство самих предпринимателей участия не принимает. Ни во дворцах *Вальтера Ратенау* (у которого было заимствовано приведенное выше мнение), ни у *Рокфеллера* посетитель не почует духа Бенджамина Франклина, «frugality» ни взыскательность, ни умеренность не украшают более стола наших богатых предпринимателей. Даже если мужья еще и продолжают жить в старомещанском стиле, то жены, сыновья и дочери заботятся о том, чтобы роскошь, довольство и великолепие сделались элементами буржуазного образа жизни. Правда, стиль ведения хозяйства будет еще и ныне у богатого буржуа «мещанским», как его обосновал *Альберти*: не давайте никогда расходам превысить доходы, — дал он на дорогу своим ученикам как высшую мудрость. И считайте! В обоих отношениях всякий истый буржуа следует этому великому учителю. И это всегда будет отличать его и его хозяйство от сеньора и хозяйства сеньора, в котором деньги презирались.

Наконец, коммерческая «солидность». Кто усомнится, что «солидное» ведение дела еще и ныне — и ныне, может быть, больше, чем когда бы то ни было, — представляет необходимую составную часть практики всякого крупного предпринимателя? Но опять-таки поведение предпринимателя как человека совершенно отделено от поведения предприятия. Правила «солидности» — это ныне комплекс принципов, которые должны регулировать не личное поведение хозяйствующего субъекта, а смену де-

ловых отношений. «Солидный» коммерсант *может* лично быть безусловно низко стоящим в моральном отношении человеком; характеристика «солидности» относится исключительно к мыслимому отдельно от него ведению дела. Оно как бы отделено от личного поведения руководителя дела и подчиняется совершенно особым законам. Это дело солидно, говорим мы: оно как *таковое имеет репутацию* солидности, может быть, в течение ряда поколений. Мы совершенно не знаем его владельцев; оно, быть может, товарищеское предприятие, может быть, совершенно безличное акционерное общество с меняющимися директорами во главе, личную нравственность которых нельзя проверить, да и не нужно проверять. *Репутация «фирмы»* ручается за ее характер. Мы можем особенно ясно проследить этот сдвиг понятия солидности из сферы личных свойств характера и его перенесение на деловой механизм, когда речь идет о кредитоспособности предприятия. Если прежде доверие к солидности, например, банка покоилось на уважении к старым «патрицианским» семьям, то ныне положение банка в деловом мире и у публики определяется главным образом величиною вложенного капитала и резервов. Что эти крупные дела ведутся «солидно», предполагается — разве что будет открыт их мошеннический характер — само собою разумеющимся. Значит, и здесь тот же самый процесс «овеществления», который мы имели возможность наблюдать относительно других «мещанских добродетелей».

Это все, конечно, действительно только в отношении крупных предприятий. Для среднего и мелкого предпринимателя продолжает и ныне иметь значение то, что мы могли установить для прежних времен капитализма. Здесь мещанские добродетели еще и ныне представляют составную часть свойств характера самого предпринимателя, здесь они, как личные добродетели, все еще являются необходимой предпосылкой хозяйственного преуспеяния. Но высококапиталистический дух в своей чистоте является нам все-таки только в больших предприятиях и их руководителях.

Этими последними рассуждениями я, однако, уже коснулся проблемы, которую до сих пор оставлял совершенно в стороне, потому что я хочу обсуждать ее в надлежащей связи,— проблемы, как и почему капиталистический дух сложился так, а не иначе: каким причинам обязан он своим существованием и своей своеобразной формой, какие силы действовали при его построении? Эта проблема содержит вопрос об источниках капиталистического духа, и ответ на этот вопрос пытается дать следующая книга этого труда.

КНИГА ВТОРАЯ

ИСТОЧНИКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДУХА

ВВЕДЕНИЕ

Глава четырнадцатая

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема выяснения источников капиталистического духа, следовательно, ответ на вопрос, откуда капиталистический дух происходит, может прежде всего быть понимаема в том чисто внешнем смысле, что под нею разумеют внешнее появление капиталистического предпринимателя в стране (в которой он, например, ведет торговлю или где он, быть может, основывает предприятие), так что, например, устанавливают: капиталистический дух в Китае происходит от англичан, или: евреи принесли с собою капиталистический дух в Магдебург. В этом смысле, в котором она, следовательно, по существу, является исторической проблемой переселений, проблема возникновения капиталистического духа здесь ставиться не будет. Здесь, напротив, должны быть поставлены вопросы: как возник в душах людей капиталистический хозяйственный образ мыслей? Что вызвало к жизни в хозяйствующих субъектах определенной эпохи тот дух, который побудил их проявлять те стремления, развивать те способности, следовать тем принципам, с которыми мы познакомились как с составными элементами буржуазного духа; что обусловило появление однажды и потом все снова и снова, в каждом поколении вновь, хозяйствующих субъектов с определенным направлением идей и с определенной духовной структурой, с определенной волей и возможностями?

Тут, правда, я должен заметить, что многие люди в только что формулированной здесь проблеме вовсе не ус-

матривают никакой проблемы, потому что они считают само собою разумеющимся, что капиталистический дух создается самим капитализмом, так как они в самом этом духе не думают видеть ничего субстанционального, а только функцию хозяйственной организации. Против этого воззрения я бы возразил, что оно принимает как «само собою разумеющееся», как «данное», то, что им, несомненно, совсем не является; что оно провозглашает догму там, где речь идет о приведении доказательств. Конечно, представляется возможным, что хозяйственный образ мыслей имеет свой корень в хозяйственном устройстве — мы будем иметь случаи во многих местах находить в качестве источника капиталистического духа самый капитализм, — но, что эта причинная зависимость имеет место, это же должно быть всегда раньше установлено в каждом отдельном случае совершенно так же, как всегда должно быть раньше указано, *чем и как* хозяйственная система определяюще влияет на духовное строение хозяйствующих субъектов.

И опять-таки есть люди, которые, правда, признают, что возникновение капиталистического духа (как и всякого другого хозяйственного образа мыслей) составляет проблему, но которые считают, однако, разрешение ее путем научного познания невозможным. Так, еще недавно один не лишенный способностей молодой ученый отверг все попытки вскрыть источники капиталистического духа как принципиально ошибочные в следующих словах (238):

«Дух капитализма и группирующийся вокруг него современный буржуазный жизненный стиль, т. е. заключающиеся в этих ходячих терминах мысли, суть не более как над-исторические, чрезвычайно плодотворные вспомогательные представления. Подобно тому как можно говорить о развитии, об истории понятий нравственности, главные стадии которой, однако, уже не озарены более светом основанной на памятниках истории, — так, правда, и бережливость, трезвый эгоистический интерес и все лежащие в основе капиталистического духа психические свойства (?) проделали известное развитие, *но это*

их образование не доступно более нашему историческому познанию; мы можем, самое большее, описать, как богато наделенный возможностями хозяйственной деятельности и нужным для этого строем души homo sapiens реагировал, когда экономические и (!) общественные условия освободили в нем те свойства, которые мы обозначаем как капиталистический дух».

Справедливо в этих воззрениях, без сомнения, замечание, что зачатки каких-либо душевных состояний «не озарены светом основанной на памятниках истории». Это значит требовать невозможного, если историки хотят от нас, например, выяснения «на основании источников» влияния, оказанного на развитие капиталистического духа пуританизмом (239). Об этом, конечно, не может быть и речи. О чем только и может идти речь, это приблизительно о том, что *Фейхтвангер* в приведенном месте считает «в лучшем случае» достижимым и что я несколько иными словами определил бы так: мы можем установить, какие — естественные или иные — данности *могли* вызвать к жизни известные проявления духа и, *вероятно*, вызвали их. При этих установлениях в нашем распоряжении в качестве источника познания имеются в основе наши же внутренние, собственные переживания. Мы можем — еще несколько точнее — проводить различие между душевными *предрасположениями*, которые мы должны рассматривать как необходимые предпосылки каких бы то ни было душевных *проявлений*, и какими-либо внешними обстоятельствами и событиями, которые из этих предрасположений вызвали к действию известные стремления, воззрения и навыки. Для такого рода исследований можно даже выставить некоторые совершенно бесспорные правила, которые прежде всего способствуют познанию нами того, чего мы *не должны* рассматривать как источник известного хозяйственного образа мыслей. Недопустимо, например, считать особое национальное предрасположение причиной (условием) известного душевного проявления, которое мы в равной мере наблюдаем у различных народов; невозможно сводить какое-нибудь проявление капиталистического духа

к источнику, который появится только позднее: жизненные воззрения XV столетия, несомненно, не могут выводиться из религиозных учений XVII столетия; явление совершенно так же не может проистекать из источника, который, как достоверно известно, никогда не находился с ним ни в какой связи: капиталистический дух в Германии XIX столетия не может рассматриваться как отпрыск пуританских и квакерских религиозных воззрений.

Для правильного истолкования соотношений необходимо, однако, далее, чтобы мы отдали себе ясный отчет в следующих фактах:

1) что происхождение отдельных составных элементов капиталистического духа должно быть, очевидно, совершенно различное благодаря *различию характера самих этих составных элементов*. Мне сдается, что причина спора вокруг нашей проблемы заключается в своей большей части в том, что не уяснили себе с надлежащей точностью, как принципиально различны отдельные проявления капиталистического духа по своей природе и как принципиально различно вследствие этого складывается задача, смотря по тому, желают ли вскрыть источник того или иного составного элемента.

То, с чем мы ознакомились как с существом капиталистического духа, суть именно, с *одной стороны*, психические состояния, которые происходят вне всякого сознания: то, что мы можем обозначить как «естественные побуждения», когда, например, речь идет о предпринимательском духе в его первоначальном значении или о жажде наживы, о стремлении к деятельности, о страсти к разбою и т. д.; то, что обычно обозначают также, как инстинктивные действия, инстинктивные способности.

Что эти «инстинкты» у имевших успех предпринимателей с давних пор играли крупную роль, согласно подчеркивается всеми знатоками дела, и каждый может найти этому подтверждение в собственном наблюдении. «Если бы захотели вывести следствие, что ум в материальных вещах, умелость в выделке, быстрое схватывание посредством учета и дипломатическая находчивость

составляют существо делового человека, то это определение не охватило бы крупнейших представителей своего рода. Ум и энергия всегда приводят к успехам, но эти успехи постоянно обгоняются другими, которые приписывают счастью, или условиям времени, или беззастенчивому грабительству: и несправедливо (N.B. несомненно не во всех случаях, но часто. — В. З.), потому что они принадлежат фантазии (и даже не ей одной, но сложному, не поддающемуся анализу состоянию психики). Существуют натуры, обладающие даром предвидения, которые в этих, правда, материальных, но не поддающихся никакой калькуляции областях предвидят развитие грядущих десятилетий, их потребности и средства к их удовлетворению. Без размышления, с таким строением духа, которое вновь творит существующее и создающееся во вторичном, отраженном процессе творения, они видят состояние торговых сношений, производства, обмена товаров, каким его определяют и изменяют его внутренние законы, и избирают бессознательно по этому предвидению свои решения и свои планы» (240).

Это совпадает приблизительно с тем, что нам сообщает *Фридрих Гентц* (в письме к Адаму Мюллеру) о Ротшильдах: «Они простые, невежественные евреи, вполне приличного внешнего вида, в своем ремесле только эмпирики, без какого бы то ни было чутья высших отношений между вещами, но одаренные достойным удивления инстинктом, который побуждает их всегда выбирать верное, а из двух верных всегда лучшее. Их огромное богатство, безусловно, — создание этого инстинкта, который толпа обычно называет счастьем. Глубокомысленные рассуждения Баринга... внушают мне, с тех пор как я видел все это вблизи, меньше доверия, чем здоровый взгляд одного из более умных Ротшильдов».

Так же судит и *Генрих Гейне* о Джеймсе Ротшильде: «Своеобразная способность у него — это дар наблюдательности, или инстинкт, с помощью которого он умеет если не оценивать, то все же отыскивать способности других людей в любой сфере».

С другой стороны, капиталистический дух проявляется в определенном складе характера, которому соответствуют определенные принципы ведения хозяйства, определенные мещанские добродетели.

Или опять-таки мы имеем перед собою познания, добытые путем обучения, как навыки в счетоводстве, в ведении дел, в установлении порядка производства и т. п.

Этот различный основной характер отдельных сторон капиталистического духа в вопросе о его возникновении получает двойное значение. Прежде всего образ проявления в душе отдельных черт его различен в этих различных составных частях: естественное побуждение, инстинктивная способность заранее даны, они в крови у человека; они могут только либо быть подавлены, зачехнуть, остаться неиспользованными, либо быть возбуждаемы, развиваемы, поддерживаемы.

Природе двух других составных элементов соответствует тот признак, что их черты приобретаются и, по общему правилу, через обучение: одна сторона образования, склад характера, есть дело воспитания, другая, склад ума, есть дело преподавания.

В основе различен у разных составных элементов капиталистического духа также и способ их перенесения с одного лица на другое, с одного поколения на другое, и именно вследствие того, что первая категория в самом тесном смысле связана с живой личностью, которая, самое большее, может ободряюще действовать на других своим примером, но всегда уносит с собой в могилу эти проявления капиталистического духа. Инстинкты и таланты не могут нигде быть накоплены вне живого человека; каждая отдельная личность, хотя бы они развивались в течение тысячи лет, опять начинает сначала, тогда как добродетели и навыки могут быть отделены от отдельных личностей и объективированы в системы учений.

Эти системы учений остаются и тогда, когда отдельный человек умирает: в них рожденный позднее находит запечатленным опыт ранее живших поколений, из которого он сам может извлечь пользу. Учение может как угодно долго оставаться без последователей: если только оно

как-нибудь записано, оно через ряд поколений может внезапно вновь пустить корни в читателе. Как моральные учения, так и учения опыта допускают свободное передвижение во времени и пространстве. Последние отличаются от первых только тем, что их содержание растет с каждым поколением, так как опыт, технические способности и т. п. накапливаются, тогда как про какое-нибудь этическое учение можно сказать только в ограниченном смысле, что оно извлекает пользу из опыта другого, прежнего.

После всего сказанного становится, надеюсь, вполне очевидным, что форма возникновения различных составных частей капиталистического духа совершенно различна.

2) мы должны, прослеживая источники капиталистического духа, уяснить себе, что условия его возникновения также в основе различны, *смотря по эпохам капиталистического развития*. Главным образом и здесь следует помнить о различии между эпохой раннего капитализма и эпохой высокоразвитого капитализма. Если захотеть кратко и выразительно охарактеризовать различное положение, которое занимал в прежнюю и занимает в нашу эпоху хозяйствующий субъект, то можно сказать: в эпоху раннего капитализма предприниматель делает капитализм, в эпоху высокоразвитого капитализма капитализм делает предпринимателя. Нужно помнить, что при зарождении капитализма капиталистические организации представляют собой еще совершенно единичные явления, что они во многих случаях еще только создаются некапиталистическими людьми; что запас познаний и опыта в них незначителен, что они еще должны быть только приобретены, испытаны, собраны; что в начальный период средства к ведению капиталистического предприятия добываются только с трудом, что основы договорной системы еще только должны быть заложены путем медленного внедрения понятий солидности и доверия. Насколько больше произвола в состоянии и насколько больше свободной инициативы должен проявлять отдельный предприниматель. Нынешняя капиталистиче-

ская организация — это, как метко выразился *Макс Вебер*, огромный космос, внутри которого рождается отдельная личность и который для нее, по крайней мере как для отдельной личности, является данным как фактически не могущее быть измененным обиталище, в котором она должна жить^{66*}. Он навязывает отдельному лицу, поскольку оно вплетено в отношения рынка, нормы его хозяйственного поведения. Отдельному лицу противостоит еще и огромная гора навыков, которые грозят раздавить его; методы бухгалтерии, учета, заработной платы, организации производства, техники дела и т. д. так утонченны, что одно только их применение составляет значительный труд, и в то же время они сами давно уже далее разрабатываются специалистами для выгоды, капиталистического предпринимателя.

При таких разных условиях «возникает», следовательно, капиталистический дух некогда и ныне!

Все эти различия должны, само собою разумеется, быть приняты во внимание, если мы хотим дать хотя бы только сносное разрешение нашей проблеме.

Чтобы упорядочить в собственном мышлении и в целях изложения огромный материал, который так богато притекает к исследователю, что ему часто приходится бояться задохнуться в нем, нам открыты два пути: либо мы можем выяснить по порядку причины возникновения отдельных составных частей капиталистического духа, т. е. мы сначала исследуем, что породило жажду золота, затем — что способствовало развитию предпринимательского духа в его разных формах проявления, наконец, что привело к возникновению мещанских добродетелей и т. д., или же мы можем исследовать различные комплексы причин в отношении их многообразных следствий.

Первый путь ведет с необходимостью к беспрестанным повторениям и вследствие этого является утомительным. Я избираю поэтому второй, который значительно богаче разнообразием и — хотя и обходными путями (которые ведь часто составляют главное очарование путешествия) — так же верно ведет к цели.

Последующее распределение материала должно быть, следовательно, понимаемо так, что в первом отделе я стремлюсь установить те биологические основы, на которых строится *вся* история капиталистического духа. Признанная способной к принятию капиталистического духа разновидность рода человеческого проникается капиталистическим духом и проявит его в той мере — будь то через влияния извне, будь то путем отбора, — поскольку оказывают влияние известные моральные силы (отдел второй) и поскольку приобретают влияние известные социальные условия (отдел третий). Задача, которую мы ставим себе в отделах втором и третьем, заключается в том, чтобы выяснить, как путем извне идущего влияния из наличного человеческого материала образуются индивиды с капиталистическим направлением духа. И мы будем прослеживать все воздействия, которые в этом смысле оказывает определенный комплекс причин, с возникновения его действия и до сегодняшнего дня и будем прослеживать эти воздействия по всем направлениям капиталистической сущности равномерно. Мы найдем особенную привлекательность в том, что увидим, как исключительно многообразны могут быть и были при возникновении капиталистического духа влияния того или иного фактора — названия глав от 15-й до 28-й указывают читателю их совокупность, — и увидим потом в конце, из сколь бесчисленных составных частей он образуется.

Отдел первый

БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Глава пятнадцатая

БУРЖУАЗНЫЕ НАТУРЫ

Заложено ли существо буржуазности в крови? Есть ли люди «от природы» буржуа, которые этим отличаются от других людей? Должны ли мы вследствие этого в особенной «крови», в особенной «природе» искать один из источников (или, быть может, *единственный* источник) капиталистического духа? Или какое вообще значение имеет характер «крови» в возникновении и развитии этого духа?

Чтобы найти ответ на эти вопросы, мы должны будем припомнить следующие факты и соотношения.

Без сомнения, все формы проявления капиталистического духа, как и все состояния души и психические процессы вообще, коренятся в определенных «предрасположениях», т. е. в первоначальных унаследованных свойствах организма, «в силу которых в нем заложена и предусмотрена способность и склонность к определенным функциям или предрасположенность к приобретению известных состояний» (241). Нерешенным может пока остаться вопрос, обладают ли биологические «предрасположения» к капиталистическому духу более общим характером, т. е. допускают ли они развитие в различных направлениях (и могут, следовательно, составить основу другого поведения, чем именно буржуазного), или же они с самого начала могут быть развиты только в единственном этом направлении. Если речь идет о психических «предрасположениях», то мы говорим также о «наклонностях психического поведения (представления, мышления, чувства, воли, характера, фантазии и т. д.). В более

широком смысле мы употребляем слово „предрасположение“ безразлично для хороших или дурных наклонностей, в более узком смысле мы разумеем «унаследованную способность к более легким, более быстрым и более целесообразным функциям психофизического, в особенности духовного характера».

Я утверждаю: то, что все формы проявления капиталистического духа, т. е. душевного строя буржуа, *покоятся* на унаследованных предрасположениях, не может подлежать сомнению. Это действительно в равной мере относительно явлений, носящих характер естественных побуждений, и относительно «инстинктивного» дарования, относительно мещанских добродетелей и относительно навыков; ко всему этому мы должны предполагать в качестве внутреннего основания душевную «склонность», причем может остаться нерешенным (ибо это не имеет значения для производящихся здесь исследований) вопрос, соответствуют ли и в какой мере и каким образом этим душевным «склонностям» телесные (соматические) особенности.

Безразлично также для разбирающегося здесь вопроса, как проникли в человека эти «наклонности»: «приобретены» ли они, и когда, и как; достаточно, что они в тот уже безусловно попадающий в свет истории момент времени, в который зарождается капиталистический дух, были присущи человеку. Важно только запомнить, что они в *этот исторический момент* были у него «в крови», т. е. сделались наследственными. Это действительно в особенности и относительно предрасположения к «инстинктивно» верным и метким действиям. Ибо если мы под инстинктами будем понимать также и накопленный опыт, который живет в подсознательной сфере, «ставшие автоматическими волевые и инстинктивные действия многих поколений» (*Вундт*), то решающее значение в их проявлении имеет все же то обстоятельство, что они должны быть сводимы к известным унаследованным и наследственным «предрасположениям», что, значит, именно они не могут быть мыслимы без укоренения в крови. Совершенно безразлично, касается ли дело пер-

вичных или вторичных (т. е. возникших только в общественной совместной жизни) инстинктов.

Вопрос, который мы должны теперь себе поставить, заключается в следующем: являются ли «наклонности» к состояниям капиталистического духа общечеловеческими, т. е. в равной мере свойственными всем людям. В *равной мере* уже ни в коем случае. Ибо *равно* предрасположенными люди не являются, пожалуй, ни в одной духовной области, даже и там, где дело касается общечеловеческих наклонностей, как, например, предрасположения научиться языку, которым обладают все здоровые люди. И оно у одного развито сильнее, у другого более слабо, как показывает опыт относительно ребенка, который то раньше, то позже, то легче, то с большим трудом научается родному языку, и как это особенно ясно проявляется при изучении иностранных языков.

Но и по роду своему, полагал бы я, «наклонности» к капиталистическому мышлению и хотению не принадлежат к общечеловеческим предрасположениям, но у одного они имеются, а у другого нет. Или по крайней мере они у отдельных индивидуумов имеются в такой слабой степени, что практически могут считаться несуществующими, тогда как другие обладают ими в такой ярко выраженной форме, что они этим резко отличаются от своих собратьев. Несомненно, многие люди обладают лишь ничтожно малым предрасположением к тому, чтобы сделаться разбойниками, организовать тысячи людей, ориентироваться в биржевых операциях, быстро считать и даже только к бережливости и распределению своего времени и вообще к сколько-нибудь упорядоченному образу жизни. Еще незначительнее, конечно, число людей, обладающих *многими* или *всеми* теми предрасположениями, из которых зарождаются различные составные части капиталистического духа.

Но если капиталистическая наклонность (как мы для краткости будем говорить) специфически или хотя бы только по степени различна от человека к человеку, то является правильным считать натуры с капиталистическими наклонностями, т. е. людей (вообще и в большей

степени), приспособленных к тому, чтобы быть капиталистическими предпринимателями, особенными «буржуазными натурами», «прирожденными» буржуа, какими они *являются*, даже если они никогда по своему положению в жизни *не становятся* буржуа).

Какого же рода, спросим мы теперь далее, эта специфическая предрасположенность этих экономических людей, какие своеобразные свойства крови присущи «буржуазной натуре?» При этом мы, конечно, имеем в виду возможно полное выявление буржуазного типа, т. е. такую натуру, которая обладает всеми или почти всеми наклонностями, необходимыми для проявления капиталистического духа.

В каждом законченном буржуа обитают, как нам известно, две души: душа предпринимателя и душа мещанина, которые только в соединении обе образуют капиталистический дух. Согласно этому я бы и в буржуазной натуре различал две различные натуры: натуру предпринимательскую и натуру мещанскую, что означает, повторим это лишний раз, совокупность предрасположений, душевных наклонностей, образующих предпринимателя, с одной стороны, мещанина — с другой.

1. Предпринимательские натуры

Чтобы иметь возможность с успехом выполнить свои функции, которые нам известны, капиталистический предприниматель должен быть, если мы будем иметь в виду его духовную предрасположенность, толковым, умным и одаренным (как бы я кратко обозначил эти различные предрасположения) человеком.

Толковым, т. е. быстрым в схватывании, понимании, острым в суждении, основательным в обдумывании и одаренным надежным «чутьем существенного», которое позволяет ему узнавать *Κατ'ὸς*, т. е. верный момент.

Большой «подвижностью духа» должен обладать, в частности, спекулянт, который образует как бы легкую кавалерию рядом с тяжелой конницей, представляемой

другими типами предпринимателей: *vivacité d'esprit et de corps*^{67*} всегда снова восхваляется у великих грюнде-ров. Быстрой способностью ориентироваться среди сложных рыночных отношений должен он обладать, подобно аванпосту, выполняющему службу разведки в бою.

Как особенно ценный дар самими предпринимателями указывается хорошая память: Карнеджи, который ею хвалится, Вернер Сименс, который думал, что не обладает ею (242).

Умным, т. е. способным «узнать свет и людей». Уверенным в суждении о людях, уверенным в обращении с ними; уверенным в оценке любого положения вещей; хорошо знакомым прежде всего со слабостями и пороками своих окружающих. Постоянно нам называют это духовное свойство как выдающуюся черту больших коммерсантов. Гибкостью, с одной стороны, силой внушения — с другой должен обладать главным образом вступающий в договоры.

Одаренным, т. е. богатым «идеями», «выдумками», богатым особого рода фантазией, которую *Вундт* называет комбинаторной (в противоположность интуитивной фантазии, например художника).

Богатой одаренности дарами «интеллекта» должна соответствовать полнота «жизненной силы», «жизненной энергии» или как бы мы еще ни называли это предрасположение, о котором мы знаем только, что оно составляет необходимую предпосылку всякого «предпринимательского» поведения: оно порождает охоту к предпрятию, *охоту* к деятельности и затем обеспечивает проведение предприятия, предоставляя в распоряжение человека необходимые *силы* для деятельности. Должно быть что-то требующее в природе, что выгоняет, что делает мукой праздный покой у печки. И что-то кряжистое — топором вырубленное — что-то с крепкими нервами. У нас ясно встает перед глазами образ человека, которого мы называем «предприимчивым». Все те свойства предпринимателя, с которыми мы ознакомились как с необходимыми условиями успеха: решительность, постоянство, упорство, неутомимость, стремительность к цели, вязкость, отвага

идти на риск, смелость — все они коренятся в мощной жизненной силе, стоящей выше среднего уровня жизненности (или «витальности», как мы привыкли говорить).

Скорее препятствие для деятельности предпринимателя представляет, напротив, сильное развитие наклонностей к чувству, порождающее обычно сильное предпочтение чувственных ценностей.

Итак, резюмируя, мы можем сказать: предпринимательские натуры — это люди с ярко выраженной интеллектуально-волюнтаристической одаренностью, которую они должны обладать сверх обычной степени, чтобы совершить великое, и с зачехнувшей чувственной и душевной жизнью (совсем тривиально!).

Можно с еще большей ясностью вызвать перед глазами их образ, выяснив контраст их с другими натурами.

Капиталистического предпринимателя там именно, где он как организатор совершает гениальное, сравнивали, пожалуй, с художником. Это представляется мне, однако, совершенно ошибочным. Они оба представляют собою резко отграниченные противоположности. Когда между ними обоими проводили параллель, то указывали главным образом на то, что оба должны были располагать в большей степени фантазией, чтобы совершить выдающееся. Но даже и здесь — как мы уже могли установить — их одаренность не одинаковая: виды «фантазии», о которых в том и в другом случае идет речь, не одни и те же проявления духа.

Во всем же остальном существе своем, представляется мне, капиталистические предприниматели и художники поят свои души из совершенно разных источников. Те целестремительны, эти целевраждебны; те интеллектуально-волюнтаристичны, эти полны чувства; те тверды, эти мягки и нежны; те знают свет, эти чужды свету; у тех глаза устремлены вовне, у этих внутрь; те поэтому знают *людей*, эти *человека*.

Так же мало, как и художникам, наши предпринимательские натуры родственны ремесленникам, рантье, эстетам, ученым людям, наслаждающимся жизнью, моралистам и т. п.

В то же время они, напротив, имеют много общих черт с полководцами и государственными людьми, которые — и те и другие, в особенности государственные люди, — в конечном счете ведь тоже приобретатели, организаторы и торговцы. В то же время отдельные дарования капиталистического субъекта хозяйства мы встречаем в деятельности шахматиста и гениального врача. Искусство диагноза дает способность не только излечивать больных, но в той же мере заключать успешные дела на бирже.

2. Мещанские натуры

Что и так же часто мещанин сидит в крови, что человек является «от природы» мещанином или все же склонен к тому, чтобы им стать, — это мы все представляем самым ясным образом. Мы осязаем совершенно ясно сущность мещанской натуры, нам знаком своеобразный аромат этой человеческой разновидности совершенно точно. И все же является бесконечно трудным, даже, может быть, невозможным при нынешнем состоянии исследования этой области, указать особые «наклонности», основные черты души в отдельности, которые предопределяют человека как мещанина. Нам придется поэтому удовлетвориться тем, что мы несколько более точно отграничим своеобразную мещанскую натуру и главным образом противопоставим ее натурам, покоящимся на иной основе.

Кажется почти, что отличие мещанина от немещанина выражает собою очень глубокое различие существа двух человеческих типов, которые мы в различных исследованиях всегда все-таки вновь находим как два основных типа человека вообще (или по крайней мере европейского человека). Именно люди бывают, как это, может быть, можно было бы сказать, либо отдающими, либо берущими, либо расточительными, либо экономными во всем своем поведении. Основная людская черта — противоположность, которая была известна уже древним и которой схоластики придавали решающее значение, — *luxuria*

или *avaritia*^{68*}. Люди или равнодушны к внутренним и внешним благам и отдают их в сознании собственного богатства *беззаботно*, или же они экономят их, берегут и ухаживают за ними *заботливо* и строго смотрят за приходом и расходом духа, силы, имущества и денег. Я попытаюсь отметить этим, пожалуй, ту же самую противоположность, которую *Бергсон* хочет выразить обозначениями *homme ouwert* и *homme clos*.

Оба эти основных типа: отдающие и берущие люди, сеньориальные и мещанские натуры (ибо само собою ведь разумеется, что один из этих основных типов я вижу в мещанской натуре) — стоят друг против друга как резкие противоположности во всякой жизненной ситуации. Они различно оценивают мир и жизнь: у тех верховные ситуации, субъективные, личные, у этих — объективные; вещные; те от природы — люди наслаждения жизнью, эти — прирожденные люди долга; те — единичные личности, эти — стадные люди; те — люди личности, эти — люди вещей; те — эстетика, эти — этика; как цветы, без пользы расточающие свой аромат в мир, — те; как целебные травы и съедобные грибы — эти. И эта противоположная предрасположенность находит затем выражение и в коренным образом различной оценке отдельных занятий и общей деятельности человека: одни признают только такую деятельность высокой и достойной, которая делает высоким и достойным человека как личность; другие объявляют все занятия равноценными, поскольку они только служат общему благу, т. е. «полезны». *Бесконечно важное различие жизнепонимания, отделяющее культурные миры друг от друга*, смотря по тому, господствуют ли те или другие воззрения. Древние оценивали с точки зрения личности, а мы — мещане — оцениваем вечно. В чудесно заостренной форме выражает *Цицерон* свое воззрение в словах: «*не то, сколько кто-нибудь приносит пользы, имеет значение, а то, что он собой представляет*» (243).

Но противоположностей все еще есть больше. В то время как немещане идут по свету, живя, созерцая, размышляя, мещане должны упорядочивать, воспитывать,

наставлять. Те мечтают, эти считают. Маленький *Рокфеллер* уже ребенком считался опытным счетоводом. Со своим отцом — врачом в Кливленде — он вел дела по всем правилам. «С самого раннего детства, — рассказывает он сам в своих мемуарах, — я вел маленькую книгу (я называл ее „счетной книгой“ и сохранил ее донине), в которую я аккуратно заносил мои доходы и расходы». Это должно было сидеть в крови. Никакая сила в мире не побудила бы молодого Байрона или молодого Ансельма Фейербаха вести такую книгу и — сохранить ее.

Те поют и звучат, эти беззвучны: в самом существе, но и в проявлении тоже; те красочны, эти бесцветны.

Художники (по наклонности, не по профессии) — одни, чиновники — другие. На шелку сделаны те, на шерсти — эти.

Вильгельм Мейстер и его друг Вернер: тот говорит как «дарящий королевства»; этот — «как подобает лицу, сберегающему булавку»; Тассо и Антонио^{69*}.

Тут нам, однако, как бы само собой напрашивается наблюдение, что различие этих обоих основных типов в последней глубине должно покоиться на противоположности их любовной жизни. Ибо ею, очевидно, определяется все поведение человека, как верховной, невидимой силой. Полярные противоположности на свете — это мещанская и эротическая натуры.

Что такое «эротическая натура», можно опять-таки только почувствовать, можно постоянно переживать, но вряд ли можно заключить в понятия. Быть может, слово поэта скажет нам это: «эротическая натура» — это *Pater Extaticus*, который ликующе восклицает:

Вечный пожар блаженства,
Пламенеющие узы любви,
Кипящая боль в груди,
Пенящееся наслаждение богов.
Стрелы, пронзите меня,
Копья, покорите меня,
Палицы, разможжите меня,
Молнии, ударьте в меня,

Чтобы ничтожное
Все улетучилось,
Сияла бы длящаяся звезда,
Вечной любви зерно...
Чтобы ничтожное все улетучилось...^{70*}

«Я страдал и любил, таков был в сущности образ моего сердца».

Все на свете ничтожно, кроме любви. Есть только одна длящаяся жизненная ценность: любовь.

В зерне — любовь полов, в ее излучениях — всякая любовь: любовь к Богу, любовь к людям (не любовь к человечеству). Все остальное в мире — ничтожно. И ни для чего на свете любовь не должна быть только средством. Ни для наслаждения, ни для сохранения рода. Наставление: «Плодитесь и размножайтесь» — содержит глубочайшее прегрешение против любви.

Эротической натуре одинаково далеки как нечувственная, так и чувственная натура, которые обе прекрасно уживаются с мещанской натурой. Чувственность и эротика — это почти исключаяющие друг друга противоположности. Мещанской потребности порядка подчиняются чувственные и нечувственные натуры, но эротические — никогда. Сильная чувственность может — будучи укрощенной и охраняемой — оказаться на пользу капиталистической дисциплине; эротическая предрасположенность противится всякому подчинению мещанскому жизненному порядку, потому что она никогда не примет заменяющих ценностей вместо ценностей любви.

Эротические натуры существуют чрезвычайно различных масштабов и столь же, конечно, различных оттенков: от святого Августина и святого Франциска с «прекрасной душой» идут они вниз бесконечными ступенями до Филины и проводящего свою жизнь в любовных приключениях будничного человека. Но даже и эти в существе своем коренным образом непригодны для мещанина...

И для развития мещанства в массовое явление имеют значение скорее обыкновенные натуры, чем превышающие обычную величину.

Хороший домохозяин, как мы это можем совершенно общо выразить, т. е. добрый мещанин, и эротик в какой бы то ни было степени стоят в непримиримом противоречии. В центре всех жизненных ценностей стоит либо хозяйственный интерес (в самом широком смысле), либо любовный интерес. Живут, либо чтобы хозяйствовать, либо чтобы любить. Хозяйствовать — значит сберегать, любить — значит расточать. Совершенно трезво высказывают эту противоположность древние экономисты. Так, например, *Ксенофонт* полагает (244):

«К тому же я вижу, что ты воображаешь, что богат, что ты равнодушен к наживе и в голове у тебя любовные дела, как будто бы ты это так мог себе позволить. Поэтому мне жалко тебя, и я боюсь, что тебе еще очень плохо будет житься и что ты попадешь в злую нужду».

«Хозяйкой мы сделали на основании подробного испытания ту особу, которая, как нам казалось, могла особенно соблюдать меру в отношении еды, питья, сна и любви».

«Не годны к хозяйствованию влюбленные».

Совершенно сходную мысль высказывает римский сельскохозяйственный писатель *Колумелла*, советуя своему хозяину: «держись подальше от любовных дел: кто им предается, тот не может думать ни о чем другом. Для него есть только одна награда: удовлетворение его любовной страсти, и только одно наказание: несчастная любовь» (245). Хорошая хозяйка не должна иметь никаких мыслей о мужчинах, а должна быть «*a viris remotissima*»^{71*}.

Все это здесь могло и должно было быть только намечено. Подробные изыскания породят более глубокие и широкие познания. Я не хотел оставить невысказанной мысль, что в конечном счете способность к капитализму коренится все же в половой конституции и что проблема «любовь и капитализм» и с этой стороны стоит в центре нашего интереса.

Для ответа на вопрос об основах капиталистического духа достаточно констатировать, что, во всяком случае, существуют особенные буржуазные натуры (скрещении предпринимательских и мещанских натур), т. е. люди,

предрасположение которых делает их способными развивать капиталистический дух быстрее других, когда на них воздействуют внешний повод, внешнее возбуждение, эти люди затем скорее и интенсивнее усваивают стремления капиталистического предпринимателя и охотнее принимают мещанские добродетели; они легче и полнее усваивают экономические способности, чем иные, чужеродные натуры. При этом, конечно, остается неизмеримо широкий простор для переходных ступеней между гениями предпринимательства и мещанства и такими натурами, которые являются совершенно пропащими для всего капиталистического.

Мы должны, однако, отдать себе отчет в том, что проблема, освещению которой здесь мы себя посвящаем, не исчерпывается вопросом, одарены ли как буржуа отдельные индивиды или нет. За этим вопросом встает, напротив, другой, более важный: как в крупных человеческих группах (исторических народах) представлены буржуазные натуры; многочисленнее ли, например, они в одних, чем в других; можем ли мы вследствие этого — так как мы ведь хотим объяснить развитие капиталистического духа как *массового явления* — различать народы с большей или меньшей способностью к капитализму, и остается ли это национальное предрасположение неизменным или может с течением времени — и благодаря чему — изменяться. Только когда мы ответим еще и на этот вопрос, обсуждению которого посвящена следующая глава, мы сможем иметь обоснованное суждение о биологических основах капиталистического духа.

Глава шестнадцатая

ПРЕДРАСПОЛОЖЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ НАРОДНОСТЕЙ

Рассуждения, приведенные нами в предыдущей главе, убедили нас, что каждому проявлению капиталистического духа должно соответствовать естественное, в крови заложенное предрасположение.

Обзор фактического развития, которое капиталистический дух пережил в течение европейской эпохи истории, привел нас к убеждению, что развитие это совершилось у всех народов, но что у различных народов ход его был различен, будь то по разнице в степени мощности или же в различной пропорции смешения находившихся налицо разных составных элементов капиталистического духа.

Отсюда мы можем вывести заключение, что, следовательно:

1. Все народы Европы обладают предрасположением к капитализму.

2. Различные народы обладают им в различной степени.

Точнее говоря, это положение вещей выражается в следующем: когда мы говорим: *народ* обладает предрасположением, то это означает, что в народе имеется налицо соответственно большее число человеческих типов (вариантов), которые со своей стороны обладают предрасположением, о котором идет речь.

Установленное нами только что означает, следовательно:

1. Все народы обладают предрасположением к капитализму, значит, в народах Европы в ходе их развития оказалось налицо достаточное количество капиталистических вариантов (как мы можем сокращенно говорить — вариантов, которые были способны проявить капиталистический дух), чтобы вообще повести к развитию капитализма.

2. Народы обладают этим предрасположением *в различной степени*, значит:

а) они обладают по отношению к данному количеству населения различными *количествами* капиталистических вариантов: «процентное отношение» этих последних, как мы обычно говорим, различной высоты, — или же и одновременно: отдельные варианты обладают предрасположением к капитализму в различной степени — *количественно* различное предрасположение;

б) характер их предрасположения различный: у одних народов больше вариантов, обладающих предрасположе-

нием к тому, у других — больше таких, которые предрасположены к иному составному элементу капиталистического духа — *качественно* различное предрасположение.

Как мы должны теперь — чисто биологически — представлять себе возникновение этих в равной мере имеющих налицо или различно распределенных капиталистических вариантов?

Исключается мнение, что предрасположение к капиталистическому духу было «приобретено» в ходе истории, т. е. что упражнение в капиталистических способах действия вошло с течением времени в кровь и вызвало здесь изменения организма. Против этого следует прежде всего возразить, что такая гипотеза противоречит принятому нами за несомненный факт, что ничего не может быть упражняемо, к чему уже заранее не имеется «предрасположения». Но если даже принять, что первое проявление имело место, несмотря на отсутствие предрасположения, то остается — по современному состоянию биологического исследования — все же невероятным, что это проявление привело к предрасположению (246). Мы должны были бы, следовательно, считаться с длительным применением во всей утонченности без имевшегося к тому предрасположения, что также противоречит всему современному знанию.

Мы принуждены, таким образом, принять предположение первоначального или, как мы могли бы его называть, *прапредрасположения народов*. Его мы можем представить себе в двояком виде: либо как одинаковое, либо как различное. Если мы предположим его одинаковым, то мы должны будем сводить все различия, которые образовались в ходе истории, к более сильному или более слабому, или неравномерному, упражнению первоначальных задатков и к соответствующему процессу отбора. В противном случае мы обойдемся без этой вспомогательной конструкции. Теоретически оба случая мыслимы. Факты исторической действительности говорят, однако, за то, что имело место *различное* прапредрасположение европейских народов, по крайней мере в тот исторический момент, относительно которого мы впервые

имеем заслуживающие доверия сведения о них. Предположение такого различия необычайно облегчает объяснение исторической смены событий, только путем его мы достигаем правильного понимания многих соотношений, вследствие чего за совершенным отсутствием основательных доказательств противного я кладу его в основу настоящего исследования.

Тогда получается примерно следующая картина.

Племена или народы, из которых составляется европейская семья народов, обладают капиталистическим предрасположением частью ниже, частью выше среднего уровня. Те народы, которые обладают им ниже среднего уровня, заключают в себе, правда, также капиталистические варианты (это мы должны предположить, так как нет народа, в котором капиталистический дух вообще не нашел бы развития), но в таком небольшом количестве и с такой незначительной силой предрасположения, что развитие капиталистического духа застревает в первых же зачатках. Народы, обладающие предрасположением выше среднего уровня, напротив, заключают многочисленные и хорошие капиталистические варианты, так что при прочих равных условиях капиталистический дух быстрее и полнее достигает развития. Насколько необходимым является предположение различного по силе первоначального предрасположения, становится ясным уже здесь: как же могло бы быть иначе объяснено, что народы с равными или почти равными условиями достигли таких совершенно различных степеней развития в отношении капиталистического духа. Ибо какое же различие условий развития существовало, например, между Испанией и Италией, между Францией и Германией, между Шотландией и Ирландией? Позднейшие исторические события в жизни этих стран нельзя причислять к условиям их развития, так как они сами опять-таки находят себе объяснение только в различном основанном предрасположении. Или станут отрицать, что каждый народ имеет то государство, ту религию, те войны, которых «он заслуживает», т. е. которые соответствуют его особенностям?

Совершенно так же *за* правильность нашего предположения первоначального различного предрасположения говорит то обстоятельство, что мы наблюдаем, как обладающие слабым или сильным предрасположением народы (наоборот) при различных внешних условиях жизни переживают одинаковые этапы развития. Это действительно и в отношении явственно высказывающегося среди обладающих сильным предрасположением народов различия *по характеру* их капиталистического предрасположения: и оно приводит при совершенно разнородных условиях к одинаковым по существу жизненным проявлениям.

К народам со слабым капиталистическим предрасположением я причисляю прежде всего *кельтов* и некоторые германские племена, как, например, готов (совершенно неприемлемо считать «германские» народы принципиально обладающими одинаковым предрасположением; они могут иметь некоторые общие основные черты, которые отличают их от совершенно иного характера народов, как, например, от евреев, но между собою они выказывают, в особенности что касается их хозяйственного предрасположения, необычайно крупные различия: я не знаю, какое может быть большее различие в предрасположении к капитализму, чем, например, между готами, лангобардами и фризами).

Везде, где кельты образуют большинство населения, дело вообще не доходит до настоящего развития капиталистического духа: верхний слой, дворянство, живет в широком сеньориальном стиле без всякой склонности к бережливости и мещанской добродетельности, а средние слои коснеют в традиционализме и предпочитают самое маленькое обеспеченное местечко неутомимой наживе. Кельты — горцы в Шотландии (247), главным образом шотландское дворянство: это рыцарское, любящее междоусобицы, несколько донкихотское племя, которое еще и ныне держится за свои древние традиции кланов и поныне почти не затронуто капиталистическим духом: the chief of the clan^{72*} чувствует себя еще и ныне старинным феодалом и ревниво оберегает свои фамильные драгоцен-

ности, когда ростовщики давно уже начали растаскивать его домашнюю утварь.

Кельты — это те ирландцы, недостаток «хозяйственности» в которых во все времена составлял предмет жалобы капиталистически настроенных судей. Те ирландцы, которые даже в вихре американской хозяйственной жизни по большей части сохранили свое размеренное спокойствие, и за океаном так же стремятся лучше всего спастись в безопасную гавань какой-нибудь службы. Кельты составляют сильную примесь к французскому народу, и представляется весьма правдоподобным свести ту склонность к рантьерству, ту «язву погони за должностями», с которой мы познакомились как с общепризнанной чертой французской народной души, к кельтской крови, которая течет в жилах французского народа. Происходит ли от этой крови и тот размах, тот «*élan*»^{73*}, который мы также встречали у французских предпринимателей чаще, чем где бы то ни было еще? Джон Лоу только во Франции нашел настоящее сочувствие своим идеям: было ли это кельтское в его натуре, которое принесло ему это сочувствие? Предки Лоу по отцу были *lowlander*'ы (евреи?), с материнской стороны он вел свое родословное древо от дворянских фамилий горцев (248).

Кельтов мы, наконец, находим как составную часть смешанного из них — иберов (совершенно некапиталистического народа, который был даже чужд очарованию, оказываемому золотом на все почти народы) и римлян, туземного народа, который вестготы нашли, когда они заселили Пиренейский полуостров (249). Это они и *готы* задерживали, наверное, развитие капиталистического духа после того, как мощь его исчерпала себя в ряде героических и полных приключений походов за добычей. Все лица, помогавшие распространению капитализма в Испании и Португалии, не принадлежали, наверное, ни к одному из этих обоих племен, а были еврейской или маврской крови.

Но нас интересуют больше, чем народы слабо предрасположенные, европейские *нации с сильным капиталистическим предрасположением.*

Среди них опять ясно различают две группы: те народы, которые обладали особенными задатками к насильственному предпринимательству крупного размаха, к разбойничеству, и те, способности которых относились, напротив, к успешной мирной торговой деятельности и которые имели также (вследствие или по крайней мере в связи с этим предрасположением) склонность к мещанству. Я назову первую группу народами героев, а вторую — народами торговцев. Что эти противоположности были не «социальной природы», как это предполагают без проверки во всех подобных случаях наши фанатики «среды» (так как ведь *никакие* различия не *должны* корениться в крови, ибо иначе никак нельзя было бы осуществить в *будущем* возлюбленного идеала равенства), обнаруживает взгляд, брошенный на историю этих народов. Она учит нас, что расположение общественных слоев никоим образом не может служить основанием для различного направления духа, так как оно в большинстве случаев само является результатом совместной жизни тех обоих противоположно предрасположенных народов; она учит нас также и тому, что народы торговцев никогда ни в одном социальном слое не создавали героев (в самом широком смысле), само собой разумеется, только в ту эпоху западноевропейской истории, в которую они вступают со своим твердо установившимся национальным характером.

К народам героев, которые, следовательно, даже в мир хозяйства вносили черты героизма, насколько это возможно, которые давали тех вполне или наполовину военных предпринимателей, так часто встречавшихся нам в эпоху раннего капитализма, принадлежат прежде всего *римляне*, которые ведь для Италии, частей Испании, Галлии, Западной Германии являются важной составной частью национального тела. То, что нам известно о характере их коммерческой деятельности, носит вполне черты насильственного предприятия, покоится всецело на мысли, что и хозяйственный успех должен быть завоеван главным образом мечом.

«Союз римского и тесно к нему примыкавшего в чужих странах итальянского купечества распространился ско-

ро на самые значительные пункты в зависимых (!) землях, в Африку и Нумидию, в Грецию и на Восток. Везде они образовали особую *привилегированную компанию*, которая давала чувствовать свое *политическое (!)* и хозяйственное превосходство не только на чужбине, но отраженным образом и на родине. Неоднократно республика должна была предпринимать поход, потому что с римскими купцами за границей случилось что-нибудь неприятное, даже когда они бывали неправы» (250).

Здесь также следовало бы напомнить о той оценке, которую древние давали различным видам предприятия: она та же самая, которая впоследствии появляется у англичан и французов: *the shipping merchant* считается членом «общества», потому что он больше воин, чем торговец, а настоящий «торговец», *the tradesman, the marchand* — нет. Цицерон в своем часто цитируемом отзыве о приличии одной и неприличии другой деятельности дал совершенное выражение внутренней противоположности *духа*, одушевляющего оба вида предприятия, говоря: «крупную торговлю, охватывающую целые страны и доставляющую товары с мирового рынка, чтобы распределять их между жителями, *не обманывая их и не заговаривая им зубы*, отнюдь не следует совершенно отвергать» (251). «Не обманывая их и не заговаривая им зубы» — так переводит Отто Нейрат: «*sine vanitate impertiens*» — вольно, но метко. В моей терминологии: быть предпринимателем-завоевателем — это еще куда ни шло, но быть предпринимателем-торговцем — недопустимо для человека, который сколько-нибудь себя уважает.

К римлянам присоединяются затем некоторые из германских племен, очевидно одушевленные тем же духом: это прежде всего *норманны, лангобарды, саксы и франки*. Им, поскольку не римлянам, венецианцы и генуэзцы, англичане и немцы обязаны своим, будь то разбойничьим, будь то землевладельческим предпринимательством.

Но достичь настоящего понимания своеобразного предрасположения этих племен мы можем только путем сравнения их с такими народами, которые, правда, в такой же

степени, но иным образом были приспособлены к развитию капитализма: с *народами торговцев*, в которых, следовательно, прежде всего дремала способность делать приносящие выгоду дела путем мирного заключения договоров при помощи ловкого воздействия на противную сторону, но также и при помощи передававшегося из рода в род счетного искусства. Какие европейские народы развили главным образом эту сторону капиталистического духа, мы уже видели: это флорентийцы, шотландцы и евреи. Здесь речь идет о приведении доказательств того, что своеобразное проявление себя в действии у этих народов в историческое время *вероятно*, ибо выяснить больше, чем вероятность, нам не позволяет дошедший до нас материал доказательств, — должно быть сводимо к своеобразным первичным задаткам, которыми они или достигшие внутри их преимущественного господства элементы обладали уже при самом вступлении их в историю.

То, что сделало флорентийцев торговцами, более того — первым величайшим народом торговцев средневековья, это была текшая в их жилах *этрусская и греческая* (восточная) кровь.

Насколько этрусская природа через эпоху Рима сохранилась в жителях Тосканы, для выяснения этого мы лишены всякой возможности оценки. Согласно мнению хороших знатоков дела, именно город Флоренция будто бы только в значительной степени утратил свой этрусский характер (252). Что этрусская кровь важный составной элемент флорентийской крови — в этом нет никакого сомнения. А этруски (253) наряду с финикийцами и карфагенянами были как раз настоящим «торговым народом» древности, деловое поведение которого, насколько мы о нем знаем, было такое же, какое впоследствии отличало флорентийцев: центр тяжести их торговли, начиная с V, самое позднее — с IV столетия, лежал в мирной сухопутной торговле именно с севернее их живущими народами. Эту торговлю они продолжали и по колонизации страны римлянами, которые сами долгое время презирали всякую торговлю и позволяли туземному населению спокойно вести дальше привычную торговлю.

Общий дух этого народа торговцев лучшие знатоки характеризуют как рациональный, как «практический» по существу своему:

«Этим практическим духом проникаются с древнейших времен религиозные идеи... древняя фантазия... принуждается здесь быть последовательнее и заключается в более узкие рамки; создается обладающая тесной внутренней связью система... боги и люди соединяются в государство, и между ними заключается договор, в силу которого боги в постоянном общении с человеком предохраняют его и руководят им, но, случается, бывают также вынуждены уступить сильной человеческой воле. Из идей этого общения... образуется порядок общественной и обыденной жизни, который с достойной удивления последовательностью проводится и в, по-видимому, незначительных вещах и выражает принцип стремящегося к положительному народа: *что правило есть всегда самое лучшее*» (254).

Интересно также узнать, что этруски были в сильной степени церковно-религиозным народом (255), как впоследствии флорентийцы и как оба других торговых народа *par excellence*: шотландцы и евреи.

Над этруским слоем расположился в течение римской эпохи мощный слой *азиатов*, которые совершенно несомненно были исполнены того же духа, какой одушевлял этрусков, когда они в качестве торговцев пришли в Италию.

«Во Флоренции число греков или уроженцев Передней Азии было велико; из 115 надгробных памятников языческого времени 21 надпись носит 26 греческих имен, и среди 48 эпитафий, которые хранят для нас память о флорентийских христианах первого века, находятся девять на греческом языке; на другом памятнике, от которого сохранился лишь небольшой обломок, содержится греческая буква в единственном (латинском) слове, которое на нем есть; еще на одном погребенный обозначен по своей национальности как малоазиец... Явится, пожалуй, вполне правильным... отнести все эти записи... к переднеазиатским *торговцам* и их родным...» Еще другие ука-

зания имеются на «то значительное положение, которое греческий элемент занимал в флорентийской христианской общине...». «Еще во II столетии пресвитер (вопросал при крещении), на каком языке подвергающийся крещению будет исповедовать Христа, после чего один аколит^{74*}, держа в руках мальчика, возглашал символ по-латыни, а другой, держа девочку, *по-гречески*» (256).

Если справедлива гипотеза (257), что берега *Шотландии* заселены выходцами из Фрисландии, то это было бы превосходным подтверждением факта, что своеобразное предрасположение шотландцев есть первичное предрасположение. Ибо о *фризах* нам известно то, что они в самую раннюю эпоху считались «умными, ловкими торговыми людьми» (258). Нам следовало бы, значит, отыскивать в Англии влияние римско-саксо-норманнского, а в Нижней Шотландии — фризского национального элемента, и мы могли бы без всякой натяжки объяснить различие предрасположения этих обеих частей Великобритании, исходя из различных задатков, заложенных в крови.

Но фризы наложили печать своего характера еще на другой народ, о котором мы также знаем, что он сворачивает на путь торгашества и мещанско-счетного образа жизни: на *голландцев*, так что мы, пожалуй, с некоторым правом можем рассматривать фризов как специфический народ торговцев среди германских племен, рядом с которым потом становится на равном праве племя алеманнов, из которого произошел торгашеский народ швейцарцев.

В длинном ряде доказательств я полагаю, что установил несомненно тот факт, что особое предрасположение *евреев*, встречающееся нам в тот момент, когда они начинают оказывать решающее влияние на развитие капиталистического духа, т. е. примерно с XVII столетия, есть первичное предрасположение, по *крайней мере* в том смысле, в каком нас этот факт здесь исключительно интересует; что это предрасположение было таким же самым, когда евреи вступили в западноевропейскую историю. Я отсылаю читателя к изложению этого вопроса в моей

неоднократно упоминаемой мною книге «Евреи и хозяйственная жизнь» и заимствую оттуда вывод: евреи также народ торговцев по крови.

Таким образом, мы можем установить следующее, имеющее важное значение положение: капиталистический дух в Европе был развит рядом обладавших различным первичным предрасположением народов, из которых три выделяются как специфические народы торговцев среди остальных героических народов: это этруски, фризy и евреи.

Но первичное предрасположение есть, конечно, только исходная точка, от которой берет свое начало биологический процесс развития. Известно, что с каждым поколением задатки народа изменяются, так как в каждом поколении постоянно снова совершают свою преобразовательную работу две силы: *отбор и смешение крови*.

То, что можно выяснить возможно определенного об их воздействии в отношении нашей проблемы, сводится приблизительно к следующему.

У торговых народов процесс отбора наиболее жизнеспособных вариантов, т. е. обладающих большими способностями к торговле, совершается наиболее быстро и основательно.

Евреи едва ли и должны были производить какой-либо отбор: они представляют собою с самого начала уже почти сплошь специально воспитанный народ торговцев.

Флорентийцы были сильно смешаны с германской кровью, которая текла главным образом в жилах дворянства; пока оно задавало тон. Флоренция представляла собою картину вполне воинственного города. Мы наблюдаем потом с интересом, как во Флоренции раньше и позднее, чем где бы то ни было, вытравляются из национального тела враждебные господствующему типу элементы. Большая часть дворянства исчезла без внешних принудительных мер: мы знаем, что уже *Данте* оплакивает гибель многочисленных дворянских родов. А остальные были устранены принудительно. Уже в 1292 г. *popolani*, т. е. люди с кровью торговцев, добились того, чтобы никакой *grande* не мог попасть в члены городского управле-

ния. Это оказало на дворян двоякое действие: приспособляющиеся элементы отказываются от своего обособленного положения и заносят свои имена в списки dei arti^{75*}. Другие — как мы должны предположить, те варианты, в которых было слишком сильное сеньориальное самосознание, кровь которых противилась всякому торгашеству, — *эмигрировали*. Дальнейшая история Флоренции, все усиливающаяся демократическая окраска общественной жизни показывают нам, что уже с XIV столетия мещане были в своем собственном обществе.

Не менее основательно расправились в Нижней Шотландии с (кельтским) дворянством. С XV столетия оно быстро приходит в упадок благодаря «своей вечной нужде в деньгах и своему неумению их тратить» (259). Та часть, которой не было предназначено совершенно исчезнуть с земной поверхности, уже раньше удалилась в горы Верхней Земли. И с тех пор фризское торгашество имело подавляющее преобладание в сфере нижнешотландского народа.

Медленнее, но столь же неудержимо совершается отбор капиталистических разновидностей у остальных народов. Можно предположить, что он происходит в два приема. Сначала вытравляются некапиталистические разновидности, затем из капиталистических разновидностей отбираются варианты торговцев. Этот процесс отбора совершался по мере того, как из низших слоев народа наиболее способные достигали положения капиталистических предпринимателей. Ибо эти люди, происшедшие из ремесленной среды или из еще более глубоких низов, могли, как мы видели, перегнать других, в сущности, только благодаря своей умелости в торговле, своей экономности и прилежному ведению учета в хозяйстве.

В том же направлении, что и отбор, действовало *скрещивание крови*, которое начинается уже в средние века и с XVI столетия в таких странах, как Франция и Англия, приобретает все большее значение. Мы должны предположить существование такого закона, по которому при скрещивании сеньориальной и буржуазной крови последняя оказывается более сильной. Такое явление, как

личность Леона-Баттиста Альберти, иначе не поддавалось бы объяснению. Род Альберти был одним из знатнейших и благороднейших германских родов Тосканы; в течение столетий он заполнял свое существование воинственными предприятиями. Нам известны различные ветви этого рода (259а), из которых Контальберти являются самыми знаменитыми. Но и та ветвь, от которой произошел Леон-Баттиста, была в свое время гордой и могущественной: эти Альберти происходили из Каstellо в Вальдарно, они владели когда-то, кроме своего родового замка, замками Талла, Монтеджиови, Баджена и Пенна и родственны по крови благородным германским родам. Побужденные в партийной междоусобице, они переезжают (в XIII столетии) в город, где первый Альберти записывается еще в цех *guidici* (судей). А потом они становятся крупнейшими торговцами шерстью. И отпрыск такого рода пишет книгу, которая по своему глубоко и мелкошно мещанскому образу мыслей с трудом находит себе равных, в которой уже в XIV и XV столетиях обитает дух Бенджамина Франклина. Какие потоки торгашеской крови должны были влиться в благородную кровь этой дворянской семьи, чтобы сделать возможным такое превращение! У самого Леона-Баттисты мы можем «по источникам» выяснить это «замутнение» благородной крови: *он был внебрачным ребенком* и был рожден в Венеции. Следовательно, матерью его была, верно, женщина вполне «мещанского» класса, в жилах которой текла кровь торгашей из Бог знает какого рода.

Еще об одном обстоятельстве должно быть упомянуто, прежде чем мы закончим эту биологическую часть нашего изложения: следует напомнить о том, что *каждое умножение* капиталистических разновидностей вследствие самого своего появления с необходимостью означало усиление капиталистического духа. Что благодаря этому умножению он распространялся — экстенсивно, — само собой разумеется. Но благодаря этому одному только умножению разновидностей должна была иметь место и интенсификация этого духа, потому что благодаря ему проявление в действии становилось все легче и развитие ка-

питалистических задатков могло, следовательно, достигнуть все более высокой степени совершенства: взаимодействие отдельных разновидностей одного и того же предрасположения должно оказывать такое действие, так как возможности их развития тем самым с необходимостью умножаются.

Нам остается еще разрешить *чисто историческую* задачу. Нужно выяснить, каким влияниям следует приписывать развитие капиталистического духа, точнее, что это было такое, что вызывало развитие капиталистических задатков и что произвело описанный выше процесс отбора. Читатель усмотрит из оглавления, что я различаю две группы таких влияний; если угодно, внутренние и внешние, хотя это обозначение не вполне точно, так как и «внутренние» влияния проявляют свое действие благодаря возбуждению извне, и «внешние», в конце концов, не могут быть мыслимы без внутреннего душевного процесса. Все же «нравственные силы» действуют больше изнутри вовне, а «социальные условия» — больше извне вовнутрь.

Никакому отдельному рассмотрению не подвергаю я «естественные условия», т. е. те воздействия, которые могут быть сведены к стране, ее климату, расположению, богатствам ее недр. Поскольку мы должны предполагать подобные воздействия, они могут иметься каждый раз в виду при рассмотрении тех «социальных условий», которые сами, в свою очередь, являются результатом географических особенностей, как-то: особенные профессии, эксплуатация залежей благородных металлов, своеобразный характер техники.

А теперь, прежде чем мы простимся с щекотливой проблемой «биологических основ», скажем еще нижеследующее для утешения и успокоения многих скептически настроенных читателей.

Следующее за сим историческое описание сохраняет свою ценность (буде она вообще имеется) и для того, кто не вдается ни в какие биологические рассуждения. И даже тот теоретический исследователь среды, который объясняет возникновение «всего из всего», мо-

жет принять последующие объяснения. Именно в то время, как для нас, верящих в первенствующее значение крови, они раскрывают условия (влияния), которые вызывают развитие уже имеющихся задатков и производят отбор приспособляющихся разновидностей, верящий в преимущественную роль среды сможет предположить, что перечисленные мною исторические факты и создали (из ничего) капиталистический дух. Мы оба того мнения, что без совершенно определенного хода истории не развился бы никакой капиталистический дух. Мы оба, следовательно, придаем раскрытию исторических условий крупнейшее значение. Мы оба, следовательно, в равной мере заинтересованы в том, чтобы узнать, какого рода были эти исторические обстоятельства, которым мы обязаны возникновением и развитием капиталистического духа.

Отдел второй

НРАВСТВЕННЫЕ СИЛЫ

Глава семнадцатая

ФИЛОСОФИЯ

Если мы возьмем понятие этического ориентирования столь широко, что включим в его границы религиозные корни моральных оценок, то верховными нравственными силами, которым капиталистическая деятельность может быть обязана своим направлением и целью, окажутся (если мы, следовательно, отвлечемся от «народного обычая») философия и религия. Их воздействие на душу хозяйствующих субъектов, их содействие образованию капиталистического духа и должно составлять предмет дальнейшего изложения: сначала, значит, воздействие философии.

Кажется почти шуткой, когда в истории духа современного экономического человека в качестве одного из источников, которым питался капиталистический дух, указывают философию. И все же она, без сомнения, принимала участие в построении этого духа, хотя, конечно, — как это легко понять, — учения, воздействовавшие на души капиталистических предпринимателей, и были неудавшимися детьми великой матери. Это «философия здравого человеческого смысла», утилитаризм во всех его оттенках, который ведь в основе есть не что иное, как приведенное в систему «мещанское» мирозерцание, на которое, как мы видим, ссылается не один из наших достоверных свидетелей, с воззрениями которых мы познакомились. К утилитаристическому ходу мыслей можно свести большую часть капиталистического учения о добродетели и капиталистических хозяйственных правил. Как раз оба те человека, которые своими писаниями вво-

дят и заключают эпоху раннего капитализма, — Л.-Б. Альберти и Б. Франклин — чистокровнейшие утилитаристы по своим воззрениям. Будь добродетелен, и ты будешь счастлив — это руководящая идея их жизни. Добродетель — это хозяйственность, жить добродетельно — значит экономить душу и тело. Поэтому трезвость (у Альберти «la sobrietà» (l.c.p., 164), у Франклина «the frugality») есть высшая добродетель. Спрашивай всегда, что тебе полезно, — тогда ты будешь вести добродетельную, а это значит — счастливую жизнь. А для того чтобы знать, что тебе полезно, прислушивайся к голосу рассудка. Рассудок — великий учитель жизни. С помощью рассудка и самообладания мы можем достичь всего, что мы себе ставим целью. Итак, цель мудреца составляют полная рационализация и экономизирование образа жизни (260).

Откуда взяли эти люди такие воззрения: сами они — торговцы шерстью и типографщики, какими они были, — ведь не могли их выдумать. Что касается Бенджамина Франклина, то можно думать о влиянии на него одного из многочисленных эмпирико-натуралистических философских учений, которые в то время уже были в ходу в Англии. У кватрочентистов мы можем вполне ясно усмотреть влияние древних. Поскольку, следовательно, мы имеем в писаниях Альберти и других представителей того времени первые систематические изложения капиталистической мысли и поскольку, в свою очередь, содержание этих сочинений подверглось только что отмеченному влиянию древней философии, мы должны считать античный дух, и именно, отграничивая точнее, *позднейший античный дух*, одним из источников капиталистического духа.

Можно различным образом доказать, что между хозяйственными идеями итальянского раннего капитализма и воззрениями древних существует непосредственная связь. (Связь, установленную через посредство учений о церкви, я здесь, разумеется, не имею в виду.) Достаточно было почти напомнить, что в те времена «Rinascimento»^{76*} всякий, кто желал считать себя мало-мальски

образованным человеком, читал писателей древности и в своих собственных сочинениях всемерно примыкал к их учениям (261).

Но нам нет надобности удовлетворяться этим доказательством вероятности, так как мы имеем достаточно свидетельств того факта, что те люди, которые в это время в Италии писали о хозяйственных вещах и впервые систематически развивали капиталистическую мысль, были хорошими знатоками древней литературы. В книгах о семье *Альберти* ссылки на античных писателей очень часты. Он цитирует Гомера, Демосфена, Ксенофонта, Вергилия, Цицерона, Ливия, Плутарха, Платона, Аристотеля, Варрона, Колумеллу, Катона, Плиния; больше всего — Плутарха, Цицерона и Колумеллу.

Другой флорентийский купец кватроченто, *Джиов. Руччелли*, приводит свидетельства в пользу своих коммерческих правил из Сенеки, Овидия, Аристотеля, Цицерона, Соломона, Катона, Платона (262).

Само собою разумеется, что писатели по сельскому хозяйству, чинквеченто и семченто, на которых мы часто ссылались, все основывались на римских *scriptores rei rusticae*^{77*}.

Этим частым ссылкам соответствует и совпадение воззрений и учений с древними, которое мы можем наблюдать у наших флорентийских «экономических людей». Само собою разумеется, не следует представлять себе эту связь так, что они переняли системы древней философии как целое и отсюда развили логически свои воззрения. Это были ведь не философы, а люди практические, которые много читали и прочтенное связали теперь со своим собственным жизненным опытом, чтобы отсюда вывести правила для практического поведения.

Из руководящих идей позднейшей античной философии им пришлось больше всего по вкусу мысль, лежащая также и в основе стоицизма, — об естественном законе нравственности, согласно которому разуму подобает господство над природным миром влечений, — следовательно, идея рационализации всего образа жизни. Эту мысль, ведущую в глубины познания, которую мы, в

особенности в стоической философии, видим развитую в возвышенную систему мирозерцания и мирооценивания, понятно, сделали плоской, перегнув ее в том чисто утилитаристическом смысле, что наше высшее счастье проистекает из рационального, «целесообразного» устройства жизни. Все же в качестве основного тона учений такого Альберти и родственных ему по духу писателей оставалось это необыкновенно способствующее всему капиталистическому нравственное требование дисциплинирования и методизирования жизни. Когда *Альберти* не устает проповедовать преодоление страстной природы человека самовоспитанием, он не раз при этом ссылается на античные авторитеты (263). (Так, например, он заимствует у *Сенеки* мысль: «Reliqua nobis aliena sunt, tempus temen nostrum est». — Все остальные вещи изъяты из сферы нашего воздействия, но время принадлежит нам.)

Можно, если иметь это в виду, т. е. если выхватывать отдельные воззрения вне их связи с целой системой учения, придать плоский смысл всякому стоическому трактату и превратить его в утилитарно-рационалистический, и поэтому нашим торговцам шерстью даже стоическая философия, которую они знали, давала массу побуждений и поучений. Я представляю себе, например, что *Альберти* или *Руччеллаи* брали удивительное творение *Марка Аврелия* «К самому себе», с рвением его изучали и при этом выбирали себе такие места (я цитирую с незначительными отклонениями по переводу д-ра *Альберта Виттиштока*):

«Я стремился... жить просто и умеренно, отдалившись от обычной роскоши великих мира сего» (1.3);

«от Аполлония научился я... с осмотрительностью, но без нерешительности руководствоваться одним только здравым рассудком» (1, 8);

«и далее благодарю я богов, что не сделал слишком больших успехов в искусстве красноречия и поэзии (которые, по воззрению стоиков, не отвечают серьезности и строгой любви к истине) и в иных подобных знаниях, которые иначе легко бы приковали меня к себе» (1.17);

«оставь книги — это развлечение, у тебя нет для него времени» (II, 2);

«душа человека... оскверняет себя... когда она в своих действиях и стремлениях не преследует никакой цели, но беспечно предоставляет свои действия случаю, в то время как долг повелевает даже самые незначительные вещи подчинять цели» (II, 16);

«для добродетельного (остается) только во всем, что ему представляется как долг, следовать руководству разума» (III, 16);

«для пользы природа вынуждена поступать так, как она это делает» (IV, 9);

«обладаешь ли ты разумом? Да. Почему же ты его не применяешь? Ибо если ты предоставишь ему действовать, чего же ты хочешь больше» (IV, 13);

«если ты неохотно встаешь утром, то подумай: я просыпаюсь, чтобы действовать как человек. Почему же мне делать с неохотой то, для чего я сотворен и послан в мир? Разве я рожден для того, чтобы оставаться лежать в теплой постели? — Но это приятнее! — Ты, значит, рожден для удовольствия, а не для деятельности, *для труда*? Разве ты не видишь, как растения, воробьи, муравьи, пауки, пчелы (NB. Это условно так же у *Альберти!*) — всякий делает свое дело и по своим силам служит гармонии мира? И ты противишься исполнению своего человеческого долга — не спешишь выполнять свое естественное предназначение? — Но ведь нужно и отдыхать? — Конечно, нужно. Однако и в этом природа поставила определенные границы, как она их поставила в еде и питье. Ты же переходишь за эти пределы, превышаешь потребность. Совершенно не то в проявлениях твоей деятельности: здесь ты отстаешь от возможного. Ты, значит, не любишь себя самого, иначе ты любил бы и свою природу и то, чего она хочет. Кто любит свое ремесло, тот переутомляется, работая над ним, забывает мыться и обедать. Ты же ценишь свою природу ниже, чем ваятель свои художественные формы, танцовщик свои прыжки, скряга свои деньги, честолюбец свою маленькую славу? Они также скорее откажутся для предметов своей страсти, от еды и

сна, чем перестанут умножать то, что для них так привлекательно» (V, 1);

«говоря, должно следить за выражениями, а действуя, — за результатами. В действиях следует тотчас же смотреть, к какой цели они направлены, а в словах — исследовать, какой в них смысл» (VII, 4);

«никто не устает *искать своей пользы*; пользу же нам приносит согласная с природой деятельность. Не уставай, следовательно, искать своей пользы» (VII, 74);

«ты должен во всю свою жизнь, равно как и в каждое отдельное действие, *вносить порядок*» (VIII, 32);

«подавляй простое воображение; преграждай страсть; умеряй похоть; сохраняй царственному разуму власть над самим собою» (IX, 7);

«почему тебе не довольно подобающим образом провести это краткое время жизни? Почему *пропускаешь ты время* и случай?» (X, 31);

«не действуй на удачу без цели» (XII, 20).

Многие из этих суждений истинно царственного философа читаются как переводы из книг о семье *Альберти*. Но они могли бы также находиться и в «Плодах уединения» *Уильяма Пенна* и послужить бы украшением даже для писаний о добродетели *Бенджамина Франклина*.

Жизненная философия древних должна была еще и потому быть для наших флорентийцев особенно мила и ценна, что она давала великолепные оправдания и для их стремлений к наживе. То, например, что тонкий *Сенека* говорит о смысле и значении богатства, *Альберти* заимствовал почти дословно. Важнейшие места (*De tranqu. ap.* 21, 22, 23) гласят (в извлечениях) следующее:

«Мудрец отнюдь не считает себя недостойным даров счастья. Он не любит богатства, но оно ему приятно; он впускает его к себе не в сердце, а в дом; он не пренебрегает им, когда он им обладает, но поддерживает его.

Очевидно, что, обладая состоянием, мудрец имеет больше средств развивать свой дух, чем когда он беден... при наличии богатства открывается широкое поле для умеренности, щедрости, заботливости, пышности и доброго употребления. (*Альберти* несколько ограничивает

это по своей скряжнической натуре, говоря: «Щедрость, имеющая цель, всегда похвальна»; даже в отношении чужих можно быть щедрым: «будь то, чтобы приобрести славу щедрого человека (*per farti conoscere non avaro*) или чтобы добыть себе новых друзей» (*Della fam.*) 263.) Богатство радует, как в мореплавании благоприятный, попутный ветер, как хороший день и как в морозное зимнее время — солнечное местечко... Некоторые вещи ценят до некоторой степени, а другие очень высоко; к последним принадлежит, бесспорно, богатство... Перестань поэтому воспрещать философам деньги; никто не присуждал мудрость к бедности. Философ может обладать большими сокровищами, но они ни у кого не отняты, они не запятнаны кровью, они приобретены без неправды и грязной наживы (то, как дело обстояло в действительности; что Сенека, например, навязал британцам заем в 40 млн сестерций за высокие проценты, внезапное и насильственное взыскание которого послужило поводом к восстанию провинции в 60-м году, этого уже нельзя было больше усмотреть из его писаний! Во всяком случае, Альберти и его преемники сами усвоили себе эти принципы)... Накопляй свои сокровища сколько угодно, они правомерны» и т. д.

Это те же мысли, которые защищают почти все моралисты древности; для сравнения пусть послужит еще воззрение *Цицерона* (2. *De Inv.*): «к деньгам стремятся не вследствие их собственной природы и притягательной силы, но вследствие добываемой с их помощью выгоды»; те же самые мысли, которые мы видели в ходу в течение всей раннекапиталистической эпохи: наживай, сколько можешь, но честным путем (*onestamente, honestly!*) и не прилепляйся сердцем к богатству, рассматривай его как средство, не как цель!

Но еще желаннее для экономических людей ранней эпохи капитализма должны были быть те сочинения древних, где содержались уже в готовом виде практические правила для упорядоченного ведения хозяйства, с которыми можно было поэтому непосредственно советоваться в своей собственной деловой жизни (и которые я

прошу разрешения трактовать в этой же связи, хотя они не имеют собственно «философского» содержания). Насколько могу видеть, на развитие капиталистических идей оказали сильнейшее влияние: из греческой литературы — *Oeconomicus Ксенофонта* (который, очевидно, гораздо более читался и использовался, чем *Аристотель*, все же еще слишком «погрязший» в ремесленных, дохрематистических представлениях); из римской литературы — писатели о сельском хозяйстве, главным образом *Колумелла*.

Из *Oeconomicus*'а особенно сильное действие должны были оказывать следующие места.

«Я действую по справедливости, одушевленный желанием добыть для себя честным путем здоровье, силу, честь в гражданской среде, доброжелательство у моих друзей, счастливое избавление на войне и *богатство*. Для тебя, значит, важно, Исхомах, стать богатым и добыть себе путем напряженного труда большие сокровища?.. — Это для меня действительно важно. Ибо я считаю очень любезным, Сократ, оказывать богам и друзьям почести возвышенным образом, помогать им, когда они в чем-нибудь нуждаются, и не оставлять город, насколько от меня зависит, без пышности и блеска...»

«В одно и то же время стремиться к здоровью и телесной силе, *готовиться к войне* и заботиться об умножении своего богатства — все это заслуживает восхищения и признания...» (264).

Альбérти дословно списывает это, только промежуточные слова, где идет речь о ведении войны, он выпускает:

«Когда тратят деньги полными пригоршнями, в то время как хозяйство в отношении к расходам недостаточно приносит, тогда нельзя удивляться, если вместо изобилия наступает недостаток» (265).

Далее те места, в которых идет речь о внутреннем порядке дома: «не существует вообще ничего столь полезного и столь прекрасного в жизни, милая женщина, как порядок» (а.о., с. 25); те особенно, которые внушают женщинам отвращение от суетных безделушек, от флир-

та и от тщеславия: добрая хозяйка не румянится; те, которые учат домохозяев наиболее «рациональному» ведению хозяйства, и др. — все они встречаются почти дословно у *Альберти* и содержат в зародыше все те мысли, которые потом были далее развиты в учении о «*sancta masserizia*».

То же действительно и в отношении к римским писателям о сельском хозяйстве. «Сочинения Катона и остальных *scriptores rei rusticae* представляются в известном отношении похожими хотя бы, например, на „Рациональное сельское хозяйство“ *Гэра*; они исходят из того, что кто-нибудь имеет в виду покупку имения как способ *вложения капитала*, дают для этого советы и излагают потом вещи, которые должен знать начинающий сельский хозяин, чтобы иметь возможность приблизительно контролировать своего *villicus*’а^{78*}» (266). Стремление к наживе и экономический рационализм развиты здесь уже до своих последних выводов (267). Главным образом придается уже величайшее значение совершенной экономии времени: время — деньги (268).

Наконец, в распоряжении людей, которые интересовались изучением древних, была масса отдельных мест и из поэтов и писателей, в которых восхвалялись «мещанские» добродетели, особенно трудолюбие и бережливость. Многие из этих мест оказали, пожалуй, потому такое сильное действие, что они в виде пословиц переходили из уст в уста. Старая пословица, говорит *Альберти* (р. 70), которая много цитируется у нас (*antiquo detto et molto frequentato da’ nostri*), гласит: «Праздность — начало всех пороков» (*l’otio si è balia de’viti*). «Сохранить все свое в целости есть не меньшая добродетель, чем приобрести что-нибудь» (*Овидий*). «Самое большое богатство состоит в сбережении» (*Лукреций*) (269). Подобных поучающих бережливости правил было еще много. Я нашел их сопоставленными в уже ранее использовавшемся мною в качестве источника сочинении о «жажде денег» XVII столетия.

ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА РАННЕЙ СТАДИИ КАПИТАЛИЗМА

1. Католики

Мы имели возможность установить, что хозяйственный образ мыслей флорентийских торговцев шерстью во многих отношениях определялся более или менее философскими идеями древних писателей. Мы не должны, однако, переоценивать влияния, которое могло идти с этой стороны. Мы должны, напротив, отдавать себе отчет в том, что оно было далеко превзойдено влиянием, которое оказывала на мысль и деятельность тех людей религия, и прежде всего католическая религия. Ибо начатки капитализма относятся к тому времени, когда церковь подчиняла своим правилам всю общественную жизнь; когда поэтому всякое проявление жизни должно быть рассматриваемо в то же время и как занятие определенной позиции по отношению к церковному закону, к этическим воззрениям религии: католическое христианство сделалось ведь основой всей западной культуры, которая сложилась в «единую христианскую культуру» (*Трёльч*). И эта господствующая над всею жизнью власть церкви распространялась вплоть до XV столетия на все умы: те люди, которые осмеливались самостоятельно «философствовать», которые читали «древних» и устраивали согласно их учениям свою жизнь, ужаснулись бы (за исчезающе немногими исключениями) при мысли, что они вступили бы этим в противоречие с церковными авторитетами. И они хотели оставаться благочестивыми и строго верующими и допускали влияние иных сил лишь постольку, поскольку оно согласовалось с воззрением их религиозного общества. Это мы, например, ясно видим на таком человеке, как *Альберти*, который постоянно уверяет в своем благочестии и преданности церкви и внушает своим ученикам прежде всего необходимость служе-

ния Богу (как о нем учила католическая церковь): «Кто Бога не боится, кто разрушил в своей душе религию, того следует считать дурным во всем. Следует внушать своим детям прежде всего величайшее благоговение перед Богом, ибо соблюдение божественных учений есть чудесное целительное средство от многих пороков» (270). Он основывает поэтому постоянно свои поучения на заповедях божиих. И тогда, когда он заимствует идеи древних, которые проповедуют, например, трудолюбие, он всегда все-таки подводит под эти поучения религиозные основания: *Бог* не хотел, чтобы какое-нибудь живое существо было праздным, *значит*, и человеку это не разрешено (271).

А то, что было действительно в отношении *soi-disant*^{79*} «вольнодумцев», было, конечно, в еще большей мере действительно относительно широкой массы людей хозяйства. Даже Италия была, во всяком случае в XIV столетии, еще вполне церковно настроена: только в XV столетии возникает скептицизм (272).

Особенный интерес представляет для нас тот факт, что религиозное и церковное рвение нигде не было сильнее, чем во *Флоренции*, этом Вифлееме капиталистического духа (NB. *Христианского* происхождения!). Тоскана была во время раннего средневековья настоящей твердой клерикализма: здесь связь между историей отдельных церквей и историей отдельных городов теснее, чем где бы то ни было еще; здесь монашество особенно многочисленно и особенно деятельно; его ордена, если они и были основаны где-либо в другом месте, оживали новой жизнью в Тоскане; здесь население хвалится большим отвращением от ереси и большей чистотой веры, чем где бы то ни было (273). Лучший знаток истории старой Флоренции выражает свое суждение о положении Тосканы по отношению к церковным властям в следующих словах (274):

«Тесная связь, в которую здесь вступили церковно-религиозные тенденции с наиболее сильными элементами государства, с самого своего возникновения — в сознательном сопротивлении неитальянской императорской

власти и преданному ей за немногими исключениями дворянству — опиравшегося на занимающееся промышленностью и торговлей городское сословие, — государства, которое благодаря честности и трудолюбию ремесленников и фабрикантов и благодаря лукавому, беспощадному и знающему свет коммерческому духу крупных купцов и банкиров, развилось в одно из богатейших на земном шаре, — эта связь наложила свою печать на историю города на берегу Арно, пока он имел выдающееся значение для культурного развития Европы».

И мы вправе прямо предположить, что это сильное основное религиозное настроение держалось в широких массах католиков всех стран, испытав благодаря Реформации большей частью усиление, несомненно, до конца раннекапиталистической эпохи. Купцы и промышленники в XVIII столетии все так же благочестивы, как в XIV, и живут «в страхе Господнем». Их религиозность проникает в недра их деловой жизни. И обороты речи, подобные тем, которые мы находим в немецких купеческих книгах: «от купца требуется главным образом честное и добродетельное поведение: неправое добро не идет на пользу, тогда как добро у благочестивого и справедливого человека пускает корни, приносит с собою Божье благословение и переходит на детей и внуков», — такие обороты речи шли, несомненно, из глубины честного убеждения. Они постоянно повторяются вновь. Прибыль — это «благословение Божие», так же как и «благословение детьми». «От Него мы получаем все: это Он благословляет наши предприятия и ведет их к процветанию», — гласит (я привожу *одно* изречение вместо многих) место в книге домашнего хозяйства одного французского сукно-торговца в XVIII столетии. И когда тот же человек начинает свой «*Livre de raison*»^{80*} словами: «Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Благословенна будь Пресвятая Троица, да поклоняются ей и да хвалят ее во веки веков» (275), то он взывает к Богу всерьез. Вручение всего дела в руки Божии не стало еще пустой фразой, как в наше время, когда рудиментарное «с Богом» в начале наших счетов представляется богохульством.

Для легкого и непосредственного воздействия на душевную жизнь, а тем самым и на общее направление воли и вытекающее из него устройство жизни верующего в распоряжении католической церкви была самым действенным средством тайная («ушная») исповедь, которая со времени постановления четвертого Латеранского собора в 1215 г. была вменена, по крайней мере один раз в год, в обязанность каждому взрослому. Мы вправе предположить, что деловые люди на исповеди вступали с представителем церковного учения как бы в соглашение также и относительно принципов ведения дела (поскольку это не происходило вне этого святого таинства). Для того чтобы дать духовным лицам, которые принимали исповедь, возможность разрешать все сомнения верующих, были написаны многочисленные морально-богословские книги решений, известные под названием *Summae theologiae*, в которых для каждого, хотя бы самого незначительного, жизненного обстоятельства, и не в последней мере для поведения в хозяйственных делах, устанавливались и казуистически разъяснялись соответствующие церковному учению правила поведения. Эти *Summae* составляют для нас поэтому один из важнейших источников познания должного (по мнению церкви), с одной стороны, и сущего (которое мы должны читать между строк) — с другой. Мы будем часто встречаться с ними в XIX главе.

2. Протестанты

То обстоятельство, что во всех протестантских странах в течение обоих столетий после Реформации народы были охвачены с необыкновенной силой религиозным чувством, — слишком известный факт, чтобы была надобность приводить ему особые обстоятельства. Я хотел бы обратить внимание читателя на то, что сила этого религиозного чувства достигла своего апогея (кроме того, в некоторых частях Швейцарии) в той стране, где мы в конце XVII столетия могли наблюдать особенно сильное и всепроникающее развитие капиталистического

духа, — в Шотландии. Так как без более подробного ознакомления с частностями нельзя составить себе верного представления о той степени страстности и безумия, с какою в Шотландии XVII в. люди оценивали и культивировали религиозные ценности, я хочу дать краткую характеристику душевного состояния, в котором находились в то время шотландцы: из нее легко можно будет усмотреть, какое выдающееся значение должно было иметь для этих людей учение церкви — о какой бы жизненной области ни шло дело. Наиболее обширное собрание выдержек из источников, откуда мы можем познать духовное состояние шотландского народа в XVII столетии, дал, насколько мне известно, *Томас Бокль* в своей «Истории цивилизации в Англии», в четвертой главе второго тома. Я приведу оттуда несколько извлечений, не обосновывая их в отдельности и отсылая в то же время читателя к необычайно добросовестным цитатам и указаниям источников *Бокля*: достаточно того, что не сообщается ни одного факта, достоверность которого не могла бы быть точно установлена «по источникам».

Религиозное уmonoстроение населения нашло свое выражение прежде всего в том рвении, с которым они отдавались исполнению религиозных обрядов: об этом мне еще придется сообщить многое в другой связи. А затем — в их рабском подчинении властному слову проповедников. Духовные вмешивались в частные отношения всех и каждого, предписывали каждому распорядки его семейного быта и от времени до времени лично с целью надзора посещали его дом. Их любимцы, старейшины, были повсюду: каждый приход был разбит на участки для надзора и во главе каждого участка стоял старейшина. Здесь он должен был осуществлять контроль. Сверх того, были назначены шпионы. Не только улицы, но и частные дома подвергались обыску; смотрели за тем, не остался ли кто-нибудь дома во время службы в церкви и пропустил проповедь. И всему этому надзору покорялись безропотно. Авторитет священников считался безграничным. Они сумели создать его тем, что заставили своих слушателей поверить, что все, что говорится с церковной ка-

федры, идет непосредственно от Бога. Проповедники считались посланными Богом: они были избранными стрелами в колчане Бога.

Страху перед священниками соответствовал страх перед демонами. Общераспространенной была вера в то, что злые духи стаями летают по земле, носятся взад и вперед, живут также и в воздухе и занимаются тем, что искушают людей и причиняют им зло. Во главе их стоял сам сатана, и он находил удовольствие в том, чтобы лично являться людям и опутывать и пугать всякого встречного. Для этой цели он принимал различный вид. Иногда он посещал землю в виде черного пса, иногда в виде вороны и т. д. Его козни были бесконечны, так как, по воззрениям богословов, он становился чем старше, тем лукавее; и после упражнения в течение 5000 лет он ныне достиг необычайной ловкости. Духовенство непрерывно проповедовало о нем и готовило своих слушателей к встрече с великим врагом рода человеческого. Этим оно довело народ почти до безумия от страха. Как только проповедник поминал сатану, паства вздыхала и стонала. Люди часто сидели на своих местах остолбеневшие и ошеломленные от страха. Картины ужасов наполняли их душу, всюду следовали за ними, сопровождали их в их ежедневной работе. Всюду видели дьявола.

И содрогания ужаса умножались при мысли о страшных муках ада, которыми угрожали проповедники. С удовлетворением рассказывали они своим слушателям, как их будут жарить на огромных кострах и вешать за языки, как их будут хлестать скорпионами, бросать в кипящее масло и расплавленный свинец. Река пламени и серы шире, чем земля, ожидает их; их кости, их легкие, их печень будут жариться, но никогда не будут пожраны огнем. В то же время их будут есть черви, и пока они будут грызть их тело, черти, окружив их, будут издеваться над ними. Один ад будет следовать за другим. Всемогущий проводил свой досуг в прежнее время в том, что устраивал это место мук и приготовил его, чтобы оно к моменту появления рода человеческого было готово принять его.

Бог Кальвина и Джона Нокса был страшный бог, бог ужаса, яростный тиран, и душевное настроение, которое проповедники вызывали в своей пастве, было настроением постоянного страха. Из этого страха и выросло горячее желание устроить свою жизнь согласно предписаниям церкви. А это и важно для нас здесь, где мы хотим познать выдающееся значение религии для человека, а значит, и для экономического человека прежнего времени. Нет сомнения, что это значение для людей в протестантских или по крайней мере в кальвинистических странах в течение XVII в. еще усилилось далеко за прежнюю степень. Религия сделалась безумием и совершенно лишила человека сознания. Мы можем усмотреть это уже из того иначе непонятного факта, что учение о предопределении оказало то действие, что привело всех кальвинистов к строго церковному образу жизни, в то время как простая логика здравого человеческого смысла должна прийти к тому выводу, что, если от моей воли и поведения *совершенно* не зависит, спасусь ли я или буду осужден на вечную муку, я могу устроить свою жизнь по своему усмотрению и этим ничего не изменю в своей судьбе в вечности. Но речь шла уже не о здоровых людях, а о помешанных.

Воззрения духовенства о правильной жизни верующих излагались каждым значительным кальвинистским проповедником в толстых трактатах, в Англии — в так называемых «Directories», которые, пожалуй, соответствуют — как собрания казуистических решений — католическим «Summae». В них хозяйственная мораль занимает широкое место.

3. Евреи

Если мы хотим проследить влияние религии на образование капиталистического духа, то является само собою понятным, что мы подвергаем влиянию еврейской религии особому рассмотрению и здесь прежде всего устанавливаем, что в раннюю эпоху капитализма религия имела выдающееся значение также и у евреев и тем самым сде-

лалась руководящей для всего порядка жизни. *Так же и у евреев, — прежде всего у евреев, можно с уверенностью сказать. Это я подробно выяснил в моей книге о евреях, так что я могу отослать к ней читателя (276).* Для сохранения связи я привожу здесь основные выводы, к которым я пришел в моих исследованиях и правильность которых не подвергалась сомнению даже со стороны моих еврейских господ критиков.

Религия должна была у евреев уже потому приобрести такое большое влияние на все жизненное устройство, что она у них не была делом только воскресных и праздничных дней, но проникала в повседневную жизнь вплоть до мельчайших ее проявлений. Все жизненные отношения получали свое религиозное освящение. При всяком действии и бездействии ставился вопрос: признается ли его совершением величие Божие или отвергается? Не только отношения между человеком и Богом нормирует еврейский «закон», не только метафизической потребности отвечают положения религии, но и для всех других мыслимых отношений между человеком и человеком или между человеком и природой религиозные книги содержат связывающую норму. Еврейское право составляет в такой же мере составную часть религиозной системы, как и еврейское нравственное учение. Право установлено Богом, оно нравственно оправдано и угодно Богу; нравственный закон и божественное предписание — совершенно неразрывные понятия для еврейства.

Но и ни у какого народа не проявлена такая забота, как у евреев, о том, чтобы и самый последний человек действительно знал предписания религии. Причина лежит в систематическом образовании, которое всякое еврейское дитя получает в религиозном отношении; далее, в том устройстве богослужения, при котором само оно на добрую долю состоит из чтения вслух мест из Священного писания и их разъяснения, и притом с таким расчетом, что на протяжении года бывает один раз прочитана вся Тора; наконец, в том, что ничто не внушается в такой мере отдельному человеку, как обязанность изучения Торы^{81*} и чтения Шемы.

Но и ни один народ, пожалуй, не шел так строго теми путями, которые указал ему Бог, не старался так точно выполнять предписания религии, как евреи.

Говорят, что еврейский народ — «наименее благочестивый» из всех народов. Я не хочу здесь решать вопроса, насколько справедливо это о них утверждают. Но, несомненно, они в то же время самый «богобоязненный» народ из всех, когда-либо живших на земле. В страхе и трепете жили они всегда, в страхе и трепете гнева Божия.

Этой могущественной силе — страху Божию (в узком смысле слова) — пришли затем на помощь с ходом истории еще и другие силы, которые точно так же, как и он, прямо-таки принудили евреев к точному следованию религиозным предписаниям. Я имею в виду прежде всего их судьбу как народа или нации. Разрушение еврейского государства послужило причиной того, что фарисеи и знатоки писания, т. е. те самые элементы, которые культивировали традицию Эздры и исполнение закона, хотели сделать их центральной ценностью, что эти люди, которым до тех пор принадлежало самое большее моральное господство, теперь были поставлены во главе всего еврейства и, таким образом, получили возможность направить его вполне по своему пути. Евреи, которые перестали составлять государство, национальные святыни которых были разрушены, собираются теперь под предводительством фарисеев вокруг Торы (этого «переносного отечества», как ее назвал *Гейне*). На этом было, таким образом, основано господство раввинов, которое потом благодаря судьбам евреев в течение средних веков все более укреплялось и сделалось таким тяжким, что евреи сами порой жаловались на тяжкое ярмо, наложенное на них их раввинами. Чем более евреи были замыкаемы народами-хозяевами (или замыкались от них), тем сильнее, понятно, становилось влияние раввинов, тем легче, следовательно, могли они принудить еврейство к верности закону. Но жизнь в исполнении закона, которую внушали евреям их раввины, должна была представляться им наиболее ценной и по внутренним основаниям, по влечению сердца, ибо она была единственной, сохранявшей

им среди преследований и унижений, которым они подвергались со всех сторон, их человеческое достоинство и тем самым вообще возможность существования. Наиболее долгое время религиозная система была заключена в Талмуде, и поэтому-то в нем, для него, им только и жило еврейство в течение столетий.

Ряд внешних обстоятельств действовал, следовательно, в одном и том же направлении: поддерживать у евреев всеобщее и строгое выполнение предписаний религии.

Важно установить, что эта строгая религиозность не только была распространена в широких массах еврейского народа, но что как раз и более интеллигентные и богатые слои оставались ортодоксальными евреями: те, следовательно, в среде которых, в сущности, и должен был бы быть рожден капиталистический дух.

И раввины тоже — и, пожалуй, в большей мере, чем католическое и протестантское духовенство, так как они должны были действовать в качестве судей и в светских делах, — излагали свои воззрения о правильном образе жизни в специальных сочинениях или собирали даваемые ими решения в так называемых собраниях *Respousa* (ответов), которые потом сами становились источниками судебных решений для позднейших поколений. Их большое число представляет новое доказательство выдающегося значения, которое имела еврейская религия для устройства частной жизни евреев и в кругу ее для постановки целей и определения их хозяйственного образа мыслей.

Глава девятнадцатая

КАТОЛИЦИЗМ

Религиозные системы и церкви могут самым различным образом оказывать влияние на ход хозяйственной жизни, могут прежде всего воздействовать в самом различном смысле и на духовные силы, действующие в хозяйственной жизни, — на хозяйственный образ мыслей. Их воздействие может иметь место непосредственно или

далекими окольными путями, они могут препятствовать известному развитию или ускорять его. История капиталистического духа также теснейшим образом связана с историей религиозных систем и церковей в том смысле, что они частью задерживали его в его развитии, а частью способствовали ему.

Здесь моя задача будет состоять в том, чтобы показать прежде всего оживляющее воздействие религий на капиталистический дух. Но и те случаи, когда он был подавляем и разлагаем из-за религиозных влияний, будут по крайней мере упомянуты мимоходом.

Развитие капиталистического духа католицизм явно задержал в *Испании*, где религиозный интерес развивается так сильно, что в конце концов заглушает все остальные интересы. Причину этого явления большинство историков справедливо, пожалуй, усматривает в том факте, что содержание истории Пиренейского полуострова в основе исчерпывается почти тысячелетней войной христианства с исламом. Долгое господство магометанской веры привело к тому, что христианское население в конце концов имело перед собой *одну* только действительно ценную задачу в жизни: изгнание ислама. «В то время как другие народы Европы направили свое внимание к новым проблемам духовного и хозяйственного порядка, для Испании не было другого возможного и желанного идеала, пока мавританское знамя еще развевалось над башнями иберийских замков». Все войны за независимость были религиозными войнами. *Лафунте* говорит о «вечном и постоянном крестовом подходе против неверных» (*cruczada perpetua y constante contra los infideles*): 3700 битв было будто бы дано против мавров, пока они не были изгнаны. Но и после их изгнания рыцарски-религиозный идеал сохранил свое господство. Он накладывает свою печать на все колониальные предприятия испанцев, он определяет собою внутреннюю политику государей. Феодализм и фанатизм сплелись в такое жизнепонимание, которому в конце концов в трезвом мире нового не осталось больше места. Национальным героем Испании становится, без сомнения, наименее капиталистический

тип в мировой истории — последний странствующий рыцарь, привлекательный и симпатичный Дон-Кихот.

Трудно установить, задержал ли католицизм развитие капиталистического духа в *Ирландии*. Во всех других странах он воздействовал на его образование в совершенно противоположном направлении: он ускорил его развитие и способствовал ему. Это прежде всего действительно в отношении страны, которая в истории ранней эпохи капитализма во всех отношениях занимает первое место: относительно Италии. Чем же, спрашивается, католицизм оказывал такое влияние?

Если я в дальнейшем попытаюсь дать ответ на этот вопрос, то я не имею в виду говорить о том участии, которое *папы с их финансовым хозяйством*, без сомнения, приняли в образовании капиталистической системы хозяйства, а тем самым (косвенно) и в возникновении капиталистического духа. Это участие часто устанавливалось также и мною самим, а в последнее время снова *Якобом Штридером* (277), и что-либо новое на эту тему вряд ли можно добавить. Общеизвестно, что мощная, охватывающая весь культурный мир налоговая система, которую римская курия развивала, в особенности начиная с XIII столетия, послужила причиной «выделения из итальянского купечества в качестве его верхнего слоя группы могущественных международных банкиров», которая была призвана играть роль важного фермента в процессе капиталистического развития.

Мне, напротив, хочется изобразить то влияние, которое католицизм оказывал на образование капиталистического духа *своим учением*, т. е. влияние самой католической религии.

В разрешении этой задачи мы должны подвергнуть себя весьма тягостным ограничениям. Нам не должно прийти в голову исследовать тончайшие разветвления или глубокие корни религиозной системы католицизма. Это значило бы усилить трудности разрешения задачи. Ибо хотя и является, без сомнения, гораздо более привлекательным развить исследование в этом направлении, но подобная догматическая или догматико-историческая

постановка проблемы все же отвлекла бы наше внимание от сущности проблемы, которая состоит в том, чтобы вскрыть связь между учением религии и духовной структурой субъектов хозяйства определенной эпохи. А для нее какие бы то ни было религиозно-научные или философские тонкости совершенно не имеют значения. Для нее играет роль одно только обыденное учение, массовое, практическое исполнение правил религии. И мне представляется, что если не уяснить себе этого, то можно, правда, писать необычайно глубокие и представляющие особый интерес для философа и богослова этюды, но рискуешь ложно истолковать действительные причины связи. Этот упрек *слишком хорошего* выполнения задачи (в богословском смысле) падает, по моему мнению, на многократно восхвалявшееся исследование *Макса Вебера о значении пуританизма для развития капиталистического духа*, как это будет еще подробнее выяснено в своем месте.

Глубокая вспашка не всегда есть заповедь рационального земледелия!

Поэтому если я в дальнейшем, скажем, остаюсь «на поверхности», то я прошу читателя не выводить этого так, без дальнейшего, из незначительности моего умственного кругозора, но объяснить это моим стремлением к возможно более правильному истолкованию исторических зависимостей. Как я уже сказал, подобная «неглубокая» трактовка предмета предполагает сильное самообладание.

Религиозная система, отвечающая такой постановке вопроса, — это учение *Фома Аквинского*, которое с XIV столетия господствует над официальным (т. е. несектанским) католичеством. Характерная особенность этого учения (278) состоит в том, что оно соединяет в единое целое оба составных элемента, искони содержащихся в христианстве: религию любви и милосердия Павла и Августина и религию Закона; в том, что оно устраняет дуализм Закона и Евангелия. Оно осуществляет это тем, что приводит эти обе религии в соотношение двух расположенных одна за другой или одна над другой «целевых

ступеней», как их метко назвал *Трёльч*: «...целевой ступени внутримирской этики естественного закона с разумной целью организации единства и блага человечества во всех духовных и материальных ценностях противостоит целевая ступень надмирской этики, христианского нравственного закона, внутри которой все стремится к сакраментально осуществляемому единению с божественной жизненной субстанцией».

Для устранения христианской общественной и светской жизни и, в частности, следовательно, для воздействия религии на поведение хозяйствующих субъектов имеет значение только первая целевая ступень. Для *практического* значения христианской этики совершенно безразлично, что существенную составную часть в ней составляет идея Августина о любви к Богу как «абсолютной и высшей, единственно простой нравственной цели».

Мы должны, таким образом, иметь дело только с этикой Закона у Фомы Аквинского.

Основная идея этой этики — это рационализация жизни: вечный божественный закон мира и природы, закон разума, — имеет задачей устройство и упорядочивание чувственности, аффектов и страстей в направлении к цели разума. «Грехом в человеческой деятельности является то, что обращается против порядка разума»; «чем необходимо что-либо, тем более в отношении его следует хранить порядок, как он устанавливается разумом», «вследствие чего половое влечение как в высокой степени необходимое для общежития должно подвергнуться особо строгой дисциплине» (279). Добродетель состоит в поддержании равновесия, как это предписывает разум (280). Существо законченной добродетели заключается в том, что чувственное влечение (речь идет о *concupiscentia*^{82*}) так подчинено разуму, что в нем не возникает более никаких бурных, противных разуму страстей (281).

Внутри естественного, сотворенного, похотливого мира как бы строится свободно рожденный, нравственный, разумный мир. Камни для постройки этого нравственного мира дает признанное Библией рациональное естественное право, содержание которого как раз только

через посредство учения Фомы все более и более ставится наравне с десятью заповедями (282), но которое восприняло также и существенные элементы поздней греческой философии.

Действительное средство побудить человека к поведению, согласному с разумом, представляет страх Божий: он пробуждает в нем обдумывание и принуждает его к непрерывному размышлению; он заставляет его, сказали бы мы, осознать свои действия: ему одному следует приписать рационализацию и методизацию жизни (282).

Если мы хотим теперь исследовать значение католической религии для развития капиталистического духа, то мы должны уяснить себе, что уже эта основная идея рационализации должна была оказать существенное содействие капиталистическому мышлению, которое ведь само по себе, как нам известно, является рациональным, направленным к цели. Идея наживы наряду с экономическим рационализмом означает ведь, в сущности, не что иное, как применение жизненных правил, вообще предписывавшихся религией, к сфере хозяйственной жизни. Для того чтобы капитализм мог развиваться, нужно было сначала переломить все кости в теле естественному, инстинктивному человеку, нужно было сначала поставить специфически рационально устроенный душевный механизм на место первоначальной, природной жизни, нужно было сначала как бы вывернуть всякую жизненную оценку и осознание жизни. Homo capitalisticus^{83*} вот то искусственное и искусное создание, которое в конце концов произошло от этого выворота. Какие бы причины ни повели самопроизвольно к образованию экономического рационализма, не может быть сомнений в том, что он нашел могучую поддержку в вероучении церкви, которая во всей жизни стремилась к тому же самому, что капиталистический дух должен был осуществить в хозяйственной жизни. *Даже если* мир хозяйства и оказывал влияние на образование церковной этики (эту проблему нам в ходе настоящего изложения придется подвергнуть еще более подробному исследованию), то все же экономический рационализм должен был, в свою очередь, испыты-

вать закоснение и внутреннее углубление благодаря содействию развитой до высшей законченности системы рациональных правил, которая к тому же опиралась на высший авторитет церкви.

Несколько более сильным должно было быть влияние этих учений на хозяйственный образ мыслей людей Нового времени, когда ими создавались, как это действительно имело место, особые душевные состояния, которые по существу своему способствовали росту капиталистического духа. Я имею в виду прежде всего подавление *эротических влечений*, о котором так заботилась христианская этика (284). Никто не понял так глубоко, как св. Фома, что мещанские добродетели могут процветать только там, где любовная сфера человека подверглась ограничениям. Он знал, что «расточительность»; этот смертельный враг всякого мещанства, большей частью идет рука об руку со свободными воззрениями в любви — расточитель «тут», расточитель «там» (285); знал, что *luxuria*, которая первоначально означает сладострастие и роскошь вместе, порождает *gula* — мотовство: *sine Cerere et Libero friget Venus*^{84*}. Поэтому он и знал, что тому, кто живет целомудренно и умеренно, труднее впасть в грех расточительности (*prodigalitas*) и в других отношениях он оказывается лучшим домохозяином. Само собой разумеется, что живущий воздержанно должен быть и более энергичным предпринимателем.

Если, таким образом, воспитанием в умеренности *in Venere, Baccho et Cerere*^{85*} как бы заложен фундамент, то легче будет приучиться и к упорядоченной мещанской жизни: к «экономии», и в отношении всякого добра и имущества. А христианская этика безусловно требует, чтобы человек в отношении этих вещей вел благоупорядоченный образ жизни.

Основной экономической добродетелью является у схоластиков *liberalitas*: правильная, разумная экономия, *le juste milieu*^{86*} в образе жизни, одинаково далекий от обеих греховных крайностей: скупости (*avaritia*) и расточительности (*prodigalitas*). Переводить *liberalitas* как «щедрость» неправильно, «хозяйственность» скорее уло-

вила бы смысл, хотя *liberalitas* имеет несколько более свободный оттенок: она представляет как бы переходную ступень к «*sancta masserizia*». *Liberalitas* есть прежде всего *упорядочение* домашнего хозяйства, прихода и расхода: *tendit ordinandam propriam affectionem circa pecuniam possessam et usus eius*^{87*} (286); она учит искусству *правильного* употребления земных благ: *convinienter uti*^{88*} (287); *actus liberalitatis est bene uti pecunia*^{89*} (288); она учит *правильной* любви к золоту и богатству: *consistit in medio, quia se non excedat nec deficiat, a debito affectu et usu bivitiarum*^{90*} (289). Расточитель любит деньги слишком слабо (*minus debito*), а скупой слишком сильно (290). В строгом осуждении чрезмерной роскоши (291), именно такой, которая принуждает жить «выше средств» (292), заключено требование бережливости; указание на пагубные последствия расточительности (293) содержит в зерне рекомендацию (мещанского) приходного хозяйства и осуждение (сеньориального) расходного хозяйства.

Но не с одной только расточительностью и с другими врагами мещанского образа жизни борется христианская этика и предаёт проклятию как грехи. Прежде всего с *праздношью* (*otiositas*), которая и для нее есть «начало всех пороков». Праздношатающийся грешит, потому что он расточает время, это драгоценнейшее благо (294); он стоит ниже всякой твари, ибо всякая тварь трудится каким-нибудь образом: ничто не праздно (295). *Антонин*, который в особенно красноречивых словах проповедует добрую экономию времени, отвергает и следующее возражение ленивых, как неправомерное: они говорят, что желают созерцать Бога, желают следовать Марии, а не Марфе. Созерцать Бога, полагает он, призваны лишь немногие. Масса людская существует для того, чтобы делать повседневную работу.

Наряду с *industry* и *frugality* схоластики учат и третьей мещанской добродетели: *honesty* — благоприличию, честности или почтенности.

Я думаю, что мы значительной долей той *коммерческой солидности*, которая, как мы видели, составляет

важный элемент капиталистического духа, обязаны воспитательной деятельности церкви. Внутри городской черты за честным и приличным поведением дел следил глаз соседа, следил цеховой старшина. Но когда с ростом капитализма сношения распространились на большие пространства, к солидности стала побуждать купца, в конце концов, одна совесть. И пробудить эту совесть было задачей церкви. Она осуществляла это, осуждая все бесчестные уловки при заключении договоров как грех: *mortaliter peccant*, смертный грех совершают те, кто «с ложными уверениями, обманами и двусмысленностями» ведет торговлю (296). Насколько велико было влияние церкви в проникновении делового мира в его начатках принципами солидности, об этом дают понятие слова *Альберти*, когда он решительно подчеркивает, что не только благоразумие и острота ума членов его семьи доставили им такое высокое положение, но и солидное ведение дела, за которое их наградила Бог (297).

Но если внимательно прочитать произведения схоластиков, прежде всего чудесное творение истинно великого *Фома Аквинского*, в монументальности своей имеющее равными лишь творения *Данте* и *Микеланджело*, то получаешь впечатление, что их сердцу еще ближе, чем это воспитание в духе мещанства и благоприличия, была другая задача воспитания: сделать своих современников прямыми, смелыми, умными, энергичными людьми. Они придают самое большое значение в своем нравственном учении, они постоянно вновь и вновь поучают необходимости проникновения всего существа человеческого упругостью и бодростью.

Ничто они не осуждают так сильно, как духовную и моральную «вялость»: уныние — *acidia* — эта модная болезнь треченто, о которой мы имеем такие точные сведения благодаря *Петрарке*, есть смертный грех. И значительная часть их нравственного учения читается как правила своего рода душевной тренировки. Две кардинальные добродетели, долженствовавшие совершить дело этого воспитания, суть благоразумие и сила, источник или выражение духовной и нравственной энергии.

Благоразумие (*prudencia*), эта духовная добродетель (*virtus intellectualis*), включает в себе, по учению *св. Фомы*, следующие подчиненные добродетели:

память (*memoria praeteritorum*)^{91*},

рассудок (*intelligentia praesentium*)^{92*},

изобретательность (*sollertia in considerandis futuris eventibus*)^{93*},

разумное размышление (*ratiocinatio conferens unum alteri*)^{94*},

переимчивость (*docilitas, per quam aliquis asquiescit sententias maiorum*)^{95*},

предвидение (*providentia: inportat... providentia respectum quendam alicuius distantis ad quod ea quae in praesenti occurrunt ordinanda sunt*)^{96*},

осмотрительность (*circumspectio... necessaria...: ut scilicet homo id quod ordinatur in finem comparet etiam cum his quae circumstant*)^{97*},

осторожность (*cautio*).

Благоразумию, к которому должно стремиться как к добродетели, противостоят в качестве пороков, которых следует избегать:

неблагоразумие (*imprudencia*),

поспешность (*praecipitatio*),

необдуманность (*inconsideratio*),

небрежность (*negligentia*).

Антонин (299), также главным образом обрушивающийся на специфически духовный порок: *acidia*, который мы лучше всего можем обозначить хотя бы нашим словом «власть», приводит в качестве пороков, опять-таки целиком обязанных своим существованием этому смертному греху, следующие:

небрежность (*negligentia: peccatum qua voluntas est remissa ad eligendum actum debitum vel circumstantiam circa actum debitum observan*)^{98*},

леность (*desidia*),

непостоянство (*incostantia: instabilitatem voluntatis important*)^{99*},

тупоумие (*torpor*),

упущение (*omissio*),

леность (*pigritia*),
праздность (*otiositas*),

неблагоразумие (*imprudencia*: *ille imprudens dicitur, qui non diligenter observat circumstantias in operibus suis: sed inter omnes circumstantias nobilissima est circumstantia temporis, quam imprudens negligit observare*^{100*}).

Все эти пороки, в свою очередь, происходят из «*luxuria*»: из жажды наслаждения вообще, из необузданного проявления эротических склонностей в особенности; совершенное благоразумие, как всякая духовная добродетель, состоит в ограничении чувственных влечений (300).

Совершенно очевидно, какое выдающееся, огромное значение должно было иметь для зарождающегося капиталистического предпринимателя это учение о духовных добродетелях, эти правила, имевшие целью, как я это назвал, духовную тренировку. Хотя учителя церкви, несомненно, не имели его в виду на первом плане, однако он все же был первым, для кого эти добродетели духовной энергии приобрели и практическую ценность. Ведь здесь превозносятся как добродетели и воспитываются со всем авторитетом церкви как раз качества хорошего и удачливого предпринимателя. Не могло быть дано лучшего решения задачи на премию такого содержания: «как воспитать капиталистического предпринимателя из импульсивного и жаждущего наслаждений сеньора, с одной стороны, тупоумного и вялого ремесленника — с другой», чем то, какое уже содержалось в этическом учении св. Фомы.

Выраженные здесь воззрения в корне противоречат господствующему мнению о позиции церковного учения по отношению к притязаниям растущего капитализма. До сих пор не только совершенно упускали из виду это благоприятствующее капиталистическому духу содержание этики св. Фомы, но и считали необходимым усматривать в ней неимоверное количество поучений и предписаний или запрещений, которые все будто бы полны смертельной вражды к новым людям капиталистической эпохи и к их стремлениям. Первый и, насколько я могу

усмотреть, до сих пор единственный исследователь, выступавший против этого господствующего понимания, — это *Франц Келлер*, на ценный труд которого я уже несколько раз ссылался. Ему я обязан побуждением к новому подробному изучению схоластических источников, которое не только вполне убедило меня в правильности защищаемых *Келлером* воззрений, но и, сверх того, дало мне ясное убеждение в правильности как раз противоположного тому, что принимали до сих пор и что предполагал я сам, доверяя прежним исследованиям: что воззрения схоластиков, прежде всего, конечно, схоластиков позднего средневековья, о богатстве и наживе и в особенности также их воззрения о допустимости или недопустимости взимания процентов не только не означают никакого препятствия развитию капиталистического духа, но, напротив, должны были существенно способствовать укреплению и поощрению этого духа.

Это, в сущности, вовсе не так удивительно, если ближе присмотреться к людям, которых мы знаем главным образом как схоластиков. Мы совершенно несправедливо приучили себя видеть в них чуждых свету, отвлеченных кабинетных ученых, которые в бесконечных повторениях и с невыносимой растянутостью трактовали о несуществующих вещах. Это справедливо, несомненно, о многих из малых светочей церкви. Но это безусловно несправедливо о великих. О величии творения самого *св. Фомы* я уже говорил. Но не монументальность его хотел я подчеркнуть (это, без сомнения, излишне для всякого, кто хотя бы бегло ознакомился с ним). Я хотел только указать на ту ошибку, которую часто делают, причисляя *Фома* Аквинского без всяких колебаний к «средневековью» и совершенно забывая, что он все-таки жил и писал в том веке, который для страны, где он творил, означал уже начало нового времени. Но пусть даже относят самого *Фома* Аквинского еще целиком к докапиталистической эпохе: люди, писавшие после него о христианской этике, стояли уже в полном свете капиталистического развития. Это относится прежде всего к *Антонино Флорентийскому*, который родился в 1390 г. и умер в

1459-м; это относится к его современнику *Бернарду Сиенскому*; это относится к комментатору св. *Фомы кардиналу Кайестану*, умершему в 1469 г.; это относится к *Хриз. Явеллу* и ко многим другим. И не только время, в которое эти люди жили, но и их личный характер говорит за то, что они не были ни чуждыми, ни враждебными свету, что они, в частности, понимали происходившую на их глазах хозяйственную революцию и не были расположены хватать за спицы катящееся колесо. Они относятся к капитализму с бесконечно большим знанием дела и большей симпатией, чем, например, в XVII столетии zeloty — проповедники пуританизма. Какая масса практического знания содержится в *Summa* Антонина! Это творение одного из наилучше знавших жизнь людей своего времени, который с открытым взором проходил по улицам Флоренции, от которого не осталась скрытой ни одна из коммерческих хитростей и штук его любезных земляков, который чувствовал себя одинакового как дома в транспортно-страховом деле и вексельных операциях, в шелковой промышленности и суконной торговле.

Послушаем теперь, какую позицию эти люди занимают по отношению к новой системе хозяйства и ее духу.

Если мы прежде всего спросим, каково понимание схоластической этикой проблемы *богатства* или *бедности* как таковой, то мы должны будем установить, что идеал бедности раннего христианства, которым исполнены многие из отцов церкви и большинство последователей сект, исчез вполне и совершенно. Само по себе для благочестивого христианина безразлично, беден он или богат, — важно только употребление, которое он делает из своего богатства или бедности: мудрый бежит не от богатства и бедности самих по себе, но лишь от злоупотребления ими (301). Если взвесить взаимно оба состояния: богатства и бедности, — весы скорее склонятся в сторону богатства (302). Богатство и бедность — в одинаковой мере изволение Божие (303). С обоими соединяет он в благодати своей определенные цели: в бедном он хочет воспитать терпение, богатому — дать знамение своей милости или

дать ему также возможность доброго употребления своего богатства (304). Отсюда и вытекает долг доброго употребления. Благочестивый христианин не должен также прилепляться к богатству своим сердцем, не должен и употреблять его как средство ко греху. Если он этого не делает, если он употребляет свое богатство сообразно долгу, то такому богатству не подобает упрек в *iniquitas*^{101*}, который ему делают иногда (305). Целью богатства никогда, конечно, не может быть само богатство; оно должно всегда рассматриваться только как средство, чтобы служить человеку и через человека Богу. Человек есть ближайшая, Бог — отдаленная цель: *finis propinquus, finis remotus*.

Если *богатство* во все времена рассматривалось схоластиками как угодное Богу состояние, то их отношение к проблеме *обогащения* не всегда было одинаковым. Здесь *св. Фома* был представителем принципиально статической точки зрения, как я ее назвал, — той точки зрения покоящегося состояния общества, которая свойственна всему существу докапиталистической эпохи. Всякий стоит на своем месте и остается на нем всю свою жизнь: у него определенная профессия, определенное сословное положение, определенное пропитание, отвечающее его сословному положению: «содержание сообразно состоянию». Всякие изменения, всякое развитие, всякий «прогресс» суть внутренние процессы и касаются отношений отдельного человека к Богу. Отсюда и мера богатства (*mensura divitiae*), которым мог каждый располагать, была также установлена раз и навсегда: *prout sunt necessariae ad vitam hominis secundum suam conditionem* (он был в той мере богат, как это соответствовало его состоянию).

Подобная точка зрения не могла удержаться в революционных XIV и XV столетиях. Она ежеминутно ставила перед духовными отцами труднейшие проблемы, ибо, проведенная в точности, она приводит к такому окончательному выводу: никто не может своим трудом достичь более высокого общественного положения, никто не может нажить богатства, которое дало бы ему возможность

покрыть издержки возросшего соответственно его состоянию содержания.

Rusticus должен был, следовательно, всегда оставаться *rusticus*'ом, *artifex* — *artifex*'ом, *civis* — *civis*'ом^{102*}, никто не имел права купить сельское имение и т. д.; «*quae sunt manifeste absurda*», что было бы очевидной бессмыслицей, как возражает кардинал *Кайетан* в своем комментарии против защищаемой, по-видимому, *св. Фомы* точки зрения. Очевидно, полагает он, для всякого должна быть возможность подняться выше своим трудом, следовательно, также и разбогатеть. И он обосновывает эту возможность следующим образом: если кто-нибудь обладает выдающимися качествами (добродетелями), которые делают его способным перерасти свое сословное положение, то он должен иметь и право добывать к этому средства, соответствующие более высокому состоянию: его стремление к наживе, его большее богатство остаются тогда все еще в границах его природы; высшее сословное положение отвечает его одаренности; его стремление перерасти свое общественное положение должно быть оцениваемо сообразно размеру его одаренности: «*mensuratur quippe horum appetitus ascendendi penes quantitatem suae yirtutis*». Этим истолкованием правила *св. Фомы* был, таким образом, освобожден путь капиталистическим предпринимателям для их восхождения. Те люди, «которые выделяются из массы благодаря особым дарам», которым «по праву подобает господство над другими, хотя они и не господа», — те люди, ум которых направлен на коммерцию и другие великие дела, как это обозначает *Антонин*: «*intenti ad mercationes et alia magna opera*», они могли теперь с полной апробацией со стороны церковных инстанций стремиться к своей наживе, могли накапливать капиталы, сколько хотели: они оставались теперь безнаказанными (306).

«Сколько хотели», причем само собой разумеется, что их стремление к наживе: 1) осуществляется в границах разума и 2) не нарушает заповедей нравственности в выборе средств. Неразумно и поэтому заслуживает наказа-

ния поведение того, который стремится к наживе из-за наживы, накапливает богатства из-за богатства, стремится вверх из-за самого возвышения. Такое поведение бессмысленно, ибо не имеет границ (307). В такой же мере заслуживает наказания тот, кто в своей наживе соображения морали и общественного долга ставит на задний план, кто не слышит более голоса своей совести, но из-за коммерческой наживы вредит делу спасения своей души (308). Итак, как я это уже указывал, безграничное и беззастенчивое стремление к наживе осуждается всеми католическими моралистами вплоть до новейшего времени. Они представляют тем самым ту точку зрения, которая жива, как мы видели, еще в «буржуа старого стиля», которая, следовательно, господствовала до конца раннекапиталистической эпохи, но которая отнюдь не исключала доброй и радостной наживы. Церковно-нравственное учение хотело влиять не столько на размер наживы, сколько на умонаправление капиталистического предпринимателя. Чему оно хотело воспрепятствовать и несомненно помогло ставить препятствия — это перевертыванию всех жизненных ценностей, как оно совершилось только в нашу эпоху.

Как основной тон во всех замечаниях итальянских позднейших схоластиков об экономических явлениях звучит сердечное и полное понимание участия к «подъему», который в их время и в их стране переживала хозяйственная жизнь; мы должны, следовательно, в нашей терминологии сказать: они безусловно симпатизировали капитализму. И эта симпатия является, очевидно, одним из оснований, почему они с таким упорством держались за каноническое учение о ростовщичестве. «Запрет роста» означает в устах католического моралиста XV и XVI столетий в профессионально-технической терминологии: *«не должно препятствовать деньгам обращаться в капитал»*.

Это воззрение, что «запрет роста» заключал в себе сильнейшее побуждение к развитию капиталистического духа, представляется на первый взгляд парадоксальным. И все же оно само собой вытекает из ма-

ло-мальски внимательного изучения источников, так что я, откровенно признаться, не совсем понимаю, почему еще никто не усмотрел этих соотношений. Может быть, это происходит оттого, что большею частью этими источниками пользовались только неэкономисты, от которых ускользала та шкала понятий, которой мы должны удивляться у Антонина или у Бернарда? *Франц Келлер*, который вполне обладал бы способностью правильно оценить положение вещей, как раз этой части проблемы — правда, пожалуй, наиболее важной — совершенно не коснулся.

У *св. Фомы* понятие капитала находится еще *in statu nascendi*^{103*}. Но и он уже все-таки отличает — хотя еще и по формальным в основе признакам — простую ссуду от помещения капитала и объявляет наживу от первой недопустимой, а от второго — дозволительной (309).

Напротив, у *Антонина Флорентийского* и у *Бернарда Сиенского* понятие капитала развито до полной ясности и обозначается словом «капитал». Тому, что они умели сказать о нем, экономическая наука снова научилась только с Марксом. Так, Антонин развивает — что, собственно, не относится к занимающей нас здесь проблеме — с полным знанием дела положение о значении быстроты *оборота капитала* для повышения прибыли (310).

Нас здесь интересует следующее: помещение капитала (*ratio capitalis*) и денежная ссуда (*ratio mutui*) ставятся в резкую и принципиальную противоположность друг к другу (311). В форме ссуды деньги не приносят плодов, в качестве капитала они плодотворны: «они не только обладают, как таковые, характером денег или вещи, но еще *сверх того имеют творческую способность, которую мы и обозначаем как капитал*» (312).

Церковные авторитеты и выражают теперь свое отношение к вопросу извлечения прибыли в следующей простой формуле.

Простой ссудный процент во всяком виде запрещен; прибыль на капитал во всяком виде дозволена: вытекает ли она из торговых дел или из ссудного «закладного» предприятия: *dans pecuniam artificii ad materias emendas*

et ex artificiata taciendum (313), или она извлекается из транспортного страхования (314), или путем участия в предприятии: malo societatio (315); или как-нибудь еще (316).

Одно лишь ограничение ставится: капиталист должен непосредственно — в прибыли и убытке — участвовать в предприятии. Если он держится на заднем плане, если ему не хватает отваги, «предпринимательского духа», если он не хочет рисковать своими деньгами, тогда он не должен и получать прибыли. Следовательно, и *тогда*, когда кто-либо дает ссуду за твердый процент на производительные цели, но не несет и эвентуального убытка, рост является недозволительным. Отсюда видно, что попытки некоторых противопоставить производительный кредит потребителю (дозволенность роста в последнем, запрещенность в первом) не отвечают духу схоластического учения о прибыли.

Акционерное общество не могло бы, значит, выпускать облигации; банковый депозит не должен оплачиваться процентами (317); ссуда ремесленнику, капитальная сумма который по договору обеспечена от риска, недозволительна (318); договор товарищества дозволен лишь тогда, если все *socii* участвуют также и в убытке (319).

У этих благочестивых мужей видно, как им бы всячески хотелось возбудить предприимчивость; дозволением прибыли они хотят вознаградить «*industria*»: она — источник прибыли на капитал. Деньги одни, понятно, бесплодны, но «*industria*», предпринимательский дух, оплодотворяет их, и они приносят тогда правомерную прибыль (320).

Мы знаем, что схоластики ничто так не осуждают, как бездеятельность. Это с ясностью проявляется и в их учении о прибыли и росте: тот, кто только отдает деньги в ссуду в рост, не действуя сам в качестве предпринимателя, *ленив*, он и не должен получать награды в виде процента. Поэтому запрещен, как мы видели, рост и на такую ссуду, которая употребляется на производительные цели, если производительную деятельность осуществляют *другие*. Очень характерно одно место у *Антонина*, где

он указывает на то, что нобили, которые не хотят работать, дают свои деньги в дело другим, не желая участвовать хотя бы только в риске: процент, который им платят, недозволителен (321).

Но в особенности ненавистным для позднейших схоластиков является поэтому профессиональное *ростовщичество*, смертный враг всякого капиталистического предпринимательского духа. Один из тягчайших грехов — это «скупость», *avaritia*, которая не только не тождественная с нормальным стремлением к наживе, но и представляет прямую ему противоположность. Скупой, *avarus*, — это ростовщик, образ которого *Антонин* с удивительной картинностью вызывает перед нашими глазами: как он сидит, скорчившись над своими сокровищами, дрожит в страхе перед ворами, вечером пересчитывает свои червонцы, ночью видит страшные сны, а днем только выходит на добычу, стремясь залучить кого-нибудь в свои сети. (Мы должны всегда иметь в виду огромную роль, которую ростовщичество в виде потребительного кредита должно было играть в то время при ликвидации феодального общества.)

Из скупости — на это мы должны обратить особенное внимание — вытекает среди других пороков бездеятельность, *inertia*: «скупость, душевное настроение ростовщика, отнимает у скупого всякую энергию, с помощью которой он мог бы дозволенным и полезным образом извлекать для себя прибыль: ростовщик становится ленивым, вялым, праздным. И человек, таким образом, принуждается прибегать к недозволенным средствам наживы» (322).

Здесь учение о дозволенной наживе переплетается с учением о духовных добродетелях — все сводится к одной и той же основной мысли: энергичное предпринимательство угодно Богу; расточительные нобили, вялые домоседы, праздные ростовщики, напротив, отвратительны ему.

ПРОТЕСТАНТИЗМ

Протестантизм означает прежде всего серьезную опасность во всех отношениях для капитализма и в особенности для капиталистического хозяйственного образа мыслей. Это и не могло ведь быть иначе. Капитализм — как на него ни смотреть и как его ни оценивать — происходит из мирского начала, он «от мира сего», и поэтому он всегда будет находить тем более приверженцев, чем более взгляд людей будет устремлен на радости *этого земного мира*, и поэтому же он всегда будет ненавидим и проклинаем людьми, для которых все земное имеет значение только приготовления к жизни в новом мире. Всякое углубление религиозного чувства *должно* порождать безразличное отношение ко всем хозяйственным вещам, а безразличие по отношению к хозяйственному успеху означает ослабление и разложение капиталистического духа. А так как реформационное движение, без сомнения, имело последствием внутреннее углубление человека и усиление метафизической потребности, то капиталистические интересы вначале должны были понести ущерб по мере распространения духа Реформации.

У лютеранства это антикапиталистическое настроение еще усиливалось массивно-домохозяйственным образом мыслей самого Лютера, который в своей хозяйственной философии уходил далеко назад от учения Фомы Аквинского. И мы можем, не думая долго, сказать, что в странах, где лютеранство становится господствующим, воздействие религии на хозяйственную жизнь — поскольку оно вообще имело место — свелось, несомненно, не к способствованию, но безусловно скорее к препятствованию капиталистической тенденции.

Но и там, где одержали победу другие направления протестантизма — в особенности кальвинизм — приходится вначале констатировать сильную вражду церкви против капитализма и против его духа и приходится признать, что новое исповедание было во многих отношении-

ях скорее вредным, чем полезным, для развития капиталистического духа.

Так как в настоящее время привыкли видеть в кальвинизме и тем более в его английско-шотландской разновидности, пуританизме, прямого пособника капиталистическому духу, если уж не его создателя, то является необходимым для меня несколько подробнее изложить антикапиталистические тенденции, присущие кальвинистско-пуританской этике. Я основываюсь при этом исключительно на английско-шотландских источниках, так как ведь в отношении Великобритании предполагают особенно сильное содействие капитализму со стороны пуританизма.

Прежде всего и главным образом в пуританской этике снова более выступает на первый план *идеал бедности* раннего христианства. Оценка богатства и тем самым всякой приобретательской деятельности снова более приближается к Евангелию, и отвращение против земного владения гораздо сильнее, чем у схоластиков. Принципиально пуританизм защищает то же воззрение, что и учение Фомы Аквинского: богатство и бедность — оба одинаково безразличны для спасения души. Но в то же время как у последователей св. Фомы мы заметили склонность к богатству, у пуритан мы, наоборот, находим более сильную симпатию к бедности. Ум этиков обоих направлений объявляет оба состояния безразличными, но сердце схоластиков скорее привержено к богатству, сердце пуритан — к бедности. Так, места, в которых богатство осуждается, в которых указывается на его опасности и беспечность, в *Directory Бакстера* многочисленнее, чем в какой-либо *Summa* последователей св. Фомы. Я приведу несколько таких мест.

«Как мало значат богатство и почести этого мира для души, отходящей в иной мир и не знающей, будет ли она позвана в эту ночь. Тогда возьми с собой богатство, если можешь».

«Работай над тем, чтобы почувствовать великие нужды, которых не могут устранить никакие деньги».

«Деньги скорее отягчат твоё рабство, в котором тебя держат грехи, нежели облегчат его».

«Разве честная бедность не много слаще, чем чрезмерно любимое богатство?»

«Подумай о том, что богатство делает спасение души гораздо более трудным» — со ссылкой на Сократа, Луку 18, 24 и след. («легче верблюду пройти сквозь игольное ушко» и т. д.); Лука 6, 24, 25; I. Тимоф. 6, 10: «любовь к деньгам есть корень всякого зла». «*Верите* ли вы, что *здесь* лежит опасность для ваших душ: как же вы можете тогда любить так деньги и трудиться для их наживы?»

Если богатство досталось тебе по наследству или достается тебе в твоём деле — хорошо, тогда не бросай его, но сделай из него *доброе* употребление (мы ещё увидим, в чем оно состояло). Но «нет основания, почему бы вам желать и искать такой большой опасности (как богатство)».

«Что препятствует обращению грешников более, чем любовь к мирским делам и забота о них. Вы не можете служить и Богу и мамоне».

«Одним словом, вы слышите: любовь к деньгам есть корень всего зла, и любовь отца не с теми, кто любит свет».

«Не напрасно предостерегает Христос от богатства так часто и так убедительно и описывает безумие, опасность и тщету мирского богатства и говорит вам, как трудно спасти богатого» (323).

Резюмируя, *Бакстер* насчитывает следующие отрицательные свойства любви к деньгам:

- 1) она отвращает сердце от Бога к творению (свету);
- 2) она делает глухим ко слову;
- 3) она разрушает святое созерцание (holy meditation and conference);
- 4) она крадет время приготовления к смерти;
- 5) она порождает раздоры в ближайшей округе и войны между нациями;
- 6) она порождает всякую несправедливость и порабощение;
- 7) она разрушает благотворительность и добрые дела;
- 8) она вызывает беспорядочность в семейном быту (disordereth and profaneth families);

9) она вводит людей во искушение греха: «it is the very price that the devil gives for souls»^{104*};

10) она лишает душу общения с Богом.

Вполне понятно, что при этом отрицательном отношении к богатству, которое проявляет строгий пуританин, стремление к обогащению, а значит, прежде всего *капиталистическое стремление к прибыли подвергается еще более строгому осуждению*. Основное настроение и здесь евангельское: «Не заботьтесь о завтрашнем дне...»

«Кто одержим жаждой наживы, тот разрушит свой дом; но тот, кто презирает имение, тот будет жить».

«Разве вы не знаете, что благочестивый человек, который доволен своим насущным хлебом, ведет гораздо более сладкую и спокойную жизнь и умирает более мягкой смертью, чем мучающий себя мирской человек?»

«Если Христос маялся и заботился из-за богатства, то поступайте так же; если он *это* считал за самую счастливую жизнь, то думайте так же. Но если он это презирал, то презирайте это и вы».

«Если бы вы действительно верили, что приобретение святой мудрости настолько лучше приобретения денег, как это говорит Соломон (Притчи 3, 14), то вы бы употребляли больше всего времени на изучение Священного Писания и на приготовление к концу».

«Мучительные заботы здесь и проклятие на том свете составляют действительно дорогую цену, которую вы платите за ваши деньги».

«Смотрите, не любуйтесь слишком успехом и расцветом вашего дела, как те» (Лука 12, 20). («Безумец, этой ночью возьмут у тебя твои сокровища» и т. д.) (324).

Я нарочно взял примеры безусловно враждебного наживе образа мыслей у пуританских моралистов-богословов из *Бакстера*, потому что он является общепризнанным в качестве типического представителя этого направления. Но у других проповедников мы находим совершенно то же самое основное настроение: что вы стремитесь к земным сокровищам? Что вы заботитесь о грядущем дне?

«Если люди не довольны пищей и одеждой, но хотят накопить еще больше, то Бог справедливо поступает с

ними, когда не дает им даже хлеба насущного, — и когда он позволяет их собратьям глядеть на них косо и вымещать на них, пока у них еще есть плоть».

«Вы должны иметь необходимое для жизни: пищу и одежду; если вы стремитесь к большему, если вы желаете быть богатыми и обладать излишними вещами, вы впадаете в многообразные искушения» и т. д.

«Поистине: требовать и стремиться к большему, чем необходимо для поддержания нашей жизни, несовместимо с подчинением, которым мы обязаны по отношению к Богу, и в то же время свидетельствует о нашем тщеславии, безумии и необдуманности».

«Зачем людям ломать себе головы в заботах о завтрашнем дне, когда они даже не знают, будут ли они завтра в чем-либо нуждаться» (325).

Ср. осуждение богатства у *Эбернста*, *Хетчесона* и др. (326).

Этому полному презрению по отношению ко всем земным благам соответствовала *высокая оценка общения с Богом*. Все время, которое не посвящается церковной службе, потеряно. «Насколько большие сокровища можете вы приобрести в известный промежуток времени, чем деньги, если вы проведете его в молитве, проповеди и святых деяниях». Трата времени — чрезмерные занятия мирскими вещами и коммерцией: *excess of wordly cases and business*. Такие люди целиком полны мирских помышлений: утром это их первые мысли, вечером — последние; «свет» не оставляет им времени для серьезных мыслей; «свет» отнимает у них время, которое подобает Богу и их душам, — время, в которое они «должны были бы молиться, читать, размышлять или вести разговор о священных вещах» (327).

И действительно, люди, особенно в Шотландии, этой цитадели пуританизма, долгое время жили согласно этим учениям. Это значит, что они проводили большую часть своей жизни в церкви или в приготовлениях к церковной службе. В субботу, воскресенье и понедельник (все это относится преимущественно к XVII столетию) рыночная торговля была воспрещена. В будни ежедневно

в церкви утром и вечером происходила молитва; проповеди читались от двух до трех раз в неделю; в 1650 г. каждый день после обеда устраивались чтения. В 1653 г. при раздаче причастия дни недели были заняты следующим образом: в среду — пост и восемь часов молитвы и проповедей; в субботу — две или три проповеди; в воскресенье — двенадцать часов службы в церкви; в понедельник — три или четыре проповеди (328).

В каждом слове, в каждом действии благочестивых пуритан того времени звучит с такой силой бегство от мира, как оно прежде проявлялось только у отдельных сект. И если мы все же хотим допустить, что пуританизм не принес прямо с собой уничтожение всякого капиталистического духа, то мы должны полагать, что он другими своими проявлениями оказал — хотя и невольно — благоприятное для капиталистического духа воздействие. Это, пожалуй, так и было в действительности. И я усматриваю заслугу, которую пуританизм безусловно без намерения оказал своему смертельному врагу, капитализму, в том факте, что он вновь явился представителем принципов этики Фомы Аквинского с полной, вновь воспламененной страстностью и в форме, отчасти более резкой и односторонней.

Со всей решительностью пуританская этика требует *рационализации и методизации жизни*, подавления влечений, превращения человека-твари в разумного человека: «Не берите и не делайте ничего только потому, что чувство или страсть хотят этого, но тогда исключительно делайте, когда у вас есть разумное основание так поступать».

Эта мысль в тысяче разных форм с утомительной растянутостью постоянно повторяется у *Бакстера* (329). Главные грехи (*master sins*) — это опять чувственность, услаждение плоти или сладострастие (*sensuality flesh — pleasing of voluptuousness*). Хорошо резюмированы основные идеи пуританской этики в трактате *Айзека Барроу* «*Of Industry*», где написано (330):

«Мы должны держать и регулировать по строгим законам все способности нашей души, все члены нашего тела,

все внутренние процессы и внешние действия так, чтобы умерить наши склонности, укротить наши похоти и упорядочить наши страсти, чтобы хранить сердца наши от тщетных мыслей и дурных желаний, чтобы удерживать язык от злых и ничтожных речей, чтобы направить стопы наши на правый путь и не сбиваться ни направо, ни налево».

Можно признать, что в том несколько ином догматическом обосновании этого верховного постулата рационального, противоприродного образа жизни, какое было излюбленным у различных направлений нелютеранского протестантизма, могло заключаться усиление побуждения к следованию этим предписаниям. Согласно ему, требовалось путем испытанного поведения, носящего специфический характер и безусловно отличного от жизненного стиля «природного» человека, получить гарантированное «состояние благодати». А отсюда вытекала, как нам подробно показал *Макс Вебер*, для каждого отдельного лица потребность в методическом контроле своего «состояния благодати» в образе жизни. Этот созданный таким образом особенный жизненный стиль означал «ориентировавшееся на волю божью рациональное устранивание всего существования». Но проникала ли всегда в сознание обыкновенного человека эта догматическая тонкость? Для него решающим все же было то, что священник (Бог) велит вести этот определенный образ жизни, который мы обозначаем как «рационализированный», но который верующему представлялся не иначе как суммой предписаний. И он следовал велению священника (Бога) в той мере, насколько он был богобоязнен. Но мы сами могли констатировать, что и благочестивые католики мучили себя (и должны были мучить) беспрерывным самоконтролем. А так как *содержание* предписаний в учении св. Фомы и пуританизме дословно то же самое, то несколько более строгое им следование и тем самым более сильная рационализация и методизация образа жизни у пуритан не могут быть объяснены не чем иным, как усилением религиозного чувства у людей XVII столетия.

Дословно то же самое, что положения Фомы Аквинского, гласят и все *отдельные наставления пуританской этики* к благопорядочному образу жизни: мещанские добродетели, провозглашаемые ею, точь-в-точь те же самые, которые мы превозносили у схоластиков.

1. Трудолюбие — *industry* (331). Оно угодно Богу; хотя все дары идут от Бога, однако Господь хочет, чтобы мы их зарабатывали, поэтому мы должны быть *industrious* — это руководящая идея сочинения *Айзека Барроу*, заимствующего почти все свои ссылки из Ветхого Завета. «Должны ли мы одни ходить праздно, когда всякое творение так прилежно» (332); ту же самую фразу мы уже нашли и у *Антониона*. «Праздность есть начало всех пороков» — считается само собою разумеющимся и там и тут (333).

2. Требуется заниматься полезными вещами; спорт, игра, охота, маскарады воспрещены (334) и там и тут.

3. Неумеренность, разврат, пьянство и т. д. — смертные грехи и там и тут. Быть может, в пуританских странах в XVII столетии контроль был строже, чем в итальянских городах XV в.: мы слышим об утонченной системе шпионажа, которая, например, в шотландских городах была развита до совершенства (335). И, быть может, требования были на несколько оттенков строже, чем у последователей св. Фомы. В особенности, пожалуй, в странах пуританизма еще более подавлялась половая жизнь (потому что она больше поддавалась подавлению: предрасположение крови!), чем у католических народов. Целомудрие у англосаксонских народов выродилось в *pruderie*^{105*}. И пуританизм, наверное, внес свою долю в те лживость и чудачество *in eroticis*^{106*}, с которыми мы еще и поныне встречаемся в Англии и американских государствах Новой Англии. «Мы разъединяем оба пола которые, будучи вместе, тают, как снег на солнце», — хвалится в XVIII столетии крупный купец-квакер из Америки перед своим французским коллегой (336).

4. Бережливость — основная добродетель как у последователей св. Фомы, так и у пуритан (и еще более у родственных им сект). В Шотландии XVII столетия духовенство вновь возобновляет запреты роскоши, оно требует

ограничения роскоши в платье и жилищах, ограничения пышности на свадьбах и т. д. (337). Известно, что главным спортом квакеров была бережливость во всем: даже в словах, в жестах, в обозначении дней недели и т. д. (338).

Эта добродетель у протестантов усиливается до крайностей. И это усиление действительно так велико, что мы *здесь*, может быть, должны констатировать настоящее, единственное различие по существу в социальной этике у пуритан и схоластиков. Если хотеть выразить это различие в *одном* слове, то можно сказать: протестантизм искореняет все следы художественной потребности в чувственном величии и пышности. Несравненную красоту мира идей Фомы Аквинского составляет то, что он в последнем счете рожден из глубоко ощущающего духа. Мы еще чуем в нем божественный дух мировоззрений блаженного Августина. Я напому о том, что нам говорит св. Фома о красоте гармонии в мире и человеке: характер красивого или благоприличного усиливается блеском и подобающим отношением, согласно *Дионисию* (4 de div. nom.), говорящему: «Бог прекрасен как источник гармонии во вселенной и блеске». Поэтому красота тела состоит в том, что оно обладает членами, которые в себе и между собой находятся в добром соотношении, и что окраска занимает известное подобающее место. И подобным же образом духовная красота состоит в том, что поведение и деятельность человека измерены добрым соотношением соответственно духовному блеску разума. Поэтому *Августин* называет (83 qu. 30) честность «духовной красотой».

Это художественное ощущение выражается затем в признании добродетели, которая занимает высокую ступень и которой больше нет места ни в какой протестантской этике: *magnificentia*, т. е. любви к пышности. *Magnificentia* есть стремление «создавать что-либо великолепное и пышное». При этом первым делом имеют в виду церковь и общественную жизнь, публичную роскошь. В определенных случаях, однако, любовь к пышности относится к собственному лицу: как в тех случаях, которые бывают только один раз, например на свадьбах,

так и в длящихся вещах, например в жилище! Особенный характер любви к пышности стремится к великолепию в произведениях искусства (339).

Такая склонность к пышности была, конечно, утрачена протестантами. *Magnificentia* больше не было места в здании их учения, которое было похоже именно на трезвую, холодную, окрашенную в белый цвет церковь-сарай, ставшую на место величественного готического собора, сквозь пестрые стекла которого жаркое солнце шлет свои лучи.

Главной добродетелью в пуританской этике сделалась противоположность *magnificentia*, которую схоластики проклинали как тяжкий грех: *parvificentia*, скряжничество (340).

«Скрягой называют человека, когда его намерения направлены на то, чтобы сделать что-либо мелочное... Любящий великолепие стремится сначала к величию дела, а уже *затем* он обращает внимание на высоту издержек, на которые он идет ради дела. Скряга же думает сперва о том, как бы сделать издержки возможно менее значительными, чтобы израсходовать возможно меньше, и, только основываясь на этом, он хочет совершить преднамеренное дело, именно если оно не слишком дорого стоит» (341).

В развитии бережливости (*parsimonia*), в скряжничестве (*parvificentia*) заключается, быть может, величайшая заслуга пуританской и квакерской этики перед капитализмом, поскольку в нем живет мещанский дух.

Или желательно придавать большее значение оставлению запрета роста? Мы видели, однако, что как раз этот запрет составил одно из сильнейших побуждений к развитию капиталистического духа. Я думаю, что практически эта перемена воззрений моралистов-богословов в вопросе о росте осталась совершенно лишней значения.

Но теперь я еще хотел бы все же положительно сказать, за что *нельзя* делать ответственной пуританскую и квакерскую этику.

1. Безусловно нельзя — за обоснование и развитие мещанских добродетелей вообще: они были на свете еще за

пару веков до появления пуританизма; мы нашли их в книгах о семье *Альберти* уже в полной законченности. Поскольку, следовательно, в их возникновении виновна религиозная система, таковой является католицизм. Протестантской этике ничего не оставалось, как только перенять уже созданное учением св. Фомы.

2. Но и за безграничный расцвет стремления к наживе, за бесконечное делание денег, за деловую идиосинкразию, которую мы могли констатировать в качестве признака высококапиталистического духа, не хотел бы я делать ответственным пуританизм. Мы видели, как пуританский проповедник нравственности был в глубине своего сердца враждебен всякому стремлению к наживе. Но всегда, даже поскольку он признает самое стремление к прибыли и богатству, он делает это с молчаливой или положительной оговоркой: стремления к прибыли и наживе не должны никогда становиться самоцелью. Они могут найти себе оправдание только в богоугодном употреблении богатства и дозволены лишь, поскольку не вредят спасению души предпринимателя. И здесь, частью в тех же выражениях, возвращаются идеи схоластиков. Вы можете заниматься наживой, гласит сто раз повторяемое положение у *Бакстера*, *если вы нажитое богатство употребляете на то, чтобы делать добро*, — а добро — значит жертвовать Богу и его слугам, помогать бедным, служить общему благу: «in the service of god, in beneficence to out neighbour, in advancing public good» (342)^{107*}.

3. Безусловно, пуританская этика не виновна также и в беззастенчивой наживе. Она и в этом отношении ничем не отличается от деловой морали Фомы Аквинского, одобряя, как и та, только наживу при помощи приличных средств. «То, что человек добывает *честным* путем, то заслуживает похвалы» (343). Более того, она защищает, как и та, в основе все еще идею «справедливой цены», т. е. хочет подчинить рыночный оборот законам справедливости и правды. Идею вполне свободной конкуренции она решительно отвергает: «те люди, которые говорят, что их товар имеет такую цену, сколько за него захотят дать, устанавливают неверный принцип». «Считают ус-

тановленным на рынке, что каждый стремится получить так много, сколько он только может, и „Caveat emptor“^{108*} является единственной гарантией. Но так не бывает между христианами и даже между неверными, обладающими доброй верой или обыкновенным чувством приличия» (344).

4. Наконец, я считаю сомнительным всюду, где в странах с пуританским элементом в населении в послепуританское время наблюдается большой расцвет предпринимательства, рассматривать его без дальнейшего как результат воздействия пуританского мировоззрения. Оно меньше всего вело своих сторонников к далеко идущим или тем более авантюристским предприятиям; самое большее — к благоумеренному торгашеству. *Шотландцы* были пуританами! Я уже указывал выше в одном месте, насколько ошибочным мне представляется обозначать пуританином, например, такого человека, как Сесиль Родс. Или всех больших предпринимателей подобного же калибра, которых выдвинули Англия и Америка в XIX столетии. Это значит уж слишком узко понимать капиталистический дух, если постоянно сводить его таким образом во всех его излучениях к пуританизму: я, полагаю, сказал ясно и отчетливо, что родоначальники наших больших «рискующих коммерсантов» были сделаны из совсем другого теста, что их зовут Рэли, Кавендиш, Дрейк, Фуггер или еще кто-нибудь и что они уже потому, что родились слишком рано, не могли наполнить своей головы теми отвлеченнейшими материями, которые нагромодило в Christian Directory такое привидение, как м-р *Бакстер*.

Несомненно, и среди пуритан были большие капиталистические предприниматели. Но я все же сильно сомневаюсь, обязаны ли они своим величием этике пуританизма или же совершенно иным свойствам крови и стечению обстоятельств. Недопустимо объяснять и появление больших предпринимателей пуританской веры не чем иным, как особенностями пуританской этики. Нашей задачей еще будет в дальнейшем ходе нашего изложения находить многочисленные возможности, которым рас-

цвет капиталистического духа может быть обязан своим возникновением. Лишь *одною* из этих возможностей является подчинение пуританскому нравственному закону. И как я, кажется, показал в настоящей главе, это подчинение могло оказывать всегда лишь незначительное влияние на развитие капиталистического духа.

Глава двадцать первая

ИУДАИЗМ

О еврейской религии и ее значении для хозяйственной жизни, а в частности для образования и развития капиталистического духа, я подробно высказался в моей книге о евреях, к которой я поэтому и отсылаю читателя в случае, если ему последующее изложение покажется исполненным пробелов.

Я защищаю развивавшиеся мною там взгляды в основном еще и поныне, несмотря на резкую критику, которой они подверглись именно со стороны многочисленных раввинов; они, понятно, должны были взволноваться тем, что чуждый им человек вскрыл многие черты их религии, которые им могут представляться «недостатками красоты». Только одно хочу я ответить на ту критику, которая мне ставилась в упрек, что я не обратил внимания на некоторые стороны еврейской религии, — как, например, в особенности на мистицизм, который и в ней имеет место. Не вдаваясь в исследование вопроса, в какой мере правильно утверждение, что наряду с религией Закона в *совокупной* еврейской религии содержатся еще другие составные части, следует же принять во внимание, что я хотел вскрыть связи, существующие *между иудаизмом и капитализмом*. Для этого я не должен был, даже если бы все еврейство в своей религии и обладало еще другими членами символа веры, кроме вскрытых мною, принимать в соображение те проявления религиозного чувства, которые для образования капиталистического духа, очевидно, совершенно не имеют значения, как, например,

какие бы то ни было мистические проявления. Совершенно так же, как я при изображении этики Фомы Аквинского вполне сознательно не коснулся учения любви и благодати Павла и Августина, несмотря на то что оно принадлежит к *официальному* католицизму. Все же официальный иудаизм со времен Эздры стоял, пожалуй, исключительно на точке зрения религии Закона как единственно действительной.

Эти критические замечания в меня, таким образом, не попадают. Но я должен сам исправить себя в одном важном пункте.

Когда я писал свою книгу о евреях, я еще не занимался более глубоко этикой Фомы Аквинского. Я считал поэтому многие положения еврейской религии, как, например, условное признание богатства, в особенности же требование принципиальной рационализации образа жизни, исключительно еврейскими и противопоставлял им воззрения (допуританской) христианской религии. Это было ошибкой. Те особенно для нас важные составные элементы еврейской религиозной системы, и в частности еврейского нравственного богословия, содержатся, правда, не во всем раннем христианстве, но несомненно в учении св. Фомы, как показало его изложение в 19-й главе. Это нас совершенно не может удивлять, так как учение Фомы Аквинского как раз и характеризуется тем, что оно решительно признало еврейский нравственный закон зерном божественного закона природы. Совершенно так же, как и пуританизм, иудаизм в существенных для нас пунктах не учил ничему иному, чем доктрина Фомы Аквинского.

Несмотря на это, в еврейской религиозной системе все же можно найти определенные черты, придающие ей особый отпечаток и тем самым отличающие ее от католической и протестантской религии; само собою понятно, опять только в тех элементах ее этики, которые нас здесь касаются. Как особенность, присущую иудаизму, я хотел бы рассматривать тот факт, что он содержит учения, благоприятные для капитализма, во всей полноте и развивает их со всею последовательностью.

Так, оценка, даваемая еврейскими религиозными учениями богатству, без сомнения, на несколько оттенков благоприятнее, чем даже оценка католического нравственного учения. Это неудивительно, так как ведь для еврея авторитетами являются мудрецы *Ветхого Завета*, воззрения которых в девяноста девяти случаях из ста были благоприятными богатству и зажиточности, тогда как христианские моралисты-богословы все же должны были всегда предварительно раскланиваться евангельским идеалом бедности. В еврейской же религии *вообще* никогда не существовало идеала бедности, который бы пользовался исключительным признанием.

Развитие же рационализма в еврейской религии, без сомнения, было более строгим и всеобъемлющим, чем в католической, и напоминает те же черты у пуританизма. В особенности дисциплина полового влечения, которая, правда, как мы видели, составляет также важный элемент нравственного учения св. Фомы, только в иудаизме и пуританизме доводится до крайности, где она становится вызывающей содрогание карикатурой.

Общим с пуританизмом является у иудаизма то полное искоренение всякого художественного чувства, которое еще так сильно у Фомы Аквинского. Вторая заповедь Декалога^{109*} была почти совершенно оставлена без внимания схоластиками, тогда как на иудаистическое мировоззрение она оказала определяющее влияние.

Особое положение в развитии современного духа составляет далее еврейскому нравственному учению то важное обстоятельство, что оно получило свое содержание уже в такое время, когда христианство шло еще совершенно иными путями. Еврейство любило богатство, когда христиане были еще привержены к еврейскому идеалу бедности, и еврейское нравственное богословие учило прямолинейному и крайнему рационализму, когда в душах христиан еще жила религия любви Павла и Августина. Все благоприятные развитию капиталистического духа элементы этики могли, таким образом, в еврейском народе оказывать свое действие на тысячу лет ранее и в течение долгого хода истории способствовали

процессу отбора, который давно уже приготовил евреев к служению капитализму, когда христианская религия еще только что начинала свое воспитательное дело. При вступлении в капиталистическую эпоху Нового времени еврейский народ был, таким образом, благодаря своей религии уже в высокой степени подготовлен в отличие от какого бы то ни было христианского народа. Евреи имели благодаря этому, если все прочие условия оставались равными, огромное преимущество перед всеми остальными народами.

Однако обстоятельством, благодаря которому еврейская религия была в состоянии оказывать прямо-таки ниспровергающее основы действие, было ее своеобразное отношение к *чужим*. Еврейская этика сделалась двуликой: смотря по тому, шла ли речь о евреях или неевреях, нравственные нормы были различные. То явление, которое первоначально имеет место, пожалуй, в каждой народной этике: двойная мораль по отношению к соплеменникам и чужим, — оно удержалось у еврейского народа благодаря его своеобразным судьбам в течение длинного ряда столетий и оказывало вплоть до самого последнего времени влияние на своеобразие деловых принципов у евреев.

Еврейская религия заключала в себе, таким образом, особое право для иноплеменников, содержание которого я хотел бы и здесь, опираясь на мое прежнее изображение в моей книге о евреях, где читатель найдет и дальнейшее указание источников, передать по крайней мере в основных чертах.

Самое важное и чаще всего обсуждаемое определение этого еврейского права иноплеменников касается запрета *роста* или, вернее, разрешения роста. В древнем еврейском государстве, как и везде (насколько мы можем усмотреть) в начальный период культуры, беспроцентный заем (как бы мы сказали в современной юридически оформленной терминологии) был единственно допустимой или скорее само собой разумеющейся формой взаимопомощи. Но уже и в древнейшем законе встречаются (что также было общераспространенным обыкновением)

определения такого содержания, что «с чужого» (т. е. с иноплеменника) разрешается взимать рост.

Основное место, где это сказано, находится в Толк. 23, 20. Другие места Торы, имеющие отношение ко взиманию роста, — Исх. 22, 25; Кн. Лев. 25, 37. С этими положениями Торы связан уже со времени Танаим и до сегодняшнего дня необычайно оживленный спор, центром которого являются знаменитые разъяснения в Баба Мециа, фол. в 70. У меня такое ощущение, что большая доля этого спора служит исключительно той цели, чтобы затемнить всякого рода софизмами необычайно ясное положение вещей, как оно создано Торой (и как оно, впрочем, еще в почти неизменном виде содержится в Мишне). Толк. 23, 20 гласит ясно: от твоего соплеменника тебе воспрещается взимать рост, а от чужого — разрешается. Правда, *одна* двусмысленность была заключена уже в этом первоначальном тексте: при тождестве в древнееврейском языке будущего времени и повелительного наклонения можно читать это место: от чужого «ты можешь» и от чужого «ты должен» «брать лихву» (что всегда означает не более как взимать проценты).

Для нас совершенно достаточно установить, что верующий находил в Священном писании положения, *по крайней мере* разрешавшие ему взимание роста (в отношениях с «гоями»^{110*}; он был, следовательно, в течение всего средневековья освобожден от тяготы запрета роста, которому подчинялись христиане. Это *право* никогда, насколько мне известно, не подвергалось серьезным сомнениям и со стороны раввинской учености. Но, без сомнения, были также и времена, когда разрешение взимать рост перетолковывалось в обязанность лихоимства с чужого, когда, таким образом, излюбленным было более строгое толкование.

Эти времена были как раз те самые, когда это имело значение для практической жизни: столетие вслед за поздним средневековьем. Писатели, в наши дни трактовавшие этот предмет, по-видимому, не обратили внимания на то, что постановление Толк. 23, 20 в отношении чужих было принято в число *заповедей*, которые управ-

ляют жизнью евреев: *традиция* учила, что чужому *должно* давать займы с лихвой. В этой форме заповедь — 198-я — перешла и в Шулхан-Арух. Современные раввины, которым, к несчастью, такие ясные постановления еврейского права иноплеменников неудобны (почему, собственно?), пытаются затем ослабить значение положений, подобных 198-й заповеди, тем утверждением, что «чужие» в смысле этого места значат не все неевреи, а только «язычники», «служители кумиров». Однако всегда было очень спорным, кто принадлежит к одним, а кто — к другим. И верующий, который запечатлел в своей памяти хотя бы 198-ю заповедь, вряд ли проводил тонкие различия ученых раввинов; ему было достаточно, что человек, которому он давал займы на проценты, был не еврей, не соплеменник, не ближний, а гой.

Итак, религия делала все от нее зависящее, чтобы загнать евреев в течение средних веков в лапы «ростовщичества», и она в этом получала поддержку от христианской религии. Поскольку, следовательно, занятие денежными ссудами получило значение для развития капиталистического духа, еврейское право иноплеменников внесло сюда свою долю. Мы уже познакомились с одним из влияний, которые оказывала ростовщическая профессия: она ослабляла предпринимательский дух. Но она оказала, с другой стороны, и благоприятное влияние на развитие капиталистического духа, как будет показано в своем месте.

Что и в других отношениях положение «чужого» в еврейском (божественном) праве было исключительным, что обязанности по отношению к нему никогда не были такими строгими, как по отношению к «ближнему», к еврею, это может отрицать только незнание или злостное нежелание. Без сомнения, правовые воззрения (и главным образом, пожалуй, воззрения нравов) о характере обращения с чужими испытали изменения в ходе столетий. Но основная идея: к чужому ты обязан относиться с меньшим уважением, чем к соплеменнику, — осталась совершенно неизменной со времен Торы и до наших дней. Это впечатление оставляет всякое беспристрастное изу-

чение права иноплеменников в Священном Писании (главным образом в Торе), Талмуде и Кодексах. Еще и ныне ссылаются в апологетических произведениях на знаменитые места Торы: Исх. 12, 49; 23, 9; Кн. Лев. 19, 33, 34; 25, 44–46; Толк. 10, 18, 19, чтобы вывести оттуда «благоприятное к иноплеменникам» отношение еврейского закона. Но, во-первых, в Галахе, о которой здесь большей частью идет речь, без сомнения, не следует оставлять без внимания «устного» предания; а во-вторых, ведь эти места Торы хотя и содержат поучение хорошо обращаться с «чужими» (который к тому же, конечно, в древней Палестине имел совершенно другое значение, чем позднее в рассеянии: «гер» и «гой» ведь в основе — различные понятия), «ибо и вы были чужими в стране Египетской», но в то же время содержат и указание (или дозволение) считать его обладающим меньшими правами: «Так должно происходить со льготным годом: если кто одолжил что-либо своему ближнему, то он не должен взимать этого. От чужого ты можешь это взимать, но тому, кто твой брат, ты должен отпустить это» (Толк. 15, 23). Все то же самое, как и при взимании роста: различное обращение с евреем и неевреем. И, понятным образом, правовые случаи, когда нееврей обладает меньшими правами, чем еврей, с ходом столетий делались все многочисленнее и составляют в последнем Кодексе уже довольно внушительное количество. Я приведу из Хошен Га-мишпат следующие отрывки (которые, несомненно, не исчерпывают всех тех, где отличное правовое положение чужого выражено положительно): 188, 194, 227, 231, 259, 266, 272, 283, 348, 389 и др.

Великое же значение права чужеплеменников для хозяйственной жизни я усматриваю в двух отношениях.

Прежде всего в том, что благодаря враждебным по отношению к чужим постановлениям еврейского промышленного и торгового права не только оборот с чужими принял более беспощадный характер (т. е. была обострена присущая всяким сношениям с чужими тенденция), но и деловая мораль стала, если можно так выразиться, свободнее. Я соглашаюсь без оговорок, что это последствие не должно

было наступить с необходимостью, но оно могло наступить очень легко, и, несомненно, во многих случаях наступило, в особенности среди восточных евреев. Если, например, одно положение права иноплеменников (оно часто было разъясняемо!) гласило: если язычник (чужой) сам сделает ошибку в счете, то еврей может использовать ее к своей выгоде, и отсюда для него не возникает обязанности обратить на эту ошибку внимание своего контрагента (это положение было принято в Тур; в Кодексе Каро оно сначала отсутствует, но потом вносится туда комментарием Иссерле), то такое правовое воззрение (а им исполнены еще другие многочисленные места Закона) должно было неизбежно вызывать в благочестивом еврее веру в то, что в сношениях с иноплеменниками он вообще не должен быть особенно совестлив. Он не должен был поэтому субъективно считать себя повинным в каком бы то ни было безнравственном образе мыслей или действии (он мог в сношениях с единоплеменниками в точности соблюдать необычайно строгие предписания закона о правильном весе и мере), он мог действовать в самой доброй вере, «обсчитывая» иноплеменника. Правда, во многих случаях ему положительно внушалось: ты должен быть честен *также* и по отношению к иноплеменнику (например, Ch. g. 231), но это приходилось положительно говорить. А потом снова *expressis verbis*^{111*} (Ch. g. 227, 26): «Нееврея можно обсчитывать, ибо сказано в писании 3. Моис. 25, 14, что никто не должен обсчитывать своего *брата*» (здесь речь идет не об обмане, а о более высокой цене, которую берут с чужого).

Это совершенно смутное воззрение: над чужим ты можешь сделать «шму», можешь в сношениях с ним и обсчитать его (этим ты не делаешь никакого греха) — еще, пожалуй, укрепились там, где в изучении Талмуда развивалось это формальное крючкотворство, как во многих еврейских общинах на Востоке Европы. Какое расшатывающее влияние оно оказывало на деловое поведение евреев, наглядно изображает *Грети*, чьи слова (так как он в этом случае, несомненно, не вызывает возражений как свидетель) я хотел бы привести здесь полностью (так как они дают объяснение многим чертам в хозяйственной

деятельности Ашкеназе): «Крючки и выверты, адвокатские штучки, острословие и необдуманное отрицание того, что лежало вне их кругозора, все это стало... основными чертами польских евреев... Честность и правосознание были ими утрачены совершенно так же, как и простота и правдивость. Толпа усвоила себе плутовской характер высших школ и употребляла его, чтоб перехитрить более простодушных. Она находила удовольствие в обмане и в хитростях и даже род победоносной радости. Правда, против соплеменников хитрость не могла быть с успехом применяема, так как они были изощрены; но не-еврейский мир, с которым они вступали в оборот, ощущал ко вреду своему превосходство талмудического духа польских евреев... Испорченность польских евреев отомстила им за себя кровью и имела последствием то, что остальное еврейство в Европе одно время было заражено польским духом. Благодаря эмиграции евреев из Польши (вследствие казацких преследований) еврейство было как бы полонизировано».

Второе, быть может, еще более значительное последствие, которое вызвало особое обращение с иноплеменниками в еврейском праве, заключалось в том, что повсюду переменилось воззрение на характер стремления к торговле и промышленности, и оно уже рано направилось в сторону свободы промыслов и свободной торговли. Если мы узнали в евреях отцов свободной торговли (и тем самым пионеров капитализма), то мы хотим установить здесь, что к этому их не в последней степени подготовило их рано развившееся в фритредерском духе промышленное право (которое всегда имеет значение божественной заповеди), и далее констатировать, что это свободолобивое право подвергалось, очевидно, сильному влиянию права иноплеменников. Ибо можно с достаточной ясностью проследить, что в отношениях с иноплеменниками впервые ослабляются принципы связывающего личность права и замещаются свободными хозяйственными идеями.

Я укажу только на следующие пункты.

Право, регулирующее цену (или политика цен) для отношений с иноплеменниками, в Талмуде и Шулхан-Ару-

хе еще всецело находится во власти идеи с *justum pretium* (как все средневековые вообще), стремится, следовательно, к установлению условий образования цен, опираясь на идею пропитания: в отношении нееврея *justum pretium* отбрасывается, естественным считается «современное образование цен» (Ch. g. 227, 26; ср. уже Б.м.п. 49 и след.).

Но откуда бы ни происходило это воззрение, необычайно важным является самый факт, что уже в Талмуде и еще яснее в Шулхан-Арухе проводятся идеи промышленной и торговой свободы, которые были абсолютно чужды всему христианскому праву средневековья. Выяснить это бесспорным образом и в деталях путем основательного и систематического изучения источников было бы благодарной задачей для толкового историка права и хозяйства. Я должен здесь опять ограничиться выделением нескольких немногочисленных мест, которые, однако, представляются мне достаточными для доказательства правильности моего утверждения. Есть прежде всего место в Талмуде и Кодексах, где принципиально признается *свободная конкуренция* между торгующими (т. е. такое деловое поведение, которое, как мы видели в другой связи, противоречило всему докапиталистическому и раннекапиталистическому представлению о характере честного купца). Б.м.фол. а b 60 гласит (в переводе *Заммтера*): Мишна, р. Игуда учит: «Торговец не должен наделять детей плодами и орехами, так как он приучит их этим приходить к нему. *Мудрецы, однако, разрешают это*. Не следует также портить цену. *Мудрецы же* (полагают): память о нем к добру. Не следует выбирать лопнувшие бобы. Так решает Авва Саул: *мудрецы, напротив, разрешают это*».

Гемара. Вопрос: «Какое основание у раввинов?» Ответ: «*Ибо он может сказать ему: я наделяю орехами, наделяй ты сливами (!)*».

В Мишне стояло: «Не следует также портить цену; мудрецы, напротив, говорят, что память о нем к добру и т. д. Вопрос: Какое основание у раввинов? Ибо он расширяет (сбавляет) ворота (цену)». На пути эволюции к Шулхан-Аруху враждебные промышленной свободе рас-

суждения затем совсем отмерли и «прогрессивное» воззрение осталось одно: «Торговцу разрешается дарить детям, которые покупают у него, орехи и т. п., чтобы привлечь их к себе, он может также продавать дешевле рыночной цены, и рыночные торговцы не могут иметь ничего против этого» (Ch. g. 228, 18).

Сходно гласит определение Ch g. 156, 7 (купцы, привозящие свои товары в город, подлежат различным ограничениям), «но если чужие продают товар дешевле или их товар лучше, чем у горожан, то эти не могут воспрепятствовать чужим, чтобы еврейская публика не получила от этого выгоды» и т. д. Или Ch. g. 156, 5: если еврей хочет дать нееврею взаймы за более низкий процент, то другой не может воспрепятствовать ему в этом.

Совершенно так же мы находим в еврейском праве застывший принцип промышленной монополии сломленным в пользу «промышленной свободы» (по крайней мере в Шулхан-Арухе: если один из жителей переулка, гласит Ch. g. 156, 5, был ремесленником, и другие не протестовали и другой из этих жителей хочет заняться тем же ремеслом, то первый не может воспрепятствовать ему в этом и говорить, что он отнимает у него хлеб, даже если второй — из другого переулка, двора) и т. д.

Не может, следовательно, подлежать никакому сомнению: Бог хочет свободы торговли, Бог хочет промышленной свободы! Какое побуждение к тому, чтобы действительно проявлять их в хозяйственной жизни!

Глава двадцать вторая

УЧАСТИЕ ПРАВСТВЕННЫХ СИЛ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДУХА

Мы в предыдущих главах с полным простодушием, чтобы не сказать наивностью, говорили о воздействии нравственных сил на образование капиталистического духа. Теперь мы должны наконец одуматься и предложить себе вопрос, по какому праву мы это делали и мо-

жем ли мы отвечать за правильность наших утверждений. Этот вопрос в нашем смысле отнюдь еще не решен всем предыдущим изложением. Ибо, что я выяснил, это тот факт, что во многих случаях существует параллелизм между известными явлениями капиталистического духа и известными учениями философии и религии.

Мне могли бы возразить теперь: это параллелизм еще отнюдь не дает права предполагать причинную связь между обоими рядами явлений; напротив, весьма мыслимо, что капиталистический дух питался из других источников, которые придали ему ту же окраску, какая могла бы быть достигнута путем воздействия этических норм.

Далее можно было бы возразить — и это возражение является даже весьма естественным при господствующей ныне во многих кругах привычке мышления: хорошо, пускай существует причинная связь между капиталистическим духом и нравственными предписаниями, но тогда она обратная той, которую вы приняли: не капиталистический дух образовался из нравственных требований философии и религии, но эти последние суть не что иное, как «отражение» своеобразных хозяйственных отношений, которые находят свое выражение в определенном хозяйственном образе мыслей.

В мое намерение не входит подвергнуть здесь подробному рассмотрению затронутую последним возражением проблему. Все то, что следует сказать об основных отношениях религии и хозяйственной жизни между собою, еще недавно высказал *Эрнест Трёльч* в справедливых суждениях и с весьма далеко идущей предупредительностью к идеям «материалистического понимания истории». Я хочу, напротив, в этом месте ограничиться кратким определением моей точки зрения в этом вопросе только затем, чтобы, исходя отсюда, разрешить специальный случай, который нас здесь занимает, т. е. ограничить до некоторой степени точно вероятное «участие нравственных сил в строительстве капиталистического духа».

Как бы ни объяснять гениальность основателя религии — все же для того, чтобы религия пустила корни, в

окружающем мире должны быть налицо определенные предварительные условия. Эти предварительные условия отнюдь не только экономической, но и по меньшей мере настолько же биологически-этнологической природы. От общего характера народа — от свойств его крови и от его социальных жизненных условий — зависит, будет ли принята известная религия (или философия, для которой в меньшем масштабе действительно то же самое), и общим характером народа определяется развитие, которое религиозная система проделывает в ходе времени. Мы можем это также выразить, сказав: для того чтобы религия пустила корни и развивалась в определенном направлении, в народе должно существовать «предрасположение». «Мы с такой же вероятностью можем ожидать того, чтобы семя проросло на голой скале, как и того, чтобы мягкая и философская религия могла быть введена среди невежественных и грубых дикарей».

«Предрасположение» же народа, чем более мы приближаемся к настоящему времени, тем сильнее определяется хозяйственными условиями, так как хозяйственные интересы — по крайней мере в ходе западноевропейской истории — занимают все большее место в душевной жизни людей. Поэтому-то воздействие хозяйственной жизни на религиозные формы тем сильнее чувствуется, чем моложе религия.

Мы можем легко убедиться в правильности этих положений, которые я считаю чрезвычайно важными, если мы сравним между собой силу связей различных христианских религиозных систем с хозяйственной жизнью той эпохи, когда они возникли.

Желать поставить в связь распространение учения блаженного Августина с какими бы то ни было экономическими условиями иначе, чем отрицательным образом, — значит прямо производить насилие над фактами.

Несколько более значение хозяйственных условий выступает уже в отношении развития религиозной системы Фомы Аквинского; именно дальнейшее развитие схоластического нравственного учения в XIV и XV столетиях, представляется мне, находилось в немалой степени под

влиянием развития хозяйственной жизни. В основе же мы можем принять, что и католицизм позднего средневековья питался еще из источников, которые открылись впервые не во время его возникновения и не в местах его возникновения: мы слишком ясно видим, как он составил из религиозных переживаний, будничного жизненного опыта, учений мудрости позднего античного мира и нравственных заповедей еврейского народа.

Напротив, ясно заметно влияние, которое развитое капиталистическое хозяйство оказало на позднейшее развитие кальвинистических направлений — протестантизм. То, что пуританизм в конце концов признал буржуазный образ жизни совместным с состоянием благодати, это было у него *отвоевано и вырвано насильно* мощью хозяйственных условий. Насколько он по своему внутреннему существу был враждебен капитализму, это мы видели. Охотнее всего пуританские проповедники XVI и начала XVII столетия разгромили бы дотла все служение маммоне и на его место поставили бы крестьянско-ремесленное хозяйственное устройство, которое послужило бы гораздо более подходящей рамкой для их противосветских учений. Они не могли, как это делало лютеранство в хозяйственно разгромленной Германии, просто игнорировать начатки и успехи капитализма. Вероятно, с тяжелым сердцем признали они его существование и пытались теперь, насколько это было возможно, примирить его со своими религиозными воззрениями. Насколько окружавшая их хозяйственная жизнь определяла *их учения*, мы усматриваем из той своеобразной формы, в которой они их излагали; известно, что они часто переносили представления хозяйственной жизни своего времени в свое изображение спасительных истин. Так, когда «святой» ведет бухгалтерию своим грехам, различает в них капитал и прибыль, так что «освящение жизни может принять, таким образом, почти характер делового предприятия».

«И *Bakstet* (Saints everlasting rest. с. XII) также разъясняет невидимость Бога следующим замечанием: „Подобно тому как путем корреспонденции можно вести выгодную торговлю с невидимым нами иноземцем, можно и

путем „блаженной торговли“ с невидимым Богом приобрести единую „прелестную жемчужину“. Эти коммерческие притчи вместо употребительных у древних моралистов и в лютеранстве общественных уподоблений очень характерны для пуританизма, который в результате заставляет человека самого „выторговывать“ свое спасение» (345).

Правда, то были вполне привычные представления для иудаизма, как я подробно разъяснил в моей книге о евреях. И вероятно, пуританские богословы впервые нашли эти образы и притчи в сочинениях своих еврейских коллег. Но то, что они их переняли, все же имело своим основанием тот факт, что еврейское богословское мышление именно было уже заранее наиболее приспособлено к существованию капитализма и что оно, следовательно, было уместно в такое время, когда мир снова стал в большей мере наполняться капиталистическим духом. Если бы пуританские проповедники провозглашали свои учения в крестьянско-феодальной или ремесленной обстановке, то было бы просто абсурдным для них внушать свои догматы пастве при помощи образов бухгалтерии, капитала и процентов.

Однако — и в этом вся суть — раз уж религиозная система (или опять: философская система) пустила корни, то заключенное в ней и окруженное ореолом сверхчувственного учение, без сомнения, оказывает обратное действие на жизнь, и безусловно также и на хозяйственную жизнь. И было бы странным, если бы душевный строй хозяйствующих субъектов не подвергся бы также влиянию подобного рода систематически развитых и авторитарно провозглашенных нравственных норм.

Правда, это воздействие опять-таки связано с наличием определенных условий: одного — личного, другого — вещественного характера.

Условие личного характера, которое должно быть выполнено для того, чтобы нравственные силы были в состоянии оказывать воздействие на хозяйственное поведение, следующее: они сами должны иметь силу над душами людей. Самая лучшая этика не оказывает, конечно, действия, когда нет никого, кто бы *хотел* ей следовать,

так как верит в нее. Что это условие было налицо в течение всей раннекапиталистической эпохи, мы сами могли констатировать: интерес к философии в эпоху Rinascimento, а главным образом сильное религиозное чувство во всех странах вплоть до XVIII столетия суть засвидетельствованные факты.

Но и необходимое *вещественное условие* для действия нравственных сил было налицо в эпоху раннего капитализма; я имею в виду сравнительно *незначительную высоту* капиталистического развития, которую мы равным образом уже констатировали.

Пока хозяйственная система еще строится, пока от свободного решения отдельных лиц зависит, как им хозяйствовать, до тех пор нравственные учения и вытекающие из них правила нравственности людей действующих имеют, само собой разумеется, гораздо более широкое поле для своего проявления, чем потом, когда отдельные ветви хозяйственной системы полностью разовьются, отдельные мероприятия будут механизированы и отдельные хозяйствующие субъекты — принудительно втиснуты в определенную линию соотношений.

Но так как мы в течение определенной эпохи, именно эпохи раннего капитализма, видим налицо оба условия, то, полагаю я, мы вправе вывести заключение, что нравственные силы философии и особенно религии, какого бы мы ни были мнения о характере их возникновения, теперь, когда они уже начали проявлять свое действие, также приняли участие в образовании капиталистического духа и что, следовательно, те явления параллелизма, которые мы могли констатировать во многих случаях между нравственным учением и проявлениями капиталистического духа, действительно могут быть истолкованы принятым нами методом, т. е. что моральная норма была причиной, а образование поведения хозяйствующих субъектов — действием.

Следующее, представляется мне, мы можем, если еще раз возвратимся назад, считать в развитии капиталистического духа преимущественно делом нравственных сил:

1. Создание благоприятного для капитализма основного настроения, как бы это можно было назвать: выработку рационализирующего и методизирующего жизнепонимания, в которой философия позднего античного мира, так же как и все три религии, принимает равное участие.

2. Культивирование мещанских добродетелей, о котором равным образом стараются с одинаковой любовью все три религиозные системы, так же как и мудрецы древности.

3. Задержку стремления к наживе и связывание хозяйственного образа мыслей, как это проповедают оба христианских исповедания и как это действительно имеет место в раннекапиталистическую эпоху. Мы можем сказать поэтому, что капитализм до конца этого периода находится под смягчающим влиянием христианского нравственного учения. Кто не видит этого, тот не понял раннего капитализма в его своеобразии.

Особенной, однако, чертой еврейской этики является, как мы видели, то, что она (по крайней мере в обороте с «чужими», который, однако, практически единственно имеет значение) *не знает* тех принципов, при помощи которых христианские исповедания оказывали задерживающее и связывающее влияние на хозяйственную жизнь. Вследствие этого мы и видим, что уже в течение раннекапиталистической эпохи евреи одни ломают рамки старых хозяйственных нравов и становятся на защиту безграничной и беспощадной наживы. Эти идеи сделались потом общим достоянием капиталистического духа уже только в эпоху высшего развития капитализма, т. е. в такое время, когда — особенно в протестантских странах — сила религиозного чувства бесспорно пошла на убыль и когда в то же время влияние еврейства распространилось все больше и больше. Несомненно, следовательно, что в своеобразии высшего развития капитализма повинны также и нравственные силы, в частности повинна религия христианская — тем, что она более не действовала; еврейская — тем, что она как раз еще действовала.

Делать, однако, нравственные силы ответственными за все то развитие, которое капиталистический дух проделывает, как мы видели, с конца раннекапиталистической эпохи, значило бы, с другой стороны, безмерно переоценивать их влияние на хозяйственную жизнь. Мне представляется, что именно те соображения, которые мы только что сделали и которые привели нас к признанию за нравственными силами достаточно значительной сферы влияния, указывают нам, однако, и границы их действия. Я бы провел эти границы следующим образом:

1. Даже пока нравственные ценности признаются людьми, т. е. пока люди являются «верующими» (в самом широком смысле), успешное воздействие нравственных сил в качестве строителей капиталистического духа, равно как и их возникновение, находится в зависимости от наличия известных вещественных условий.

Даже пока люди являются верующими, нравственные силы отнюдь не составляют единственного источника капиталистического духа. Иначе одинаковая религиозная система должна была бы всегда создавать также и тождественный капиталистический дух, что отнюдь не всегда имело место (Испания, Италия) и тождественный капиталистический дух не мог бы произрасти из различных религиозных систем (Италия, Германия, Америка).

Чтобы признать, что нравственные силы не являются единственным источником капиталистического духа, достаточно было бы уже того соображения, что многие стороны этого духа и ряд форм его проявления совершенно не *могут* быть ими созданы по своей природе. Как легко прийти к одностороннему воззрению, если не признавать этих различий, показывают слова, которыми заключает *Франц Келлер* свои удачные объяснения со мной и с моими ранее излагавшимися воззрениями:

«Решающим для возникновения капитализма является не накопление больших богатств в отдельных руках, но тот фонд нравственных сил, которые в ответственности предпринимателя находят свое высшее хозяйственное завершение. Нравственные силы составляют продукт длительного *воспитания* и образуют потом в народе осно-

ву для системы договоров, на которой строится предпринимательская деятельность».

Эти слова содержат безусловно правильное зерно, но они не считаются с многосторонностью проблемы, о которой идет речь.

Во-первых (здесь это не входит в круг рассмотрения), для возникновения *капитализма* (как хозяйственной системы) «решающим» является *как* накопление крупных состояний, *так* и образование капиталистического духа и еще многое другое. Никогда не могут хозяйственные *формы* проистекать из нравственных стремлений какого бы то ни было рода. Против этого недоразумения решительно восстал уже *Макс Вебер*, когда ему захотели приписать попытку вывести весь капитализм из религиозных мотивов (346).

Но если даже мы будем иметь в виду только «дух» в хозяйственной жизни: хозяйственный образ мыслей в его самом общем смысле, то мы знаем теперь уже, полагаю я, что этот капиталистический дух представляет пеструю смесь душевных состояний самого разнородного характера, из которых только некоторые элементы поддаются по природе своей воздействию нравственных сил, как я говорил, и, следовательно, могут быть приобретены путем воспитания. Это те элементы, которые мы можем обозначить в самом широком смысле как «добродетели»: *добродетели* духа, добродетели характера, которые в совокупности опять-таки сводятся к дисциплинированию нашего природного существа, к воспитанию интеллекта и воли.

Эти добродетели могут быть приобретены, и путь к ним ведет через признание и следование определенным нравственным нормам, как этому учит этика. Мы не забудем при этом, что и приобретение этих добродетелей предполагает наличность определенных задатков в крови, что оно одной натуре дается легче, чем другой, потому что она лучше «предрасположена». Как бы то ни было; здесь настоящее поле деятельности для нравственных сил и их «педагогического дела».

Но, кроме добродетелей, в капиталистическом духе содержатся, как нам известно, еще и другие элементы, из

которых одни вообще не поддаются приобретению, потому что они должны быть врожденными: это *таланты*, особые задатки идущего на риск предпринимателя, предприимчивого спекулянта, ловкого счетовода. Никакая нравственная сила в мире не может сделать из балбеса гения, из мечтателя счетовода. Правда, и таланты также могут быть «развиваемы», и таланты могут (путем отбора) умножаться и усиливаться; но ни в их развитии, ни в их отборе не принимают участия нравственные силы.

Наконец, мы нашли в капиталистическом духе наряду с добродетелями и талантами еще и *техническое умение: навыки справляться* с делами, счетные организаторские навыки, на приобретение которых нравственные силы точно так же не оказывают влияния, которым, напротив, надо обучать путем преподавания. Опять-таки наиболее нравственно совершенный человек будет плохим капиталистическим предпринимателем, если он ведет свои книги по неправильной системе и сам в своих расчетах делает ошибки. Мера капиталистических навыков определяется суммой накопленного технического умения, с одной стороны, способностью и волей к его изучению — с другой. Из этих факторов, определяющих их объем, нравственному усовершенствованию поддается только последний: воля к их изучению, иными словами, прилежание. Оба остальных опять-таки не допускают воздействия со стороны нравственных сил: сколько приемов будет изобретено с течением времени — зависит от дара изобретательности, который либо есть в наличности, либо его нет; то же, как скоро, насколько легко и полно их себе усвоят хозяйствующие субъекты, зависит, в свою очередь, от их одаренности. А она от природы бывает разной степени. Ее средняя, равно как и ее высшая, мера могут равным образом быть повышены в ряде поколений — путем отбора. Но этот отбор производят снова не нравственные силы.

Итак, мы *не* можем делать их ответственными за развитие многих элементов капиталистического духа, даже если они в известной нации и сохранили еще в полном объеме силу своего влияния. Ну, а как же, когда эта предпосылка отпадает, как это, без сомнения, имеет место у

христианских народов с конца раннекапиталистической эпохи? Как, когда за это время капиталистический дух произвел такие низвергающие основы перемены, какие мы были в состоянии констатировать? Перемены, которые только и были возможны при пренебрежении ко всем заповедям, провозглашаемым христианскими учителями нравственности, будь то католики или протестанты? Перемены, основанные на ломке всех тех граней, которые католицизм и протестантизм провели поведению хозяйствующего субъекта? Перемены, которые можно согласовать с одной только единственной этикой — еврейской? Мы не будем столь лишены критицизма и не будем приписывать все своеобразие современного экономического человека влиянию еврейской морали (как бы значительно все же ни было это влияние).

Итак, мы принуждены будем поискать еще *другие* источники, из которых произошел это высококапиталистический дух.

Действие других сил, кроме сил нравственных, мы должны, следовательно, предположить во все времена: в раннекапиталистическую эпоху *наряду* с ними, в высококапиталистическую эпоху *вместо* них. Эти другие силы проистекают из общественных отношений. Из каких? Это попытается установить следующий отдел.

Отдел третий

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Глава двадцать третья

ГОСУДАРСТВО

Если я в этой и в следующих главах хочу попытаться выяснить те внешние (общественные) отношения, которые оказали определяющее влияние на ход духовного развития современного экономического человека, то это может иметь лишь тот смысл, что я, с одной стороны, дам возможно более полный обзор причинных комплексов, вообще входящих в круг рассмотрения, а с другой стороны — подвергну более сильному освещению некоторые немногие, представляющиеся мне особенно важными пункты, чтобы они ярче запечатлелись в глазах читателя. Изображать большее значило бы писать историю хозяйства, более того — историю культуры, еще более — всеобщую историю последнего полутысячелетия, ибо какая часть этой истории не стояла бы с занимающей нас проблемой в более или менее тесной связи.

Если я первым из этих причинных комплексов обсуждаю государство, то это происходит не только вследствие того, без сомнения, крупнейшего значения, которое само его развитие имеет для образования капиталистического духа, в особенности в эпоху раннего капитализма, но и потому, что оно, подобно корке, заключающей зерна плода, включает в себе длинный ряд других причинных комплексов.

Я хочу показать, чем государство способствовало капиталистическому духу. Но предварительно я не могу не упомянуть о том, что оно во многих отношениях было и препятствием для его развития.

Не может подлежать сомнению, что преувеличенный фискализм может задерживать и в конце концов убить предпринимательский дух. Если налоги так высоки, что они чересчур сокращают прибыль, слишком сильно отягощая самого предпринимателя или благодаря повышению заработной платы делая невозможной конкуренцию данной отрасли промышленности с заграницей, то охота использовать свои деньги в качестве капитала мало-помалу уменьшится. Известно, что «хозяйственное падение» Испании, начиная с XVII столетия (Ранке), равно как и быстрый упадок голландской промышленности в течение XVIII столетия (Люзак и Прингсгейм) ставят в связь с чрезмерной тяжестью налогов в этих странах. Подобно неправильной налоговой политике, и неправильные мероприятия торговой или промышленной политики могут — хотя и несомненно только в незначительном объеме — парализующе действовать на предпринимательский дух. Непомерная социальная политика также могла бы придавить его (правда, до сих пор она едва ли делала это).

В другой области, однако, развитие современного государства, без сомнения, оказало задерживающее влияние на расцвет капиталистического духа, причем нельзя даже сделать государственному управлению упрека в том, что оно вело «неправильную» политику. Это в области организации публичного долга. Я в другом случае (347) на цифрах выяснил, какие невероятные суммы с конца средних веков стекались в казну правительств именно на военные цели. Это кровопускание прежде всего отнимало у хозяйственного тела добрую долю его силы (хотя оно потом при употреблении этих сумм на производительные цели и снова усиливалось). Не только уменьшалось количество вещественных средств, в которых нуждается капитализм для проведения своих планов, но и возможность — которая нас здесь интересует — прибыльно вкладывать свои деньги в публичные облигации должна была опять-таки препятствовать расцвету предприимчивости или все же по крайней мере замедлять его: как только богатые люди начинают покупать ренты, вме-

сто того чтобы вкладывать свои деньги в капиталистические предприятия, начинается процесс их духовного ожирения.

Из Англии, Франции, Голландии мы слышим в XVII и XVIII столетиях одни и те же жалобы преданных капитализму людей: деньги, предназначение которых в том, чтобы оплодотворять торговлю и промышленность, кончают тем, что попадают в публичные казначейства, где за них платят большие проценты (348).

Особенно действенный способ умерщвления предпринимательского духа применило государство во Франции, где, как мы уже имели возможность констатировать в другой связи, покупка должностей была в течение долгих столетий институтом, прямо-таки определявшим собою особенный характер общественной жизни. Форма была другая, чем в выдаче публичных долговых обязательств, но действие было то же самое: богатые люди становились спокойными и тяжелыми на подъем и переставали интересоваться капиталистическими предприятиями. При этом особенно хорошо также поддается наблюдению взаимодействие различных сил, оказывающих влияние на капиталистический дух: обладающий с точки зрения капиталистической одаренности задатками ниже среднего французский народный дух (который мы полагали правильным объяснять свойствами кельтской крови) создал институт покупки должностей как отвечающую его природе форму извлечения дохода из денег; этот институт оказал затем, будучи раз создан, парализующее влияние, как мы видели, на предпринимательский дух; из-за этого зачихали, если они и имелись налицо, капиталистические задатки или подвергались отбору более слабо предрасположенные разновидности, благодаря чему потом снова и т. д.

Подобным же образом может влиять позиция, занимаемая государством по отношению к социальной группировке своего народа, когда оно, например, покровительствует чуждающемуся деловой жизни дворянству и изгоняет из капиталистического мира способнейшие элементы буржуазии тем, что возводит их в это дворянское

состояние. И здесь в единичном случае трудно будет установить, что является причиной, что следствием: вызывается ли отвращение от капиталистических интересов только возведением в дворянское достоинство, или это последнее представляет собою только внешнее признание уже свершившегося в буржуазии внутреннего процесса феодализации.

Этим задерживающим влияниям противостоит, однако, могущественная поддержка, которую государство всевозможными способами оказывает капиталистическому духу.

Прежде всего потому, что оно хочет его поддерживать; сюда относятся, следовательно, все государственные мероприятия в пользу капиталистических интересов.

Государство само было, как нам известно, одним из первых капиталистических предпринимателей и всегда оставалось одним из крупнейших. Благодаря этому оно действует в качестве образца, действует возбуждающе на частный приобретательский дух, действует поучающе во всех организационных вопросах, действует воспитывающе в вопросах деловой морали. Оно оказывает свое влияние на преобразование общественных оценок: делая само коммерческие дела, оно снимает с «грязных промыслов» пятно, присущее им во все докапиталистическое время, возводит «*artes sordidae*» в ранг *gentlemanlike* занятий^{114*}.

Но еще большее влияние на развитие капиталистического духа государство приобретает, естественно, обходными путями: строением своей хозяйственной политики. Здесь мы должны вспомнить о той, без сомнения, весьма крупной поддержке, которая была оказана капиталистическим интересам меркантилистической политикой в эпоху раннего капитализма. То из нее, что имеет непосредственное значение для нашей проблемы, состоит главным образом в следующем.

Это государство во многих местах тащит за уши частных лиц, чтобы они действовали в качестве капиталистических предпринимателей. Оно толкает и гонит их силой и убеждениями в объятия капитализма. Образ физиче-

ского принуждения, который я здесь употребляю, заимствован из сочинения одного камералистического писателя XVIII столетия, который полагает, «что plebs не оставит своей старой погудки, пока его за нос и за уши не потащат к его новой выгоде» (349). Трогательно смотреть, как Кольбер пытается подогнать своих особенно ленивых земляков (350). Позади многочисленных предприятий в течение XVI и XVII столетий в Англии стоит как непосредственно движущая сила, ибо он заинтересован своим кошельком, король (или королева). В долгих беседах такие люди, как Дрейк, как Рэли, побуждаются ими к новым экспедициям: так, последний план Рэли — еще раз поплыть в Гвиану — исходит от нуждающегося в деньгах Якова (351); так, мы видим, что Карл I рассылает своих агентов по стране, чтобы заключать с промышленниками доходные договоры (352).

И потом мы должны вспомнить об искусной системе привилегий, посредством которой меркантилистическое государство поощряло наличные капиталистические интересы, пробуждало стремящиеся к жизни, но еще дремлющие в зародыше или, наконец, закладывало зародыши таких интересов. Весь смысл этих государственных «привилегий» (в самом широком значении) находит прекрасное выражение в одном письме Генриха II французского от 13 июня 1568 г., где он в сухих словах высказывает, что его «„привилегии и благодеяния“ должны побуждать „добродетельных и трудолюбивых“ промышленников к доходным предприятиям» (353).

«Привилегии», которые, таким образом, все покоятся на одной и той же основной идее — путем обещаний материальных или идеальных выгод возбудить к деятельности предпринимательский дух, — принимали весьма различные формы: они являются в виде монополий, т. е. как бы отрицательных привилегий, когда тут предоставляется монополия производства, там — торговая монополия, а здесь — транспортная монополия; они выступают в виде торгово-политических мероприятий защиты или благоприятствования; они принимают, наконец, форму прямых премий. В своем Dictionnaire Савари перечисля-

ет все премии, которыми пытались подстрекать предприимчивость: наделение наследственным дворянством, разрешение натурализации, сложение ввозных пошлин, беспроцентные ссуды, годовые пенсии, свободная варка пива, предоставление мест для построек, освобождение от промыслового надзора, поддержка наличными деньгами и многое другое. «Всем изобретениям приходили на помощь привилегиями и покровительством; королевская казна как бы стояла на рынках и проезжих дорогах и ждала тех, в чьем распоряжении имелось хоть какое-нибудь изобретение, чтобы пограбить их» (Генрих Лаубе). Итак, поддержка и способствование тому «прожектерству», о котором я так пространно рассказывал, со стороны государства!

Оживление предпринимательского духа государство имело в виду и, пожалуй, достигло его в известной мере (не очень большой, ибо в то время, когда событие, о котором я сейчас хочу напомнить, произошло, предпринимательский дух уже был достаточно силен, чтобы обойтись без поддержки государства, которое он скорее, наоборот, принудил к перемене фронта) путем ломки меркантилистическо-цеховой системы и введения «промышленной свободы» в новом хозяйственном праве XIX столетия.

Наконец, государство сделалось сознательным пособником капиталистического духа посредством культивирования школьного дела во всех его различных ступенях. Мы использовали возникновение учебных заведений в ранее изложенных отделах этого труда в качестве симптома наличности, отличающегося по размерам или по характеру капиталистического духа; здесь должно быть подчеркнуто их значение в качестве источника этого духа. Начиная со счетных школ, которые во Флоренции были основаны уже в XIV столетии, и кончая коммерческими школами и высшими коммерческими учебными заведениями наших дней, вызванные к жизни публичными корпорациями учреждения для распространения и углубления коммерческих знаний сделались в той же мере рассадниками капиталистического духа: здесь главным образом вырабатывалась отчет-

ность, здесь учили правилам хорошей деловой организации и т. д.

Но я думаю, что те формы воздействия, которые государство оказывало, не желая этого, имели еще большее значение для развития капиталистического духа, чем те, которые оно имело в виду (и которые довольно часто совершенно не осуществлялись).

Мы не должны забывать, что государство приобретало в важных случаях большое значение для расцвета капитализма прежде всего своим несуществованием. Или, выражаясь иначе, — если бояться этого парадокса, приписывающего государству способность воздействия и в то же время утверждающего, что оно не существует, — своеобразие государственных отношений порою тем вызывало более высокое и быстрое развитие капиталистического духа, что оно не давало или лишь позднее давало известному государственному образованию возможность превращения в могущественную великую державу. Я имею в виду такие государства, как Швейцария или Германия до 1870 г. В них определенные стороны капиталистического духа вырабатывались безусловно благодаря тому, что их подданным недоставало или недостает опоры в могущественном государстве. Этим самым члены таких наций принуждаются за границей более приспособляться к потребностям рынка, так как они никогда не могут силой добыть себе сбыта, а должны завоевать его путем искусства убеждения и хорошего исполнения: они должны больше напрягать свое остроумие и иметь гибкую спину. Торгашеский элемент в капиталистическом духе развивается благодаря этому, но и деловая энергия может быть усилена. Мы ознакомились с характерными особенностями немецкого буржуазного духа, которые ясно отличают его от английского; одно из оснований этого различия составляет, без сомнения, долгая раздробленность Германии, которая и воспрепятствовала тому, чтобы мы обладали обеспеченными рынками и большой колониальной империей, и которая принудила наших купцов и промышленников добывать себе достойное положение за границей, «место под солн-

цем» без военных кораблей в виде прикрытия тыла (354).

Затем государство оказало мощное содействие капиталистическому духу своим существованием и особенностями своего развития. Я обозначил само современное государство в качестве одной из основных форм предприятия, каковым оно, несомненно, является. Этим самым оно подавало в своей общей организации, в своей должностной иерархии, в отдаленности своих целей и постоянстве их преследования и во многом другом лучший пример крупным капиталистическим предприятиям, действовало, следовательно, возбуждающе и поучающе на организаторский дух, усиливало организаторские способности руководителей этих хозяйственных единиц.

Отдельные ветви государственного управления, которые преимущественно, по-видимому, оказывали влияние на выработку капиталистического духа, суть следующие:

1. Военное дело, формы воздействия которого многочисленны. Быть может, важнейшее социальное событие новой истории есть возникновение профессионального войска: в средние века — рыцарского войска; в Новое время — войска наемников. Большое значение этого события я усматриваю в том, что оно дифференцировало требования, предъявлявшиеся к действиям подданных государства; чтобы удержаться в борьбе за существование, человек требовался более не целиком, человек, обладавший как воинскими, так и хозяйственными способностями и познаниями, — но требовался уже только половинный человек: такой, который годился либо к войне, либо к хозяйствованию. Благодаря этому специфические мещанские добродетели могли сильнее воспитываться; лучшие мещане подвергались отбору, «мещанство» без всякого элемента воинской природы могло выработаться. Что бы случилось, должны мы спросить, например, с флорентийским торговым духом, если бы граждане Флоренции уже столь рано — с XIII столетия — не держали бы для себя наемников, но все были бы обязаны, как германские крестьяне, каждое мгновение хвататься за оружие,

чтобы защитить свою родную землю? Альберти, всегда ясно оценивающий положение вещей, хочет видеть объяснение выдающихся коммерческих способностей своих земляков прямо в том обстоятельстве, что в его родном городе не было повода (и нужды) культивировать воинское ремесло. Благодаря этому, полагает он, главным образом и создалось сильное побуждение доставить себе положение в государстве путем приобретения денежного богатства посредством коммерческой деятельности (355).

Если евреи представляют собой законченный тип народа торгашей, то в этом, несомненно, не в последней степени повинна их судьба, заставившая их в течение двух тысяч лет прожить без воинской деятельности, благодаря чему все воинственные натуры постепенно изгонялись из их национального тела.

На другое соотношение между военным делом и развитием капиталистического духа я уже указывал в других местах (356): я имею в виду поощрение, оказанное дисциплине, с одной стороны, организаторским способностям — с другой, выработкой современного воинского корпуса.

Если мы рассмотрим специфические военные добродетели, начиная с XVII столетия, то мы очень легко заметим, что они по существу те же самые, с какими мы познакомились как с капиталистическими добродетелями. И если мы примем во внимание, что современные военные организации вступили в жизнь задолго до крупных капиталистических предприятий, то мы не сможем и здесь отрицать их влияния на развитие определенных сторон капиталистического духа. Вследствие этого не случайность, что те стороны этого духа, которые обязаны своим существованием хорошей военной выправке, сильнее всего развиты у народов, обладающих особенно блестящей военной организацией, т. е. прежде всего в Германии. Ныне, когда капиталистические предприятия приобретают все большие размеры и все более принимают характер гигантских военных ополчений, эти особенные способности и навыки получают еще большее значение. Ныне беспристрастные иностранцы вполне ясно видят превосходство немецких предпринимателей в этом отно-

шении, и мы слышим также, что это превосходство хорошими наблюдателями ставится в связь с военной выправкой. Так, один понимающий англичанин выражает свое мнение об этих соотношениях в следующих словах:

«Едва ли преувеличивают, говоря, что военная служба, более чем какое бы то ни было иное влияние, создает промышленную Германию. Предприниматели и рабочие вместе прошли через нее; они учились в одной и той же школе и одинаково понимают, что порядок существенно необходим для всякой организованной силы, будь она промышленной или военной» (357).

Что и здесь опять-таки предрасположение в крови и исторические судьбы находятся в отношении взаимодействия, как мы это уже могли констатировать в отношении других явлений, — разумеется само собой.

Когда современное государство развивало свое военное дело, несомненно, ни одному из руководящих лиц не приходило в голову, что с этим новым институтом и в большей мере благодаря ему выдвигался наверх такой элемент населения, который был предназначен послужить взрывчатым веществом по отношению к устоям старого государства: евреи. Я подробно показал в моей книге о евреях, как это они доставляли государям — особенно начиная с XVII столетия — необходимые денежные средства для ведения войны, будь то путем личной ссуды или через посредство биржи, в образовании которой они принимают такое крупное участие; я показал также, какую выдающуюся роль евреи играли в качестве военных поставщиков, т. е. в снабжении войск жизненными припасами, одеждой, оружием. Благодаря этой помощи они, однако, не только разбогатели, но и в социальном отношении улучшили свое положение в стране, так что мы можем делать современное военное устройство в весьма значительной мере ответственным за позднейшую эмансипацию евреев, а тем самым, следовательно, и за распространение свойственного евреям капиталистического духа в современном мире.

Этой мыслью я уже захватил другую специальную область государственного управления, именно:

2. Финансы, которые для выработки капиталистического духа, равным образом имеют значение.

Прежде всего опять-таки в силу того благоприятствования, которое они оказали еврейскому народу: главари его сумели в качестве важных и влиятельных финансовых деятелей сделаться необходимыми современным государям и он тем самым в целом достиг большого могущества. А все — это мы должны раз и навсегда усвоить, — что способно поднять положение евреев, расширить круг их деятельности, усилить их влияние на хозяйственную жизнь, означает сильное поощрение капиталистического духа, и притом всегда в его развитии к высококапиталистическим формам, которые, как нам известно, лучше всего соответствовали еврейской натуре. Это поощрение имело место: 1) путем чисто внешнего увеличения числа еврейских предпринимателей; 2) путем воздействия еврейского духа на христианских предпринимателей; 3) путем распространения, следовательно, этого духа на все более широкие области хозяйственной жизни; 4) путем вызванного этим опять-таки отбора приспособленных к новому деловому поведению разновидностей; благодаря этому снова распространение, расширение, углубление. Это все один и тот же процесс, который мы наблюдаем в различных местах.

Но финансы современных государств и иным образом способствовали развитию капиталистического духа: именно при своем возникновении он несомненно получил существенную поддержку от выработки самой финансовой организации. Здесь внесло свою долю уже ведущееся в духе современности финансовое хозяйство итальянских республик. Мы обязаны прилежным изысканиям наших итальянистов — Зивекинга и др. — знанием того, что, например, коммерческая бухгалтерия была впервые разработана в финансовом управлении такого города, как Генуя; мы знаем или можем догадываться, что потребность в достоверных статистических сведениях, благодаря которым культивировалась и развивалась склонность к учету, впервые была ощущаема финансовыми органами этих стремившихся к расцвету государственных образо-

ваний. «Такая держава (как республика Венеция), основы которой были так сложны, деятельность и интересы которой были распространены на такую широкую сферу, была бы совершенно немыслима без величественного обозрения целого, без постоянного баланса сил и тягот, прибыли и убытков. Венеция могла бы претендовать, пожалуй, на звание месторождения современной статистики наряду с Флоренцией и на втором месте с наиболее развитыми итальянскими княжествами. Только в итальянских государствах последствия полного политического самопознания соединяются с образцом магометанской администрации и с исконными сильными ремеслами в области производства и торговли, чтобы основать настоящую статистику» (358). Какое же воздействие оказало на умы общее изображение социального мира в цифрах, какое сильное поощрение благодаря ему испытала отчетность и тенденция к обращению всего в численные величины, эти важные элементы капиталистического духа, при некотором размышлении, легко «измерить» (говорим мы опять, как будто бы само собою разумеется, что мы всегда ходим в жизни с аршином в руках).

Финансовое хозяйство публичных корпораций было первым крупным «хозяйством», подобно тому как современное государство было первым крупным «предприятием»; по ним, таким образом, капиталистические идеи должны были, как по крупнейшим образцам, ориентироваться в различные стороны.

Устройство же публичного долга стало первой крупной «договорной системой», которая охватывала более широкие круги, чем род и сословие, и нуждалась вследствие этого в других нравственных силах для своего существования, нежели те, которые были присущи исконным обществам; «общественные» связи (в смысле Тённиса) были этим созданы впервые в более крупном масштабе, и те связующие средства, на употреблении которых построен капиталистический междухозяйственный оборот, — коммерческая солидность, добрая вера, обещания на длинный срок вперед и намерения сдержать эти обещания, — нигде не нашли себе так рано и такого всеобщего

го применения, как в крупном деловом управлении расцветающих городов и государства.

В совершенно другом направлении оказало оно затем оживляющее действие на капиталистический дух, когда с ним связываются — как мы видели — первые крупные спекулятивные предприятия: шарлатанство с Южным морем в Англии, шарлатанство Лоу во Франции, которые все же — несмотря на свой «шарлатанский» характер или именно вследствие его — приобрели решающее значение для капиталистического «грюндерства» и были бы немыслимы без своеобразного и значительного развития публичного долгового устройства.

Наконец, мы упомянем об одной отрасли государственного управления, которая, по-видимому, не имеет ничего или имеет очень мало общего с развитием капиталистического духа, но при ближайшем рассмотрении оказывается обладающей величайшим значением для этого развития; я имею в виду:

3. Церковную политику. В более широком смысле, в качестве перковно-политического акта, можно рассматривать и «эмансипацию» евреев, значение которой для выработки высококапиталистического духа стоит вне сомнений. Но не о ней все же я думаю в первую голову, когда на церковную политику современных государств возлагаю долю ответственности за более быстрое и всеобщее распространение капиталистического духа и его одновременное углубление. Самый важный факт — тот, что государство — главным образом посредством выработки государственной церковности — создало понятие и явление еретика или иноверца, как политической или социальной категории. Это значит, что в современных государствах различались две категории граждан: полноправные граждане и полуграждане, смотря по их вероисповеданию, из которых одни, т. е. принадлежащие к государственной церкви, обладали вполне всеми гражданскими правами, тогда как значение полуграждан имели лица других исповеданий, которым в особенности был закрыт или затруднен доступ к общественным должностям и званиям. Везде были полугражданами в этом смысле

евреи вплоть до XVIII столетия включительно и по большей части еще дольше; в католических странах ими были, кроме того, еще и протестанты; в протестантских странах, обратно, — католики и направления, не принадлежавшие к государственной церкви, в Великобритании, таким образом, — пресвитериане, квакеры и т. д.; в пресвитерианских государствах Новой Англии в Америке — приверженцы High Church^{115*} и т. д.

Это «еретичество» как таковое совершенно независимо от самого исповедания, рассматривавшегося как еретическое, мы должны, очевидно, признать важным источником капиталистического духа, так как оно мощно усиливало приобретательские интересы и повышало деловую пригодность. И это по понятным причинам: исключенные из участия в общественной жизни еретики должны были отдавать всю свою жизненную силу на хозяйство. Оно одно давало им возможность доставить себе то уважаемое положение в обществе, которого государство их лишало. Неизбежно должно было произойти то, что в этом кругу «исключенных» значение обладания деньгами оценивалось выше, чем при прочих равных условиях у других слоев населения, так как для них ведь деньги означали единственный путь к могуществу.

С другой стороны, их положение как иноверцев влекло за собой то, что они должны были сильнее развивать свои экономические способности, так как, естественно, для них возможности наживы были затруднены. Только точнейшая добросовестность, только ловчайший учет всего, только полнейшее приспособление к потребностям клиентуры обещало им успех в деле. Преследуемые и заподозренные, пишет Бенуа о гугенотах, как могли иначе завоевать себе твердое положение, если не «своим разумным поведением и своею честностью» (*par la sagesse de leurs mœurs et par leur honnêteté*).

Естественным было и то, что эти еретики в эпоху начинающегося капитализма с особенным рвением посвятили себя именно капиталистическим предприятиям, так как именно они обещали наибольший успех, составляли вернейшее средство достичь богатства, а через него и видно-

го общественного положения. Вследствие этого мы встречаем их в ту критическую эпоху, т. е. главным образом с XVI по XVIII столетие, всюду на первых местах — как банкиров, как крупных купцов, как промышленников. Они прямо господствовали над «торговым оборотом», «the trade». Эта связь была правильно понята лучшими судьями уже в те времена. Испанцы просто говорили, что еретичество способствует торговому духу.

А такой проницательный человек, как Уильям Петти, высказывает о значении «еретичества» для расцвета капиталистического духа следующее интересное суждение (359): «Торговля во всех государствах и при всяком правительстве находится в руках иноверческой партии и тех, кто является представителем иных воззрений, чем те, которые публично признаны; так, в Индии, где признана магометанская религия, самыми значительными купцами являются индусы (the Banians). В Турецкой империи — евреи и христиане. В Венеции, Неаполе, Ливорно, Генуе и Лиссабоне — евреи и непapisty. Даже во Франции гугеноты относительно гораздо сильнее представлены в торговле, тогда как в Ирландии, где католическая вера не признается государством, приверженцы этой религии держат в своих руках значительную часть торговли. Отсюда следует, что торговый дух не присущ какой бы то ни было религии как таковой, но, как уже говорилось выше, связан с иноверчеством в целом, как это подтверждает и пример всех английских больших торговых городов» (Trade in not fixed to any Species Religion as such; but rather... to the Heterodox part of the whole).

С подобными рассуждениями, в частности и относительно значения non-conformist'ов для развития торговли и промышленности в Великобритании, мы встречаемся часто (360).

Что эти наблюдения, как их нам сообщают эти свидетели, были правильны, нам показывает взгляд на хозяйственную историю того времени. Мы особенно хорошо осведомлены о положении во Франции через посредство отчетов интендантов, которые были затребованы королем после отмены Нантского эдикта и которые были собраны и в

извлечениях изложены Буленвилле (361). Из них явствует, что в действительности большая часть капиталистической промышленности и заморской торговли находилась в руках реформаторов (или была в их руках до этого необычайно критического для Франции времени). Железодельная промышленность в Седане, бумажное производство в Оверни, в Ангумуа, в *généralité de Bordeaux*, кожевенные заводы в Турене, соперничавшие с английскими, были исключительно в их руках; в Нормандии, Мене и в Бретани «они обладали почти большей частью процветавших там льнопрядилен»; в Туре и Лионе — производства шелка, бархата и татты; в Лангедоке, Провансе, Дофинэ, Шампани — шерстяной промышленности, в *généralité de Paris* — производства кружев и т. д.

В Гвиенне виноторговля находится в их руках; в двух *gouvernements* (de Brouage et d'Oléron) дюжина семейств обладает монополией торговли солью и вином; в Сансерре они, по отзыву интенданта, «превосходят католиков по численности, богатству и значению». В *généralité d'Alençon* 4000 протестантов господствуют почти над всей торговлей. Та же картина в Руане, Кане, Ниме, Метце.

Внешнюю торговлю они вели охотнее всего с Голландией и Великобританией, а голландцы и англичане охотнее всего вели с ними дела, потому что они питали к ним больше доверия, чем к католикам, полагает Бенуа.

И в качестве банкиров во Франции того времени мы встречаем многочисленных реформаторов; они охотно также берут на откуп подати, к чему они допускались. Известно, что Кольбер очень противился эдиктам, воспретившим их использование в податном управлении.

Таким образом, мы будем вправе присоединиться к суждению Ранке о хозяйственной роли протестантских еретиков во Франции XVII столетия, когда он, резюмируя, говорит (362):

«Отрешенные от военного дела и настоящих государственных должностей, реформаты принимают тем большее участие в финансовом управлении, государственных арендах, устройстве государственного кредита; замеча-

тельно, с каким рвением и успехом они посвятили себя развивавшимся мануфактурам».

Снова напрашивается вопрос: не ошибаемся ли мы, выводя капиталистический дух из «еретичества». Были ли еретики капиталистически настроены, потому что они были еретиками, или, быть может, они были еретиками, потому что уже были охвачены капитализмом? Или — в еще более широком понимании — не были ли они, быть может, еретиками и представителями капиталистических интересов, потому что в равной мере были предрасположены к тому и другому по своей крови? Не являются ли гугеноты во Франции, быть может, принадлежащими к германским племенам, которые были более склонны к капитализму и одновременно к свободным религиозным воззрениям? Без сомнения, возможно, я даже склонен сказать: вероятно, что в «еретичестве» и капиталистическом образе мыслей нашли себе выражения свойства крови и что «еретичество», несомненно, должно быть поставлено в связь и с экономическими причинами. Привести доказательства правильности подобных предположений, конечно, совершенно невозможно. Но если эти предположения и правомерны, то не подлежит опять-таки сомнению, что социальное состояние, созданное «еретичеством», усиливало наличные тенденции: тем, что благодаря ему известные капиталистические задатки были развиты, капиталистически предрасположенные разновидности подверглись более быстрому и решительному отбору, так что мы, во всяком случае, вправе считать «еретичество» источником — и, несомненно, не слабым — капиталистического духа.

Однако с религиозным — и можно добавить, и с политическим — «еретичеством» находится в теснейшей связи другое социальное явление, которое приняло еще гораздо большее участие в строительстве капиталистического духа, чем само «еретичество». Я имею в виду переселения из одной страны в другую, которые совершаются в те века раннего капитализма преследуемыми по религиозным или политическим основаниям. Еретики становятся эмигрантами.

Проблема переселений является, однако, более широкой, чем «эмигрантская» проблема, поскольку подобные переселения имели место и по другим основаниям, кроме религиозных и политических. Вследствие этого я трактую их отдельно и связно и посвящаю им всю следующую главу.

Глава двадцать четвертая

ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Я бы считал для себя необычайно привлекательной задачу написать всю историю человечества с точки зрения иноземца и его влияния на ход событий. Действительно, мы наблюдаем с зари истории, как в малом и большом влиянию извне следует приписывать своеобразное развитие народов. Идет ли речь о религиозных системах или технических изобретениях, о формах будничной жизни или о модах и одеждах, о государственных переворотах или биржевом устройстве — всегда или по меньшей мере очень часто мы находим, что побуждение исходит от иноземцев. Так, и в духовной (и общественной) истории буржуа-иноземец играет чрезвычайно крупную роль. Беспрерывно в течение европейского средневековья и в еще больших размерах в позднейшие столетия семьи покидают свое исконное местожительство, чтобы в другой стране устроить свой очаг. И это как раз те самые хозяйствующие субъекты, которых мы во многих случаях должны признать выдающимися носителями капиталистического духа, основателями и двигателями капиталистической организации. Стоит поэтому проследить те связи, которые, несомненно, имеют место между переселениями и историей капиталистического духа.

Прежде всего факты (363).

Мы можем различать единичные и массовые переселения.

Единичные переселения, в основе которых лежит, следовательно, тот факт, что по индивидуальному поводу

семья (или несколько семей) меняет свое местожительство, т. е. переселяется в другую страну или в другую местность, — такие переселения бывали, конечно, во все времена. Нас здесь интересуют те из них, с которыми связано какое-нибудь движение вперед капиталистического духа, а таковые мы вправе предполагать тогда именно, когда мы встречаемся с эмигрантами как с носителями высшей формы хозяйственного оборота или как с основателями новых промышленных отраслей. Я имею в виду в первом случае «ломбардов» и других итальянских денежных менял, которые в течение позднего средневековья занимаются своим делом во Франции, в Англии и других местах; и я напоминаю о том, как среди других отраслей промышленности в средние века и позднее иноземными пришельцами была развита особенно шелковая промышленность. И притом развита в капиталистическом смысле (так как переход ремесленников с одного места на другое нас в этой связи совершенно не касается).

Так, например, мы узнаем следующее о влиянии эмиграции уроженцев Лукки на развитие венецианской шелковой промышленности:

«Новый фазис развития наступил с эмиграцией купцов и рабочих шелковой промышленности из Лукки, когда эта отрасль промышленности только и достигла полного расцвета; одновременно коммерческий элемент выступил более на первый план: купцы сделались руководителями производства; они передавали свое собственное сырье мастерам для переработки в различных стадиях производства» (364).

И о генуэзской шелковой промышленности:

«Подобно тому как в Венеции с эмиграцией уроженцев Лукки, в Генуе шелковая промышленность пережила большой подъем только благодаря братьям Перолерии и другим купцам, привлечшим в начале XV столетия к себе на службу рисовальщиков узоров из Лукки. Им даже вообще приписывалось введение шелковой промышленности. Одновременно тогда был введен новый социальный строй в генуэзской шелковой промышленности — именно капиталистическая домашняя промышленность, ко-

торая нашла свое выражение в основании шелкового цеха в 1432 г.» (365).

В Болонье, как полагают, в 1341 г. неким Багоньино ди Барчезано из Лукки была основана, быть может, первая современная фабрика-шелкопрядильня, «в которой одна-единственная машина делала работу 4000 прядильщиц» (366).

Лионская шелковая промышленность ведет свое происхождение равным образом от итальянских пришельцев, которые вначале, наверное, занимались ею в чисто ремесленной форме. Для нас интересно, что переход к капиталистической организации в XVI в. опять-таки обязан инициативе двоих иноземцев (367).

То же самое действительно и относительно швейцарской шелковой промышленности: в 1575 г. Пеллигари основывают шелковую мануфактуру с 15, позднее с 30 работниками: «производство с 15 или 30 подмастерьями было до тех пор неслыханным даже в выделке бумаги и в типографском деле» (368); то же самое и в австрийской шелковой промышленности (369).

Шелковая промышленность только главный пример; наряду с нею бесчисленные отрасли промышленности основывались то там, то здесь, то немцами, то голландцами, то итальянцами в чужих странах, и притом по большей части всегда в момент перехода их к капиталистической форме (370).

Еще сильнее, однако, чувствуется влияние иноземцев на ход хозяйственной жизни в тех случаях, когда речь идет о массовых переселениях из одной страны в другую. Таких массовых переселений мы можем с XVI столетия, в котором они начинаются, различить следующие три группы:

- 1) переселение евреев;
- 2) переселение преследуемых за религию христиан, в особенности протестантов;
- 3) колонизация заморских стран, особенно Соединенных Штатов Америки.

Я хочу со всею краткостью — так как подробнее изложение фактического элемента отклонило бы нас от пря-

мого пути нашей мысли — дать необходимейшие указания о ходе тех переселений, поскольку без этих указаний нельзя обойтись, чтобы доставить себе приблизительно верное представление о внешнем путем устанавливаемом значении названных передвижений.

1. Переселения евреев (371)

Евреи — странствующий народ со времен вавилонских. Те пространственные перемещения еврейского народа, которые здесь преимущественно имеют значение, начинаются с конца XV столетия, когда, как предполагают, 300 000 евреев из Испании эмигрировали в Наварру, Францию, Португалию и на восток. Значительная часть этих испанских евреев переселилась в Англию, Голландию и в немецкие города Франкфурт-на-Майне и Гамбург (тогда как в то же время много верхненемецких, а также итальянских городов изгнали своих евреев). Со времени казацких преследований в XVII столетии начинается затем уход восточных евреев из Польши, куда они в течение средних веков бежали из всех стран земли. Этот процесс распыления русско-польских евреев принял довольно медленное течение, когда к концу XIX столетия кратер внезапно опять выбросил большие массы: те бесчисленные сотни тысяч, которые в последние десятилетия искали себе убежища в Новом Свете. В общем, речь идет в этом исходе восточных евреев о движении миллионов. Потеря, понесенная одними только областями восточной части Пруссии из-за эмиграции евреев, за время только с 1880—1905 гг. составляет свыше 70 000 человек.

Что же касается той решающей важности роли, которую евреи играли в истории современного капитализма, направления и объема влияния, оказанного ими на развитие капиталистического духа, то все это мы в ходе настоящего изложения неоднократно имели случай выяснить. Кто стремится узнать больше, того я снова должен просить обратиться к моей книге о евреях, основное содержание которой как раз сводится к выяснению того,

что участие евреев в создании в особенности высококапиталистического духа было весьма значительным.

2. Переселения христиан

Переселения преследуемых за религию христиан, в особенности протестантов (372), приняли с наступлением Реформации характер массовых переселений. Все, пожалуй, страны отдавали и принимали эмигрантов, но известно, что наибольшие потери понесла Франция и что другие страны приняли больше французских эмигрантов, чем потеряли своих жителей. Точное цифровое установление объема этих переселений невозможно. Но можно с уверенностью сказать, что речь шла о многих сотнях тысяч, которые — только внутри границ Европы — переменили свою родину, потому что не хотели менять своей веры. Число одних только тех протестантов, которые после отмены Нантского эдикта (1685) покинули Францию, Вейс (373) оценивает в 250–300 000 (из 1 000 000 вообще протестантов, живших тогда во Франции). Но переселения начались уже в XVI столетии, и Франция была не единственной страной, из которой исходила эмиграция. Однако дело не столько в том, чтобы знать, на сто тысяч больше или меньше принимало тогда участие в переселениях, сколько в том, чтобы уяснить себе значение, которое эти переселения имели для обновления хозяйственной жизни (что нас здесь интересует). А его легко учесть, если взять на себя труд проследить деятельность эмигрантов в странах их назначения. Тогда выясняется, что они повсюду принимали живейшее участие в строительстве капитализма и что в банковом деле и особенно в промышленности все страны обязаны пришельцам значительным шагом вперед; доказывать это в отдельных случаях значило бы писать хозяйственную историю XVII и XVIII столетий. Но я все же хочу по меньшей мере выделить некоторые важные факторы, знакомство с которыми безусловно поможет читателю хотя бы в некоторой степени уяснить себе крупное уча-

стие преследовавшихся за религию переселенцев в строительстве капитализма.

Германские государства принимали, как известно, беглецов более крупными массами из Австрии, Шотландии и Франции. Шотландцы и французы преимущественно имеют значение в качестве представителей капиталистического духа.

Шотландцы приходили в течение XVI и XVII столетий в Восточную Пруссию и Познань большими группами. Они были реформаторского и католического исповедания, но в обоих случаях они покидали свою родину, так как не могли выносить притеснений за свою веру. (Мы помним, что эта народная волна выбросила на прусский берег и предков Иммануила Канта: Kant-Cant!). Шотландцы в Восточной Пруссии были в большинстве «зажиточными и интеллигентными» и считались опасными конкурентами (374). Но они устремлялись и внутрь страны: к концу XVI столетия мы находим постоянные шотландские колонии в Кракове, Бромберге, Познани; везде шотландцы были из видных купцов. В начале XVI столетия более половины познаньских крупных купцов были шотландцами; еще в 1713 г. из 36 членов купеческого сословия их было 8. В одной петиции познаньских купцов к графу Гойму от 11 августа 1795 г. сказано (375):

«Город Познань был обязан своим прежним блеском и размерами своей торговли тем из своих обитателей, которые эмигрировали из Шотландии и, сохранив многие привилегии, устроились здесь в качестве купцов».

Беглецы из Пфальца и Голландии, реформаторы и меннониты, заложили основы крефельдской шелковой промышленности (сразу организованной на капиталистических началах). Члены эмигрировавшей около 1688 г. семьи фан-дер-Лейен должны считаться основателями шелковой промышленности в Крефельде. В 1768 г. фирма Фридр. и Генр. фан-дер-Лейен давала занятие 2800 человекам в шелковой промышленности (376).

Голландские были (наряду с европейскими) руководящими банкирскими домами имперского города Франкфурта-на-Майне.

Известна роль, которую французские эмигранты играли в немецкой хозяйственной жизни XVII и XVIII столетий: они здесь повсюду большей частью только закладывали основания, главным образом капиталистической промышленности, и отдельные крупные отрасли торговли (как, например, шелковыми товарами) держали почти целиком в своих руках.

Важнейшие колонии французских *réfugiés*^{116*} находились (377) в курфюршестве Саксонском, во Франкфурте-на-Майне, в Гамбурге, Брауншвейге, ландграфстве Гессенском (Кассель) и — главным образом — в Бранденбурге-прусском. Число принятых в царствование Фридриха-Вильгельма I и Фридриха III французов оценивается в 25 000, отсюда в один Берлин — 10 000 (378). *Les réfugiés* вводили повсюду систему «*des manufactures réunies*»^{117*}, или, как бы мы сказали, капиталистической домашней промышленности, особенно в производстве шерстяных материй; так, в Магдебурге (в 1687 г. Андрэ Валантэн из Нима и Пьер Клапарэд из Монпелье давали занятие 100 рабочим у ткацких станков и 400 прядильщицам), в Галле, Бранденбурге — м.З. Вестфалии, Берлине — и в производстве шелка. Другими отраслями промышленности, обязанными французам своим основанием или дальнейшим развитием в капиталистическом духе, были производство чулок, шляп (в 1782 г. одним французом в Берлине основывается первая шляпная фабрика с 37 рабочими) (379), кожевенное, перчаточное, писчебумажное, игральные карты, льняного масла, туалетных мыл (в 1696 г. одним французом в Берлине устраивается первая фабрика туалетного мыла (380), свечей, стекла, зеркал и др. (381)).

Среди 386 членов суконного и шелкового цеха в Берлине еще в начале 1808 г. находится не менее 81 французского имени (382).

Голландия со времени отделения семи провинций была убежищем всякого рода беглецов. «*La grande arche des fugitifs*»^{118*}, — называл ее уже Бейль (383). Религиозный интерес отнюдь не всегда был решающим; голландские штаты принимали тех, чье присутствие обещало им вы-

году для торговли и промышленности: язычников, евреев, христиан — католиков и протестантов (384). Так, в царствование Марии Тюдор в Голландию переселилось 30 000 англичан-протестантов; во время Тридцатилетней войны — много немцев, во время испанского деспотического владычества (т. е. уже в XVI столетии) — валлоны, фламандцы, брабантцы из испанских Нидерландов; со времени изгнания евреев из Испании, как мы уже видели, — много евреев; с XVI и особенно в XVII столетии — большое количество французских протестантов, число которых к концу XVII столетий оценивалось в 55–75 000 (385).

Интересно теперь констатировать, что и в этой стране иноземцы приняли особенно активное участие в «подъеме хозяйственной жизни», т. е. в закладке основ и распространении капитализма. Насколько сильно, в частности, биржевая торговля и спекуляция была продвинута вперед евреями, которые в XVII и XVIII столетиях почти исключительно господствовали на амстердамской бирже (386), я подробно выяснил в моей книге о евреях. Но и другие иммигранты заняли вскоре выдающееся место в торговле и промышленности. Так, например, мы встречаем француза, «гениального и неутомимого» Бальтазара де Мушером, в качестве основателя торговых компаний вместе со своим братом Мелькиором, который также был знаменитым коммерсантом (387).

Но особенно умелыми — как и везде почти — французские эмигранты оказались во введении новых капиталистических отраслей. Писатель-современник в XVII столетии констатирует, что свыше двадцати различных родов мануфактур были введены в Голландии этими *réfugiés* (388). Расцвет Амстердама другой писатель того времени приписывает влиянию иностранцев (389). Наряду с Амстердамом из них извлекали выгоду главным образом Лейден и Гаарлем (390). Промышленными отраслями, насаждавшимися французскими *réfugiés*, были, как обычно, прежде всего текстильная (шелковая) промышленность, затем шляпочное дело, бумажное производство, книгопечатное дело (391). Мы можем также ясно наб-

людать: как всегда, именно переход к капиталистической организации должен быть приписан влиянию иностранцев: вплоть до XVII столетия ремесло остается довольно неприкосновенным; затем появляются — особенно во второй половине века — контракты городов с иностранными предпринимателями: в 1666 г. договор магистрата гор. Гаарлема с одним англичанином на предмет устройства зеркальной фабрики, в 1678 г. с И. И. Бехером на предмет основания шелкосучильни и т. д. (392).

Что и в Англии капиталистическое развитие значительно двинуто вперед иноземными пришельцами — менее общеизвестно, но все же не может подлежать сомнению. Пусть даже останется нерешенным, насколько глубокие следы оставили в английской хозяйственной жизни итальянцы, наводнившие Англию в XIV столетии. Такой серьезный знаток, как Кеннингэм, видит, например, в первых английских объединениях капиталистов подражания итальянским образцам (393). Но несомненно, пришельцы XVI и XVII столетий, в частности, выходцы из Голландии и Франции, провели глубокие борозды в хозяйственной жизни Англии. Их число значительно: в 1560 г. уже 10 000, в 1563-м — даже 30 000 фландрских беглецов нашли будто бы приют в Англии (по сообщению испанского посла). Пусть эти цифры и преувеличены, но мы все же можем принять, что они не далеко расходились с действительностью, как это подтверждают достоверные статистические данные: перепись лорд-мэра Лондона от 1568 г. показывает 6704 иностранца в Лондоне, из них 5225 нидерландцы; в 1571 г. в Норвиче — 3925 голландцев и валлонов, в 1587 г. они составляют большинство — 4679 — населения (394). Существуют верные свидетели, утверждающие, что от этих нидерландцев начинается история английской промышленности. Еще значительнее было число французских беглецов, переселившихся в Англию, особенно в XVII столетии. Оно согласно оценивается Бэйдом, Пулем, Кеннингэмом в 80 000 приблизительно, из которых около половины будто бы переселилось далее в Америку. И притом в Англию отправлялись именно более богатые гугеноты (395).

Иноземные пришельцы проявили свой предпринимательский дух в самых различных отраслях торговли и промышленности, для которых они во многих случаях сделались пионерами. Главным образом ими были введены шелковая промышленность, тканье вуали и батиста, ковровое производство, выделка шляп; раньше шляпы поставлялись из Фландрии — les réfugiés основывают мануфактуру для изготовления валяных шляп и *fhrummed hats* в 5-м и 6-м годах царствования Эдуарда VI; бумажное производство: изготовление *papier de luxe*^{119*} введено в 1598 г. немцем Шпильманом; согласно стихотворению Томаса Черчъярда, он дает занятие 600 лицам; стекольная промышленность: в 8 и 9 годы царствования Елизаветы дана привилегия Антони Бину и Джону Кэру (нидерландцам) на 21 год для устройства стекольных заводов, «чтобы изготавливать стекло по образцу французского, бургундского и голландского»; в 1670 г. венецианцы устраивают большую фабрику зеркальных стекол; производство железной проволоки: в 1662 г. введено голландцами; красильное дело: в 1577 г. португалец Перо-Вас-Девора показывает английским красильщикам окраску при помощи индиго, в XVII столетии фламандец Кееплер вводит знаменитое тканье красных сукон, другой фламандец — Бауэр приводит (1667) окраску шерсти в цветущее состояние; ситценабивная промышленность: в 1690 г. введена одним французом; производство кембрика: в XVIII столетии введено в Эдинбурге одним французским реформатором; *standard-industry* Англии: хлопчатобумажная промышленность основывается иностранцами в Манчестере; часовое производство: голландцы изготавливают впервые часы с маятником, которые называются *Dutch clocks*; план водопровода для Лондона делается итальянцем Дженелли; компания немецких предпринимателей занимается в XVI столетии добычей медной руды и медеобрабатывающей промышленностью; шеффилдское производство ножей становится знаменитым лишь благодаря фламандцам, и т. д. в длинном ряде отраслей (396).

Какое сильное влияние оказали иноземные переселенцы на общее развитие швейцарского народного хозяйст-

ва, мастерски изобразил уже Трауготт Гееринг в своей прекрасной книге о торговле и промышленности города Базеля (1886 г.), десятая глава которой трактует о «Локарнцах и гугенотах».

3. Колонизация заморских стран

Народные движения, созданные эмиграцией из Европы в течение последних двух столетий, превосходят по размерам и распространению до сих рассматривавшиеся массовые переселения в огромной степени. Уже к концу XVIII в. число людей, навсегда покинувших Европу, чтобы искать своего счастья в Новом Свете, достигает двухсот тысяч человек: одна только немецкая эмиграция XVIII столетия оценивается Каппом в 80–100 000. Но главный поток течет только начиная с 30-х годов: с 1820–1870 гг., по американской иммиграционной статистике, всего эмигрировало в Соединенные Штаты 7 553 865 лиц. Этот итог распределяется по странам происхождения таким образом, что Великобритания и Германия вместе составляют около двух третей общего числа (3 857 850 и 2 368 483), тогда как на далеком расстоянии следует Франция (245 812), Швеция и Норвегия (153 928) и Китай (109 502), а остальные страны не достигают ста тысяч. В последующие десятилетия эмиграция в Соединенные Штаты еще усилилась: она составила с 1871–1900 гг. приблизительно 12 млн, так что мы можем обозначить число переселившихся в течение XIX в. из Европы в Соединенные Штаты круглой цифрой в 20 млн человек (397).

Как известно, за последнее поколение национальный состав эмигрантской массы коренным образом изменился: основное ядро составляют более не великобританцы и немцы, а итальянцы, славяне и евреи. Для разбираемой здесь проблемы эта новая эмиграция значения не имеет.

Остается теперь выяснить здесь, что «дух», которым исполнены обитатели Нового Света (его мы можем считать показательным для всех остальных областей колонизации), есть ярко выраженный капиталистический дух, так

как я уже констатировал то, что, в сущности, знает каждый читатель, что американцы являются представителями этого духа в его высшей пока что законченности. Я замечу только еще, что душевный строй американского экономического человека является нам в его теперешнем виде уже в то время, когда в Европе еще сильно преобладал дух раннего капитализма. Все сообщения из третьего, четвертого и пятого десятилетий XIX в., целой уймой которых мы обладаем из самых достоверных источников (Токвиль! Шевалье! Фр. Леже!) (398), согласно рисуют нам образ американца того времени в таких красках, что мы едва ли можем провести принципиальную разницу между хозяйственным образом мыслей тогда и теперь: первенство приобретательских интересов — бессмысленный труд — безусловная, безграничная, беспощадная нажива — величайший экономический рационализм: характерные черты высококапиталистического духа, которые нам теперь достаточно знакомы, встречаются уже в образе американца перед гражданской войной.

Если мы, таким образом, наблюдаем, что иноземец — пришелец — проявляет особенно ярко выраженный капиталистический дух, безразлично, в каком месте: в старых ли культурных государствах Европы или в новых поселениях; безразлично до известной степени, какой религии и национальности, ибо мы видим, что евреи и европейцы, протестанты и католики проявляют одинаковый дух, когда они являются иноземцами (французы в Луизиане в середине XIX столетия ни в чем не уступали англосаксам штатов Новой Англии (399)), то мы должны прийти к предположению, что это социальное обстоятельство — переселение или перемена родины — как таковое является основанием для более сильного развития капиталистического духа. И отсюда возникает для нас задача объяснить переселение (в здесь описанном смысле) как источник этого духа.

Мне кажется, что гораздо легче объяснить влияние, оказываемое переселениями, если дать себе отчет в процессах, ведущих к переселению. Тогда тотчас же становится заметным, что при всякой подобной перемене места речь идет о процессе отбора, в котором те или иные капиталистические разновидности переходят к эмиграции. Капиталистические разновидности, т. е. либо уже развитые в капиталистических хозяйствующих субъектов, либо наиболее предрасположенные к тому (обладающие соответствующими задатками) личности. Те индивидуумы, которые решаются на эмиграцию, являются — в особенности или, быть может, только в прежние времена, когда всякая перемена места и особенно всякое переселение в колонию еще было смелым предприятием, — наиболее энергичными, с сильной волей, наиболее отважными, хладнокровными, более всего расчетливыми, менее всего сентиментальными натурами; безразлично, решаются ли они на переселение вследствие религиозного или политического гнета или из стремления к наживе. Именно гнет на родине, как мы уже могли констатировать, есть лучшая подготовительная школа к капиталистическому развитию. Посредством же эмиграции из этих угнетаемых опять-таки отбираются те, которым надоело путем приспособления и унижения сохранять свое существование в родной стране. Что и в отношении их происходит «отбор» наиболее годных (в разумеемом здесь смысле), мы усматриваем уже из того факта, что значительная часть преследуемых по религиозным или политическим основаниям не решается эмигрировать, а старается лучше приспособиться дома: большая часть гугенотов (четыре пятых) осталась во Франции, равным образом много евреев оставалось на востоке в течение столетий, пока не двинулось опять с места.

Быть может, можно также констатировать, что в общем те племена, в которых капиталистические разновидности сильно представлены, и составляют настоящие странствующие народы: этруски (ломбарды), евреи, шотландцы, другие германские племена (из которых образовывались во Франции гугеноты), алеманы (швейцарцы) и т. д.

Само собой разумеется, что высокоразвитые еще до эмиграции капиталистические типы, отравляясь в чужие страны, одним своим распространением мощно способствуют (экстенсивному) развитию капиталистического духа; каждый такой эмигрант действует там, куда он попадает, как бродило на окружающую среду. Тогда как, с другой стороны, те страны, которые утрачивают этих капиталистически предрасположенных Индивидуумов, по необходимости должны ощутить ослабление капиталистического напряжения: Испания и Франция!

Но то, что нас прежде всего интересует, — это вопрос, способствует ли и чем пребывание на новой родине — «чужбина» как таковая — расцвету и усилению капиталистического духа.

Если сводить это, без сомнения, имеющее место влияние к одной существенной причине, то можно сказать: переселение развивает капиталистический дух путем ломки всех старых жизненных навыков и жизненных отношений, которая является его следствием. Действительно, нетрудно свести те душевные процессы, которые мы наблюдаем у чужеземца, к одному этому решающему факту; к тому факту, следовательно, что для него родня, земля, народ, государство, в которых он до тех пор был заключен своим существом, перестали быть действительностью.

Если мы видим, что приобретательские интересы получают у него преобладание, то мы тотчас же должны понять, что это совершенно не может быть иначе, так как деятельность в других профессиях для иноземца невозможна: в старом культурном государстве он исключен из участия в общественной жизни, колониальная страна вообще еще не имеет других профессий. И всякое уютное существование невозможно на чужбине: чужбина пуста. Она как бы лишена души для пришельца. Окружающее не имеет для него никакого значения. Самое большее, он может использовать его как средство к цели — приобретательству. Этот факт представляется мне имеющим большое значение для выработки психики, стремящейся только к приобретению. Это в особенности действительно

в отношении нового поселения на колониальной почве. «Наши ручьи и реки вертят мельничные колеса и сплавляют плоты в долины, как и шотландские; но никакая баллада, никакая самая простая песня не напоминает нам о том, что мужчины и женщины и на ее берегах находили друг друга, любили, расставались, что под каждой крышей в ее долинах переживались радость и горе жизни» (400) — эта жалоба американца раннего времени ясно выражает, что я имею в виду. Это наблюдение, что единственное отношение янки к окружающему есть отношение чисто практической оценки с точки зрения полезности (или по крайней мере было таким прежде), уже часто делалось, особенно теми, которые посещали Америку в начале XIX столетия.

Они не смотрят на землю, говорит один, «как на мать людей, на очаг богов, на могилы отцов, но только как на орудие обогащения». Для янки, говорит Шевалье, не существует поэзии мест и материальных предметов, которой они ограждаются от торговли. Колокольня его деревни для него как всякая другая колокольня; самую новую, лучше выкрашенную он считает самой красивой. В водопаде он видит только водную силу для движения машины. *Лёгер* уверяет, что обычный возглас американцев, когда они в первый раз видят Ниагарский водопад, это: «О всемогущая водная сила!» И их высшая похвала сводится к тому, что он стоит наравне со всеми остальными водопадами на земле по двигательной силе.

Для переселенца — это в одинаковой мере действительно как для эмигранта, так и для колониста — не существует прошлого, нет для него и настоящего. Для него существует только будущее. И раз уже деньги поставлены в центр интересов, то представляется почти само собою разумеющимся, что для него единственный смысл сохраняет нажива денег как средство, с помощью которого он хочет построить себе будущее. Наживать деньги он может только путем расширения своей предпринимательской деятельности. И так как он является отборно годным, отважным, то его безграничное влечение к наживе немедленно перейдет в неутомимую предпринимательскую

деятельность. И эта последняя, таким образом, также непосредственно вытекает из отсутствия ценности у настоящего, переоценки будущего. Ведь и ныне основной чертой американской культуры является ее незаконченность, ее творимое становление: все устремлено в будущее.

«И он не знает, как
Овладеть всеми сокровищами.
Счастье и горе становится фантазией.
Он голодает среди изобилия;
Будь то наслаждение, будь то мука —
Он откладывает все на следующий день,
Знает только будущее
И так никогда не кончает».

Иноземец не ограничен никакими рамками в развитии своего предпринимательского духа, никакими личными отношениями: в своем кругу, с которым он вступает в деловые отношения, он встречает опять только чужих. А как мы уже констатировали, приносящие выгоду дела вначале вообще совершались лишь между чужими, тогда как своему собрату помогали; займы за проценты дают только чужому, говорит еще Антонио Шейлоку, так как только с чужого можно беспощадно требовать назад проценты и капитальную сумму, когда он их не уплачивает. Правом иноземцев было, как мы видели, еврейское право свободной торговли и промышленной свободы. Только «беспощадность», которую проявляют к чужим, могла придать капиталистическому духу его современный характер.

Но и никакие вещественные рамки не поставлены предпринимательскому духу на чужбине. Никакой традиции! Никакого старого дела! Все должно быть вновь создано, как бы из ничего. Никакой связи с местом: на чужбине всякое место одинаково безразлично или, раз выбранное, его легко меняют на другое, когда оно дает больше шансов наживы. Это опять в особенности действительно в отношении поселений в колониальных землях. «Если кто раз из-за наживы предпринял это необычайно рискованное дело: покинул свое отечество и пере-

ехал через океан... все, что принадлежит ему, поставил на карту; ну, тогда он из-за новой спекуляции сравнительно легко предпримет и новое переселение» (Рошер).

Вследствие этого мы уже рано встречаемся у американцев с этой лихорадочной страстью к новообразованиям: «Если движение и быстрая смена ощущений и мыслей составляют жизнь, то здесь живут стократно. Все — круговорот, все — подвижность, вибрирующая живость. Попытка сменяет попытку, предприятие — предприятие» (Шевалье).

Эта лихорадочная тяга к предпринимательству испаряется в сильную страсть к спекуляции. И ее же констатируют в Америке прежние наблюдатели: «Все спекулируют, и спекулируют на всем; но не на тюльпанах, а на хлопке, на землях, на банках и на железных дорогах».

Из всего этого должна с необходимостью вытекать одна черта, которая присуща всей деятельности чужеземца, опять-таки будь он капиталист или эмигрант: это — решимость к законченной выработке экономико-технического рационализма. Он должен его проводить, потому что нужда или свойственная ему жажда будущего его к тому принуждают; он может легче применять его, потому что на его пути не стоит препятствием никакая традиция. Таким образом получает естественное объяснение тот факт, наблюдавшийся нами, что эмигранты в Европе становились двигателями коммерческого и индустриального прогресса, куда бы они ни попадали. Отсюда же не меньшей непринужденностью объясняется известное явление, что нигде новые технические изобретения не получали такого решительного применения, как в Америке: постройка железных дорог, развитие машинизма двигалось вперед в Соединенных Штатах быстрее и шире, чем где бы то ни было еще. Совершенно верно указывает Фогельштейн на то, что только особенный характер этого развития может быть объяснен колониальными условиями страны: дальность расстояний! дороговизна рабочей силы! — но что воля к прогрессу может быть выведена из одной только заранее наличной духовной потенции. Этот душевный строй, который хочет прогресса,

должен хотеть его, и присущ чужеземцу, «знающему одно лишь будущее» и не связанному никакими цепями с традиционными методами.

Излишне говорить, что не одна только чужбина может вызывать такие последствия: если я негра посажу на чужбину, он не будет строить железных дорог и изобретать сберегающие труд машины. И здесь также необходимым условием является известное предрасположение крови, и здесь участвуют многочисленные иные силы: отбор из старых наций дает, как мы видели, нужные типы. Без работы нравственных сил и воздействие остальной обстановки было бы безуспешным. Всему этому учит ведь именно настоящее исследование. Но оно показывает также, я надеюсь, что переселения послужили весьма важным поводом для развития капиталистического духа, именно для его переработки в высококапиталистическую форму. Но что этих источников, из которых проистек дух современного экономического человека, существует еще больше, выяснить это составит задачу следующих глав.

Глава двадцать пятая

ОТКРЫТИЕ ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ ПРИИСКОВ

Для развития капиталистического духа большое значение имеет, одновременно как необходимое условие и как непосредственная двигательная сила, умножение денежного запаса.

1. Минимальное количество металлических денег прежде всего необходимо для создания той сферы, в которой капиталистический дух только и может проявиться: для развития денежного хозяйства. Только когда денежное хозяйство сделалось общей формой хозяйственной жизни, деньги могут достичь того господствующего над всем положения, которое в свою очередь является предпосылкой их высокой оценки. А эта высокая оценка денег и со-

ставляет, как мы уже видели, повод обратить всеобщую и неопределенную жажду золота в жажду денег и тем самым направить стремление к наживе в погоню за деньгами. Безусловно, высшего господства деньги достигли в европейской истории, по крайней мере в отдельных странах (Италия!), самое позднее в середине XIV столетия, так что для нас непонятным является, что жажда денег уже тогда достигла той степени страстности, которую мы имели возможность установить.

Замечательное свидетельство всемогущества денег в то время дает нам чудесное место в письмах Петрарки, которое я в дополнение к сказанному ранее приведу здесь в переводе, потому что оно является, пожалуй, лучшим, что когда-либо было сказано о могуществе денег, и потому также, что оно, насколько мне известно, еще не попадалось на глаза ни одному историку хозяйства. Оно гласит (401):

«У нас, милый друг, уже все из золота: копья и щиты, цепи и короны: золото нас соединяет и связывает, золото делает нас богатыми, бедными, счастливыми, несчастными. Золото побеждает свободных и освобождает побежденных; оно оправдывает злодеев и осуждает невинных, оно делает немых красноречивыми и красноречивейших немymi... Золото из рабов делает князей, из князей — рабов; оно храбрых делает боязливymi и придает смелость трусам; оно создает ленивым заботы и усыпляет трудолюбивых. Оно вооружает безоружных и обезоруживает вооруженных, оно укрощает неукротимых вождей; оно притесняет великие народы; оно создает мощные войска; оно заканчивает в немногие минуты самые длительные войны; оно дает и отнимает мир; оно осушает реки, перерезывает земли, соединяет моря, сносит горы, взламывает вход в монастыри, штурмует города, завоевывает земли, разрушает крепости. Как мы читаем у Цицерона: нет такого укрепленного места, куда бы не нашел пути нагруженный золотом осел. Золото заключает узы дружбы, договоры верности и почетные брачные союзы, ибо оно ведь делает своих обладателей благородными и сильными, и учеными, и прекрасными, и, — что ты удивляешься? — святыми.

Поэтому богатых и называют лучшими людьми в государстве и слово их почитается. К бедным же нет настоящего доверия, потому что у них нет денег. И правильно говорит старик:

„У кого деньги,
У того и честь и доверие в свете“.

Наконец, — неохотно я это высказываю, но правда меня к тому принуждает — не только могущественное золото — оно почти всемогуще, и все под небом подчиняется его власти: золоту служит и благочестие, стыдливость, и вера — коротко говоря, всякая добродетель и всякая слава признают золото господином над собой. И даже над нашими бессмертными душами, накажи меня Бог, господствует сверкающий металл. Золото связывает королей и пап; оно примиряет людей и — некоторые уверяют — даже богов. Ничто не противится золоту; нет для него ничего недостижимого».

Одно лишь денежное хозяйство в состоянии приучить человека к чисто количественному воззрению на мир. Только когда десятилетиями и столетиями постоянно применяются в качестве измерителя ценности все уравнивающий масштаб денег, стирается первоначальное оценивающее род и качество воззрение, и оценивающая количество и массу ориентация становится само собою разумеющеюся в повседневной жизни. Денежное хозяйство есть в настоящем смысле приготовительная школа капиталистического духа; оно выдрессировывает человеческую душу для капиталистического мировоззрения.

Общее употребление денег — в то время всегда металлических и почти исключительно из благородных металлов — составляло еще и предпосылку развития того составного элемента капиталистического духа, который мы обозначили как отчетность. Счет в самодовлеющем хозяйстве и точно так же в натурально-оборотном хозяйстве чрезвычайно затруднителен, если не невозможен, ибо основу счета составляет число, а число должно представлять величину; измеримых же ценностных величин

на практике не существовало, пока не укоренилось денежное их выражение.

Без денежного хозяйства не существовало бы современного государства, которое, в свою очередь, как мы видели, принесло с собою столько поощрения капиталистическому духу; без денежного хозяйства не было бы Антонина Флорентийского и др., как это легко себе представить. Не говоря уже о том, что без денежного хозяйства не было бы и никакого капитализма, т. е. никакого объекта, к которому мог бы относиться капиталистический дух.

И в свою очередь, это мы должны всегда помнить, возникновение и распространение денежного хозяйства было связано с тем совсем простым условием, чтобы в распоряжении известного народа было достаточное количество денежного материала (так как вначале денежные суррогаты совершенно не имели места, то это значит — благородных металлов).

2. Умножение денежного запаса идет большей частью рука об руку с возрастанием отдельных состояний: более крупные денежные массы сильнее накапливаются в отдельных местах. Это увеличение состояний действует в определенном направлении поощряюще на развитие капиталистического духа: оно усиливает жадность к деньгам, с которой мы познакомились как с матерью этого духа.

По-видимому, это заложено в природе человеческой души, что увеличение обладания пробуждает в нас стремление к большему. Это наблюдение делали во все времена и у всех народов.

«Чем больше человек наживает добра,
Тем больше он его любит...»

поет Фрейданк. А у римских писателей мы уже находим выраженной ту же самую мысль.

«Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit», — говорит Ювенал (Сат. 14)^{120*};

«Crescentem sequitur cura pecuniam maiorumque fames», — Гораций (3, с. 16)^{121*}.

«De vray: ce n'est pas la disette, c'est plutôt l'abondance qui produit l'avarice», — полагает *Монтень*^{122*}.

И опыт повседневной жизни, так же как и исторический опыт, подтверждает правильность этих наблюдений.

Поэтому в средние века с жадностью к деньгам и с жаждой наживы мы встречаемся раньше всего у тех, кто первый достиг обладания большими количествами денег: у клира и евреев.

Имеем ли мы в этом простом психологическом факте объяснение безграничности стремления к наживе, которое в конце концов, как мы видели, господствует над современным экономическим человеком? Один из корней этого стремления к наживе, несомненно, вскрыт. С другими мы еще познакомимся.

Но не только собственное обладание усиливает в нас стремление к еще большему: один вид чужих денег, вид больших денежных масс вообще может — когда умы так направлены — свести с ума людей и вызвать в них то состояние горячки, с которым мы познакомились как с признаком всех крупных спекулятивных периодов. Золото, блестящее на наших глазах, звенящее в наших ушах, хлещет нашу кровь, мутит наши чувства, наполняет нас страстным влечением иметь самим как можно больше этого золота. «Поток золота, не уменьшавшийся, но постоянно возраставший, своими чарами вызвал блеск безумной жадности в глазах голов, теснившихся у касс», — когда шла подписка на новые акции нового общества. Это тонкий штрих в «L'Argent» Золя, когда мы видим, как Саккар постоянно возвращается к этому Кольбу, занимающемуся арбитражем на золоте и ежедневно переплавляющему многие миллионы из монеты в слитки; здесь идет призрачный стук и звон, и от этого звона всегда вновь поднимается духом великий спекулянт: эта «музыка золота» звучит во всех делах, «подобная голосам фей из сказок...».

В этом сильном действии, оказываемом на душу человеческую большими массами золота, рука об руку с чисто чувственными впечатлениями идут рефлексированные представления. В обоих только что приведенных приме-

рах очарование оказывает непосредственно оптическое и акустическое чувственное восприятие. В других случаях в равной мере возбуждающе действуют абстрактные представления больших цифр: гигантских прибылей, гигантских состояний, гигантских оборотов. Поскольку же эти действия величин, как это постоянно бывает, являются последствиями умножения запасов денег, значение этих последних снова открывается нашему взору еще с одной стороны.

Покажите только где-нибудь кучу золота, и сердца забьются сильнее.

3. В теснейшей связи с только что наблюдавшимся фактом состоит другое действие, которое я приписываю умножению денежных запасов в стране: оно представляет повод к возникновению спекулятивного духа. Этот дух есть, как нам известно, дитя, порождаемое в диком совокуплении жадностью к деньгам и предпринимательским духом. Умножение же денежных запасов играет при этом как бы роль сводни.

Оно может различным образом поощряюще содействовать возникновению спекулятивного духа.

Прежде всего тем, что большое денежное богатство в стране влияет на уже наличных капиталистических предпринимателей, усиливая их предприимчивость. Эта связь явлений, которая, очевидно, представлялась Кольберу, когда он однажды писал: «Когда в стране есть деньги, возникает общее желание извлечь из них выгоду, и оно побуждает людей пустить их в оборот» (402).

Или же усиление подвоза благородных металлов побуждает в предпринимателях, которые здесь уже становятся спекулянтами, стремление принимать самим участие в добыче золота. Таково было непосредственное влияние открытия Америки на прежде всего заинтересованные нации: Испанию и Португалию. Хороший знаток характеризует его следующими словами:

«Это было то время (около 1530 года), когда предложения колониальных предприятий массами поступали в Индийский Совет, так как снова слухи о расположенной в глубине Южноамериканского материка золотой стране

вызвали страшное возбуждение в умах всех любителей приключений...» (403).

Но я имею в виду, в сущности, не эти влияния умножения денежного запаса. Я разумею тот факт, что это умножение — окольными путями — создало то, что мы называем первоклассным периодом подъема, т. е. такое состояние хозяйственной жизни, как оно впервые посетило европейское поселение к концу XVII и в начале XVIII столетия, как оно затем часто повторялось, в особенности около середины и к концу XIX столетия.

Я пытался в первой книге этого труда дать характеристику последствий того первого периода подъема, или спекуляции, или грюндерства, старался в особенности показать, как тогда появилась совершенно новая форма капиталистического духа — спекулятивный дух, который с тех пор является необходимым составным элементом этого духа. Здесь я бы хотел попытаться проследить, что эта первая спекулятивная и грюндерская мания наступила как непосредственное последствие быстрого и сильного увеличения денежных запасов в обеих наиболее охваченных ею странах: Франции и Англии.

Франция притягивала в течение XVII (и XVIII) столетия большие количества наличных денег в страну, главным образом путем своей внешней торговли. Мы не обладаем для XVII столетия точной статистикой французской внешней торговли, но можем все-таки из некоторых цифр с достаточной ясностью усматривать, о каких значительных суммах здесь должна была идти речь. За пятилетие, с 1716 по 1720 г., которое и было временем самой сильной грюндерской горячки, перевес вывоза над ввозом составлял в среднем за год 30 млн франков (404). Наибольшее количество наличных денег приносила в страну испанско-американская торговля. Она давала сильный перевес актива и позволяла в XVII столетии с избытком покрывать все пассивные сальдо, которые могли возникнуть в торговле с другими странами. Сэньелей отвергает упрек, сделанный Индийской компании, что ее торговля с Индией выкачивает деньги из страны: это испанским серебром платят за индийский ввоз (405). Были

корабли, имевшие на борту золота и серебра на 300 млн франков. Венецианский посол Тьеполо подтверждает тот факт, что Франция наживала большие суммы на американской торговле (406). Англичане считали, что этим путем сотни миллионов попадали в руки французов и эти последние только тем и получали возможность выдерживать войну. Самый большой упрек, который тори делали партии вигов, состоял в том, что она ничего не предприняла, чтобы воспрепятствовать этой торговле (407).

Страной, на которой Франция в XVII столетии наживала большие суммы, была далее Голландия. О Голландии нам известно, что она в это время прямо задыхалась от золота: в 1684 г. было так много свободных денег, что город Амстердам понизил свои облигации с 3.5 до 3% (408). Это денежное полнокровие происходило в те времена отчасти от крупных состояний, привезенных в Голландию французскими эмигрантами (и, несомненно, также и евреями) (409). Но наибольшее количество денег было все же доставлено испанской торговлей, как это согласно подтверждают все компетентные лица (410).

Франция втягивала вплоть до упадка голландско-французской торговли большое количество голландских денег. В 1658 г. вывоз в Голландию составил 72 млн франков, отсюда на 52 млн продуктов промышленности (411). И за эти товары большей частью уплачивали наличными деньгами: де Витт считает, что в то время французы ежегодно получали от голландцев свыше 30 млн гульденов наличными деньгами (412).

Еще больше были, вероятно, те суммы наличных денег, которые к концу XVIII столетия и особенно в первые десятилетия XVIII в. стекались в Англию.

Эти денежные суммы происходили главным образом из трех источников. Это были:

1) те состояния, которые приносили в Англию французские эмигранты. Я в другом месте уже привел цифры этих *réfugiés*. Журьё считает, что каждый из них с собой в среднем принес 300 *écus*. Но еще важнее, что (наряду с Голландией) самые богатые из них переселялись в Англию (413). То же компетентное лицо оценива-

ет суммы, привезенные некоторыми лионскими семьями, в 200 000 талеров;

2) те состояния, которыми обладали переселившиеся в это время из Португалии и Голландии евреи — одни вслед за Екатериной Браганцской, другие вслед за Вильгельмом III (414);

3) избытки, приносившиеся внешней торговлей. Баланс английской внешней торговли был в то время необыкновенно активен: превышение вывоза над ввозом составляло за первое десятилетие XVIII в. в среднем за год от 2 до 3 млн фунтов стерлингов (415). Этот благоприятный торговый баланс достигался главным образом торговлей со следующими странами;

а) с Голландией (416);

б) с Испанией, в которой англичане в XVIII столетии добились ряда важных торговых льгот (417); по Утрехтскому миру, когда между Испанией и Англией был заключен договор *Assiento*^{123*}, Англия выговорила себе право ежегодно отправлять в испанскую Америку корабль в 500 тонн (позднее 650 тонн) с английскими товарами для свободной конкуренции на ярмарку в Порто-Бело и Вера-Круц (418);

в) с Португалией. С этой страной Англия завязала тесные сношения начиная с середины XVII столетия, когда Португалия стала переживать значительный подъем (в 1640 г. она свергла испанское иго; Бразилия в 50-х годах XVII столетия была освобождена от голландского владычества); в 1642 г. был заключен торговый договор, по которому Англия получает преобладание над голландцами в торговле с португальскими колониями; затем последовало бракосочетание Карла II с Екатериной; затем — договор Метьюэна (1703). Благодаря договору Метьюэна в Англию будто бы ежегодно ввозилось 50 000 фунтов стерлингов наличными (419) — цифра, вряд ли являющаяся преувеличенной, если принять во внимание, что, согласно другому свидетельству, Англия вывезла в Португалию товаров в первом же году по заключении договора Метьюэна на 13 млн *crusados* (= 2 1/4 марки) (420);

г) с Бразилией. Сюда шла часть товаров, которые Англия отправляла в Португалию. Но, кроме того, существовала еще значительная торговля непосредственно с самой колонией. Главным образом туда поставлялись тонкие английские шерстяные товары, так как богатые бразильцы с особенной охотой их носили (421).

Мне кажется, вскрытое мною таким образом положение вещей, заключавшееся в том, что Франция и Англия к концу XVII и в начале XVIII столетия были прямо-таки затоплены наличными деньгами, необычайно важно и отнюдь не должно быть упускаемо из виду, если хотеть составить себе правильное суждение о связях и соотношениях хозяйственной жизни в те критические десятилетия; я в другом месте имел возможность установить, что это время лучшими наблюдателями обозначалось как «эпоха грюндерства» (даже не имея в виду спекулятивной горячки, поднятой вокруг Лоу и «Компании Южного моря», составивших только окончание этого периода), как *an age of projecting*. А что это наблюдение было правильно, свидетельствуют факты, в изобилии сообщаемые нам источниками того времени. Здесь было показано, какие потоки денег влились в обе страны и продолжали притекать: мы можем с уверенностью заключить, что они составили основу и повод для этой спекулятивной горячки и что, следовательно, этот величайшей важности случай в экономической истории с поразительной ясностью свидетельствует, какое большое значение имеет увеличение количества денег для развития капиталистического духа (эта сторона проблемы нас здесь одна только и интересует).

Но теперь мы сделаем еще один шаг дальше и спросим: откуда бралась вся та масса наличных денег, которая в то время притекала во Францию и в Англию?

Мои объяснения об источниках этих денег уже содержат ответ: это было серебро американских рудников и золото бразильских рек — им оплодотворялась хозяйственная жизнь Франции и Англии.

Голландия выкачивала испанско-португальские благородные металлы непосредственно на свои рынки; отсюда они прямым путем (эмиграции) или косвенным (торго-

вых сношений) попадали во Францию и в Англию. Эти страны всасывали их и путем собственной торговли, либо через посредство стран-метрополий — Испании и Португалии, либо путем непосредственных торговых сношений с американскими колониями.

Так было начиная с XVI столетия, но в законченную систему это обратилось только в течение XVII в.: в то время Португалия и Испания были действительно только каналами, через которые протекало вовне золото и серебро их колоний (422).

Я приведу еще в заключение цифры добычи благородных металлов в течение этих столетий (по Зётбееру).

Вначале речь идет о серебряных залежах Мексики, Перу и Боливии. Открытие богатых рудников в Гуанаксуато и Потози имело место в середине XVI столетия. Оно повлекло за собой повышение уже и без того значительной добычи серебра с 90 200 кг в среднем за год в период 1521–1544 гг. до 311 500 кг в среднем за годы 1545–1560. В течение XVII столетия добыча серебра держится между 300 000 и несколько выше 400 000.

В XVII в. прибавляется бразильское золото, с открытием которого заканчивается серебряный период капитализма и начинается золотой. В конце столетия были открыты самые богатые залежи, Minas geraes. В период 1701–1720 гг. в Бразилии добывается золота уже на 150 млн марок.

Только теперь мы понимаем процессы, происходившие в западноевропейской хозяйственной жизни с 1680–1720 гг. от самых корней их.

Мы вскрыли теперь нити, связующие развитие капиталистического духа с открытиями золотых и серебряных приисков. Я пытался для одного только этого — правда, наиболее важного — случая дать цифровое доказательство тесной связи, имеющей место между обоими явлениями. Подобное же доказательство может быть дано для тех фактов, что предпринимательский дух, наполняющий немецкое общество в середине XVI столетия, питался из Шваца и Иоахимсталя, что грюндерская лихорадка 50-х годов XIX столетия очагом своего возникновения имела

Калифорнию и т. д. Но это было бы бесполезным нагромождением однородных рядов чисел. И как раз для настоящей задачи вполне достаточным является понимание более глубоких причин первого крупного спекулятивного периода, так как в нем эта особая черта капиталистического духа, страсть к спекуляции, впервые, как мы видели, проявилась в большом масштабе.

Я должен еще сказать два слова в объяснение того, почему я в этой главе говорил сначала об увеличении количества денег и только к концу об открытиях залежей золота и серебра, о которых, согласно моему заголовку, должна была трактовать эта глава. Потому, что в количестве денег проявляется влияние открытий залежей благородных металлов: деньги составляют промежуточное звено, через посредство которого эти открытия оказывают свое воздействие на хозяйственную жизнь. Здесь, правда, должно быть оговорено, что не всякое увеличение количества денег, поскольку оно выражается в обладании ими, должно непременно происходить от повышения добычи благородных металлов: оно может основываться на простом перемещении состояний. Но действительно крупное увеличение частных состояний все же происходило — по крайней мере в ранние периоды капиталистического развития, которые нас в данном случае только и интересуют, — только тогда, когда одновременно сильно возрастала общая масса наличного в стране благородного металла. Это опять-таки могло иметь место путем перевозки из одной страны в другую. Но и для того чтобы эта перевозка могла совершаться с постоянством, было снова необходимо усиление добычи благородных металлов.

Так как такое усиление в века раннего капитализма, с XV или XVI столетия, действительно имело место (о металлической основе итальянского хозяйственного расцвета до XV столетия мы почти ничего не знаем; мы можем пока только предполагать, что капиталистический подъем здесь сделало возможным: 1) немецкое серебро, 2) возвращавшееся из Восточной Римской империи золото и 3) открытия золотых приисков в Африке), то значило бы играть в прятки, если бы мы не вставили его в причин-

ную цепь при вскрытии причин возникновения капиталистического духа.

Без сомнения — снова (как и о всякой такой причине, с которой мы познакомились) и об открытиях золотых и серебряных залежей можно сказать: их одних не было достаточно для выработки современного экономического человека. Не только в том дело, что они оказали влияние лишь на одну сторону его духа: чтобы для них была одна только эта возможность, должны были быть налицо многие другие условия, как они были в те времена налицо в Западной Европе. Какое действие могли оказать эти открытия, когда этих условий не было налицо, мы видели по тем последствиям, которые они имели для самих испанцев и португальцев (423).

Но и наоборот: и при наличии всех остальных условий, необходимых для возникновения капиталистического духа, без американских открытий серебряных и золотых залежей он пережил бы, без всякого сомнения, совершенно другое развитие, чем то, какое ему было фактически предназначено. Без — случайных! — открытий залежей благородных металлов на высотах Кордильер и в низменностях Бразилии не было бы современного экономического человека!

Нити нашего исследования сплетаются. Этими разъяснениями о значении открытий золотых и серебряных залежей мы уже вошли в тесное соприкосновение с двумя другими областями культуры, из которых проистекают новые источники капиталистического духа: это техника и хозяйство, оказавшие совместно сильнейшее воздействие на душевный строй буржуа. Как хотелось бы всегда показать всю совокупность следствий причинного комплекса так, как это делает и должен делать поэт. Но научный метод принуждает нас к самообладанию и требует, чтобы мы исследовали причину за причиной по ее отдельному действию. Так и я в последующем изложении разрываю теснейшим образом между собой связанные культурные области техники и хозяйства и исследую в отдельности их воздействие на ход развития капиталистического духа.

ТЕХНИКА

Как бы мы могли объяснить себе особенности современного экономического человека без того своеобразного хода развития, который приняла техника, главным образом производственная и транспортная техника, в течение последнего полутысячелетия?

Под техникой в более широком смысле мы понимаем все способы действия, которыми человек пользуется для достижения намеченных целей, а в более узком смысле — целесообразное использование вещественных предметов: в этом случае я говорю об инструментальной технике, и о ней одной может идти здесь речь. Если инструментальная техника служит для производства благ, то она является производственной техникой; если же с ее помощью должны быть перемещаемы люди, блага или известия, то она — транспортная техника.

Рассматриваемая сама по себе, «техника» есть не «социальное условие», а духовное достояние. Но так как воздействия, о которых здесь идет речь, оказывает только ее применение, возможное всегда лишь в рамках социального строя, то она с основанием трактуется также под рубрикой социальных условий.

Ее воздействие? Но разве она не выработана только экономическим человеком, разве капиталистический дух не её создатель? Как же она могла содействовать созданию его самого?

Это возражение должно быть ликвидировано следующим образом.

Во-первых, отнюдь не всякое техническое изобретение есть порождение капиталистического духа. Многие изобретения являются незванными, неожиданными, как явления природы, и даже и те, которые были желаемыми, являются все же часто в совершенно ином виде и оказывают совершенно иные воздействия, чем ожидавшиеся.

Во-вторых, даже если бы каждое отдельное техническое нововведение и было последствием капиталистиче-

ского духа, оно все же — будучи раз введенным в употребление — должно быть принимаемо в расчет в образовании этого самого духа в дальнейшем ходе его развития. Это же постоянно та же самая связь: все те влияния, которые участвовали в строительстве капиталистического духа, являлись сначала следствиями, а потом причинами.

Воздействия, исходящие от техники, мы можем расчленить на две группы, смотря по тому, способствовали ли они развитию капиталистического духа непосредственно или же косвенно: первые мы можем назвать первичными, вторые — вторичными воздействиями.

Непосредственное влияние техника оказывает прежде всего тем, что она будит и расширяет предпринимательский дух.

Перенесемся в раннюю эпоху капиталистического развития. До 1484 г., т. е. до изобретения морской астролябии, ни один корабль не мог ориентироваться в океане. Заморские экспедиции были, следовательно, до тех пор невыполнимы. А с тех пор они стали возможными: какое усиление предприимчивости у тогдашнего общества это должно было означать!

Или: до изобретения водонапорных машин (в XVI столетии) большинство рудников не могло глубоко эксплуатироваться, так как не было возможности справиться с водой. Когда теперь явилась возможность далее эксплуатировать старые рудники, закладывать новые на любой глубине, какой стимул был этим создан для людей, которые как будто только и ждали благоприятного случая, чтобы проявить себя в качестве капиталистических предпринимателей! Мы можем с ясностью проследить, как снабжение рудников водонапорными машинами в XVI в. явилось для многих владельцев денег непосредственным поводом принять на себя риск участия в эксплуатации рудников, т. е. поставить, таким образом, горное дело на капиталистическую основу.

И так идет шаг за шагом дальше в течение столетий до нынешнего дня: всякое изобретение, ведущее к осуществлению производственного или транспортного процесса в

более крупном масштабе, с большей затратой вещественных средств, всякое изобретение, применение которого влечет за собой удлинение производственного пути, действует стимулирующе на скрытые предпринимательские стремления. Новая форма производства благ, обусловливаемая новой техникой, делает возможным проявления предпринимательского духа, но она и вынуждает эти проявления. Чем запутаннее и обширнее делает производство и транспорт прогрессирующая техника, тем больше требуется предпринимательских душ, чтобы справляться с новыми задачами. «Предприниматели, вперед!» — вот вызов, раздающийся при всяком усовершенствовании техники. Она, таким образом, производит среди всех хозяйствующих субъектов отбор предпринимательских типов. Она вырачивает предпринимателя, к которому предъявляются тем большие требования, чем более крупные организации становятся необходимыми для использования новых достижений техники.

А это может быть названо законом, управляющим по крайней мере современной техникой: требования эти в действительности все более возрастают, так как каждое новое изобретение увеличивает аппарат вещественных средств, требующийся для его применения, и в то же время (в подавляющем большинстве случаев) удлиняет производственный процесс. Наша величайшая промышленность ныне — это производство средств производства, как ее можно назвать, т. е. изготовление машин и материалов для машиностроения: машиностроительная и горная промышленность. Здесь требуются предприниматели наиболее крупного размаха, и здесь представляются наиболее благоприятные возможности для расцвета стремящегося вперед предпринимательского духа. Следует указать на то, что понятным образом те самые страны, в которых имеются естественные предпосылки для развития этой промышленности, дают и лучшую почву для расцвета предпринимательского духа: залежи угля и железа Германии, Англии, Америки приобрели, несомненно, немалое значение для воспитания современного предпринимательства именно в этих странах. Совершенно

так же богатство страны естественной водной силой может вызвать в этой стране пышный расцвет предпринимательского духа, как только эта водная сила будет использована для устройства станций, вырабатывающих электрическую энергию. (Здесь, таким образом, выявляется одно из оснований, почему развитие капиталистического духа протекало различно в различных странах. Франция! Англия! Одно из оснований! — но несомненно оказавшее сильное воздействие: если условия для развития капиталистического духа в двух странах даны в совершенно равной мере, но одна страна богата залежами угля и железа, то вследствие одного этого капиталистический дух достигнет в ней более законченной степени развития.)

Но вспомним теперь, что техника наших дней нашла путь «в недоступное» («к непрошеному»!). С тех пор как она увидела возможность освободиться в своих мероприятиях от содействия организующей, живой природы; с тех пор как ей удалось работать с помощью энергии, накопленной солнцем за тысячелетия в недрах земли; с тех пор как она не пользуется более для совершения своих творений ни живым человеком, ни освещаемыми солнцем полями и лесами, но выполняет их с помощью мертвых материалов и «механических» сил; с тех пор она не знает более границ, с тех пор она делает возможным еще только что считавшееся за невозможное, нагромождает Оссу на Пелион и вторично создает мир заново.

Здесь на место исследовать причины, сделавшие современную технику способной совершить неслыханные достижения (424); достаточно вспомнить о самих этих достижениях, находящихся перед глазами у каждого, чтобы констатировать по поводу них, что такой безграничный поток возможного должен был стать одним из наиболее важных средств, способствовавших развитию капиталистического духа. Безграничность современных наших предпринимательских стремлений может быть понята, только если отдать себе отчет в имевшем место расширении технических возможностей. Капиталистическое безумие современного предпринимательства, понят-

но, является возможным, только если в пределах возможного совершать истинные чудеса техники. Только под давлением технических сил хозяйствующий человек создал затем все те организации, которые были необходимы для решения этих грандиозных задач, и стремление разрешить эти задачи зажгло огонь в душах наших крупных предпринимателей, пожирающей их самих и нас с вами. И еще следующее: к существованию современной техники относится ее широкая изменчивость; каждый день приносит новые изобретения и создает тем самым новые возможности и необходимости в технической и хозяйственной организации, следовательно, также и новые возможности и необходимости в проявлении предпринимательского духа. Надо отдать себе отчет в том, какие различия в развитии этого духа должны иметь место, когда в одном случае техника десятилетиями остается неизменной и, следовательно, является возможность десятилетиями работать на одной и той же фабрике, одними и теми же методами, а в другом случае наилучшие методы производства развитием техники в корне изменяют каждые два-три года, так что постоянно должны создаваться и новые организации, чтобы идти в ногу с успехами техники. Когда эти организации появляются в новых рамках, речь идет об основании нового предприятия. Мы снова наблюдаем, как от техники исходит побуждение, на этот раз особое побуждение к основанию новых производств. Нам известно, что этим новым учредительством охотно овладевает младший, более сангвинически предрасположенный брат предпринимательского духа — спекулятивный дух. И, таким образом, мы можем установить, что в особенности технические нововведения проявляют способность возбуждать спекулятивный дух. Действительно, мы наблюдаем в истории последних столетий, как постоянно в связи с новыми, делающими эпоху изобретениями или во времена особенно многочисленных изобретений наступают большие спекулятивные периоды.

Вспомним еще раз замечательную эпоху к концу XVII в., когда впервые свирепствовала спекулятивная

лихорадка: она была эпохой многочисленных изобретений и в области техники; the age of projecting^{124*}, эпоха прожекторства, была по существу the age of invention^{125*}, эпохой изобретений, как нам это удостоверяют наши свидетели.

Тогда маленькие изобретения — изобретательство вообще только что начинало идти более быстрым темпом — могли еще вызывать сильные вспышки спекулятивного духа. Позднее и особенно в наше время, когда каждый день приносил технические нововведения, только очень крупные изобретения были в состоянии зажигать грюндерскую горячку, но зато с тем более сильными последствиями. Вспомним спекулятивные периоды, которые повлекло за собой в середине XIX в. изобретение железных дорог, к концу века — различные изобретения в области электротехники.

Если мы видим, таким образом, что техника возбуждает в хозяйствующих субъектах сильные проявления волевой энергии и способствует их развитию, то мы, с другой стороны, наблюдаем, как техника воздействует в различных направлениях и на мышление экономического человека и часто прямо-таки революционизирует его.

Она делает это мышление прежде всего целестремительнее, сознательнее, т. е. возбуждает и развивает рационализм, этот, как нам известно, существенный элемент капиталистического духа. Многие уже указывали на роль, которую техника и технические усовершенствования во все времена играли при выработке рационалистического мышления и в особенности экономического рационализма. Каждое техническое изобретение приводит хозяйствующего субъекта, по меткому выражению Фиркандта (425), в непрерывное «соприкосновение с действительностью» и ломает этим самым основанные, как мы видели на природе человека традиционалистические тенденции. Смена технических методов «действует на сознание как род пересмотра всех связанных с ними условий». Если такие технические нововведения редки, то они не будут в состоянии оказывать существенного влияния на общую традиционалистическую тенденцию.

Вновь раскопанное место скоро опять зарастает травой повседневной привычки. Но когда, как это имеет место с начала Нового времени, технические нововведения появляются одно за другим через все более короткие промежутки, то почва постоянно остается взрыхленной и не может покрыться рубцами травы. Один факт быстрой смены методов был бы достаточен, чтобы сделать сознательность длительным душевным настроением человека. Но современная техника действует еще более непосредственным и более действенным образом в направлении усиления экономического рационализма тем, что она сама в течение последнего столетия исполнена рационалистического духа, с тех пор как она начала строить свои мероприятия на научной основе.

Вся прежняя техника (426), сколько она ни создала удивительного, была эмпирической; она основывалась на личном опыте, который передавался от мастера к мастеру, из поколения в поколение, через посредство столь же личного обучения. Знали приемы, способы, которые нужно было применять, и этим удовлетворялись. Добыли с течением времени опыт и хранили его дальше.

На место опыта становится с XVII столетия в качестве основы техники естественнонаучное познание. С тех пор в технической области что-либо совершается не вследствие того, что отдельный мастер обладает личным умением, но потому, что каждый, занимающийся данным предметом, знает законы, лежащие в основе процесса, и точное следование им обеспечивает каждому успех. Если прежде работали по правилам, то теперь деятельность осуществляется по научным законам, исследование и применение которых представляются, по существу, основной задачей рациональных методов.

Однородность противоположности между старой и современной техникой, с одной стороны, и ремесленным и капиталистическим хозяйственным образом мыслей — с другой, бросается в глаза. А это в обоих случаях одна и та же противоположность между эмпиризмом и рационализмом. Но когда в двух тесно друг с другом соприкасающихся областях культуры, как техника и хозяйство, со-

вершается одинаковое развитие, как здесь, — от эмпирического к рационалистическому строю, то можно принять без дальнейших сомнений, что одно развитие оказало свое влияние на другое, что, таким образом, экономический рационализм пережил свое развитие попутно с техническим рационализмом и через него.

Можно с ясностью проследить, как фактически происходит воздействие технического рационализма на устроение хозяйственной жизни, как научное применение техники непосредственно вынуждает экономический рационализм. В сущности, упорядочение частного хозяйства происходит ныне в большинстве отраслей с точным соблюдением технических требований, и руководители предприятия стремятся к хозяйственному совершенству, непрерывно направляя свою мысль на технику производственного процесса. Мы видели, каким явным признаком высшего развития экономического рационализма в наши дни является использование в производстве научно образованных помощников. Здесь нам особенно ясно доказывается тот факт, что требования, которые ставит техника, дают повод к высшей степени рационального устроения хозяйства. Но жизнь дает много таких случаев.

Целестремительнее, сознательнее, следовательно, рациональнее становится мышление (экономического человека) благодаря технике, тем более современной технике. Но мы констатируем, что под влиянием ее оно становится еще и точнее, как бы пунктуальнее. Об этом заботятся прежде всего созданные техникой методы и приспособления для измерения разнообразнейших величин, в особенности времени.

Изобретение часов играет важную роль в истории духа современного экономического человека. Изобретение часов с грузом относится к X столетию; первые колесные часы, об изготовлении которых мы слышим, — это часы, сделанные Генрихом фон Викком в 1364 г. в Париже для Карла V. В XIV в. все более крупные города Италии обладают часами, бьющими 24 часа (427). В 1510 г. Петр Геле изобретает карманные часы; Иоганн Коклуэс говорит о них в 1511 г.: «Из железа он делал маленькие часы со мно-

гими колесиками, которые показывают и отбивают сорок часов; их можно носить на груди или в кошельке» (428). В 1690 г. к часам присоединяется секундомер, введенный Джоном Флойером в качестве вспомогательного средства для точного счета пульса (случай, когда хозяйственный интерес явственно не был движущей силой изобретения). Точное распределение времени, «счет» времени, становится, конечно, возможным лишь после того, как время могло быть точно измерено. (Совершенно так же, как точный счет денег стал возможным лишь после того, как техника сделала возможным точное изготовление монеты!)

Арифметически точному ведению хозяйства в той же мере способствовало постепенное усовершенствование технического процесса. Точные калькуляции при поставках предполагают совершенно обеспеченное производство; современные средства сообщения только и сделали возможным, если не создали, автоматически функционирующее, как гигантская машина, производство; развитие склонности к учету есть, таким образом, на добрую долю дело техники.

Простое размышление показывает, что и быстрый темп жизни современного экономического человека только и был создан или по крайней мере получил сильное поощрение благодаря завоеваниям современной техники: железным дорогам, телеграфу, телефону. Другие силы, увидим мы еще, действуют здесь, толкая к этому темпу: но техника делает его возможным, техника усиливает его, техника дает ему общее распространение.

Естественным является делать современную технику ответственной и за общее своеобразное умонастроение современного экономического человека: его чисто количественный взгляд на мир. Правда, в этом большую долю, пожалуй, создала привычка к денежному выражению. Но мы должны все же вспомнить, что существо специфически современного естественнонаучного мышления состоит в той же тенденции к разложению всех качеств в количества. Только тогда, когда для какого-нибудь процесса в природе становится возможным установить мате-

матическую формулу, мы имеем право говорить о естественнонаучном познании: так учил нас Кант.

Значит, несомненно, мы и здесь снова имеем перед собой параллельное развитие естественнонаучного духа, как оно запечатлевается в технике, и капиталистического духа, и этот параллелизм может быть доказан еще во многих других случаях (429). Но так как воздействие естественнонаучно-технического мышления на хозяйственное в этих наиболее общих формах, принимаемых мышлением, с трудом может быть прослежено, я откажусь здесь от дальнейшего исследования возможных соотношений и обращу лучше внимание читателя еще на один важный комплекс духовных процессов, где выработка капиталистического духа стоит в совершенно ясной зависимости от развития техники.

Я имею в виду передвижения жизненных ценностей, которыми мы обязаны мощному техническому прогрессу нашего времени и которые приобрели основное значение для образа мыслей современного экономического человека.

Несомненно, что главным образом благодаря завоеваниям современной техники технический интерес или, точнее, интерес к техническим проблемам попал на первый план среди всех других интересов. Это является достаточно понятным. Все большие и большие достижения в области техники возбуждали сначала любопытство, затем привлекали к себе внимание и становились гордостью эпохи. Техника ведь есть единственная область, где мы безбоязненно можем подводить баланс нашим достижениям; как же тогда толпе, всегда бегущей за успехом, не интересоваться особенно этой областью, где нами достигнуты единственные большие успехи, тем более что так просто оценивать, по крайней мере результаты техники. Так, стало бесспорным фактом, что радиотелеграф и воздухоплавание ныне больше интересуют людей, в особенности молодежь, чем проблема первородного греха или страдания Вертера.

Сильному прогрессу техники мы обязаны и еще одной особенностью духа нашего времени: сильной переоценкой материальных предметов. Мы быстро разбогатели,

мы привыкли к миру, техника обезопасила нас от ужасов чумы и холеры; что удивительного, если низкие инстинкты человека — удовлетворение беспрепятственным наслаждением, любовь к комфорту и привольному житью — далеко превысили идеальные стремления. Стадо мирно пасется на жирном пастбище.

Это усиление материальных интересов в наше время способствовало умонаправлению капиталистического предпринимателя прежде всего тем, что оно значительно повысило в нем интерес к приобретению средств богатства, т. е. его приобретательский интерес. Охота за долларом вовсе уж не такая воображаемая, как нас хотят уверить предприниматели-философы с высоты своего княжеского богатства. Она все-таки является чрезвычайно важной пружиной в строении современного нашего хозяйства, и усиленное стремление к наживе, которое вызвали, следовательно, среди других причин и успехи техники, составляет достаточно важный элемент психики современного экономического человека. То, что с этой жажды наживы снято пятно, то, что мы ныне не считаем более бесчестным, если кто-нибудь гонится за долларом, то, что мы сохраняем связь в обществе с людьми, о которых всем известно, что охота за долларом составляет единственное содержание их жизни, — все это, конечно, во многом способствовало развитию этой стороны капиталистического духа, а это сделалось возможным только тогда, когда все направление эпохи стало иным под влиянием завоеваний техники.

Но и наоборот, участие в прогрессе техники и безграничная ее переоценка усилили стремление к наживе капиталистического предпринимателя в той мере, в какой она повысила его собственный интерес к техническим достижениям, выражающимся в его изделиях. Мы ознакомились с тою чертой в природе современного экономического человека, что он производит бессмысленно все больше и больше, и нашли психологическое объяснение тому (если таковое вообще возможно), между прочим, в детской радости перед техническим усовершенствованием. А она является объяснимой только в эпоху техники.

То, что предпринимателю может прийти в голову, что в какой бы то ни было мере является само по себе ценным изготовить как можно больше машин, или арматуры для освещения, или рекламных вывесок, или летательных аппаратов, что он в производстве этих вещей как таковом может найти какое бы то ни было удовлетворение (а наряду с другими мотивами здесь, несомненно, действует в качестве движущей силы в душе предпринимателя и это увлечение производством как таковым), — предпосылкой всего этого является охарактеризованное общее настроение нашей эпохи.

В тесной связи с этим стоит и увлечение «прогрессом», которое также является движущей силой у многих предпринимателей и, например, в Америке вносит в духовную жизнь эту детски-радостную черту, сразу бросающуюся в глаза каждому путешественнику. Настроение ребенка. Настроение колониального человека. Но это и настроение человека техники. Ибо если бессмысленная идея «прогресса» и имеет какой-нибудь смысл, то, несомненно, только в области технического умения. Нельзя, конечно, сказать, что Кант «ушел вперед» сравнительно с Платоном или Бентам сравнительно с Буддой, но совершенно справедливо, что паровая машина типа 1913 г. означает прогресс сравнительно с уаттовской паровой машиной, а радиотелефон лучше голубиной почты.

Опять-таки в связи с этими новообразованиями ценностей стоит другое замечательное явление в духовной жизни современного экономического человека (и человека вообще): возвышение средства до значения цели. Без сомнения, в этом переворачивании всех ценностей приняли участие опять-таки деньги. Но и техника тоже. Ее успехи привели к тому, что наш интерес становится все более и более направленным на то, как выделяется известная вещь и как она функционирует, безразлично, чему бы она ни служила. «Средства», например, для осуществления транспорта, для выпуска газеты сделались такими искусными, что они возбуждают наше удивление и всецело исчерпывают наш интерес. За ним мы, в конце концов, и забываем ту цель, которой они должны служить.

Мы поражены при виде ротационной машины и совершенно уже не думаем о том, какой лишенный всякой ценности дрянной листок она изрыгает. Мы содрогаемся при подъеме летательного аппарата и не думаем о том, что он служит пока лишь для того, чтобы обогатить программу нашего Variété еще на один сенсационный номер, и (в лучшем случае) для того, чтобы сделать богатыми людьми пару слесарных подмастерьев. И так во всем. А этим, опять-таки с одной стороны, получает объяснение бессмысленность всех наших жизненных оценок и всех современных капиталистических стремлений.

И наконец, еще одно: мы видели, что дух буржуа наших дней характеризует его полное безразличие по отношению к судьбе человека. Мы видели, что человек исключен из центра хозяйственных оценок и целестановлений, что интересен один только процесс (производства, транспорта, образования цен и т. д.): *fiat producilo et pereat homo*^{126*}. А разве в этом отношении образ мыслей экономического человека не является опять-таки только последствием перестройки технического процесса? Мы знаем, что современная технология рассматривает процесс производства как бы оторванным от руководящего органа, человека. На место органического сочленения производственных процессов, с необходимостью связанного живой личностью, становится целесообразно механически устроенное соединение членов только ввиду желаемого результата, как это охарактеризовал Рёло.

Естественный живой мир превращен в развалины, чтобы из этих развалин возник искусственный мир, созданный из человеческой изобретательности и мертвых материалов: это в равной мере действительно как относительно хозяйства, так и относительно техники. И без всякого сомнения, этот сдвиг в технических приемах оказал существенное влияние на сдвиг в нашей общей оценке мира: в той мере, как техника вытесняла человека из центра производственного процесса, человек исчезал и из центра как хозяйственных, так и вообще культурных оценок.

Многочисленны косвенные воздействия техники на развитие капиталистического духа, которые дают себя чувствовать таким путем, что техника создает известные состояния или процессы, приводит к известным событиям, которые со своей стороны оказывают определяющее влияние на развитие капиталистического духа.

Я укажу только на два особенно важных воздействия такого рода; читатель по ним сам легко найдет другие случаи.

Мы ознакомились в предыдущей главе со значением, которое, несомненно, имела богатая добыча золота и серебра как раз в XVI и XVII столетиях для возникновения первой спекулятивной горячки. Ну, а возможность такой добычи была в основе следствием технических усовершенствований. Это можно доказать уже тем указанием, что без них люди не попали бы в Америку. Но я разумею это еще и в другом смысле: только некоторые, сделавшие эпоху улучшения в технике добычи благородных металлов, послужили причиной этого изобилия серебра в XVI и последующих столетиях. В то время, как мы уже видели, были изобретены водонапорные машины, которые в особенности предоставили возможность дальнейшего расширения европейской добычи серебра. Но в это же время (в 1557 г.) было сделано еще, пожалуй, более важное изобретение: добывание серебра из руды посредством ртути — так называемый способ амальгамирования. Только этот способ позволил на безлесных вершинах Кордильер без чрезмерных издержек добывать серебро тут же на месте; только этот способ уменьшил издержки производства серебра до такой степени, что такая большая добыча могла стать прибыльной.

Другое значительное последствие техники, которое я имею в виду, — это быстрый рост населения в XIX в. Что он в основе является результатом технических усовершенствований, не может быть подвергнуто сомнению, так как он явился последствием отнюдь не увеличения цифры рождаемости, но исключительно уменьшения смертности. А это уменьшение смертности было достигнуто главным образом двумя комплексами технических успехов:

усовершенствованиями в области гигиены, техники борьбы с эпидемиями, врачебной техники, с одной стороны, и усовершенствованием производственной и в особенности транспортной техники, с другой стороны, которое в свою очередь способствовало тому, что известное количество людей больше кормилось и, следовательно, могло остаться в живых.

Этот рост населения в наше время имел в свою очередь непосредственное значение для развития капиталистического духа в двояком отношении: путем побуждения к эмиграции, которое он давал, с одной стороны, путем повышения предприимчивости — с другой. О первом влиянии и его последствиях я говорил в предыдущей главе. Вторым утверждением я имею в виду следующее: быстрый рост населения означает усиление предпринимательского духа постольку, поскольку он увеличивает необходимость приобретения и тем самым закаляет хозяйственную упругость, поскольку он, таким образом, отдаляет опасность для зажиточного населения впасть в сытое рантьество. Ибо ясно, что сыновья зажиточного человека попадают в совершенно иное положение по отношению к приобретательской деятельности, когда их много, чем когда их мало. При равной величине состояния на одного падает в первом случае меньшая доля, и необходимость для него вновь посредством собственной хозяйственной деятельности удерживаться на социальном уровне своих родителей становится больше, чем когда это наследство достается только одному или двоим. При большем потомстве даже у состоятельных родителей создается и совершенно иное отношение к детям. Они будут скорее стремиться к тому, чтобы «научить своих детей чему-нибудь путному», чем сделать их бездеятельными владельцами ренты.

Поскольку теперь рост населения — правда, не по техническим, а по биологическим или по социальным причинам — в различных странах в XIX в. был различной силы (Франция! — Англия или Германия!) и мы наблюдаем различную степень развития капиталистического духа как раз в пропорции к различной силе роста населе-

ния, мы вправе будем привести и это различие в связь с фактом большего или меньшего роста населения.

Глава двадцать седьмая

ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Нижеследующее я рассматриваю напоследок и, может быть, вообще не должен был бы подвергать рассмотрению, потому что оно, в сущности, разумеется само собою, и всякий может при некотором размышлении сам легко понять, что имеет в виду содержание этой главы: то, что некоторые из докапиталистических профессий были как бы подготовительной школой для капиталистического духа. Хозяйственный интерес и повседневная привычка были учителями, а обижённость помогла, как мы увидим, сильнее развить в этой сфере отдельные черты капиталистического духа.

Профессией, в которой семена этого духа дали первые ростки, была, конечно, торговля в самом широком ее смысле. К чему она всегда уже должна была вести или к чему она по крайней мере постепенно должна была приучать человеческий дух, было направление мышления на количество. В то время как капиталистический производитель, крестьянин ли или промышленный ремесленник, всегда, как мы видели, остается под властью категорий качества, т. е. изготавливает блага как качественно различные предметы потребления, для торговца рано исчезает качественное значение и оценка мира благ, прежде всего потому что он не имеет никаких органических отношений к благам, которыми торгует. Крестьянин и ремесленник оба, как мы видели, срастаются до известной степени с вещами, которые они производят, они составляют часть их самих; они сами — в этих вещах; их отношение к ним — внутреннее. Тогда как торговец к предмету своей торговли всегда остается в чисто внешнем отношении: он берет продукт в готовом виде и ничего не

знает о трудах и заботах, с которыми он произведен на свет. Он рассматривает его лишь с одной-единственной стороны: как меновую ценность. И в этом заключается второе, положительное основание его количественного взгляда на мир: меновая ценность — величина, и только эта величина интересует торговца. Он измеряет ее деньгами и в денежном выражении окончательно погашает все количества. Поэтому можно также сказать, что его деятельность так же, как позднее капиталистическая, ведет его от денег к деньгам и что, таким образом, все его расчеты и размышления с необходимостью пользуются денежным выражением как посредником. Вследствие этого он должен постоянно считать. Правда, этот счет вначале бесконечно примитивен, как это мы могли констатировать даже относительно позднего средневековья, но он все-таки налицо. И здесь он скорее всего может развиться.

Если это количественное влияние на мышление исходит от всякой торговли, то мы можем теперь наблюдать, как различные виды и формы торговли в различном, но всегда стремящемся к капиталистической конечной цели направлении влияют на душевный строй экономического человека.

Всякая торговля, которая ведет далеко за пределы отчизны в чужие страны, должна до известной степени приобрести то значение, которое я приписал переселениям, т. е. перемене отечества: она воспитывает рациональный взгляд на жизнь и рациональный образ жизни, поскольку она непрерывно принуждает купца приспособляться к чужим нравам и обычаям, правильно выбирать место и средства. Важное средство рационализации мышления представляет знание многих языков, которое также с необходимостью вытекает из международной торговли. Это влияние торговля должна была оказывать уже тогда, когда торговый дом имел одно лишь основное местопребывание, но во многих местах содержал факторов. Эти последние тогда не только сами воспитывались в более рационалистическом направлении, но также и их принципы, которые должны были давать им указания и полу-

чали от них отчеты, а часто, как мы знаем, и лично навещали их. Еще сильнее становилось разлагающее влияние, которое оказывает торговля на традиционалистические жизненные навыки, когда купеческие семьи сами разделялись по разным странам: здесь мы имеем усиление влияний, исходящих от перемены отечества. В таком положении находились особенно часто еврейские торговые семьи, которые, я бы сказал, принципиально расселялись по различным торговым городам (430). Но и многие христианские семьи мы видим рассеянными по всему земному шару. Так, Альберти жили в начале XV столетия в Италии, Англии, Фландрии, Испании, Франции, Каталонии, на Родосе, в Берберии и на Сории (431).

Но дальняя торговля участвовала в строительстве капиталистического духа еще и в том отношении, что она безусловно способствовала развитию специфически капиталистической добродетели коммерческой солидности. Я указывал в другом месте, что в ее культивирование, несомненно, внесло свою долю и религиозное учение. Но как нам это уже столь часто встречалось в ходе этого исследования, известный элемент капиталистического духа возник не из одного только, а из нескольких источников, так и здесь мы снова видим в действии другую творческую силу наряду с властным словом моральной заповеди, а именно деловой интерес. Густав Фрейтаг, который, в сущности, должен был бы знать, но взгляд которого часто мутится из-за того, что он держит стороны коммерческих кругов, преувеличивает правильную мысль, делая однажды следующее замечание (432): деятельность купца «невозможна без великодушного доверия, оказываемого (им) другим, не только людям, состоящим у него самого на службе, но и чужим, не только одним христианам, но и язычникам. Честность, выполняющая принятое на себя обязательство вполне и целиком, даже если оно при случае связано с жертвами, необходима торговле во всякой (?) стадии ее развития; и именно вследствие того, что торговля делает верность и честность наиболее выгодными в обороте, она создает здоровые и длительные связи между людьми».

Что это преувеличено, мы знаем, ибо мы помним, как медленно коммерческая солидность завоевывала себе права гражданства еще и в течение капиталистической эпохи. Правильно же в этой мысли то, что в самом обороте заложена тенденция к солидности, которая с усиливающейся интенсивностью оборота становится все сильнее. Купец со временем убеждается, что мошенничать невыгодно, так как проистекающие отсюда убытки: потеря клиентеллы, потеря времени вследствие приостановок и необходимости их ликвидации — зачастую больше добавочных прибылей, добытых путем обманных уловок. Когда, таким образом, развивается, как мы видели, «деловая мораль», в смысле морали в интересах дела, когда просвещенные торговцы пряностями XV и XVIII вв. представляют положение: «Honesty is the best policy»^{127*}, то этому развитию, несомненно, способствовало лучшее понимание истинных собственных интересов, которое должна была породить из себя дальняя торговля, — понимание, которое уже затем, конечно, тем скорее вылилось в принцип торговли, чем настойчивее эта мещанская солидность провозглашалась нравственной обязанностью со стороны признанных учителей морали.

Различное, однако, действие оказывает торговля, осуществляемая как деятельность, смотря по тому, является ли она морской или внутренней торговлей. В первой преобладает еще долгое время, как мы могли констатировать, авантюристский, разбойничий характер; в ней вырабатывается, таким образом, «идуший на риск» купец. Тогда как внутренняя торговля сильнее и исключительно развивает торгашеский и калькуляторный момент, порождает «взвешивающего купца», который принужден пробиваться с помощью рационального средства — законченного счетного искусства — на пути искусного заключения договоров. Это внутренняя торговля шерстью воспитала во флорентийцах коммерческий характер до такого совершенства, какое мы наблюдали (задатки в крови предполагаются!). Равно как внутренняя торговля скорее, чем мужественно рискующая морская торговля, принуждает и побуждает развивать мещанские

добродетели. Я считаю немыслимым (уже по этой причине) возникновение книги, подобной трактату о святой хозяйственности, в XV столетии где-нибудь в другом месте, чем центр шерстяной торговли и промышленности. Мы видели, что ни флорентийцы, ни шотландцы, ни евреи не были никогда мореходами: их кровное предрасположение удерживало их от этого, но их деятельность с самого начала в качестве сухопутных торговцев воспитала в них затем этот тип торгаша, так что мы вновь наблюдаем, как следствие действует дальше в качестве причины.

Особую роль в истории капиталистического духа играла ссуда денег. Мы видели в другом месте, как в раннюю эпоху капитализма знающими и деятельными поздними схоластиками в ней был (правильно!) усмотрен и по нравственным основаниям осужден решительный враг капитализма. Но нельзя также отрицать и того, что в другом направлении ссудная деятельность оказала весьма благоприятное влияние на развитие известных сторон капиталистического духа. Рассматривая проблему с другой стороны, чем Антонин Флорентинский, а именно ссуду денег, которой евреи со времен Соломона занимались с особенной охотой и которую они в течение европейского средневековья почти исключительно избрали своей профессией, я привел в качестве одной из причин, почему они были так превосходно подготовлены к капитализму, когда он начал развиваться. Действительно, я продолжаю держаться этого воззрения и считаю ссуду денег теперь, как и прежде, одним из источников, откуда питался капиталистический дух, тем более в эпоху, когда вокруг еще господствовали натурально-хозяйственные, подчиненные категории качества, отношения. Причины же, по которым ссуда денег в еще большей мере, чем товарная торговля (усилением которой она здесь в занимающем нас смысле только и является), должна считаться школой выправки для капиталистического образа мыслей, заключаются в следующем:

в ссуде денег совершенно вытравлено всякое качество и хозяйственный процесс определен исключительно количественно;

в ссуде денег договорное начало сделки стало существенным: договор об исполнении и встречном исполнении, обещание на будущее время, идея поставки составляют ее содержание;

в ссуде денег исчез всякий элемент «пропитания»;

в ссуде денег все телесное (все «техническое») вытравлено окончательно: хозяйственное дело стало чисто духовной природой;

в ссуде денег хозяйственная деятельность как таковая утратила всякий смысл: занятие денежными ссудами совершенно перестало быть осмысленным занятием тела и духа; тем самым ценность его переместилась с него самого на результат; один только результат еще имеет смысл;

ссуда денег является особенно плодотворной областью для развития отчетности: человек, в сущности, всю свою жизнь просиживает со счетной линейкой и бумагой за столом;

в ссуде денег выступает впервые совершенно ясно возможность и не в собственном поту посредством хозяйственного действия зарабатывать деньги; совершенно ясно выступает возможность и без насильственных действий заставлять других людей работать на себя.

Чего недостает профессиональному заимодавцу, «ростовщику», — это, как правильно понял Антонин, предпринимательского духа, отваги. Но если и это прибавляется, то как раз заимодавец может вырасти в капиталистического предпринимателя крупного масштаба: специфически купеческое предприятие тесно связано (как мы видели) с ссудой денег. Ссуда денег может таким путем разрастись в капиталистическую торговлю деньгами (банкирская деятельность!), но также и в капиталистическое производственное предприятие (заклад!). Флоренция — не только город торговцев шерстью, она еще и город банкиров!

Но она, наконец, еще и город цехов *par excellence*^{128*} и господства цехов, и мы должны иметь это в виду, если мы хотим понять, почему она стала цитаделью раннекапиталистического духа.

Благодаря исторической случайности: вражде между императорской и антиимператорской партиями — цехи

во Флоренции уже в XII в. достигли участия в управлении городом. «Ремесленные цехи заставили дорого заплатить за поддержку (оказанную императору), и подеста со своими советниками находился на самом деле в зависимости от вновь достигшего политического могущества общественного строя» (433). В 1193 г. были расчищены пути демократическому развитию государства.

Если я теперь указывал только что, что эту особенность флорентийской истории я также делаю ответственной за высокое и раннее развитие капиталистического духа во Флоренции, то это легко может показаться парадоксальным, так как ведь цехи — смертельные враги капитализма. И все же это не парадоксально. Ибо, несомненно, важная доля капиталистического духа, особенно та, которая проявляется в мещанских добродетелях, происходит из тесноты цеховых каморок. Здесь «святая хозяйственность» по-настоящему дома. Она здесь появилась на свет, как дитя нужды. Здесь нужно было быть бережливым, и трезвым, и трудолюбивым, и целомудренным, и чем там еще, если не желать ставить на карту своего существования. Эти добродетели называли христианскими; они и были ими. И культивировать их без внешнего принуждения было, без сомнения, достойным внимания делом самовоспитания. Но не следует все же забывать, что торговец пряностями и шерстоткач получают эти «добродетели» скорее принудительно, как элементы его образа жизни: он должен прийти к убеждению, что делать долги, тратить время на развлечения и любовные интрижки привело бы его к нищенской суме. Мы и наблюдаем повсеместно, как нужда с течением времени делает цеховых все более добрыми «мещанами». Относительно английских и шотландских народов мы получаем положительное этому подтверждение.

«Очевидным является, — пишет превосходный знаток средневековой Англии (434), — что задолго до реформации и раньше, чем какие бы то ни было пуританские принципы могли оказывать свое влияние, веселье в городах исчезло под давлением деловой жизни» (*the gaiety of the towns was already sobered by the pressure of business*).

А другой (435) утверждает действительность того же самого наблюдения относительно развития шотландских городов. Цеховая каморка еще стеснила даже и крестьянское жизненное пространство. Настоящий крестьянин — это маленький сеньор, который живет и дает жить. Городской ремесленник чахнет, засыхает, опустошает себя и делается тем самым родоначальником «мещанского духа».

Правда, то, что этот последний сделался элементом капиталистического духа, что и те люди, которые могли позволять себе вести свободную и несвязанную жизнь, видели свой высший идеал в *industry* и *frugality*^{129*}: для этого требовалось содействие еще других сил. С одной из этих сил мы познакомились в нравственном учении философов и церкви. Другую я еще назову здесь. Это обиженность.

В последнее время с решительностью указывалось на выдающееся значение этого духовного процесса, который, как известно, Ницше считает корнем переоценки аристократической ценности в противоположность оценке стадной морали (436). Я думаю, что в истории капиталистического духа он сыграл роль, и я вижу ее в этом возвышении рожденных нуждою принципов мелкобуржуазного образа жизни до всеобщих, ценных жизненных максим, т. е. в учении о «буржуазных» добродетелях как высоких человеческих добродетелях вообще. Люди буржуазного состояния, в особенности, верно, деклассированные дворяне, косо смотревшие на господ и на их жизнь, объявляли его порочным и проповедовали отвращение от всякого сеньориального образа жизни (который они в глубине своей души любили и к которому стремились, но были из него по внешним или внутренним причинам исключены). Основная черта в книгах Альберти о семье — это обиженность. Я уже ранее приводил оттуда различные места, где звучит прямо-таки комичная и детская ненависть к «сеньорам», из круга которых он был исключен; эти цитаты можно было бы легко умножить. И постоянно тирада против всего сеньориального, против сеньориальных развлечений охотой, против обычаев

клиентеллы и т. д. заканчивается фарисейской похвалой собственного доброго «мещанства». Несомненно, коммерческие интересы, плоды философского учения, одобрение духовного отца — все это вело к омещанению взгляда на жизнь. Но безграничная ругань, в которую впадает Альберти, как только он заводит речь о «сеньорах», и которая свидетельствует о том, что его опыт позволял думать о них чертовски верно, все же показывает, что, может быть, самым сильным побуждением, приведшим его к доброму мещанскому мировоззрению, была обиженность.

Во все времена она оставалась самой твердой опорой мещанской морали. Добродетельный мещанин еще и ныне провозглашает то положение и охотнее всего сам утешается им: «гроздь — кислы».

Но если где-нибудь и когда-нибудь цехи, в которых «мещанский» образ мыслей господствовал из чистой нужды, но которые охотно также «делали из нужды добродетель», достигают власти и влияния, так что, в конце концов, «задают тон» в государстве, то их образ мыслей неминуемо объявляется общепризнанным и похвальным. Их дух становится общим духом. Этот процесс с особенной ясностью проявился опять-таки во Флоренции, которая именно вследствие этого уже в XV столетии прямо сочится мещанством, тогда как другие города (Венеция!) еще долгое время сохраняют свой сеньориальный отпечаток.

Глава двадцать восьмая

КАПИТАЛИЗМ САМ ПО СЕБЕ

Когда я несколько лет назад впервые сделал попытку разобрать проблему капиталистического хозяйства, исходя из центра его, т. е. когда я взял капиталистический дух за исходную точку моего исследования капиталистического развития, ничто у меня не было в такой мере заподозрено критикой, как именно это. Мне ставили в упрек возврат к «дуалистической» точке зрения или утвер-

ждали, что я поставил вещи на голову, спутал причину со следствием. Не капиталистический дух есть источник капитализма, а этот последний есть источник капиталистического духа. С большим остроумием мою сторону взял mr. Симиан в подробной критической статье, которую он закончил словами: «L'esprit capitaliste ne naît-il pas du capitalisme beaucoup plutôt que le capitalisme ne naît de lui?»^{130*} (437).

Поставленная этим вопросом проблема сложна и будет во всей своей полноте разобрана во вновь переработанном моем «Современном капитализме». Здесь нас интересует только одна часть проблемы, заключенная в первой половине вопроса: не рождается ли капиталистический дух из капитализма?

Этот вопрос, несомненно, интересует нас в весьма высокой степени. Ибо если бы на него пришлось дать утвердительный ответ, то все содержание этой книги — с начала до 27-й главы — было бы ненужным и от нее не осталось бы ничего, кроме одной этой 28-й главы. Нам придется, следовательно, несколько поглубже разобраться в этой проблеме.

Прежде всего, постановка вопроса: возникает ли капиталистический дух из капитализма или наоборот? — является неясной.

Капитализм и капиталистический дух вообще не находятся друг к другу в отношении исключающих друг друга противоположностей, а капиталистический дух составляет часть капитализма, если под последним мы разумеем (что одно только дает ему смысл) капиталистическую систему хозяйства. А следовательно, так же мало оснований ставить этот вопрос, как, например, такой: возникает ли душа человеческая из человека, или он из нее? Капитализма нет, если нет капиталистического духа. Значит, для того чтобы вообще дать вопросу смысл, надо его иначе формулировать. Нужно поставить его в такой форме, в которой капиталистический «дух» является чем-то самостоятельным, которое только и может явиться причинно обуславливающим или обусловленным. Это имеет место, если противопоставить капитали-

стическому «духу» не капитализм (как целое), а капиталистическое «тело», как я уже выше обозначил (образно) все те элементы капиталистической системы хозяйства, которые несут «дух», т. е. являются чем-то находящимся вне души капиталистического предприятия: всю организаторскую часть, одним словом, все отношения между чужими людьми, всякий объективный порядок, все учреждения-институты, например: оборудование фабрик, система бухгалтерии, торговые отношения, биржевая организация, отношения заработной платы и т. д.

Но я могу также рассматривать самостоятельно капиталистический «дух», как он заключен или пускает корни в живой личности, и тут уже действительно противопоставить его «капитализму», если я имею в виду отграниченные во времени или в пространстве явления: капиталистический дух, пробужденный к жизни в прежние времена, противопоставит капиталистической системе хозяйства сегодняшнего дня как нечто чуждое, равно как и капиталистический дух в известной личности является чем-то самостоятельным по отношению к «капитализму», существующему наряду с ней.

И теперь постановка вопроса правильна: таким путем сделанный самостоятельным капиталистический дух может (теоретически) находиться в отношении причины или следствия к другому комплексу явлений. Как же мы теперь ответим на этот вопрос? Является ли капиталистический дух создателем капиталистической организации (понятно: не иной какой-нибудь, а той, в которой он будет обитать), или капиталистический дух вытекает из капиталистической организации? Поставить вопрос так точно — значит уже дать на него ответ: так как организации суть дело рук человеческих, то человек и «дух» его должны существовать заранее. Обусловленное не может предшествовать обусловливающему. Капиталистическая организация не может создать капиталистический дух, ибо, если принять это, тотчас же пришлось бы спросить: а что же вызвало к жизни капиталистическую организацию? Ответ: докапиталистический дух — нас бы не удовлетворил. Ибо если докапиталистический дух созда-

ет организацию, то она никоим образом не может быть капиталистической.

Иначе обстоит дело во втором случае. Капитализм, без сомнения, может создавать вне самого себя капиталистический дух. Нам даже нет надобности представлять себе расстояние, на котором он действует, слишком далеким; должна только быть налицо какая-нибудь отдаленность; значит, не только на ремесленника, имеющего свою мастерскую рядом с капиталистическим предприятием, может от этого соседства перескочить искра капиталистического духа и зажечь пожар в его душе; не только строение капитализма в одном поколении может оказать определяющее влияние на следующее поколение, но и внутри одного предприятия субъект хозяйства может испытать изменения в своей духовной структуре под давлением своей собственной деятельности благодаря воздействию хода своих собственных дел.

Как же теперь будет гласить наше суждение о действительном значении капитализма как создателя капиталистического духа, т. е. об исторически действительных влияниях, которые исходили от самого капитализма; в какой мере он, выражаясь иначе (в излюбленной здесь картинной форме), играет роль источника капиталистического духа.

В этом отношении следует со всею решительностью отвергнуть ту мысль, что капитализм сам есть единственный источник капиталистического духа. Об этом не может быть и речи. То, что сначала (в начальные периоды) должен был быть налицо капиталистический дух (хотя бы и в самой эмбриональной форме), чтобы вызвать к жизни первую капиталистическую организацию, вытекает из того логического соображения, которое мы только что высказали: творение не может предшествовать своему творцу. Следовательно, по крайней мере первоначальный капиталистический дух питался из иных источников, чем сам капитализм. И более того, когда капитализм уже был налицо, то и тогда, совершенно очевидно, и другие силы участвовали в деле создания капиталистического духа и развития, уже имев-

шегося налицо. Доказательство правильности этого утверждения я, полагаю, дал всей этой книгой. Или желательно снова впасть в авантюристическое представление, которое рассматривает все те нравственные силы, все те социальные условия, участие которых в строительстве капиталистического духа мы определили как «порождения» или «отражения» хозяйственных (капиталистических) отношений? Я полагаю, что мы ныне дальше ушли по пути познания и объемом нашего знания, и глубиной нашего психологического анализа гарантированы от подобных гипотез, порожденных юношеской чрезмерностью (если не остолбенелым упрямством). После того как мы в течение десятилетий употребляли нашу силу и наш дух на то, чтобы развязать узел исторических связей, мы более не можем удовлетвориться тем, чтобы разрубить его.

Но это воззрение отнюдь не исключает убеждения в том, что капитализм также участвует в выработке современного хозяйственного образа мыслей. Несомненно, он является одним из его источников, и, несомненно, не слабейшим. Чем далее идет капиталистическое развитие, тем большее значение оно приобретает для образования капиталистического духа, пока, быть может, в конце концов, не будет достигнута та точка, когда оно одно его будет образовывать и формировать.

Исследовать это (до сих пор, несмотря на все громкие слова, оно еще совершенно не исследовано) влияние, которое капитализм сам оказывал на развитие капиталистического духа во всех его особенностях, и составит еще задачу этой главы.

С ходом капиталистического развития создается нечто, выгодно отличающееся от иных производящихся товаров и услуг тем, что оно не уничтожается, но от поколения к поколению накапливается большими массами: это опыт. Благодаря ряду обстоятельств, из которых мы со многими познакомились, были найдены средства отвлечь этот опыт от отдельного предприятия, собрать его, хранить и передавать в качестве объективированного имущества. Этот огромный материал опыта, будучи ис-

пользован, дает возможность довести экономический рационализм до высшего совершенства. А что он в действительности находит применение, что позднее родившийся предприниматель фактически обращает себе на пользу опыт прежних поколений, об этом заботится прежде всего необходимость, в которую капиталистический субъект хозяйства поставлен, с одной стороны, стремлением извлекать прибыль, с другой стороны — давлением конкуренции. Он должен организовать свое предприятие как можно более рационально.

Но, быть может, еще действительнее влияет в направлении высшего совершенствования ведения хозяйства присущая самому экономическому рационализму внутренняя энергия самоутверждения. Мы наблюдаем здесь один из странных (и в других областях культуры происходящих) процессов: созданная рукой человеческой система пробуждается к самостоятельной жизни и без участия сознательного действия отдельного человека, над таким действием и против него, собственным духом развивает свою деятельность.

Этот процесс оживления системы осуществляется приблизительно следующим путем.

В той мере, в какой требовался экономический рационализм, его создание сделалось самостоятельной деятельностью, осуществляемой в виде основной или добавочной профессии. Многие тысячи людей занимаются ныне не чем иным, как измышлением и проведением в жизнь наилучших методов ведения дел, начиная с профессоров, преподающих учение о частном хозяйстве в высших коммерческих учебных заведениях, и кончая полчищами бухгалтеров-ревизоров, калькуляторов, регистраторов и фабрикантов самых усовершенствованных счетных машин, машин для вычисления заработной платы, пишущих машинок; и т. д. И даже служащие и рабочие больших предприятий побуждаются путем премии принимать участие в этом производстве экономического рационализма. Тем самым, естественно, порождается массовый интерес к усовершенствованию деловых методов, колоссальная энергия направляется по этому пути.

Для всех людей, по профессии участвующих в производстве экономического рационализма, это производство становится задачей жизни, самоцелью. Подобно тому как мы это наблюдали на развитии техники, о цели более не спрашивают, но усовершенствуют ради усовершенствования. При этом получается, точно так же как и при развитии техники, что человека с его живыми интересами оставляют без внимания там, где речь идет о законченности рациональной системы. Так и растет в наши дни экономический рационализм изнутри и увеличивается с каждым днем собственной силой, даже без помощи самого хозяйствующего человека.

Это существо, живущее собственной жизнью, и берет себе на службу предприниматель, подобно тому как он назначает директора или рабочего — без особых размышлений, механически, еще точнее, подобно тому как он, понятно, приобретает себе самую усовершенствованную машину. Этот чисто механический акт применения в каждое данное время наивысшей развитой системы, наилучших деловых методов должен быть только постоянно вновь производим по мере усовершенствования систем, чтобы во всякое время занимать высшую ступень экономической *ratio*. Система обитает в здании капиталистического предприятия как невидимый дух: «она» считает, «она» ведет книги, «она» калькулирует, «она» определяет размеры заработной платы, «она» делает сбережение, «она» регистрирует и т. д. Она противостоит субъекту хозяйства собственной силой; она требует от него; она принуждает его. И она не знает отдыха; она растет; она совершенствуется. Она живет своей собственной жизнью.

Это самостоятельное утверждение экономического рационализма: его суммирование, объективирование, механизирование и автоматизирование — влечет за собой в свою очередь далеко идущие последствия построения предпринимательской деятельности, а тем самым и развития самого капиталистического духа. И именно тем, что с предпринимателя снимается бремя. Это последствие имеет место совершенно явно, когда он покупает экономический рационализм в готовом виде и дает его вво-

дить и проводить своим агентам, которых он за это вознаграждает. Но этот результат наступает и тогда, когда предприниматель сам заботится о введении и проведении в жизнь этого начала, потому что ему нет необходимости находить наивысшую целесообразность собственным умом, а она, напротив, как нам известно, вытекает из самостоятельных жизненных источников. Если раньше значительная доля духовной энергии экономического человека исчерпывалась в этой выработке высшей экономической целесообразности, то она ныне освобождается для других целей. Здесь происходит весьма странный оборот: на высшей ступени развития рационализм как бы из самого себя порождает вновь род традиционализма.

Если мозг и время современного экономического человека освобождаются, по крайней мере, до известной степени, от бремени заботы о рациональной организации производства, то освобождается энергия, которая может быть использована для остальной деятельности капиталистического предпринимателя, т. е. для его приобретательской деятельности в более тесном смысле этого слова. И теперь речь идет о том, чтобы констатировать, что эта направленная на приобретение в узком смысле и на развитие к организации дела энергия необычайно усиливается благодаря ряду обстоятельств, которые влечет за собой сам ход капиталистического развития. А тем самым и вызывается то огромное напряжение, которое мы наблюдали в качестве специального признака современной хозяйственной жизни, — души современного экономического человека (ибо в чем же ином проявляется «хозяйственная жизнь»?).

Процессы совершаются следующие.

В душе современного экономического человека живет и действует стремление к бесконечно великому, побуждающее его ко все новым делам и ко всей большей деятельности. Если мы спросим, откуда идет это стремление, то мы, естественно, найдем в качестве первоначальной движущей силы стремление к наживе. Не потому, что оно с необходимостью является выделяющимся из ряда других мотивом в душе предпринимателя. Но вследствие того, что оно в силу капиталистических причинно-

зависимостей противостоит отдельному предпринимателю в качестве объективно принудительной силы. Я назвал возникновение этого отношения принуждения объективацией стремления к наживе и показал (438), как она с необходимостью наступает вследствие того, что всякое успешное капиталистическое хозяйствование есть хозяйствование с излишками. Какую бы цель лично ни ставил себе предприниматель, даже в первую голову денежную наживу или другое что-нибудь — расширение своего владычества, применение своих сил, общественную благотворительность, — всегда его предприятие должно быть организовано так, чтобы быть доходным, всегда, следовательно, он должен стремиться к прибыли.

В этом вынужденном направлении всей капиталистической деятельности заключена психологическая возможность стремления к безграничному, возможность осуществления которого основана, как мы выяснили, на особенностях современного технического развития. О том, чтобы эта возможность обратилась в действительность, позаботился целый ряд обстоятельств, из которых мы с одним уже знакомы: мы констатировали, что по известному психологическому закону увеличение богатства порождает из себя стремление ко все большему увеличению.

Другой психологический закон, действие которого мы, далее, наблюдаем, состоит в том, что с возрастанием круга задач (предполагая известное количество психической энергии данным) возрастают и способности, и воля в более сильном проявлении. Это самое уже в ранние эпохи капитализма представлялось сознанию его хвалителей, когда, например, Альберти однажды говорит, что в предпринимателе с расширением дел растут и трудолюбие и активность, благодаря чему прибыли увеличиваются сами собой (439).

Но решающий толчок дает все же еще нечто иное, что мы, пожалуй, опять можем обозначить как процесс объективации: стремление отдельного субъекта хозяйства к безграничности своей деятельности также навязывается ему силою вещей, точь-в-точь как только что рассмотренное стремление к наживе. Мы нашли при анализе психи-

ки современного экономического человека, что волевые акты у предпринимателя подчинены известного рода психическому принуждению. Теперь мы напали на след происхождения этого принудительного отношения. С двух сторон внутри капиталистического хозяйства оказывается принуждение: со стороны техники и со стороны самой хозяйственной организации.

Современная техника, как нам известно, характеризуется тем, что ломает все естественные рамки, а тем самым в своем применении опрокидывает и все естественные масштабы. Если предприниматель хочет идти в ногу с изобретениями техники (а что он должен этого хотеть, об этом в свою очередь заботится принудительный закон конкуренции и получения прибылей), то он должен иметь в виду непрерывное расширение объема своего производства. Это «закон», основывающийся на современной технике: всякое новое достижение может быть использовано только тогда, если совокупность собранных для преодоления известной задачи средств производства соответственно увеличивается, благодаря чему, естественно, расширяется и объем производства, а с ним и объем предприятия. Относительно самого крупного (по объему) из нам известных предприятия стальных заводов в Питтсбурге сам его основатель указал нам в сухих словах на это вытекающее из прогресса техники состояние принуждения как на причину непрерывного его увеличения. «Постоянно мы надеемся, — говорит Карнеджи (440), чьи уже цитировавшиеся слова мы лишь теперь понимаем, — что нам более не придется еще расширяться, но постоянно мы вновь находим, что откладывать дальнейшее расширение значило бы сделать шаг назад, и еще и ныне следующие одно за другим улучшения и изобретения сменяют друг друга так быстро, что нам еще столько же остается сделать, как когда бы то ни было».

А ту долю свободы, которую еще составляет техническое принуждение, уже несомненно отнимает принуждение экономическое. И здесь действительно то же самое: предприниматель принуждается силою обстоятельств стремиться к безграничному. Бесполезно тратить еще

больше слов об этой зависимости в эпоху, стоящую под знаком «тенденции к концентрации» во всех областях хозяйственной жизни (за исключением, конечно, сельского хозяйства). Что для меня здесь являлось важным — это выяснить психологические основы и этого известного явления. Как здесь развивается принужденность в поведении предпринимателя, нам показывает исповедь одного одушевленного редкой откровенностью и правдивостью крупного предпринимателя из начального периода высшего развития немецкого капитализма, чья автобиография по этим внутренним и внешним основаниям и в других отношениях дает богатый материал для познания формирующейся психики современного экономического человека. Это следующие слова д-ра Штраусберга (441), которые я вследствие этого хотел бы еще привести здесь:

«Мое намерение в то время ограничивалось тем, чтобы путем устройства железных дорог приобрести достаточное состояние для того, чтобы иметь возможность купить крупное имение, а потом удалиться от дел, при удобном случае принять мандат в палату депутатов и всецело посвятить себя парламентской деятельности.

Тем временем обстоятельства принудили меня принимать активное участие в постройках, и с этого момента наступили совершенно иные условия.

Постройка дорог занимает по необходимости несколько лет, нет почти ни одной постройки, относительно которой можно было бы хотя бы с приблизительной уверенностью сказать, принесет ли она прибыль или убыток, и тут единственная гарантия заключается в том, чтобы иметь несколько предприятий для того, чтобы иметь возможность, так как все не может одновременно не удался, покрывать неудачи прибылями. Аппарат, требующийся для постройки дороги, очень велик; канцелярии, регистратура, техническое бюро, бухгалтерия и контроль могут с незначительными добавочными затратами быть использованы для нескольких дорог. Все эти отделы еще долго по окончании постройки дороги остаются необходимыми для окончательных расчетов с дорогой, с поставщиками и подрядчиками. Без руководителей тех-

нических работ и по окончании постройки обойтись нелегко, потому что масса вопросов без них едва ли может быть ликвидирована. Нельзя рассчитывать на усердие и энергию, когда служащие не имеют в виду длительного контракта.

Случай отдать должное этим обстоятельствам представился сам собой, и так как я предвидел, что при постройке пути Берлин—Гёрлитц понесу убытки, то не следовало отказываться от новых дел, тем более что я, как и всякий другой, был убежден тогда, что оказываю этим стране величайшие услуги. По общему правилу, клин клином вышибают, и, таким образом, крупное железнодорожное строительство, которое я вел, повлекло за собой дальнейшие требования. Чтобы им удовлетворить, я расширял круг моей деятельности, удаляясь все более от моего первоначального плана, и это дало мне такую надежду практически осуществить мои идеи для блага рабочих, что я с тех пор целиком отдался моим делам».

В современном экономическом человеке заложено стремление к бесконечно великому и наряду с этим — как это бесспорно можно назвать — стремление к бесконечно малому, выражающееся в том, что ему бы хотелось как можно больше интенсифицировать свою деятельность, использовать каждую мельчайшую долю времени, откуда и возникает тот бешеный «темп» хозяйственной жизни наших дней, с которым мы познакомились.

Мы видели, в какой мере мелочное использование времени стало возможным опять-таки благодаря технике и насколько также эта последняя своими произведениями поддерживает быстрый темп. Но современная техника не дает объяснения, почему этот быстрый темп действительно имеет место. И в Ватикане сейчас действуют телефоны, и в Испании ездят по железным дорогам, и в Турции работает телеграф, но быстрого темпа эти места и страны не знают. Он должен был быть сперва создан в душе современного экономического человека, а о создании его позаботился сам капитализм. Это он опять навязал этот темп хозяйствующим субъектам, так что они снова должны его желать. А то, посредством чего капитализм оказы-

вает это принуждение, известно всякому ребенку: стремление к ускорению оборота капитала есть та таинственная сила, которая создает здесь столь чудесное. Частота оборота капитала имеет решающее значение — при прочих равных условиях — в определении высоты цен и высоты прибыли. Чем чаще капитал известной величины оборачивается, тем дешевле становится продукт, тем больше общая прибыль.

В пользу же ускорения оборота капитала идет всякое ускорение в машинах, равно как и ускорение транспорта, и ускорение в совершении сделок покупки и продажи. И на службу этому стремлению к ускорению поступает современная техника, ежедневно открывающая новые способы, чтобы сократить хозяйственный процесс еще на секунды. Следовательно, и «темп» в духовной жизни современного экономического человека вынуждается у него капитализмом (с помощью техники). Он должен хотеть спешить, даже когда он не хочет спешить.

Но он хочет. Совершенно так же, как он хочет стремиться к безграничности в расширении своего дела. Он хочет все большей хозяйственной деятельности, и он хочет хозяйственной деятельности в каждую минуту своей жизни. Констатируя это, мы достигли в объяснении процессов, происходящих в современной хозяйственной психике, последнего пункта, который мы еще должны осветить.

Как это возможно, что здоровые и большей частью превосходные, выше среднего одаренные люди могут хотеть такой вещи, как хозяйственная деятельность, не только в качестве обязанности, необходимого зла, но потому что они ее любят, потому что они отдались ей сердцем и умом, телом и душой?

Чтобы разъяснить это загадочное явление, мы должны вспомнить те состояния, которые мы нашли в душе колониста. Мы нашли там как основную черту состояние глубокого одиночества, и мы видели, как из этой пустыни с психологической необходимостью развились предприимчивость и деловое безумие. Но капиталистический предприниматель должен со временем дойти до такого

состояния духа, в которое колониста повергают внешние обстоятельства вследствие постоянного действия на него тех принуждений, с которыми мы только что познакомились. Если он все время ничего другого не делает, как только занимается делами, то душа его должна в конце концов засохнуть. Вокруг него все пустеет, отмирает всякая жизнь, погибают всякие ценности, наконец возникает такая обстановка, которая была изначально характерна для колониальных стран. Родина становится для предпринимателя чужбиной. Природа, искусство, литература, государство, друзья — все исчезает для него в загадочное ничто, у него нет больше «времени» отдаваться всему этому. И в то время как колонист, быть может, именно в семейной жизни освежал свою душу, пламя предпринимательского стремления в нашем предпринимателе пожирает в конце концов и это единственное зеленое место в окружающем его.

Теперь он стоит в пустыне и должен бы был погибнуть после того, как все ценности для него уничтожены. Но он хочет жить, ибо создан с мощной жизненной силой. Таким образом, он должен создавать себе новые ценности, и эти ценности он находит в своем деле. Он не может рассматривать эту деятельность как бессмысленную и лишнюю ценности, если не хочет потерять почву под ногами, если не хочет сам разрушить свою последнюю возможность существования. Но вот что странно: в сухом песке повседневных дел для умирающего от жажды пробиваются новые рудники — своеобразное очарование рождается для него, ставшего невзыскательным, в накоплении прибыли самой по себе (442), в постоянном расширении и усовершенствовании дела самого по себе. И если еще не хватает удовлетворения, то на помощь приходит то сильное общее переживание восхищения завоеваниями техники и гордость мощными успехами нашего времени, которые органически выросли, как мы видели, из развития современной техники; они придают ему уверенное и возвышенное сознание, что и он в своей доле участвует в работе несущегося ткацкого станка времени. Правда, хозяйственная деятельность опять является только

средством осуществления технических идей. Но, следуя великому закону эпохи, преодолевается и это противоречие: средство к средству наделяется ценностью, а конечная цель — живое человечество — за ним совершенно забывается. Путем удивительно запутанного психического процесса дело дошло до того, что в наши дни безропотно восхваляется хозяйствование ради хозяйствования; и для современного экономического человека рождаются из этого переворачивания всех оценок новые могучие побуждения к бодрому применению своих сил.

Никакой пуританизм не втянул предпринимателя в вдоворот бессознательной деятельности — сделал это капитализм. И он смог это сделать только после того, как был сломан последний барьер, защищавший предпринимателя от засасывания его бездной, — религиозное чувство. Он не нуждается ни в каком чувстве долга, чтобы сделать эту бессознательную деятельность содержанием своей жизни: время научило его создавать себе жизненные ценности и в пустыне, окружив своеобразным очарованием саму эту его деятельность.

Этой последней метаморфозой вносится величайшее напряжение в хозяйственную жизнь; теперь уже не только вынужденная воля живет как движущая сила в мире хозяйства — сама любовь предпринимателя живет в нем. Предприятие стало его возлюбленной, которую он теперь со всею страстью лелеет. Понятно, что теперь процесс вновь увеличивает свою мощь и благодаря его усилению и ускорению душа экономического человека вновь побуждается к последнему напряжению своих сил.

Теперь, полагаю я, ясны зависимости, осветить которые было нашей задачей: душа современного экономического человека больше не тайна для нас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глава двадцать девятая

ВЗГЛЯД НАЗАД И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Я могу себе представить, что впечатление, которое эта книга оказывает на многих читателей, если они проштудировали ее до сих пор, является мучительным. Множество нового материала, множество новых точек зрения и постановок вопросов, согласно которым этот материал был обработан, должно вначале создавать чувство беспокойства и необычности, всегда мучительное. Мы всегда становимся непонятливыми при разборе научных проблем, когда нам кажется, что мы как бы теряем почву под ногами, а это бывает с нами всегда, когда у нас отнимают, лишают ценности удобную формулу, в которую мы вложили многообразие явлений. Тогда нам сначала кажется, что мы потонем в материале, пока мы опять не почувствуем где-нибудь почву под ногами или не научимся плавать.

С формулами, объясняющими чувство и генезис капиталистического духа, эта книга, правда, основательно расправилась. Не говоря уже о тех упрощающих ходячих словах, которые в социалистической литературе заполняют главу о «буржуа», — и такие остроумные гипотезы, как, например, Макса Вебера, не могут быть оставлены в силе. И так как я сам не могу поставить никаких формул на место прежних, то многие с чувством неудовлетворенности отложат в сторону эту книгу.

Что же, разве книга лишается вследствие этого ценности? Один остроумный человек сказал: только такая книга хороша, содержание которой можно выразить в одном

предложении. Этого я, правда, не могу. Или разве только предложение будет гласить: проблема капиталистического духа, его природы, его возникновения необыкновенно сложна, бесконечно сложнее, чем считали до сих пор, чем думал я сам.

Но несмотря на то что результат этих исследований может состоять только в углублении понимания проблематического характера нашей темы, я все же хотел бы в этих последних строках сам еще чем-нибудь способствовать уничтожению или по крайней мере ослаблению того состояния беспокойства и неудовлетворенности, в которое я, быть может, поверг читателя. Не тем, правда, что дам ему простую формулу, которая освободит его от дальнейшего изучения, но тем все же, что набросаю род схематической картины, с помощью которой он, быть может, легче разберется в массе материала.

Что в особенности способно вызывать чувство неудовлетворенности — это множественность причин, которые я сделал ответственными за возникновение капиталистического духа. На это мне указывалось глубоко понимающими критиками уже в отношении моих прежних исследований. Но я хочу попытаться установить как бы иерархию причин, т. е. не ограничиваться простым перечислением многочисленных причин, которые все участвовали в образовании известного исторического явления, но указать, в каком отношении главенства и подчиненности причины взаимно находятся.

Мне представляется, однако, совершенно безнадежным начинанием предпринимать это упорядочение путем сведения всех действующих причин к одной основной причине, *causa causans*^{131*}. Что подобное начинание, например, в духе материалистического понимания истории (в его закоснелом применении) при современном состоянии нашего знания является невозможным, это я пытался показать в ходе настоящего изложения по разным случаям, опираясь на факты. Противопоставить строго экономическому каузальному объяснению какое-нибудь иное единое истолкование я чувствую себя не в состоянии, так что для удовлетворения своей потребно-

сти в иерархическом упорядочении многообразных отдельных причин я должен ограничиться сведением совокупности действующих условий в единое целое исторического процесса, в котором, правда, некоторые из приведенных причин являются в отношении главенства и подчиненности, другие, напротив, в отношении сочиненности. Эти сочиненные причины составляют то, что можно также обозначить как «случайные» события, которые, однако, были не менее необходимы для наступления общего результата, чем необходимые, т. е. с необходимостью вытекающие из данных предпосылок.

Картина природы и происхождения буржуа получает тогда следующая.

Основу всего развития, которую мы должны рассматривать как раз и навсегда данную и в конечном счете определяющую все содержание процесса в его своеобразии, составляет единственная в своем роде по задаткам своих отдельных членов и по своему составу группа народов, которая создала европейскую культуру со времени падения Римской империи. В этих народах мы находим с самого их появления две мощные движущие силы: жажду золота и предпринимательский дух, которые быстро соединяются вместе. Из этого соединения на родине возникают могучие организации хозяйственной и иной природы, возникает прежде всего и современное государство и с ним важное средство поощрения капиталистического духа: «еретичество», предпосылкой которого, однако, является еще одна основная особенность европейской народной души — ее сильная религиозная потребность.

Те же движущие силы побуждают народы к завоеваниям и предприятиям и на чужбине: здесь им открываются неожиданные богатые залежи благородных металлов, вновь оживляющие их предпринимательский дух и их жажду золота; здесь возникают колонии, которые в свою очередь становятся рассадниками капиталистического духа.

Если предпринимательский дух проявлял вначале свое действие преимущественно в среде господ и принимал благодаря этому насильственный оттенок, то со временем

в более широких народных слоях распространяется стремление другим путем при помощи хозяйственных предприятий добывать деньги: без применения насилия, мирным путем договоров. И здесь возникает понимание того, что в этом начинании большую службу может сослужить проявление духа экономии, духа, сберегающего и ведущего счет.

Если это мещанское торгашество, пытавшееся пробиваться посредством охарактеризованного мирного способа, со временем постепенно получило значение у всех народов, то были некоторые племена, в которых общий дух с самого начала достиг быстрого и исключительного развития. Эти племена — этруски, фризы и евреи, влияние которых усиливается в своем значении тем более, чем более душевная структура капиталистического предпринимателя видоизменяется в направлении мещанского торговца.

Если в начальный период развития различные течения идут рядом, то в дальнейшем его ходе они соединяются: в капиталистическом предпринимателе сливаются герой, торговец и мещанин. Поток, однако, чем более стекает в долину, тем более принимает окраску мещанского торговца, героическое исчезает все более. Этому способствовал ряд причин: развитие профессионального войска; авторитет нравственных сил, в особенности религии, которые культивируют как раз мирного мещанина, и — не в последнем счете — скрещение крови, давшее преобладание торгашеской крови. В общем, тот простой факт, что героизм присущ лишь немногим и что установление, развивающееся до всеобщности, с необходимостью должно строиться на присущих массе инстинктах и способностях.

Развитие капиталистического духа идет теперь далее своим путем, в котором мы ясно можем различить два этапа: до конца приблизительно XVIII столетия и с тех пор до настоящего времени. В первую эпоху, охватывающую период раннего капитализма, капиталистический дух носит существенно связанный характер, во вторую — существенно свободный. Связан он был нравами и нравственностью, которой учили главным образом христианские исповедания.

В направленном на получение прибыли капиталистическом предприятии заключены имманентные его природе тенденции развития безграничной и беспощадной наживы. Поводом к развитию этих тенденций послужили главным образом следующие обстоятельства.

1. Рожденная из глубины германо-романского духа наука о природе, сделавшая возможной современную технику.

2. Созданная еврейским духом биржа. Только соединения современной техники с современной биржей дало внешние формы, в которых могло осуществиться стремление к безграничности капиталистической наживы.

Сильную поддержку нашел этот процесс эмансипации:

3. В том влиянии, которое с XVII столетия еврейство начинает оказывать на европейскую хозяйственную жизнь. Оно влекло благодаря своим задаткам к безграничному и беспредельному проявлению стремления к наживе и в этом стремлении находило не препятствие, но поддержку со стороны своей религии. Евреи при возникновении современного капитализма действовали в качестве каталитического элемента.

4. Пути, наложенные на капиталистический дух в раннюю эпоху его развития нравами и нравственностью, были ослаблены благодаря ослаблению религиозного чувства у христианских народов и

5. были окончательно сорваны разрывом всех связей на чужбине, куда эмиграция и переселения привели как раз наиболее способных хозяйствующих субъектов.

Итак, капитализм рос и рос.

Теперь великан, свободный от оков, в безумии несется по всем странам, низвергая все становящееся на его пути.

Что принесет будущее?

Кто держится того мнения, что великан-капитализм разрушает природу и людей, будет надеяться, что его скуют и вновь вернут в те рамки, из которых он вырвал-

ся. И тут думали вернуть его к разуму этическими убеждениями. Мне кажется, что подобные попытки потерпят жалкий крах. Он, разорвавший железные цепи древнейших религий, без сомнения, не даст себя связать шелковыми нитями веймарско-кенигсбергского учения о мудрости. Единственное, что можно сделать, пока сила великана не сломлена, — это принимать меры предосторожности для обеспечения жизни и имущества. Ставить пожарные ведра в форме рабочего законодательства, законов о защите родины и т. п. и поручить обслуживание их хорошо организованной команде, чтобы она тушила пожар, который бросают в огражденные хижины нашей культуры.

Но будет ли его безумство продолжаться вечно? Не устанет ли он в беге? Я думаю, что так будет. Я думаю, что в природе самого капиталистического духа заложена тенденция, стремящаяся разлагать и убивать его изнутри. Мы сами в различных местах нашего пути уже встречались с такими крушениями капиталистического духа: в XVI в. — в Германии и Италии, в XVII в. — в Голландии и Франции, в XIX столетии (в наше время) — в Англии. Если даже этим коллапсам и содействовали отчасти особые условия — на добрую долю эти перемены причинила имманентная всякому капиталистическому духу тенденция, которую мы должны представлять себе действующей дальше и в будущем. Что всегда сокрушало предпринимательский дух, без которого не может существовать дух капиталистический, — это измельчение в сытое рантье́ство или усвоение сеньориальных замашек. Буржуа испытывает ожирение по мере того, как богатеет и привывает к использованию своего богатства в форме ренты, а в то же время привыкает предаваться роскоши и вести жизнь сельского джентельмена. Неужели эти силы, которые мы так часто видели за работой, будут бездействовать в будущем? Это было бы странным.

Но в наше время еще и с другой стороны отрезывается нить жизни капиталистическому духу благодаря усиливающейся бюрократизации наших предприятий. То, что еще оставляет рантье́, отнимает бюрократ. Ибо в пра-

вильном бюрократическом гигантском производстве, в котором механизирован не только экономический рационализм, но и предпринимательский дух, для капиталистического духа не остается более места.

Но вероятно, он подвергнется нападению и с третьей стороны: с прогрессом «культуры» цифра рождения и, в конце концов, также и избыток рождений убывают с роковой необходимостью. Против этого не существует зелья. Никакая *Lex Paria Porrasa*^{132*}, никакой национальный или религиозный энтузиазм, никакие драмы с тенденцией не могут удержать этого процесса. А с уменьшением избытка рождений капитализму не хватит дыхания, ибо только бешеный рост населения в последние сто лет дал ему возможность вырасти до такого величия и могущества.

Что будет тогда, когда капиталистический дух, в конце концов, лишится своей теперешней энергии, нас здесь совершенно не касается. Быть может, великана тогда, когда он ослепнет, выдрессируют, чтобы тащить демократическую культурную тачку. А может быть, это и будут сумерки богов. Золото будет возвращено Рейну.

Кто знает?

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Предварительные замечания

Литература, которая занималась бы трактуемой в этой книге проблемой, вряд ли существует. Следует назвать критические работы, разбирающие соответствующие главы моего «Современного капитализма» (1902), на которые я при случае буду ссылаться. Кроме меня, самостоятельно разрабатывали эту тему Макс Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» («Архив социальной науки и социальной политики», том 21 и след.). К этой работе примыкает потом опять ряд критических статей.

В остальном исследовании, подобное настоящему, вынуждено ограничиться почти исключительно использованием источниками. Об их природе и познавательной ценности следует предварительно сделать следующие замечания.

Источники для раскрытия духа в хозяйственной жизни текут в изобилии для каждого, чьи глаза открылись для исследования этой проблемы. И здесь также существуют непосредственные и косвенные источники познания. Непосредственный опыт о хозяйственном духе доставляют нам сами хозяйствующие люди в своих заявлениях, познавательная ценность которых должна, конечно, подвергнуться проверке и из которых — это не приходится особенно сильно подчеркивать — достаточно часто следует вычитывать обратное тому, что в них утверждается.

1. Аутентические свидетельства могут носить случайный характер, как, например, разговоры, письменные сообщения и т. д., или же они являются систематически упорядоченными — в автобиографиях, завещаниях и размышлениях и т. п.

Но гораздо более многочисленны возможности окольными путями заглянуть в душу хозяйственного субъекта. Эти возможности мы можем, следовательно, объединить в группу косвенных источников познания. Здесь имеют значение:

а) «творения» хозяйствующих людей в самом широком смысле, на которых как бы «почил» их дух. Я имею в виду общие организации, ими создаваемые: устройство деревень, фабричных производств, транспортных предприятий; технические устройства; устройство мастерских, создание орудий труда, устройство железных дорог, систем орошения, каналов и гаваней и т. д.; особые устройства для достижения хозяйственных целей; счетоводство учреждения благотворительности; темп развития и роста хозяйственной жизни; быстрое пересоздание, быстрое расширение хозяйственных учреждений и многое другое подобное;

б) правовые нормы: определения права свободного самоопределения, о конкуренции, о рекламе, об образовании цен, о взимании процентов и т. д. и т. д.;

в) нравственные учения религиозного или светского происхождения. К ним можно также причислить все проявления критики: сатиры, боевые памфлеты, проекты реформ и т. д.;

г) отражение времени: в общественном мнении, например, значение определенных профессий (торговли) в обществе и внутри отдельных классов (отношение дворянства к наживе); в литературе, искусстве и науке — изображения типов, характер излюбленных «направлений»;

д) социальные взаимоотношения отдельных групп населения, мирное сожительство, враждебное отношение (например, рабочих к предпринимателям), патриархальные отношения, деловое упорядочение;

е) характер политики, в которую выливается хозяйственный образ мыслей отдельных лиц и групп: империалистическая политика или свободная торговля и т. п.

Само собой понятно, что познавательная ценность извлекаемых из этих источников свидетельств весьма различна.

Аутентичные свидетельства (1) прежде всего очень редки и уже потому не слишком много дают. Они, правда, при известных обстоятельствах могут иметь очень крупное значение для правильного понимания того или иного положения вещей. Большею частью, правда, следует читать между строк. Это дей-

ствительно в особенности относительно всех систематических заявлений указанного рода. В автобиографиях или мемуарах, например выдающихся деятелей в сфере экономики (которых, особенно в наше время, существует целый ряд), авторы, естественно, выставляют себя как людей, совершенно лишенных эгоизма, служащих только общему благу, которые были совершенно далеки от стремлений к денежной наживе (в чем им даже можно иногда поверить, когда речь идет о пресыщенных богатством людях вроде Рокфеллера, Карнеджи, В. Ф. Сименса, В. Ратенау, мемуарами которых мы обладаем). Некоторые же остаются честными с самими собой, и они-то и дают нам, естественно, наилучшие разъяснения. Я имею в виду автобиографии вроде написанной Штроусбергом. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что мы обладаем такими систематическими аутентичными свидетельствами, исходящими большей частью только от весьма выдающихся людей, масштаб переживаний которых крупнее натурального и должен поэтому прежде быть сведен к средней мере, если мы желаем обобщать их творения и воззрения.

Из остальных источников самыми надежными являются «творения» хозяйствующих субъектов (2). Эти по крайней мере никогда не лгут.

Источники, названные под цифрами 3 и 4, очень важны, но представляют наибольшие опасности для использования, в связи с чем имеются исследователи, вообще не признающие за ними значения источников познания известного фактического положения вещей, т. е. в данном случае «духа» времени. Так, мне в свое время многие критики ставили в упрек, что я хотел вывести направление идей средневекового ремесленника из цеховых уставов, а также из практики их и проектов реформ, как, например, реформы императора Сигизмунда. Я хочу поэтому еще заметить следующее об этого рода источниках и допустимости их использования.

Ошибка, которую часто делают, состоит не в том, что хотят из этих источников почерпнуть знание, а в том, что хотят почерпнуть ложное знание. Ведь не захотят же из уложения о наказаниях узнавать о распространении краж и о видах их или из промышленного устава узнавать о характере положения рабочих в настоящее время. Но о чем из них очень хорошо можно узнать — это о господствующих в наше время общих понятиях о

краже и защите рабочих, конечно, закрепленных в законодательстве или выраженных в критической литературе (для которой действуют подобные же правила). Воззрение может быть «устарелым» и не отвечать более «духу времени». Тогда нужно будет его констатировать. И прежде всего, опираясь на заявление противников. Не слишком глупый историограф нашего времени должен будет, правда, заключить из литературы среднего класса, что в Германии значительная масса людей еще мыслит в ремесленном духе, но вместе с тем вынужден будет констатировать, что основное воззрение нашего времени, как оно проявляется в задающей тон литературе, как оно, наконец, добивается определяющего влияния в законодательстве и управлении, было иным — капиталистическим. Наше суждение о «духе», господствовавшем над средневековой хозяйственной жизнью, должно будет гласить совершенно иное. Правда, тогда ежедневно имели место бесчисленные действия и мысли, которые погрешали против ремесленных воззрений, соответствовавших требованиям нравственных норм и устанавливавшихся правовыми нормами; более того, к концу средневековья подобные нарушения должны были умножиться. Но это все-таки были только нарушения. И «дух времени» (5) их осуждал. «Дух времени» ощущал их как нарушения, и никто не осмеливался оправдывать эти нарушения. Разве существует хоть одно приобретшее значение произведение, которое осмелилось бы защитить принцип «*ôte toi que je m'y mette*»*, или личную за себя ответственность, или безграничное стремление к наживе.

1. «*Divitiae comparantur ad oeconomicam non sicut finis ultimus, sed sicut instrumenta quaedam, ut dicitur in Pol. Finis autem ultimus oeconomiae est totum bene vivere secundum conversationem*»¹. S. Thomas. Th. 11^a11^{ae} qu. 50 a. 3. Основное место у S. Thomas в Summa theol. 11^a11^{ae} qu. 50. a. 3.

2. 118 a 1 гласит в целом, как оно передано в новом издании полного собрания сочинений (Romae, 1886), по которому я всегда цитирую, следующее: «*Bona exteriora habent rationem utilium ad finem, unde necesse est, quod bonum hominis circa ea consistat in quedam mensura: dum scilicet homo secundum aliquam mensuram quaerit habere exteriores divitias, prout sunt necessaria ad vitam eius secundum suam conditionem.*

¹ Здесь и далее русский перевод см.: «Примечания В. Зомбарта...» под теми же номерами сносок.

Ed ideo in excessu huius mensurae consistit peccatum: dum scilicet aliquis supra debitum modum vult acquerere vel retinere. Quod pertinet ad rationem avaritae quae definitur esse immoderatus amor habendi». Глосатор кард. Кайетанус защищает эти основные положения и разъясняет их так: «...appeleatione vitae intellige non solum cibam et potum, sed quaecunque opportuna commoda et delectabilia, salva honestate».

3. Сравним сказанное место к характеристике сеньориального образа жизни в моей книге «Luxus und Kapitalismus» (1913).

4. «I preti... vogliono tutti soprastare agli altri di pompa e ostentatione, vogliono molto numera di grassissimo e organitissimo calvacature, vogliono uscire in publico co molto exercitio di mangiatore, et insieme anno di di in di voglie per troppo otio et per poca virtulasciivissime, temerarie, incolsulte. A'quali, perche pur gli spedita et somministra la fortuna, sono discontentissimi, e senza risparmiomasserizia, solo curano satisfaire a'suoni incita ti appetiti... sempre l'entrata manca et pui sono le spese che l'ordinarie sue ricchezze Così loro conviene altronda. Essere rapaci e alle onestissime spre ad aitare e suoni, a sovenre agli amici, a levare la famiglia sua in onorato stato e degno-grado sono inhumani, tenatissimi, tardi misevime». Alberti, Della fam. 265.

5. Willy Boehm, Friedrich Reisers. Reformation des K. Sigismund, (1876). S. 218, ср. S. 45 и след. Кроме того, Karl Koehne. Zur sogenannten Reformation K. Sigismund. Neues Archiv der Gesellschaft für altere deutsche Geschichtskunde. Bd. 31, 1905. Heft 1.

Возражения, выдвигаемые К. против меня, и использованные мною цитаты из названного произведения отпадают, полагаю я, после моих предварительных замечаний к настоящему указателю источников.

6. Keutgen. Aemter und Zünfte, 1903, 84.

7. См., например: Sattler C. Handelsrechnungen des deutschen Ordens. 1887. S. 8, или введение Koppmann'a к Handlungsbruch Tolner'a в Geschichtsquellen der Stadt Rostock I (1885) XVIII f., или податные списки по гор. Парижу от 1292 г., изданные Geraud (Coll. des doc. inéd. S. 1. t. VII, 1837), «La plupart des additions sont inexactes», p. V.

8. Этот упрек относится еще к Pegolotti и к Uzzano. В приведенных мною в другом месте вычислениях издержек по пересылке, например по ввозу английской шерсти, при случае совершенно хладнокровно считают дальше, исходя из совершенно иных основных цифр, чем в начале.

9. H. Peetz. Volkswissenschaftl. Studien, 1885. S. 186 и след.

10. A. Vierhandt. Die Stetigkeit im Kulturwandel, 1908, 103 и след., содержит много тонких замечаний на тему о «традиционализме». Понятной является наличность довольно далеко идущего параллелизма в психике докапиталистического человека и «первобытных народов»; см. там же § 120 и след.

11. F. Tönnies. Gemeinschaft und Gesellschaft. 2 Aufl. 1902. S. 112 f.

12. A. Vierhandt. а.а. O.S. 195.

13. Hans von Wolzogen. Einleitung zur Edda. Издание Reclam, см. S. 280 и след. Из его перевода заимствованы и цитированы в тексте места из Эдды.

14. *Gustav Freitag*. Bieder aus der deutschen Vergangenheit. 1, 5, 184 (и след.).

15. *Luchin von Ebengreuth*. Allgemeine Münzkunde. 1904. S. 139.

15a. *Lamprecht*. Deutsches Wirtschaftsleben. 2, 377.

16. *Levasseur*. Histoire de l'industrie etc. 12, 200.

17. *Davidsohn*. Geschichte von Florenz, 1 (1896), 762, где приведены многочисленные источники «многих доказательств этой системы сокровищниц за столетие с 1021 по 1119 гг.».

18. *Davilliers*. L'oafévrerie et les Arts décoratifs en Espagne, цитир. у *Baudrillart*. Hist. du Luxe 42, 217. Ср.: *Soetbeer*. 57, Ergänzungsheft zu *Petermann's Mitteilungen*. 21.

19. *Brueckner*. Finanzgeschichtl. Studien. S. 73: *Shurtz*, Entstehungsgeschichte des Geldes (1898), 129.

20. «Quod scilicet quidam clericorum et laicorum in tantam turpissimi lucri rabiem exacercent, ut multiplicibus atque innumeris usurarum generibus... pauperes Christi affligant» ... *Amiot*. Die franz. und lomb. Geldwucherer der M.A. (Jahrb. d. Schweiz. Gesch. Bd. 1. S. 183). Источник.

21. «Erano in lui alcuni vitti e in prima quello uno quasin in tutti e preti commune e notissimo, ero cupidissimo del dan naro, tanto che ogni cosa spresso di lui era da vedere molti discoreano infami simonias, barattieri e artefici d'orgni falsita e fraude» (*Alberti*. Libri della famiglia. 263).

22. Многочисленные места из поэтов XIII столетия, относящиеся к жажде денег, сводит *E. Michael* в «Geschichte des deutschen Volkes», 13 (1897), 139 и след.

23.

Regnat avaritia
regnant et avari

.....
Multum habet oneris

Do, das, dedi, dare;
Verbum hoc prae ceteris

Norunt ignorare,
divides quos poteris
mari comparare.

Carmina Burana n LXVII; *Michael*, a.a. O., S. 142.

24. *Michael*. Gesch. des deutschen Volkes, 1, 142 и след.

25. «Nimium sunt ad querrendam pecuniam solliciti et attenti, ut in eis qualiter dici possit: semper arder ardor habendi et illid: o prodiga rerum luzuries nunquam parvo contenta paratis et quaessorum terra pelagoque ciborum ambitiosa fames». В известных мне изданиях *Descr. Flor*, а также и недавно в передаче *C. Frev* «Loggia dei Lanzi» цитаты искажены, причем издатели не указывают, содержат ли это искажение сами рукописи. Стихи заимствованы из: *Pharsalia Lucani*. lib. V. 373–376. Я по ней исправил текст.

25a. *Regola del governo di cura familiare*, 128, цит.: *Guarti C. Ser Lapo Mazzei*. 1880. P. CXV.

26. «Ben dico che mi seberre caro lasciaro e miei richi et fortune ti che poveri», «Della famiglia» / Ed. *Gir. Mancini*. 1908. P. 36; cf. p. 132. «Conviensi adunque si ch'e beni della fortuna sieno giunti al la virtu et che virtu prende que' suoi decenti organismi, quali difficile possono asseguirsi senza copia et affluenza di que' beni qua li altri chiamano fragile et caduchi, altri gli appella commodi et utili a virtu». Cp. 159. «Chi non a provato, quanto sia duolo et far lace a bisogni andare pelle merce altrui, non sa quanto sia utilo il danaio... chi vive povero, figlioli miei, in questo mondo soffera molto necessita et molti stenti; et moglio forse sara morire che stentando vivere in miseria...»

«Chi non truova il danaio nella sua scasella, molto manco il troverà in quella d'altrui», p. 159. «Le ricchezze per de quali quasi cias uno imprima se exercita», p. 131; «Ci inginocchiamo et pregamo Iddio che... a me desse ricchezza», p. 293. «Non patisce la terra nostra che de suoi alcuno troppo nelle vittorie dell'armi... Ne anche fa la terra nostra troppo pregio de'liciterati, anzi e piu tosto tucta studiosa al guadanio et alle ricchezza. O questo che lo dia il paese, o pure la natura et consuetudine de'passati, tutti pare crescano alla industria del guadagno, ogni ragionamento pare della masserita tia, ogni pensiero s'argomenta a guadagnare ogni arte si stracha in congregare molte ricchezze»: p. 37.

27. Цитировано у *Al. v. Humboldt*. *Examen critique de L'histoire de la géographie du nouveau continent*. 1837. T. 2. P. 49.

28. Во введении к книге по сельскому хозяйству (*Vinc. Tannara*. *L'economia del cittadino in Villa*, 1648) говорится: «L'avido e strenato desso d'ammassare ricchezze, il quale da niuna a circonschitto, anzi non altrimenti ostinata palna tanto s'avanza quanto quele s'aumentano, tiranneggia in maniera i petti deg li huomini vili, che resili scordevoli del loro ossere fa, che non riparino a bassezza, ne a miseria ne ad infamia alcuna facendosi tutto lecito per sequi stare facolta».

29. См., напр., забавную книгу (*Ulr. Gebhardt*. *Von der Kunst reich zu werden*. Augsburg, 1656). Ее автор лично, правда, презирает деньги и всякое имущество, но общая позиция, занимаемая им в его книге (равно как уже и самое ее заглавие), позволяет заключить, что он проповедовал глухим, пытаясь доказать, что истинное богатство заключается в добром воспитании духа и сердца.

30. *Alberti*. *Della famiglia*, 137.

31. *Vinc Tannara*. *L'economia del cittadino in Villa*. (1648) 1.

32. Издано В. Арнольдом (W. Arnold): *Bibl. des Literar-Vereins zu Stuttgart*. 43 (1857). 191. Для более позднего времени (около 1400 г.) издан Chron. Jon. Rothe из Creutzburg'a. *Karl Barth*. *Mittelenglische Gedichte*, 1860.

33. *Alte hoch- und niederdeutsche Volkslieder*. 1844. 339.

34. *Kopp H*. *Die Alchemie*, 1. 1886. 12. Хорошим дополнением к труду Коппа служит книга Шмидера (*Schmieder*) «*Geschichte der Alchemie*» (1892), так как Шмидер сам еще был верующим и представляет нам поэтому возможность познакомиться с ценными наблюдениями над психологическими процессами в душах атеистов.

35. Немецкий перевод из «Examen alchemisticam Pantaleon'a» у Корр'а (1, 30).

36. *Paracelsus* «Coelum philosophicum seu liber vexationum». См.: у Коппа (1, 39).

37. *Louis Figuier*. L'Alchimie et les alchimistes, 3 ed. 1869. 136. C'est donc au seizieme siecle qu'il faut se reporter, si l'on veut prendre une idée exacte de l'étonnante influence que les idées alchimiques ont exercée sur l'esprit des hommes.

38. *Sbrik H. v.* Exporthandel Oesterreichs, 1907, 113.

39. В «Archiv für Sozialwissenschaft und Soz. Politik, Bd. 34.

40. *Ranke*. Fürsten und Völker vor Südeuropa, 1857. В. 1; 410 13. 1857, 410. Этот Бенеvento явился и к Пию V, который, однако, не доверял его искусству.

41. «Frièvre d'invention et d'enrichissement repide»: *Marbault*. Remarques sur les mémoires de Sully в конце Econ. royales, Coll. Michaud. стр. 35; *G. Faries*. L'economie sociale de la France sous Henry IV (1897). P. 333.

42. *Normand Ch.* La bourgeoisie française au XVII siècle, (1908). 185 и след. 13. Эта хорошая книга содержит еще многое, знакомящее нас с Donneurs d'avis. В дополнение к собранному там материалу я укажу еще на следующие типические случаи прожекторов в тогдашней Франции: в XVII в. был знаменит *Theophraste Renaudot*. «Le fondateur du Journalisme français, le cerveau le plus inventif peut-être de l'époque, dans lequel ont germé bon nombre d'idées utiles, à peine mêlées d'utopie...», упоминаемый *G. d'Avenèl'm.* Hist, écon., 1 (1894), 121; *Blegny Nicolas* (ум. в 1722 г.): «Apothicaire, écrivain, collectionneur et journaliste, fondateur d'une société médicale, d'une maison de sauté et d'un cours pour les garçons perruquiers; premier chirurgien de la Reine et / chirurgien ordinaire du corrs de Monsieur»; chevalier d'industrie à l'occasion et finalement jeté en prison... auteur du «Livre commode contenant les adresses de la ville de Paris etc.» par Abraham du Pradel, philosophe et mathematicien (P., 1692) (новое издание 1878), в котором он сам себя называет «fameux curieux des ouvrages magnifiques...» / Ed. *Bonnaiffe*. Dictionnaire des amateurs français au XVII sc. 1884 s.h.v.

43. *Mercier*. Tabl. de Paris. 1. 222 (Ch. 73) вкладывает следующие слова в уста одного из Faiseurs de Projets: «Depuis trente ans j'ai negligé mes propres affaires, je me suis enfermé dans mon cabinet, méditant, rêvant, calculant; j'ai imaginé un projer, admirable pour payer toutes les dettes de l'étar; ensuite un autre pour curicher le roi et lui ausser un revenn de 400 millions; ensuit un autre pour ablatte à jamais l'Angleterre... et pour rendre notre commerce le premier de l'univers... ensuite un autre pour nous rendre maîtres des Indes orientales; ensuite un autre pour tenir en échec cet empereur, qui tôt ou tard nous jouera quelque mauvais tour».

44. *Adolf Beer*. Die Staatsschulden und die Ordnung des Staatsaushaltes unter Maria Theresia. 1. (1894). 37-38.

45. Первая денежная лотерея была проведена флорентийским государством в 1530 г.; классная лотерея была в XVI в. введена в Голландии, в 1610 г. в Гамбурге, в 1694 г. в Англии, в 1699 г. в Нюрнберге; цифровое лото введено в 1620 г. в Генуе.

M. V. Heckel. Lotterrie // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 3 Aufl. Bd. 6. Но «лотерейное безумие» разразилось, по-видимому, только к концу XVII столетия, тогда, когда Западная Европа и в других отношениях перешла всякие границы. В одном современном сочинении сказано: «Jamais on n'a tant ouï parler de Lotteries que depuis qu'il s'en est fait une en Angleterre il y a deux ans... toute la Hollande est en mouvement la-dessus, on ne se trouve en aucune conversation que... reflexion sur ce que l'on appelle bonheur et malheur en matière de Lotteries» (Amsterdam, 1696. Ch. 1).

46. Я следую в основе сопоставлению Макса Вирта. *Geschich. d. Handelskrisen. 3 Aufl. 1883.*

47. *W. Sombart. Die Juden und das Wirtschaftsleben. 105 и след.*

48. *Dephøe. On Projects (1697), по-немецки — 1890, стр. 19.*

48а. Проблему, исследуемую в этой главе, я трактовал впервые в моей статье «Der kapitalistische Unternehmer» в «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik» (Bd. 29. 1909). Защищаемые там взгляды я ныне изменил в некоторых пунктах. В особенности торговую деятельность я рассматриваю теперь как общую всякому предпринимательству функцию, что мне представляется более отвечающим действительности и более логичным. Ср. недавно: *H. Kurella. Die Intellektuellen und die Gesellschaft, 1913.* Взгляды Курелля во многом соприкасаются с моими.

49. Наш язык выражает родство обеих различных деятельностей, по крайней мере отчасти совершенно одно и то же обозначение для понятий «торговать товарами» и «вести переговоры между государствами» имеют греки в слове *Χρηματίζω*; оно обозначает вообще «вести дела» и только в частности: «вести торговые или денежные дела, заниматься торговлей, но употребляется равным образом и для обозначения заключений публичных сделок в смысле ведения переговоров о государственных делах *Χρηματισμός*; значит «человек, занимающийся делами, в особенности торговыми делами или денежными делами» и «трудолюбивый человек, добрый хозяин, хорошо знающий искусство приобретения наживы» (Платон, *Rep 434*), а *Χρηματικός* значит и «искусный в *Χρηματίζω*; следовательно, 1) «искусный в торговых и денежных делах, в приобретении состояния, в наживе...», т. е. 2) «искусный в проведении публичных или государственных дел *Χρηματισμός* заботы о деле, ведение дела, как торгового, так и государственного, управление общественными делами, совещание, дарование аудиенции. *Ραρε, Griechisch-deutsches Wörterbuch*; подобным же образом и немецкое слово «Geschäft» употребляется в двойном смысле, когда мы говорим о денежных делах и государственных делах, о деловом человеке и поверенном в делах.

49а. *Jac. Burckhardt. Kultur der Renaissance 1³, 23.*

50. C.v. *Clausewitz*. Vom Kriege. Erstes Buch, drittes Kapitel.
51. J. Burckhardt. 15–16.
52. *Lastig*. Beiträge des Handelsrechts, in der Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht, 23, 152. Там же и другие указания источников. Vgl. Lattas Der commerc. 294, 209, 223.
53. *Clemens Sander*. Цитировано у *Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger 1, 1896. 212–213.
54. *C. Neuburg*. Coslars Bergbau (1892), 191.
55. *F. Dobel*. Der Frugger Bergbau und Handel in Ungarn, Zeitschrift des histor. Vereins für Schwaben und Neuburg, Bd. V.
56. *H. von Sbrig*. Exporthandel Österreichs. 1907. S. 368.
57. *P. Hitzinger*. Des Quecksilbergwerk zu Idria. 1860. S. 18, 24.
- 57a. *U. Krafft*. Denkwürdigkeiten / Ed. Cohn. 1862. S. 459.
58. Instruction für den Berghauptmann Theod. v. Lilienau a. 1625, у *K. Graff Sternberg*, Gesch. d. Bergwerke (1836), 308.
59. *G. R. Lewis*. The Stannaries. 1908.
60. *H. Peetz*. Volkswissenschaftl. Studien, 1880. S. 69.
61. *Beck H.* Gesch. des Eisens, 2, 602 и след. 652.
62. Указ короля от 7 марта 1573 г. у *Sternberg*, а.а. а.а. 1, 389.
63. Allgemeine Schatzlammer der Kaufmannschaft 2, 1741. 734.
64. «La plurart des personnes de qualité de robe et autres donnant leur argent aux négociants en gros pour le faire valoir, ceux-ci leur marchandise à sredit d'um an ou de quinze mois aux détaillants; ils en tirent par ce moyen 10% d'intéret et profitent ainsi de 3 ou 4%» (*Savary*).
65. «Les gens de commerce n'étaient qu'une faible minorité parmi les souscripteurs». *Kaepelin P.* La compagnie des Indes orientales. 1908. S. 6.
66. *P. Kaepelin*. B.c. Ibid. P. 8: «Quid est Cuthna, fomes avaritiae ac abyssus malitiae, diversa ac peregrina ingentiaque gentium genera ad contempta ionem sui contrahit, regesque ac principes exteros aleicit, nisi quia in sunu suo, in terrarum abditis fomentum avaritiae argentum nutrit?» Chron. Aulae Regiae, ap. Dobner Mon. Boh. 5. 140; цитировано у *Sternberg'a*, а.а.О. 1, 2.
67. Богатство Куттенберга ископаемыми послужило поводом к войне между императором Альбрехтом и королем богемским Вячеславом в 1304 г. Chron. Aulae Regiae, ap. Dobner in Mon. Boh. 5. 149; у *Sternberg'a*, 1.2.
68. Для XII и XIII столетий богатый материал источников приводит *Ed. Heuk*. Genua und seine Morium (1886, 182 и след.), у которого взяты и слова в тексте.
69. *W. Heud*. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter (1879), 255. Heud собрал в своем названном сочинении источники, которыми мы обладаем по истории разбоя и грабежа на Средиземном море; ср. 1, 258, 263, 487 и след. 489; 2, 16 лучшим источником, может быть, являются протоколы следственной комиссии, назначенной в 1278 г. дожем Гиас. Contarmi для выявления всех ограблений и истязаний, которым подвергли венецианцев греки и их союзники в течение последних десяти

ти лет. Одни эти протоколы знакомят нас с историей около 90 разбойников. Печатано у Taref und Thomas, Quellen zur österr. Gesch. 4, 159–281.

69a. *H. Pigeonneau*. Hist. du commerce de la France, 3 (1889). 170.

70. Опубликовано у *Eugene Seue*, L'histoire de la marine française. 4 (1836) Livre VII. Ch. 1 et II.

Основной труд Hist. des Aventuriers etc. Par. A. O. *Oexmelin* (J. Esquemeling) (первоначально на голландском языке), 1678. Ср. *Pow. Pyle*. The buccaneers and marooners of America. 1891; *Burnee*. Hist. of the B. of B. of A., 1816, послед. изд. 1902; *H. Handelsmann*. Geschichte der Insel Hayti (1856) и след. библиография (неполная) по морскому разбою, особенно в XVI и XVII столетиях, имеется у *Ioh. Pohler*. Bibl. historico-militaris. 3 (1895), 737.

72. *Froude*. H. of England. 8 (1863), 451.

73. *F. H. Brown*. Scotland in the time of Queen Mary, 1 (1904). 72.

74. *Gardiner*. Commonwealth, 1, 330; у *W. Cunningham*, The Growth of the English Industry and Commerce, 2 (1903), 188.

75. *Shirley Carter Hughson*. The Carolina Pirates and Colonial Commerce. 1670 и 1740, 1894, одна из лучших работ по этому вопросу.

76. Важнейший документ, относящийся к истории морского разбоя в северных американских колониях, в особенности необычайно ценные донесения Earl of Bellomont an the Lords of Trade. Docum. relat. to the Colonial History of the State of New York, 4, (1854), 306 и след. 323, 447, 512 и след.; Ср.: *Macaulay* H. England, 19, 14–21 (Tauchnitz-Ed.).

77. См., напр.: *B.F.A. von Langeegg*, El-Dorado: Geschichte der Entdeckungsfahrten nach dem Go'dlande El Dorado im XVI u XVII Jahrhundert. 1888.

78. Философский камень начинает в представлении эпохи как бы сливаться с Эль-Дорадо в единое целое, так, *Laurenti Ventura* пишет в своем «Aenigma della Pietra phisica» (1805):

Nell'India (parte piu calda del monds)
Nasce pietra talhor ch'en se rinchiude
Virtu infinite che vengon dal cielo.

Цитировано у *Chr. G. von Murr*. Litterarische Nachrichten zu der Geschichte des sogenannten Goëdmachens. (1805), 49, 190.

79. В новейшее время появилось превосходное жизнеописание *Selincourt H. de. Graet Raleygh*. 1805.

80. «The passing up the river Thames by Mr. Cavendish is famous, for his mariners and soldiers were all clothed in silk, his sails of damask, his top cloth of gold, and the richest prize that ever was brought at any one time into England». *Captain Francis Bacon*, 17.8, 1589, *Douglas Campbell*. The puritans in Holland, England and America, 2 (1892), 120.

81. Описание путешествия R. Benjamin von Tudelas. По-немецки *Grünhut* und *Markus N. Adler* (Jerusalem, 1903). S. 5.

81a. Коммерческое значение этих трех городов опиралось на боеспособность граждан и на силу флота; против слабейших конкурентов

они обычно беспощадно пользовались своим превосходством. Однажды (4 августа 1135 г.) пизанцы появились на 46 галерах перед Амальфи, сожгли все корабли в гавани, зажгли город и разграбили дома. Позднее генуэзцы сделали то же самое с пизанцами. *G. Caro. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der Juden* (1908), 235.

82. Много поучительного материала, и главным образом к оценке личностей, игравших роль в раннекатолической заморской торговле Англии, содержит превосходная книга *H. R. Fox Bourne. English merchants*, 1886.

83. *Lange E. Ad. v. El-Dorado*. В новейшее время: *Konrad Habler. Die überseeischen Unternehmungen der Welser und ihrer Gesellschafter*. 1903. К последнему *F. Eulenburg. Historischen Zeitschrift*, 1904, 104 и след. Если Eulenburg упрекает автора этой новейшей работы об экспедиции Вельзеров, что тот пишет в сущности историю личностей (заглавия отдельных глав большей частью названы именами отдельных предводителей), то все же следует сказать в оправдание этой точки зрения, что подобные «торговые экспедиции» и были в сущности не чем иным, как походом за приключениями отдельных отважных людей. В этом и заключается тогда по большей части «хозяйственная история».

84. *Ulrich Krafft. Denkwürdigkeiten*: éd. Cohn, 1862.

84a. *H. Pigeonneau. Histoire du Commerce de la France*, 2. (1889), 170.

85. *Arl. Justiniani y Ersch und Gruber*, 316 и след., 327 и след. Ср.: *Sieveking. Genueser Finanzwesen*, 177 и след. 99.

86. *Oshlow Burrish. Batavia illustrata or a view of the policy and Commerce of the United provinces*, 1728, 333.

87. *Prinz Neuwied. Reise in Nord-Amerika*, 1, 315, 427, 552, 610; 2, 71 цитировано у Roscher, *Kolonien*. 3 Aufl. (1885), 267.

88. *Heyd, a.a.O.* 2, 376.

89. *Postlethwayt. Dich. of Commerce*, 1, 231.

90. Донесение Lord. Comm. of Trade and Plantations есть у *Anderson. Annals* 3, 203; *B. Dict., des Postlethway*, 728, точный обзор наличности фортов, вооружения, снабжения, гарнизонов и т. д. на африканском берегу.

91. Not to employ any gentlemen in any place of charge or commandement in the said voyage, beside their own mislike of employing of such, they know the generality will not endure to hear of such a motion, and in they should be earnestly pressed therein, they would withdraw their adventure. They wished «to sort their business with men of their own quality». *Cunningham*, 2, 70.

92. Как их, напр., содержит поучительное сочинение *I. P. I. Dubois. Vie des gouverneurs généraux avec l'abrégé des établissements hollandois aux Indes orientales* (1763).

93. *C. Laspeyres. Geschichte der volkswirtschaftlichem Anschauungen der Niederländer*. 1863. S. 60.

94. *Peter Mischler. Das deutsche Eisenhüttengewerbe*, 1 (1852), 201.

95. См. подобные случаи в Dict. du Comm. s.v. Soceté Introduction à la Corresp. administr. de Louis XIV. Т. III, p. LIV sec. (par Depping).

Далее у *Martini G.* La grande industrie sous Louis XV, 100 (1900), 109 и след.; *A. Gilleuls.* La grande industrie. 1898. (1898). P. 64 и след.; *Postlethwayt.* Dict. of Comm. 2, 778; *Anderson.* Origin of Commerce 2. 594; *George Unwin.* Industrial Organization in the sixteenth and seventeenth and seventeenth Centuries. (1904), 145, 165.

96. См. сводное исследование *Russel M. Garnier.* History of the English landed interest. 2 Vol. 1892. 2 ed. 1908.

97. *George Knapp.* Die Bauernbefreung. 2 Bde, 1887.

98. *G. T. Lapsley.* Engl. hist. Rewiew, 14. (1889), 500.

99. *Unwin*, p. 167.

100. *Rymer.* Foedera. 18, 870; у *Anderson* 2, 234.

101. *Hugh de Selincourt.* Great Raleygh. (1908), 89.

102. *Anderson.* Origin of Commerce, 2, 594.

102a. *Iars.* Voyages métallurgues, 1. (1774). 90 и след.

103. Одна из лучших работ об этом предмете посвящена заводам провинции Невэр: *Claude Corbier.* Les forges à Guerigny, Bulletin de la Société Nivernaise. 1870.

104. *G. Martin.* Louis XIV, 1889, 118.

105. *G. Martin*, l.e., p. 110.

106. *G. Martin*, l.e., p. 214.

107. *G. Martin*, l.e., p. 115.

108. Данные об участии французского дворянства в добыче угля основываются (поскольку я не делал иных указаний) на извлечениях из документов Национального архива и хорошей работе *A. de Cilleuls.* La grande industrie. (1898), 59 и след. и Notes, 210 и след.

109. *Depping.* Corr. admin. 3 LX.

110. *G. Martin.* Louis XIV, 318.

111. *Peter Hitzinger.* Das Quecksilbergwerk. India von seinem Beginn bis zur Gegenwart. Nach. Schr, des Bergwerkarchivs u. s. w. (1860). S. 13–14.

112. *Steph. Worms.* Schawager Bergbau. (1904), 37.

113. В архиве *Oberbergamt'a* в Клаустале. Извлечения оттуда дает *H. Beck.* Geschichte des Eisens, 2, 152 и след. Из этого сочинения взяты также и данные о созданной землевладельцами железной промышленности Гарца: а.а.О. 2, 767 и след., 781 и след.

114. *Beck.* Geschichte des Eisens 2, 620.

115. *Gustaf Geyerstam.* Arbetames stallning vid fyra svenska grufoor. Я обязан этим указанием члену моего семинара г. Булле.

116. *W. I. Ashley.* Woolen Industry 80, сравни Industry of England. 4 ed. 1906, p. 147.

117. 1629: «A grant to Walter, Lord Aston etc. of the keeping of the Garden, Mulberry-trees and silk-worms near ST James in the Country of Middlesex». *Rymer Foedera.* 19, 35; у *Anderson'a.* Orig. 2, 335.

118. *G. Martin.* Louis XV, 119.

119. Архивные свидетельства у *A. de Colonne*. La vie agricole sous l'ancien régime en Picardie et en Artois. (1883), 111.

120. См. у *G. Martin*. Louis XV. 113 и след., 214 и след.

121. Документы у *Karl Pribam*. Geschichte der österreichischen Gewerbepolitik 1 (1907), 127.

122. *Tr. Geering*. Entwicklung des Zeugdrucks im Abendlande seit dem 17 Jahrh. Vierteljahrschrift für Soz. und W. Geschichte. 2, 409 и след.

123. По крайней мере дворяне утверждали, что обладают этой привилегией: в действительности ее будто бы не существовало. См. la Lettre pat. за 1577, 1603, 1615, 1655, 1727, 1734 гг. У *A. de Cilleuls*: La grande industrie. (1898), 17 и сравни 18, 19.

124. См., например, о Франции *P. Boissonade*. Organe du Travail in Poitou (1900), 120; о Германии, например, Allg. Schatzkunde der Kaufmannschaft 3 (1742), 677; об Англии: в 1637 г. Thomas Earl of Berkshire получает патент на изобретенную им новую сушилку для солода и хмеля, именно для использования своих торфяных залежей. *Rymer. Foedera*, 29, 191, у *Anderson*'a 2, 376.

125. Системы колонизации Леванта и Средней и Южной Америки я подробно охарактеризовал в моем «*Moderner Kapitalismus*», где читатель найдет и указания источников.

126. *I. C. Ballagh*. White servitude in Virginia, (1895), 17; *G. Irw. McCormac*, White servitude Maryland, (1904), 11.

Для быстрой ориентации пригодна книга *Reg. W. Jeffrey*, The History of the 13 colonies of North America.

126a. *H. Vogelstein*. Organisationsformen der Eisenindustrie und Textilindustrie in England und Amerika (1910), 191.

127. Je crois que l'on demeurera Facilement d'accord de ce principe qu'il n'y a que L'abondance d'argent dans un Etat qui fasse la différence de sa grandeur et de sa puissance: Lettres instr. etc. de *Colbert*, par *P. Clément* 11, 2-e patrie CCV II.

128. *Friedr. v. Bezold*. Staat und Gesellschaft des Reformationszeitalters, (1908), 64, Kultur den Gegenwart, II, U.I.

129. Leipziger Sammlungen (ed. Zinken, 1845), 9, 973, цитировано у *Schmoller*. Jahrbuch, 15.8.

130. *Alfred Rozenik*. Über die Arbeitsleistung beim Steinkohlenbergbau in Preussen, (1906), 103; Entwicklung des niederheinwestfal. Bergbaues. XII. Teil 3. S. 91.

131. См., например, у *Levasseur*. Hist. 2, 246 и след.; как много сил как предприниматель затратил Кольбер при основании Compagnie de Point du France, которая к концу его управления государством давала занятие 5500 рабочим частью в замкнутом крупном производстве, частью в домашней промышленности.

132. *Anderson*. Origine of Commerce, 3, 91.

133. Всякий раз, как только захочешь дать какую бы то ни было характеристику «духа» крупного спекулянта, мысли невольно вновь обращаются к несравненно гениальному характерному образу Саккара в «*L'Argent*» Zola. Я привожу одно лишь из многих чудных мест, в кото-

ром подчеркиваемое мною искусство убеждения изображается особенно мастерски. «Tenez! criait Saccard, cette Gorge de Carmel que vous avez dessinée là, ou il n'y a que des pierres et des lentisques, eh bien, dès que la mine d'argent sera en exploitation, il y poussera d'abord un village, puis une ville... Et tous ces ports encombrés de sable, nous les nettoierons, nous les protégerons de fortes jetées. Des navires de haut bord stationneront ou des barques n'osent s'ammarrer aujourd'hui... Et, dans ces plaines dépeuplées, ces cols déserts, que nos lignes ferrées traverseront, vous verrez toute une résurrection, oui! les champs se défricher, des routes et des canaux s'établir, des cités nouvelles sortir du sol, la vie enfin revenir comme elle revient à un corps malade, lorsque, dans les veines appauvries, on active la circulation d'un sang nouveau... Oui, l'argent fera ces prodiges.

Et devant l'évocation de cette voix perçante, madame Caroline réellement se lever la civilisation prédite. Ces épures sèches, ces traces linéaires s'animaient, se peuplaient: c'était le rêve qu'elle avait fait parfois d'un Orient débarbouillé de sa crasse, tiré de son ignorance, fouissant du sol fertile, du ciel charmant, avec tous les raffinements de la science. Déjà elle avait assisté au miracle, ce Port-Said qui, en si peu d'années, venait de pousser sur une plage nue, d'abord des cabanes pour abriter les quelques ouvriers de la première heure, puis la cité de deux âmes, des maisons, des magasins immenses, une getée gigantesque de la vie et du bien-être créés avec entêtement par la fourmie humaine. Et c'était bien cela qu'elle voyait se dresser de nouveau, la marche en avant, irresistible, la poussée socisle qui se rue au plus de bonheur possible le besoin d'agir, d'aller devant soi, sans savoir au Juste ou l'on va, mais d'aller plus à l'aise, dans des condicions meilleures: et la globe bouleversé par la fourmière qui réfait sa maisom et le continuel travail, de nouvelles juisances, le pouvoir de l'homme decuplé, la terre lui appartenant chaque jour davantage. L'argent, aidant la science, faisait le progrès».

134. Davy Ellys had Commandment to work with Humphrey Hitchcock or with Thomas Saunders untill such time as they be both satisfied of their debts which is due to them by the said Ellys.

Из Clothworkers court Book, July 12, 34. Henry VIII y *Unwin*, 57.

135. «Most of the artificers are poor men and unable to provide such store of materials as would serve their turn», 3 and 4 Edw. VI, c 6. Подобные же определения в строительной промышленности. Цитировано у *Unwin*, 56.

136. «Les maitres qui n'auront moyen de tenir boutique et qui travailleront chez les autres mesne pourront sortir de la maison du me ou ils travailleront pour aller travailler ailleurs s'ils ne l'en ayent averti quinze jours auparavant souts les peines ci-des-sus dernières dictes Art. 31». Bourges. У *Levasseur*. Hist., 2, 163.

137. См., например, о Франкфурте-на-Майне: *F. Bothe*, Beitr. zur Wirtschafts und Socialgesch. der Reichstadt Frankfurt. (1906), 73.

137а. Факты, лежащие в основе наброска в тексте, общеизвестны. Наилучшим образом ориентируют по вопросу о флорентийской торгов-

ле в Леванте все еще *W. Heud. Gesch. d. Levantenhandels*, 2 Bände, 1880, у которого заимствованы, поскольку не указан другой историк, и дословно приведены в тексте места. См. в особенности: 2, 295 и след., 477 и след., 486 и след. Сравни еще *W. Heud. Die italienische Handelskompanien auf Cypren b. Zeitschrift für die des. Staatswiss*, 1865.

138. Согласно рапорту Томаса Токера, кромвелевского податного чиновника, откуда взяты и данные с шотландской торговли в XVII в., цитировано у *John Mackintosh. History of Civilization in Scotland* 3 (1895), 399.

138a. Из одного английского описания Лондона, переведенного Heinrich Heine в его английских фрагментах (1828) IV.

139. Un entrepreneur de fabrique qu'il connaisse ou qu'il ne connaisse pas les détails des opérations d'un grand objet, est celui qui les embrasse toutes, ainsi que les speculations qui y ont rapport et qui a eu sous ordre des contre-maitres et des commis pour diriger les unes et les autres et les lui rapporter comme à un centre qui leur est commun. Ainsi l'homme qui est à la tête d'un établissement en grand ou l'on emploie diverses sortes de matières ou d'un établissement ou l'on modifie très diversement la même matière.

Примеры: Gobelins: Sèvres — cet homme est un entrepreneur. Si, au lieu de cela, il n'a, par exemple, à diriger qu'une manufacture de draps, de toiles, d'étoffes quelconque, dint les details plus rapprochés peuvent et doivent être sus et suivis imperturbablement par lui même, cet homme est un fabricant: il a ou il n'a pas sous lui des contre-maitres; mais il est le premier contre-maitre de sa fabrique. Art Arelier Evc. meth. Manuf., tome 1 (1785), p. 1.

139a. *G. Schmoller. Gesch.: Der deutschen Klein Gewerbe* (1870), 580.

140. О Берлине хороший знаток прямо утверждает: «В основе крупная промышленность выросла из ремесла таким путем: способные интеллигентные мастера, прошедшие превосходную школу Королевского промышленного института, вполне усвоивши за границей и в особенности в Париже необходимое техническое умение, возвратившись на родину, основывали фабрики» (*Wiedfeldt O. Die Berliner Industrie*. 1899. S. 79).

141. Своеобразный и ценный источник познания «духа», господствовавшего в флорентийском деловом мире в XIV и XV вв., составляют так называемые Zibaldoni, которых известно целое множество, как, например, «Tesoro» *Брунетти Лестини*, «Dittamondo» *Фацио делли Уберта*, «Zibaldone» *Д. Руччеллаи*. К сожалению, насколько мне известно, еще ни один из них не издан. Из последней названной книги приводит выдержки *G. Marcotti* в своем труде: *Un Mercante fiorentino e la sua famiglia nel secola XV Firenze*, 1881. О последнем см.: *D'Ancona*, в *Nuova Antologia*, 15, 7, 81 Zibaldoni, это род хроник, где их авторы записывали все важные события в стране и семье, плоды своей начитанности, но также и плоды своего коммерческого и делового опыта, принципы правильного ведения дела и т. п. Главным источником являются

«Семейные книги» Альберти, имеющиеся ныне в превосходном издании: *Leon Battista Alberti. I libri della Famiglia*; editi da Girolamo Mancini. Firenze, 1908; *Agnolo Pandolfini. Del governo della famiglia* (изд. 1828 г. и др.), которая, по отзыву *Burckhardt'a* (Kult. der Renaiss., 3, 164), заключает в себе «первую программу до конца проведенной частной жизни» и является почти дословным извлечением из сочинений Альберти. С *Ricordanze domestiche* Luca di Matto da Panzano (1406–1461) (плохо) знакомит статья *Carlo Carnesechi. Un fiorentino del secolo XV etc.* Archivio storio ital. 5 Ser., t. IV, p. 145 и след. Лишь незначительнейший материал дают *Lettere* di un notaro a un mercanta del sec. XIV, изданные *Cesare Guarri* под заглавием: «*Ser Lapo Mazzei*». 2 Vol. Firenze, 1880.

142. «...terrete questo a mente figlioli miei. Sieno spese vostre piu che i' entrate non mai maggiori» (*Alberti. Della Famiglia*, 242). Почти дословно то же у *Pandolfini*.

143. *G. Nov. Ruccelai* в своем *Zibaldone* (1459); приведено у *Marconti. Un marcante fiorentino*, 106.

144. Non fa cortese né gentile alcuno
Lo donare a ciascuno
Ne téner sempre larga spesa:
Ma l'ordinata impresa
Del come quanto e dove si conviene
Di saggio e di gentile nome mantiene.

Rat. Giov. Ruccelai an seinem Sohn in seinem *Zibaldone. Marcotti*, Un merc... fior. 112.

145. «Consiste ancora lo'inporveire... in un soperchio e in una prodigalità la quale discipi e getti via le ricchezze» (*Alberti. Della fam...* 135).

146. «...e si vuone essere massai et quanto da uno mortale inimico guardarsi dalle superflue spese». «Ogni spesa non molto necessaria non vego io possa venire se non da pazzia». «Quanto la prodigalita e cosa mala, cosi e buona, utile e lodevole la masseriziai (La masserizia) nuoce a niuno, giova alla famiglia... Sancta cosa la masserizia...» Sa tu quali mi piaceranno? Quelli i quali a'bisogni usano le cose quanto basta te non piu: l'avanzo serbano; et questi chiamo io massai» (*Alberti*, 1. C. 159–154).

147. Massai — «quelli che sanno tenere il mezzo tra il poco et il troppo... Ma in che modo si conosce elli quale sia troppo, quale sia poco?... Leggiermente colla misura in mano (y *Pandolfini*, 54; ragione in mano)... Aspetto et desidero questa misura... Cosa brevissima et utilissima questa. In ogni spese prevedere ch'ella non sia maggiore, non pesi piu, non sia di piu nimero che dimandi la necessit: «ne sia meno quanto richiede la onest»...

148. *Gianozzo*: «Dipoi le spese pazze sono quelle quali facte meritano biasime, come sa rebbe pascere in casa draconi o altri anima li piu che questi terribili, crudeli et venenosi». «Lionardo Tigri forse? Gianozzo: Anzi, Lionardo mio, pascere scelerati et vitiosi uomini... Vuolsi figure quanto una pestilevzia ogni uso et demesti chezza de simili maidici

raportatori et ahiottonacci, quali s'inframettono fra gli amici conoscenti delle case».

149. *Alberti*, l.e., p. 198–199.

149a. «Sempre m'afatico in cose utile et onesta» (L.c., p. 163).

150. «...adopero l'animo et il corpo et il tempo se non bene. Cerco di covservalle assai, curo non perderne punto...» (ibid. 166).

151. «...empionsi per otio le vene di flemma, stanno acquitosi et csialbi, et lo stomaco sdegnoso i nerbi pigri et tucto il corpo tardo et adormentato et riu l'ingegno per troppo otio s'appanna et offuscasi, ogni virtu nell'animo diventa inerte...» L.c., p. 45.

152. «Nulla si truova onde tanto facile surga disonore et infamia dall'otio. El grenbo delli otiosi sempre fu nido e cova de vitii. Nulla si truova tanto alle cose publiche et private nociva et pestifero quanto sono i cittadini igniovi (ignavi) e inerti. Dell'odo nasce lascivia: (di lascivia) naste spregiare le leggi: del non ubbidire le leggi segneruina et exterminio delle terre... Adunque l'otio csgione di tanto male molto a buoni debb'essere in odio (L.c., p. 121). Муравьи и пчелы приводятся как примеры хороших хозяев (200).

153. «Chi sa non perdere tempo sa fere quasi di qualunque cosa, et chi sa adoperare il tempo coatui sara signore di qualunque cosa e'voglia» (*Alberti*. Della fam., 200).

154. «Per non perdere di cosa si pretio, sa nunto, io pongo in me questa regola: mai mi lascio stare in otio, fugo il sonno, nç giacio se non vinto dalla strachezza... Coci adunque fo: fuggo il sonno et l'otio, sempre faccendo qualche cosa... Et perche una faccenda non mi confonda l'altra... sapete voi, figliuoli, miei, quello che fo io. La mattina, prima quando io mi lievo, cosa fra me stressi io penso: oggi in sche aro io da fare? Tante cose: annorevole, pensovi, et a ciascuna assegno il tempo su suo: questo starmate, quello oggi, quello altro stasera; et a quello modo mi viene facto con ordine ogni faccenda quasi con niuna fatica: la sera in nzi che io mi riposi racholgo in me quanto feci il di», «Prima voglio perdere il sonnoche il tampo» (L.c., p. 165).

155. «Questi (i quadagni)... di venterranno maggiori crescendo in noi colte faccende insieme industria et opera» (Ibid. P. 137).

156. Я заимствую это место из исторического романа (!) Димитрия Сергеевича Мережковского «Леонардо да Винчи»; перевод *Karl von Gutzkow*, 31–36 (1912), 324–327. Из романа: ...и все-таки мы можем принять по всему характеру этой превосходной книги, что изложение основано на источниках. Единственной ошибкой восхитительных творений Мережковского является то, что автор не указывает в приложении источников, из которых он черпал. В цитированном месте почти видно, что перед глазами М. была (наряду с другими источниками) и «Книга о семье» *Альберти*.

157. Agricoltura tratta da diversi antichi et moderni scrittori. Da Sig. Gabr. Alfonso a'Herjera... et tradotta di lingus spagnuola in italiana de Mambrini Roseo da Fabriano. In Venetio, 15, 1592. См. особенно Decidazione.

158. Traduzione italiana. 1581. P. 7, 10, 12, 28 and Cap. VI.
159. *Vino Tanara*, L'economis del cittadino in Villa. Bologna, 1648. P. 2, 119, 202 (и след.), 269. Автор цитирует особенно характерную по- словицу:

Metti il poco col poco e sopra il poco
Aggiungi anco il piu poco e di piu pochi
Un cumulo farai che non sia poco...

160. The Complete English Tradesman. 5 Aufl. 1745.
Le parfait negociant etc. par Jacques Savary; 4 édit. 1. (1697), 31.
161. The Complete English Tradesman. 5 Aufl. 1745.
162. *Frankiis B. Schatzkästlein*. Bergk, 1839. P. 71.
163. Знаменитое, часто цитированное место находится в (ныне лучшим и наиболее полным) издании Собрания сочинений Бенджамина Франклина А. Н. Smyth, 1907, 2, 370 и след.
164. The Oeconomy of Human Life; англ. и нем. 178, стр. 413.
165. «Get what you can, and what you get, hold.
It is the stone that will turn all your lead into gold»
(The Oeconomy of Life, стр. 425, 443). Это изречение взято из Poor Richards Almanach, о котором речь еще впереди.
166. «In short the way to wealth, if you desire it, is as plain as the way to market. It depends chiefly on two words industry and Frugality; that is waste, neither time nor money, but make the best use of both. Without industry and frugality nothing will do, and with them everything. He that gets all he an honestly (...) and saves all he gets (necessary expenses excepted. (will certainly become rich, if that Being who governs the world, to whom all should look for a blessing on their honest) (endeavoura, doth not, in his wise providence other wise determine. Writings, ed. Smyth, 2, 370)» (B. Franklin. Memoirs, 1 (1833), 147).
167. Benjamin Franklins Leben, von ihm selbst beschrieben, Deutsch von Dr. Karl Müller (Reklam). S. 114–119.
168. Cette belle économie qui fait les maisons opulentes. Le négociant patriote (1779), 13.
169. По сообщениям P. L. Fords: A. Н. Smyth, B. F. Writings: Introduction. Vol. 1 (1907), 44.
170. «Mai fu nella famiglia nostra Alberta che ne'tafiichi rompesse la fede ed onesta debita, el quale onestissimo costume, quanto veggio, in la famiglia nostra sempre s'osservera...» (Alberti, Fam. 134). «Mai ne traffichi nostri di noi si trovo che admetesse brutezza alcuna. Sempre in ogni contracto volso no e nostri osservare somma simplicità, somma verità e in questo modo siamo in Italia et fuer d'Italia... conosciuti grandissimi mercatanti...» (Ibid., p. 133). «In ogni compera et vendita siavi simplicità, verità, fede et integrità tanto co lo strano, quanto con l'amico, con tutti chiaro et netto...»

171. Так, *Samuel Lamb* ставил их в пример в своем прошении по поводу учреждения банка в Лондоне (1659) в Lord Somers Tracts, изд. *Walter Scott*, 6, 444 (и след.). *Owem Fellham* в своих «Observations» (1652) говорит о голландцах: «In all their manufactures, they hold

amoderation and constancy, for they are as fruit from trees, the same every year that they are at first; not apples one year and crabs the next and so forever afor. In the sale of these they sale of these also are at a word: they will gain rather than exact, and have not that way whereby our citations abuse the wise and cozen the ignorant and by their infinite over-asking for commodities proclaim to the world that they would cheap all if it were in their power» (Цитировано у *Douglas Campbell*, *The Puritan*, 2, 327 и след.). О подделках и мошенничестве «the besetting sins of English tradesmen» можно еще сравнить (Цит.: *Ibid.*) *Froude*, *Hist. of E.* 12, 565; *F.A. Inderwik*. *The Interregnum*, P. 62, 79, 81. Те примеры мошеннических уловок, распространенных в английском деловом мире, которые перечисляет *Defoe* в своем «Complete english Tradesman» (Gh. XX, 5-е изд.), также не свидетельствуют о высокоразвитой солидности.

172. «Sempre daremo luogo alla onestà, che con noi sia come un publico quieto, pratico e prudentissimo sensale of qualo misuri, posi, annoveri molto bene piu volte et stimi e pregi ogni nostro acto, facto, pensiero e voglia» (*Alberti*. *Della famiglia*, 140), «quello che dara l'ultimo lustro a tutte le nostro operationi pulitissimo e splendissimo in vite, edopo noi fermissimo et perpetuissimo, diso la onestà... la quale sempre fu ottima maestra delle virtu, fedele compagna delle lode, benignissima sorella de costumi religiosissima madre d'ogni tranquillità e beatitudine del vivere...» etc. etc. Мещанское благоприличие «„non manco e utilissimo“... E cosi sempre satisfacendo al guidicio della onestà ci troveremo ricchi, lodati amati et onorati» L.c, p. 139 (и след.).

173. «In order to secure my credit and character as a tradesman, I took care not only to be in reality industrions and frugal, but to avoid the appearances to the contrary. I dressed plain (просто) and was seen at no places of idle diversion: I never went out fishing or shooting», etc. (*Mem. of the Life and Writings of Benj. Fránklin*. Written by himself. 1. (1883), 103).

174. «tre cose maxime conno oportune: a chi wuee con debita diligentia mercantare. De le quale la potissima e la pecunia numerata: e oghi altra facultà substantiale. La seconda che si ricerca al debito traffico: sie che sia buon ragioneri e trompto computista... La terza: e ultima cosa oportuna sie: che non bello ordine tutte sue facende debitamente disponga: acio con breuita: possa de ciascuna hauer notitia». (*Lucas de Burgo*. *Summa de Arithnetica* ec. (1494). ed. 1523, p. 198, 11).

175. Quellen und Literatur zum Kapitel, «Rechnenhaftigkeit». *Liver Abaci* издан в 1857 г. Buoncompagni; характеристика двойной бухгалтерии *Fra Luca* у *C. L. Jäger*. *Lucas Pacioli and Stevin*. 1876. Относительно *Geschichte der Rechnenkunst* следует обратиться прежде всего к общим сочинениям по истории математики: *Libri*. *Hist. des sciences mathém.* 2 Vol. 1838; *N. Cantor*. *Vorlesungen über Geschichte der Mathematik*. 2 Bde, 1892. *F. Unger*. *Methodik der praktischen Arithmetik*. 1888. Bd. 2. О счетности и счетных книгах, в частности

Franz Villicus. Die Geschichte der Rechnenkunst, 1891; *Hugo Grosse*. Historische Rechenbücher des XVI und XVII Jahrhunderts. 1901.

По Geschichte der Buchführung (кроме уже названной работы) *Brambilla J. G. Cristoforo Colombo etc.* b. Atti della società di storia patria. Vol. XIX, 1889; *H. Sieveking*, Aus venetianischen Handlungsbüchern, Schmolers Jahrbuch. Jahrgang XXV; *A. Gherardi*, L'antica camera del Comune di Firenze Arch. stor. IV ser. T. 16. В остальном я отсылаю к моему изложению в «Mod. Кар.» и к указанным там сочинениям.

176. «Dicea messer Benedetto Alberti... ch'egli stava così l'ene al mercantante semprevers lemani tincte d'inchostro... Dimonstrava essere offitio del mercatante et d'ogni mestiere, quale abbia a tramare con quì persone sempre scrivere ogni cosa, ogni contracto, ogni cosa etnrata et uscita fuori di bottega et così spesso tutto rivedere che quasi sempre avesse la penna in mano...» (*Alberti*, Della. fam., 191–192).

177. *B. Franklin*. *L. B. Memoirs* 1, 150.

178. *Rudolf Schleicher*. Das merkantilische Hamburg. 1883. S. 75.

179. *Burckhardt*. Kult. d. Ren. 13, 78.

180. *Masuccio*. Nov. 19, (Ed. Settembrini, 1874. P. 220).

181. Источники у *Burckhardt* в другом месте, с. 167 и след.

182. Ср. еще — *Proemio Crescenzi*. Dell'agricoltura, 1605.

183. По сообщению севильских Gremios 1701 г.; цитировано у *Buckle*, Gesch. der Civilisation, 2. 67.

184 *Sempere*. Monarchie Espagnole, 2. 50; дискурсы *Martinez de Mata*, писавшего в 1650 (изданы в 1794 г. Canga, 8). а.а.О.

185. *Von Bezold*. Staat und Gesellschaft (в др. месте с. 45).

186. *Ranke*, Fürsten und Völker von Südeuropa, 13, 1857, S. 444 (ср. еще с. 446 и след., 449, 459).

187. Я приведу еще несколько менее известных мест из описаний путешествий XVII в., которые в согласии друг с другом свидетельствуют о полном иссякновении капиталистического духа в Испании того времени. Путешественник в 1669 г.: «Ils méprisent tellement le travail, que la plupart des artisans sont étrangers» (Voyages faits en divers temps par M.M... Amsterdam, 1700. С. 80). Другой между 1693 и 1696 г.: «They think it below the dignity of a spaniard to labour and provide for the future» (Travels by a gentlemen (by Bromley?) L., 1702, p. 35). Третий в 1679 г.: «Ils souffrent plus aisément de la vie que de travailler, disent-ils, comme des mercenaires ce qui n'appartient qu'à des Esclaves» (*D'Aulnoy*. Relat du Voyage d'Espagne. Lyon, 1693, 2, 369, 70, все у *Buckle*, 2, 64).

188. См., напр., о Мексике (испанцы: *Al. v. Humboldt*, Nouvelle Espagne, 4, 21; о Бразилии (португальцы): *v. Eschwege*; Pluto brasiliensis (1833), 215; ср. 284, 303.

189. «J'ay peur que nous avons les yeux plus grands que le ventre: et plus de curiosité que nous n'avons de capacité: nous embrassons tout, mais nous n'estreignons que du vent». Montaigne, Essays; Liv. 1. Ch. XXX.

190. «Nos négociants n'ont pas assez de force pour entrer dans des affaires qui ne leur sont pas bien connues...» *Mélanges, Colbert*, 119. P. 273; y *P. Kaepelin*. La comp. des Indes orientales. (1908). P. 4.

191. См. подробную характеристику у *P. Kaepelin*, 1. с, p. 4, 11, 16, 130 (и след.).

192. Le négociant patriote, (1770), 13.

193. «Ce sont des parcs immenses, des jardins délicieux, des eaux vives et jaillissantes dont l'entretien est très dispendieux et souvent le propriétaire n'y va pas trois mois dans l'année; c'est l'entretien de ces tables servies avec autant de délicatesses que de profusion, ou de somptueux parasites trouvent des places...» L.c., p. 27. «Nous avons peut-être un peu trop suivi la voie qui conduit à l'argent, avec le goût dominant de le prodiguer en festins, fêtes, spectacles, bijoux, meubles recherchés, habit de prix, équipages somptueux, en un mot, tout ce qui tient à une représentation frivole, mais éclatante». C. 228.

194. «Pour peu qu'on ait quelque fortune on n'aspire qu'à sortir de cette classe des marchands et des gens de métier, sans dignité, sinon sans influence dans l'Etat. Y rester ce serait avouer qu'on est trop pauvre acheter une charge ou trop ignorant pour la remplir. Le mépris du comptoir et de l'atelier est chez nous un mal héréditaire: c'est un des préjugés de l'ancienne société qui lui a survécu...» *Pigeonneau*. Hist. du com 2, 175-176.

195. *Ch. Nordmand*. La bourgeoisie franç. au XVIIe siècle. 1908. P. 42 (и след.). Я приведу еще некоторые свидетельства из XVII столетия. Интендант д'Herbigny Кольберу о Berrichins (жителях Bourges): «Dés qu'un marchand a emassé un peu de bien, il ne songe plus qu'à estre eschevin et puis ne veut plus se mesler d'aucun commerce à Bourges...»* (*Boyer*. Hist. de l'industrie et du commerce à Bourges e Levasseur. Hist. 2, 237; *Savary*. Parf. nég., 4. ed. 1697. 2, 183). «Des le moment qu'en France un négociant a acquis de grandes richesses dans le commerce, bien loin que ses enfants suivent cette profession, au contraire ils entrent dans les Charges publiques... au lieu qu'en Hollande les enfants des particuliers négociants suivent ordinairement la profession et le commerce de leur père etc.»**.

196. *Laffemas*. Traité du commerce de la vie du loyal marchand. Цитировано у *G. Fagniez*. L'économie sociale de la France, 1601, sous Henry IV. 1897, 253.

197. «Tous est perdu lorsque la profession lustrative du traitant encore par ses richesses à être une profession honorée... Un dégoût saisit tous les autres états, l'honneur y perd toute sa considération, les moyens lents et naturels de se distinguer ne touchent plus et le gouvernement est frappé dans son principe...»

198. «Est stultissimum ac sordidissimum genus, quippe qui rem omnium sordidissimam trahunt, idque sordidissimis rationibus, qui cum passim mentiantur, peiunt, furentur, fraudent, imponant, tamen omnium primos sese faciunt, propterea quod degetos habeant auro revintos».

199. «Es ist vor allen ein überaus stinkende Sect der Kauffleut...» и т. д.

200. *Otto Neurath*. Zur Anschauung der Antike über Handel usw. // *Jahrbücher f. N. Ö III Folge*, 34, 170.

Этот трактат, начатый еще в XXXII томе «*Jahrbücher*», является чрезвычайно ценным вкладом в историю значения торговли (и иной хозяйственной деятельности) в «общественном мнении» (соотв. в различных группах населения) продолжает свое исследование (чего нельзя было ожидать по его названию) до XVIII столетия включительно.

201. См. мою «*Deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrh. 3 Aufl.* (1913), 100 (и след.), 118 (и след.).

202. Все цитаты по: *Buckle. Gesch. d. Civil. in England*, 23. (1868). P. 2, 93.

203. Так гласит заголовок одной главы в помпезной, ошибочной в основной идее, но необычайно поучительной и ценной книге: *Schulze-Gaevernitz, Britischer Imperialismus und englischer Freihandel*, 1906.

204. *V. Schulze-Gaevernitz*. а.а.О. 362.

205. См.: поучительные сопоставления *Th. Vogelstein*, а.а.О., 170 (и след.).

206. «Né sarà pocha ricchezza a'figli uoli nostri lasc arli che da parte niuna chosa necessaria alcuna loro manchi, e sarà di cierto ricchezza lasciare a'figliuoli tanto de'beni de la fortuna che non s a loro forza dire quella acerbissima et agli ingegni liberali odiosissima parola, cioè: Io ti pregho». *Alberti*. Della fam., 49.

207. «Sono atte le ricchezze ad equistare amista e lodo servendo a chi a bisogno; quossi con le ricchezze fa ma e auctorita adoperandole in cose amplissime e nobilissime con molta larghezza et magnificentia. Et sono negli ultimi casi e bisogni alla partia le ricchezze de privati cittadinu, come tutto il di si truova, molto utilissime» (L.c., 132). «Troppo annoi sara grandissimo quadagno si noi asseguiremo gratia e lode, per le quali cose solo si cerca vivere in ricchezza. Non servira l'animo dunque per arricchire, ne costituira el corpo in otio e delite, ma usera le ricchezza solo per non servire...» «Se lla fortuna vi donna ricchezze adoperatele incose magnifiche e onestissime» (L.c., 139).

208. «Ne sia chi stimi ricchezze se non faticose et incommode a chi non sa bene usarle (et sara non dannossa ogni ricchezza a chollui el quale non la sapra bene usare et conservare) (L.c., 49).

209. *The Oeconomy of Human Life, Haushaltungskunst des menschlichen Lebens*, 1785. Это сочинение является в основе извлечением из произведений Франклина. «A wise man will desire no more than what he may justly use soberly, distribute cheerfully, and live up on contentedly» (338).

210. *Dr. Bergh. Die Kunst reich zu werden*. 1838.

Это сочинение порождено франклиновским духом: автор сам объявляет, что его намерение состоит в том, чтобы распространять учение Франклина.

211. *Dr. Bergk*, a.a.O.
212. *Alberti*. Della fam., 242 (и в других местах).
213. The Oeconomy of Human Life, 121.
214. *G. Smith*. Diss. de privilegiis societatis Indiae orientalis. 1786. P. 16; цитировано у *Laspeyres*, a.a.O., p. 91.
215. *C. Laspeyres*, a.a.O., p. 87.
216. «Soleva dire messer... Alberto, omo destissimo et faccentissimo che mai vide uomo diligente andare se non adagio» (*Alberti*. Della famiglia, 165).
217. «A Paris on court, on se presse parce qu'on y est oisif; ici (à Lyon) l'on marche posement, parce que on e est occupé» (*Lust. Godard*. L'ouvrier en soie, 1 (1899), 38–39).
218. «How in scarlet coats, cocked hats, and powdered wigs, they strutted up and down the Planistanes, the only bit of pavement then in Glasgow, covering three of four hundred jards of road in front of the Town Hall and the adjoining offices — talking grandly to one another, and nodding haughtily to the humbler folk who came to do them to sage», 394, цитировано у *Fox Bourne*. Englisch merchants. «Чопорный и внимательный» — два эпитета, которыми *Goethe* один раз в «Вильгельме Мейстере» характеризует профессиональные особенности делового человека.
219. Die Juden und das Wirtshaftsleben, стр. 132.
220. См. свидетельства в Allgemein. Schatzkammer der Kaufmannschaft, 1741, 3, 148; 4, 677; 3, 1325; 1, 1392.
221. «No respectable house would overdo the things. There was a sort of selfrespect about the articles advertised...» *Walter Barrett*. The old merchants of New-York City (1863), 22, 25.
222. Compl. Engl. Tradesman. 5 ed. 2. 151.
223. *Jos. Child*. A new discoures of trade. 4 ed., p. 159.
224. «It wold be a greoute decay unto the companye, where-upon the Mr. and Wardens gave the said stranger grete thanks and also XX3s in money towards his charge and so parted...» Clothworkers Court Book Jane 21. 2 Elisabeth y *Unwin*, nd. organ (1900) 11, 7.
225. «Les métiers ont été longtemps défendus dans le royaume, parce que les bas s'y faisaient avec plus de diligence et de finesse et qu'on craignait qu'ils ne détruisissent le tricot qui fait subsister quantité de pauvres gens...» — говорил в 1697 г. интендант Буржа, у *Lewasseur*. Hist. 2, 257.
226. *Ioh. loach. Becher*, Narrische Weisheit, 1686. S. 15.
- 226a. Обе последние цитаты я заимствую у *Karl Ergang*. Untersuchungen zum Maschinenproblem in der Volksw. Lehre Volks. Abh. Bd. 1, 2. Erg. Heft (1911), 4, 10.
227. «Ces machines, dont l'objet est d'abrégér l'art, ne sont pas toujours utiles. Si un ouvrage est à un prix médiocre, et qui convienne également à celui qui l'achère et à l'ouvrier qui l'a fait; les machines qui en simplifieroient la manufacture, c'e t-à-dire, qui diminueroient le nombre des ouvriers seroient pernicieuses; et si fes moulins à cau n'étoient pas partout établis, je ne les croirois pas aussi utiles qu'on le dit; pareequ'ils ont fa t reposer une infinita de bras, qu'ils ont privé bien des gens de

l'usage des eaux, et ont fait perdre la fécondité à beaucoup de terres» (*Montesquieu*. *Esprit des Loix*, Liv. XXIII, Ch. XV).

228. *Postlethwayt*, *Dict. of Commerce*. 22. (1758), 121.

229. *Walther Rathenau*. *Reflexionen*, 1908, 81.

230. *Ibid.* P. 82.

231. Более подробно я разработал эту проблему «объективирования стремления к наживе» в «*Archiv für Soz. Wissenschaft*» (Bd. 29, S. 700).

232. *A. Carnegie*. *Selbstbiographie*; deutsch «*Evangelium des Reichtums*» (1905, XXVII).

233. *Rep. of the Ind. Comm.* (1900), 795.

234. *Dr. Strousberg und seine Wirken: Von ihm selbst geshildert* (1876), 397.

235. *L. Jolies*. Eine wirtschaftliche Persönlichkeit, «*Der Tag*», 1909, N 215; *Volkswirtschaftl. Beilage*.

236. *W. Rathenau*. *Reflexionen*, 99.

237. *John D. Rockfellers*. *Memorien*. Deutsch (1909), XXIV.

238. *Ludwig Feuchtwanger*. Die ethischen Grundlagen der Nationalökonomie in *Schmollers Jahrbuch*, 37 (1913), 161.

239. Так, *F. Rachfahl* в своих статьях о «Кальвинизме и капитализме», содержащих в остальном очень много верного, еженедельнике «*Internat*» (1909, S. 1293).

240. *W. Rathenau*. *Reflexionen*, 92.

241. См. статьи «*Anlage*», «*Disposition*», «*Instinct*» в *Handwörterbuch der Philosophie von Dr. Rudolf Eisler* (1913) и приведенную мною литературу. Сюда же сравни еще *H. Kurella*. *Die Intellektuellen der Gesellschaft*, 1913.

242. «Чтобы быть руководителем больших предприятий, мне не хватало также хорошей памяти» (*Worner Siemens*. *Lebenserinnerungen*, S. 296).

243. *Quare non, quantum quisque prosit sed quanti quisque sit, ponderandum est*, *Brutus*, 257.

244. *Xenophon*. *Oeconomicus* (deutsch von M. Hodermann, 1897); 2, 9, 12. Kapitel.

245. «*Etiam sit a veneris amoribus aversus: quibus si se dederit non alius quidquam possit cogitare quam illud quod diligit; nam vitii eius modi plectus animus nec praemium iucundius quam fructum libidinis nee supplicium gravius quam frustrationem cupiditas existimat*» (*Columella*. *De re rustica*. Lib. XI, 1).

246. «Чрезвычайно трудно понять и почти совершенно необъяснимо, каким образом след, образовавшийся в индивидуальной жизни вследствие влияний извне, связи продолжений ганглиевых клеток, мог бы быть перенесен на половые клетки, так что в организме следующего поколения соответствующая связь осуществлялась бы (вполне или отчасти)» (*H. E. Ziegler*. *Die Naturwiss. u. die socialdem. Theorie*, (183), 151).

Здесь, без сомнения, не место вдаваться в разбор проблемы наследования приобретенных свойств. Достаточно будет, если автор заявит

себя приверженцем антиламаркистской точки зрения. Конечно, и доказательства в тексте действительны лишь в предположении правильности этой (принимаемой здесь без доказательств) точки зрения. Для того, кто все выводит из всего путем одного лишь внешнего воздействия, т. е. для ламаркиста или приверженца теории среды, вообще ведь при разборе вопросов, подобных нашему, не существует, в сущности, никакой биологической проблемы, или проблемы задатков. Для него человек и как отдельная личность, и как народ является манекеном, которого случайная внешняя судьба наряжает любым образом, который душевные состояния получает, как болван надетый на него чепчик.

Насколько я могу судить, впрочем, современное состояние биологических исследований относительно проблемы такое: чистые «ламаркисты» находятся в процессе вымирания, и спор идет еще только о немногом, или меньшем, или еще меньшем в области внешних возбуждений, унаследование которых считают возможным. Ни один серьезный исследователь, насколько мне известно, ныне больше не оспаривает того, что общая масса душевных состояний основывается на кровной предрасположенности и что эта предрасположенность, а не среда определяет в основе душевную деятельность человека. Из новой литературы я выделю еще работу стоящего на крайнем «левом» крыле (допустимо, пожалуй, употреблять образы из парламентского языка), так как ламаркизм, без сомнения, в той же мере соответствует «либеральному» (или социал-демократическому) мировоззрению, в какой последовательный вейсманизм является естественнонаучным коррелятом «консервативных» воззрений (*R. Semon. Der Stand der Frage nach der Vererbung erworbener Eigenschaften. S.A. aus Fortschritte der naturwissenschaftl. Forschung, Hrag. von Em. Abderhalden, II. Bd, 1910*) и эту (противоположную ориентации, очень поучительный — *W. Bets. Über Korrelation: Methoden der Korrelationsberechnung und kritischer Bericht über Korrelationsuntersuchungen aus dem Gebiete der Intelligenz, der Anlagen und ihrer Beeinflussung durch äussere Umstände. 3. Beiheft zur Zeitschrift für angewandte Psychologie und psychologische Sammelersforschung, hrsg. von Wilh. Stern und Otto Lippmann, 1911*).

247. В целом проблема наследственности ныне трактуется: у *V. Haecker, Allg. V. Lehre, 1911: R. Goldschmid. Einführung in die V. Wissenschaft. 1912; L. Plate. V. Lehre 1913. S. 247.* О (весьма запутанной!) этнографии Шотландии см.: *Skene W. F. Celtic Scotland. 3 Vol., 1876–1880; John Mackintosh. History of the civilization in Scotland, 4 Vol., 1892 (главным образом). Vol. 1; Forduns Chron., уже вполне выяснена этнографическая противоположность между Highlander'ами и Lowlander'ами (Skene, l.c. 3, 15, 39).*

248. *A. W. Wiston-Glynn, Lohn of Lauriston... (1907), 3.* Ср. также судьбу Darien-Co (1698–1699) с судьбой английских и голландских торговых компаний.

249. Превосходный обзор скрещения крови испанско-португальского народа дает *H. Schurtz. Die Pyrrherennhalbinsel in Helmolts, Weltgeschichte. Band 4.*

250. J. Jung in Helmholtz, Weltgeschichte, 4, 364.

251. «Mercatura... sin magna et copiosa, multa undique aportans multisque sine vanitate impertiens, non est ad modum vituperanda» (Cic, De off. l.e., 42; Otto Neurath. Zur Anschauung der Antike u.s.w. in den Jahrbüchern f. N.O. 32, 577 и след.

252. G. Toniolo. Dei remoti fattori della potenza economica di Firenze (1882) 12 (и след.), 46.

253. Об этрусках наилучшие данные содержит все еще фундаментальный труд Müller-Deeke. Die Etrusker. 2 Aufl. 2 Bände.

Ср.: С. Pauli. Die Urvölker der Apenninhalbinsel в Weltgeschichte. Bd. 4. Об их хозяйственной деятельности, в частности, писал: H. Genthe. Über den etruskischen Tauschhandel nach dem Norden, 1874.

254. Müller-Deeke, a.a.O. 2, 325.

255. «Gens itaque ante omnes alias eo magis dedita religionibus, quod excelieret arte colendi eas» (Livius. Vol. 1).

256. Davidsohn. Geschichte von Florenz, 1. 39.

257. Shene. Celtic Scotland, 1, 145 (и след.), 191 (и след.), 231.

258. I. Klumber. Der friesische Tuchhandel zur Zeit Karls des Grossen. Leipzig, Diff., 1898.

259. «Their eternal want of pence and their inability to dispense it» приводит дворян к гибели. «The day had gone by when a following of rudely-armed retainers (вассал) made a great man of a Bell-the-Cator a Tiger Earl. As things went now, what had been a source of strength was fast becoming a source of weakness. Retainers had to be maintained and their maintenance was a drain on the lord's resources which his extended wants made ever more undesirable... A noble with broad domains and a scanty purse was a stranded leviathan, impotent to put forth his strength in the new conditions in which he found himself». T. Hume Brown. Scotland in the time of Queen Mary, (1904), 182 и след.

259a. Все относящиеся к семейным обстоятельствам Альберти данные я заимствую из труда по источниковедению Luigi Passerini. Gli Alberti di Firenze. Genealogia e Documenti. 2 Vol. 1869.

260. Из «Nulla fate senza optima ragione» (Alberti. Della famiglia, p. 198). Телесно вы должны жить здорово: «... non mangiare se tu non senti fema: non bere setu non ai sete...», этого требует пищеварение (p. 164). «Prendete questa regola brieve generale, molto perfecta: *ponete diligentia in conoscere qual cosa a voi soglia essere nociva et da quella molto vi guardare*: quale vi ogiova eti voi quella seguite» (Ibid.). «Tanto siamo quasi da natura tutti proclivi e inclinati all'utile, che per trarre da altrui, e per conservare a noi, docti credi della natura, sappiamo e simulare benivolentia e fugire amicitia quanto ci attaglia» (Ibid., p. 264). «Nessuno vezo e si indurato in te, che pochi di una tua diligentia et solleccitudine non lloow emendi nello rimuti» (Ibid., p. 46). «Ne puo solo nel corpo tanto l'exsercitio (упражнение) ma nell'animo ancora tanto potra quanto vorremo colla ragione seguire» (Ibid.). «Sempre m'afatico incose utili et oneste» (Ibid., p. 163). Каким жизненным ценностям Alberti придавал наибольшее значение, показывает следующее место: А просить у Бога:

«Ci dia quiete et verita d'animo et di intellecto et pregarlo ci conceda lungo tempo sanita, vita, et buona fortuna, bella famiglia, oneste ricchezze, buona gratia et onore fra gli uomini», p. 226. В своей автобиографии Франклин положительно замечает, что его схема добродетелей не коренится в определенной религиозной системе, но может быть действительной для принадлежащих ко всем религиям, потому что она соответствует общечеловеческой разумности: «Though my scheme was not wholly without religion, there was in it no mark of any of the distinguished tenets of any particular sect»* (Memoirs, 1, 139).

Он рекомендует жить по примеру Иисуса и Сократа («Imitate Jesus and Socrates». Ibid., p. 130). «In this piece it was my design to explain and to enforce this doctrine, that vicious actions are not hurtfull because they are forbidden but forbidden because they are hurtfull; the nature of man alone considered: that it was therefore everyone's interest to be virtuous, who wished to be happy even in this world; and I should from this circumstance (there being always in the world) a number of rich merchants, nobility, states and princes, who have need of honest instruments of the management of their affairs, and such being so rare have endeavored to convince young persons, that no qualitiars are so likely to make a poor man's fortune, as those of probity and integrity»* (Ibid., p. 140–141). Сравни также приведенную в другой связи систематику добродетелей человека.

261. Новые источники опять у *N. Tamassia*. La famiglia ital. nel sc. XV e XVI (1910), 40 (и след.). Хотели подражать древним предкам «in virtu e in sustanza».

262. *Marcotti*. Un mercante fiorentino, 106.

263. Например: «Scrivono che Stifonte megaro philosopho da natura era (inchinato a essere) ubbriaco et luxurisso, ma conexercitar (si in) abstinentia et virtu vinsa la sua quasi natura et fu sopra gli altri costumatissimo. Virgilio quel nostro divino poeta da giovane fu amatore», l.c., 46 и т. д.

264. *Xenophon*, *Öconomicus*, Kap. Deutsch von Hödermann, 1897, S. 51.

265. *Xenophon*, a.a.O. S. 80.

266. *Max Weber*. Römische agrargeschichte (1901), 225–226.

267. «Diligens paterfamilias, cui cordi est, ex agricultu certam sequi rationem rei familiaris augendae...» (*Columella*. De re rustica. Lib. I, c. 1). Агрономическая наука была высокоразвита греками, карфагенянами (!), римлянами и т. д.

Qui Studium agricolationi dederit, antiquissima sciat haec sini advocanda:

prudentiam rei,
facultatem impendendi,
voluntatem agendi.

268. «Nulla est... vel nequissimi homini amplior custodia quam quotidiana operis exaetio: nam illud verum est Catonis oraculum, nihil agendo homines male agere discunt... Praelabentis... temporis fuga quam sit irreparabilis, quis dubitet? Eius igitur memor praecipue semper

caveat, ne improvidus ab opere vincatur. Res est agrestis insidiosissima cunctanti: quod ipsum expressius vetustissimus auctor Hesiodus hoc versu significavit» (*Columella*. De de rust. Lib. XI. c. 1.).

269. «Non minor est virtus quam queerer partia tueri» (*Ovid.*), «Drivitae grandes homini sunt vivere parce» (*Lucret*. Magnum vectigal parsimonia). Nullus tantus quaestus quem quod habes parcere. «Magnae opes non tarn multa copiando quam haud multa perdendo quaeruntur» (Цитировано в *Geldsucht*, S. 79).

270. «Chi non teme Dio, chi nell'animo suo ave apenta la religione, questo in tueto si puo riputare cativo... si vuole l'animo a picholi di grandissima reverentia et timore di Dio, impero che l'amore et osservanze delle cose divine e mirabile freno a molti vitii...» (*Alberti*. Della fam., 54).

271. *Alberti*, l.c., p. 122.

272. Это является результатом глубоких изысканий *Charles Defoe*. La foi religieuse en Italie au XIV siècle, 1906.

273. Это хорошо развито у *G. Toniolo*. Dei remoti fattori della optenza economica di Firenze, 1882.

274. *O. Hartwig*. Quellen und Forschungen zur älteren Geschichte von Florenz. 1. (1875). S. 93.

275. *Charles de Ribbe*, Les familles et la société en France avant la Révolution d'après documents originaux. 2 éd. 2 Vol. 1874. P. в особенности 1, 56 и след. Книга несколько страдает сильно выраженной ле-плейметской тенденцией, но сохраняет ценность благодаря многочисленным извлечениям из труднодоступных или совершенно неопубликованных *Lives de raison*, с XV по XVIII столетие, в особенности из Прованса.

276. *W. Sombart*, Die Juden und das Wirtschaftsleben. 226.

277. *Jakob Strieder*, Kirche, Staat und Frühkapitalismus in der Hertling-Festschrift, 1913. Литературные указания можно найти в моем «*Moderner Kapitalismus*» (Band 1, 1902, 1).

278. Томистские сочинения, имеющие для нас значение как источники, — это прежде всего сочинения самого св. Фомы. Я цитирую по новейшему юбилейному изданию: *S. Thomae Aquinatis*. Summa theologiae. ed. Romae, 1886. Еще важнее для разбираемых в этой книге проблем произведения позднейшей схоластики, из которых прежде всего следует назвать «Summa» св. Антонина Флорентийского. Она большинством авторов цитируется по веронскому изданию 1741 г.: *S. Antonii*. Summa theologica. ed. per. Petr. Ballerini Presbyt. Veron Veronae, 1741, 4 tomi.

Это издание я, к сожалению, не смог достать. Я пользовался поэтому флорентийским изданием того же года: *S. Antoni*, etc. Summa moralis, cura Th. Mariae Mammachi, et Dionysii Remedelli. Florenzia, 1741, 4 t. In 8 Vol. К сожалению, деление на главы в обоих этих изданиях не всегда совпадает, так что цитаты по одному часто не могут быть найдены в другом. Наряду с *Ant. Flor.* следует обратиться к сочинениям его современника Бернгарда Сиенского: *Bernhardini Sienensis*. Opera omnia. 5 t. P., 1636: *Chrys. Javellus*. Philisiphia oeconomica divina atque

Christiana. ed. Vent, 1540. Литература не очень плодотворна в отношении поставленных здесь проблем. Более старая литература: *Wilh. Endemann. Studien in der Romankanon Wirtschafts- und Rechtslehre. 2 B de. 1874–1883; Funk. Über die oeconomische Anschauung in der mittelälterlichen Theologen, Zeitschr. F. d. ges. Staatswiss. Bd. 25 (1896).* — ставит совершенно иные вопросы. Из новейшей литературы многообещающая работа — *M. Mauerbrecher. Thom. von Aquinos. Stellung zum Wirtschaftsleben seiner Zeit. 1. Leipzig, Diss. 1898.* — осталась, к сожалению, незаконченной. Заслуга глубокого изучения Ант. Флорентийского принадлежит *Cari Ilgver*, чья книга «Die volkswirtschaftlichen Anschauungen von Antonins von Florenz» (1914) годится для первоначального введения. Ценное исследование, содержащее как раз также и интересующую нас здесь постановку вопроса, — это работа: *Franz Keller. Unternehmungen und Mehrwert: Eine social ethische Studie zur Geschäftsmoral. 1912. Schriften der Görres Gesellschaft., Sekt. f. Rechts und Staatswiss. 12 Heft. Relatively общих социально-этических проблем томизма следует обратиться: Ernst Troeltsch. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen, 1912.*

279. *S. Thomas, S. th. II^a II^{ae} qu. 153 a 2 и 3.*

280. «*Virtus consistit in medio rei vel rationis*». Nach. Thorn. Следуя по Thorn. *S. mor. 11. 9 cap. 3 и 4.*

281. *S. Thom. S. th. IIa-IIae qu. 155 a. 1.*

282. «*Dicendum quod lex vetus manifestabat praecepta legis naturae et super addebat quaedam propria praecepta*» (именно еврейские церемониалы и юдициальные законы) (*T. Thom. L.C. qu. 98 a. 5*). Ср. 99 и след.

283. «*Qui Deum timet, nihil negligit, quia sc., non omitit aliquod necessarium ad salutem sive actum sive circumstantiam debitam; et hoc, non quia timor opponatur negligentiae directe; sed quia timor Dei excitat hominem ad actum rationis*». Sc. ad sollicitudinem quia timor facit homines consiliativos (*Thom. Aqu.*) и, следуя ему, *Ant. mor. II, 9.03. c. 2.* Мы вспоминаем исповедальную книгу брата Леонардо.

284. Томистская этика со всюю решительностью защищает старый еврейский принцип, что доказательны лишь половые сношения, имеющие целью деторождение: *S. Thom. S. th. IIa—IIae qu. 153 a. 2 и 3.*

285. «*Frequenter... ad intemperantiam declinat prodigi... quia ex quo superflue expendant, in aliis, etiam in rebus voluptuosis expendere non verentur ad quas magis inclinat concupiscentia carnis*». Следуя *S. Thom. Ant. S. mor. II, 6. t. 8. I.*

286. *Ant. S. mor. IV, 5, 17, 4.*

287. *S. Thom. S. th. IIa-IIae qu. 129 a. 4.*

288. *Ant. S. mor. IV, 5, 17, 1.*

289. *Ant. S. mor. II, 6, 8, 1.*

290. Ср. еще: *S. Thomas. S. th. IIa-IIae qu. 117–119.*

291. «*Consistit autem hoc vitium (sc. prodigalitas) in expendendo superflue divitias ubi et quando non oportet te minus debito eas amando... Contingit enim quandoque, quod aliquis excedat in dando et sic erit prodigus: puta facit convivium superfluum vel vestem excessive*

pretiosam vel ludit et huius modi et stimul cum hoc excedet in accipiendo etc» (Ant. S. mor. II, 6, 8, 1).

292. «Est attendendus hic excessus non solum secundum quantitatem sed secundum proportionem, considerata qualitate personae potentis, nobilis et plebei et huius modi» (Ant. I. c).

293. «...dum sic perabundat in dando, deficiunt ei propria bona, unde cogitur indebite acquirere, puta per fraudes, usuram et huius modi» (Ant. I. c).

294. «Cum tempus sit pretiosissima res et irrecuperabilis» (Ant. S. mor. II, 9).

295. «...non solum inferior invenitur otiosus animalibus brutus, sed etiam cunctis creaturis, a cunctis discordans. Nam omnis creata operatur aliquo modo secundum modum suum: nullus est otiosa» (Ant. I. c).

296. Ant. S. mor. II.1.16. § 2, ср. всю главу 17, носящую заголовок: «De variis fraudibus, quae committitur in negitiando».

297. «Alberti. Della fam., 134: «Estimo io sia non tanto per prudentia et sagacita di nostri uomini, ma veramente piu premio di Dio, pol ch'e nostre onestamente avanzano. Così Iddio, a oui sopra tutti piace l'onesta e giustizia, doni a lloro grazia che possano in lunga prosperita goderne...»

298. S. Thomas. S. th. IIa-IIae qu. 49, 53, 123.

299. Титул 9. Pars II, S. mor. Ant. трактует об Acidia 3-й главы negligentia.

300. «Dicendum quod, sicut Phil. dicit in Eth. VI, delectatio maxime corrumpit exsistimationem prudentiae; et praeaeipue delectatio quae est in venerieis, quae totam animam absorbet et trahit ad sensibilem delectationem; perfectio autem prudentiae et cuiuslibet intellectualis virtutis, consistit in abstractione a sensibilius...» S. Thom. S. th. IIa, 11-ae, 53 a b.

301. «Patet quod abusum divitiarum et paupertatis fugiendum docet, non ipsas divitias et paupertatem». Opusc. contra impugnantes relig. concl. 3 цитировано у Iigner, Ant. v. Fl. 151.

302. «In tantum divitiae sunt bonae in quantum perficiunt ad usum virtutis Paupertas non in se est bona, sed in quantum liberat ab illis, quibus impeditur homo, quominus spiritualibus bonis intrudat» (Ant. S. mor. IV. 12. 3).

303. «a. Domino Deo est haec varia divitiarum et inaequalis dispensatio» (Ibid. mor. II I 11. L),

304. «Богатому Бог хотел» benignitatis suae experimenta conferre; со ссылкой на H. Ambrosius: Ibid. mor. II. I II. § 1, или он хотел дать ему возможность fidelis onis ero superabundantie: Ant. S. mor. dispensationis 7, 3, § 2. Богатство должно употребляться ad finem «quem Durs intendit. «ut scilicet recognoscat ipsum ut benefactorem et diligat et pro nomine eius indigentibus largiatur» (Ant. S. mor. II. I. II. 1).

305. Ant. S. mor. II. I. 11.1.

306. Это важное место гласит в целом: «Singulares autem personas multas ab intrinseco donates conspicimus quadam sapientia... ita quod inter homines vel aliorum domini mali vel facti sint quamvis domini non

sint. Et quia his naturali aequitate debetur regimen aliorum, ideirco si isti appetunt dominium si ad hoc cumulant pecunias ut dominium temporale emant, ut quicunque decet sapientiam, a rationis rectae tramite non recedunt». Это, следовательно, «qui cumulant pecuniam ut habeant superiorem statem consonum suae virtuti: mensuratur quippe horum appetitus ascendendi penes quantitatem suae virtutis» (Comm. Card. Cajet. ad S. Thom. S. th. IIa, I 1ae qu. 118 a. 1).

307. «Si quis sufficienter dives pro naturali felicitate consequenda, ex solo appetitu ascendendi et gloriae, cumulat pecunias praesenti suae conditioni superfluas, procul dubio immoderato fertur amorae: sicut illi qui solo amore lucri negotiantur. Utriusque nam appetitus sine fine est: quoniam tam ascendere quam lucrari, absolute, sumpta, termino carent» (Cajet l.c.). «...si finem ponat ultimum in lucro, intendens solum divitias augere in immensum et sibi reservare, in statu permanent damnationis» (Ant. S. mor. II. I. 16, 2).

308. Bernh. v. Siena, 3, 311. И к нему «Unternehmung und Mehrwert», 35, 78.

309. «...dicendum quod ille qui mutuatur pecuniam transfert dominium pecuniae in eum cui mutuatur. Unde ille cui pecunia mutuatur sub suo periculo tene eam, et tenetur integre restituere. Unde non debet amplius exigere ille qui mutuavit. Sed ille qui sommittit pecuniam suam vel mercatori vel artifice per modum societatis cuiusdam, non transfert dominium pecuniae suae nisi illi, sed remanet eius, etiam quod cum periculo ipsius mercator de ea negotiatus vel artifex operatur. Et ideo licite potest partem lucri inde provenientis expectare, tanquam de re sua» (S. Thom. S. th. IIa, II ae, qu. 78. a. 2).

310. «Et tu dicunt libentes venderent tales pannos tali pretio sc. 45 vel 46 ad contentos, si omnes et maiorem partem sic possent vendere quam per 50 ad terminum, quod pecuniam tunc habitam cito reinvertirent (.) pluries in anno pannos faciendo» (Ant. S. mor. III. 8, 4, 2).

311. «Si (pecunia est tradita) per modum capitalis, seu rectae societatis, tunc in pacto esset, quo deberet earn solis mercatoribus fideliter deputare. Et haec ultima ratio videtur fortiter probare, quo non sit tradita dicta pecunia, nisi ut mutui rationem habens in quod spes lucri reprobat...» (Ant. S. mor. II. 1. 6. 16). «...potius vult uti, ut usurario mutuo quam in mercationibus, ut in vero capitali...» (Ibid. 15). Cp. Bernh. Sien Sermo XLII c. 11: «mutuum usurarium — ratione capitalis».

312. «...illud quod in firmo proposito Domini sui est ordinatum ad aliquod probabile, non solum habet rationem simplicis pecunia, sine rei sed etiam ultra hoc quamdam senalem rationem lucrosi, quam communiter capitale vocamus. Ideo non solum vendi debet simpliciter valor ipsius, sed etiam valor super adjunctus». (Bernh. Sien. Sermo, XXXIV, c. 111).

313. Ant. S. mor. II. 1, 5, 37.

314. Ant. S. mor. II, 46.

315. Ant. S. mor. 11.37.

316. «...quia pecunia eius habet rationem capitalis, potest ex ea ratione suae capitalitatis exigere» (S. mor. II, 1, c VI, 15). «Ut magis possent cum

illa pecunia lucrari...» (Ibid. 29). «quia iste sua pecunia jam habet rationi capitales, potes ex ea ratione sui capitalitatis exigere in praefato casu» (Bern. Sien. Sermo XLII, c 11. Opp. 2, 252). «Advertendum quod, si creditor ex illa pecunia nihil fecisset, nec facturus fuisse supponitur, unde lucrum aliquod consequi posset, utpote, quia pro certo supponitur quod eam simpliciter expendisset seu in arca servasset, tum ad nullum interesse lucri obligatus est.» (Ibid. C. 111).

317. «...tenetur talia lucra sic percepta restituere, noun. obstante quod depositarii multum cum ipsa lucri faerint, nam lucrum industriae fuit, non pecuniae, et periculo substat amissionis cuius, deponens nolebat esse particeps» (Ant. P. II, T. 1. c. V. 34).

318. «Quaritur an dans pecuniam mecratori ad mercandum vel artific ad materias emendum, et ex eis artificiata faciendum cum pacto, vel etiam sine pacto, sed cum hac intentione principali, quod capitale sit salvum, et partem lucri habeat: num quid talis est usurarius?»

Да, потому что устранен риск (Ant. S. th. II. 1, 5, 37).

319. «si periculum capitalis spectaret ad utrumque, tunc cum societas contrahatur per talia verba, tunc bene est licitus, licitust est enim, quod unus socius ponat pecuniam et alius operam et sic suppleat labore, quod deest in pecunia» (L.c).

320. «pecunia est se sola minime est lucrosa nec valet seipsum multiplicare; sed er industria mercatum fit per eorum mercationis lucrosa» (Ant. S. mor. II. 1, 6, 16). «Sillam pecuniam mutuam in licitis negotiis lucrum illud adtribui debet et depûteri industriae suae et labori, cum etiam substat periculis» (ed. 1, 36). «...in recompensationem laboris industriae et expensarum» (1. c. II. 16).

Особенную заслугу работы Келлера составляет то, что он направил внимание на понятие «industria» у схоластиков.

321. «...sunt nobiles qui nolunt laborare; et ne pecunia eis deficiat paulatim consumendo, tradunt earn mercatori vel trapezitae, intendentes principalier aliquid annuantim recipere ad discretionem eorum salvo tamen capitali: tamen clare usura est».

322. «Per avaritiam enim tollit sibi operositalem omnis debiti modi procurandi sibi licita et salubria lucra et pro tanto efficitur desidiosus, acidiosus, otiosus. Ex hoc etiam avaritia necessitat hominem ad indebitos modos lucrandi contra legem» (Ant. S. mor. II. 1, 2, 6).

323. Я приведу здесь соответствующие места на английском языке, в том же порядке, в каком я их в извлечениях привел в тексте: «Now little do the wealth and honours of the world concern a soul than is going into another world, and knows not but it may be this night. Then keep the wealth or take it with thee, if thou canst» (Baxter. Christ Dir. (1670), 218). «Labour to feel they greates wants, which wordly wealth will not supply» (Ibid.). «Thou art dead in sin and polluted and captivated by the flesh and money will sooner encrease the bondage than deriver thee» (Ibid.). «Will honest poverty or over — loved wealth be sweeter at last?» (Ibid.). «Remember tha Riches do make it much harder for a man to be saved» (Ibid.).

Цит. Сократа: *Socrates dixits, opes et nobil tates non solum nihil in se habere honestatis, verum et omne malum ex eis oboriri.* «*Petrarca. Dial. 44, 2. nullius rei eget qui virtutum dives est.: quarum indigentia vere miseros... facit*» (*Cicero., Cao major: maxime vituperanda est avaritia senilis.* Сократ in Laert: deis maximo propinquus qui minimus eget. 1. с., 1. 217. 1. Tim. 6, 10: the Love of monye is the root of all evil. Do you believe that here lyeth the danger of your souls? and yet can you so love and choose and seek it). «*World liness makes the Word unprofitable and keepeth men from believing and repeting and coming to God and minding seriously the everlasting world*».

What so much hindereth the Conversion of sinners, as the love and cares of earthly things? They cannot serve God and Mammon (1. 220). «In a word as you heard, the love of money is the root of all evils, and the love of the Father is not in the lovers of the world» (Ibid.). «Remember that riches are not part of your felicity. Less, remember that riches are not the smallest temptation and danger to your Souls. It is not for nothing that Christ giveth so many terrible warnings about Riches and so describeth the folly, the danger and misery of the worlds rich... and teleht you how hardly the rich are saved» (Ch. XXVIII, II).

324. «...he that is greedy of gain, troubleth his own house, but he that hateth gain, shall live». Do you know that a godly man contendet with his daily bread hath a far sweeter and quieter life and death than a self-troubling wordling?» (Baxter Christian Directory 1, 219). Христос был нищим. — «In Christ did scrape and care for Riches, then so do thou: in he thought it the happiest life, do thou think so too. But if he contemmed it do thou contemn it». (Ibid.). «If you had believed that the gain of holy wisdom had been so much better than the gaining of Gold, as Solomon saith. Prov. 3, 14, you would have laind out much of that time in labouring to understand the scriptures and preparing for your endless life». «Piercing sorrows here and damnation hereafter are a very dear price to give for money» (Ibid.) «...take heed lest the success and prosperity of your affairs do too much please you, as him: Luc. 12.20». Baxter (Christ. Directory 1, 229).

325. «When men are not content with food and rayment, but would still heap up more, it is just with God go leave them not so much bread: and to suffer men to have an evil eye upon them and to pluck at them, even so long as they have meat». Hutcheson, Exposition of the book of Job. p. 296. «Ye may seek more, if je will be rich, and will have superfluities then ye shall fall into many temptations, snares and hurtful lusts which shall drown you in perdition...» (Binning, Sermons, 3, 359).

Buckle, Gesch. der Civ. 2³, 388. «And certainly to crave and be desirous of more than what is competent for the main tenance and support of our lives, is both inconsistent with the dependence and subjection we owe to God, and do h also bespeak a great deal of vanity, folly and inconsiderateness.». Cockburns. Jacobs Now or Man's Felicity and Duty. «Why should man rack their heads with cares how to provide for

to-morrow, while they know not if they shall thou need anything?» (*Bostons. Human Nature in its Four-fold State*, p. 300).

326. «Men are loth to lend their care to the World, when they abound in prosperity». *Abernethy. Physike for the Soule*, p. 448, *Buckle*, 387. «Such is the weakness even of godly mens that they can hardly live in a prosperous condition and not be overtaken with some security, carnal confidence, or other miscarriage» (*Hutcheson. Exposition of the Book of Job*. P. 387).

327. *Baxter*, *Chr. Dir.* 1, 237, 245.

328. *Burnest. Hist. of its own time* 1, 108; cp.: *Buckle*, a.a.O; *Mackintosh. Hist. of Civil. in Scotland*, 3, 269.

329. «Take nothing and do nothing meerly because the sence or appetite would have it, but because you have Reason so to do» (*Baxter. Chr. Dir.* 1. 229).

330. «...we should govern and regulate according to very strict and severe laws all faculties of our soul, all the members of our body, all internal motions and all external actions proceeding from us; that we should check our inclinations, curb our appetites and compose our passion; that we should guard our hearts from vain thoughts and bad desires; that we should bridle our tongues from evil and from idle discourses; that we should order our steps in the streight way of righteousness, not deflecting to the right hand or to the left» (*A Isaac Barrow. Of Industry*, 104).

331. «By Industry we understand a serious and steady application of mind, joyned with a rigorous exercise of our active faculties in prosecution of any reasonable, honest, useful design in order to the accomplishment or attainment of some cinsiderable good; as for instance, a Merchant is industrious, who continueth intent and active in driving on his trade for acquiring wealth» (*L.c.*, p. 3).

332. «Shall we alone be idle, while all things are so busie? we may easily observe every creature about us incessantly worling toward the end for which it was designed indefatigably exercising the powers with which it was endewed; diligently observing the Laws of its creation...» (*Is. Barrow. Of Industry*, 78).

333. «Idleness is indeed the nuprsery of sins, which as naturally grow up therein as weeds in a neglected ield or insects in a standing puddle; Idleness teacheth much evil» (*Eccl.* 33, 27...). Она — западня, в которую дьявол ловит души. (*Is. Borrow. Of Industry*, 62).

334. *I. Barrow. Of Industry*, 94, 9, 94 (и след.). Cp. *Alb. C. Applegarth. Quakers in Pensylvania solitude*, 1697 (1892), 10; *Fruits W. Of Selections from the Record of the Kirk-Sessions of Aberdeen*. P. 32.

335. Cp. у *Mackintosh. Hist. of Civilisation in Scotland* 3. 265; cp. P. 273 (и след.).

336. *Le Negociant patriote*, 240.

337. Источники у *Buckle*, a.a.O., 23, 381.

338. *Alb. C. Applegarth. Quakers in Pensylvania*, 10, 16, 28 (и след.).

339. *S. Thom. S. th. Ila Ilae qu.* 134 а 1.

340. Символическими для чувствований пуританизма являются выступления *John' Кнох* в приходской церкви Петра 11 мая 1559 г., где возникло иконоборство. Его же «The first Book of Discipline» отвергает всякую «Idolatry» со всеми ее памятниками, аббатствами, монастырями, соборами и т. д. (3 head). *John Кнох. Works*, 2, 183 (и след.); ср. 1, 320 (и след.), 361 (и след.).

341. *S. Thom. S. th* IIa IIae qu. 135 a 1 (пер. M. Schneider).

342. *I. Barrow. Of Industry*, 66. Я привожу еще следующие места из *Baxters Directory*: Riches may enable us to relieve our needy brethren and to promote good works for the Church or State. And thus also they may be loved: so far as we must be thankfull for them, so far we may love them: for we must be thankful nothing but what is Good. (Ibid. P. 214). «it is the end by which a sinful Love of Riches is principally to be discerned; when they are loved for pri e or Flesh-pleasing, as they are the matters of a woedly corporal felicity» (1, 108). «That you make not Riches your chief end; Riches for our fleshly ends must not ultimately intended or sought. But in subordination to higher things they may. Then your end must be, that you may be ter provided to do Good service and may do the more good with wtttoat you have... You may labour to be Rich for Good though not for the flesh and sin» (1, 378).

343. «What a man compasseth by honest industry, that is apt higli to prize» (*I. Barrow. Of Industry*, 50, 51).

344. «It is a false Rule of them, that think their commodity is worth much as any one will give. «But it is raken for granted in the Market, that every man will get as much as he can have and that „aveat emp or“ is „the only security“. It is not so among Christian, nor Infidels who profess either truth or common honesty» (*Baxter. Directory* 4, 104).

345. *Max Weber. Protestantische Ethik usw.* в *Archiv*. 25, 35.

346. В своей антикритике книги: *H. K. Fischer. Kritische Beiträge zu Professor Max Webers Abhandlung // Die protestantische Ethik usw. im Archiv*. 25. 246.

347. *W. Sombart. Krieg und Kapitalismus*. (1913), 7 (и след.).

348. Я дословно опубликовал ряд таких жалоб в названной в примеч. 347 в книге.

349. *Leipziger Sammlungen* (ed. Zinken, 1745) 2, 615, цитировано *Schmoller'ом* в его *Jahrbuch* 15, 8.

350. Король извещает власти гор. Autun о посланном к ним Camuset: «De par le roy, Chers et bien amez, envoyant le sieur Camuset pour établir à Autun la manufacture des bas d'estame au tricot nous avons bien voulu dire en mesme temps que wuos lui donniez toutes les assistances qui dependront de vous pour faire le dit établissement et pour cet effect que vous obligiez ceux des dits habitans tant hommes, femmes que les enfants depuis l'age de huit ans que sont sans occupationà travailler en la dite manufacture et qui vous ayez à lui fournir une maison...» См. у *Levasseur, Hist.* 2. 256).

351. *Selicourt*, 1. c, p. 259.

352. *Unwin*, 1. c, p. 168.

353. См. у *Levasseur*, 2, 37.

354. Проанализировать эти связи до конца я пытаюсь в моей «*Deutschen Volkswirtschaft in XIX Jahrhundert*» (3 Aufl. 1913. S. 118).

355. «Non patisce la nostra terra che de suoi alcuno cresca troppo nelle victorie dell'armi. Savia: perche saria pericoloso alla antichissima nostra leberta, se chi ave adempire nella republica le sue volonta con favore et amore degli altri cittadini, potesse quanto l'animo il traporta, quanto la fortuna si gli porge, quanto il tempo et le conditioni delle cose gli accede et persuade aseguire con minacce et con forza d'arme...»

Причины возникновения коммерческого духа во Флоренции, по его мнению, следующие (резюмируя) «...le celom produce gli'ngengni astiti a discernere il guadagno, et luogo, l'uso gl'incende non ad avanzarsi et conservarsi roba, a desiderare piu che gli altri ricchezze colle quali e'credono meglio valere contro alle necessita, et non poco potere ad amplitudine et stato fra cittadini» (*Alberti*. Della famiglia, 36, 37).

356. *W. Sombart*. Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert, 110; Krieg und Kapitalismus, 28.

357. *Dr. Shadwell*, в *Times*, дек. 1903; цитировано у *Schulze-Gaevernitz*. Britischer Imperialismus, 121.

358. *J. Burckardt*. Kultur der Renaissance 13, 69.

359. *W. Petty*. Several Essays in Pol. Arithm. (1699), 185.

360. «They (the non-conformist) are not excluded from the nobility, among the gentry they are not a few; but none are of more importance than they in the trading part of the people and those that live by industry, upon whose hands the business of the nation lies much» (Discourse of the Religion of England. 1667. P. 23). Цитировано у *H. Hallam*. Const. Hist. 3 (1827), 451.

361. Etat de la France... par le *Comte de Boulainvillier*, 6 Vol., 1737.

На этих отчетах базируется значительная часть литературы, занимающейся экономическим положением реформатов во Франции в конце XVII столетия. Об этой литературе, касающейся в то же время и эмиграции, я привожу указания ниже. Среди старой литературы и источников выделяется известное сочинение *Ch. Benoit*. Histoire de l'édit de Nantes 51, 1693.

362. *Ranke*. Französische Geschichte, 33, 456.

363. Систематическим и сводным образом влияние, оказанное иностранцами на культуру Англии, проанализировано в книге *W. Cunningham*. Alien Inunigrants to England, 1897. Далее, о России в нескольких работах, из которых заслуживает быть названным особо: *Ernst Frh. v. Druggen*. Wie Russland europäisch wurde, Studien zur Kulturgeschichte. 1895, а также сочинение *Ischachanian'a* (1913), в котором использована и вся остальная литература. Затем существует множество работ по истории и влиянию отдельных переселенческих движений, которые я буду указывать особо в другом месте.

364. *Broglio d'Ajano*. Die Venetianer Seidenindustrie. 1895. S. 24.

365. *Sieveking*. Genueser Seidenindustrie в *Schmollers Jahrbuch*. S. 21, 102.

366. *A. Alidofi*. Instruttione delle cose notabili di Bologna. 1621. Ср.: *W. Sombart*. *Luxus und Kapitalismus*, 170.

367. *St. Pariset*. Histoire de la Fabrique lyonnaise. (1901), 29–30. Ср.: *W. Sombart*. *Luxus und Kapitalismus*. S. 179.

368. *Tr. Geering*. Basels Industrie, 471.

369. *Bujalti*. Geschichte der Seidenindustrie Oesterreichs. (1893), 16.

370. Я отсылаю интересующегося читателя еще к следующим сочинениям, где он найдет частности: для Англии (кроме *Cunningham* — *Price*, *The English Patents, of Monopoly*, 1906. P. 55, 82 (и след.); *Lingsheim*. Beitrag, S. 31 (и след.)). Для Голландии много материала приводит *Levasseur*; см. еще, например: *B. P. Boisonade*. L'industrie du Papier en Charente etc. Bibl. du Pays Poitevan, N IX, 1899, P. 8. Для Германии — *G. Schannz*. ur Geschichte der Kolonisation und Industrie in Franken. 1884; *C. Gothain*. Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes, Bd. 1, 1896; *G. Frahne*. Textilindustrie in Wirtschaftsleben Schlesiens (1905), S. 90 (и след.). Для Австрии — *Sbrik*. Exporthandel Oesterreichs, (1907) (и след.). Для Шотландии (железная промышленность) — *L. Beck*. Geschichte des Eisens, 2, 900. 1290). Для России (кроме уже названных) — *A. Brückner*. Peter der Grosse, 1879; *F. Matthiei*. Die Industrie Russlands in ihrer Bisherigen Entwicklung. Bd. 1. 1871.

371. Ближайшие и дальнейшие данные смотри опять в моей книге о евреях, где указаны и литература, и источники. Ср. еще работу *Wlad. W. Kaplun-Kogan*. Die Wanderbewegungen der Juden, 1912.

372. Литература об «эмигрантах» очень обширна и частью очень хороша. Она описывает частью судьбу преследуемых за религию эмигрантов из страны, частью иммигрантов в страну. Оба способа описания дополняют друг друга. Из почти необозримого множества работ я назову следующие, наиболее пригодные: *Ch. Wiess*. Historie der réfugiés protestants de France depuis la revocation de l'édit de Nantes Jusq'a nos jours, 2 Vol., 1853 (фундаментальная и еще не превзойденная); *W.C.I. Berg*. De refugies in de Nederlanden na de herroeping van het edict van Nantes, 2 Vol. 1845. Для наших целей имеет существенное значение только первый том, трактующий «handel en nijverheit». Хорошее подробное описание *I. C. Byrn*. History of the Fren, Wallon, Dutch and other foreign protestant refugies settlend in England, from Henry VII to the revocation of the edict of Nantes, with notices of their trade and commerce, copious extracts from the registers, lists of the carly settlers, 1846.

Обширную английскую литературу об эмигрантской проблеме в основе переработал *Cunningham* в своем сводном, названном выше, труде: «*Ermaan und Reclam*, Mémoires pour servir à l'histoire des réfugiée» (In 9 Vol. 1782–1799), в примеч. 363. Очень подробное описание судьбы эмигрантов в немецких землях, главным образом в Бранденбурге — Пруссии. Vol. V и VI содержат интересующие нас здесь указания: *Charles W. Baird*, History of the Huguenot Emigration to America. 2. Vol., 1895.

373. *Weiss*. Hist, des réfugiés. 1. 194. Для определения потерь, понесенных Францией из-за эмиграции гугенотов, основными источника-

ми служат отчеты интендантов около 1698 г. Они, однако, по большей части приукрашены и дают, во всяком случае, только минимум.

374. *Joh. Sembrzytki*, Die Schotten und Engländer in Ostpreussen // *Altpreuss.* 1892. N 29, 228.

375. *G. St. A. Gen*, Dir. Südpr. Ortsh. LXXII, 978. у *Moritz Laffe*, Die Stadt Posen unter peruss. Herrschaft (Schriften d. Ver. f. Soz. Pol. 119, II, S. 14).

Ср. (цит.: *Ibid.*): *Th. A. Fischer*, The Scots in Germany; Indem The Scots in Eastern and Western Prussia.

В XVI в. мы встречаем постоянно живущих в Рудных горах шотландцев в качестве торговцев кружевами и позументом: *Ed. Siegel*. Geschichte des Posamentiergewerbes (1892), 42.

376. *Paul Schulze*, Die Seidenindustrie im Handbuch der Wirtschaftskunde Deutschlands, 3 (1904), 658; *Berg*. De kefugies in de Nederlanden, 1, 285.

377. *Ch. Weiss*, 1. c, 1, 225.

378. *Ch. Weiss*, 1. c, 1, 138.

379. *O. Wiedfeldt*. Stat. Stud. z. Entw. Gesch. d. Berliner Industrie. 1898, 209.

380. *O. Wiedfeldt*, a.a.O., S. 386.

381. Основанные французами промышленные отрасли полностью перечислены в V и VI томах указанного выше сочинения *Ermaan und Reclam*,

382. Verzeichnis der Vorsteher und sämtlicher Mitglieder der deutsch und französisch vereinigten Kaufmannschaft der Tuchund Seidenhandlung hiesiger Residenzien nach alphabetischer Ordnung zum Anfang des Jahres, 1808, von den aeltesten aus den Gildenbüchern und zu haben bei der Witwe Arendt im Börsenhouse.

383. *Bayle*. Dict. hist. et crit., art. Kuchlin.

384. «Eigenbelang... meer nog dan medelijden voor verfolgte geloofs genooten... (had) zi jn deel in de edelmoedige ein liefderyike ontvangs der vluttelingen» (*W.C. I. Berg*. De Refugies in de Nederlanden, 1, 167).

385. *Berg*. De Refugies etc. 1, 218; *Weiss*. Hist. de refugiés etc., 2, 18 (и след.).

386. В качестве свидетельства того, какую крупную роль евреи играли в начале XVIII в. на Амстердамской бирже, я приведу еще одно замечание у *Ricard* («Le negocé d'Amsterdam», 1834, 6), на которое я обратил внимание только по окончании моей книги о евреях. *R.* сообщает, что биржа, несмотря на то что вместимость ее достигает 4500 лиц, почти всегда переполнена, за исключением субботы, когда не бывает евреев (!).

387. *I. N. de Stoppelaar*. Balthasar de Moucheron (holl), 1901, цитировано у *S. van Brakel*. De Holländische Handelscompagnie en der zeven-tiende eeuw (1908), 4.

388. «Hanno introdotto i Rifuggiati l'uso nel Paese... di piu di venti specie differenti di Manufatture...» *Leti*. Teatro belgico 2, 148; у *Berg*, 1, 212.

389. (Scion) пишет магистрату г. Амстердама: «...toutes ces industries se sont établies en deux ans de temps et sans dépense... Cela remplit de plus en plus la ville d'habitants, accroît ses revenus publics, affermit ses murailles et ses boulevards, y multiplie les arts et les fabriques, y établit les nouvelles modes, y fait rouler l'argent, y élève de nouveaux édifices, y fait fleurir de plus le commerce, y fortifie la religion protestante, y porte encore plus l'abondance de toutes choses... Cela enfin contribue à rendre Amsterdam l'une des plus fameuses villes du monde...» (цит.: *Chr. Weiss. Hist. des Réfugiés* 2. S. 235–236).

390. *Chr. Weiss.* 2, 135.

391. Обзор распределения сдельных промышленных отраслей в Голландии через *Refugies* дает *Berg* 1. с, 1, S. 169.

392. *Otto Pringsheim.* Beiträge, 32.

393. *W. Cunningham.* Alien Immigrants to England, 469.

394. Источники у *Douglas Campbell.* The Puritans, 8, 269.

395. *Jurieu.* Lettres pastorales, 2. (1688), 451; у *Weiss.* 1, 132.

396. Факты приведены по *I. S. Burn.* 1, S. 254 (и след.); *Cunningham.* 235, 263 (и след.). Ср. также: *Campbell,* The puritans, 1. P. 489; *Alien Immigrants.* P. 178 (и след.) и *W. E. H. Lecky,* Gesch. des XVIII Jahrhunderts (нем. пер.) 1. S. 205 (и след.). Я дал только маленькое извлечение из массы материала.

397. Цифры взяты из сопоставлений: «Art.» Auswanderung в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3 Aufl., I, 283 (Ev. Philippovitz).

398. Эти отчеты использованы уже *Röscher* и приведены им в извлечениях в блестящей главе о «характере духовной жизни» в колониях, в его же книге о колониях (I Aufl. 1848, 3 Aufl. 1885). В недавнее время к ним вернулся *Th. Vogelstein* в своем названном выше труде и вывел из них интересные заключения.

399. *Th. Vogelstein,* а.а.О. S. 177.

400. *Y. Fr. Ratzel.* Ver. Staat, 2, 579.

401. Прекрасная латынь, на которой пишет *Petrarca*, послужит мне оправданием, если я приведу здесь в оригинале место, приведенное в тексте в вольном немецком переводе. Оно безусловно заслуживает того, чтобы быть прочтенным дважды.

«Nobis, amice, omnia iam ex auro sunt et hastae, et clypei, et comprdes, et coronae: hoc et comimur et ligamur, hoc divites sumus, hoc inopes, hoc felices, hoc miseri. Aurum solutos v noit, vinctos solvit, aurum sontes liberat, damnat innox os, aurum disertos ex mutis, ex disertissimis mutos reddit. (Auro concionatus est Metellus in Caesarem, auro Demosthenes orator obmutuit). Aurum et de servis principes, et de principibus se vos facit, et audacibus metum, pavid s praebet audaciam, et curas mertibus, solictisque segnittiem. Hoc et inermes armat et nudat armatos, indomitos duces domat, magnos populos premit, validos rundit exercitus, bella longissima paucis horis conficit, pacem praestat et eripit, siccatur flumina, terras lustrat, maria concutit, montes aequat, pandid aditus claustrorum, urbes aggreditur, expugnat arces, oppida demolitur, et quod apud

Ciceronem legimus, nullis fortis est locus in quem onustus suro asellus non possit ascendere. Aurum claras parat amic tias, magnas clientelas et honesta coniugia, quippe quod generosos et fortes et doctos et formoses et, quod miraberis, sanctos efficiat possessores suos. Itaque qui divites sunt, boni viri in civitatibus appellantur (.) eisque tantum sreditur. Nulla fides est pauperi quis pecunise nihil adest, verumque illud Satyrici: „Quantum quisque sua nummorum servat in arca tantum habet et fidel“». «Postremo invitum diem sed veritas cogit, non modo potens, esd omnipotens pene est aurum et omnia quae sub coelo sunt auro cedunt: auro serviunt et pietas et pudicitia et fides, omnis denique virtus et gloria aurum supra se vident inque ipsos animos coelitus nobis dayos, putet fateri, etiam rutilanti Imperium est metallo. Hoc reges ligat atque pontífices, hoc homines et, ut aiunt, etiam ipsos Deos placat. Nec quicquam in expugnabile inaccessumque auro est» (*Petrarca*. Ep. de reb. famil. Lib. XX, Ep. 1).

402. «...quand l'argent est dans le royaume l'envie étant universelle d'en tirer profit fait que les hommes lui donnent du mouvement., 403 *Mém. de Colbert au roi 1670*» (*Lettres* ed. Clément, t. VII, p. 233).

403. *K. Habler*. Die Fuggersche Handlung, 56.

404. *Levasseur*, 2, 546 (по Arnould).

405. *Saygnelay* в своем *Mém. au Roi* от 30.II.1688: «A l'égard de... l'argent qui est envoyé aux Indes, la Compagnie n'en a point tiré du Royaume l'ayant toujours fait venir en droiture de Cadix et son commerce des Indes lui fournira seul dans la suite les moyens de tirer en droiture D'Espagne tout l'argent dont elle aura besoin».

Ср.: *Mém. des Directeurs, 1686: P. Kraeppelin*. La Comp. des I.O., (1908), 201.

406. «...veramente la Francia non contrasta alla Spagna il prossesso delle Indie, ma se none appropria il vantaggio, spedendo continuamente bastimenti carichi di tutte quelle mercanzie che sono necessarie all America» (*Y. Rankey*. Franz. Geschichte, 43, 322).

407. *Ranke*, a.a.O.

408. *Berg*. De refugies 1, P. 218; Le Moine de L'Espine, Le négoce D'Amsterdam, 1710. P. 39.

409. Один виноторговец в Париже Mariet спасает 600 000, один книгопродавец из Лиона Gaylen — более 1 000 000, его брат — 100 000. Большинство крупных коммерсантов в 1687 и 1688 гг. являются выходцами из Нормандии, Бретани, Пуату и Гвиены. Они приезжают в Голландию на собственных кораблях, иногда везут с собою более 300 000 écus в слитках или деньгах. Один из первых купцов Руана по имени (Cossard) появляется так в Гааге; за ним следуют 240 его товарищей по сословию (*Berg*. De ref. 1, 218; *Chr. Wiess*. His. des refugiés, 2, 18). Ср. свидетельство историков в примеч. 43.

410. «Daar kwam bij, dat grioterzilver vooraadbeezat, dan eenig ander land van Europa. Spanje toch gebruikte voo den handel met Amerika hoofdzakelijk waren, welke het door invoer moest verkrijgen. Deze invoer was-wij zagen het rets-voor mamelijk het werk der Hollavders en wert betaald met de producten der Kolonien: goud en zilver. Bovendien had de

Spaansche regeering voortdurend groote beta lingen naar het buitenland, voral naar de Nederland, te doen. Bei de oorzaken samen on den strom goud en zilver, welke uit de mijnen van Amerika float, voor en groot deel over Spanje naar de Nederlanden af te leiden» (*S. van Brakel. De holandsche Handelscomp, XIV*).

411. *Levasseur*, 2, 293.

412. *Onslow Burrish. batavia illustrata or a view of the Policy and Commerce of the United Provinces (1728). P. 353.*

413. «...ou il leur était plus facile de transporter leur fortune grace a leurs liaisons avec les négociants de ces pays». (*Jurieu. Lettres pastorales* 2, 451, 1688, цитировано у *Weiss. Hist. de ref. 1, 132*). В 1687 г. *D'Avaux*, пишет в своих *neg. 6, 105 coll. 133*: «...je mandai au Roi qu'il était sorti depuis peu plusieurs personnes très riches de la Religion prétendue Reformée de France; qu'il semblaient que ceux, qui étoient le plus a leur aise commencaient à sortir avec plus d'empressement; qu'il y en avoit quantité des plus riches, marchands, qui dispoisoient à passer en Angleterre et en Holande et qui envoyèrent leur argent par avance; qu'en effet il en étoit passé une si prodigieuse quantité que Messieurs D'Amsterdam commençoient à prouver qu'il y en avoit trop, ne povant placer le leur plus haut qu'a deux pour cent» (*Berg. De refugies in de Nederlanden, 1, 219*).

414. *W. Sombart. Die Juden. S. 55, 105.*

415. *Nach Erasmus Philips, State of the nation* цитировано у *James. Worsted Manufacture (1857), (297)*, активное сальдо английской внешней торговли равнялось в 1702–1712 гг. в среднем за год 2 881 357 L; по *Woods Survey of Trade*, в среднем за год с 1707 по 1710 г. — 2 389 872; за 1713 и 1714 гг. — 2 103 148; цитировано у *Anderson. Origin., 3, 41, 63.*

416. *Onslow Burrish. Batavia illustrata. Part II, sect. 9.*

417. *Haynes. Great Britains Glory. 1715. 15, § 1* (и след.); у *James, 208*; ср.: *Cunningham. Growth 2, 19*, где приводится в извлечении по одной рукописи торговый договор с Испанией.

418. *Postlethwayt. Dict. of Comm. Art. Assiento.*

419. *Baretti: Ad. Smith, W. of N. IV 6.*

420. По *Coelho da Rocha. Ensaio sobre a historia do governo e da legisiacao Bento Carqueja. O capitalismo moderno e as suas origens em Portugal. 1908. P. 132.*

421. *The inhabitants «commonly wore waistcoats and breeches made of fine camblots and other stuffs of crimson and over all a cloak of Essex bays, Defoe, Plan of English Commerce», цит.: у James, Worst. Man. 184.* В XVII столетии для ведения торговли с Бразилией было достаточно 12 кораблей; к середине XVIII столетия нужное число кораблей достигло 100: *Postlethwayt, Art. «Brazil».*

422. *Portugal era, segundo una phrase conhecida, um crivo atraves do qual passavam immensas riquezas, sem deixarem signal. Bento Carqueja, 1. c. 125.*

423. «Легкость, с которой многие в короткое время обогащались в Бразилии, послужила приманкой для многих тысяч энергичных людей, покинувших Португалию; они явным образом оставляли в прене-

брежении свое португальское достояние и утешались будущим, когда представится возможность возместить все потери в Бразилии. На правительство это изобилие золота действовало также весьма вредно: оно думало, что обладает неиссякающими источниками богатства, и общественное управление вследствие этого запускалось, роскошь усиливалась, все учащались растраты...» (v. *Eschwege*, *Pluto brasiliensis* (1883), 284).

424. Подобное учение о «принципах» современной техники я пытался развить в моей «*Deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrh.*», в 8-й главе.

425. *Vierkandt*. *Stetigkeit im Kulturwandel*. 109.

426. Подробно я говорил об этом в моей «*D. Volkswirtschaft*» (3 Aufl. 1913. 136 и след.).

427. *L. L. Muratori*. *S.s. rer. A.* 12, 1011 (Милан, 1872), (Болонья, 1356).

428. *L. Darmstaedter*. *R. de Bois-Reymond*, 4000 Jahre Pionierarbeit in den exacten Wissenschaften. (1904), 24.

429. *W. Sombart*. *Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrh.* (3 Aufl. 1913) 139 (и след.).

430. *W. Sombart*. *Die Juden und das Wirtschaftsleben*, S. 199 (и след.).

431. *L. B. Alberti*. *Della famiglia*, 256.

432. *G. Freytag*. *Bilder* 2, 228.

433. *Davidsohn*. *Geschichte von Florenz*, 1. S. 601 (и след.).

434. *Mrs. Rich. Green*. *Town Life in the XV century*. 1894. 1, 152; 2, 156.

435. *P. Hume Brown*. *Scotland in the time of Queen Mary*. (1904), 163.

436. Смотри блестящую статью: *Max Scheler*, *Ueber Ressentiment und moralische Werturtheile*. 1912.

437. *Année Sociologique* 6. 483.

438. Подробно в моей статье: *Des kapitalistische Unternehmer Archiv für Soz. Wiss. u. Soz. Pol.* Bd. 29. S. 698.

439. «*Questi (I huadagni) pertanto diventeranno maggiori eres cendoinnoi colie faccende insieme industria et opera*» (Alberti, *Della famiglia*, 137).

440. *A. Karnegie*. *Selbstbiographie*, deutsch, in *Evangelium des Reichtums*. (1905), XXVII.

441. *Dr. Strousberg und sein Wirken von ihm selbst geschildert*. (1876), 396.

442. «If the employment, you give him be lucrative, especially if the profit be attached to every particular exertion of industry, he has gain so often in his eye, that he acquires, by the degrees, a passion for it, and knows no such pleasure as that of seeing the daily increase of his fortune. And that is the reason why trades increases frugality and why, among merchants, here is the same overplus of misers above prodigals as among the possessors of land, there is the contrary» (*Dav. Hume. Essays*, 2, 57).

БУДУЩНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Народы появляются,
народы исчезают —
а Израиль вечен.

(Мидраш¹ к Псалму 36)*

І. НАША ЗАДАЧА

Народ израильский опять у всех на устах. Вопрос о будущности еврейского народа снова занимает широкие круги населения во всех культурных странах, ибо события и явления каждого дня настойчиво выдвигают на очередь старый еврейский вопрос. Вопрос этот так бурно прорывается в виде кровавых погромов и бескровного разорения еврейских домов, как, например, в России или Англии; то вызывает страстную полемическую борьбу, проявляющуюся, например, в дискуссиях о еврейском национальном движении на столбцах сионистской печати; то он, наконец, подобно огню, продолжающему тлеть под угольями, прорывается искрами в многочисленных трениях, которые ежедневно вносятся в жизнь всех классов современного общества.

Правда, в публичных дискуссиях уже сравнительно мало говорят на еврейские темы. Так оно по крайней мере обстоит в западноевропейских странах. Это объясняется молчаливым сговором широкой либеральной печати не распространяться «на эту тему». Общественные круги, влияющие на направление этой печати, питают надежду, что само время разрешит еврейскую проблему, уже находящуюся на пути к своему благополучному разрешению, причем они убеждены, что постоянные разговоры только задерживают «процесс естественного заживания раны».

Эта политика систематического замалчивания, от которой прежде всего страдают интересы широких еврейских масс, придерживающихся совершенно других

взглядов на этот вопрос, но не имеющих в своем распоряжении «большой прессы», ничего, кроме порицания, не заслуживает. Ее следует отвергнуть не только потому, что она не запечатлена гордостью и мужеством, а главным образом потому, что она близорука и непрактична. Может ли кто-нибудь действительно поверить, что величайшая проблема всего человечества молчаливо и незаметно сойдет с исторической сцены? Не следует ли, наоборот, думать, что противоречия, которые так усердно стараются замаять, еще сильнее обостряются, если будут препятствовать беспристрастному и открытому их обсуждению? Неужели руководители больших либеральных газет так низко ценят своих читателей, что не могут собраться с духом и сообщить им, каковы именно те новые идеалы, которые волнуют сейчас еврейское общество, какие цели ставят себе широкие круги еврейства?

Охватившее меня чувство возмущения по поводу этой политики нашей влиятельной либеральной печати побудило меня написать эти страницы, дабы по мере моих сил и умения дать толчок к тому, чтобы обсуждение еврейской проблемы было снова вынесено на широкую общественную арену. Действовал при этом и мотив личного свойства: я не хотел обойти молчанием раздававшиеся по моему адресу гласные и негласные упреки в трусости, проявившейся будто в том, что я до сих пор не занял определенной и открытой позиции по отношению к проблеме практической еврейской политики, после того как я так много и подробно говорил о евреях вообще.

С другой стороны, мне ставили в вину, что этим сочинением, являющимся скорее личной исповедью, чем научным трактатом, я нарушил границы научной объективности, которые я поставил себе в своей книге «Die Juden und das Wirtschaftsleben». Одни говорили, что я этим ослабляю влияние своей книги, другие объясняли мне, что «внутреннееврейские» дела, как сионизм и национально-еврейское движение, меня не касаются, что в качестве нееврея я совершаю бестактность, обсуждая подобные темы.

Я считаю возражения как тех, так и других несправедливыми. Если моя книга о евреях и экономической жиз-

ни действительно составляет научную ценность, то последняя ни на йоту не уменьшится оттого, что, не претендуя на объективность, я теперь в качестве «гражданина и сына своего века» говорю о будущем еврейского народа. С моими личными взглядами на этот предмет читатель может согласиться или не согласиться в зависимости от характера его убеждений, но они не могут изменить его отношение к моим научным выводам. Следует различать научные заключения, изложенные в моей книге о роли евреев в истории, и все то, что я теперь высказываю в качестве своего личного убеждения и более или менее интуитивного проникновения в область будущего.

Столь же решительно я отвергаю и другое возражение, будто я, как нееврей, не вправе говорить о будущем еврейского народа. Как это так? Неужели вопрос о том, как сформируется и сложится эта будущность, действительно принадлежит к области специфической внутрнееврейской жизни, как, например, упорядочение синагогального богослужения или отрешение от должности библиотекаря еврейской общины? Кого хотят убедить подобной нелепостью? Ведь это, наоборот, проблема, решение которой самым чувствительным образом затрагивает каждого из нас. Ассимилироваться ли евреям, преследовать ли им особую национально-еврейскую политику — неужели все это абсолютно не должно интересовать нас, неевреев? Да я не знаю ничего такого, что имело бы более близкое отношение к нам! Все мы, достигшие после долголетнего изучения еврейского вопроса некоторого знания предмета, не только вправе, но и обязаны высказать свои воззрения на различные возможности эволюции и будущности евреев, ибо этим же самым мы ставим вопрос о возможностях нашего культурного развития вообще.

Точка зрения, из которой я исходил в следующих ниже строках, сама собою выясняет задачи, преследуемые настоящим очерком: рассмотрению и оценке той или иной еврейской политики должно предшествовать исследование современного положения евреев в различ-

ных странах и обзор вероятных тенденций их дальнейшего развития.

Выполнение этой программы (которая в данном случае может и должна носить схематически-эскизный характер) требует прежде всего обзора численного и пространственного распределения евреев, а также их естественно-подразделения на различные группы, до того отличающиеся друг от друга условиями своего существования, что и судьбы их должны быть и будут различными. Я говорю о так называемых восточных и западных группах евреев, которые мы должны рассматривать каждую в отдельности, причем к западной группе следует также отнести вновь прибывшие в Америку массы восточноевропейского еврейства.

На основании надежнейших данных, опубликованных д-ром Руппином в его книге «Евреи нашего времени» («Die Juden der Gegenwart». 2-te Auflage. 1911), мы можем установить следующие цифры.

Всех евреев на земном шаре насчитывается около 11.5 млн, из которых на долю России падает 5 млн с лишком, на долю Галиции — около 1 млн, Румынии — 0.3 млн, Венгрии — 1 млн. Эти 6.5–7 млн мы можем объединить в одну общую группу «восточных евреев» (причем половину венгерских евреев, значительная часть которых живет в Будапеште, следует причислить к «западной» группе). В Западной Европе, т. е. в Венгрии (наполовину), Австрии (за исключением Галиции), Италии, Нидерландах, Франции, Англии и Германии насчитывается всего около 2 млн евреев (в Германии круглым счетом — 600 000 человек). К западноевропейским евреям следует еще отнести 2 млн американских евреев (из них 1.8 млн живет в Соединенных Штатах, свыше 1 млн в одном Нью-Йорке).

Остальные части еврейского народа распределены по Азии, Африке и Австралии.

II. БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ (JUDENNOT)

Большая часть евреев — почти все восточные — живет в самых незавидных материальных условиях, доходящих в некоторых местах до степени острой нужды, нищеты и отчаяния.

В Румынии с ними обходятся, согласно особым законодательным постановлениям, как с иностранцами, в России — как с полугражданами. В обеих названных странах они ограничены в своих гражданских правах.

Широкие массы еврейского населения в России всегда заставляют нас обратить особое внимание на эту страну. Россия имеет в своем составе большое количество евреев, потому что на ее долю досталось наследие Царства Польского. Там — в Польше — отовсюду изгоняемые евреи концентрировались в средние века, а оттуда же они, начиная с XVIII столетия, передвигались на Запад и Восток и частями оседали во всех странах. Когда евреев лишили свободы передвижения (1881 г.), они уже жили массами и в непольских областях России. С того времени они должны были остаться на жительство в тех местностях, где их застал момент издания ограничительных правил: эти местности и составляют «черту оседлости», обнимающую Польшу и 15 граничащих с нею губерний. В пределах этой «черты», обнимающей всего 1/23 часть всей поверхности России, живут 5 млн (94%) евреев, составляя, таким образом, в Польше — 14.05%, в остальных 15 губерниях «черты» — 11.12, в Курляндской, Лифляндской и Петербургской губерниях — 2.49, а в остальных 32 губерниях Европейской России — 0.19% всего народонаселения. В самой черте оседлости (исключая Польшу) свобода передвижения для евреев ограничена еще особым запретом селиться в деревнях: они вынуждены там жить исключительно в городах и местечках.

Как и следовало ожидать, большинство российских евреев влачит жалкое экономическое существование: они друг друга пожирают. Я приведу тут некоторые данные из упомянутой уже книги Артура Руппина, дающие яс-

ное представление о действительных размерах нужды среди восточноевропейских евреев.

Круг экономических функций евреев здесь очень ограничен: большинство из них занимается торговлей, портняжничеством, извозчицким промыслом, воспитанием и обучением. В двух наиболее типичных губерниях черты оседлости — Витебской и Могилевской — не менее 2/3 еврейского населения живет указанными четырьмя занятиями. Многие евреи совсем лишены регулярных заработков; они стараются всеми возможными путями добывать насущный кусок хлеба. Гальперин рассказывает об одном русском еврее, главное занятие которого заключалось в том, что он в ярмарочные дни являлся на базар с пробочником и открывал крестьянам бутылки водки. Этот человек зарабатывал в ярмарочное время, когда дела его процветали, около 15 коп. в день. По данным, опубликованным Бродовским, из 150 тысяч живущих в Одессе евреев 48 500 прибегают к частной и общественной благотворительности. Из общего количества умерших евреев 63% пришлось хоронить совершенно безвозмездно, а 20% — по самой низкой таксе.

Приблизительно такая же картина наблюдается и в Галиции: и здесь множество евреев не знают, каким путем они на следующий день добудут средства к своему существованию. Это те элементы, которые Макс Нордау назвал «Juftmenschen» («люди воздуха»). Составляя 11.09% всего населения, галицкие евреи дают громадный процент так называемых «самостоятельных без определенных занятий» (51.51% общего количества в крае) и «живущих случайными заработками» (39.80% общего количества). Еврейские ремесленники, зарабатывающие по 8–10 флоринов (6–8 рублей) в неделю, составляют редкое явление; большинство из них зарабатывает по 5–7 флоринов.

И в Румынии положение евреев ухудшается начиная с 80-х годов, вследствие эмиграции русских и галицийских евреев в эту страну, а также вследствие новых законодательных ограничений.

Восточноевропейские евреи состоят главным образом из мелких ремесленников, шинкарей, разносчиков, ла-

вочников, извозчиков, старьевщиков и мелких заимодавцев: «Это все жалкие существа, которых малейшее несчастье способно окончательно разорить» (Руппин).

Восточноевропейское еврейство живет такой же духовной жизнью, как и в средние века, — жизнью гетто. За исключением количественно незначительного высшего слоя интеллигенции, жизнь которого отравлена препятствиями, преграждающими ей путь к общему образованию (в России, как известно, количество евреев, допускаемых в высшие учебные заведения, строго ограничено так называемой «процентной нормой»), большинство восточноевропейских евреев все чаще состоит из людей правоверных и строго ортодоксальных: они все еще носят длинное платье, получают свое образование в хедерах талмуд-торах, избегают всякого общения с так называемыми «датшами»¹ и их культурой, не читают книг на чужих языках и говорят на своем особом немецко-еврейском жаргоне («идиш»). В 1897 г., во время всеобщей переписи в России, из 5.2 млн (т. е. 96.9%) показали своим родным языком жаргон, а в черте оседлости 98% всего еврейского населения объявило его своим обиходным языком.

Если ко всему этому прибавить постоянную опасность, ежеминутно грозящую жизни и имуществу восточноевропейских евреев, — всем еще памятна резня в Кишиневе и других местах, а «маленькие погромы» ведь стали уже в России заурядным, повседневным явлением, — то перед нами предстанет картина, мрачнее, безотраднее и безнадежнее которой не могло бы нарисовать и самое живое воображение.

Не подлежит никакому сомнению, что положение евреев в Восточной Европе стало бы еще более невыносимым, если бы с наступлением периода систематических ограничений еврейских прав не началась та усиленная массовая эмиграция, благодаря которой евреи, остающиеся на местах, получают большой простор для борьбы

¹ В черте оседлости, особенно в местечках, ортодоксы именуют каждого свободомыслящего и светского еврея «датшем» (немцем), т. е. приверженцем западной культуры. — *Примеч. пер.*

за свое существование. Передвижения евреев последнего поколения необычайны по своим размерам и не находят себе примера в прошлом. Согласно специальным вычислениям, в течение 28 лет, с 1881 по 1908 г., из стран Восточной Европы эмигрировало всего 2 млн евреев: 1 545 000 из России, 305 000 из Австрии и 100 000 из Румынии. Из этих 2 млн эмигрантов подавляющее большинство отправилось в Соединенные Штаты Америки (1.8 млн) и Англию (190 000).

Каковы же после всего сказанного тенденции жизни восточноевропейского еврейства? На этот вопрос даются различные ответы в зависимости от взглядов и ожиданий того или другого лица относительно гражданской эмансипации евреев в восточноевропейских странах и связанной с ней свободой экономической деятельности. Тот, кто верит, что эмансипация евреев в России последует в непродолжительном будущем, может также представить себе, что восточные евреи достигнут того же положения, что и западные (мы пока не коснемся вопроса, следует ли считать их положение счастливым или нет). Тот же, кому существенное улучшение правового положения евреев в Восточной Европе, именно в России, в течение ближайшего поколения представляется невероятным, не может ожидать и той эволюции, которую уже проделали западные евреи.

Я принадлежу к тем, которые не верят в существенное изменение правового положения восточноевропейских евреев в ближайшем будущем. Как раз в последние годы и в Румынии, и в России особенно обострилось враждебное отношение к евреям: в Румынии период наиболее репрессивной политики начинается как раз с 1899–1900 гг., а в России он совпадает с введением конституции. Придирчивое отношение к евреям все более и более усиливается, «небольшие погромы» становятся хроническим явлением, выселения принимают массовый и чрезвычайно острый характер, черта оседлости суживается, издаются новые ограничения для учащихся (в самое последнее время установлена процентная норма и для экстернов, которая ввиду отсутствия такого элемента среди христиан сводит-

ся к фактическому уничтожению этой категории еврейских учащихся). Все то, что нам известно по настроениям правительственных и думских кругов, не дает нам никаких оснований надеяться, что эта политика скоро изменится к лучшему. Даже в рядах крайне левой фракции российского парламента многие придерживаются того мнения, что невозможно предоставить евреям равноправие, так как это привело бы к разорению русского народа; русский народ, говорят они, еще недостаточно созрел для того, чтобы устоять против натиска превосходящей его группы населения, каковую представляют собою евреи; русский крестьянин неизбежно попадет в позорное рабство к еврейскому ростовщику, и страна не только не достигнет под влиянием евреев высших форм экономической жизни, как это имело место в Западной Европе, а, наоборот, застынет в положении средневекового варварства.

Безразлично, верны ли эти взгляды или нет, отвечают ли они требованиям «справедливости» или нет: для практической политики важнее всего то, что они господствуют в широких и руководящих кругах и что они так скоро не изменятся.

Следует, таким образом, исходить из того, что настоящее положение вещей — бедствия и погромы, с одной, и эмиграция как средство избавления от них, с другой стороны, — не изменится в близком будущем. Что же, однако, будет, если этот единственный спасительный клапан закроется? Как быть, если и эмиграционные возможности сократятся, хотя бы потому, что иммиграционные страны закроют свои двери перед устремляющимися в них евреями?

Я самым серьезным образом думаю, что следует считаться с такой возможностью. Так как последние годы Соединенные Штаты служили для евреев почти единственной иммиграционной областью, то наше внимание в первую очередь останавливается на них¹.

¹ Известно, что и в Англии нарождается теперь «социальный антисемитизм». На наших глазах проявилась глубоко таившаяся ненависть к евреям в английском графстве Wales, где летом были разгромлены еврейские лавки. Антиеврейские беспорядки приняли там до того эксцессивный характер, что о них заговорили как о погромах.

Что более всего бросается в глаза — это прогрессивно усиливающееся отрицательное отношение общественного мнения к иммигрирующим элементам и постепенное влияние этого отношения на законодательные учреждения и администрацию. Следы этого влияния можно проследить на истории американского иммиграционного законодательства. В 1882 г. были изданы первые иммиграционные билли, согласно которым запрещается въезд в страну людям с нравственными и физическими недостатками (больным, преступникам, неспособным снискать себе пропитание собственным трудом и т. д.). Между 1885 и 1888 г. вводится запрещение въезда и для контрактованных рабочих (т. н. Contract Labour). С 1891 по 1893 г. квалифицируются новые категории нежелательных иммигрантов. В 1903 г. подушный налог на каждого иммигранта повышается до двух фунтов. В 1907 г. запреты кодифицируются и становятся особенно строгими. В настоящее время развивается сильное движение в сторону еще больших строгостей. Знаменитый Elvins Bill уже требовал установления правил об обязательном предъявлении каждым иммигрантом 100 фунтов, что было бы равносильно недопущению к высадке большей части нынешних иммигрантов, так как в 1900 и 1901 гг. состояние каждого иммигранта равнялось в среднем 15 фунтам, причем еврейские иммигранты оказались наименее состоятельными: в то время как шотландцы привозили с собою примерно по 41.5 фунта, японцы — по 37.6, англичане — по 38.7, французы — по 37.8, немцы — по 28.5, еврейские иммигранты могли предъявлять только по 8.7 фунта. Другие билли требовали уже недопущения «всех лиц, нежелательных в экономическом (!) отношении», и т. д. Эти законопроекты еще не прошли через законодательные органы, но часть из строгих предписаний уже применяется на деле в административном порядке. С момента оставления Оскаром Штраусом поста статс-секретаря повеяло резким ветром в Эллис-Айланде. Уильям Уильямс, занимающий с 1909 г. пост иммиграционного комиссара в нью-йоркской гавани, не только придерживается строго и неумолимо существующих

законов, но, как передают, ухудшает и по своему личному усмотрению иммиграционные условия изданием особо строгих административных распоряжений. Так, он без всяких законных оснований провел в жизнь требование о предъявлении каждым иммигрантом минимальной личности в 25 фунтов. Подобные меры действительно приводят к тому, что большие массы иммигрантов не переступают границ Соединенных Штатов. Цифровые результаты этой политики выражаются не столько в количестве иммигрантов, высланных обратно из нью-йоркской гавани — за последний год таких было 14 500, — сколько в той массе иммигрантов, которым пароходные компании ввиду возложенной на них ответственности отказывают в приеме. Уже в 1907 г. (еще до нового режима Уильямса) число таких иммигрантов дошло до 65 000. Каково будущее направление иммиграционной политики — ясно видно не только из мероприятий иммиграционного комиссара, но и из тона, в котором он составляет свои отчеты. Один из опубликованных им отчетов заканчивается следующими словами: «In the estimation of most impartial observers a certain minority of the new immigration is undesirable from the point of view of the interests of the United States, and this question, cannot properly be considered from any other point of view. The real issue to-day is whether or not means should be found to keep out this undesirable minority, yet this issue is often successfully confused by interested persons, who seek to make it appear that those who merely advocate further reasonable restrictions are exclusionists and hostile to immigration as a whole. The time has come when it is necessary to put aside false sentimentality in dealing with the question of immigration and to give more consideration to its racial and economic aspects, and in determining what additional immigrants we shall receive to remember that our first duty is to our own country».

«Совершенно беспристрастные наблюдатели находят нежелательной известную часть прибывающих за последнее время иммигрантов с точки зрения интересов Соединенных Штатов, с единственной точки зрения, кото-

рою следует руководствоваться при обсуждении этого вопроса. Сущность вопроса в настоящий момент заключается в том, будет ли найдено какое-нибудь средство для предотвращения приезда нежелательного меньшинства иммигрантов или нет, но этот вопрос не без успеха запутали заинтересованные лица, старающиеся изобразить защитников разумного ограничения гонителями и врагами иммиграции в ее целом. *Пора уже устранить всякие сантименты* при обсуждении иммиграционного вопроса и обратить большее внимание на его расовую и экономическую стороны. При решении вопроса о том, каких именно иммигрантов мы должны допускать к высадке, следует помнить, что главнейшая наша обязанность — это та, которую мы несем перед собственной страной».

Нет ничего невероятного в том, что ограничительная иммиграционная политика приведет к тому, что в одно прекрасное утро границы Соединенных Штатов окажутся закрытыми перед широкими массами еврейских иммигрантов. Возможно, что и теперь уже удастся изолировать Америку от сплошной массы неимущих евреев путем дальнейшего повышения обязательной суммы, которую иммигранты должны предъявлять при высадке. Но, по моему мнению, не исключена и такая возможность, чтобы нерасположение американцев обратилось в сторону определенных народов и «рас» и чтобы доступ в страну был запрещен славянам или евреям *как таковым*. Как далеко свободолюбивые янки способны заходить в своих мероприятиях, видно хотя бы из их политики по отношению к китайцам. Всем известно, что уже в настоящий момент в Соединенных Штатах довольно широко распространена острая ненависть к евреям. Социальный антисемитизм по ту сторону океана гораздо сильнее, чем в какой бы то ни было европейской стране. Он там беспрестанно растет по мере увеличения количества евреев и их успехов. Стоит вспомнить хотя бы тот факт, что в одном Нью-Йорке живет больше миллиона евреев, почти вдвое больше, чем во всей Германии, более четверти (26%) всего нью-йоркского населения. Уже теперь почти весь Broadway завоеван еврейскими торговцами и сфера эко-

номической деятельности евреев все более и более расширяется; уже теперь все земельные дела (real-estate) и торговля готовым платьем находятся в руках еврейских купцов. Там ежеминутно может случиться, что сильно развитый «социальный антисемитизм» примет экономическую, а затем и политическую окраску и проявится в специально против евреев направленных иммиграционных ограничениях. За последние дни много говорилось об исключении паспортных параграфов из русско-американского торгового договора. Немецкая либеральная печать простодушно усмотрела в требовании Америки предоставить ее гражданам еврейского происхождения свободу передвижения в России проявление ультрадемократического настроения. На самом же деле там действовали совершенно другие причины: Америка хотела использовать придирчивое отношение к американским евреям в России, дабы получить право на административные репрессии по отношению к русским (т. е. еврейским) иммигрантам, не причиняя себе этим никаких дипломатических затруднений. Вот почему американское правительство так подчеркивает этот пункт. В такой именно связи этот вопрос недавно обсуждался довольно открыто в союзном конгрессе.

Что же будет с восточноевропейскими евреями, если Америка закроет перед ними двери, а на своей родине жизнь станет им совсем неведомой? Не осуществится ли тогда программа Победоносцева, предсказавшего русским евреям, что из них одна треть иммигрирует (эта часть его пророчества уже почти сбылась), треть вымрет с голоду, а треть отречется от своей национальности?

В результате всех этих наблюдений мы можем установить, что в Восточной Европе евреи находятся в крайне тяжелом положении, что они испытывают нужду и боль в самом элементарном смысле этих слов — нужду в пище и боль в теле. Из этого взгляда на положение вещей прямо и естественно вытекает вполне определенная политика: необходимо изыскать пути и средства к поселению евреев компактными массами на какой-нибудь другой территории, не задевая, однако, этим какого-нибудь дру-

гого национального организма. Проблема восточных евреев есть проблема устройства и призрения, точнее говоря, проблема переселения и колонизации. Проницательные люди давно уже пришли к этому заключению, и за последние десятилетия были приложены старания к рациональному разрешению еврейской колонизационной проблемы.

Считая излишним останавливаться на отдельных деталях, так как настоящий очерк имеет целью наметить только основные линии будущей эволюции и обратить внимание на общие точки отправления еврейской политики, я не нахожу возможным распространяться здесь о различных фазисах еврейской колонизации и дать полное представление о многочисленных попытках колонизировать еврейские массы. Попытки в этом отношении были сделаны еще до начала 80-х годов прошлого столетия, когда первые приступили к устройству еврейских колоний в Палестине. В 1884 г. был основан кружок «Эздра», поставивший себе целью поддерживать еврейских земледельцев в Палестине и Сирии; в 1889 г. образовалось в Одессе Общество вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине. В 1891 г. возникло крупнейшее еврейское колонизационное общество.

Наиболее полное и яркое свое выражение еврейские колонизационные стремления нашли в сионистском движении, возникновение которого относится к 1897 г., когда на первом сионистском конгрессе была выработана так называемая «базельская программа», основные принципы которой не потеряли с тех пор своей силы и значения. Согласно этой программе, «сионизм стремится к созданию для еврейского народа правоохраненного отечества в Палестине».

Но единство этой колонизационной политики просуществовало недолго. Через несколько лет после основания сионистского движения всплыл проект, который, как казалось тогда, мог бы направить еврейские колонизационные стремления на совершенно другой путь: с известной стороны имелось в виду предоставить евреям

Уганду для колониционных целей. Многими этот план был принят с энтузиазмом, и среди сионистов образовалась партия угандистов. Когда впоследствии угандийский проект обанкротился, осталась все-таки идея: необходимо где-нибудь на земном шаре найти территорию, которая могла бы служить целям еврейской иммиграции и на которой евреи могли бы основывать независимые колонии, а если окажется возможным, создать также самостоятельное государство.

Сторонники этой идеи называются территориалистами. Они пытались противопоставить сионистской организации свою еврейско-территориалистическую организацию, которой, однако, не удалось привлечь на свою сторону широкие слои народа. Наряду с сионистами идут своим особым путем отдельные группы, которые, хотя и направляют свои взоры на колонизацию Палестины, не признают, однако, конечной цели сионизма — основания еврейского государства. Это так называемые «филантропы».

Людям со стороны чрезвычайно трудно выработать себе определенное мнение о преимуществах той или другой партии, в особенности если они не ознакомились непосредственно с различными колониционными странами. Стороннему наблюдателю кажется все же несомненным, что сионистские стремления постепенно побеждают все остальные течения (я пока имею в виду их успехи в постепенном осуществлении колониционной идеи, единственно интересующей нас тут). Причина этой победы коренится, может быть, главным образом в том обстоятельстве, что нет теперь какой-нибудь другой подходящей территории, которая могла бы приютить страдающих евреев, но сама Палестина обладает многими преимуществами перед другими территориями: она — святая земля, она — страна отцов, связанная с тысячами воспоминаний и преданий, которые снова оживают в душе верующего еврея, как только он вступает в обетованную страну. В колониционном отношении Палестина имеет, кроме того, большое практическое преимущество перед другими странами, так как только в этой стране евреи уже при-

обрели долголетний опыт, так как детские болезни, неизбежно сопровождающие развитие всякой колонизации, частью уже преодолены там и, затем, в одной лишь Палестине еврейские колонии достигли действительного расцвета.

Наиболее веское из возражений, раздающихся против Палестины в качестве убежища, хотя бы для восточных евреев, заключается в том, что колонизационное дело в Палестине пока весьма незначительно по своим размерам и поселения еврейских эмигрантов в прежних размерах далеко не достаточно, чтобы можно было обходиться без такого иммиграционного пункта, как Америка. Количество евреев в Палестине, которых в 1878 г. насчитывалось всего 34 000 человек, достигло в 1907 г. 55 000, а в 1909 г. — 95 000. В колониях пристроилось не более 7250 душ. Можно ли сравнить эти цифры с теми сотнями тысяч и миллионами, которые за этот промежуток времени переселились из Восточной Европы в Америку?!

Знатоки Палестины и смежных с нею стран уверяют, что при систематической колонизации можно там поселить гораздо большее количество людей, если кроме Палестины включить еще Кипр, Анатолию, Месопотамию и другие области. По их словам, при более интенсивной агитации гораздо большее количество людей фактически переселилось бы в упомянутые области.

Если эти возможности действительно существуют, то следует пожелать от всего сердца, чтобы все течения, ставящие себе целью опочвление восточных евреев, объединились на систематической и энергичной колонизации Палестины и близлежащих стран; чтобы они объединились на первых порах для одной только трезвой, практической цели — создать для возможно большего количества евреев соответствующие человеческому достоинству условия существования. Стоит ли особенно энергично добиваться именно сельскохозяйственной колонизации — мне представляется сомнительным. Евреи многого достигли бы и в том случае, если бы им удалось укорениться в этих провинциях в качестве промышленников и торговцев. Многие говорят за то, что эти страны

снова займут такое же положение в сношениях между Западом и Востоком, какое они занимали в средние века. Тогда компактное еврейское население в качестве аванпоста на Востоке будет ценным приобретением также для всех европейских народов именно в коммерческом отношении.

Да увенчается успехом работа сионистских оптимистов, дабы предлагаемый ими путь привел к разрешению хотя бы части «еврейского вопроса» — к разрешению судьбы восточноевропейских евреев.

III. АССИМИЛЯЦИЯ

Жизнь евреев в западноевропейских государствах и Америке является прямой противоположностью положению восточноевропейских евреев. Тут не может быть речи о специфической *Judennot* (еврейской нужде), по крайней мере в том смысле, чтобы евреи нуждались в воздухе и свете. Среди западных евреев, именно в Германии — а за последнее время и в Англии и Америке, среди новоприбывших, — попадает еще, правда, очень много жалких и придавленных существ, но, взятое в целом, еврейство завоевало себе здесь далеко не последнее место. Социальный подъем этих частей еврейского народа, которые всего каких-нибудь сто лет, а то и одно-два поколения тому назад составляли презренную, бедную массу, совершился беспримерно быстро и блестяще. Повсюду западные евреи завоевали себе руководящие места в экономической жизни. Моя книга «Евреи и экономическая жизнь» имела целью иллюстрировать это рядом отдельных доказательств. Теперь уже известно, что четверть всех должностей в наблюдательных советах германских акционерных обществ и свыше восьмой части всех директорских постов заняты евреями. Известно также, что повсюду — в Западной Европе, — где существует возможность сопоставлений, евреи оказываются втрое-вчетверо богаче христиан; что в больших городах, где евреи играют видную роль, — в Бреславле, Франкфурте-на-Майне,

Маннгейме, Берлине, — от 25 до 33% общей суммы подоходного налога поступает от них.

И в областях культурной жизни евреи большей частью завоевали себе видное положение, далеко превосходящее их количественное отношение к общему населению. Само собою понятно, что в области чисто культурной жизни невозможно привести такие же убедительные цифры, какие я привел по отношению к хозяйственной жизни в упомянутом труде. Все же мы располагаем некоторыми данными, способными разъяснить нам много интересного в вопросе о роли евреев в духовной и общественной культуре. Мы можем, например, точно установить, насколько евреи превосходят христиан своим участием в «благах» высшего образования: в высших мужских школах на каждые 10 000 душ общего количества населения приходится:

Христианских учеников:		Еврейских учеников:
в Пруссии	61	385
в Берлине	102	430

Из 100 детей школьного возраста посещают высшие мужские школы 3.34 христианских, 26.67 еврейских.

В Берлине, где, по данным 1605 г., жило 31.75% всех прусских евреев, на каждые 100 детей, получивших (в 1906 г.) больше, чем школьно-элементарное образование, приходилось 14.07 у христиан, 67.53 у евреев.

Учащихся в высших учебных заведениях приходится на 10 000 человек 4.71 у христиан, 31.77 у евреев.

Этим цифрам соответствует их фактическое участие в нашей духовной и артистической жизни. Считаю излишним распространяться о том, что евреи если не держат всецело в своих руках наше искусство, нашу литературу и музыкальный рынок, наш театр и большую прессу, то, во всяком случае, — надо сказать это смело — они влияют на них самым решительным образом.

В политической жизни они тоже стали играть выдающуюся роль за короткое время, в течение которого у них

была возможность принимать в ней участие вообще. Возникновение либерализма и, может быть, в еще большей степени социализма также не обошлось без существенного участия евреев. Они выдвинули из своей среды ряд выдающихся государственных деятелей, начиная с Дизраэли и Гамбетты и кончая Луццати и Дернбургом. Во Франции некоторое время тому назад из 84 префектур 21 находилась в еврейских руках. В Германии они «едят золотыми ложками» за столом кайзера. Одним словом, этот удивительный народ сделал сказочные успехи за короткий промежуток времени, отделяющий его от порабощенного состояния, повсюду, где ему была предоставлена свобода действий.

Все это — общеизвестные факты, о которых я только напоминаю, так как они легли в основу моих дальнейших рассуждений о вероятной (или желательной) будущности западных евреев. Именно потому, что евреи сделали за последние поколения столь крупные успехи во всех областях культурной жизни, именно потому, что они занимают теперь столь широкие позиции во всей Западной Европе и Америке и стали одним из важнейших факторов в жизни культурных народов; именно потому, что в будущем их значение и влияние, без сомнения, увеличатся, то — так заключают многие евреи и неевреи — естественный ход вещей ведет к «ассимиляции», и постепенное «растворение» еврейских элементов в организмах окружающих их народов является целью, на которую должны быть направлены все силы. Препятствия, стоящие на пути к осуществлению этой цели, по их мнению, крайне незначительны: так как нет особой еврейской расы, особого еврейского коллектива, основанного на антропологической общности, который находился бы во внутреннем противоречии ко всем другим народам, так как, в сущности, вообще нет «евреев», а есть только немцы, французы, англичане Моисеева вероисповедания, то единственное препятствие, стоящее на пути к окончательному слиянию «израэлитов» с инаковерующими, — вероисповедания различные — возможно устранить легчайшим образом путем перехода в христианство. То, что,

может быть, отделяет еще евреев от неевреев, в частности и существующее нерасположение к евреям со стороны других народов, объясняется гипнозом средневековых пережитков, которые будут изгнаны из жизни распространением просвещения. Впрочем, контрасты между евреями и другими европейскими нациями уже «начинают сглаживаться» и со временем совершенно исчезнут. Ассимиляционный процесс, рассматриваемый как процесс заживания раны, непрерывно усиливается. Что еще, пожалуй, могло бы задержать его развитие — это резкое подчеркивание мнимых контрастов, существующих между евреями и неевреями, это громкое напоминание о самом факте существования евреев или, что еще хуже, проявление особой еврейской самобытности. «Еврейский вопрос» существует, по их мнению, только в головах нескольких «профессиональных антисемитов» («Geschaeftsantisemiten») да присоединившихся к ним за последнее время разных «сомнительных» элементов из среды самих же евреев (тут подразумеваются представители национально-еврейского движения), которые хуже худших антисемитов. С их точки зрения, лучше поэтому совсем не говорить на эту тему и замалчивать все то, что противоречит политике затушевывания.

Я уже сказал, что это главным образом точка зрения большой еврейско-либеральной печати, благодаря которой более или менее точные сведения о еврейском национальном движении не проникают даже в еврейские круги, уже не говоря о нееврейских. Сколько христиан или даже евреев имеют у нас хоть малейшее представление о богатой национально-еврейской литературе, о многочисленных еженедельниках и ежемесячниках, представляющих точку зрения «еврейского ренессанса», гордого еврейства? Всех их, получающих свою ежедневную духовную пищу в уготованных для них порциях со столбцов либеральных газет, систематически держат в неведении по поводу великого национального движения, пускающего глубокие корни в еврейской среде. Когда-нибудь мир поразится, когда он увидит, что в еврействе движутся совершенно другие силы и ставятся совершенно

другие цели, чем это можно было предполагать, судя по отношению либеральной прессы. Я, впрочем, остановлюсь пока не на этом национально-еврейском движении, а на том сейчас еще всемогущем течении, которое хотело бы стереть это движение с лица земли, ибо оно энергично борется против его политики — политики «прогрессирующей ассимиляции». С этой ассимиляционной политикой мы должны несколько ближе ознакомиться — мы должны сначала попытаться выработать себе самостоятельное мнение о ней.

Вопрос об ассимиляционной политике в свою очередь разделяется на два совершенно самостоятельных вопроса:

1) Желательна ли «ассимиляция» евреев с другими народами?

2) Возможна ли ассимиляция?

Первый вопрос я пока оставляю без ответа; я прежде всего остановлюсь на втором вопросе — возможна ли «ассимиляция» евреев с европейскими народами (в пределах нашего исторического предвидения, с которым всегда следует считаться при выработке политических взглядов)?

На этот вопрос раздаются чрезвычайно разнообразные ответы, смотря по смыслу, вкладываемому в слово «ассимиляция». На самом деле под ассимиляцией у нас понимают совершенно разнородные вещи.

С первого взгляда под этим словом можно понимать не более как отказ от самобытности, отречение от известных нравов и обычаев, отрицание своей принадлежности к определенному коллективу. Если так понимать ассимиляцию, то каждому человеку предоставлена возможность ассимилироваться по своему свободному усмотрению, сколько его душе угодно. Если еврей, как мы это часто слышим, заявляет, что у него уже больше нет ничего общего с еврейством, с его воспоминаниями и традициями, что он себя уже не «чувствует» евреем, если он уже не соблюдает субботу, ест свинину и, обобщая, называет это «ассимиляцией», то никто в мире не может помешать ему это сделать. Он ассимилирован (по его мнению).

Но тогда «ассимиляция» означает не более как уподобление, как социальную мимирию. Еврей может усвоить особенности окружающей его обстановки: он может подражать нравам и обычаям народов, среди которых он живет, он может соблюдать их праздники, приноравливаться к их житейским привычкам, одним словом, он способен, если можно так выразиться, «вжиться» в чужие народы, он может приладиться ко всему их характеру, как короед к коре. Для того чтобы достигнуть цели в этом отношении, энергичная воля должна быть еще связана с некоторым талантом приспособления, в котором евреям отказать нельзя. В своей книге о евреях я пытался доказать, что чрезвычайно развитая способность приспособления есть как раз отличительная черта еврейского характера. Существуют, конечно, границы «ассимиляции» в этом ее смысле. Так именно, где в наклонностях обнаруживаются специфически-расовые моменты, даже еврею не удастся при лучшем своем желании замять их.

Эти моменты особенно проявляются в выражении лица и во всем том, что можно назвать манерами и жестами. При страстном стремлении к ассимиляции возможно все-таки достигнуть довольно высокой степени уподобления к окружающей среде, собственные намерения которой, во всяком случае, не участвуют в таком ассимиляционном процессе.

Совершенно другой характер примет этот вопрос, если под ассимиляцией понимать слияние различных народов, соединение различных этнических составов в одно народное целое, растворение отдельных народных элементов в одном национальном организме. Но такого рода ассимиляция, которую, собственно, и следует иметь в виду, когда говорят об ассимиляции евреев, отнюдь не зависит от воли одной только стороны.

Идет ли речь об ассимиляции в высшем расовом смысле этого слова, в смысле физиологического скрещивания через смешанные браки, или же в культурно-социальном смысле, т. е. в смысле окончательного слияния особенностей, чувств и ощущений, волевых побуждений и направления мысли, — обязательно необходимо участие двух

сторон, чтобы в конечном счете были устранены все контрасты, чтобы объективно исчезли всякие различия в характере, чтобы субъективно стерлось всякое сознание несходства, не говоря уже о нерасположении и тем более о неприязни. В таком смысле ассимилировались отчасти различные элементы европейских народов в промежутке между падением Римской империи и образованием современных больших национальных союзов в пределах этих же самых союзов, как, например, кельты и германцы во Франции, славяне и германцы по эту сторону Вислы, германцы и романы в Италии и т. д.

Я нахожу, таким образом, что ассимиляция евреев в смысле полного слияния не сделала никаких успехов за последнее поколение и что также в будущем она будет встречать сильные препятствия.

Правда, количество смешанных браков между евреями и христианами непрерывно растет: такие браки теперь составляют (средним числом за 1905–1908 гг.) в Германии 22.2% всех чисто еврейских браков, а в 1909 г. они достигли 25.3%. В Берлине они в 1905–1906 гг. достигли даже 43.8%, а в Гамбурге — 49.5%. За последние десятилетия их число быстро возрастало: так, в период между 1876 и 1884 гг. в Пруссии приходилось еще (средним числом) не более 105 смешанных браков на каждую тысячу чисто еврейских браков, между 1885 и 1894 г. они доходили до 169, между 1900 и 1904 г. — до 163. В настоящее время их приходится до 252 на каждую тысячу чисто еврейских браков.

Но над расовой ассимиляцией евреев с северными народами как бы повис злой рок.

Кажется, будто природа не хочет этого соединения. Она мстит смешанным бракам проклятием бесплодия. По данным д-ра Вит-Кнудсена (1895 г.), число бездетных браков вообще не превышает 11%, между тем как христианско-еврейские браки дают целых 35% бездетных. В то время как на каждую еврейскую семью приходится в среднем по 2.65, а на каждую христианскую семью по 4.13 детей, смешанные браки дают не больше чем по 1.31. Меньшую плодовитость смешанных браков следует объ-

яснять отчасти тем обстоятельством, что они заключаются главным образом в культурных и богатых кругах и что, будучи большей частью недавнего происхождения, они еще не могли дать столько детей, сколько браки, давно заключенные.

Не следует, впрочем, упускать из внимания, что значительная часть «смешанных» браков заключается между крещеными и некрещеными евреями.

Но и *души* вступающих в смешанные браки больше подвержены испытаниям и разочарованиям, чем души тех, которые сохраняют свою кровь в чистоте.

Как бы чарующе красивыми и высокоодаренными ни казались дети от смешанных браков, они все же лишены, по-видимому, того душевного равновесия, которое сохраняют дети от браков представителей одной и той же расы: среди них встречаются довольно часто люди, дисквилиброванные в интеллектуальном или моральном отношении, которые доходят до нравственного падения, кончают самоубийством или умопомрачением (хотя при нынешнем состоянии науки у нас еще нет по этому поводу надежных данных, и приходится поэтому довольствоваться личными наблюдениями). Более определенно можно говорить о часто пробивающейся еврейской физиономии у детей, происшедших от смешанных браков, до того, что иногда спустя несколько поколений обнаруживается, к боли и огорчению родителей, желавших «ассимилироваться», примесь еврейской крови. К этому присоединяется еще и момент сознания, которым неумолимо задерживается этот процесс, даже если он прошел через физиологическое скрещение. Они *сознают*, что тут соединились евреи и неевреи, и это сознание их не покидает. Об это сознание разбиваются пока все попытки расового слияния. Так оно будет продолжаться, покуда широкие массы населения с той и другой стороны ощущают еще различия и контрасты в культурно-социальном отношении.

Как бы это странно ни звучало, приходится все-таки констатировать, что моменты сознания (которые сами, естественно, находятся в связи с расовым происхождением) проявляются сильнее, чем физиологические особен-

ности. Действительное слияние двух национальных элементов не может произойти чисто механическим путем скрещения. Для этого скорее требуется общенародная *воля* — в таких, конечно, случаях, когда речь идет об ассимиляции меньшинства, как, например, в данном случае о евреях.

Если бы даже в такой, например, стране, как Германия, многие совершеннолетние евреи и еврейки обнаруживали готовность вступать в брак с христианками и христианами, если бы даже, с другой стороны, столько же христиан и христианок были на это согласны, то при неодобрительном отношении остальных 99% немцев к такому слиянию и это не привело бы к цели — к устранению контрастов. Вот почему при желании определить перспективы еврейской ассимиляции следует обратить внимание на содержание и формы сознания широких масс, раньше всего выяснив вопрос, ослабели ли за последнее поколение контрасты между евреями и неевреями, обнаруживают ли они теперь тенденции к ослаблению в будущем.

На этот вопрос следует, по-моему, дать самым решительным образом отрицательный ответ.

Нет, правда, никакой возможности доказать эмпирически, тем более цифровыми данными, что высказанный мною взгляд соответствует действительности, ибо единственным материалом для установления этого положения являются наши личные наблюдения, которые по природе своей не могут не страдать пробелами. Но если наблюдения всегда приводят к одним и тем же результатам, если собственные впечатления находят себе подтверждение во впечатлениях многих других наблюдателей, если тысячи признаков свидетельствуют о том, что они соответствуют действительности, то и личные наблюдения приобретают в конце концов известную доказательную силу. Эти наблюдения бесспорно устанавливают, что контрасты между евреями и неевреями ощущаются теперь во всех слоях населения и во всех странах гораздо сильнее, чем это было до сих пор, и то, что не совсем удачно окрестили у нас названием «социальный антисеми-

тизм», повсеместно усиливается и распространяется, но отнюдь не ослабевает. Я этим не хочу сказать, что ощущение контрастов или по меньшей мере несходства всегда заключает в себе и чувство ненависти или нерасположения. Впрочем, не это тут важно. Решающее значение имеет тот факт, что этнические особенности различных народов повсюду ощущаются теперь нееврейским обществом и многочисленными евреями гораздо резче, чем, скажем, тридцать, пятьдесят или полтораста лет тому назад.

Это впечатление становится за последнее время более обоснованным благодаря тому, что мы имеем возможность ясно проследить источники усиливающихся контрастов между отдельными национальными группами; недостаточное «эмпирическое» доказательство подкрепляется или дополняется своего рода «дедуктивным» доказательством.

Не подлежит никакому сомнению, что контрасты между различными расовыми группами (т. е. между группами, не находящимися в близком кровном родстве) обостряются или по меньшей мере рельефнее выступают наружу по мере того, как они входят во взаимное соприкосновение, благодаря которому расширяется почва для межгрупповых трений. Пока американские негры находились еще в рабском состоянии, не могло почти быть речи о неприязни белых к черным; их держали там на таком далеком расстоянии от себя, что никому и в голову не приходила мысль о нерасположении к ним, так же как не может быть речи о неприязни к вьючным животным, которыми пользуются для своих целей. Теперь же, когда негр проникает уже во все поры американской жизни, в душах белого населения накопилось чрезвычайно много злобы. А национальные конфликты, ожившие за последнее время в Европе, разве не обязаны всецело своим существованием тому обстоятельству, что развитие капитализма уничтожает этнографическое единство различных территорий и приводит, таким образом, отдельные народы во взаимное соприкосновение?

То же самое произошло и с евреями. Пока они были бесправным народом, ютившимся в своем гетто, их,

правда, согласно традиции, «презирали», но до интенсивного ощущения контрастов, до ненависти и злобы доходило разве лишь в те моменты, когда народ восставал против «ростовщиков» и «кровопийц», когда наступал час «великой расплаты» с ними. В повседневной жизни слишком редко приходилось слышать что-нибудь о еврее. Его мало знали, его редко замечали, часто даже не чувствовали его существования, не было тогда никаких поводов, которые могли бы вызвать развитие сознания внутреннего противоречия. Все это изменилось с наступлением эмансипационного периода, когда евреи стали внедряться во все области культурной жизни. Для купца, промышленника, ученого, врача, адвоката, чиновника, художника представился случай войти в ежедневное соприкосновение с евреями и ознакомиться с их национальными особенностями. Ежедневно создавалась новая почва для взаимных трений, ежедневно перед глазами отдельной личности конкретно проявлялись различия и контрасты между обоими народами или расами. Нет поэтому ничего удивительного, что сознание этих различий и контрастов стало уже теперь всеобщим. Ясно также, что взаимные отношения становятся все более и более натянутыми, по мере того как общение между евреями и окружающей их средой становится более тесным.

Так я объясняю себе тот факт, что в странах, где евреи еще не пользуются полным «равноправием», где на административном поприще им прегражден путь к известным позициям, как, например, у нас, в Германии, отношения между евреями и неевреями менее натянуты, чем в таких странах, где эти ограничения уже не существуют, где евреи имеют свободный доступ ко всем официальным должностям и высшим постам, как, например, во Франции (Дрейфус!) или в Соединенных Штатах.

К этим объективным причинам, которыми объясняются все более обостряющиеся противоречия между евреями и неевреями, присоединяется еще ряд причин более субъективного свойства. Параллельно с внешними обстоятельствами и способы нашего восприятия внешнего

мира привели к тому, что теперь мы ощущаем противоречия там, где мы их прежде не замечали.

Под влиянием естественных наук наш взор значительно изощрился за последние десятилетия в наблюдении расовых моментов. (Возможно, что мы обратили теперь большее внимание на национальные особенности и потому еще, что им грозит опасность исчезновения со стороны прогрессивно развивающейся торговли, которая все более и более нивелирует их.) Одновременно с этим мы стали сознательнее и дифференцированнее в своих восприятиях, мы стали разбираться более критически в своих взглядах на человеческие особенности. Мы видим теперь в отдельной личности значительно больше особенностей, и как раз расовых особенностей, чем люди просветительной эпохи и даже представители церкви паулинов, которые ориентировались в окружающем мире главным образом с помощью идеологических категорий. То, что мы называем «реализмом» нашего времени, обнаруживается и тут. Мы потеряли уже чувство абстракции, которой наши отцы и деды охотно еще населяли мир: «человек», «гражданин» стали для нас понятиями, которым мы уже придаем значение не реальных явлений, а в лучшем случае регулятивных идей. Кроме того, наш интерес к вероисповеданию отдельной личности значительно уменьшился, между тем как в прежние времена он был до того силен, что под его влиянием все различия между людьми заслонялись особенностями религиозного сознания.

Когда мы теперь читаем Натана Мудрого, мы никак не желаем понять, почему это все действующие лица постоянно интересуются только различными религиями и их релятивным значением и даже ни у кого из них не является вопрос, какая кровь течет в жилах Рехи и храмовника, ни одному из них не приходит в голову, что странные расовые скрещения должны именно привести к действительным конфликтам.

С изменением угла зрения, из которого мы рассматриваем людей, должно было повыситься и ощущение национальной самобытности евреев. Это должно было при-

вести к тому, чтобы крещеный еврей оставался в наших представлениях и чувствах евреем, так как не может он «выйти из еврейской расы», к которой он принадлежит в силу своего происхождения, подобно тому как он выходит из еврейской религиозной общины.

Вывод, к которому нас постоянно приводят наши исследования в этой области, может, таким образом, заключаться только в следующем: окончательная ассимиляция, полное слияние с европейскими народами евреям до сих пор не удалось и, вероятно, никогда им и не удастся, ибо расовые различия между ними и «арийскими» нациями, очевидно, слишком велики.

Этот вывод заключает в себе глубокий трагизм. Мы на каждом шагу замечаем, как многие из лучших евреев стремятся к определенной цели: преодолеть самих себя, раствориться в окружающей среде, освободиться от тяжелой судьбы, ниспосланной на них Богом, — быть евреями. И они должны сознаться, что это страстное желание остается неудовлетворенным. Мы опять видим перед собою странствующего Агасфера, мы снова чувствуем, что, смертельно усталый, он не может умереть. Это снова привело теперь лучших представителей еврейского народа к заключению, что, так как невозможна национальная смерть, надо жить национальной жизнью.

Ибо альтернатива, перед которой поставлен еврейский народ, заключается не в том, сойти ли ему со сцены и бесследно раствориться в окружающей его среде — чему препятствует жестокая судьба, которая, быть может, принесла зато с собой и большое счастье, — или продолжать свою жизнь в качестве отдельного народа. Альтернатива эта совершенно другая: дать ли своей индивидуальности развеяться на все четыре стороны, отказаться ли от самого себя, отречься ли от себя и от своего великого прошлого (не переставая, однако, чувствовать себя евреем и быть таковым в представлении окружающих), или же вспомнить о самом себе и решиться: всей своей волей и горячей страстью сохраниться на веки веков в качестве самостоятельного национального организма, хотя бы наперекор всему миру.

IV. УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ «ВИДА»

Уничтожение или сохранение «вида»? В такой эпиграмматической форме можно определить альтернативу, перед которой поставлен еврейский народ, и там, собственно, где не приходится устранять специфическую «еврейскую нужду», всякая еврейская политика должна определяться ответом, который дается на эту альтернативу.

При этом я исхожу из предпосылки, что существует особая «еврейская раса», особенности которой не исчерпываются религиозным сознанием. Я не намерен объясняться тут с теми, которые отрицают существование такой особой еврейской расы, тем более что в своей книге «Евреи и хозяйственная жизнь» я посвятил пространную главу доказательству и характеристике еврейской национальной индивидуальности. Как я уже там выразился, в будущем вряд ли поверят, что в наше время были люди, которые не умели отличать евреев как представителей определенной нации или расы (как именовать евреев — в сущности безразлично) от негра, эскимоса, поморянина или южного француза. Как уже сказано мною, я считаю существование еврейской расы чем-то уже доказанным.

И если мне теперь предложат вопрос, нахожу ли я желательным сохранение этой расы, то я отвечу: трижды да — и по тысяче мотивам.

Прежде всего я всегда считаю плюсом, когда какой бы то ни было «вид» сохраняет свое существование на земле, ибо разнообразие «видов» имеет, по-моему вообще громадное значение, все равно — идет ли речь о «видах» растений, животных или людей. Мир должен быть многокрасочным, и вымирание самого ничтожного вида растительности или незначительного зоологического вида есть большое лишение. Ничто не должно нас так страшить, как обеднение мира формами живущего, и желание сохранить богатство форм должно возвыситься у человечества до степени страсти. Ведь мы теперь как раз переживаем время, когда человеческий тип проявляет все большую и большую тенденцию к опошляющему однообра-

зию. Кто наблюдал то пестрое разнообразие, которое приходится еще встречать среди эмигрантов на палубе большого американского парохода; чье сердце радовалось тем разнообразным одеяниям, наречиям, привычкам и песням, которые еще господствуют тут, кто заметил, что такой же самый многоцветный мир растворился за одно или два поколения в сером, скучном, монотонном «American man» (американце), — того охватит ужас перед будущностью человеческого рода, тот призовет на помощь все силы небес и преисподней для предотвращения такого пагубного и жестоко-разрушительного действия. А тут еще евреи хотят принять участие в этом уничтожении богатства «видов» среди людей, отрекаясь от самих себя и стремясь самым ревностным образом уподобиться другим существующим «видам»!

Сохранение каждого «вида» есть благо, и чем ценнее «вид», тем важнее его сохранение. Должен ли я прибавить, что в еврейском народе, рассматриваемом как целое, мы видим перед собой один из наиболее ценных «видов», произведенных человеческим родом? Какой огромный пробел образовался бы в человеческом мире, если б еврейская нация исчезла? Не останавливаясь на подробностях, мы ведь смело можем утверждать, что, начиная с пророческой эпохи, еврейский народ вносил великий этический тон в концерт человечества, что и в наше время этот тон вносится лучшими его сынами. Великий трагический пафос, облагораживающий материальный мир, происходит ведь, в конце концов, из Иудеи, и уж откуда он перенесся в христианство. Противопоставить эллинизму великий контраст — вот задача Израиля и в прошлом, и в настоящем. И кто больше всего ценит богатство форм во вселенной, и прежде всего в человеческом мире, кто рассматривает рост контрастов и противоречий в человеческом духе как высшую цель человечества — тот может ненавидеть антиэллинистический иудаизм со страстностью ницшеанской души, но он не пожелает его исчезновения из мира. Как обнищал бы мир, если бы в нем остались одни только американцы-зубоскалы или даже одни смеющиеся греки! Мы не хотим ли-

шиться когда бы то ни было глубоких, грустных еврейских глаз, ибо вместе с ними исчезли бы и другие красоты: удивительная меланхолия еврейской поэзии, проявившейся для нас в творчестве Генриха Гейне, еврейский юмор и многое другое, что нам дорого и обогащает мир.

Что особенно побуждает нас настаивать на сохранении «видов» — это убеждение, что сильное подчеркивание самобытности содействует улучшению и облагораживанию «вида». Чистый «вид» хиреет, если у него нет возможности развиваться самобытно, и именно та смесь еврейского, немецкого и других национальных элементов, которую приходится теперь наблюдать, сильно способствовала упадку всех «видов». Я желаю от всего сердца, чтобы этому неестественному смешению был раз и навсегда положен конец ко благу каждого отдельного «вида». Я этого желал бы в интересах нашей немецкой национальной души, дабы она освободилась от овладевшего ею еврейского духа и могла бы снова развиваться во всей своей чистоте. Я желал бы, чтобы «объевреиванию» столь широких областей нашей общественной и духовной жизни наступил конец — ко благу немецкой, но в равной степени и еврейской культуры, ибо не подлежит никакому сомнению, что и последняя не менее страдает от неестественного соединения. У меня имеется вполне ясное ощущение, что усердное стремление евреев распространить повсюду свое влияние, и именно в возможно более бесцветной, ненациональной форме, развило в самом еврействе далеко не лучшие его стороны. Значительная часть тех еврейских особенностей, которые доставляют нам, неевреям (и многим, о, как многим евреям!), особенно неприятное ощущение, обязана своим возникновением и развитием жажде ассимиляции, приспособления и тесного сближения. Бестактность, разлагающее направление духа — это настоящие «гнусные» недостатки ассимиляционно настроенного еврея, которые, несомненно, исчезнут, если стремление к национальному еврейству снова станет господствующим настроением среди евреев. Уже одно стремление к

сохранению и развитию еврейского «вида» пробуждает сознание положительных и отрицательных национальных качеств и побуждает к развитию первых и искоренению вторых. Тут действует воспитательный процесс, который никогда не может происходить, пока вообще не признают необходимым познать особую еврейскую индивидуальность, ни «хорошую», ни «дурную».

Но именно период, в который еврейство вступает теперь с началом еврейского Ренессанса, приведет, как и все периоды национального возрождения, к развитию положительных качеств в особенно высокой степени. Потребуется много самосознания, много самонадеянности, много мужества и твердости, чтобы держать себя по отношению к евреям и христианам, как национально настроенные евреи. Лукавство, хитроумная осторожность, раболепство, карьеризм, которые обязательно должна была порождать жажда ассимиляции, исчезнут. *Гордый еврей* — это великое приобретение для человечества в эпоху, когда все мужественные добродетели так низко ценятся!

И еще больше: вера, самоотверженность, энтузиазм, размах душевных стремлений и сердечная теплота проникнут в молодое еврейство, готовое объявить борьбу за свою национальность, находящуюся в опасности. Румяные щеки, светящиеся глаза, которые уже теперь можно наблюдать среди еврейской национальной молодежи, — какое это драгоценное сокровище в наше бледное время, когда идеалы все более и более выбрасываются за борт как ненужный балласт, дабы можно было возможно полнее нагружаться практическими интересами!

Если бы в пользу еврейского Ренессанса ничто не говорило бы, кроме этой его идеализирующей силы, то и тогда он должен был бы встретить одобрение и сочувствие со стороны всех друзей человечества. Круги, в которых горят эти идеалистические огоньки, будут расширяться со дня на день, тем более что национальное движение уже мощно поднялось среди еврейской молодежи и оно обещает все более и более расширяться и углубляться.

V. О ЕВРЕЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Постороннему человеку нет дела до того, как кто намерен привести в порядок свой дом. Но если дом находится в каком-нибудь поселении вместе с другими домами, то соседи имеют право и обязанность высказать свой взгляд, по крайней мере на внешнюю форму дома и его положение среди деревни. Так как другим народам далеко не безразлично, как евреи проведут в жизнь дело своего национального возрождения, то я не считаю бестактным вмешательством в чужие дела высказывание вкратце своего взгляда на различные возможности утвердить еврейство на новых началах.

Как известно, центральным пунктом еврейских национальных стремлений является вопрос о создании самостоятельного еврейского государства. Цель эта составляет ядро сионистской программы: сионизм требует основания еврейского государства не только в интересах успешной и широкой колонизации Палестины и соседних стран, но также исходя из глубокого убеждения, что оздоровление еврейской жизни возможно лишь тогда, когда снова создается чисто еврейский государственный и общественный организм, когда еврейский народ уже не будет состоять из вьющихся растений, обвивающих чужие деревья, а пустит корни в родной почве и выявит свою жизнь в мощных стволах.

Возможно ли осуществление такого грандиозного и смелого плана, как создание еврейского государства? Кто осмелится дать на этот вопрос решительный ответ? Я хочу только высказать свой взгляд в том смысле, что мотивы, обычно выставляемые против этой возможности, представляются мне неосновательными. Говорят, что евреи никогда, даже в лучшую пору своего существования, не отличались способностями государственного строительства, что они, таким образом, и теперь, отвыкши в продолжение тысячелетий от государственной жизни, уж больше не в состоянии создать самостоятельное государство. Так ли оно на самом деле? За последние поколения евреи, несомненно, выдвинули из своей среды

значительное количество гениальных государственных деятелей (достаточно для этого вспомнить имена Гамбетты и Дизраэли), а недостающее еврейским массам чувство государственной дисциплины может ведь восстановиться под сильным влиянием идейного воодушевления.

А затем еще один весьма скромный вопрос: должно ли это государство быть вполне самостоятельным?

Да разве недостаточно государства сузеренного? Греция под римским владычеством — разве это недостаточно высокая цель? Разве евреи не согласились бы дать снова властвовать над собою тетрархам?

Утверждение же, что евреи неспособны стать земледельцами и создать таким образом фундамент нормального государства, представляется мне недостаточно веским доводом. Во-первых, я никоим образом не исключаю возможности, чтобы среди евреев снова народился земледельческий класс, и если результаты, достигнутые до сих пор в этой области, незначительны, то все же уже имеется теперь пара тысяч еврейских земледельцев (в общем их насчитывается в Палестине 10–11 тысяч¹). Во-вторых, можно себе представить вполне нормальное государство, в котором совершенно отсутствует сильное хозяйство или же в котором им занимаются низшие и малоодаренные социальные элементы. Финикия, Венеция, Голландия и древнее еврейское государство служат блестящим доказательством возможности существования государственного организма без сельского хозяйства или с весьма незначительным крестьянским классом. И если в древние времена могло существовать самостоятельное государство без земледельческого сословия, тем более это возможно в наше время высокого развития денежного и кредитного хозяйства. Не подлежит, конечно, никакому сомнению, что интересы потерявшей почвы еврейской культуры, носящей на себе

¹ По имеющимся в нашем распоряжении данным, в Палестине насчитывается всего около 8 тысяч душ еврейского земледельческого населения, но доказательством возможности возвращения евреев к сельскому хозяйству могут также служить десятки тысяч еврейских земледельцев в России, Аргентине и Северной Америке. — *Примеч. пер.*

отпечаток большого города, требуют, чтоб она пустила корни в земле, но разве период «почвенной культуры» не прошел уже для всего человечества? Где теперь земные корни английской культуры? Где будут земные корни немецкой культуры через сто лет, если все пойдет по-прежнему? Должны ли именно евреи «опочвиться»? Не попытаются ли им снова взлелеять ноту «пустыни», которую они когда-то вносили в человеческий концерт как свою индивидуальную ноту? Тут само собою возникают тысячи вопросов, на которые, как мне кажется, здесь не место отвечать. Я хотел только сказать, что до сих пор не было приведено ни одно неопровержимое доказательство, из которого ясно вытекала бы утопичность идеи о создании самостоятельного еврейского государства; что страстная воля сионистов основать такое государство не направлена на явно безнадежную цель, что она не может быть поколеблена теми или другими рассудочными соображениями.

Самым ценным моментом во всем этом движении мне представляется сама эта воля. Дабы еврейский Ренессанс обладал центром, в который могли бы направляться все стремления, — маяком, который всем освещал бы дорогу, необходима такая конкретная цель, как идея самостоятельного еврейского государства. Для того же, чтобы было место, где еврейская индивидуальность могла бы развернуться во всей своей чистоте, желательно, чтобы еврейские мужчины и женщины с упорным национальным настроением, как это уже теперь наблюдается в Палестине (еще до основания государства), сконцентрировались на одном месте, дабы они могли излить свои горячие души в общую чашу.

Идея еврейского государства не должна отсутствовать в общей картине еврейского Ренессанса, если бы даже эта идея имела только регулятивное значение.

Но тут сразу возникает другой вопрос: какие именно евреи должны создать проектируемое еврейское государство? Какие именно евреи должны жить в Палестине (и, по-моему, в смежных с нею землях)?

Если прежде выставлялось требование (которое ставил еще Теодор Герцль), чтобы все еврейство или по крайней

мере большая часть его переселилась в Палестину, то теперь даже сионисты в большинстве своем отодвигают эту идею в область фантазии. И если бы настаивали на этом крайнем требовании, то сионистское движение сразу получило бы характер явной утопии, ибо характерной чертой утопии является выставление целей, для достижения которых отсутствуют необходимые реальные силы. Я не говорю уже о том, что переселение одиннадцати или двенадцати миллионов человек, даже если присоединить еще к Палестине большие части соседних стран, представляется почти невозможным (во времена своего расцвета Палестина вряд ли имела более трех миллионов населения; само собою понятно, что в настоящее время, если предполагать, что население будет заниматься торговлей и промышленностью, экономическая емкость Палестины расширится). Для того чтобы отказаться от плана переселения всего еврейства в Палестину, достаточно уже того трезвого соображения, что невозможно вызвать к жизни высокий идеализм в том масштабе, в котором это требуется для осуществления такого плана.

Даже гордые евреи, преданные телом и душою идее сохранения и усиления еврейства, в большинстве своем состоят из посредственных людей. А от посредственного человека нельзя ожидать продолжительного напряжения высокого идеализма (особенно если он не охвачен религиозным фанатизмом, делающим возможной продолжительность напряжения) воодушевляющего, может быть, к героической жизни тех мужчин и женщин, которые выступают теперь как носители еврейской национальной идеи, дабы положить начало новой жизни в «Святой земле», к которой они относятся как к своей древней родине.

И если бы даже случилось чудо и все евреи приняли бы в одно прекрасное утро решение переселиться в Палестину, то *мы* бы этого никогда не могли допустить. В одной только области хозяйственной жизни произошел бы такой катастрофический переворот, какого мы до сих пор не пережили, переворот, от которого наши народные хозяйства, может быть, никогда не оправились бы, ибо мы лишились бы своих богатейших и наиболее предприим-

чивых граждан, как их лишилась Франция, когда гугеноты оставили страну. Уж от этой потери, понесенной тогда Францией, хотя она была крайне незначительной в сравнении с теми последствиями, к которым привел бы «исход» евреев, — уж от этой потери французское национальное хозяйство до сих пор еще не оправилось. Во что превратились Испания и Португалия после изгнания евреев из этих стран — достаточно известно. Но и во всех остальных областях культуры евреи оставили бы невосполнимые пробелы, если бы они выселились из наших стран. Нет, не может быть серьезной речи о том, чтобы хотя бы значительная часть евреев — само собою разумеется, западных евреев — переселилась в Палестину.

Да разве необходимо для возрождения еврейского народа, чтобы все или по крайней мере большинство евреев жили в Палестине? Да так разве это было в древние времена? Разве в эпоху второго храма вне Палестины уже не жило больше евреев, чем в самой этой стране? И все же так они оставались верными Сиону? Можно поэтому представить себе, что еврейский народ, снова почувствовавший себя национальным организмом, будет представлен в Палестине только своим меньшинством, большинство же будет жить в диаспоре.

Какие же имеются средства, чтобы сохранить и укрепить сознание своего еврейства и в евреях, живущих в диаспоре? Подробно изложить этот путь невозможно, да оно, кроме того, выходит также из пределов, в которых такт позволяет мне, нееврею, говорить о еврейских делах, так как, в сущности, это действительно относится к внутренним делам еврейской общинной жизни.

Главным образом произойдет, вероятно, внутреннее преобразование, реформа идей и настроений: когда стремление к еврейству и верность своему национальному сознанию снова усилятся, то все остальные меры к восстановлению национального самосознания будут вытекать сами собою, как, например, культивирование традиций, развитие еврейской поэзии и искусства и т. д. Внешним признаком, так сказать, символом готовности оставаться евреями будет служить то, что все гордые ев-

реи останутся верными еврейской религии, даже те из них, которые идейно давно уже освободились от еврейской религиозной системы: они будут относиться к этой религии, как солдат относится к знамени.

Что нас ближе всего касается в этом возрождении национального еврейства — это то, что если еврейское национальное движение будет все более усиливаться (в чем приходится сомневаться), то мы впредь все меньше и меньше будем жить совместно с евреями, жадными до ассимиляции, и все более и более с гордыми евреями — с евреями, больше не пугающимися слова «еврей», готовыми, наоборот, сохранить и познать еврейство. Но тут возникает вопрос: как сложится, как может и должна сложиться совместная жизнь народов с национально настроенным еврейством? Это вопрос о будущем евреев среди нас.

VI. ЕВРЕИ СРЕДИ НАС

Должны ли мы — скажем, мы, немцы, — быть рады тем евреям, которых судьба внедрила в наш социальный организм? По существу, это праздный вопрос. Но праздные вопросы в большинстве случаев особенно возбуждают наше любопытство, и их охотно ставят там, где, как в данном случае, можно ожидать отрадного ответа. Ибо я глубоко верю, как я уже высказался в настоящем очерке и неоднократно высказывался и раньше, — я глубоко верю, что мы должны быть обязаны случаю (или провидению) за не совсем скудное присоединение еврейского элемента к той достаточно уже пестрой примеси, которую «мы, немцы», представляем собою. Именно там, где мы сохранили свои германские особенности в особой чистоте, кусок Востока, проникающий вместе с евреями в нашу серую северную страну, приобретает для нас значение настоящего освежения, ибо чистая «белокурость» могла бы, в конце концов, привести нас к вырождению. С чисто физической стороны — какую пестроту вносит смуглый восточный тип в нашу северную обстановку? Мы не хотели бы лишиться типичных Юдифей и Мири-

ам! Разумеется, они *должны* быть типичными и оставаться таковыми. Смугло-белокурого мишмаша мы не любим. Так оно обстоит и в духовной области. И тут мы были бы подвержены опасности задохнуться в своей «белокурости», если бы мы не чувствовали вокруг себя дыхания горячих, восточных душ наших еврейских сограждан. Пылкий темперамент, возбужденная предприимчивость, особая духовная подвижность — все это нам необходимо для нашей культуры, как (я уж однажды воспользовался этим примером) муке необходима закваска, для того чтобы стать хлебом.

Одного я желал бы, чтобы евреи, живущие у нас, были лучше, т. е. равномернее, распределены по стране и различным культурным областям, чем они теперь распределены. Мы были бы им еще более рады, если бы они не сосредоточивались густыми массами в отдельных пунктах и дали нам возможность свободнее дышать. Но этот недостаток будет, может быть, устранен самим временем.

Мы часто слышим из еврейских уст уверение, что, и будучи евреем можно быть немцем, австрийцем или русским «душой и телом». Чувствуется также, что они на самом деле привязаны к новой родине (которая для многих из них стала уже довольно старой родиной, порою более старой, чем для многих из нас, происходящих, может быть, от немцев, переселившихся из Франции в XVII или XVIII в.).

Неужели же так и не найдется форма, в которой обе национальные группы — еврейская и, скажем, европейская — могли бы жить дружно и в интересах общего блага, даже если евреи останутся евреями и все более и более захотят быть таковыми?

Мы часто слышим следующее возражение: если еврейская национальная индивидуальность будет все более и более развиваться, то это прямо приведет обратно в гетто и уничтожит те культурные ростки, которые могут расцветать только за стенами гетто. Я считаю это возражение абсолютно несостоятельным. Евреи нашего времени, как и евреи будущего, которые будут стремиться к еврейскому Ренессансу, сами не захотят восстановления гетто.

Они постараются создать культуру, которая будет, правда, вытекать из еврейских источников, но которая будет зато развиваться на свободе и черпать силы и соки из дождя и солнечного сияния свободного духа нашего времени. Они также не откажутся и от участия в пользовании благами других культур, как они отказывались когда-то, в гетто. Как германские евреи, они также будут любить Баха и Бетховена, Гёте и Швинда, они также будут наслаждаться ими, как мы, немцы, черпаем радость и наслаждение из творений Шекспира и Мекеланджело, Россини и Толстого. «Современный» человек, если он даже стоит обеими ногами на родной почве своего народа, проникает все-таки всем своим существом во многие чужие культуры и живет в их атмосфере. Почему же еврею, чувствующему себя евреем, не проникаться глубоко немецким духом, точно так же, как мы, немцы, быть может, будем радостно и с признательностью встречать все то оригинальное, что создает душа еврейской нации?

Но в общественной жизни, говорят нам, будут встречаться большие затруднения, если евреи захотят оставаться евреями. Посмотрим.

В хозяйственной жизни роль евреев, во всяком случае, не уменьшится оттого, что они будут твердо придерживаться своего еврейства. В своей обширной «Книге о евреях» я именно пытался доказать, что значительная часть успехов, достигнутых евреями в области хозяйственной культуры, обязана еврейским национальным особенностям. Если бы в будущем уменьшилось их влияние на хозяйственную жизнь, — что, вероятно, и произойдет, так как христиане уже созрели для сложной хозяйственной деятельности, а также потому, что развившийся капитализм с его склонностью к бюрократизму не так уж нуждается в специфически еврейских талантах, как ранняя и средняя капиталистические эпохи, — то лучшие представители еврейского народа даже не будут скорбеть об этой перемене обстоятельств, ибо они глубоко сожалеют по поводу исключительного поглощения их талантов хозяйственной жизнью и склонности широких еврейских масс к чисто экономической деятельности. О том же, чтобы ко-

гда-нибудь над нашими евреями разразилась действительная экономическая нужда из-за того, что они твердо придерживаются своего еврейства — как это случилось с их единоплеменниками на Востоке, — не может быть никакой речи, ибо лишение прав, которое могло бы вызвать такую нужду, находится вне пределов вероятности, а с помощью прав, которыми они теперь уже обладают, они легко и во всякое время завоюют себе свое место в капиталистическом мире.

Мне представляется вполне естественным, что они будут принимать неограниченное участие в государственной жизни, пользуясь всеми государственно-гражданскими правами и исполняя все повинности. Что изменится оттого, что евреи будут сохранять свои национальные особенности больше, чем до сих пор? Разве невозможно быть одновременно сознательным евреем и очень хорошим немцем (в государственно-гражданском смысле слова)? Что общего между национальным самосознанием и государственно-гражданскими чувствами? Конечно, наше всенивелирующее время и наши бездарные государственные деятели ставят себе целью «уравнение» всех граждан и в культурном, и в национальном отношении, но такая цель ведь в высшей степени вредна. Ведь для такой, например, страны, как Германия, это означало бы ужасное обеднение, если бы здесь были стерты индивидуальные черты одних только немецких племен и однообразное «пруссачество» задушило бы все цветы немецких особенностей, уже не говоря о том, что было бы, если бы захотели насильно уложить в прокрустово ложе единой культуры те немногие иноплеменные элементы, которые вкroppились в немецкий государственный организм. Мы должны быть искренне рады всякому национально настроенному поляку и всякому «французскому» французу; мы должны оберегать их особенности, и прежде всего их языки, как драгоценное сокровище, при том, конечно, условии, чтобы принадлежность к чужой нации и принадлежность к немецкому государственному организму были согласованы между собою. Если бы они восстали против государства, они были бы государственными

изменниками и как таковые они по закону были достойны виселицы. То же самое, я думаю, может относиться и к евреям. Чем национальнее — тем лучше. Они поэтому могут быть наиболее миролюбивыми, услужливыми и налогоплательственными (!) гражданами в мире. Разве немецкие, французские и итальянские швейцарцы не хорошие немцы, французы и итальянцы, оставаясь все-таки преданными гражданами Швейцарии? Само собою понятно, что «управление» несколько затруднено, когда невозможно всех подданных «стричь одним гребнем», но мы ведь, в конце концов, не должны выкраивать свою будущность в расчете на бездарность «правителей».

Но тут приходится затронуть в этой области еще один пункт, вокруг которого особенно клокочет борьба страстей: это вопрос о замещении государственных должностей, а именно офицерских и некоторых чиновничьих должностей, евреями. Как известно, у нас, в Германии, различные ведомства молчаливо практикуют обычай многих должностей, как например, должностей офицеров и — ах! — даже запасных офицеров, совершенно не предоставлять евреям, другие же должности — административные, судебные и профессорские — предоставлять им в ограниченном количестве. Правда также, что затруднительность доступа к этим должностям для крещеного еврея если не совсем устранена, то, во всяком случае, менее значительна; что гордый и преданный своему народу еврей, если это будет практиковаться и в будущем, будет находиться в менее выгодном положении, чем его менее устойчивый соплеменник. Но тут возникает вопрос: имеют ли блага, которыми пользуется крещеный еврей, и невыгоды, испытываемые гордым евреем, существенно решающее значение для жизни?

Я крайне затрудняюсь дать положительный ответ на этот вопрос. Откровенно говоря, я абсолютно «лишен тех органов», посредством которых я мог бы получить действительное понятие об этих деликатных материях. Какое значение может иметь для способного человека тот факт, что он не может исполнять некоторых немногочисленных ролей? На самом деле так необходимо быть офице-

ром, а то и совсем запасным офицером? Очень ли нужно ученому, действительно любящему науку, чтоб он был непременно утвержден в звании ординарного профессора? Не сущие ли это пустяки для человека, что-нибудь знающего и для чего-нибудь годящегося, занимает ли он официальное место в какой-то чиновничьей иерархии или нет? Так ли уж беден мир возможностями сделать свою жизнь полезной и достойной? Повторяю: я не понимаю этого тяготения к государственной службе, как я, впрочем, не понимаю и того, как это еврей, который купил такое место себе и своим детям ценою отречения от своих убеждений, может иметь когда-нибудь спокойную минуту, ибо его постоянно должна была бы мучить совесть, его должна была бы преследовать назойливо-тревожная мысль, что ему еще могут когда-нибудь грубо напомнить о его еврействе, и впоследствии еще может оказаться, что напрасно он пожертвовал своими убеждениями и гордостью.

Я серьезно полагаю, что игра не стоит свеч. Если ничто не привлекает, кроме нескольких должностей и постов, то действительно нет расчета продать себя и свои убеждения, изменить своему народу.

Совершенно другой вопрос — не изменится ли по тем или другим причинам практикующееся ныне полное или частичное недопущение евреев ко многим должностям. Я могу себе представить (и мне приходится встречаться с такими взглядами, которые — надо заметить, по какой-то странной случайности! — вполне еще господствуют теперь даже в национально-еврейских и сионистских кругах), чтобы и национально мыслящий еврей заявил: меня, правда, мало интересует получение какой-нибудь государственной должности, но мое чувство справедливости возмущено тем, что я лишен возможности достигнуть известной должности, если б я этого захотел, только потому, что я еврей. Такому еврею я бы ответил, что тут вообще не может быть никакого места для возмущения, ибо, во-первых, тут нет никакого нарушения правовых принципов и, во-вторых, интересующая нас проблема вообще не может быть разрешена формально-правовыми нормами.

Во-первых, я бы не мог назвать ни одного пункта нашей конституции, согласно которому у нас должны замещаться государственные должности. Правовой порядок требует, конечно, удовлетворения известным условиям для того, чтобы кто-нибудь *мог* получить государственную должность, но нет ни одного условия, исполнение которого могло бы механически сделать кого-нибудь причастным к государственной службе. Само назначение на государственные должности в конечном счете всегда предоставлено личному усмотрению: если министр народного просвещения не назначает какого-нибудь профессора, если командир полка не утверждает кого-нибудь в офицерском звании, то никоим образом не может быть речи о нарушении основных законов, ибо наша конституция признает высшей, решающей инстанцией личность или группу личностей.

Такой порядок всегда будет существовать там, где официальные должности не замещаются путем выборов. Но и при выборной системе положение по существу не изменится: вместо усмотрения отдельных лиц или решающих коллегий будет действовать усмотрение тысячи или десяти тысяч живых людей.

Тут могла бы быть речь о том, чтобы усмотрение отдельных личностей, от которых зависит назначение на государственные должности, было ограничено определенными нормами, которые соответствовали бы «объективной» справедливости. Но этим было бы достигнуто весьма немногое, ибо эти нормы и были бы такого характера, который сделал бы их действие механическим, как, например, назначения согласно дате поданных прошений или нечто в этом роде, что было бы равносильно публичному беспорядку, или же они давали бы при должностных назначениях предпочтение внутренним преимуществам, как, например, способностям и моральным качествам, что также не приводило бы к цели, так как при применении этих норм они приобрели бы уже субъективный характер, ибо способности и личные достоинства не измеряются локтями и не взвешиваются фунтами, а самостоятельно устанавливаются каждой отдельной лич-

ностью: решающее значение имеет то, что именно *отдельной личности* представляется положительным. Решение таких вопросов никогда не будет основано на *отвлеченных принципах справедливости*; оно всегда будет *вытекать из понимания интересов того дела, которому служит отдельная личность*. Подвергнуть критике можно, таким образом, при настоящем положении вещей лишь те критерии целесообразности, которыми руководствуются теперь решающие инстанции при выборе должностных лиц (под которыми я всегда подразумеваю и офицеров). Можно было бы требовать их изменения. Такое требование можно было бы выставить, если считать применяемые теперь принципы неразумными и нецелесообразными. Таковы ли они на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны установить фактическое положение вещей. Я выбираю для этого два примера, близко соприкасающиеся с областью моих личных наблюдений: университет и офицерский корпус.

Практикующаяся система по отношению к замещению кафедр в университетах и допущению к приват-доцентуре состоит в том, что, хотя принципиально евреи считаются совершенно равноправными, все-таки в известной степени воздерживаются от их допущения или избрания. С точки зрения интересов официально утвержденной науки приходится об этом пожалеть, ибо научная деятельность всякого учебного заведения всегда страдает, если из двух претендентов на какой-нибудь пост избирается менее ученый. Но можно ли руководствоваться исключительно или даже преимущественно научными интересами при замещении кафедр в университетах? В применении к интересующему нас вопросу: мыслимое ли, нормальное ли это положение, чтобы в немецком государстве все доцентуры и профессуры были замещены евреями, крещеными и некрещеными (по существу, ведь это безразлично)?

Так как евреи в общем способнее и предприимчивее нас, то такое положение легко могло бы явиться результатом совершенно свободного допущения евреев к университетским кафедрам. Когда я был профессором в Бре-

славе, профессорская коллегия уже состояла на целую треть из евреев. Не должны ли сами евреи ввиду подобных фактов прийти к убеждению, что негласное ограничение их доступа к этим должностям соответствует их собственным интересам? Может быть, университеты пострадают от такого ограничения больше, чем евреи (которые, несомненно, имеют многочисленные возможности проявлять свои духовные силы и в научной области — даже в области естественных и других наук, для которых необходимы различного рода лаборатории и специальные «кабинеты», — вне рамок официально-научных занятий; достаточно вспомнить для этого имя Фриденшталя или Эрлиха), но иначе оно быть не может.

В офицерское звание евреи у нас вообще не возводятся. Я и это нахожу разумным и полагаю, что это также соответствует интересам самих же евреев.

Военное сословие должно вообще пополняться из военных фамилий. Наиболее важные черты, характеризующие дельного офицера (если не считать пары офицеров, работающих в научной области и занимающих должности в руководящих органах и генеральном штабе), молодой человек обыкновенно наследует от своей семьи. Наилучшая подготовка (вооружение) для офицера — это фамильные традиции, те фамильные традиции, которые одно только дворянство культивирует усердно и любовно. Богатый сын коммерции советника из западных провинций уже не приносит с собою в армию тех именно качеств, которые нужны настоящему строевому офицеру и которыми отличается бедный «юнкерзон» из Восточной Пруссии, чья фамилия усовершенствовалась в себе офицерские доблести, быть может, столетия тому назад. Эти специфические традиции не в меньшей мере отсутствуют и у евреев, так что в данном случае не может быть уже речи, как в отношении к университетам, о каких-либо потерях, которые могла бы понести армия от несвободного допущения евреев к офицерскому званию. Для того чтобы понять это, необходимо только освободиться от технического представления, будто одно только хорошее «исполнение» квалифицирует человека для замещения какой-нибудь должности, между тем как

во многих областях общественно-гражданской службы — в каждой отдельной области предъявляются, естественно, особые требования — право занять какой-нибудь пост дают скорее все другие качества человека, чем его поддающаяся контролю «исполнительность».

А интересы евреев? Не совсем свободное допущение к офицерскому званию не должно было бы так злить их. В факте недопущения евреев в офицерское сословие столь же мало оскорбительного пренебрежения, сколько и в недопущении нас, бюргеров, в известные полки. И как, собственно, они не опасаются тех: плохих последствий, к которым могло бы привести вторжение евреев в офицерское сословие? Неужели дрейфусовский скандал во Франции ничему не научил их? Я уже выше сказал, что превосходное социальное положение, которое евреи занимают в Германии (лучшее, чем где бы то ни было в Европе или Америке), в значительной степени обязано тому обстоятельству, что они здесь проникли до сих пор не во все области социальной жизни и создали, таким образом, менее широкую почву для взаимных трений, чем в других странах. Совершенно иначе обстоит дело в офицерском сословии, в котором — зачем греха таить? — антисемитские традиции культивируются так усердно, как будто они составляют органическую часть сословной чести.

Этот факт, о котором можно скорбеть, но который от этого не будет устранен, — факт, с которым каждый разумный человек должен считаться. Этот антисемитский горячий материал неизбежно воспламенился бы, как только еврейский элемент проник бы в офицерский корпус, ибо нигде личное общение между принадлежащими к одному званию так не близко и тесно, как в офицерском сословии. Офицеры — единственный элемент, ведущий действительно коммунистический образ жизни. А в такой жизни личные «притяжения» и «отталкивания», естественно, играют решающую роль. Я положительно отказываюсь понимать, как это еврея соблазняет вечное сидение на пороховой бочке в качестве жертвы плохо понятого, формального «фанатизма справедливости». Не мечтать же, в самом деле, о чисто еврейских полках!

Из всего этого вытекает, что пока — мы не можем, конечно, знать, что принесет нам далекое будущее, — ничего не следует менять во внешнем положении вещей. Как бы «несовершенно» оно ни было, сколько суровости и «несправедливости» оно бы в себе ни заключало — все же оно, как мне думается, достаточно справедливо по отношению к интересам всех заинтересованных лиц. Сами евреи не должны были бы тщетно требовать того, что в первую очередь могло бы повредить им самим. Надо также перестать наконец смотреть на все эти деликатные обстоятельства с точки зрения чисто внешних и неизбежно схематичных принципов «справедливости». Существуют межчеловеческие отношения, которые нигде и никогда и не могут сложиться благоприятным образом на основе формального права, благополучное урегулирование которых зависит от благоразумия и такта всех заинтересованных лиц. К категории этих отношений принадлежат и отношения между евреями и неевреями в современных государствах. Если бы я пожелал формулировать вкратце свою программу по отношению к урегулированию «сожительства» евреев и неевреев, то сделал бы это в следующих словах: государство предоставляет своим еврейским гражданам полное равноправие, а евреи настолько благоразумны и тактичны, что они используют это равноправие не повсюду и не в полном объеме.

Если бы эта программа осуществилась, то мы могли бы, как мне кажется, — именно теперь, когда в нашей среде нарождается поколение национальных евреев, — идти навстречу будущему с бодрой надеждой и быть убежденными в том, что наша совместная с евреями жизнь сложится гармонично и в интересах общего блага.

VII. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

До сих пор у нас была речь только о национальности, ибо я твердо верю, что подчеркивание национальных особенностей есть обязательная предпосылка всякого культурного развития. Мы теперь знаем (по причинам, кото-

рые я в настоящем очерке по меньшей мере *отметил*), что всякие моральные и художественные ценности могут развиваться только в рамках крепкого национального организма. Мы теперь ощущаем расовые отличия отдельных человеческих групп и их культурного творчества гораздо сильнее, чем наши отцы и деды; мы больше не хотим знать поблекшего космополитизма и интернационализма.

Но я хотел бы еще указать и на то, что из-за *соплеменника* мы не должны забывать *человека*. Есть области, в которых мы хотим слышать только о людях, а не о народах. Тогда именно, когда мы вспоминаем о вечных гуманитарных идеалах, взращенных христианством и снова возрожденных вне всяких религиозных рамок апостолами просвещения. Эти общечеловеческие идеалы налагают на нас долг по отношению ко всем людям (я прибавил бы еще — ко всякой твари) — долг любви, сострадания, благоволения.

Вряд ли следует тут подчеркивать, что и в отношениях между евреями и неевреями должны господствовать эти общечеловеческие идеалы, что всеми силами мы должны противодействовать взрывам дикости и зверских инстинктов, которые все более проявляются в преследованиях евреев на Востоке. Мы должны стремиться к тому, чтобы и в цивилизованных странах вполне развитое гуманное чувство сделало невозможным всякое злобное и грубое обращение с евреями, которых мы всегда, несмотря на все расовые контрасты, признаем своими братьями во человечестве. Антисемитизм, если под этим словом понимать антипатию неевреев к евреям, будет существовать, поскольку мы можем это предвидеть, пока евреи будут существовать на земле, т. е. пока земля сама существует. Но вражда, презрение, издевательство и истязания не должны быть его спутниками.

Мы уже более не верим людям просветительного периода, утверждавшим, что все люди равны, но мы не меньше их ощущаем еще великую облагораживающую силу гуманитарной идеи, благодаря которой мы во всех народах видим *единое* человечество.

И еще в одном отношении мы желаем слышать только о человечестве, но отнюдь не о нациях: когда речь идет о выборе наших друзей. Особенности личных ощущений (по крайней мере в высших слоях всех народов) в настоящее время до того дифференцированы, случайности личных судеб до того велики, что нам представлялось бы безумным требованием, если б захотели размежевать наши личные сношения по национальным группам. Никогда ведь не следует забывать, что все, что говорят о национальной самобытности и национальных контрастах, всегда относится только к широким массам. Отдельные личности, принадлежащие к различным группам, всегда будут вступать между собою в тесную дружбу, и на определенной высоте человечества окончательно исчезают групповые инстинкты и национальные особенности. Все или почти все человеческие коллективы, какие бы противоречия ни существовали между их составными элементами, объединяются своими вершинами в духовно-родственную общину. Через все линии, вертикально разъединяющие нации и расы, проходит поперечная линия, отделяющая народные массы от человека, а над этой линией больше не существуют никакие национальные противоречия. Тут японцы и немцы, англичане и русские, негры, евреи и китайцы объединяются в единую общину, сплоченную чувством чистой человечности.

Нет поэтому, как мне кажется, никакого противоречия между «национальным» и «общечеловеческим». И то и другое имеет свое право на существование — и то и другое (каждое в высших формах своего развития) служит обогащению нашей культуры.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
И КУЛЬТУРА**

I. ЧТО ТАКОЕ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ?

Как видно из немецкого термина «*Kunstgewerbe*», «художественная промышленность» является сочетанием «художества» и «искусства», точнее — образовательного искусства и промысла, еще точнее — объектов производства. В них художественное творчество одухотворяет предметы, служащие тем или иным потребительным целям. Или — согласно смыслу французского термина — художественные промыслы характеризуются как «прикладное искусство» — *arts appliqués*. В них прекрасное соединяется с полезным, привлекательная форма с полезными свойствами. Предмету, назначение которого — удовлетворять насущные потребности, придается очарование бесцельной игры. Плод художественного замысла поступает на службу практической надобности.

Но насколько ясным и самоочевидным представляется такое толкование термина «художественная промышленность», настолько же трудно определить более точным образом область ее господства и категорию лиц, ею занятых. Вникая в вопрос глубже, мы легко убедимся в невозможности отграничить известную сферу человеческой деятельности и сказать: это художественный промысел, как говорят: это хлебопекарное, это портняжное производство.

По объективным признакам мне кажется прежде всего нецелесообразным противопоставлять, как два разных понятия, художественную промышленность искусству,

или, как принято в таких случаях выражаться, «чистому» искусству. Мы должны ограничиться замечанием, что изделия художественной промышленности, помимо цели служить воплощением художественных идей, имеют еще и другую цель, тогда как произведение «чистого» искусства знает одну только эту цель. Оно — самоцель.

Такое удовлетворительное на первый взгляд различие при более внимательном исследовании оказывается недостаточным, неясным, неустойчивым. Разве изображение Страшного суда в сикстинской капелле, или полотно Рафаэля в станцах Ватикана не служили потребительным целям наравне с трон венетских дождей или статуей Фидия в афинском храме? Целям украшения, памяти, культа? Разве существует такое произведение искусства, которое было бы совершенно бесцельным? Не предназначенным «украшать» общественное здание, зал или каморку? И если не считать изделием художественных промыслов самый оригинал, служащий одною из этих целей, то как быть с копией, с репродукцией? Будет ли второе, третье воспроизведение мраморного изваяния произведением искусства, а сотое изображение его в числе продуктов художественной промышленности? Заслуживает ли оригинальная гравюра названия произведения искусства, или это только художественное изделие? Куда, например, отнести фотографический снимок?

Может ли, далее, произведение искусства превратиться в художественное изделие только благодаря тому, что оно случайно служит какой-либо иной цели: украшением колодца, пограничным столбом, спинкой скамьи? Переход от «высокого» искусства к художественному производству, напротив, менее резок и более подвижен. Справившись у истории, мы еще увидим, что нашему времени впервые было суждено обнаружить их различие или, как думают многие, непримиримое противоречие. Послужив источником многих ценностей для сокровищницы нашей культуры, этот разрыв не лишен и пагубных последствий, что, к счастью, не прошло незамеченным для современников.

Но я полагаю, что, пользуясь объективным критерием, навряд ли нам удастся и внутри обширного класса предметов потребления отмежевать для художественных производств неотчуждаемую сферу господства от той, которая бы ему как таковому была бы недоступна. Художественная обработка применима во всех отраслях промышленного производства. Среди его продуктов нет ни одного, который бы принципиально не мог сделаться предметом художественной промышленности. Дароносица и алтарь — наряду с подвязкой и битом для усов.

И все-таки эти доводы не разубеждают нас в том, что где-нибудь да находится та сфера художественного производства, которую нельзя резко отделить от смежных с нею областей (что всюду связано с большими трудностями), но которая тем не менее, ясно сознаваемая, является особой сферой человеческой культуры. Мы требуем, чтобы картина Рембрандта, резной шкаф и телеграфные провода не ставились бы на одну доску. Я думаю, что эта способность отчетливо различать произведение искусства от художественного изделия и то и другое от предмета простой полезности коренится в склонности нашего ума классифицировать различные культурные цели, исходя из сравнительной их оценки, создавать иерархию целей, сообразно с которой оцениваются и предметы, находящиеся в их услужении. В сознании нашем жертвоприношение и утоление голода — две разные вещи. И предметы, служащие высшим целям, мы оцениваем выше тех, которыми осуществляются низшие.

Но мы также требуем, чтобы предмет потребления был проникнут красотой, и это в большей или меньшей степени, смотря по ступени, указываемой ему лестницей нашей иерархии ценностей.

Этим и объясняется, почему мы называем произведением искусства создание художника, источник которого — вдохновение и единственная цель — воплощение его идей, служащее, следовательно, «чисто художественным целям» и тогда, когда в действительности его можно использовать и для других целей.

Из статуи Коллеони можно сделать фонтан, «Kuss» Родэна — превратить в вазу для цветов, и все-таки никто их не назовет художественными изделиями (в смысле изделий художественного производства), а произведениями искусства.

С другой стороны, мы разграничиваем — хотелось бы сказать: в нисходящем направлении — отрасли промышленного производства, в которых мы не только не ищем но и не желаем находить применение художественных промыслов. Здесь выпадают, разумеется, прежде всего все средства производства (блага, служащие для дальнейшего производства). Из готовых продуктов мы обыкновенно не связываем с художественными промыслами те из них, в которых изготавливаются предметы первой необходимости. Правда, строгое разграничение здесь еще менее уместно. Но все-таки можно с достаточной уверенностью утверждать, что чем скорее изнашивается предмет, чем короче срок его существования как носителя потребительной ценности, тем менее он пригоден для художественной обработки.

Чем настоятельнее потребность, удовлетворяемая данным предметом, тем менее мы склонны дорожить его внешней формой.

Равным образом: чем грязнее и непривлекательнее манипуляция, при которой пользуются данным предметом, тем ниже он классифицируется для художественной обработки.

Сказанное иллюстрируется следующими примерами.

Средства пропитания до сих пор лишь редко бывали объектом художественного производства; если не считать разукрашенные блюда на парадных обедах или искусные торты и пироги наших кондитеров, зачатки художественного творчества в обработке питательных продуктов пекарного, колбасного и других производств весьма скудны. И, надо думать, потому, что все эти предметы очень быстро расходуются или потому, что изготовление колбасы и сыра по рисункам Ольбриха или Римершмидта претит нашему эстетическому чувству. Равным образом никто не станет требовать красоты формы для таких

предметов, как перевязочные бинты, половые щетки и т. п., несмотря на то что они «прочнее» колбасы и сыра: потому что ими удовлетворяются наиболее существенные потребности, или потому что их потребление связано с разного рода грязными манипуляциями. Некоторые предметы домашнего обихода мы желаем видеть возможно реже, мы их скрываем, делаем вид, что не пользуемся ими: такие предметы — при здравых понятиях и вкусах — не могут быть объектами художественных промыслов, как не может им быть и динамитный патрон.

Пограничную область художественного производства составляет одежда. Женщины нашего времени стремятся возратить ее целиком ослабевающему влиянию художника. Об успехе этих стараний можно спорить: для меня он по крайней мере очень сомнителен. Лишь немногие составные части одежды поддаются художественной отделке: именно те, которые служат исключительно украшением. Поэтому галстуки и жилеты представляют собою более благоприятное поле для художественной изобретательности, чем, например, сапоги и кальсоны. Драгоценности, золотые и серебряные изделия в этом отношении имеют предпочтение перед одеждой, парадная одежда — перед обыденной.

Но исконной и неоспоримой сферой художественных промыслов были и остаются жилище и домашняя обстановка: мебель, ковры, стаканы, блюда, лампы, книги и проч., потому что эти предметы наиболее прочны и потребности, ими удовлетворяемые, менее настоятельны; потому еще, что у себя дома, отдыхая от дневных забот и волнений, человек наиболее склонен наслаждаться уютом и красотой. Невольно приходит на мысль домашняя обстановка и украшения, когда говорят о художественных промыслах.

Иные называют художественную промышленность сектором архитектуры, задача которой — «украшать и придавать уютность воздвигнутым строительным искусством помещениям». «Оно как бы завершает дело архитектуры, вызвано в жизнь теми же потребностями, следует тем же принципам целесообразности» (Ludwig Rpfauf).

Придерживаясь тех же воззрений, Юлий Лессинг перечисляет в своей книге «*Das Kunstgewerbe als Beruf*» следующие виды художественных промыслов и профессий, которым он придает наибольшее значение: декоративная живопись, живопись по стеклу, фаянсу, моделисты, портные, рисовальщики, золотых и серебряных дел мастера, гравировальщики, формовщики, ювелиры и в качестве «органов архитектора» столяры, обойщики, слесари. И здесь, следовательно, областью художественного производства признаются всецело домашняя обстановка и украшения.

Итак, оказывается ли все-таки возможным отмежевать известную область человеческой деятельности, в которой господствует художественное производство? Наш ответ будет отрицательным, коль скоро в основу этого ограничения будет положен объективный критерий, и будет утвердительным, когда мы предоставим решить субъективному усмотрению, где начинается художественное производство и где его конец. В действительности мы его застанем там, где существует стремление сделать предмет потребления не только целесообразным, «практичным», но и красивым.

По существу дела «художественное производство» означает, следовательно, определенную программу, лейтмотив, максимум следующего содержания: объединить отдельные виды человеческой деятельности — художественное творчество и производство потребительных благ — в одно целое. Она означает желание осуществить то соединение полезности предмета и прекрасной формы, которое мы приняли отправным пунктом в нашем изложении, как лингвистический смысл термина «художественные промыслы». И всюду, где мы застаем это стремление, мы имеем дело с последними. Они принципиально не стеснены известными рамками, хотя неодинаковая расценка потребностей, действуя в роли направляющей силы, отделяет сферы художественного производства с достаточной отчетливостью.

Я хотел бы еще в нескольких словах указать на то, что техническое искусство и художественные промыслы да-

леко не всегда идентичны. Различие, вытекающее из этих понятий, лучше всего уясняет существо художественно-промышленного творчества.

Технически искусно (= умело, «мастерски») можно исполнить всякую сложную, требующую значительной сноровки работу, даже если стремление к художественной форме не входит в намерения трудящегося. Необходимо высокая степень технического умения для того, чтобы отшлифовать в мастерских Цейса оптическое стекло, конструировать точные весы, смастерить скрипку с хорошим резонансом. Но ни одну из этих работ мы не отнесем к художественным промыслам, пока стремление к художественной форме не получит равноправия наряду с прочими стимулами данной специальности (например, сделать предмет удобным для пользования, прочным, технически совершенным и проч.). Если крупные скрипичные мастера старого закала не щадили труда и усилий для изящества внешней отделки своих изделий (о скрипках Страдивари говорили, что они обладают стройностью и законченностью форм греческого фриз, нарисованного рукой мастера), они вступали в область художественного производства, но только благодаря этому стремлению, а не потому, что построенные по законам акустики, математики и технического рисования скрипки, их изделия, с точки зрения музыкальных достоинств отличались большим совершенством.

Как видно из предыдущего изложения, основную проблему художественных промыслов составляет вопрос: как достигается соединение искусства с хозяйственным производством благ? При таких условиях следует ожидать их сотрудничества на общем поприще, когда и каким образом они достигнут своих пределов.

Эта проблема допускает два решения соответственно обеим сторонам, свойственным художественным промыслам, как и всякому экономическому явлению: с точки зрения техники (в данном случае искусства) или с точки зрения производства (хозяйства). Попытки обсуждения вопроса в первом из указанных направлений весьма многочисленны. Но, насколько мне известно, до сих пор никто

еще (если не считать того, что по этому предмету было высказано много в моем «Современном капитализме») не хотел воздать должное и экономической стороне проблемы. Последняя, однако, охватывает все, что есть общего между художественными промыслами и остальной хозяйственной жизнью. Иными словами, нам предстоит разрешить вопрос: каким образом художественная обработка продуктов производства под влиянием определенных хозяйственных систем возникает, прогрессирует и падает.

А влияние той или другой разновидности общественного хозяйства на художественные промыслы выражается в действии характеризующих ее условий существования как на производителя, так и на потребителя. Широта размаха и способы художественного производства находятся в тесной зависимости *от того*, каковы его движущие силы, каким образом занятые в нем лица зарабатывают себе пропитание *и из* какой категории трудящихся, руководителей или исполнителей, самостоятельных или зависимых, они рекрутируются, а также и от общественно-психологических типов потребителей художественных изделий: от того, короли ли это или биржевики, римские папы или почтовые чиновники нашего времени.

Все это определяет данная хозяйственная структура, существующая система общественного хозяйства.

В последующем изложении мы постараемся точно установить эту обусловленность художественного производства той или иной организацией хозяйства. Это удастся нам лучше всего при рассмотрении важнейших хозяйственных эпох и их значения для художественных промыслов.

II. ХОЗЯЙСТВО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ

1. Возникновение художественных промыслов

Неизмеримо долгие промежутки времени человечество провело в родовых и соседских союзах, бывших хозяйственно самодостаточными, т. е. производившими собст-

венными силами все потребные им продукты. Такова в наши дни жизнь диких народностей полярных стран и жителей Огненной Земли. Здесь, следовательно, производители совпадают с потребителями. Все промысловые изделия производятся внутри общественных союзов для потребностей сородичей или соплеменников: женщинами — одежда, мужчинами без различия положения — грубые орудия, отдельными мастерами-специалистами — более тонкие, технически трудные изделия: металлические, гончарные и проч.

В этих союзах техника производства со времени ее первых зародышей, с изобретением первобытных орудий и с первым применением огня для хозяйственных целей достигла значительных успехов: путем чрезвычайно длительной эволюции, совершавшейся ощупью, по векам одиночного опыта, по указанию мастеров, незаметным накоплением разрозненных знаний и навыков, переходивших от отцов к детям, при частой утрате уже раз приобретенного... От этих союзов произросло все, что мы называем искусством, а следовательно, и зачатки художественных промыслов следует искать в этих хозяйственно самодовлеющих общественных союзах, производивших для потребностей своих членов.

В зимнюю пору, с прекращением полевых работ, население могло посвятить свой досуг требующим большей усидчивости и умения промысловым занятиям. И с того дня, когда человек каменного века впервые вырезал на своем копье изображение моржа или женщина накидала на кушак перья пестрой птицы, мы можем считать начало художественного производства. Оно не моложе человеческой культуры вообще, так как любовь к украшениям и чувство удовольствия, доставляемое художественной формой, выросли, по-видимому, вместе с человеком.

Мы называем народным искусством остатки этого примитивного художественного творчества, встречаемые и в наши дни, вызывающие наше удивление часто благодаря своей оригинальности, красоте и главным образом неподдельности.

Следы влияния данной ступени общественного хозяйства на развитие художественных промыслов уже и в эту эпоху весьма отчетливы. Так как потребитель здесь идентичен с производителем, т. е. каждый работает на себя, для удовлетворения собственных потребностей, то последние совместно с личным знанием и искусством делаются решающим фактором при установлении размеров и разновидностей художественного производства. Соответственные наклонности данного народа, его понимание красоты и художественный вкус играют здесь первую роль. И раз они даны, развитие художественного производства определяется степенью материального благополучия. Так как стремление к художественной обработке предметов потребления предполагает известный досуг, излишек времени, оставшийся после обеспечения наиболее насущных потребностей, то это стремление будет возрастать с увеличением этого излишка времени, т. е. при равенстве прочих условий — с ростом общественного благосостояния.

Не в пример всем другим именно этой древнейшей эпохе свойственно органическое, постепенное, не знающее скачков и крупных переворотов саморазвитие, медленное, осмотрительное и потому тщательное производство. Каждый, не скупясь на время, производит то, что умеет; японский лакировщик и персидский ткач месяцы и годы корпят над своей работой, заботясь лишь об одном — придать своему изделию ту степень совершенства, которая им доступна.

Еще не обрисовались области, в которых художественному производству принадлежит перевес. Предметы украшаются без выбора: сандалии наравне с изображением божества. Иерархия ценностей еще не успела сложиться в сознании современников. Художественным духом проникаются все отрасли промысловой деятельности, поскольку это допускается временем и местными экономическими условиями.

Этот вид производства — производство для собственного потребления — получил особенное значение для развития художественных промыслов на почве европейской

культуры, вылившись в начале средних веков в оригинальную форму монастырского хозяйства, на котором нам необходимо теперь вкратце остановиться.

2. Монастырские мастерские

После крушения древнеримского мира и до возникновения новой культуры на основах христианского мирозерцания высшие формы существования нашли себе убежище в местах благочестивой отшельнической жизни, в монастырях, приютивших у себя остатки гибнувшего искусства и техники. Среди негостеприимных лесов поселялась группа смелых и верующих людей, строивших себе жилища, личным трудом обрабатывавших свои поля, украшавших свои церкви, созидая, таким образом, среди всеобщего распада и варварства островки высшей цивилизации. В эти монастырские общины устремлялись из старого мира все, в ком еще не заглохли традиции утонченного образа жизни, в том числе талантливые художники и искусные ремесленники, нигде не находившие применения своему труду, стекались непрерывным потоком все творческие силы страны, покуда не успели расцвести города. Монастыри, по меткому выражению одного писателя, сыграли роль того ковчега, в котором при крушении старого мира могло укрыться искусство и обождать, пока наводнившие Европу народы не разместились по своим естественным границам.

Здесь, на этих островах культуры в монастырских мастерских Италии, Швейцарии, Франции и Германии, художественные промыслы достигли небывалого расцвета, для которого все необходимые жизненные условия имелись налицо в изобилии.

Любовь к церкви, искреннее преклонение пред божественным послужили импульсом украшать место богослужения драгоценными изделиями. Правда, из наличного обихода монахов этого времени были изгнаны роскошь и великолепие. Но украшение церквей было принято с самых давних пор. Наряду с чугунными люстрами, медны-

ми и железными кадилами, рясами из грубых тканей допускались серебряные и золоченые чаши высокохудожественной отделки, щедро усыпанные драгоценными камнями. Столь же рано и священные книги, считавшиеся необходимыми при отправлении церковных треб, сделались объектом художественной обработки. Окна часовен искусно раскрашивались, престолы разукрашивались драгоценными металлами, скамьи на хорах покрывались затейливой резьбой. Особый характер потребностей этих монастырских общин определил новое направление художественно-промысловой деятельности: сфера художественного творчества как бы парила над обыденной жизнью. Ни предметы ежедневного обихода, ни домашняя обстановка, ни украшения не привлекали к себе внимания художника; вращаясь в кругу религиозных идей, мысль его искала более близких к ним объектов творчества. Несмотря на демократические наклонности и привычки мастеров-художников этой эпохи, сквозь всю их деятельность проглядывает аристократическая тенденция. Эстетическая иерархия целей ревностно соблюдалась, и служение красоте связывалось с преклонением пред достойным и священным.

Монахи посвящали себя искусству только из любви к делу. Характерно, что, согласно преданию, Фра Анжелико писал своих мадонн коленопреклоненным и, не помолвившись, не брался за кисть, так в воображении преклонялись перед Богом монахи-художники, работая грифелем или плавильником. Их опыт и знание были всеобщим опытом и знанием эпохи. Искусство и техника еще не обособились друг от друга, умножаясь практикой монастырских мастерских и деятельным обменом между монастырями всех стран. Отделение грубых работ от собственно художественных функций вряд ли уже имело место. Живописцы миниатюры должны были сами изготовлять пергамент и краски; рисовальщики по стеклу, эмали и мозаике строили сами плавильни, холодильные и нагревательные печи, сами выжигали золу из букового дерева и мешали ее с песком, сами обжигали стекловарные тигли и сами же выдували стекло. Мастера металли-

ческих изделий равным образом должны были сами изготовлять свои инструменты — долота, пилы и проч. — и сами оборудовать свои мастерские.

Мы имеем точное описание работы в монастырской мастерской на исходе XI в., принадлежащее перу монаха Theophilus'a как он сам себя называет, по мнению некоторых, монаха Рогкеруса Гельмарсгаузенского монастыря в Вестфалии. Этот знаменитый памятник, носящий название «*Schedula diversarum artium*»¹, был найден поэтом Г. Э. Лессингом в 1774 г. в вольфенбюттельской библиотеке. Значение его в качестве культурно-исторического источника сразу было оценено его издателем. И действительно, он позволяет нам, как немногие другие, проникнуть во внутреннюю подоплеку целой эпохи: он знакомит нас с духом художественного творчества монастырей, описывает отдельные разновидности производства, открывает нам доступ в интимную жизнь мастеровских и подробно останавливается на технике трех видов живописи: декоративной, картинной и виньеточной, изготовления стекла и живописи по стеклу, обработки металлов и производства золотых изделий. Но нас теперь интересует всего более дух, пронизавший художественные произведения того времени, в том виде, как он выражается в идеальных целях художника: это дух отречения, радости жертвоприношения; работая, художник служил Богу.

В предисловии к своему сочинению Theophilus называет художественное дарование и изобретательность благами, унаследованными человеком из райской жизни; это наследие переходило из рода в род, оно служило наживе и прихотям, пока наконец не достигло своего истинного назначения, сделавшись средством в руках верующего народа для восхваления божественного порядка. Поэтому благочестие верующих не должно отворачиваться от

¹ Обстоятельная оценка сочинения Theophilus'a здесь, конечно, неуместна. Не желающих читать его в оригинале (существует несколько изданий; новейшее — с комментариями д-ра Илога) отсылаем к подробному извлечению из него, сделанному Г. Кнакфусом в его «*Deutsche Kunstgeschichte*» (Bd. II, 4).

опыта и знания предков, напротив, пусть каждый с благодарностью принимает божеское наследие и приложит все усилия к его усвоению. Эти соображения побудили автора сообщить тем, «кто желает в смирении учиться», о ниспосланной на его долю благодати. Theophilus напоминает художнику то место Ветхого Завета, в котором говорится, что Богу угодно, чтобы люди украшали его храм, и указывает, каким образом художник лучше всего может соблюсти эту священную обязанность. «Воодушевленный отсутствием Всевышнего,— продолжает он далее,— украшай храм Господень по мере сил и умения, разукрашивай пелены и стены драгоценностями и многими рисунками, сотвори молящимся изображение царства небесного утопающим в цветах и растениях, дабы в созданиях они прославили создателя, Бога в его творениях». И только в этом блаженном сознании исполнения богоугодного подвига художник-ремесленник находил свою награду. Для него его работа не имеет никакого отношения к добыванию средств существования: его содержит община, и безразлично, много ли, мало ли, хорошо или плохо он работает.

О постановке художественного преподавания в монастырях мы узнаем из составленной монахом Тангмасом в Гильдестейме в начале XI столетия биографии епископа Бернварда. Здесь рассказывается, как последний в юности, одаренный пытливым умом и любовью к учению, посвящал часы досуга «более легким и механическим занятиям» и с большим искусством упражнялся в обработке металлов, драгоценных камней и проч. Сделавшись впоследствии епископом, он остался верен этим привычкам.

Ревностно соблюдая церковные предписания, являя пример монашеского послушания и своим бывшим товарищам по келье, заваленный судейскими и политическими делами, связанными с его официальным положением, он успевал тем не менее ежедневно посещать школы и мастерские своей епархии. Он основал при местном соборе и еще в других местах мастерские для переписи церковных книг, из которых в архивах собора до сих пор хранятся несколько экземпляров. Он поощрял все искус-

ства, которым обучался в молодости, и использовал — как подчеркивают источники — каждую неизвестную, но казавшуюся ему достойной подражания техническую подробность в чужих изделиях, стекавшихся ко двору Оттона III. Занимаясь мозаикой из алебаstra, он изобрел без всякой посторонней помощи новый вид черепицы, лично руководил работами по расписыванию церковных стен и сводов и уделял много внимания художественной обработке металлов. Кресты, чаши, кадила, люстры, канделябры, переплеты для книг производились по его указаниям; литые чугунные ворота, «бернвардская колонна», многочисленные сосуды и принадлежности церковной утвари служат живыми памятниками деятельности монастырских мастерских Гильдесгейма. Знаменитое блюдо, принадлежавшее одно время герцогу Кумберлендскому (ныне собственность Австрийского музея в Вене), приписывается многими также Бернварду и его ученикам. Из подписи на одной из люстр гильдесгеймского собора мы узнаем, что она была вылита по приказу епископа одним из его учеников в эпоху расцвета литейного искусства из неизвестного дотоле сплава. «Не из золота и серебра, а все-таки, как видишь сам», — гласит надпись; но ларчик открывался просто: оба металла были сплавлены с железом. Отметим еще, что епископ, желая расширить кругозор своих наиболее даровитых учеников, открыл им доступ ко двору и брал их с собою в свои дальние поездки.

Для насаждения новых отраслей искусства монастыри призывали в уединение своих лесов художников из культурных областей. Так, Дезидерий, настоятель Монте-Казинского монастыря, выписывает византийских мозаистов для украшения свода над главным престолом монастырского храма. По окончании этой работы греческие мастера были оставлены им при монастыре в роли наставников молодых монахов. Так насаждались зародыши художественно-промысловой деятельности на девственной почве монастырского трудолюбия, где они быстро приживались и произрастали в могучие деревья.

Наряду с монастырским искусство и художественные промыслы стали появляться здесь и там при дворах коро-

лей и в бургах имперских васалов, а здесь они служили для нужд собственного потребления и, в частности, преследовали ту же цель — прославление Творца. Оно и не могло быть иначе при той силе, какую религиозные мотивы в эту эпоху имели над умами, а также благодаря тому, что большая часть драгоценных изделий, производившихся в этих крупных замкнутых хозяйствах, предназначалась для церквей и монастырей. И ни одна королева не гнушалась ремесленных работ. Дочь императора Оттона I Люйтгард была знаменитой ткачихой, супруга Генриха II известна своим мастерством в художественном прядении.

Изготовление драгоценных тканей, широко распространенных уже в эту эпоху — эпоху господства «романского стиля» — сделалось специально женской работой. И знатные дамы соперничали с монахинями в деятельном проявлении своего благочестия, изготавливая и даря эти изделия монастырям. «В Бамбергском соборе до сих пор хранятся остатки императорских мантий, из которых древнейшие относятся ко времени Генриха II (начало XI столетия). Одна из них — замечательное произведение художественного шитья — уцелела почти полностью; это козуэла (*cosula*) — короткая мантия, одевавшаяся священнослужителями поверх рясы во время службы, сработанная сестрой названного императора, была подарена ею с супругом, венгерским королем Степаном, в 1031 г. Мариинскому собору в Штульвейсенбурге, ныне составная часть торжественного облачения венгерского короля» (Knackfuss).

Смирное монашеское искусство процветало на всем протяжении средних веков. Нам известны имена монаха Джакомо да Верона, построившего в своем родном городе «palazzo del consiglio»^{2*}, в Париже — Монмартрский мост, миниатюриста Джулио Клавио, мозаиста Джакомо Туррити, украсившего своими изделиями хоры крестильницы (баптистерия) во Флоренции, живописца по стеклу Бернардино ди Стефано, Гульемо ди Марчилла, Якова Гризингера, мастера Дамьяно да Бергамо, резные скамьи которого (на хорах в церкви Сан-Доменико в Бо-

лонье) Буркгардт объявляет лучшим произведением этого рода во всей Италии, и многих других.

Но в эти времена среднего и позднейшего средневековья искусство и художественное производство все более ускользали из рук женщин; они переходят из монастырских мастерских в мастерские расцветавшего городского ремесла. Находясь в преемственной связи с первыми, организация его отменяет монастырскую. Поэтому мы должны теперь подробнее ознакомиться с ремесленной организацией художественных промыслов и с теми ее особенностями, которые, возникнув в средневековых городах, сохранились надолго и в Новое время.

3. Ремесленная организация художественного производства

Я должен прежде всего предупредить читателя, что смешение понятий «ремесло» и «ручная работа» («рукомесло») вызывает пагубные для ясного понимания дела недоразумения. Ручная работа есть особого рода техника, определенная форма затраты рабочей энергии для производства потребительных благ. Ремесло — определенная форма хозяйства, и иначе: особая организация добывания средств существования путем производства потребительных благ. Мне еще не раз придется говорить о различии между ремеслом и ручной работой и останавливаться на тех заблуждениях, к которым приводило несоблюдение этого различия. Здесь нам пока необходимо получить ясное представление о том, что следует разуметь под ремесленной организацией хозяйства.

Спрашивая себя, чем же, собственно, отличается ремесленное хозяйство от рассмотренных форм, находим, что в нем впервые наблюдается отделение производителя от потребителя. В прежнем хозяйстве каждый производил, что ему было нужно, личным трудом или по крайней мере все, в чем нуждался данный общественный союз (род, семья, община, монастырь, двор), изготовлялось внутри него, его членами. В ремесле (художественно-)

промысловая деятельность обособилась в самостоятельную профессию. Ею заняты теперь лица, желающие иметь постоянный заработок, доставляемый им *продажей* другим (посторонним) лицам своих продуктов. Они производят, таким образом, изделия для чужого потребления, зарабатывая себе средства существования путем обмена этих изделий.

Производители являются «ремесленниками», существо которых характеризуется следующими чертами¹.

Ремесленник — это свободный рабочий, обладающий всеми условиями, необходимыми для производства и сбыта продуктов, располагающий, следовательно, как капиталом для обзаведения необходимыми средствами производства, так и личными способностями самостоятельного производителя. Это некая социально-экономическая разновидность «микрокосма». Центральным пунктом ремесленного производства являются указанные способности ремесленника, т. е. то обстоятельство, что он находится во всеоружии технического умения, позволяющего ему исполнить все необходимые для изготовления предмета потребления частичные работы. С этим техническим предрасположением в его лице соединяются: 1) требуемые данным промыслом художественные дарования; 2) необходимые предварительные знания; 3) функции как организатора производства и его руководителя, так и 4) торговца, лично исполняющего закупочные и продажные операции.

Его задача: своим трудом обеспечить себе независимое положение и приличествующий ему как члену данной профессии заработок.

Для достижения этих целей он должен приложить к делу все свои силы, причем не иначе как в форме собственноручного труда. Все, что доступно ловкости его рук и его техническому опыту, объемлет сфера его деятельности, в которой вся его личность находит себе непосредственное выражение. Этой идее труда как совместной деятельно-

¹ Подробности см. в моем «Der moderne Kapitalismus» (т. 1, с. 73 и след.). Есть русский перевод.

сти всех индивидуальных сил соответствует свойственное ремеслу разделение труда, отличительный признак которого опирается на предположение, что человеческая личность должна и может искать применение своим силам в определенном комплексе функций, внутренне объединенных духовной связью — идеей целого; что расширение этого комплекса неизбежно ведет к раздроблению сил и что, наконец, сужение функций или одностороннее развитие одних в ущерб другим повергает работника в омут притупления чисто механического производства.

Наиболее соответствующей ремесленной организации производства формой предприятия является «мелкое предприятие»: как одиночное и как предприятие с небольшим числом помощников.

Характеризующая ремесло как хозяйственную систему техника — техника эмпирическая, передаваемая по традициям и прикованная к прокрустову ложу органического мира, сохранившаяся повсюду в средние века вплоть до XVIII столетия, когда впервые стали применяться новейшие изобретения.

Бесспорно, в эту эпоху ремесленной организации художественное производство давало свои лучшие плоды. Это времена готики, Ренессанса, отчасти также и последующие столетия вплоть до восемнадцатого и девятнадцатого включительно. Как нам объяснить это? Существуют ли соотношения между характером хозяйственной системы и объемом художественно-промыслового творчества? Мне кажется, да.

В ремесле, правда, — как мы видели — производитель уже отделен от потребителя и благодаря этому первый шаг на пути к уничтожению корней органического творчества уже сделан. Но отношения между ними еще настолько тесны, что пагубные последствия этого обособления не успели еще сказаться во всей их остроте. Кого мы видим в редких еще рядах потребителей художественных изделий этой эпохи? По общему правилу — все еще немногих: богатых и знатных людей. И на первом плане, как и прежде, стоят церкви и монастыри, поручающие мастерам городских ремесел те работы, которые когда-то

так искусно исполнялись в их собственных мастерских. Далее — короли, князья, вельможи. К ним постепенно примыкают богачи и торговые магнаты в городах, в большинстве случаев отпрыски знатных фамилий, шаг за шагом достигшие влияния и богатства, а не разбогатевшие за сутки дельцы.

С этими лицами мастера-ремесленники и вступали в соглашение относительно поставки художественно-промысловых изделий.

Завязывавшиеся при этом отношения были не только чисто меркантильного характера. На почве взаимного доверия возникали дружественные отношения; долготелние, иногда пожизненные связи устанавливались между заказчиком и ремесленником.

«Все большие и сложные работы, которые я исполнил во Франции при достойном преклонения короле Франциске I (в первой половине XVI в.), — пишет Бенвенуто Челлини в своей автобиографии, — удались мне в совершенстве лишь благодаря тому, что этот добрый король оказывал мне щедрую поддержку, когда я падал духом, и позволял мне нанимать столько рабочих, сколько я желал...» Таким образом, художник-ремесленник получал то душевное спокойствие, которое необходимо, чтобы жить исключительно своей работой.

Он мог не заботиться (хотя ему уже приходится считаться со «сбытом» своих изделий) о том, как и где ему продать свое произведение. Сбыт был ему обеспечен даже и в том случае, когда его отношения с тем или иным из своих покупателей расстраивались: он мог быть уверен, что они немедленно заменятся новыми. И это вследствие незначительного распространения художественно-промыслового, как и вообще промыслового, мастерства в сравнении с немалым количеством богатых людей, нуждавшихся в их изделиях. В переводе на современный язык это значит, что спрос всегда превышал предложение. Поэтому среди художников-ремесленников конкуренции не наблюдалось: «конкурировали» друг с другом скорее заказчики. Художник-ремесленник мог сосредоточить все свои помыслы на достижении возможного со-

вершенства своего изделия; он мог руководствоваться *своими* внушениями; он мог *свою* волю диктовать покупателям. Так как он был сильнейшей.

В итоге: если производство и совершалось уже для рынка, рабочий все-таки мог всецело отдаваться своей работе. Почти как и в былое время, когда он, не заботясь о своем пропитании, трудился в монашеской келье. Это позволяло ему его своеобразное экономическое положение. Но в наименьшей мере благоприятствовали ему организация производства и техника, дававшая ему возможность развернуться во всю ширь в своем произведении и вдохнуть в него художественный дух.

Размеры предприятий, как мы видели, были невелики. В них занимался мастер в одиночку или с немногими помощниками, так что вся работа была по преимуществу личной работой. Производство носило отпечаток отдельного человека, переносившего всю свою душу, всю индивидуальность на это свое собственное произведение. И круг деятельности был настолько ограничен, что живая личность могла его заполнить, не теряясь в нем, как в наши дни. Конечно, специализация отдельных ремесел уже сделала большие успехи. Работа уже ходила по рукам. Живописец по стеклу и золотых дел мастер мог уже и не сам, и обыкновенно уже не умел, приготовить себе правильный тигль или тиски, как блаженной памяти Theophilus, — тот и другой мог посвящать все свое время своей специальной работе. Но последняя все еще представляла собою органическое целое. Так усовершенствовалось искусство (техника) благодаря специализации, причем продукт специальной работы не утрачивал своего первоначального целостного характера.

Но и техника не создавала препятствий художественному творчеству. Рукою и глазом, пользуясь силами и вещами, предоставленными человеку органическим миром, он производил свои изделия, как встарь. Определенные технические приемы: особые приемы плавления металлов, особый способ окраски, особые правила для мозаичных работ или резьбы — слагались и упрочились долголетней практикой и столь же медленно изменялись

последующими поколениями; так продвигалась вперед медленная, но непрерывная эволюция техники. Но и самый процесс производства для многих отраслей художественных промыслов отличался чрезвычайной медлительностью, что опять-таки объясняется господствовавшей системой общественного хозяйства.

Мы удивлены, узнавая, в какие промежутки времени создавались тогда произведения искусства: над алтарями в соборе св. Якова в Пистоле и в храме Крещения во Флоренции искуснейшие мастера работают более 150 лет; над парадными воротами перед флорентийским храмом Крещения Гиберти трудился около 40 лет.

Но наиболее важным следует признать то, что в эти времена процветания художественных ремесел художники еще не успели отстраниться от промыслового производства, столь же охотно занимались изготовлением какого-либо близкого к их специальности предмета потребления, как и произведениями «высокого», «чистого» искусства. Израиль фон Мехельн составлял рисунки для женских нарядов, Паоло Веронезе и др. — образчики для художественного шитья и вышивок, Россо и Приматизе — наброски для тонких слесарных и столярных работ, Жан Гужон и Жермен Пилон — модели кроватей с балдахинами, стульев, столов, скамеек, мастера Михаил Вольгемут, Петр Вишер, Адам Крафт были крупными художниками, и к ним, как и ко многим другим, применимы слова Вазари в его «Vita del Dello»: «...e per molti anni fu di sorte questa cosa in uso che eziandio i piu accelenti pittori in cosi fatti lavori si esrcitavano senza vergognarsi come oggi molti farebbero di dipignere e mettere d'oro simili cose»^{3*}.

Искусство и ремесло до самого Ренессанса не были обособлены друг от друга даже и внешним образом.

Живопись и ваение также до конца средних веков сохранили родственные другим художественным ремеслам дух и формы предприятий. Они сплошь и рядом объединялись общей цеховой организацией. Во Флоренции живописцы и техники совместно заняты в производстве мебели — члены товарищества св. Луки (с 1349 г.). То же наблюдается и в других городах Италии. В Венеции лишь по-

сле продолжительных судебных тяжб Академии живописи удастся удалить из своих стен седельных мастеров и маляров. Крупнейшие скульпторы эпохи, каковы Орканья, Донателло, Брунелески, Гиберти и др., вышли из цеха золотых дел мастеров и сами были весьма искусны в этих работах. В других странах это объединение всех художников в ремесленные корпорации встречается еще в XV, XVI и XVII в. Живописец Ганс Шюлейн, известный последователь Эйковской школы (Eucksche Schule), был в 1473 г. председателем объединенного цеха живописцев, резчиков по дереву, стекольщиков и др. Жан Барб, работавший при постройке замка Гайльон (в 1456–1463 гг.), был — как говорит хроника — одновременно *peintre verrier* и *doreur*^{4*}. К тому же времени относится учреждение цеховой корпорации живописцев и плотников в Руане; маляры и живописцы-художники еще не отделились. В Германии цеховая организация соединяла чаще всего живописцев с производителями золотых и серебряных изделий. Страсбургский цех состоял из золотых дел мастеров, живописцев, седельников, стекольщиков, маляров, литейщиков, токарей, резчиков и гравировальщиков. В корпорациях св. Луки живописцы также упоминаются наряду с малярами, стекольщиками, живописцами по стеклу, переплетчиками, производителями зеркал, лицами, занимавшимися золотым шитьем, вышиванием гербов и проч., и проч. (см. источники и материалы, приведенные в моем «Der moderne Kapitalismus», т. II, с. 453–454).

Каково было значение этого соединения искусства и ремесла для развития художественно-промыслового творчества — решить нетрудно. Вся образованность, все художественные дарования применялись и использовались в производстве предметов потребления. Выдающийся художник не случайно, в силу личных наклонностей, и не в отдельности от других занимается изделием продуктов низших видов: он трудится сообща с товарищами по цеху, делится с ними своим умением и придает всей корпорации отпечаток своей индивидуальности. Этот дух целостности, единства влиял в свою очередь на единство стиля разных видов художественного производства. «Внутри круп-

ных корпораций художников деятельность отдельных мастеров не всегда была ограничена какой-нибудь одной отраслью производства; среди них встречается немало лиц, имевших аттестат за успешное выполнение «образцовых работ» («Meisterstücke») по нескольким различным специальностям. Внутренняя связь, объединявшая в этих союзах художников весьма разнообразных специальностей, наряду с другими причинами проливает свет на одно из крупнейших преимуществ готической эпохи — законченное единство стиля, приведшее к удивительной гармонии все виды художественного производства».

Расцвет и высокая продуктивность художественных промыслов этой памятной эпохи объясняются тем, что они беспрепятственно могли питаться живительным соком самобытного народного дарования.

4. Капитализм и художественные промыслы

Еще в XVIII столетии, но преимущественно в XIX в. капитализм захватывает в свое господство и художественное производство. Капитализм как хозяйственная система характеризуется тем, что, во-первых, руководящим хозяйственным субъектом становится владелец капитала и все виды хозяйственной деятельности сосредоточиваются на одной конечной цели — достижении прибыли; во-вторых, тем, что капиталистам-предпринимателям противопоставляется огромное число зависимых наемных рабочих и служащих, низведенных на скромную роль простых исполнителей; в-третьих, между предпринимателями возникает ожесточенная конкуренция; вызванная переполнением рынка и превышением предложения над спросом; в-четвертых, в крупных, основанных на кооперации и специализации предприятиях применяется новая техника: научно обоснованный, сводящийся к использованию неорганических сил и веществ, к автоматизации процесса труда способ производства.

С завоеванием художественных промыслов капитализмом для первых наступает печальнейшая эпоха их

существования — эпоха полнейшего упадка, истощения, дезорганизации, оставшаяся в памяти у всех, кто сознательно переживал 70-е и 80-е годы прошлого столетия.

Ответственность за этот упадок художественных промыслов, главным образом в первой половине XIX в., падает прежде всего на самих потребителей. Поколение, выдвинутое этой эпохой, состояло отчасти — в своих лучших элементах — из лиц, безучастно относившихся к внешнему облику своей обстановки, душевная жизнь которых была интенсивнее телесной, охотно проводивших часы досуга в идейных разговорах, философских рассуждениях и литературных занятиях. Духовные вожди нации, главные носители и выразители художественного вкуса в прежнее время, теперь отвернулись от искусства. Богатые люди в большинстве были малокультурные выскочки, дорожившие в лучшем случае показной роскошью. Тем временем широкие круги общества, довольствуясь скромной обывательской посредственностью, еще не предъявляли спроса на изделия художественного производства.

Меньшинство, и в том числе лица, материально наиболее потерпевшие от упадка художественных промыслов, — это художники. Они один за другим изменяют «прикладным» искусствам, чтобы искать спасения в обетованном лоне «чистого» искусства. Этим моментом завершается процесс, признаки которого сказывались еще на исходе эпохи Возрождения, — процесс, столь пагубный как для живописи и ваяния, так и для художественных промыслов. Служитель «чистого» искусства, с презрением смотревший на своего меньшего брата, художника-мастера, утратил в конце концов вместе с охотой и способность к художественной обработке предметов житейского обихода. Попытки Шинкеля и романо-готической школы, таких лиц, как Гейделофс и др., воздействовать на предпринимателей были осуждены на неудачу: эти художники уже разучились составлять модели, приспособленные к потребительным целям предмета и его материалу; игнорируя в большинстве случаев и то и дру-

гое, они насильно хотели втиснуть в заимствованные у архитектуры формы те или иные виды художественно-промышленного творчества. «Чистый» художник составлял эскиз, который затем так прямо и наляпывался на органически чуждый ему предмет, или же насилывался тот самый материал, так как художник конструировал свою модель без знания техники обработки материала; «художник весьма искусен и изобретателен в эскизах и моделях, но он ни золотых дел мастер, ни горшечник, ни ткач, ни токарь», — жалуется Земпер, один из первых (1852!) указавший на бедственное состояние художественных промыслов. И оно поистине было беспримерным.

Те случаи, когда «чистый» художник вообще заботился о «технических» искусствах — хотя бы и без всякого понимания, — составляли еще редкие исключения. По общему правилу художественное производство обходилось и без его руководства — исключительно под эгидой капиталистического предпринимателя, под углом зрения чисто капиталистических интересов с целью нажить деньги, безразлично, как и что производя.

В чем заключаются опасности от вторжения капитализма в художественные промыслы, лучше всего усмотреть из борьбы нового поколения художников с господствующим в этой области способом производства. Вот положение данного момента: возрождение художественного вкуса и художественного производства началось с того времени, когда (в Германии — несколько лет, в Англии — десятилетий тому назад) некоторые художники вспомнили, что в старину пожинались лавры и на поприще прикладного искусства.

Годом рождения английского и, следовательно, вообще современного вкуса я считаю 1849 г.: год первой выставки прерафаэлитов, так как Розетти, Гунт и Милэ зажгли вдохновение Джона Рёскина, которого наряду с Готфридом Земпером следует признать реформатором современного художественного производства. В том же году Земпер переселился в Лондон. К 1851 г. относится открытие выставки и одновременно начало постройки South-Kensington музея Земпером, к 1859 г. — окончание

постройки Red Hous, к 1861 г. — основание собственной фабрики художника Уильяма Морриса, а в следующем году последовала первая выставка ее изделий.

В Германии обстоятельства начинают меняться несколько позднее. На первых порах не путем участия художника в художественном производстве, а через поучение и советы со стороны отдельных искусных и понимающих мастеров. Клич: «Назад к отцам!» — раздался впервые в 1870 г. Мюнхенская выставка 1879 г. является переходным пунктом к новейшему периоду художественного производства. (За год перед тем Рейло на выставке в Мельбурне объявил миру свой знаменитый обвинительный приговор над всей германской индустрией — «дешево и скверно».) Жорж Гирт приступает к изданию своего «*Deutsches Zimmer*» и быстро приобретает сторонников в влиятельных кругах германской богемы, оказывающих деятельную поддержку его проповеди о необходимости возврата к прекрасным стилям прошлого и главным образом Ренессанса.

Затем, приблизительно с середины 90-х годов, в Германии начинается новая жизнь во всех областях художественного производства. Оживление возрастает непрерывно по мере того, как талантливые художники десятками возвращаются с повинной к прикладным искусствам. Первоначальный почин к осуществлению новых веяний на деле был сделан двумя архитекторами, привлечшими всеобщее внимание тщательной отделкой построенных ими больших зданий, исполненной до мельчайших деталей по заранее заготовленным планам. Это были Paul Wallot, строитель здания рейхстага (*Reichstagsgebäude*), и Ludwig Hoffman, построивший здание имперского суда в Лейпциге (*Reichsgerichtsgebäude*).

Живописцы и скульпторы не надолго отстали от архитекторов: и они принялись за реорганизацию художественного производства, побуждаемые большей частью невыгодностью сбыта картин и скульптурных изделий благодаря возраставшему массовому производству этих предметов. Перейдя к художественно-промысловой деятельности, большое число талантливых художников ис-

пользовали свое дарование наиболее полезным образом на общенародные потребности. (О, если б представился аналогичный случай нашим бесчисленным писателям и поэтам — найти полезное применение своим «талантам»!)

Одним из первых в этом новом поколении художников был Отто Экманн, закончивший свой декоративный цикл «Die Lebensalter» («Периоды жизни») в 1893 г., в 1894 г. сделавший свои первые полнотипажные и керамические этюды, а в 1895 г. издавший в «Ран» первые образчики художественных обложек.

Решающее значение в Германии принадлежит затем 1897 г.: на выставках в Дрездене и Мюнхене появились первые собственные произведения выдающихся художников в области прикладного искусства. И с того времени участие крупнейших талантов в художественном производстве делается общепринятым.

Я ограничусь указанием на такие имена, как Берлепш, Эрлер, Бруно Пауль, Обрист, Эндель, ван де Вельде, Панкок, Римершмидт, Ольбрих, Христиансен, Шумахер, Бернс. Этот ряд легко продолжить.

III. БОРЬБА ХУДОЖНИКА ЗА ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Я уже имел случай отметить, что лучше всего мы уясним себе нынешнее положение художественных промыслов в культурных странах, рассматривая борьбу художника за художественное производство. Художник, спустившийся с высот «чистого» искусства к низам искусства прикладного для освобождения доброго гения художественных промыслов из объятий стоголавого дракона, старается сообщить ему свой дух, думая этим изгнать бесов, поселившихся в его теле.

Но навстречу ему поднимается капиталист-предприниматель, с которым он должен сразиться, и эту борьбу художника с злейшим врагом художественного производства нам нужно теперь проследить шаг за шагом.

1. Борьба с капитализмом

Капиталист-предприниматель выступает перед художником в двух совершенно различных типах: новым и старом, которым мы и посвятим несколько слов.

Предприниматель старого пошиба, более всего погревший руки над художественным производством, видит в художнике либо врага, либо неудобного критика, которого нужно держать от себя на почтительном расстоянии. Он привык обходиться в своем деле самостоятельно, без вмешательства художника, и это — к своему и заказчиков обоюдному довольству. Правда, в некоторых отраслях художественного производства он не мог оставаться совсем без художников-подручных, пользовавшихся в лучшем случае правом совещательного голоса. Но таких советников можно было иметь на трудовом рынке сколько угодно и за самую ничтожную плату. Это был тот рисовальщик или моделист, которые столь долгое время беспрепятственно делали свою разрушительную работу. Это человек с неразвитым художественным пониманием, поверхностно образованный, но умевший быстро смастерить эскиз по образцовым рисункам с некоторыми безграмотными отсебятинами. Это рутинер в худшем смысле, внимавший только словам хозяина, без собственной художественной совести, заботившийся исключительно о сохранении своего места и поэтому подобострастно подчинявшийся всем прихотям и «комбинациям» капиталиста. Это бездарность, подгрызавшая корни художественно-промыслового творчества. И когда такой художник должен был, подчиняясь требованиям моды, приспособить старый стиль к условиям капиталистического производства, он нагромоздил целые кипы художественных образцов старых мастеров на своем бюро и стал работать, как родитель Фауста, «приготавливающий по бесконечным рецептам и формулам свое зловерное зелье». Ему при помощи своего технического навыка удалось таки профанировать в наших глазах превосходные старые стили, выбросив на рынок свой «буфет а la Louis XIV» или «выдвижной стол — барокко на 24 персоны», т. е. сде-

лав худшее, что может сделать человек: влив новое вино в старые мехи.

Эта креатура «художественно-промышленного предпринимателя», разумеется, вернейший его соратник в борьбе с художником.

Предприниматель и не считает нужным заключать союз с художником; он не предвидит для себя никаких выгод от этого союза, означающего для него: 1) известную помеху и лишние хлопоты, потому что прежние дела и так шли прекрасно (почему они теперь ухудшились — предприниматель, конечно, не может догадаться: ведь раз товар покупают, то он, значит, удовлетворяет требованиям покупателей; что же касается качества товара, то при таких условиях это вопрос в высшей степени безразличный для производителя); 2) вздорожание производства, о котором нельзя знать наперед, окупится ли оно. Так как, конечно, художник с более или менее известным именем потребует другую цену за свои модели, чем плохо оплачиваемый абитуриент технического училища или рисовальной школы в каком-нибудь Иноврацлаве. А для художника-подручного попытки сближения именитых художников с предпринимателями при случае могут обойтись и еще дороже: он может потерять место. Поэтому предприниматель старой складки со «своим» служащим являются естественными союзниками в борьбе с художником.

Но число предпринимателей, отказывающихся от принципиального противодействия волеизъявлениям художников и изъявляющих свою готовность реорганизовать производство по их указаниям, все увеличивается: вероятно, смекнули наконец, что настало время, когда на этажерках, столиках и креслах по образцам маститого художника, диктатора моды, можно больше нажать, чем на благонамеренных тривиальностях доморощенного художника-подручного. Но пусть художник не торжествует заранее: эта готовность предпринимателей прибегать к его сотрудничеству еще не обеспечивает ему победы.

Вступая в торг с предпринимателем, да озабочится он о том, чтобы не продать заодно и свою душу. Это легко мо-

жет случиться. Ведь нельзя упускать из виду, что интересы художника и предпринимателя отнюдь не одни и те же: они сплошь и рядом диаметрально противоположны. Художник хочет воплотить в предмет свою мысль; он хочет, чтобы его произведения вызвали в душе людей со вкусом, знающих толк в художественных формах, сочувственные колебания. Предпринимателю до этих стремлений, конечно, нет дела, так как ведь единственная цель его — нажить деньги.

Если случится, что товар, произведенный под руководством художника, дает наибольшую прибыль — предприниматель потирает себе руки, делает художнику выгодные предложения, и в мастерской водружается мир и согласие. Обыкновенно уже после первых попыток обнаруживается тенденция к дисгармонии интересов: «ходкий» товар не всегда имеет симпатии художника на своей стороне. И тут-то именно и кроется для него опасность самому обратиться в погонщика «ходкостью», приспособлять (я бы хотел сказать — невольно) свои художественные замыслы в выгоду предпринимателю. На будущее время он может оказаться слабейшим в борьбе с последним: ведь позади него целый ряд других, только и выжидающих момента, чтобы занять его место. Благодаря изобилию даже и талантливых художников и художниц барометр рынка неизменно будет показывать перевес предложения над спросом на их услуги. А столь прочных, патриархально-дружеских отношений между художником и покупателем не существует более: ежеминутно он должен быть готов отстаивать свою позицию. Конечно, чем именитее художник, тем недоступнее он давлению со стороны предпринимателя: римерошмиды, панкоки, паули, ольбрихи, беренсы, несомненно, сумеют выговорить себе большую долю самостоятельности даже в крупнейших фирмах, но... и они кажутся мне не вполне огражденными от соблазнов капиталистической эпохи.

Худшее требование, которое только может поставить предприниматель художнику, — это требование, чтобы его модели производили сенсацию в публике, чтобы они к тому же были всегда новы, неслыханно новы и оригина-

нальны. Капиталист-предприниматель кормится «последними новостями», они для него манна небесная и яд для художника. В наше время эта традиционная жалоба, накануне наступления новой эры для художественных промыслов, потеряла отчасти свою жизненную остроту, поистине трагическую еще несколько лет тому назад, когда жадная потребность в оригинальном истощила дух разумной изобретательности, так что пришлось прибегнуть к беззастенчивым нелепостям, среди которых видное место принадлежит имитации всех материалов, возникшей из того же источника художественного убожества и оскудения. (Каждый производитель-специалист имитировал материал и технику других специальностей и думал творить чудеса художественного вкуса, отделявая фаянсовые чашки наподобие плетеных корзин или бочек, стаканы — под керамику, золотые изделия — в виде ремней, тростниковые столы — под чугунные и проч.) Но совсем без влияния, мне кажется, этой потребности в «новостях», созданной капиталистическими интересами, не суждено было остаться. Мне кажется, что на всем художественном производстве нашего времени, даже там, где оно находится в сравнительно благоприятных условиях, лежит отпечаток нервности, беспокойства, красноречиво свидетельствующих о желании художника создать нечто оригинальное, невиданное.

Нельзя требовать, чтобы художник — и будь он идеал изобретательности — через каждые три месяца придумывал совершенно новую форму мебели или украшения. И если тем не менее от него будут требовать это, ему придется ступить на совершенно ложный путь. Его искусство не произрастает тогда органически, а выгоняется насильно, искусственным путем.

Этот характер искусственной выхоленности присущ большинству современных изделий художественного производства. Публика (невежественно-беззаботная, как всегда) поддерживает эту страсть к новому, сенсационному, небывалому. Посещая модную выставку, она требует, чтобы ей показали непременно какой-нибудь удивительный трюк, хотя бы специально для нее приготовлен-

ный, моды. Злоупотребление слишком частым повторением выставок действует в том же направлении. Никто не хочет явиться на суд публики со старыми моделями. Остается, значит, ломать себе голову над вопросом, нельзя ли к такому-то креслу, столу, стулу приделать ножку нового образца или придать такому-то виду стаканов новый изгиб и проч.

Главнейшее преимущество художественного производства доброго старого времени перед современностью — это постоянная, постепенная и неуклонная самоочевидность развития художественного творчества: это то, что ни один мастер в данный момент не думал ни о чем другом, как о возможной для него красоте и законченности обработки. А это спокойствие он мог иметь только тогда, когда над ним не щелкал бич капиталиста-предпринимателя, понукающего его выложить сразу всю, до последней крупинки, свою изобретательность. Таким образом, художнику нашего времени нужно прежде всего пожелать, чтобы он вернул себе это спокойствие; чтобы он окреп в борьбе с капиталистическими интересами; чтобы он твердо сознавал, какие опасности стерегут его на каждом шагу, и главнейшую из них — *продать свою душу*.

Но и свое тело, когда ему придется отдавать свои силы за незначительное вознаграждение предпринимателю. И здесь нас не должно вводить в заблуждение влиятельное и материально блестяще обеспеченное положение немногих «крупных величин». Ведь за стенами предприятия стоит армия нередко высокоталантливых художников-санкюлотов, слишком уступчивых в своих ценах, одержимых постоянным страхом встретить в кабинете предпринимателя (где они предлагают свои эскизы) других, согласных поставлять свой товар дешевле. А коммерсант и в художественных промыслах не может иметь другой точки зрения, кроме той, чтобы по возможно низким ценам заручиться возможно хорошей работой. Ловкие предприниматели уже давно наострились — по примеру своих коллег с другого факультета, театральных импресарио, — «открывать» молодые таланты — это значит закабалять их за своим предприяти-

ем на многие годы на нищенских условиях в награду за то, что они первые сравнивали пред ними дорогу и, может быть, спасли от нужды.

2. Борьба с покупателями

Да, если бы художнику удалось привлечь на свою сторону публику, т. е. потребителей, покупателей, платежеспособный спрос, тогда дело его было бы выигранным; тогда и предприниматель оказался бы на его стороне; тогда и он хотел бы того, чего хочет художник, так как предприниматель в свою очередь никогда и ничего не хочет иного, чем то, чего хочет публика. Если он продает свой товар — разумею: поставляет то, что встречает спрос, — то для него в его делах все обстоит благополучно.

Главнейшей заботой художника должно быть, следовательно, завоевание симпатий потребителей. Но это означает для него новую борьбу, так как высоко перед ним громоздятся препятствия. Потребители — публика, не только по названию, но и по существу, — обещают ему мало доброго. В тысяче случаев приходится поэтому набрасывать планы не для коммерции советника Кона или барона Цитцевица или для церкви в Мохберне, но для господина *tout le monde*, для господина «каждого». Художник, составляющий модель буфета, не знает, очутится ли он в бельэтаже шикарной столичной виллы или в старом замке в Западной Пруссии. Художник не знает своих покупателей. Они не составляют тесного, замкнутого круга постоянных заказчиков — наоборот, они постоянно меняются в своем составе и своих потребностях.

«Und gar erstá wenn er sie kennt.
Beseht die Gönner in der Nähe:
Halb sind sie alt: halb sind sie roh»¹.

Кто же составляет в наши дни «публику» на рынке искусства и художественных изделий?

¹ «И даже если он их знает! Полюбуйтесь ими вблизи: они безучастны и грубы!»

Я думаю, видное и неизменно возрастающее влияние принадлежит здесь крупным общественным союзам: государствам, городам, провинциям и проч., а также и учреждениям. Все они подвержены демократизации (и одновременно бюрократизации). Где прежде господствовала одна воля, господствует теперь большинство избранных представителей, и когда заходит речь о приобретениях, украшениях и т. п., дело передается на обсуждение подлежащей комиссии. Это худшее зло для художника, так как в ней большинство составляют, конечно, невежды. Стоит вспомнить только о строительной комиссии рейхстага и прениях рейхстага об «искусстве» и вопросах архитектуры. Счастлив тот художник, который в этом царстве надутых посредственностей встретит сочувствие разумного, ловкого и энергичного человека, сумеющего провести свою волю наперекор большинству. Иначе ему предстоят тяжелая борьба и крупные поражения.

А теперь о «частных» покупателях.

Они распадаются на две категории: людей со вкусом и людей без вкуса. Первые являются естественными союзниками художника. Но поддержка с их стороны в большинстве случаев мало ему помогает. По крайней мере теперь и в ближайшем будущем, ибо, во-первых, людей со вкусом в наше хаотическое, возбужденное время немного. И эти немногие (что хуже всего) обыкновенно не имеют денег. Но тогда они не могут помочь художнику.

«Ich merke: hat der Mensch kein Geld,
So ist der Mensch schon halb gestorben»¹.

Остается необозримое множество людей без вкуса, с которыми художнику (так как он же и предприниматель) приходится считаться. Из этих лишь некоторые имеют деньги, некоторые — даже очень много денег. И часто: чем менее у них вкуса, личной культурности вообще, тем больше денег. Это разбогатевшие выскочки и их ближние. Лица, недавно вынырнувшие из темных уголков Галиции или Аккерштрассе в блеск знатных кварталов на

¹ Я замечаю, что, не имея денег, человек уже наполовину мертв.

ших столиц,— излюбленные клиенты всех торговых предприятий, торгующих дорогим товаром,— злейшие враги художников, ибо они требуют навязчивой роскоши, толстой позолоты и самых экстравагантных новинок — словом, всего, что угодно, только не того, на чем останется здравый вкус и тонкое художественное чутье. Здесь, следовательно, художник должен взять на себя роль воспитателя. Нужно еще воспитать богатые слои европейского общества, чтобы догнать в этом отношении английских богачей: в их салонах уютно, несмотря на роскошное убранство, потому что ни одна вещь не кажется выставленной напоказ (с невидимым аншлагом: смотрите, как богато! как пышно!, потому что все предметы взаимно дополняют друг друга для общей гармонии и удобства.

Наконец, люди без вкуса и без денег — 99% всех стран. С ними далеко не уедешь. Их нужно прежде всего отучить от некоторых скверных привычек, усвоенных ими в зловердной атмосфере капитализма: страсти окружать себя дешевыми безделушками, придавать себе видимость довольства посредством подделок и суррогатов. Их следует снова приучить к простоте, скромности и естественности. Правда, задача нелегкая, так как крупнейшие враги нашего времени — капитализм и современная техника — становятся на пути этого перевоспитания, потому что тальмимания для них выгодна. Предприниматель скорее всего заткнет за пояс своего конкурента, если он на вид прочное, на вид дорогое, на вид блестящее станет дешево предлагать на рынке. Ведь наше время ни от чего так не страдает, как от этого постоянного сбавления цен и его верного спутника — ухудшения продуктов, являющихся жизненным нервом наших мошеннических предприятий. И ничто так не препятствует возрождению здорового, облагороженного художественного вкуса, как эта погоня за дешевыми ценами. Одно из нелепейших утверждений — не знаю, кем придуманное, — будто «дешевизна» есть «несомненная» народнохозяйственная и культурная ценность. Скорее, наоборот, так как с народнохозяйственной точки зрения дешевизна означает рас-

точительство, с социально-политической — эксплуатацию рабочих сил, с художественной — вырождение, с культурной — опошление масс. Но эта болезнь не могла бы достигнуть таких размеров, если бы тому не содействовала современная техника.

Техника: я снова коснулся одного из непримиримых врагов художника, с которым он должен вступить в борьбу. И мы еще раз проследим ее перипетии.

3. Борьба с техникой

Я разумею при этом двоякого рода технику: технику потребительной полезности (*Gebrauchszweck*) и технику производства.

Техника потребительной полезности. Здесь мы имеем в виду, следовательно, способность продукта служить предметом потребления, его пригодность удовлетворять известной потребности. Борьба с этим практическим назначением предмета всегда делалась неизбежной для художника, коль скоро он занимался обработкой предметов потребления. С самых ранних периодов художественного производства этот конфликт причинял художнику немало горя; конфликт между тем, что любо глазу, и тем, каким практическим требованиям должен удовлетворять предмет, конфликт, вытекающий из проблемы художественного производства как такового: соединить искусство и производство потребительных благ. При этом, конечно, не нужно думать (как делали, даже учили еще недавно), что преследование возможного совершенства в практической пригодности само собой уже ведет и к художественной красоте, что наиболее «практичный», наиболее приспособленный к своему назначению предмет потребления *поэтому* и должен быть приятен глазу, т. е. художественно прекрасен. Ничего нет ошибочнее этого мнения. В действительности существует такая же возможность сделать предмет безупречно «практичным» и безобразным, как и безупречно «практичным» и красивым. И что наше представление о прекрасном возникает

на основании оценки с точки зрения целесообразности, также весьма грубый трюизм.

Мы знаем в наши дни столь же мало о происхождении «прекрасного», о причинах наших эстетических переживаний, как и прежде. Но можно сказать с некоторой уверенностью, что наше ощущение прекрасного в конечном счете могло возникнуть лишь из непосредственного восприятия, а не из рефлексии. Но последнее должно было бы иметь место, если бы находили предмет прекрасным *потому*, что он хорошо исполняет свое назначение. Так как тогда это ощущение генетически слагалось бы следующим образом: сначала мы приобретаем знание о пригодности предмета удовлетворить соответствующую потребность, затем мы признаем за этой пригодностью известную ценность и только из этой оценки дедуцируем наше эстетическое суждение. Поэтому нам пришлось бы предварительно справиться о мнении инженера, перед тем как сказать, красивы или безобразны железный мост, машина, дымовая труба; так как только мнение специалиста может нам доставить уверенность, что мост построен безупречно, машина работает без малейшего трения и труба достигает наивысшей степени использования нагревательной силы угля.

Весь этот отпрыск теории каузальной эстетики возник, очевидно, на почве апологетической потребности: под высокоценимые (но, конечно, не по своим этическим достоинствам) приобретения современной техники думали подвести более прочный фундамент в нашем сознании, придав им положительную этическую квалификацию. Теперь, кажется, сторонники этой ереси окончательно перевелись (хотя еще в 1906 г. на дрезденской промышленной выставке я прочитал над порогом одного из отделений золотую надпись: «Красота цели» — и, войдя туда, увидел, что большая часть зала была занята «идолищами погаными» нашего времени — автомобилями). Ныне каждый знает, что керосиновая лампа, или труба, или воздушный корабль могут прекрасно исполнять свое назначение и быть очень непримечательными на вид; следовательно, возникновение нашего ощущения прекрасного не

имеет ничего общего с соображениями о пригодности или бесполезности предмета. Поэтому мы можем сказать со спокойной совестью: где есть художественное производство, там дана и возможность коллизии между прекрасным и полезным. Но приходится констатировать, что эта вечная проблема — соединить искусство с производством — представляется в наши дни весьма запутанной; что для ее разрешения современный художник должен преодолеть не в пример бóльшие трудности, чем прежде. И это главным образом потому, что наше время помешалось на том, чтобы предмет потребления был «практичным».

Мы так далеко заходим в своем предпочтении полезно-го, что готовы отрицать красоту формы у предмета, если он на практике малоприменим. Это находится, конечно, в тесной связи с общим духом нашей эпохи, направленным, как знает каждый, в сторону практики. Ничего не поделаешь, мы — поколение пигмеев, счастливых возможностью копать в земле. Наши крылья изувечены, мы не в состоянии подняться над пошлою обыденностью. Поэтому нам важнее всего наши удобства, и этой цели должны служить тысячи предметов, которыми мы «обогащаем» свою жизнь.

Мы требуем, чтобы из окон можно было смотреть на улицу, из стаканов — пить, книги — читать, на стульях — сидеть. Но взгляните на художественные прелести предыдущих веков, и вы увидите на каждом шагу предметы потребления, в высшей степени «непрактичные». Кто станет пить из бокалов Рембрандта, сидеть на стульях ренессанса или «*barocco*», писать за столиком рококо? Художник того времени мог позволить себе при случае осуществлять свои идеи в ущерб практической целесообразности. В наше время такая затея встретит дружный и энергичный протест. (В одном только книгопечатании мы безропотно терпим самые нелепые формы: вспомним, например, об экманском шрифте или печати „*Neue Rundschau*“, здесь якобы ради «художественных интересов» читателя ему преподносятся вздорнейшие письменные знаки, по которым без вреда для глаз нельзя прочи-

тать и пяти строк, а терпеливый подписчик не находит слова осуждения; впрочем, это только исключения: в большинстве случаев мы требуем, чтобы предмет прежде всего возможно лучше отвечал своему назначению.) Это плененное «практичностью» настроение наших дней, конечно, чрезвычайно затрудняет художнику его задачу.

К этому присоединяется еще и то печальное обстоятельство, что наши потребительные цели выходят за пределы разумности. Давно уже скинув оковы естественноорганического, удовлетворяя свои потребности посредством искуснейших химических и механических приспособлений, мы вызвали в жизнь удивительнейшие потребительные назначения: по медной проволочке нужно провести на большие расстояния электрический ток; процесс сгорания должен совершаться в воздушных шахтах в полтора десятка саженей вышиною; нужно огромные массы перебросить в открытом море на расстояние в десяток километров; тридцать человек, запертых в стеклянном ящике, нужно переправить из одного конца города в другой; тысячу людей нужно поместить на небольшой площади во вместилище из железа, стекла и камня и проч., и проч. технические ребусы, порождаемые нашей жизнью; и всему этому несчастный художник должен придать красоту.

Здесь современная техника выдвигает перед художником проблему художественной реконструкции предметов, вызванных изопреннейшими потребностями новейшей культуры. И та же техника воздвигает перед ним препятствие за препятствием, как только он захочет воспользоваться ею в своих целях для производства этих предметов. Нельзя забывать и опасность, грозящую производству со стороны суррогации, этой гордости современной техники: замещение благородных материалов низкопробными, техникиковки — прессованием, старых органических красящих веществ — химическими и проч. То и дело вам попадаются вещи-подделки, трудноотличимые от настоящих. Наши дешевые магазины кишат такими изделиями, которые можно купить за гроши, когда они стоили бы рубли, если бы они не были подделками. И какие неприятности причиняет художнику это «искус-

ство наизнанку»: покупатель говорит: «Позвольте, такая же лампа, за которую вы берете 100 марок, стоит там-то только 50 марок». Да, та же и все-таки не та: присмотревшись ближе, видим, что у одной латунь шириною в 2 см, а у другой — лишь в 1.5 см; там кованая, а здесь — прессованная, у той края согнуты молотком, у этой — машиной.

Таковы затруднения, возникающие для художника из условий современной техники. К этому присоединяются препятствия и со стороны организации предприятий, т. е. со стороны способов и условий применения труда в производстве потребительных благ. Мы видели, что прежде, в эпоху расцвета художественных промыслов, производственный процесс достиг в высшей степени индивидуализации. Мастер, окруженный немногочисленными помощниками, был единственным творцом своего произведения. Мастер — он же и художник. Теперь производство каждого предмета требует совместного труда многих лиц, объединенных в крупных предприятиях волею общего руководителя. Эти многие специализировались в своем труде: одни из них исполняют постоянно одну, другие постоянно другую работу. Готовый продукт уже не есть дело рук одного производителя — это общее изделие большого числа частичных рабочих. А нашего художника мы не видим среди них. В процессе производства он — безучастный свидетель. Как может он издать при таких условиях индивидуальное, целостно-личное произведение? Как может он сообщить свой дух материалу, обрабатываемому сотнями других? Былое единое, органическое творчество распалось на целый ряд обособленных частичных процессов. Как связать их художнику в одно целое? Как устоять ему в борьбе с этими темными силами разложения?

IV. БУДУЩНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ

В силу многих недостатков и неприглядностей современной культуры неудивительно, что многие из наших современников склонны впадать в самый беспросветный

пессимизм. Они проклинают культурные приобретения последнего столетия с его железными дорогами, универсальными магазинами, коммерции советниками, анилиновыми красками, скоропечатнями, телефонами и всеми прочими вещами, призванными украшать нашу жизнь. Это те, кто отчаивается в возрождении проникнутой художественным духом культуры, кто, в частности, не может себе представить возрождения художественной промышленности иначе, как на развалинах современной техники, кто и самую надежду на улучшение связывает с возвратом к старым формам жизни и преимущественно к старым формам производства: к «ручной работе» или к «ремеслу». Многие из лучших среди нас не могут избавиться от мысли, что нужно обратиться вспять, чтобы создать себе снова достойное человека существование. Гениальнейшим представителем этого мнения был Джон Рёскин. Он всю свою долголетнюю деятельность посвятил этой проповеди возврата к жизненному строю прошлого.

Его пламенная речь запечатлела в наших сердцах все скрытые язвы современности; он восхищал нас, рисуя перед нами картины уравновешенной, согласованной с природой жизни, далекой от обессиливающей травли современного города.

И в наши дни ни один просвещенный и искренний человек не станет отрицать, что современная культура более разрушила художественных ценностей, чем создала, что она своими пресловутыми «завоеваниями техники» заслонила человеку доступ к живительным источникам, оставив ему пустыню душевного оскудения. Неизменно растет и число тех, кто приветствовал бы как огромное благо для человечества возврат к прежнему строю жизни. Это настроение понятно и естественно, но другой вопрос, не суждено ли этому возврату, этому попятному движению культуры, как представлял его себе Рёскин, остаться прекрасным сном? Не утопична ли сама вера в возможность возрождения докапиталистических, домашних порядков? Если мы думаем, что мы научились отличать желаемое от исторически неизбежного, мы

ошибаемся. Как часто будущее, особенно в политике, представляется нам собственным произведением, создаваемым нами согласно нашей воле и желаниям. Нам давно пора научиться рассматривать движение культуры как органический процесс (не только в теориях отдельных мыслителей), к которому мы должны приспособляться, на исход которого мы можем влиять лишь в самой незначительной степени. Как влиять? Проникая в его существо и смело принимая его темные стороны, не тратя бесплодных усилий на борьбу с ними. Уж раз мы блуждаем в пустыне, наденем верблюжьей шкуры и будем питаться кореньями.

Или, может быть, и в самом деле найдутся оптимисты, думающие, что современность и ее культуру можно выбросить за борт, заменить другой? Но где взять силы, необходимые для осуществления такого замысла? Без живых, органически действующих сил его нельзя осуществить. А эти силы — интересы людей, заинтересованные люди. Кто же из нас заинтересован в ревизии современной культуры? Несколько художников, горсть одиноких. И из всех порицателей современности большинство, наверное, отказалось бы участвовать в походе против нее, если бы целью похода был возврат к прежним формам существования, если бы пришлось пожертвовать современным комфортом, гигиеной, удобствами сообщения и проч. И кто, кроме этих одиноких, чувствует в себе достаточно озлобления, чтобы бороться с современностью? Кучка ремесленников, может быть помятых колесом времени. Таким образом, отряд, который можно было бы завербовать для борьбы с «приобретениями» нашего времени, чтобы не сказать, со всем, что называется «прогрессом», был бы очень невелик, с плохим вооружением и неопытен в ратном деле. И он должен выйти победителем из столкновения с подавляющим большинством людей, искушенных в борьбе, располагающих всем арсеналом политических кампаний?

А что за все, что называется «прогресс», заступится подавляющее большинство, в этом не может быть сомнения. Мало того, что оно, вообще говоря, совершенно до-

вольно всем тем, что дала ему современная культура (недовольно разве только тем, что его доля участия в пользовании этими «благами» культуры слишком ничтожна): оно при всем желании не могло бы противиться «прогрессу» в технической области, потому что это было бы равносильно самоотрицанию, лишению себя права на существование. Ведь современная техника породила эти массы людей в культурных странах, ведь она дает им возможность зарабатывать себе пропитание. И на них же покоятся верхние слои общества, богатства которых не существовало бы, если б эти полчища рабочих не были мобилизованы техникой.

Таким образом, возврат к естественным условиям существования былых времен не более как утопия. Трубы не перестанут дымить, покуда не будет извлечена из земли последняя тонна угля; универсальные магазины (и учреждения других видов для массовой закупки товаров) будут по-прежнему доставлять солидные дивиденды своим пайщикам; поезда, трамваи, автомобили по-прежнему будут свистеть, гудеть и гроыхать на благо человечества во всех частях света.

Но о чем можно было бы призадуматься серьезно, так это о создании для художественной промышленности (которой угрожает неминуемая гибель в современной атмосфере) обособленной, недоступной вредным влияниям жизненной среды, в которой бы нашли себе место столь благоприятные для нее формы ремесленной организации производства.

Но и эту мысль нельзя не признать утопичной. Выраженная в ходячей форме, она прежде всего не ясна, не продумана до конца. Необходимо поэтому остановиться на ней подробнее. При этом нужно твердо помнить, что если нельзя остановить поступательный ход культуры, то общественная среда останется та же, что и прежде. Тем же останется и круг потребителей. Богачи и бедняки по-прежнему будут составлять публику. Допустив даже осуществление программы-максимум самых пылких социалистических голов, с непросвещенной на первых порах массой, с избытком людей без вкуса, без понимания

красоты и прекрасных форм жизни, во всяком случае, придется считаться. Нельзя воскресить великолепных пап XV в. и тихих монахов раннего средневековья или королей и маркизов дореволюционной Франции. И интимности отношений между художником и заказчиком нам не видать. Для этого наши порядки слишком расширились, наше время слишком беспокойно.

Художник поэтому всегда будет иметь дело с неизвестными ему лицами или с безличными учреждениями. Его надежда единственно в том, чтобы воспитать эту аморфную массу потребителей в указанном направлении: он должен отнять у богачей страсть к показной роскоши, бедняков исцелить от тальмимании. Может быть, тогда, много лет спустя, подрастет поколение понимающих и любящих искусство людей, для которых прекрасное делается потребностью, а неподдельность и простота — его предпосылками.

Но можно ли и следует ли придать производству художественных изделий, даже признавая за их потребителями — публикой — способность к художественному развитию, те формы, при которых оно давало столь блестящие результаты? Мыслима ли реконструкция прежней организации производства в сфере художественных промыслов? Для достаточно полного ответа на этот вопрос нужно строго различать отдельные пункты, по которым реформа ныне признается необходимой, отдельные недостатки, следовательно, которые, по мнению, художников, присущи современной организации производства и сбыта. Это различие мы легко усвоим, вспомнив о враждебных силах, препятствующих художнику занять в художественной промышленности подобающее ему место.

Немаловажное значение среди них принадлежит, как мы видели, технике. Можно ли и должно ли заменить ее прежней техникой, или же она при известных условиях может быть совмещена со здоровым и подлинным творчеством?

Я думаю, что современная техника в некоторые отрасли производства наряду со многими отрицательными внесла и немало положительных изменений. Вспомним только о

способах, которыми ныне высушиваются, обкуриваются, травятся, обрезаются и обстругиваются различные сорта дерева, о способах обработки драгоценных камней, изготовления керамических и стеклянных изделий, о результатах, достигнутых в текстильной промышленности, производстве бумажных изделий, воспроизводстве картин и проч., — все это означает, несомненно, действительный прогресс, действительное улучшение и утончение техники, которые с радостью должен приветствовать каждый производитель художественных изделий.

А тем, чему современная техника нас научила в области производства непрочных, нестоящих, поддельных продуктов, ведь ничто нас не принуждает пользоваться. Яды вовсе не *должны* быть принимаемы, и их существование само по себе еще никому не причиняет вреда. Только бы нашлись средства изгнать из употребления вредящие делу технические приемы — и художник мог бы спокойно идти своей дорогой. И опять-таки главное значение имеет здесь воспитание публики: когда последняя с пренебрежением отвернется от лоснящейся ветоши, поддельной роскоши, не будет гоняться за дешевизной, памятуя, что дешевая покупка иногда обходится дороже дорогой, тогда только будет воздвигнута надежная плотина против этого наводнения рынка негодными изделиями современной индустрии. Назад к солидной работе, к неподдельному, естественному творчеству! Этот лозунг должен восторжествовать. Но означает ли он непременно и отказ от современной техники? Мы видим — нет. Существует чрезвычайно много технических приемов механического и химического характера, дающих столь же солидные, столь же настоящие изделия, как и прежняя техника. Противопологаются поэтому отнюдь не современная — не солидная и старая — солидная техника, что нередко упускается из виду. Скорее для каждого отдельного случая придется особо исследовать, как достигнуть лучшего исполнения: механическим или немеханическим путем. Но остается еще немало отраслей производства, где старая рукодельная или, точнее, ручная техника заслуживает предпочтения не только ради большей

надежности и неподдельности продуктов: это те отрасли, в которых мы ее ищем ради нее самой, со всеми ее недостатками и промахами, ради правдивости, жизненности ее творчества. Сотканный машинами ковер, несмотря на доброкачественность материала и проч., никогда не может заменить нам дивную причудливость старого «настоящего» ковра ручной работы; выточенный машинным способом стул совсем не то, что резной; гравированная рукой медная или латунная пластинка дает нам иллюзию, которой не может дать сработанная машиной; раскрашенная рукой ваза, воспроизведенная художником статуя или бюст всегда сохраняют свою особую ценность, потому что они изделия ручного труда. И несомненно, потребность в этих изделиях будет у нас возрастать по мере того, как любовь к настоящему, искреннему, надежному будет развиваться и крепнуть. Наряду с производимым машинным способом (пусть доброкачественным) массовым продуктом появится особый класс высокоценимых предметов, при производстве которых ручная техника будет восстановлена в своих правах.

Нельзя обойти здесь вниманием также и то, что многие из говоривших и писавших об этих вопросах впадали в роковую ошибку, смешивая технику производства с его хозяйственной организацией как предприятия, что, исходя из требования более широкого применения ручной техники, они выводили необходимость ремесленной организации художественного производства. Это, конечно, совершенно неверно.

Следует еще раз настойчиво подчеркнуть то высказанное уже нами положение, что реформа техники отнюдь не знаменует собою неизбежного вытеснения в огромном большинстве случаев современных, т. е. механических и химических, приемов. Мало того, последние сплошь и рядом сохраняют одинаковую, если не большую, ценность в сравнении с прежними. Но что применение их в рамках старой ремесленной организации производства невозможно — должно быть ясно каждому. Да и по существу дела: возврат к ручной технике совсем не обуславливает еще возврата к мелкому предприятию и ремеслу. На-

оборот, эта техника, т. е. выделка рабочим данного продукта при помощи простых орудий, прекрасно уместается и в крупном предприятии. Ничто не препятствует тому, чтобы в крупных предприятиях отдельные работы или самостоятельные части сложных предметов производились отдельными лицами посредством наиболее примитивной, значит, только ручной техники. Но это и ныне практикуется в самых широких размерах.

Каждая мебельная мануфактура, каждая фабрика бронзовых и фаянсовых изделий свидетельствует, что и в очень крупных предприятиях остается немало места для совсем индивидуального, чисто личного труда. Конечно, отдельные вспомогательные работы целесообразнее всего поручать машине или действию химических сил. Было бы неразумно и невыгодно распиливать и строгать бревна ручным способом или иметь для каждой раскрашенной фаянсовой статуэтки особую печь. Но важнейшие части работ в этих крупных предприятиях уже и ныне исполняются от начала до конца поштучно отдельными рабочими. Эти зачатки ручной техники, когда будет нужно, могут быть значительно развиты в крупных предприятиях. Возвращаться же для этого обратно к ремесленной организации нет никакой надобности.

В предшествовавшем изложении мы, однако, имели случай убедиться, что художественной промышленности и ее возрождению угрожает не одна только техника, но и организация производства (общественного, крупного) и господствующая хозяйственная форма (капиталистическое предприятие) как таковые, что они — при любом из возможных решений вопроса о технике — сами по себе мешают художнику. Это соображение могло бы послужить точкой опоры требованию возврата к старым формам предприятия и хозяйства, к мелкому предприятию и ремеслу как необходимым условиям оздоровления художественных промыслов, оставляя, следовательно, в стороне реформы чисто технического характера, о которых речь была выше.

Действительно, стремления к возрождению художественного ремесла наиболее заметны среди самих ревните-

лей художественных промыслов и художников. Но для общественной жизни, для экономической политики этим затрагивается одна из важнейших проблем. Если в самом деле возрождение художественного производства возможно не иначе как в форме ремесла, то это обстоятельство может повлечь за собою коренные изменения во всем нашем общественном строе. Оно означает резкий переворот в ходе нашего экономического развития, до сих пор неизменно уклонявшегося от ремесла в сторону крупного производства капиталистической или хозяйственно-обобществленной формации. Оно означает укрепление позиций тех политических групп, которые прилагают все усилия для противодействия эволюции наших хозяйственных и общественных порядков в последнем из указанных направлений, всех «спасателей» среднего сословия и цеховиков. Поэтому не мешает приглядеться попристальнее именно к этому пункту, установить, следовательно, что он имеет общего с лозунгом: «Назад к художественному ремеслу!»

Здесь прежде всего нужно принять во внимание две диаметрально противоположные возможности. Либо художник (с которым мы и в будущем не желаем расставаться) сам сделается опять ремесленным мастером, либо он будет парить над отдельными предприятиями, пользуясь ими лишь для осуществления своих идей, выражаемых им графическим путем, рисунком.

Первая возможность: она, несомненно, настоящее возрождение возрождения, и мы вправе спросить: почему бы наши художники не могли, как великие мастера прежних веков, работать в собственных мастерских, если они этим могут привести художественные промыслы к новому расцвету?

Но я думаю, что причины, препятствующие этому обратному течению потока от устья к источнику, слишком значительны. Во-первых, наши художники, от превращения которых мы ожидаем таких выгод для художественного производства, едва ли согласятся на эту деградацию в мастера. Для этого наши времена слишком изменились против прежнего. Расценка умственного ру-

ководящего труда в течение последних столетий возросла так значительно, что ручной или рукодельный труд признается далеко не равноправным с ним. Не забудем, что мастера прежних времен не знали других порядков, кроме тех, при которых на их долю выпадало исполнение и низших, чисто механических работ. О монахах-художниках нечего и говорить, но и живописцы и скульпторы эпохи Возрождения тратили немало времени на чисто механическую работу, приготовление красок и проч., от чего художники наших дней давно отвыкли. И посвящавшие себя прикладным искусствам не думали умалять своего достоинства, опоясываясь фартуком и работая среди подмастерьев за станком и плавильного печью, становясь, таким образом, ручными работниками.

Тем временем совершалась дифференциация умственного и исполнительного труда (ко благу ли человечества, в пользу ли его произведений — оставляем пока под вопросом); на этом фундаменте возникло новое «классовое» самосознание, мешающее «умственному» работнику нашего времени спуститься в сферу механического труда.

Эта дифференциация умственно-творческого и механически-исполнительного труда значительно расширила круг деятельности умственного работника. Образы, рождавшиеся в душе прежнего художника, были связаны в своем овеществлении стеснительными условиями ремесленного производства. Художник наших дней не может довольствоваться узкой сферой одиночного ремесленного предприятия. Он требует более обширной области для применения своих идей.

Но он хочет также, чтобы его труд лучше оплачивался, чем это возможно при собственноручной выделке изделий, служащих лишь сырым материалом для собственно творческой работы, т. е. чем это доступно ремесленнику. И здесь нельзя оставить без внимания изменения в общественном положении художника. Художник-ремесленник прежнего времени довольствовался скромным образом жизни, потому что вокруг него (не считая немногих богачей) была та же беднота, та же скромность. Ныне бо-

гатством и роскошью полны все улицы; они магически притягивают к себе и художника.

И потом — допуская даже, что художник согласится снова сделаться мастером-ремесленником в указанном выше хозяйственном смысле, — ему, конечно, придется перенять и все экономические и организаторские функции ремесленника: ему пришлось бы заботиться о закупке средств производства, о найме рабочих, об организации сбыта своих изделий. Но то, что прежде являлось второстепенной функцией производителя — торговая деятельность, — получило теперь совершенно иное значение благодаря большей сложности наших отношений, благодаря неустойчивости, проблематичности сбыта промышленных продуктов.

Художник-ремесленник в наши дни должен был бы на своих плечах вынести борьбу с конкурентами, истощающую теперь нервы наших предпринимателей; он должен, сверх того, склонить в свою пользу конкуренцию среди торговцев и скупщиков художественных изделий, которых не знали ни Донателло, ни Челлини. И если б художники вздумали последовать благонамеренному совету некоторых писателей, доверчиво поручив себя и всю коммерческую часть своей деятельности как ремесленника попечению капиталистического торговца, то это означало бы добровольное закабаление, своего рода «*societas leonina*»^{5*}, на что никогда не согласятся именно наиболее выдающиеся и талантливые из них.

А в каком положении очутятся наши художники, наиболее пристрастившиеся в последнее время именно к художественной промышленности, в роли самостоятельных мастериц-ремесленниц?

Но если б даже сам художник, отбросив в сторону все свои сомнения, решил открыт мастерскую — мы не могли бы приветствовать этого решения в интересах всей нашей культуры.

Напомним снова: когда ремесленник был художником — само искусство в большей своей части было еще ремеслом. Само развитие и упрочение более широкого понимания искусства нельзя не поставить в заслугу эман-

сипации художника от узкоремесленной среды, погубившей немало талантов. Для полного развития своих творческих сил Альбрехт Дюрер должен был порвать все связи с ремесленной мастерской, в которой он еще делал свои первые шаги. Выступив из мастерской мастера Вольгемута, он был недурным рисовальщиком и колористом, без каких-либо выдающихся особенностей, по которым можно было узнать будущего гения. Лишь в годы странствования развился его громадный талант. Судьба Дюрера типична для общего хода развития всех отраслей искусства. Гёте прав, считая особым преимуществом флорентийского искусства, «что оно ранее, чем где-либо, перестало быть ремеслом». «Новоявленное искусство пребывает в высших краях, где оно только и может цвести». Сделать художника снова ремесленником — это значит отвергнуть и разрушить крупнейшие культурные приобретения последних столетий в области искусства, именно Возрождения, завершившего великое дело освобождения личности от оков средневековья.

Я полагаю далее, что не только художники, но и каждый из нас заинтересован в том, чтобы крупные таланты имели широкий простор для своей деятельности. Мы можем только пожелать, чтобы крупные и свободные дарования не были стеснены в своем развитии. Мы верим в правдивость слов.

«Das sich das grösste Werk vollende
Genügt Ein Geist für tausend Hände»¹.

Поэтому мы не можем не противиться тому, чтобы дух даровитого художника снова съезжился настолько, чтобы уместиться в своей младенческой колыбели — одиночном ремесленном предприятии.

Это, помимо всего прочего, имело бы еще и то невыгодное последствие, что нам пришлось бы отказаться от всех действительно благих завоеваний современной техники, неразрывно связанных с крупным, изобилующим всеми средствами производства предприятием.

¹ «Чтобы закончить крупнейшее дело, хватит единого духа на тысячу рук».

Это обстоятельство противоречит, однако, не менее и тому требованию, чтобы художник пользовался ремесленным предприятием как средством для своих целей, не сливаясь с ним, оставаясь вне его, — второй возможности представить себе возрождение художественного производства в форме ремесла. Ведь нельзя забывать, что ко многим отраслям художественной промышленности, получившим ныне особенно важное значение, ремесленная организация вообще неприменима, потому что они могут создавать художественные ценности лишь при условии крупнокапиталистических форм предприятия. Сюда относятся прежде всего керамическое производство, производство стеклянных изделий, некоторые отрасли текстильной промышленности, именно выделка ковров и проч., производство обоев, осветительных материалов, кожаное и бумажное производства, полиграфические промыслы.

Но и в тех отраслях промышленности, которые не находятся в столь явном противоречии с ремесленным производством, каковы: столярная, слесарная, металлическая, — капиталистическая организация *являет несомненные преимущества.*

Она дает место более богатому выбору сырых материалов (дерева и проч.), допускает предоставление чисто механических частей производственного процесса машинам (как, например, первоначальной обработки дерева и железа) и многое другое. Но она воспитывает и новый контингент производителей, оставляющих далеко за собою ремесленника старого пошиба: дифференциация отдельных самостоятельных работ вызывает в жизнь недюжинных специальных рабочих и проч.

Если теперь художнику придется выбирать между мелким ремесленным предприятием и снабженным всеми вспомогательными средствами крупным предприятием, мне думается, выбор для него не тяжел. Он в огромном большинстве случаев окажет предпочтение последнему, разумеется, при том условии, что ему здесь будет предоставлена та же свобода распоряжения, какую он мог пользоваться там.

Поручая исполнение своих моделей другим, художник тем самым отказывается от крупнейшего преимущества ремесленного производства: возможности непосредственного проникновения творческой мыслью самого произведения, индивидуальной целостности творчества. Мы видели, как много теряет художественное произведение от этого отделения субъекта замысла от субъекта исполнения, но художник должен с этим примириться, и весь вопрос для него должен заключаться только в том, каким путем достигнуть возможной близости к его идеям их интерпретации и исполнения другими. Единство тела и души утеряно, но восстановить его старым способом нельзя. И мы вправе спросить: не составляет ли капиталистическое производство столь же, если не более, подходящую для этого почву, как и ремесленная организация?

Эти теоретические соображения в течение последних лет несколько отстали от фактического хода событий. Практика показала, что младшее поколение художников, не долго думая, предпочло воспользоваться капиталистическими формами производства для обновления художественной промышленности. Необходимость работать в крупных предприятиях в тех отраслях, где ремесленное производство давно уже отошло в историю, решающим образом повлияла на выбор художника между ремесленной и капиталистической организацией и там, где этот выбор еще был возможен.

Прототипом для всех позднейших организаций, примиривших современных художников с современными формами производства, послужило устройство «соединенных мастерских» («Vereinigte Werkstätten»), (столяров и проч.) в Мюнхене, позднее и Дрездене, с которыми мне необходимо познакомить читателя.

Эти «соединенные мастерские» нередко приводились в доказательство того, что художники сами более всего добиваются возрождения ремесленных форм производства.

Я лично никогда не сомневался, что этим надеждам благожелательных почитателей ремесла грозит жесткое разочарование. Как бы громко и настойчиво из среды художников ни раздавались отдельные голоса в осуждение

«крупного производства» и в восхваление «ремесла», мне из личных знакомств с художниками было хорошо известно, что на уме у них нечто совсем другое, чем ожидали наши восстановители, и что кажущаяся приверженность их к ремеслу — результат различных недоразумений, вытекавших из неясного толкования понятий «ремесло» и «крупное производство». Что в художественных кругах и в тех, в которых особенно охотно говорят о «возрождении ремесла», никто в действительности об этом и не помышлял, доказывает не оставившее желать ничего лучшего согласие, установившееся между этими господами и крупными обойными, ситценабивными и другими фабриками, которым уже давно лейгеры, беренсы e tutti quanti поставляют свои эскизы. И представляют ли знаменитые «соединенные мастерские» какое-либо новшество в этом отношении? Нет. Организация «соединенных мастерских», напротив, служит лучшим доказательством справедливости всегда защищавшегося мною взгляда, что в наши дни высшие запросы художественного вдохновения в художественной промышленности исключают ремесленный способ производства; что художники там, где они могут свободно выбирать между различными хозяйственными формами, остановятся всегда на крупном капиталистическом производстве, а никогда не на ремесленной мастерской старого типа, именно потому, что первое лучше всего обеспечивает исполнение их желаний.

Что касается организации «соединенных мастерских», то ее основные черты следующие: при центральном хозяйственном управлении устроены рисовальные бюро, куда художник присылает первоначальный набросок, скажем, канделябра или рисунок для ковра. Набросок выполняется в деталях опытными рисовальщиками и воспроизводится ими в соответственно увеличенном масштабе в качестве образца. Рисовальщики по мере возможности специализируются на отдельных художниках. Так, имеются специальные рисовальщики для Панкока, Обриста и др., прекрасно усвоившие все особенности их творчества, умеющие истолковать всякий изгиб,

всякий теневой эффект в оригинале и находящиеся в постоянном личном общении с художником. Последний определяет в точности и материал: цвет дерева, ниток и проч. Когда модель готова, приступают к ее техническому исполнению, из которого все художественные функции окончательно изгнаны. Наиболее желательно при этом возможно точное, рабское перенесение образца на материал. Каждая надбавка собственной «индивидуальности» на пути между готовой моделью и готовым изделием только вредит делу. Идеальным представляется наличие группы высокоспециализированных частичных рабочих, из которых каждый также вышколен по возможности на одном художнике и на особой работе, например на деревянной мозаике Панкока. Что при таком способе исполнения крупнейшее предприятие, где сотни специальных рабочих работают один на другого и где вся механическая работа поручается машинам и проч., имеет все преимущества пред ремесленным предприятием на своей стороне — очевидно. Если правление «соединенных мастерских» в Мюнхене, располагающее собственной фабрикой столярных изделий, и теперь еще дает работу отдельным ремесленникам, так это, по словам его директора, не потому, что работа выполняется ими лучше, а только потому, что она в данный момент дешевле благодаря ли более сильной эксплуатации их рабочих сил (учеников!) или другим случайным обстоятельствам (необходимости использования металлических остатков и проч.).

Мы видим, таким образом, что «соединенные мастерские», являясь новой формой организации художественной промышленности, ведут, однако, не обратно к ремеслу, а напротив, к более совершенному, капиталистическому устройству предприятия. Основным требованием нового порядка является достижение такого устройства, при котором один дух направлял бы не только тысячу, но десяток, сотню тысяч рук. Для этой цели рисовальщик-моделист одиночного предприятия должен быть заменен свободным, работающим для многих предприятий художником. Фабрика должна механически исполнять

то, что предписывается ей главным художественным бюро; собственные «художественные» элементы составляют для нее скорее недостаток, чем преимущество, так как, желая исправлять, они только портят художественные образцы. В чем она нуждается всего более, так это в большом количестве искусных рабочих, т. е. исполнительных органов, подготовка которых должна составить задачу ремесленных школ будущего. Наряду с этими чисто исполнительными крупнопромышленными предприятиями должны быть созданы в качестве питомников художественных идей государственные ремесленные школы и испытательные комитеты для художественных изделий, в которых составляемые здесь по оригинальным рисункам образцы подвергались бы конкурсу по своим художественным достоинствам. В этих учреждениях, следовательно, и будет сосредоточен весь художественно-творческий труд...

Таковы в общих чертах руководящие идеи организации «соединенных мастерских».

Эти идеи, как видит читатель, лишены всякой примеси ремесленных традиций. Художник возвращается в сферу промышленного производства, но уже не таким, каким он ее покинул, а помеченный отпечатком коренных перемен, происшедших за эти долгие годы разлуки во всем строе нашей культуры. Ему доступна теперь более широкая область человеческого творчества. Идея индивидуализации, художественной цельности осуществлена, но не в прежней примитивной форме, при которой расточалось множество драгоценных сил на собственноручную работу, а в форме подчинения художнику всего материального труда, при котором те многие, способные быть только исполнителями, сделались послушным орудием в его руках. Если художник эпохи Возрождения для выявления своих замыслов располагал только грифелем, рубанком, молотком, то к услугам современного художника — искусная система одиночных рабочих, через посредство которых он воздействует на материал. Будущая организация художественной промышленности по своей основной мысли должна проводить начало дифференци-

ции способностей в применении к творческому труду с гораздо большею последовательностью, чем теперь.

Все сказанное относится прежде всего к высшим видам художественной деятельности в сфере производства, значит, к производству первоклассных, может быть, даже единственных в своем роде художественных изделий. Можно было убедиться, что даже (или именно) для этих редких, невоспроизводимых свободно изделий ремесленная организация неприменима. Но это столь же верно и по отношению ко всякому массовому продукту, которому в производстве, вероятно, всегда будет принадлежать видное место. Из 1000 людей 999 рады иметь красивый стул, красивую вазу, не интересуясь тем, имеет ли их и сосед. Этот растущий спрос на массовые продукты (в лучшем смысле) может быть удовлетворен, конечно, только более производительным крупным предприятием.

Таким образом, можно считать решенным, что в будущем художественная промышленность не примет форм старого ремесла, что художники не сделаются ремесленниками в прежнем смысле и не станут пользоваться ремесленным предприятием для осуществления своих идей.

Но далеко еще не решено, каким путем будут вызваны в жизнь исполнительные крупные и средние предприятия; следует ли в основу их хозяйственного устройства положить частнокапиталистические или иные принципы; следует ли подумать об огосударствлении художественной промышленности или о передаче ее в руки товариществ художников? Все эти возможности существуют, и организация производства наподобие той, какую мы встречаем, например, у «соединенных мастерских», одинаково возможна в рамках как капиталистического предприятия, так и товарищества или государственного учреждения.

Что из капиталистических хозяйственных порядков, построенных на принципе стремления к наживе, для художественной промышленности возникают серьезные опасности, было показано мною в другом месте. Мы видели уже, что поспешность труда, неизбежная при капита-

листической организации, — худшее зло для художественного производства. Непрерывная травля, спешка, торопливость, столь необходимые для конкурирующих предприятий, прекратились бы сами собой, коль скоро все отрасли художественной промышленности перешли в руки государства, что в отношении к некоторым из них (фарфоровой индустрии, производства гобеленовых обоев и проч.) наблюдается и ныне. Конечно, огосударствление влечет за собой другие невыгоды: косность, бюрократизацию и т. д. Но все-таки мысль об учреждении наряду с частными и государственных предприятий возможно крупных размеров для поднятия общего уровня художественного производства заслуживает большого внимания. Не думая о минутном успехе, не заботясь о сбыте и крупных барышах, эти предприятия должны привлекать лучших художников посредством высоких окладов и предоставления им всех условий для беспрепятственного развития своих сил. Я думаю, что от таких государственных образцовых предприятий можно будет ожидать много большего, чем от государственных музеев и ремесленных школ, вместе взятых, влияние которых уже и теперь весьма благотворно для всей нашей художественной промышленности. Что касается личного состава, то всегда найдутся люди, по опыту и знаниям достаточно подготовленные, чтобы занять должность ответственного директора в таких предприятиях.

Менее обеспеченною представляется мне будущность художественных товариществ. Им не удастся сбросить с себя гнет конкуренции: ведь им придется отбивать свои дивиденды от капиталистических предприятий, так как среди богатых художников и меценатов вряд ли найдется достаточное число охотников для учреждения товарищества на паях в большом стиле. Им пришлось бы поспевать за капиталистами в рекламировании своих изделий, тратить огромные деньги на выставки, гоняться за сенсацией — словом, нести все невыгоды капиталистического предприятия, не разделяя его выгод. А этих выгод у капиталистического предприятия отрицать нельзя. Для самой художественной промышленности в ее целом: пото-

му что капиталист-предприниматель более всего доступен новым влияниям в искусстве, если только они могут рассчитывать на сочувственный отклик со стороны публики; для художника в частности и в особенности: потому что капиталист-предприниматель всецело освобождает его от всех коммерческих хлопот и дрызг и может оплачивать его труд много выше, чем товарищество или государство. Это относится, конечно, только к наиболее выдающимся художникам. Но ведь они, как вожаки, задают тон остальным. И всем известно, что лотереи с крупными выигрышами (даже если они малочисленны) всегда имеют больший успех.

Мы видим, следовательно, что, взвесив все обстоятельства дела, нельзя не прийти к убеждению, что в будущем капиталистическому предприятию суждено сосредоточить в себе большую часть художественно-промышленной деятельности. Легко возможно, что между предприятием и художником возникнет впоследствии посредствующее звено, изредка встречаемое и ныне, — в лице универсального магазина или салона художественных изделий, — которое в интересах публики и художников сконцентрирует сбыт. Дальнейшее развитие хозяйственной организации художественной промышленности будет направляться потребностями наиболее заинтересованных сторон: художников и капиталистов. И я полагаю, что для художественной промышленности это развитие не может иметь каких-либо неустранимых вредных последствий. Но, разумеется, лишь при условии безусловного господства художника.

Вся будущность художественной промышленности зависит от непосредственного оплодотворения производства идеями талантливых художников. Но раз это оплодотворение, как мы знаем, не может быть достигнуто прежними способами, ничего другого не остается, как предоставить художнику руководящую роль среди всех участвующих в производстве элементов. Господствуя над ними, он должен их воспитать: публику, рабочих, предпринимателей. Сообщая им свой дух, он должен восстанавить органическое единство художественного творче-

ства, утраченное с развитием современности ко вреду всей художественной промышленности. Ее будущность в руках художника, и будем надеяться — *в верных руках.*

V. ГРАНИЦЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Рассматривая современное положение художественной промышленности в культурных странах и отдавая себе ясный отчет в условиях ее развития, легко убедиться, что будущность ее достаточно обеспечена. Опасения, что грядущим поколениям суждено будет довольствоваться жалкими остатками богатого прошлого, что источник художественной деятельности иссякнет, — вряд ли основательны. Число художников, занятых в промышленном производстве, не сократится: это обеспечивается неизменным ростом общего благосостояния. Оно же и расширит круг потребителей более дорогих и более совершенных художественных изделий. Влечение к чувственному — эта сигнатурка нашего времени — будет прогрессивно повышать потребность в этих изделиях.

Гораздо существеннее, на мой взгляд, другая опасность, о которой я в заключение должен сказать несколько слов: опасность слишком обильного художественного производства.

Под влиянием господствующего настроения эпохи и порожденных им особых духовных потребностей художественная промышленность грозит выйти из своих естественных границ. Слишком неразборчивое и безусловное подчинение всего производства, всей жизни общества эстетическим ценностям неизбежно должно понизить общий уровень культуры. Я думаю, что следует опасаться, как бы быстрый и беспорядочный рост эстетических ценностей не заглушил собою все остальные и, уничтожив сознание их иерархической соподчиненности, не привел бы к нивелировке высокого с низким, унизив первое и возвысив последнее. Тогда наступит час низменной, чувственно и интеллектуально уравновешенной культу-

ры, без вершин и глубин, без прелести сумерек и величия ночи.

Постараемся показать на частных примерах, как это следует понимать.

Первое, чего нужно опасаться и избегать, — это применения эстетической точки зрения без выбора ко всем предметам нашего обихода — вернейший признак полного отсутствия вкуса. Кто ко всему старается прикинуть эстетическую мерку, тот неминуемо впадает в крайность. Кто требует красоты формы для тысячи предметов, необходимых нам для наших мелких нужд, тот профанирует красоту и умаляет ее достоинство. Если считать противоестественным желание красиво умереть, то можно только смеяться над теми, кто и такие действия, как чистка зубов, выметание сора и проч., старается облечь в эстетические формы. Нельзя требовать, чтобы зубные щетки, подвязки, плевательницы украшались художественными рисунками, так как это значило бы придавать значение и важность мелочным и неважным житейским делам. Как об известных действиях, считая их малопривлекательными, не принято говорить, так точно и не следует любоваться употребляемыми при этом предметами. Не менее нелепо посылать на выставки кухонные шкафы, горшки, котлы с намерением открывать посетителям новые эстетические горизонты. И опять-таки потому, что большинство предметов житейского обихода слишком малозначащи, чтобы рассматривать их иначе как с точки зрения трезвой практичности.

Столь же легко впасть в безвкусицу, не зная, когда и при каких условиях эстетическая оценка уместна. Мы любим, когда при исключительных случаях женщины наряжаются в богатые одежды, не щадя усилий на художественную отделку своих нарядов, и в то же время считаем пошлым расфранченное будничное платье. Еще более строги наши требования в отношении к мужскому платью, для которого недопустимы отклонения от общепринятых конвенциональных правил. Определенные указания обычая не могут быть поколеблены какими-либо эстетическими притолчками.

Все это указывает на то, что художественной промышленности, стремлению к художественной обработке предметов потребления поставлены весьма определенные пределы. Некоторые вещи могут быть красивы лишь при совершенно особых условиях, другие, большинство, вообще не должны быть «красивы», а только полезны, удобны, практичны. Это, по-видимому, имели в виду и сторонники каузальной эстетики, выставляя известное нам положение: все наиболее соответствующее своему назначению в то же время и красиво. Мы видели также, что указанное свойство далеко не всегда способно доставить нам эстетическое удовольствие. Поэтому неправильно оценивать все художественное производство с точки зрения наибольшей целесообразности. Более верно представляется нам такая формулировка той же мысли: существуют предметы, которые могут быть только удобны для употребления, целесообразны, практичны и проч., но существуют и такие, которые одновременно должны быть красивы, т. е. объекты художественной промышленности и просто промышленные изделия, от смешения которых мы уже предостерегали выше. Но возникает вопрос: разве необходимо, чтобы предметы простой полезности были некрасивы? Разве нельзя их сделать вместе с тем и привлекательными на вид? Можно, конечно. Но *хотеть* и *добиться* этого нельзя. Надо думать, что наше производство само собой будет избегать сознательного уродства. И это удастся ему скорее всего, если оно оставит в стороне всякие художественные потуги, если оно будет руководиться исключительно велением целесообразности. Нашим художникам можно только посоветовать, чтобы они не вмешивались в чуждую им область и искали бы себе более достойные объекты украшения, чем фуфайки, грелки и зонтики.

Но, ограничивая применение эстетического масштаба подходящими предметами и подходящими случаями, мы все еще не устранили всей опасности, грозящей нашей культуре со стороны художественной промышленности. И в указанных границах возможны излишества: чисто эстетические ценности могут получить слишком

большой перевес в нашей жизни и нарушить гармонию нашего существа. Я думаю, что мы легко можем впасть в крайность эстетизма и тогда, когда окружим себя слишком многочисленными художественными безделушками и слишком сильно привяжемся к ним.

Не мешает здесь напомнить слова Гёте (столь часто провозглашаемого сторонником чисто художественной культуры), что человек, занятый умственным трудом, не должен жить в комнатах, заставленных роскошными вещами, потому что это его отвлекает. Он сам, как известно, занимал небольшую комнату с голыми стенами, белыми занавесками и скромной меблировкой. Но он умел ценить и комфорт, как можно судить по роскошной обстановке приемных комнат его дома в Веймаре. В словах Гёте, несомненно, верно то, что чрезмерное богатство обстановки рассеивает и раздробляет ум.

Но излишество чувственной красоты может привести и к изнеможению духа. Мы почти уже не интересуемся содержанием книги, приобретая ее для нашей парадной библиотеки: лишь бы шрифт был красив, бумага хороша, обложка и виньетки (которые ведь всегда должны принадлежать художнику) могли бы вызвать наше удовольствие. Мы глубже вникали в содержание книги, когда мы жадно набрасывались на избранные номера дешевых журналов. И, отправляясь на первое представление шекспировской драмы в новой постановке, мы, в сущности, более всего интересуемся тем, какой эффект произведет зеленый бархат того или другого артиста на красном фоне декорации.

Чрезмерно поклоняясь прекрасному в окружающем нас внешнем мире, мы вместе с тем легко можем огрубеть: как часто интимные движения души заглушаются желанием соблудности неверно понятые эстетические требования. Когда мы, например, при обновлении своей домашней обстановки перестаем чтить «святость» некоторых предметов: когда мы снимаем с дивана маленькую подушку, вышитую на память полузабытой подругой юности, или упрятываем в комнаты для приезжих старомодные портреты родителей, или отдаем в людскую ста-

рое кресло времен студенчества, на котором мы провели немало тяжелых и прилежных часов, потому что оно больше «не подходит к обстановке». Такое огрубение не пройдет даром для нас самих.

Изменяя обстановку согласно своему эстетическому вкусу, мы рискуем изгнать уют, сделать ее черствой, безличной. Составленная с большим вкусом обстановка останется холодной, пока она только красива. Сильно заблуждаются те, кто думает, что только рука художника может создать наш уютный уголок. Только когда с каждой вещью будут связаны тысячи нехудожественных переживаний — все они проникаются общим духом, который не может сообщить им величайший художник. Красота и уют редко уживаются друг с другом. И как часто бывает, что художники, «по долгу службы» обставляющие свою квартиру с изысканностью утонченного вкуса вопреки всяким художественным требованиям, устраивают себе убежище в маленькой комнате среди старой мебели и всякого хлама, ценного только для них самих.

Я думаю также, что излишек чувственности притупляет дух. Благодаря успехам современной техники воспроизводства (фотолиитография и проч.) мы все более приучаемся укреплять и расширять свои познания посредством простого зрительного восприятия. Следует признать весьма вредным заблуждением желание заблаговременно развить художественное понимание детей, окружая их эстетически безукоризненными предметами. «Искусство в жизни ребенка» — ужасное слово! Ведь у ребенка хватит фантазии создать себе собственный мир образов и картин, разукрасить лучше всякого художника самый жалкий и убогий предмет. Ведь ребенок должен быть озорным, чтобы нарезвиться вволю, незстетичным; он должен расти дикарем, а не эстетом. Чем больше я ему буду давать красивых вещей, тем скорее я притуплю творческую силу его воображения.

И если все свои мысли и желания мы направим к одной цели, как бы сделать красивым и приятным множество окружающих нас предметов, — разве мы не обеднеем? Разве мы не опустимся, добровольно отказывая уму и

сердцу в тысячах других наслаждений? Пока мы, наконец, не сделаемся достойными сожаления *рабами своей обстановки: своими собственными слугами.*

То именно, что эстетическому пониманию должно быть наиболее ценно, — гармоническое сочетание всех индивидуальных сил может быть уничтожено таким односторонним превознесением чисто художественного начала. Вместо цельной и живой личности получится в результате карикатура эстета.

Надеюсь, нас не обвинят в том, что этими словами мы думаем объявить войну красивым формам жизни. Нам кажется, напротив, что художественное превращение внешнего мира является необходимым постулатом всякой культуры, и мы желали бы, чтобы оно со временем становилось все более самоочевидным и естественным. Потому что именно этим устранится большая часть тех опасностей, о которых мы только что говорили, — когда и те предметы, которые мы считаем достойными украшения, могут быть приобретены без особых усилий.

Мы хотели только предостеречь против одностороннего увлечения чисто «художественной» культурой, сделавшейся ныне крылатым словом. Как не всякая потребность может быть предметом эстетической оценки, так равно и не все содержание жизни в ее целом. Существует особая сфера нашего бытия, лежащая ниже художественной квалификации, но есть и другая, лежащая поверх нее. Подчинив всю нашу культуру служению эстетическим целям, мы обесцветим и загубим жизнь, огрубев душою, притупившись умом.

Художественным стремлениям следует отвести подобающее им место в общем комплексе движущих сил человечества; конечным результатом деятельности этих сил должно быть появление гармонически развитой личности, т. е. здоровых, благородных, сильных умом и душой людей. И в этом отношении можно и должно говорить о *«границах художественной промышленности».*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ¹

БУРЖУА

Печатается по тексту издания: *Зомбарт В.* Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. с нем. Л. З.; под ред. Л. И. Раевского. М., 1924. Немецкое издание вышло в 1913.

^{1*} Эту мысль В. Виндельбанд высказал в своей речи «История и естествознание»: «Нельзя отрицать, конечно, — утверждает здесь Виндельбанд, — что человеческий разум может представлять себе одновременно многое лишь в силу того, что он воспринимает общее содержание разрозненных единичных данных; но чем более он при этом стремится к понятию и закону, тем более он должен оставлять без внимания, забывать и игнорировать единичное. Это ясно обнаруживается в попытках в специфически современном духе «сделать из истории естествознание» ... Какие законы народной жизни добыты в конце концов такой индукцией? Два-три тривиальных обобщения, которые допустимы только при добросовестной оговорке об их многочисленных исключениях» (*Виндельбанд В.* Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб., 1904. С. 328).

^{2*} «Экономический человек» (*англ.*) — одно из основных понятий классической буржуазной политэкономии. О происхождении термина см.: *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990. С. 237.

^{3*} Деревенский бондарь, бочар (*нем.*). Здесь: мелкий ремесленник.

^{4*} Цитата из «Протестантской этики и духа капитализма» (*Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 85).

^{5*} Известное положение софиста Протагора: «Мера всех вещей — человек» (Платон. Соч. М., 1970. Т. 2. С. 152: Теэтет, 152a).

^{6*} Букв.: «сельский надел» (*нем.*); приблизительно соответствует русской «общине».

^{7*} «...В искусстве наживать состояние никогда не бывает предела в достижении цели, а целью здесь оказывается богатство и обладание деньгами. Напротив, в области, относящейся к домохозяйству, а не к искусству наживать состояние, предел имеется, так как целью домохо-

¹ Составитель В. В. Сапов.

зайства служит не накопление денег» (*Аристотель*. Соч. М., 1984. Т. 4. С. 392–393; Политика. А III, 1 7–18 (1257в 28–33)).

8* Мнимая, так называемая (*фр.*).

9* Ср. совр. перевод А. Корсуна: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 185 — и комментарий на с. 666–667.

10* Ср. также С. 281.

11* Мамонизм — безудержная страсть к наживе; термин Т. Карлейля, восходящий к евангельскому поучению Иисуса Христа: «Не можете служить Богу и мамоне» (Мат. 6, 27).

12* Золото лучше всего, с ним и сам становишься сокровищем, с ним в мире живешь так, как живут души в раю (*исп.*).

13* Выскочка, парвеню (*фр.*).

14* Но чему ты смеешься? Лишь имя стоит тебе изменить, не твоя ли история это? (*лат.*) — цитата из Горация (Сатиры. Т. 1. С. 68–73 / Пер. М. Дмитриева).

15* Финансовая олигархия (*фр.*).

16* Различные названия откупщиков налогов, существовавших во Франции до революции 1789 г.

17* Финансист, чей ум и образование не соответствуют величине его богатства (*фр.*).

18* Держатели акций, рантье (*англ.*).

19* «Герметические работы», т. е. работы по превращению простых металлов в драгоценные, названы так по имени Гермеса Трисмегиста (Трижды великого), предполагаемого автора так наз. «герметических книг», в том числе «Изумрудной скрижали».

20* О Корнелиусе Агриппе см. очерк Ж. Орсье «Агриппа Неттесгеймский». М., 1913; в России крупнейшим знатоком Агриппы был В. Я. Брюсов, который вывел его в своей повести «Огненный ангел».

21* Ключ Соломона (*лат.*).

22* Родится смешная мышь (*лат.*) — цитата из «Науки поэзии» Горация (139).

23* Букв.: дающие советы, ворочающие делами (*фр.*).

24* Эраст (в сторону):

Советчик без гроша, как видно, за душой.

Готов он посулить вам дождик золотой! (Громко)

Быть может, есть у вас тот камень на примете,

В чьей власти дать казну всем королям на свете?

(Мольер Ж. Б. Полн. собр. соч.: В 3-х т. М., 1985. Т. 1. С. 447: «Докучные». Действие III, явл. 3; Пер. Вс. Рождественского).

25* Gründer (*нем.*) — здесь:делец, спекулянт.

26* Это был шедевр дипломатии в истории американской промышленности (*англ.*).

27* Здесь: острый глаз (*фр.*).

28* Цитата из 5-го акта второй части «Фауста» Гете. Ср. в пер. Б. Пастернака:

«Вокруг меня спустились ночи тени,
 Но свет внутри меня ведь не погас.
 Бессонна мысль и жаждет исполнения,
 И жив распорядителя приказ.
 Вставайте на работу дружным скопом!
 Рассыпьте цепью, где я укажу.
 Кирки, лопаты, тачки землекопам!
 Выравнивайте вал по чертежу!
 Награда всем, несметною артелью
 Работавшим над стройкою плотин!
 Труд тысяч рук достигнет высшей цели,
 Которую наметил ум один!»

(Гете И. В. Фауст. М., 1969. С. 452).

29* Беовульф, 4; 198–209. Ср. пер. В. Тихомирова: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 38–39.

30* Здесь: натуральное (лат.).

31* «Капитан Капера» становится «пиратом»... (англ.).

32* По преимуществу (лат.).

33* См. диалог «Кораблекрушение» Эразма Роттердамского в его книге «Разговоры запросто» (М., 1969).

34* Букв.: добропорядочный искатель приключений (англ.).

35* Эльдorado (букв.: золотой) — страна, богатая золотом и драгоценностями, которую испанские конкистадоры искали в XVI–XVII вв. в Южной Америке в бассейнах рек Ориноко и Амазонки.

36* Великий Рэли (англ.).

37* Сколько торговли, столько и войны (лат.).

38* Морские торговцы (англ.).

39* Господой (распорядительницей) дохода (лат.).

40* Военные (лат.).

41* Здесь: деловые черты (от греч. χρηματισμ — вести дела, заниматься торговлей). По Аристотелю, «хрематистика» — искусство обогащения.

42* Кузницы (англ.).

43* Мануфактура по выделке муслина и шелка.

44* Полотняная мануфактура.

45* Букв.: стекольные дворяне (фр.).

46* Здесь: южане (англ.).

47* Старый режим (фр.) — государственный и политический строй до Великой французской революции (1789 г.).

48* Вечный двигатель (лат.).

49* Торговцы (итал.).

50* Ремесленник по выделке шерсти (фр.).

51* Суконщики, портные (англ.); торговцы суконными товарами (фр.).

52* Здесь: четки (англ.).

53* Управляющий в домах итальянских нобилей.

- 54* Смелое предприятие, рывок (*фр.*).
- 55* Эта и следующая цитата — из «Путевых картин» Г. Гейне (Приложение к «Английским отрывкам»: «Джон Буль»). См.: Гейне Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. IV. С. 597, 598).
- 56* Люди, добившиеся всего своими собственными силами (*англ.*).
- 57* Цитата из романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги: Леонардо да Винчи. М., 1993. С. 323–325.
- 58* Дополнение (*фр.*).
- 59* Честность, порядочность (*итал.*). Подробнее об этом понятии см.: Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С. 384 сл.
- 60* Двойная бухгалтерия (*итал.*).
- 61* Размеренная жизнь; мирное состояние (*итал.*).
- 62* Фуггеры — крупнейший южногерманский купеческий и банкирский дом в XV–XVII вв.
- 63* Здесь: отделка (*англ.*).
- 64* Торговец сукном (*англ.*).
- 65* Не имеют определенных границ (*лат.*).
- 66* См.: Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 76.
- 67* Подвижность (живость) духа и ума (*фр.*).
- 68* Расточительность и бережливость (*лат.*).
- 69* Персонажи романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» и драмы «Торквато Тассо» Гёте.
- 70* Ср. пер. Б. Пастернака: Гёте И. Фауст. М., 1969. С. 464.
- 71* как можно дальше от мужчин (*лат.*).
- 72* Глава клана (*англ.*).
- 73* Порыв, стремление (*фр.*).
- 74* Аколит — один из церковных чинов, в обязанности которого входило услужение священнику при совершении евхаристии и зажигание свечей в церкви.
- 75* Здесь: ремесленники (*итал.*).
- 76* Возрождение (*итал.*).
- 77* Писатели-аграрники.
- 78* Заведующий сельскохозяйственными делами поместья, управляющий (*лат.*).
- 79* Так называемый (*фр.*).
- 80* Расчетная книга (*фр.*).
- 81* Тора — в иудаизме название Пятикнижия Моисея.
- 82* Вожделение (*лат.*).
- 83* Человек капиталистический (*лат.*).
- 84* Без Цереры и Свободы замирает Венера (*лат.*), Церера (у греков Деметра) — богиня плодородия.
- 85* В Венере, Бахусе и Церере (*лат.*) — т. е. умеренность в любви, питье и еде.
- 86* Золотая середина (*фр.*).
- 87* Нужно стремиться упорядочить свои желания в зависимости от своего состояния и его употребления (*лат.*).

- 88* В соответствии с потребностями (*лат.*).
- 89* Рачительное хозяйствование есть правильное использование денег (*лат.*).
- 90* Твердо держись середины, потому что это есть и не избыток, и не недостаток, а равновесие между желанием и потребностью (*лат.*).
- 91* Память о прошедшем (*лат.*).
- 92* Понимание настоящего (*лат.*).
- 93* Умение принимать в расчет будущие события (*лат.*).
- 94* Разумное сопоставление одного с другим (*лат.*).
- 95* Учись у того, чей образ мыслей лучше (*лат.*).
- 96* Предвидение: старайся... предугадать то направление, по которому пойдет настоящее (*лат.*).
- 97* Осмотрительность... необходима...: известно, что человек, идя к своей цели, должен считаться с тем, что происходит вокруг (*лат.*).
- 98* Небрежность: грех, состоящий в нежелании совершать надлежащие действия или внимательно следить за окружающими обстоятельствами (*лат.*).
- 99* Непостоянство: неустойчивость желаний (*лат.*).
- 100* Неблагодарность: неблагодарным называется тот, кто не взвешивает обстоятельств, при которых действует, а среди всех прочих обстоятельств есть и случайные, коими неблагодарный пренебрегает (*лат.*).
- 101* Несправедливость (*лат.*).
- 102* Земледелец, ремесленник, гражданин (здесь: государственный служащий).
- 103* В состоянии зарождения (*лат.*).
- 104* Та самая цена, которую дьявол предлагает за души (*англ.*).
- 105* Лицемерие (*англ.*).
- 106* В любовных отношениях (*лат.*).
- 107* Перевод не совсем точен: neighbour — это не бедный, а ближний.
- 108* Качество на риске покупателя (*лат.*).
- 109* Десять заповедей, сформулированных в Ветхом Завете (Исх. 20 и 34, Втор. 5).
- 110* Гоями иудеи называют всех неиудеев.
- 111* Здесь: буквально говорится следующее (*лат.*).
- 112* Справедливая цена (*лат.*).
- 113* Возрождение (*итал.*).
- 114* Грязные занятия (*лат.*), благородные занятия (*англ.*).
- 115* Букв.: «Высокая Церковь» (*англ.*) — направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму.
- 116* Беженцы (*фр.*).
- 117* Ремесленные (мануфактурные) союзы (*фр.*).
- 118* Большой ковчег беглецов (*фр.*).
- 119* Бумага высшего сорта (*фр.*).
- 120* Приносит деньги любовь в той мере, в какой сама растет на деньгах (*лат.*).

121* О деньгах следует заботиться не меньше, чем о славе (*лат.*).

122* Поистине, не недостаток, а скорее избыток — вот что порождает скупость (*фр.*).

123* Утрехтским договором, подписанным 11 апреля 1713 года, завершилась война за Испанское наследство, в которой участвовали почти все европейские государства. Согласно заключенному «асьенто» (букв.: мирный договор), Испания предоставила Англии монопольное право (сроком на 30 лет) на ввоз негров-рабов в ее американские владения; в 1748 г. Англия добилась продления асьенто еще на четыре года, в 1750 г. отказалась от него за компенсацию в 100 тыс. фунтов стерлингов.

124* Век прожектерства (*англ.*).

125* Век изобретений (*англ.*).

126* Да будет производство, пусть даже погибнет человек (*лат.*). В. Зомбарт перефразирует известную юридическую максиму: *Fiat justitia et pereat mundis* — да свершится правосудие, пусть даже погибнет мир.

127* Честность есть лучшая политика (*англ.*).

128* По преимуществу (*лат.*).

129* Трудолюбие и бережливость (*англ.*).

130* Не дух ли порождает капитализм в гораздо большей степени, чем сам порождается капитализмом? (*фр.*).

131* Причина причин (*лат.*).

132* Закон против безбрачия, изданный в 19 г. н. э. римским проконсулом Малой Азии Папием Поппеем.

ПРИМЕЧАНИЯ В. ЗОМБАРТА К ЕГО КНИГЕ «БУРЖУА»

Примечания В. Зомбарта условно можно разделить на три категории. Первую составляют простые отсылки к литературным источникам; ко второй относятся примечания, в которых цитаты, приведенные в основном тексте исследования, даются на языке оригинала. И, наконец, третью категорию примечаний составляют цитаты (как правило, на языке оригинала), иллюстрирующие тот или иной факт, о котором упоминается в основном тексте; иногда в основном тексте цитата приведена в усеченном виде, а в примечаниях — более пространно. Здесь, естественно, даны переводы примечаний, составляющих третью категорию. Для удобства читателей сохранена нумерация В. Зомбарта, хотя это и ведет к разрыву ее непрерывности.

* Убирайся, дабы я мог занять твое место (*фр.*).

1. Богатство является не конечной целью хозяйства, а лишь средством, таким, как, например, власть в политике. Конечной же целью хозяйства является достижение всеобщего благополучия (*лат.*).

2. Внешние блага полезны в той мере, в какой они необходимы, ибо отношение человека к тому, что его окружает, должно быть ограничено какой-нибудь мерой: разумеется, человек сообразуется с той мерой внешнего богатства, какая соответствует занимаемому им месту в обществе. По этой причине нарушение положенной меры является грехом и нарушение ее влечет за собой то или иное наказание. Любить надо то, что ведет к разумной скупости, ограничивающей чрезмерность.

Глоссатор: такой образ жизни подразумевает не только еду и питье, но и нечто противоположное удобствам и увеселениям — безупречную честность (*лат.*).

20. К сожалению, некоторых священников и мирян обуяла неистовая страсть к прибыли... они забывают о бедности Христовой (*лат.*).

22. Переводы стихотворений из сборника «*Carmina Burana*» см.: Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. М., 1974. С. 426–476; особенно стихотворение «Обличение денег» (С. 466–477).

23. Из стихотворения Вальтера Шатильонского «Обличение Рима»:

Алчность желчная царит
в Риме, как и в мире:
Не о мире мыслит клир, а о жирном пире.
.....
Дашь тому, дашь этому,
деньги в руку вложишь,
Дашь, как можешь, а потом
дашь и как не можешь.
Нас от многоденежья
Славно в Риме лечат:
Здесь не кровь, а золото
рудометы мечут.

(Там же. С. 499–501).

37. Итак, перенесемся в XVI век, где можно получить точное представление о том удивительном влиянии, которое идеи алхимии оказывают на умы людей (*фр.*).

42. Теофраст Ренодо, основатель французской журналистики, может быть, самый изобретательный ум своего времени, в котором зародилось огромное число полезных идей, едва ли содержащих хоть крупицу утопии ... (*фр.*).

** Б. Николя (ум. 1772), аптекарь, писатель, коллекционер и журналист, основатель медицинского общества, цирюльни (?) и курсов для парикмахеров; главный хирург королевы и «ординарный хирург двора Месы» (старшего брата короля); проходимец, по случаю посаженный в конце концов в тюрьму... составитель «Справочной книги, содер-

жащей адреса города Парижа etc., надписанной Абрахамом Праделем, философом и математиком: Париж, 1692», в которой он сам себя называет «знаменитым автором великолепных трудов».

43. «Вот уже тридцать лет, как я забросил личные дела и, запершись в своем кабинете, размышляю, мечтаю, вычисляю. Я составил великолепный проект погашения всех государственных долгов и другой, который должен обогатить короля и обеспечить ему доход в 400 миллионов, потом третий, с помощью которого мы могли бы навсегда покорить Англию... и сделать нашу торговлю самой оживленной в мире... Четвертый проект должен сделать нас хозяевами Восточной Индии, и, наконец, последний был придуман мной для того, чтобы с его помощью обуздать действия императора, который рано или поздно сыграет с нами какую-нибудь злую шутку...» (*Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 185–186*).

45. Никогда еще в Англии не было столько разговоров о лотерее, как в последние два года... Вся Голландия пришла в движение, нет иного разговора, кроме как об удаче или неудаче в лотерее (*фр.*).

64. Большинство представителей судейского и других зажиточных сословий предоставили все свое серебро купцам, чтобы извлечь доход; те в свою очередь предоставили товары в кредит на год или на пятнадцать месяцев различным торговцам; они имели за это в среднем 10 % дохода и еще 40 % прибыли (*фр.*).

65. Коммерсанты составляют незначительное меньшинство среди подписавшихся (*фр.*).

66. Чем же Кутна, источник жадности и бездна пороков, презируемая иностранными и местными понтийскими народами, привлекает к себе заморских королей и правителей, как не стремлением нажиться, не серебром, хранящемся в недрах земли? (*лат.*).

78. В Индии (что больше всех на свете жарких стран)

Запрятан волшебный камень,

Дары бесконечные дающий с небес (*итал.*).

80. Плавание Кавендиша вверх по Темзе знаменито тем, что все его матросы и солдаты были разоде́ты в шелка, паруса были из узорчатой ткани, мачты — позолочены, он привез самую богатую добычу из всех, какие были когда-либо в Англии (*англ.*).

91. В указанное выше плавание не брать ни одного дворянина ни на какую ответственную или командующую должность. Помимо того, что они вообще не любят работать по найму, они в большинстве своем не выдержат такого путешествия и с ними пришлось бы много возиться. К тому же они предпочитают не рисковать. Пусть делают свой бизнес «с людьми одинакового с ним социального положения» (*англ.*).

117. 1629: «разрешение Уолтеру, Лорду Астону и др. содержать сад, тутовые деревья и шелковичных червей около Сент-Джеймса в Миддлсексе...»

133. «„Смотрите! — кричал Саккар. — В этом ущелье Кармила, которое вы тут нарисовали, где одни только камни и колючки, здесь, как только мы начнем эксплуатацию серебряных рудников, вырастет сна-

чала поселок, потом город... Мы очистим все эти гавани, занесенные песком, мы оградим их мощными молами. Океанские пароходы будут приставать там, где сейчас не могут пристать лодки. И вы увидите, как возродятся эти безлюдные равнины, эти пустынные ущелья, когда их пересекут наши железнодорожные линии. Да! Земля будет распахана, будут проведены дороги и каналы, новые города вырастут как из-под земли, жизнь наконец вернется сюда, как она возвращается к больному телу, когда в истощенные вены вливается свежая кровь... Да! Деньги совершат все эти чудеса.

И в звуках его пронзительного голоса перед Каролиной словно и в самом деле расцветала эта будущая цивилизация. Бездушные чертежи, геометрические линии оживали, населялись людьми; она снова, как прежде, начинала мечтать о Востоке, отмытом от грязи, от гнета невежества, наслаждающемся плодородной почвой, восхитительным небом и в то же время всеми утонченными достижениями науки. Ей уже довелось видеть одно чудо — Порт-Саид, за несколько лет выросший на пустынном побережье. Вначале там были только лачуги нескольких рабочих, прибывших в первую очередь, потом вырос поселок в две тысячи жителей, дома, огромные склады, гигантский мол, жизнь и благосостояние, с упорством создаваемые этими людьми-муравьями. И теперь перед ней возникало то же видение — непреодолимое движение вперед, напор общественных сил, рвущихся к возможно большему счастью, потребность в деятельности, в поступательном движении, хотя бы без точно намеченной цели, но все к большему благосостоянию, к лучшим условиям жизни; она видела земной шар, взбурдаженный, как муравейник, перестраиваемый своими обитателями, и непрерывный труд, которым человек завоевывает новые радости, умножает свои силы, с каждым днем все больше овладевает землей. Деньги, помогая науке, осуществляют прогресс» (*Золя Э. Собр. соч.: В 26 т. М., 1964. Т. 15: Деньги. С. 25–26.*)

134. Дэви Эллису приказано работать у Хэмфри Хичкока или у Томаса Саундерса до тех пор, пока он не отработает им обоим свой долг (*англ.*).

135. «Большинство ремесленников — бедные люди, и они не в силах накопить такие запасы материалов, которые могли бы в свою очередь служить им» (*англ.*).

136. «Работники, у которых не окажется средств содержать собственную мастерскую и которые будут работать у других, не должны покидать тот дом, в котором они будут работать на других, раньше чем через пятнадцать дней, под страхом наказания, указанного выше в статье 31» (*фр.*).

139. Фабричный предприниматель, знающий или не знающий деталей производства, это тот, кто руководит производством в целом, кто заботится о прибыли и в чьем распоряжении находятся мастера и приказчики, которые отчитываются перед ним, как перед их общим центром. Это тот человек, который стоит во главе всего предприятия, где

производятся разные сорта материи или из одного и того же сорта изготавливаются разные изделия.

Примеры: Гобелены, организаторы производства Севрского фарфора — вот такого рода люди являются предпринимателями. Да, тот человек, который, организовав мануфактуру по изготовлению сукна, полотна или какой-нибудь ткани, заставил других людей послушно следовать за собой, — этот человек фабрикант: знает он производство или не знает, но на своей фабрике он первый мастер (*фр.*).

144. Не вежливость и, конечно, не любезность
И не то, кто сколько денег проживает,
Но порядок в хозяйстве —
Вот что, как известно,
Дает право называться
Мудрым и благородным (*итал.*).

159. Трать мало, немного и еще меньше
Приобретай же больше, чем это немногое,
И еще побольше,
И куча окажется не так уж мала (*итал.*).

165. «Получай все, что можешь, и береги все, что получил. Это как раз тот камень, который обратит весь твой свинец в золото» (*англ.*) — цитата из сочинения Б. Франклина «Путь к изобилию, ясно указанный в предисловии к старому пенсильванскому альманаху „Бедный Ричард“ (Американские просветители. М., 1968. Т. 1. С. 96).

166. «Короче говоря, если ты хочешь разбогатеть, то самый простой способ для этого — торговля. Все зависит главным образом от двух слов: трудолюбия и умеренности; ни время, ни деньги тут не помогут — а лишь наилучшее употребление их обоих. Без трудолюбия и умеренности ничего не достигнешь, а с ними — достигнешь чего угодно. Тот, кто приобретает всего честным трудом и бережет все, что приобрел (за исключением необходимых расходов), несомненно, разбогатеет, если только Всевышний, который правит этим миром и к которому все должны обращаться за благословением своих честных стараний, в своем мудром провидении не имеет на этот счет другого мудрого намерения» (*англ.*).

171*. «Во всех своих мануфактурах они соблюдают умеренность и постоянство, ибо они, как и плоды деревьев, те же самые каждый год, что в первый раз; а не яблоки на этот год, крабы — на следующий и так до бесконечности... Продавая их, они продают так же, как было сказано: они будут скорее прибыльные, чем точные, а не будут, как наши граждане, злоупотреблять доверием и обманывать невежд своими бесконечными распросами, чтобы расхвалить на весь мир свои товары, якобы они были бы дешевле всех остальных, будь это в их власти» (*англ.*).

** Обыкновенные грехи английских купцов (*англ.*).

187. «Они так презирают труд, что большая часть ремесленников — чужеземцы» (*фр.*).

«Они считают, что ниже достоинства испанца трудиться и беспокоиться ради будущего (*англ.*).

«Лучше жить в нужде, говорят они, чем быть наемниками, которые не что иное, как рабы» (*фр.*).

194. «Те немногие, кому не удалось выйти из этого сословия торговцев и ремесленников, не имеют титула и, кроме того, не оказывают влияния на государство. Им остается признаться в том, что они слишком бедны, чтобы купить какую-нибудь должность, или слишком необразованны, чтобы ее занимать. Презрение к прилавку и мастерской является у нас злом наследственным: это один из сохранившихся предразсудков старого общества» (*фр.*).

195*. «Как только купец накопит немного средств, он больше не мечтает ни о чем другом, как лишь бы стать эшевеном, после чего не желает больше вести никакой торговли в бирже...» (*фр.*).

Эшевены — должностные лица в городах Франции с административными и судебными функциями.

** «В настоящее время во Франции негоциант, наживший большое состояние торговлей, очень далек от своих детей, которые наследуют его профессию, наоборот, они занимают общественные должности... В Голландии же дети частных негоциантов обычно наследуют профессию и коммерцию отца и т. д.»

199. «Прежде всего есть чрезвычайно вонючая секта уличных торговцев» (*нем.*).

209. Мудрый человек будет желать не больше того, чем он может разумно употреблять и радостно раздавать, и будет жить в довольстве (*англ.*).

221. «Ни один респектабельный дом не должен преувеличивать эти вещи. Это было своего рода чувством собственного достоинства по отношению к такой артистической рекламе» (*англ.*).

224. «Это слишком разорило бы компанию, и поэтому хозяин и управляющий выразили чужестранцу глубокую благодарность, а также наградили 20 монетами за его труды и на этом расстались» (*англ.*).

225. «Эти профессии долгое время находились под защитой королевства, потому что чулки делаются с большой тщательностью и изобретательностью, вследствие чего опасались, как бы не ухудшилось трико, если его будут изготавливать в количестве, которого хватит и для бедных» (*фр.*).

227. «Машины, предназначенные для облегчения промышленного труда, не всегда бывают полезны. Если какое-нибудь изделие продается по умеренной цене, выгодной как для покупателя, так и для работника, то машина, которая упростит его производство, а следовательно, сократит число рабочих, будет иметь пагубное действие. Если бы водяные мельницы не находились во всеобщем употреблении, я не считал бы их столь полезными, как это обыкновенно полагают, так как они оставили бесчисленное множество рук без работы, отняли у многих людей воду и лишили плодородия многие земли» (*Монтескье III. Избранные произведения. М., 1955. С. 514–515*).

255. «Народ, больше всех остальных преданный религии, вследствие чего он превосходит их и чистотой своих нравов» (лат.).

259. «Их вечная нужда в деньгах и неумение тратить их» (англ.) приводят дворян к гибели.

«Прошел день, когда послушный, плохо вооруженный вассал превращался в отважного тигра по зову своего господина. События развивались таким образом, что источник могущества быстро превращался в источник слабости. Вассалов надо было содержать, а это содержание истощало богатство лорда, что еще больше ограничивало его честолюбивые мечтания... Дворянин с огромным имением и тощим кошельком был странным богачом, неспособным опираться на свое могущество в тех новых условиях, в которых он оказался» (англ.).

260. Хотя мой план и не обходит полностью вопросов религии, в нем, однако, нет догматов, присущих тому или иному вероучению (Франклин Б. Автобиография // Американские просветители. Т. 1. С. 151).

В этом труде я хотел объяснить и развить следующую мысль: *порочные деяния не потому вредны, что они запрещены, они именно потому запрещены, что вредны*, причем это объяснение я построил, исходя исключительно из природы человека; следовательно, каждый должен быть заинтересован в том, чтобы быть добродетельным, если он желает быть счастливым даже в этом мире; и (поскольку в мире всегда найдется много богатых торговцев, знатных людей, государств, правителей, нуждающихся в честных исполнителях, а честных людей очень мало) я хотел бы попытаться убедить молодых людей, что нет более благоприятных качеств, которые обеспечили бы счастье бедному человеку, чем честность и искренность (Там же. С. 151–152).

261. В добродетели и образе жизни (итал.).

267. Усердный глава семейства, у которого есть благоразумие, рачительно занимаясь земледелием, приумножает свое хозяйство...

Тот, кто посвятил себя земледелию, знает древнейшую мудрость:

в делах будь осмотрителен,
способности прилагай,
желания усмирай.

268. «Нет худшей тюрьмы для человека, чем ежедневный надзор за работой: поистине прав оракул Катона, что самое злое для человека — это циферблат часов... Время убегает безвозвратно, кто не знает этого? И тот, кто всегда помнит об этом, принимает свои меры, а беспечный разве одолеет работу... Сельский труд коварнейшим образом медлителен: эту мысль старик Гесиод выразил такими стихами» (лат.).

269. «Бережливость — самый большой источник дохода. Ничто не приносит дохода больше, чем бережливость. Не столь важно иметь многое, как поменьше тратить имеющееся» (лат.).

282. «Известно, что древний закон возвещает предписания законов природы и, сверх того, что он собственно сам предписывает» (лат.).

285. «Часто... расточительство ведет к невоздержанности... потому что кто вообще чрезмерен, тот и в делах наслаждения не считается с тем, какой большой вред телу наносит половая распущенность» (лат.).

291. «Состоит же этот порок (имеется в виду расточительство) в чрезмерной трате средств где и когда не следует и в прощении долгов своим друзьям... Овладевает он и тогда, когда кто-то слишком много раздает и таким образом становится расточительным, устраивает роскошный пир или носит чрезвычайно дорогую одежду, или играет с присущим ему размахом и страстью и тем самым теряет уважение и т. д.» (лат.).

292. «Здесь наблюдается не только нарушение количества, но и нарушение пропорций, забывается о личном достоинстве, о благородстве и о плебейх и об их общественном положении» (лат.).

293. «...пока эта преизбыточная раздача не истощила совсем твоего богатства, подумай о зарботке, задумайся об убытке, о займе и о своем образе жизни» (лат.).

294. «Время ведь — самая драгоценнейшая и безвозвратная вещь» (лат.).

295. «...ленивый хуже не только дикого животного, но и хуже всякой твари, он в разладе со всем миром. Ибо всякая тварь трудится, пока живет: ни одна не пребывает в бездействии» (лат.).

296. «О различных обманах, которые имеют место в торговле» (лат.).

300. «Известно, как пишет Филон в Этике (VI), что большое наслаждение вредит умственным рассуждениям, и особенно любовное наслаждение, которое все живые существа делает рабами чувственности; совершенство, напротив, состоит в интеллектуальных наслаждениях и занятиях, в удалении от чувственных» (лат.).

301. «Очевидно, что употребление богатства и стремление избежать бедности показательны, а не сами по себе богатство и бедность» (лат.).

302. «Не богатство само по себе и не решимость сносить бедность суть блага, а лишь то, в какой степени обремененный ими человек свободен от них и сохраняет способность не забывать о благах духовных» (лат.).

303. «По воле Господа Бога существуют на земле разные степени богатства и неравенство состояний» (лат.).

304. Богатому Бог хотел милость свою наглядно показать... или он хотел дать ему возможность честно поделиться.

Богатство должно употребляться с целью, которую указывают Бог, а именно: во имя благотворительности, усердия и щедрой раздачи немущим (лат.).

326. «Люди ненавидят всякую заботу о высшем мире, когда купаются в роскоши. Настолько слабы даже благочестивые люди, что и они с трудом могут жить в роскоши и при этом не попасть во власть чувственных соблазнов» (англ.).

331. «Когда мы трудолюбивы, мы понимаем, как следует серьезно и достойно применять свой ум, получаем удовольствие от тяжелого испы-

тания наших деятельных способностей, выполняя разумный, честный, полезный план, чтобы совершить или достигнуть какое-нибудь значительное благо; например, тот купец трудолюбив, кто, торгуя, ставит целью своей деятельности стяжать богатство» (*англ.*).

332. «Должны ли мы одни быть праздны, когда всякое творение столь деятельно? Легко убедиться, что всякая тварь вокруг нас непрерывно стремится к определенной цели, ради которой она без устали должна напрягать все свои силы, какими она наделена; внимательно присмотрись к законам этого мира...» (*англ.*).

333. «Праздность, несомненно, является колыбелью грехов, которые плодятся столь же быстро, как сорняки на заброшенном поле или насекомые в стоячей луже. Праздность учит всякому злу» (*англ.*).

342. «Богатство может дать нам возможность помочь нашим нуждающимся братьям и содействовать добрыми делами Церкви и Государству. Их ведь тоже можно любить: поскольку мы должны быть им благодарны, постольку мы можем и любить их: ибо мы должны быть благодарны никому иному, как только Богу... вот цель, с которой в принципе надо смотреть на греховную любовь к богатству; когда любят из гордыни или за плотские удовольствия, тогда богатство превращается в орудие суетного телесного наслаждения... Чем бы вы ни занимались, не богатство является вашей целью. Богатство ради наших плотских потребностей не должно быть высшей целью наших стремлений. Оно должно быть подчинено чему-то высшему. Вы должны ставить своей целью, как бы лучше вам послужить Господу и как бы побольше сделать добра с помощью того, что вы имеете... Вы должны стараться разбогатеть для Господа, а не для греха и плоти» (*англ.*).

350. «Именем короля, прибывает к вам, дорогие друзья, сир Камюзе, чтобы устроить в Отуле чулочную и трикотажную мануфактуру, в связи с чем прошу вас оказать ему в этом деле всяческую помощь, от вас зависящую, и привлечь к работе на мануфактуре всех жителей — мужчин и женщин с детьми старше восьми лет, если они не имеют другой работы, а также предоставить ему жилище...» (*фр.*).

360. «Они (диссиденты) не исключение из числа знати, их немало среди дворян; но нет никого, кто был бы более значителен, чем они в торговом слое населения и среди тех, кто живет промышленностью, в чьих руках была бы больше, чем у них, сосредоточена коммерческая деятельность нации» (*англ.*).

421. «Жители, как правило, носили штаны и камзолы, шитые из превосходной льняной ткани и других кармазиновых материалов, а сверху — плащ из эссекской (Эссекс — графство в Англии) тонкой шерсти» (*англ.*).

442. «Если работа, которую ему даешь, приносит ему доход, особенно если он убеждается, что каждое его трудолюбивое усилие увенчивает прибыль, он постепенно входит в азарт и уже не знает большего удовольствия, чем каждый день наблюдать за ростом своего состояния. Вот почему торговля усиливает бережливость и вот почему среди тор-

говцев больше скупых, чем транжиров, а среди землевладельцев — наоборот (*англ.*).

БУДУЩНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Печатается по тексту: *Зомбарт В.* Будущность еврейского народа / Пер. Х. Гринберга; под ред. З. Д. Рабиновича. Одесса, 1912.

1* Мидраш (толкование) — богословский комментарий к отдельным книгам Библии. В псалме 36 «нечестивые» противопоставляются «праведникам»: «Праведники наследуют землю, и будут жить на ней вовек... А беззаконники все истребятся; будущность нечестивых погибнет» (Пс. 36; 29, 38).

2* Драма Г. Э. Лессинга.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА

Печатается по тексту издания: *Зомбарт В.* Художественная промышленность и культура / Пер. Э. Б.; под ред. Кечеджи-Шапалова. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Улей», б/г.

1* «В книге „Zur Geschichte und Literatur“ (1774).

2* Дом совета (*итал.*).

3* В течение многих лет художники, как правило, не стыдились заниматься ремесленным трудом и брать за это деньги, как стыдятся заниматься этим ныне (*итал.*).

4* Художник по стеклу и золотильщик (*фр.*).

5* Кабальное общество (*итал.*).

6* И все прочие (*итал.*).

СОЧИНЕНИЯ В. ЗОМБАРТА, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

- А все-таки! Из теории и истории профсоюзного рабочего движения / Пер. И. Днепровского. СПб.: Вопросы жизни, 1907. 112 с.
- Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер. Ал. З.; под ред. Л. И. Раевского; предисл. С. Б. Членова. М.: Гос. издат., 1924. 336 с.
- Евреи и их участие в образовании современного хозяйства / Пер. В. З.; под. ред. П. С. Юшкевича. СПб.: Тип. М. Я. Квора, 1910. 63 с.
- Евреи и хозяйственная жизнь / Авториз. пер. под ред. Г. Гроссмана. Ч. 1 (Экономическая); предисл. к рус. переводу проф. И. Озерова. СПб.: Разум, 1912. XXIV + 179 с.
- Идеалы социальной политики / Пер. П. Ф. Теплова. СПб.: Знание, 1900. 74 с.
- История экономического развития Германии в XIX веке. / Пер. с предисл. и примеч. М. А. Лихарева; вступит. заметка проф. А. А. Кауфмана. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1911. Вып. 1–2.
- Любовь, роскошь и капитализм / Сокр. пер. Н. И. Суворова. Пб.: Благо, 1917. 72 с.
- Международный фактор в социальном движении / Пер. И. Рон. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1906. 42 с.
- Народное хозяйство Германии в XIX и в начале XX века / Пер. М. Е. Ландау. М.: Московский рабочий, 1924. 262 с.
- Народное хозяйство и мода: К вопросу о современных формах потребностей / Пер. Э. М. Зиновьева под ред. А. А. Крогиуса. СПб.: Тип. акц. об-ва Брокгауз-Ефрон, 1904. 28 с.
- О значении политической экономии для каждого / Пер. Д. Марголина. Изд-е 3-е. Киев: С. И. Иванов и К°, 1905. 24 с.
- О кооперации // Воля России: Журнал политики и культуры. Прага, 1922. № 7.
- Организация труда и трудящихся / Пер. под ред. Л. А. Кириллова. С портретом В. Зомбарта и предисл. М. Туган-Барановского. СПб.: Б. Н. Звонарев, 1901. 8 + 456 с.
- Основные положения социал-демократической политики / Пер. В. Фегединг. СПб.: Наука и жизнь, 1906. 32 с.
- Очерки из истории развития североамериканского пролетариата: Статьи из «Архива социальных наук и социальной политики». 1905. Т. XXI / Пер. К.М. М.: Труд и воля, 1906. 174 с.

- Очерки промышленного развития Германии / Пер. с рукописи Ф. Капелюша. СПб.: О. Н. Попова, 1900–1901.
- I. Германия накануне экономического переворота. 1900. 4 + 103 с.
- II. Проникновение промышленного капитализма в область докапиталистического ремесла. 1905. 2 + 320 с.
- Политическая экономия промышленности / Пер. Г. С. Чернявского. СПб.: Просвещение, 1896 (2-е изд. — 1906). V + 245 с.
- Почему в Соединенных Штатах нет социализма? / Пер. В. Ф. Брокгауз и Ефрон, 1907. 111 с.
- Почему в Соединенных Штатах нет социализма? / Пер. М. Панина. СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1907. 4 + 197 с.
- Почему всякий интересуется в настоящее время вопросами политической экономии и социальной политики. Одесса: М. С. Козман, 1905. 16 с.
- Пролетариат: Очерки и этюды / Пер. ВНК. СПб.: Акц. об-во тип. дела в СПб. (Герольд), 1907. — 2 + 97 с.
- Пролетариат: Эскизы и очерки / Пер. В. Романовича и И. Фельд. М.: Польза, 1907. 106 с.
- Пролетариат в Северной Америке / Пер. В. Н. Смирнова. СПб.: Просвещение, 1906. 4 + 160 с.
- Промышленность / Пер. К. М-зе. СПб.: Амиран, 1906.
- Ч. 1.1. Промышленный труд и его организация. 2. Исторический очерк развития промышленности. 116 с.
- Промышленный рабочий вопрос / Пер. под ред. и с предисл. Ю. О. Филиппова. СПб.: Д. А. Казицын и Ю. О. Филиппов, 1906. XVI + 95 с.
- Промышленный рабочий вопрос / Пер. М. Данилевского. СПб.: А. С. Суворин, 1906. IV + 186 с.
- Путеводитель по социалистической литературе / Пер. С. Б-ова. СПб.: Тип. Тренке и Фюссно, 1906. 2 + 16 с.
- Рабочий вопрос / Пер. С. Я. Брусова. СПб.: Просвещение, 1905. IV + 154 с.
- Рабочий вопрос в промышленности / Пер. Высоцкой-Ермоловой. Ростов-на-Дону: «Донская речь» Парамонова, 1905. 126 с.
- Рабочий интернационал. СПб.: Новая жизнь, 1906. 52 с.
- Современный капитализм. М.: Д. С. Горшков. 1903–1905. Т. 1–2.
- Т. 1. Генезис капитализма / Пер. под ред. С. Н. Эверлинга с предисл. проф. А. А. Мануйлова. 1903. Вып. 1. VI + XXVI + 331 с.
- Т. 1. Кн. 2. Пер. под ред. М. А. Курчинского. 1904. IV + 333–687 с.
- Т. 2. Теория капиталистического развития / Пер. под ред. М. А. Курчинского. 1905. IV + 596 с.
- Современный капитализм / Пер. под общ. ред. В. А. Базарова. М.: Гос. издат, 1930.
- Т. 3. Полутом 1-й. Основы. Структура / Пер. Ст. Вольского и Б. Я. Жуховицкого; предисл. проф. С. Б. Членова; послесл. А. Альтера. 1930. XXVIII + 604 с.
- Полутом 2-й. Процесс. Народное хозяйство в целом / Пер. Ст. Вольского и Б. Я. Жуховицкого; предисл. И. Альтера. 1930. XXXI + 584 с.

- Современный капитализм. Хозяйственная жизнь в эпоху развитого капитализма. М.; Л.: Гос. издат., 1930. Т. 3.
- Полутом 1-й. Основы. Структура / Пер. Ст. Вольского и В. Я. Жуховецкого; предисл. И. Альтера. XXVIII + 604 с.
- Полутом 2-й. Процесс. Народное хозяйство в целом / Пер. Ст. Вольского и В. Я. Жуховецкого; предисл. И. Альтера. 1930. XXXI + 584 с.
- Современный капитализм / Пер. со 2-го изд. Ст. Вольского; предисл. М. Зоркого; ст. И. И. Степанова-Скворцова о первом издании «Современного капитализма». М.; Л., 1931.
- Т. 1. Введение. Докапиталистическое хозяйство. Исторические основы современного капитализма. Полутом 1-й. X + VII + 511 с.
- Современный капитализм. Историко-систематическое исследование общеевропейской экономической жизни от ее зачатков до современности / Пер. с 5-го нем. изд. под ред. И. В. Яковкина; предисл. М. Оленова. Л.: Путь к знанию. 1924–1929. Т. 1–3.
- Социализм и социальное движение / Пер. М.К. и В.Г.-М. Б/м, 1906. VIII + 341 с.
- Социализм и социальное движение / Пер. под ред. В. Ф. Тотомианца; портрет автора. СПб.: Луч, 1906. 4 + 303 с.
- Социализм и социальное движение / Пер. С. Норман; под ред. Н. Мартова. СПб.: Н. Ф. Мертц, 1906. II + 174 с.
- Социализм и социальное движение / Пер. под ред. и с предисл. В. Капеля; вступит. ст. Е. Дидгена. СПб.: С. Скирмунт, 1907 (2-е изд.—1909). XL VIII + 289 с.
- Социализм и социальное движение в XIX столетии: А все-таки! СПб.: Б. И. Звонарев, 1902. -4 + 328 с.
- Социализм и социальное движение в XIX столетии: А все-таки! М.: Д. П. Ефимов, 1905. 370 с.
- Социализм и социальное движение в XIX столетии / Пер. под ред. В. Богучарского. Ростов-на-Дону: Н. Е. Парамонов «Донская речь», 1905. 124 с.
- Социализм и социальное движение в XIX столетии. Одесса: М. С. Козман, 1906. 74 с.
- Социализм и социальное движение (по 1907 год). СПб.: А. С. Суворин, 1908. IV + 476 с.
- Почему теперь интересуются вопросами народного хозяйства и социальной политики? // Социологические этюды. СПб.: В. В. Битнер, 1905. С. 5–54 с.
- Социология (Хрестоматия) / Пер. и предисл. И. Д. Маркусона. Л.: Мысль, 1926. 138 с.
- Судьбы американского пролетариата / Пер. А. Кулишера. СПб.: О. Н. Попова, 1906. 150 с.
- Техника эпохи раннего капитализма / Пер. М. Павлова; под ред. и с предисл. С. Б. Членова. М.: Тип ЦУП ВСНХ, 1925. 46 с.
- Хронологическая таблица социального движения (1750–1905) / Пер. Ф. Н. Латернера. СПб.: Труд, 1906. 51 с.

- Художественная промышленность и культура / Пер. Э. Б.; под ред. М. В. Кечеджи-Шаповалова. СПб.: Улей, 1908. 84 с.
- Экономические и социальные вопросы в современном обществе. СПб.: Луч, 1905. 24 с.
- Фридрих Энгельс (1820–1895 гг.): К истории развития социализма // Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии / Пер. Г. А. Котляра. СПб.: Н. Глаголев, 1905. с. VII-LI.
- Фридрих Энгельс: Из истории развития социализма / Пер. Е. Ф. Иоэльсон. СПб.: Колокол. 1906. 47 с.
- Фридрих Энгельс: Из истории развития социализма. Пг.: Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов, 1918. 41 с.
- Фридрих Энгельс: Из истории развития социализма. Харьков: Гос. издат. Украины. 1923. 38 с.

Составитель В. В. Сапов

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Августин Св. — 256, 295–296,
319, 324–325, 335
Агасфер (миф.) — 509
Агилульф — 53
Агриппа Корнелиус — 70
Адам (библ.) — 156
Альба, герцог — 55
Альберти Б. — 172, 203
Альберти Л. Б. — 37, 55–57, 63,
65, 145–149, 156, 165, 167–
168, 198, 235, 271, 275–283,
300, 321, 352, 408, 413–414,
422, 452–453, 462
Альбрехт — 445
Амиери — 100
Антонин Флорентийский — 299,
301, 303–304, 306, 308–309,
318, 381, 410–411, 464
Антонио да Винчи (Сэр-Антонио)
— 153–154
Антрэг де — 117
Аполлоний — 277
Арагоны — 180
Аристид — 61
Аристотель — 41, 276, 281, 605
Арно-де-Ланж — 116
Арнольд В. — 442
Асы (миф.) — 49
Ауэрсберг В. фон — 118
Ауэрсберг Г. фон — 117
Багоньино ди Барчезано — 363
Байрон Дж. Г. — 255
Бакстер — 312–314, 316, 321–
322, 336
Балтимор, лорд — 122
Бальдуччи (Печолотти) — 136–
137
Бальзак О. — 158
Барб Ж. — 557
Барди — 100, 137
Барроу А. — 316, 318
Барт Ж. — 105
Бауэр — 370
Бах И. С. — 521
Беато Доминичин — 57
Бейль П. — 367
Бембо Дж. — 111
Беневенто — 72, 443
Бенедиктбейрен — 56
Бентам И. — 402
Бенуа — 357, 359
Беовульф (миф.) — 92, 604
Бергсон А. — 254
Беренсы — 565, 589
Берже — 213
Беркли У. — 122
Берлепш — 562
Бернард Сиенский — 308
Бернардино ди Стефано — 550
Бернвард — 548
Бёрнетт — 192
Бернс — 562
Бёртон — 192
Бетховен Л. ван — 521
Бехер И. И. — 70, 210, 369
Бизи де — 116
Бин А. — 370
Бисмарк О. — 224
Блондель — 182
Блюманстэн Ф. Э. де — 116
Бокль Т. — 287
Больш — 120

- Бонкуры — 181
 Борджиа Ч. — 107
 Ботсуэль — 106
 Боффремон де — 117
 Брайс — 221
 Брауншвейг-Люнебург Ю. фон — 118
 Бродовский — 486
 Брунелески — 557
 Будда — 402
 Буленвилье — 359
 Буркгардт Я. — 93, 98, 177, 551
 Бусбекк — 79
 Бэйд — 369

 Ваген фон Вагенсберг Ф. — 118
 Ваза Г. — 123
 Вазари — 556
 Вала (миф.) — 50
 Валантэн А. — 367
 Вальдшейн — 120
 Вальтер фон дер Фогельвейде — 56
 Ван де Вельде — 562
 Ваны (миф.) — 49
 Варрон — 276
 Вебер М. — 5, 11, 32, 295, 317, 341, 429, 436, 603, 606
 Везен де — 117
 Вейс — 365
 Вельзерры — 109, 447
 Вениамин из Гуделы — 90
 Вергилий — 276
 Веронезе П. — 556
 Виск Г. фон — 398
 Виллани — 100, 171
 Вильгельм I — 367
 Вильгельм III — 386
 Вимепент де — 117
 Вимфелинг — 57
 Виндельбанд В. — 29, 603
 Вирт М. — 444
 Вит-Кнудсен — 503
 Витри Ж. де — 67
 Витт Я. де — 385
 Виттишток А. — 277

 Вишер П. — 556
 Во де — 117
 Вольгемут М. — 556
 Волюса (миф.) — 49
 Вундт В. — 248, 251
 Вячеслав (король Богемии) — 445

 Гаидульф — 53
 Гаклюйт — 108
 Гален — 60
 Галле де — 117
 Галленсберг Г. фон — 118
 Гальперин — 486
 Гамбетта — 499, 515
 Ганара — 156
 Ганс Сакс — 57
 Гарримэн Э. Г. — 232
 Гаскуэн — 116
 Гасман — 70
 Гаснеф — 70
 Гауты (миф.) — 92-93
 Гвиччардини — 179
 Гееринг Т. — 371
 Гейд — 138
 Гейделофс — 559
 Гейне Г. — 242, 291, 512, 606
 Гейнитц фон — 126
 Геле П. — 398
 Гельдерсен В. фон — 42
 Генрих II (герм.) — 550
 Генрих II (фр.) — 116, 348
 Генрих Грамматеус — 171
 Гентц Ф. — 242
 Геррера — 156
 Герцль Т. — 516
 Гете И. В. — 39, 113, 521, 598, 606
 Гетцнер — 107
 Гехштеттер — 100
 Гиберти — 556-557
 Гилль — 232
 Гирт Ж. — 561
 Гобелен Ж. — 116
 Гойм — 366
 Голленберг — 117
 Гомер — 276

Гораций — 381, 604
Готенбург Г. фон — 118
Гоукинс Д. — 108
Гоукинс У. — 108
Градо — 95
Гренвилль Р. — 107
Гренель де — 117
Гретц — 330
Гризингер Я. — 550
Гризон де Галлиен К. — 116
Гриндель (миф.) — 92
Грошупф Ф. — 58
Гугилейх (миф.) — 92
Гужон Ж. — 556
Гульемо до Марчилло — 550
Гунт — 560
Гурцо И. — 101
Гэр — 282

Д'Акр — 115
Дамьяно да Бергамо — 550
Данте — 56, 269, 300
Дарби — 106
Дебуа — 119
Дезидерий — 549
Дезимони К. — 172
Деккерс фон — 58
Делавер — 122
Демосфен — 276
Депердюссены — 181
Дернбург — 499
Дефо Д. — 72, 74, 83, 126, 145,
157-158, 164-165, 197-198,
202, 206
Дженелли — 370
Джиакомо да Верона — 550
Дизраэли — 499, 515
Дионисий (Псевдо-Дионисий)
Ареопагит — 319
Дитрихтейн З. фон — 117
Д'Омон — 117
Донателло — 557, 585
Дрейк Ф. — 107, 212, 322
Дрейфус — 507
Д'Эрвильи — 119
Д'Юзес — 117

Дюрер А. — 586

Езекиель (библ.) — 141
Екатерина Браганцская — 386
Елизавета (англ.) — 105, 210,
370

Жакоби де Ла-Порт — 70
Жанкье де — 116
Журье — 385

Заммтер — 332
Заноби — 152
Земпер Г. — 560
Зётбеер — 388, 441
Зивекинг Г. — 172, 354
Зигаредорфер Л. фон — 118
Зигфрид (миф.) — 50, 224
Золя Э. — 382, 611

Игуда Равви — 332
Изабелла — 57, 61
Израиль фон Мехельн — 556
Иисус Христос — 153, 161, 313-
314, 463, 469, 604, 609
Илог — 547
Иоанн XXII — 55
Иссерле — 330
Итциг Ф. — 30

Кавендиш — 107, 322, 610
Кайестанус, кардинал — 304,
306, 440
Калиостро — 76
Калон — 57
Кальвин Ж. — 289
Кант И. — 366, 400, 402
Каратто — 76
Карл I (англ.) — 139, 348
Карл II — 386
Карл V — 398
Карл Великий — 95
Карнеджи — 89, 218, 222, 251,
423
Катон — 276, 282, 614
Кейтген — 41

Келлер Ф. — 303, 308, 340, 468
 Келлерман — 215, 227
 Кеннингэм — 369
 Кёр Ж. — 181
 Кинский И. — 120
 Клавио Дж. — 550
 Клапарэд П. — 367
 Кларендон — 122
 Клаузевиц — 87, 94
 Клес Б. фон — 117
 Кнакфус Г. — 547
 Коклуэс И. — 398
 Коленкур, маркиз — 119
 Коллеони — 538
 Колумб Х. — 61, 106
 Колумелла — 257, 281
 Кольбер — 105, 123, 157, 182,
 211, 359, 383, 449, 457
 Кон — 568
 Контальберти — 271
 Контарини Дж. — 188-189
 Козн — 112
 Крафт А. — 556
 Крафт У. — 109
 Кронеман — 70
 Круа де — 117
 Ксенофонт — 257, 276, 281
 Кук Дж. — 85
 Кэмпбелл — 105
 Кэр Д. — 370

 Ламберг цу Штейн Фр. — 117
 Ламет де — 119
 Лассаль Ф. — 224
 Ластиг — 100
 Лаубе Г. — 349
 Лафайетт де — 117
 Лафунте — 293
 Лёгер — 375
 Леже Фр. — 372
 Лейвигильд — 52
 Лейгеры — 589
 Лейтенсбрегер И. И. — 120
 Леонардо да Винчи — 151-154,
 164-165
 Леонардо Пизано — 170

Лесажа — 65
 Лессепс — 77, 181
 Лессинг Г. Э. — 547, 617
 Лессинг Ю. — 540
 Лифкен — 80
 Лобковитц — 120
 Логан Дж. — 106
 Лоренцо ди Сэр-Пьеро да Винчи
 — 151-153, 155
 Лоу — 63, 77, 81, 128, 263, 356,
 387
 Луванкур де — 119
 Лука (библ.) — 313-314, 556-
 557
 Лука Пачиуоли — 172
 Лукреций Кар Т. — 282
 Луцак — 190
 Луццати — 499
 Людовик XIV — 116, 181
 Люзак — 345
 Люитгард — 550
 Лютер М. — 185, 311
 Люше де — 117

 Магнус Барфорд — 90
 Маммона, мамона (библ.) — 107,
 336
 Мандевилль — 58
 Манлихи — 109
 Мария (библ.) — 299
 Мария, Дева Мария (библ.) —
 153
 Марк Аврелий — 277
 Маркс К. — 140, 308
 Марсали — 70
 Марсини — 70
 Марфа (библ.) — 299
 Марциан — 141
 Массон — 116
 Медичи — 139, 178
 Медичи Козимо — 177
 Мейллерей де ла, герцог — 101,
 117
 Мережковский Д. С. — 453
 Метьюэн — 386
 Микеланджело — 300

Милэ — 560
Миме (миф.) — 224
Мирабо де — 117
Мириам — 519
Моисей (библ.) — 499
Молох (миф.) — 227
Мольер — 75
Мондрагон де — 117
Монроже де — 116
Монтень М. — 182, 381
Монтескье Ш. Л. — 184, 211
Монтозье де — 116
Морган — 232
Морган И. П. — 89
Моррис У. — 561
Мушером Б. де — 368
Мушером М. де — 368
Мэри Шотландская — 106
Мюллер А. — 242

Нейрат О. — 265
Николай III — 171
Ноайль де — 117
Нокс Дж. — 289
Нордау М. — 486

Обрист — 562, 589
Овидий — 276, 282
Ольбрих — 538, 562
Орканья — 557
Ортенбург Г. цу — 117
Оттон I — 550
Оттон III — 549

Павел ап. — 295, 324–325
Пандольфини — 147, 149
Панкок — 562, 589–590
Паньини — 136
Паппий — 435
Паскаль де Каркосони III — 120
Пауль Б. — 562
Пеллигари — 363
Пенн У. — 271, 279
Перейра — 77
Перо-Вас-Девора — 370
Перолерии — 362

Перпиньян М. де — 119
Перуцци — 100, 137
Петрарка Ф. — 300, 379
Петти У. — 358
Печолотти — 136
Пий II — 137
Пий V — 443
Пилон Ж. — 556
Пифагор — 162
Платон — 276, 402, 444
Плиний — 276
Плутарх — 276
Постлетсуэйт — 211
Приматизе — 556
Прингсгейм — 345
Пуль — 369

Рамель де — 119
Ранке — 72, 180, 188, 345, 359
Ратенау В. — 90, 217, 235
Раубер Н., барон цу Планкен-штейн — 117
Рафаэль — 536
Регенсбург Б. фон — 56
Рейло — 561
Рекэн — 119
Рёло — 403
Рем Л. — 186
Рембрандт — 222, 537, 573
Рёскин Дж. — 560, 576
Ризунта Франкская — 53
Римершмидт — 538, 562, 565
Рогкерус — 547
Родс С. — 212–214, 322
Родэн — 538
Розетти — 560
Рокфеллер — 218–219, 233, 235, 255
Россини — 521
Россо — 556
Ротзаттель — 30
Ротшильд — 242
Ротшильд Д. — 242
Ротшильд Н. — 89
Рошетт — 213
Рошфор — 70, 181

Рудигар (миф.) — 92
Руланд О. — 42, 186
Руппин А. — 484–485, 487
Руччелаи Дж. — 148, 276–277, 451
Рэли У. — 107, 188, 197, 212, 322

Савари — 157–158, 164, 348
Савонарола — 151
Сайу — 182
Салаж де — 117
Сан-Гранде — 107
Саул, Аваа — 332
Сель де Мон — 119
Сенека — 276–277, 279–280
Сернэ де — 117
Сигизмунд — 39, 438, 440
Сименс В. Ф. — 233, 251, 438
Сименс К. — 233
Симиан — 415
Симон Стевин — 171
Скали — 100
Смит Дж. — 107
Сократ — 161, 281, 313, 463, 469
Соломон (библ.) — 276, 314, 410
Соранцо — 172
Ст. Жюльен де — 116
Степан (венг.) — 550
Стефан св. — 178
Страдивари — 541
Строусберг — 77
Стунан — 76
Стюарты — 106
Сфорца Фр. — 107
Сьер Гом — 119
Сэньелей — 384
Сэр-Гвидо ди-сэр-Микеле да Винчи — 153
Сюмен де — 119

Тангмас — 548
Тарталья — 171
Тассо Т. — 255
Тацит К. — 95
Тельнер — 42
Тённис Ф. — 45, 355

Тимофей (библ.) — 313
Токвиль А. де — 372
Толстой Л. Н. — 521
Томмазо да Кампофрегоза — 138
Тонти — 75
Трёльч Э. — 283, 296, 334
Турн А. фон — 118
Турн Н. фон — 117
Турн цу Креуц Г. фон — 118
Туррити Дж. — 550
Тюдор Мария — 368

Уильямс У. — 490–491
Ульрих фон Гуттен — 185
Уордоу Р. — 192
Уццано — 136

Фалькенштейн З. фон — 95
Фан-дер-Лейен Фр. и Г. — 366
Фейербах А. — 255
Фейхтвангер — 240
Фердинанд — 61, 72
Фибоначчио — 177
Фидий — 536
Филина — 256
Филипп — 72
Филипп III — 55, 72
Финкенштейн — 117
Фиркандт А. — 46, 396
Фишер Г. — 24, 72
Флавиньи де — 117
Флетчер оф Салтун — 192
Флойер Дж. — 399
Фома Аквинский — 36–37, 46, 295–298, 300–303, 305–306, 308, 311–312, 316–319, 321, 324–325, 335, 464
Фра Анжелико — 546
Франк Себ. — 185
Франклин — 158
Франклин Б. — 32, 145, 158–159, 164–165, 169, 173, 182, 197–198, 200, 235, 271, 275, 279, 454, 458, 463
Франсуа де ла Рок — 116
Франциск I — 554

- Франциск св. — 256
 Фредегунда — 53
 Фрейданк — 56, 381
 Фрейтаг Г. — 51, 408
 Френсис Д. — 79
 Фриденталь — 527
 Фридрих II — 211
 Фридрих III — 367
 Фридрих Великий — 91, 126
 Фридрих-Вильгельм I — 367
 Фробишер М. — 107
 Фуггер А. — 201
 Фуггер Я. — 201
 Фуггеры — 101, 185
 Фудра де — 117
 Фуке — 181

 Христиансен — 562

 Цейс — 541
 Цитцевиц — 568
 Цицерон — 185, 254, 265, 276,
 280, 379
 Цорн — 66

 Чайльд Дж. — 209
 Чалснер Т. — 105
 Челлини Б. — 554, 585

 Шаро де — 117
 Шато-Рено — 116
 Швинд — 521
 Шевалье — 372, 375, 377
 Шекспир У. — 521
 Шенберг цу — 117

 Abderhalden E. — 461
 Abernethy — 470
 Alberti L. B. — 440-442, 452-456,
 458-459, 462, 464, 466, 472,
 478
 Alidofi A. — 473
 Ambrosius — 466
 Amiot — 441
 Anderson — 447-449, 477

 Шерман — 232
 Шефтсбери — 122
 Шиллен В. — 58
 Шинкель — 559
 Шмидер — 442
 Шон де — 117
 Шрегер Т. О. — 30
 Штанген — 85
 Штольберги — 118
 Штраус О. — 490
 Штридер Я. — 294
 Штроусберг — 219, 438
 Штумм фон — 213
 Шуазель-Гуффье де, герцогиня
 — 119
 Шумахер — 562
 Шюлейн Г. — 557

 Эгг Г. И. фон — 117
 Эдуард VI — 370
 Эзра, Ездра (библ.) — 291, 324
 Эмбер — 181
 Эндель — 562
 Эразм Роттердамский — 57, 105,
 185, 605
 Эрлер — 562
 Эрлих — 527
 Этьен — 156

 Ювенал — 381
 Юдифь (библ.) — 519

 Явелл Х. — 304
 Якоб Симон — 171
 Яков (англ.) — 348

 Antoni Flor.S. — 464
 Applegarth A. C. — 470
 Aschly W. I. — 448
 Aston — 448

 Baird Ch. W. — 473
 Ballagh I. C. — 449
 Barrett W. — 459
 Barrow I. — 470-471

- Barth K. — 442
 Baudrillart — 441
 Baxter — 468-471
 Bayle — 474
 Becher I. I. — 459
 Beck H. — 445, 448
 Beck L. — 473
 Beer A. — 443
 Benjamin von Tudelas R. — 446
 Benoit Ch. — 472
 Berg W. C. I. — 473-477
 Bergk Dr. — 454, 458-459
 Bernardini Sienensis — 467-468
 Bernhardini Sienensis — 464
 Bets W. — 461
 Bezold Fr. V. — 449, 456
 Binning — 469
 Boehm W. — 440
 Boissonade P. — 449
 Bonnafte — 443
 Bostons — 470
 Bothe F. — 450
 Boulainvillier de — 472
 Boyer — 457
 Brakel S. van — 474, 477
 Brambilla J. C. — 456
 Bromley — 456
 Brueckher — 441
 Brückner A. — 473
 Buckle — 456, 458, 469-470
 Bujalti — 473
 Burckhardt J. — 444-445, 452, 456
 Burn I. C. — 475
 Burnest — 470
 Burrish O. — 447, 477
 Byrn I. C. — 473

 Campbell D. — 446, 455, 475
 Camuset — 471
 Cantor N. — 455
 Carnegie A. — 460
 Carnesechi C. — 452
 Caro G. — 447
 Carqueja — 477
 Child J. — 459
 Cicero — 469, 476

 Cilleuls A. de — 448-449
 Clément P. — 449
 Clément P. — 476
 Coelho da Rocha — 477
 Colbert — 449, 457, 476
 Colonne A. de — 449
 Columella — 460, 463-464
 Corbier C. — 448
 Cossard — 476
 Crescensi P. — 456
 Cunningham W. — 446-447, 472-473, 475, 477

 D'Aulnoy — 456
 D'Avenèle — 443
 D'Ancona — 451
 Darmstaedter L. — 478
 D'Avaux — 477
 Davidsohn — 441, 462, 478
 Davilliers — 441
 Defoe Ch. — 464, 477
 Defoe D. — 455
 Depping — 448
 Dobel F. — 445
 Druggen E. Fr. v. — 472
 Dubois I. P. I. — 447

 Ebengreuth L. von — 441
 Eisler R. — 460
 Ellys D. — 450
 Endemann W. — 465
 Ergang K. — 459
 Ersch — 447
 Eschwege von — 456, 478
 Esg D. E. — 207
 Eulenburg F. — 447

 Fagniez G. — 457
 Faries G. — 443
 Fellham O. — 454
 Feuchtwanger L. — 460
 Figuirer L. — 443
 Fischer H. K. — 471
 Fischer Th. A. — 474
 Foedera R. — 448-449
 Ford P. L. — 454

Fox Bourne H. R. — 447, 459
Frahne G. — 473
Franklin B. — 454–456
Frev C. — 441
Freytag G. — 478
Froude H. — 446, 455

Gardiner — 446
Garnier R. M. — 448
Gaylen — 476
Gebhardt U. — 442
Geering Tr. — 449, 473
Genthe H. — 462
Geraud — 440
Geyerstam G. — 448
Gherardi A. — 456
Gianozzo — 452
Gilleuls A. — 448
Gobelins — 451
Godard L. — 459
Goethe — 459
Goldschmid R. — 461
Graff Sternberg K. — 445
Green R. — 478
Grosse H. — 456
Gruber — 447
Guarti C. — 441
Gutzkow K. von — 453

Habler K. — 447, 476
Haecker V. — 461
Hallam H. — 472
Handelmann H. — 446
Hartwig O. — 464
Haynes — 477
Heckel M. v. — 444
Heine H. — 451
Henry IV — 443, 457
Henry VII — 450, 473
Heud W. — 445, 451
Heuk Ed. — 445
Heyd — 447
Hitchcock — 450
Hitzinger P. — 445, 448
Hodermann M. — 460
Hoffman L. — 561

Hughson Sh.C. — 446
Humboldt A. von — 456
Hume Brown T. — 462
Hume D. — 478
Hume P. — 478
Hutcheson — 469–470

Iars — 448
Ilgver C. — 465
Inderwik F. A. — 455

James — 448, 477
Javellus Ch. — 464
Jeffrey R. W. — 449
Jolies L. — 460
Jurieu — 475, 477
Jäger C. L. — 455

Kaepelin P. — 445, 457
Kaplun-Kogan W. W. — 473
Keller Fr. — 465
Keutgen — 440
Klumber I. — 462
Knapp G. — 448
Knox J. — 471
Koehne K. — 440
Kopp H. — 442–443
Koppmann — 440
Kraepelin P. — 476
Kurella H. — 444, 460

Laffe M. — 474
Laffemas — 457
Lamb S. — 454
Lamprecht — 441
Lange B. F. A. von — 446–447
Lapsley G. T. — 448
Laspeyres C. — 447, 459
Lecky W. E. H. — 475
Leti — 474
Levasseur — 441, 449–450, 457,
471–473, 476–477
Lewis G. R. — 445
Lingsheim — 473
Lippmann O. — 461
Livius T. — 462

- Louis XIV — 448
 Louis XV — 448-449
 Lucani — 441
 Lucas de Burgo — 455
 Lucretius — 464

 Macaulay — 446
 Mackintosh J. — 451, 461
 Mammachi M. — 464
 Mancini G. — 442, 452
 Marbault — 443
 Marcotti G. — 451-452, 463
 Maria Theresia — 443
 Mariet — 476
 Martin G. — 448-449
 Martinez de Mata — 456
 Masuccio — 456
 Matthiei F. — 473
 Mauerbrecher M. — 465
 Mercier — 443
 Michael E. — 441
 Michaud — 443
 Mischler P. — 447
 Montaigne M. — 456
 Montesquieu — 460
 Muratori L. L. — 478
 Murr Chr. G. von — 446
 Müller K. — 454
 Müller-Deeke — 462

 Neuburg C. — 445
 Neurath O. — 458, 462
 Neuwied Prinz — 447
 Nicolas B. — 443
 Nordmand Ch. — 457
 Normand Ch. — 443

 Oberbergamt — 448
 Oexmelin A. O. (Esoumeling J.) — 446
 Oschiow Burrish — 447, 477
 Ovidius — 464

 Pacioli L. — 455
 Pandolfini A. — 452
 Paracelsus — 443

 Pariset St. — 473
 Passerini L. — 462
 Pauli C. — 462
 Peetz H. — 440, 445
 Pegolotti — 440
 Petrarca — 469, 475-476
 Petty W. — 472
 Pigeonneau H. — 446-447, 457
 Plate L. — 461
 Pohler I. — 446
 Postlethwayt — 447-448, 460, 477
 Pradel A. du — 443
 Pribam K. — 449
 Pringsheim O. — 475
 Pyle P. — 446

 Rachfahl F. — 460
 Ranke — 443, 456, 472, 476
 Rankey Y. — 476
 Rathenau W. — 460
 Ratzel Y. Fr. — 475
 Reisers Fr. — 440
 Renaudot Th. — 443
 Ribbe Ch. de — 464
 Ricard — 474
 Rockefeller J. D. — 460
 Roscher — 447
 Rothe J. — 442
 Rozenik A. — 449
 Rymer — 448-449

 Sander Cl. — 445
 Sattler C. — 440
 Saunders Th. — 450
 Savary — 445, 454, 457
 Saygnelay — 476
 Sbrik H. V. — 443, 445, 473
 Schannz G. — 473
 Scheler M. — 478
 Schleicher R. — 456
 Schmoller G. — 449, 451, 471
 Schneider M. — 471
 Schulze P. — 474
 Schulze-Gaevernitz V. — 458, 472
 Schurtz H. — 461

- Scott W. — 454
 Selincourt H. de — 446, 448
 Sembrzycki J. — 474
 Semon R. — 461
 Sempere — 456
 Seue E. — 446
 Shadwell Dr. — 472
 Shurtz — 441
 Siegel Ed. — 474
 Siemens W. — 460
 Sieveking H. — 447, 456, 472
 Skene W. F. — 461-462
 Smith G. — 459
 Smyth A. H. — 454
 Sombart W. — 444, 464, 471-473,
 477-478
 Stern W. — 461
 Sternberg — 445
 Stoppelaar I. N. de — 474
 Strieder J. — 464
 Strousberg Dr. — 460, 478
 Sully — 443

 Tamassia N. — 463
 Tannara V. — 442
 Theophilus — 547-548, 555
 Thomas Aquinatis St. — 439, 464-
 467, 470-471

 Thomas Earl of Berkshire — 449
 Tolner — 440
 Toniolo G. — 462
 Troeltsch E. — 465

 Unger F. — 455
 Unwin G. — 448, 450, 459, 471

 Ventura L. — 446
 Vierkandt — 440, 478
 Villicus F. — 456
 Vogelstein H. — 449
 Vogelstein Th. — 458, 475

 Wallot P. — 561
 Weber M. — 463, 471
 Weiss Chr. — 473-475, 477
 Wiedfeld O. — 451, 474
 Wiston-Glynn A. W. — 461
 Wolzogen H. von — 440
 Worms S. — 448

 Xenophon — 460, 463

 Ziegler H. E. — 460
 Zola E. — 449

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. М. Руткевич. Вернер Зомбарт — историк капитализма . . .</i>	5
Предисловие автора	23

БУРЖУА:

Этюды по истории духовного развития современного экономического человека

Введение	27
Глава первая. Дух в хозяйственной жизни	27
Глава вторая. Докапиталистический хозяйственный образ мыслей.	35

Книга первая

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДУХА

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

Предпринимательский дух	49
Глава третья. Жажда золота и денег.	49
Глава четвертая. Различные средства к добыванию денег . .	63
1. Нажива путем насилия.	66
2. Нажива путем волшебства	67
3. Нажива путем использования духовных способно- стей (изобретательности)	71
4. Нажива путем использования денежных средств. . .	77
Глава пятая. Существо предпринимательского духа (48а). . .	85
1. Завоеватель	86
2. Организатор.	87
3. Торговец.	88

Глава шестая. Начатки предприятия	91
1. Военный поход.	92
2. Землевладение.	94
3. Государство	96
4. Церковь	98
Глава седьмая. Основные типы капиталистических предпри- нимателей	99
1. Разбойники	103
2. Феодалы	113
3. Государственные чиновники	122
4. Спекулянты	126
5. Купцы.	133
6. Ремесленники	141
ОТДЕЛ ВТОРОЙ	
Мещанский дух	144
Глава восьмая. Мещанские добродетели	144
1. Святая хозяйственность	146
2. Деловая мораль	166
Глава девятая. Отчетность	169
ОТДЕЛ ТРЕТИЙ	
Национальный расцвет капиталистического духа	174
Глава десятая. Различные возможности его проявления	174
Глава одиннадцатая. Развитие в отдельных странах	176
1. Италия	176
2. Пиренейский полуостров	178
3. Франция	181
4. Германия	185
5. Голландия	188
6. Великобритания	191
7. Соединенные Штаты Америки	194
ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ	
Буржуа прежде и теперь	196
Глава двенадцатая. Буржуа старого стиля	196
Глава тринадцатая. Современный экономический человек	212

Книга вторая

ИСТОЧНИКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ДУХА

Введение	238
Глава четырнадцатая. Постановка проблемы	238
ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ	
Биологические основы	247
Глава пятнадцатая. Буржуазные натуры	247
1. Предпринимательские натуры	250
2. Мещанские натуры	253
Глава шестнадцатая. Предрасположение отдельных народностей	258
ОТДЕЛ ВТОРОЙ	
Нравственные силы	274
Глава семнадцатая. Философия	274
Глава восемнадцатая. Значение религии для человека ранней стадии капитализма	283
1. Католики	283
2. Протестанты	286
3. Евреи	289
Глава девятнадцатая. Католицизм	292
Глава двадцатая. Протестантизм	311
Глава двадцать первая. Иудаизм	323
Глава двадцать вторая. Участие нравственных сил в строительстве капиталистического духа	333
ОТДЕЛ ТРЕТИЙ	
Общественные отношения	344
Глава двадцать третья. Государство	344
Глава двадцать четвертая. Переселения	361
1. Переселения евреев (371)	364
2. Переселения христиан	365
3. Колонизация заморских стран	371
	635

Глава двадцать пятая. Открытие золотых и серебряных при- сков	378
Глава двадцать шестая. Техника	391
Глава двадцать седьмая. Докапиталистическая профессио- нальная деятельность	406
Глава двадцать восьмая. Капитализм сам по себе	414
Заключение	429
Глава двадцать девятая. Взгляд назад и взгляд в будущее ..	429
Примечания	436
Список литературных источников	436

БУДУЩНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

I. Наша задача	481
II. Безвыходное положение евреев (Judennot)	485
III. Ассимиляция	497
IV. Уничтожение или сохранение «вида»	510
V. О еврейском государстве	514
VI. Евреи среди нас	519
VII. Национальное и общечеловеческое	529

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И КУЛЬТУРА

I. Что такое художественная промышленность?	535
II. Хозяйство и художественные промыслы	542
1. Возникновение художественных промыслов	542
2. Монастырские мастерские	545
3. Ремесленная организация художественного производ- ства	551
4. Капитализм и художественные промыслы	558
III. Борьба художника за художественное производство в на- стоящее время	562
1. Борьба с капитализмом	563
2. Борьба с покупателями	568
3. Борьба с техникой	571

IV. Будущность художественных промыслов	575
V. Границы художественной промышленности	595

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примечания	603
Буржуа	603
Примечания В. Зомбарта к его книге «Буржуа»	608
Будущность еврейского народа	617
Художественная промышленность и культура	617
Сочинения В. Зомбарта, переведенные на русский язык . . .	618
Указатель имен	622

Вернер Зомбарт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 3 Т.

Т. 1

*Утверждено к печати
Редколлегией серии Civitas Terrena*

**Редактор издательства О. В. Иванова
Верстка Е. Малышкина**

Подписано к печати 29.03.2005. Формат 60×88 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39.2. Уч.-изд. л. 34.3.
Тип. зак. № 3985

**Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, д. 19.**

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12**